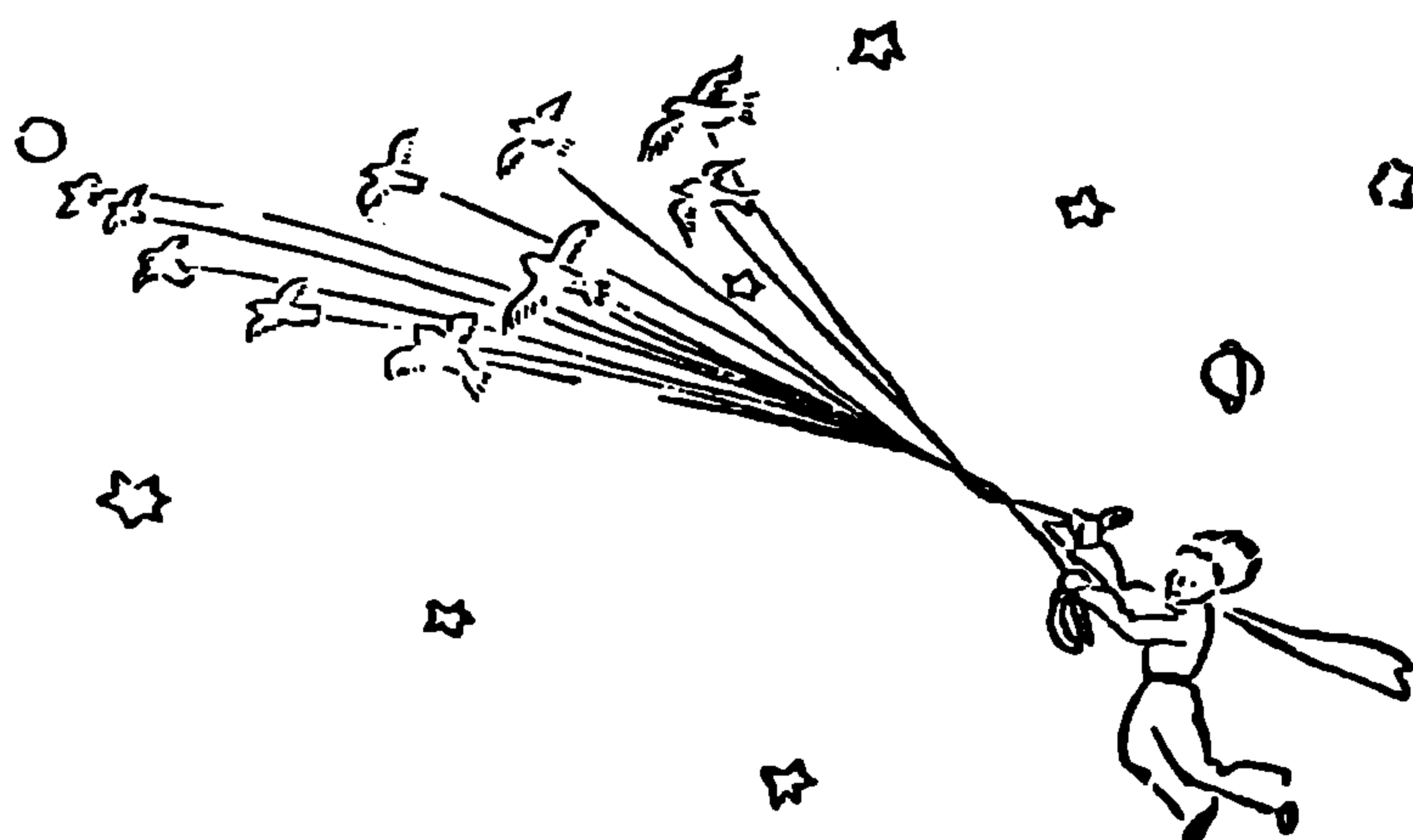

Нора
Галь

Мама
Маленького
Неизвестный архив
Норы Галь
принца

*Неизвестный архив
Норы Галь*

*Нора
Галь*

*Мама
Маленького
принца*

Издательство АСТ
Москва 2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
Н82

Все права защищены.
Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично,
без разрешения правообладателей
будет преследоваться в судебном порядке

*В оформлении обложки использованы рисунки
Антуана де Сент-Экзюпери*

Издательство благодарит Э.Б. Кузьмину
за предоставленные фотографии из личного архива

Галь, Нора.

Н82 Мама Маленького принца / Эдварда Кузьмина, составление,
примечания, предисловие, введения к разделам. — Москва:
Издательство АСТ, 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-17-109757-8

«Мамой Маленького принца» назвал Нору Галь прекрасный актер Евгений Леонов. Перевод мудрой и трогательной сказки Антуана де Сент-Экзюпери стал ее самой известной и любимой работой, настоящей «визитной карточкой». Но, кроме этого, Нора Галь открыла для читателей Советского Союза произведения многих франко- и англоязычных авторов — от Пристли и Камю до Брэдбери и Маккалоу. Эти переводы и сегодня не теряют своей актуальности.

В книге помещены письма читателей со всей страны, статьи, воспоминания коллег и друзей — они помогают нам проникнуть в творческое наследие Нору Галь и оценить ее человеческие качества. Впервые собранные в одной книге, эти свидетельства рисуют живой облик замечательной переводчицы.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-17-109757-8

© Э.Б. Кузьмина, составление, примечания,
предисловие, введения к разделам, 2019
© Ф.А. Вигдорова (наследники), 2019
© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

«НОРА ГАЛЬ ТИХО СВЕРКНЕТ НАМ С НЕБЕС».....	7
БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАСТЕРОВ.....	11
Кто Вы, Нора Галь?	14
БРЭДБЕРИ, ВУЛФ И ДРУГИЕ	21
Продвигая хорошие книги.....	21
Памяти мастеров	46
Любимые фантасты	54
«ТЫ В ОТВЕТЕ...»	72
ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ	99
БЕЗЫМЯННЫЙ СОЮЗНИК:	
Нора Галь — редактор Бориса Пастернака	109
МОЙ ДРУГ БЕСЦЕННЫЙ:	
Фрида Вигдорова	118
«ВЕРТОЛЕТ МЫ, КОНЕЧНО, ДОБУДЕМ»:	
Игорь Воскресенский (1926–1972). Переписка.....	174
НЕРАВНОДУШИЕ.....	215
«МЫ ОДНОЙ КРОВИ...»:	
Коллеги, друзья, единомышленники	222
«ВЫ ТАК ОБОСТРИЛИ МОЙ СЛУХ...»:	
Общение с читателями.....	258
НА СТРАЖЕ ВЫСОКОГО ИСКУССТВА.....	328
Это дело нелегкое	328
Есть дар	345
Из читателей — в друзья	346
«ОДНИ ТОЛЬКО ДЕТИ ЗНАЮТ...»	351
В БОРЬБЕ ЗА СЛОВО:	
Общение с редакторами	372
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ.....	447
ГОЛОСА ДРУЗЕЙ.....	495
Александра Раскина. На первом месте	495
Александр Городницкий. Роскошь человеческого общения.....	507
Владимир Крыжановский. Слово, которое учит, лечит и вдохновляет.	508
Валерий Берестецкий. Тем, кому нужнее	510
Алексей Симонов. Реплика почтительного ученика.....	510

«Мамой Маленького принца» назвал Нору Галь прекрасный актер Евгений Леонов. Своим переводом она подарила нам мудрую и трогательную сказку Антуана де Сент-Экзюпери. Это самая известная и самая любимая ее работа. Ее «визитная карточка».

Но — «не принцем единым...» Нора Галь проработала в литературе более полувека. Она открыла нам великие произведения франко- и англоязычной литератур — от Пристли и Камю до Брэдбери и Маккалоу. Письма читателей со всей страны, статьи, воспоминания коллег и друзей помогают нам проникнуть в творческое наследие Норы Галь и оценить ее человеческие качества.

Эту книгу я задумала вскоре после кончины мамы. И вот — спасибо Издательству «АСТ» — удалось донести ее до людей.

Благодарю за активную помощь дочь Фриды Вигдоровой Александру Раскину и редактора по призванию Татьяну Соколову.

Познакомьтесь с Норой Галь.

Эдварда Кузьмина

«НОРА ГАЛЬ ТИХО СВЕРКНЕТ НАМ С НЕБЕС»

Не странно ли — так начиналась одна из статей о Норе Галь. Часто ли планеты посвящают переводчикам? Кто привел ее на небеса? Конечно же, ее любимое детище — Маленький принц с астероида В-612. Теперь их планетки рядом. Недаром страничка ее воспоминаний, названная «Счастливая судьба переводчика», посвящена именно этой сказке Сент-Экзюпери.

Астроном Крымской обсерватории Тамара Михайловна Смирнова занималась малыми планетами. Одну назвала в честь Войнич, другую — в честь Сент-Экзюпери. И в 1995 году — в честь Норы Галь... Открытие утвердил Институт теоретической астрономии в Санкт-Петербурге, затем Международный астрономический союз. А потом Тамара Михайловна писала мне, что и раньше, читая лекции об астероидах в школах и вузах, иллюстрировала их рисунками планеток Сент-Экса.

А можно ли сказать — счастливая жизнь?

Нора родилась в 1912 году. Значит, детство — это 1914-й. Война. Отец — врач, на фронте ведает лазаретом. Шлет домой открытки с красным крестом и надписью «Из действующей Армии». Потом 1917-й. Революция. Голод, холод. Можно ли назвать такое детство счастливым? Скорее — суровым. Но суровое детство подготовило к суровым испытаниям жизни. Нора кончила школу в 1929 году. Тут-то и ждали ее особые сложности. В первые школьные годы Нора была активной пионеркой. Пионеры тогда были отдельно от школы. И я нахожу в архиве такие неожиданности: Приглашение на общее собрание деткоров, Приглашение на Всесоюзный слет пионеров и даже «Справка» о том, что Нора Галь опоздала в школу из-за очень важных пионерских дел. А ее ранние стихи печатались с 13 лет — в 1925—1927 годах в «Пионерской правде», в журнале «Барабан». В юности ее стихи, созданные под мощным влиянием Блока, оказались совсем не ко двору. В 1935 году, когда Норе исполнилось 23 года, ее «Повесть о друзьях» — о сложном вхождении незаурядной личности в стандартный студенческий коллектив была напечатана в журнале «Молодая гвардия» и там же через

несколько номеров разгромлена обычным приемом — «письмами читателей» — за «интеллигентщину». В то время рабоче-крестьянскому государству дети интеллигенции были не нужны. А за спиной Норы — четыре поколения интеллигенции. Прадед — врач, помогал солдатам прямо на поле боя в Крымскую войну, заслужил почетный «крест на шею» — орден Святого Станислава и Святого Владимира. Его мать приехала в Россию из Австрии, где была первой ученой женщиной-врачом. И отец Норы был врачом, мама — юрист. Совсем неподходящая анкета для того времени. С 1929 года Норе пришлось поступать в вуз 17 раз! Рекорд для книги Гиннесса! Конечно, не 17 лет. Пыталась в МГУ, МГПИ, РИИН — был такой Редакционно-издательский институт. Туда наконец и поступила в 1933 году. Потом его расформировали. Нора перешла в МГПИ. Там встретила Бориса Кузьмина, он стал ее мужем, затем моим папой. Их многое объединяло. Страстная любовь к поэзии, прежде всего к Пастернаку. И дар критика. Оба писали о Байроне. Оба печатали свои статьи в журналах «Литературное обозрение», «Интернациональная литература». Начала Нора очень удачно. Ее первая большая статья в «Интернациональной литературе» о бельгийском классике Франце Элленсе вызвала благодарный отклик маститого бельгийца. А ведь писала мама ее с грудной дочкой пяти месяцев. А сдавать экзамены в аспирантуру я ездила с мамой еще до своего рождения. (Узнала об этом уже без нее из ее дневника обо мне.)

Закончили они вуз в 1937-м. 1937-й не обошел семью. Арестован отец Норы. Ведь он тоже не легко поступил в вуз. Ему пришлось уехать из России. Учился в Берлине и в Бонне. Ему предлагали там и остаться на работу. Он вернулся в Россию, помогал солдатам и в мировую войну, и в Гражданскую. Конечно, для 1937-го — шпион. В ссылку на 10 лет, потом выпустили — и повторный срок. В 1956-м — реабилитация. Чудом не схватили и Нору. Может, спасло то, что отец ушел из семьи, когда Нора была еще девочкой. А может, и свирепые грабли Лубянки гребли не подчистую, оставались еще какие-то колоски на поле. В 1941-м Нора с мужем закончили аспирантуру. Мама защитила кандидатскую диссертацию о творчестве Артюра Рембо. Но напечатать ее не удалось — началась война. Папа погиб в 1943 году. На этом и кончилась ее личная жизнь.

Что оставалось? Работа. После войны работы почти не было. В 1945—1947-м со своей главной подругой Фридой Вигдоровой писала статьи о культуре и педагогике, в основном для «Комсомольской правды». В 1947-м Норе Галь издательство поручило редактировать «Американскую трагедию» Драйзера — старый перевод З. Вершининой. Вершинина умерла в 1942 г., перевод слабый, сокращенный. Норе Галь пришлось практически переписать все заново. Она посмеивалась: «Лучше писать по чистой бумаге». Само издательство поставило ее вторым

переводчиком. И с тех пор к каждому изданию (а их было множество) Нора Галь по своему обыкновению вновь и вновь шлифовала текст. Но и позже с работой было трудно. Давали часто роман на двоих, как она говорила, «в упряжке». Обычно классику — Диккенса, Уэллса, Твена, Брет Гарта, Джека Лондона, Эдгара По. В 1959-м вышел ее перевод «Маленького принца» Сент-Экзюпери. И это переломило ее судьбу.

Теперь она стала признанным мастером. И могла выбирать работу по душе, или, как она говорила, «по руке». А предпочитала Нора Галь переводить тонкую психологическую прозу XX века — «Посторонний» Камю, «Сад радостей земных» Дж. Оутс, «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Корабль дураков» К. Портер, мировой бестселлер «Поющие в терновнике» К. Маккалоу... Работала увлеченно, напряженно. По 12—14 часов в сутки. С самого детства я помню ее с раннего утра до позднего вечера неизменно за письменным столом, за пишущей машинкой (забытое ныне понятие, еще далеко до Интернета). Никаких праздников, Новых годов, прогулок. Выходы из дому — по пальцам пересчитать. В 1944 году мама ведет меня на волшебную «Синюю птицу» во МХАТ. Потрясение! Как сейчас перед глазами спустя столько десятилетий ожившие Молоко и Вода, Пес и Огонь, добрейший Хлеб и лукавый Кот. Грозное Царство Ночи и туманная Страна Воспоминаний. И самые любимые писатели моей юности — он, Метерлинк, с ним Ростан, Уайльд, Ибсен. Конечно, все эти тома в мамином шкафу. В пятом классе мама ведет меня впервые в консерваторию. А потом непременно выходы в театр и на балет по «Маленькому принцу». И чудом кто-то ведет ее на просмотры по «ее книгам» (переведенные становятся родными) — «Убить пересмешника» и «Корабль дураков». В общем, ее девиз — по Брюсову — «Единое счастье — работа». Сколько сделано за полвека! Переведены 25 романов и повестей, более 130 рассказов, 2 пьесы, не считая статей и воспоминаний. Кроме полдюжины тетрадей своих стихов и многих переписанных любимых хранится четверостишие Бориса Слуцкого:

Работаю с неслыханной охотою
Я только потому над переводами,
Что переводы кажутся пехотою,
Взрывающей валы между народами.

Поистине — точный девиз для переводчиков!

Но при этом не на светские развлечения, а на помощь людям она время находила. Всего лишь один учебный год, но какой! — 1944/45 — Нора Галь преподавала на редакционном факультете Московского полиграфического института (МПИ). Вела семинар по зарубежной литературе. Группа небольшая, человек 20. Почти все девочки. Мальчики еще на фронте. Но этот год отозвался у многих надолго. Десятилетиями

бывшие студентки приходили к ней со своими заботами — рабочими, семейными, родительскими. А Рая Облонская из этой группы стала вслед за Фридой Вигдоровой близким другом на всю жизнь. Мама втянула ее и в перевод — вместе перевели «Убить пересмешника» Х. Ли и «Домой возврата нет» Т. Вулфа. И до последних дней Рая много переводила. Другие студентки тоже захотели учиться переводу. Мама с огромным трудом добывала для них рассказы на перевод. Потом они по двое, по трое приходили в нашу комнату, обсуждали, разбирали свои пробы. Это для меня оказалась прекрасная редакторская школа. Наша большая комната шкафами разделена на крохотные закутки. Я — предполагается, что сплю у себя за шкафом и портьерой. Но я, конечно, слушаю. И вот кто-то произносит очередную реплику: «О! О! О! Эд! Эд! Эд!» — я подаю голос: «Да снимите хоть одно «О!». Все равно никто не поверит!» Так «за шкафом» началось мое редакторское образование. Этот институт — МПИ — так же, как и я, чтит святую заповедь — ХРАНИТЬ ПАМЯТЬ. Они выпустили три увесистых тома «Мы из МПИ». И там два выпускника — Рая Облонская и Аркадий Мильчин, позже почтенный «Человек книги» — очень горячо вспоминают о Норе Галь. И для меня уже более четверти века без мамы главное дело — ХРАНИТЬ ПАМЯТЬ.

Эдварда Кузьмина

БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАСТЕРОВ

Перевод художественной прозы, в отличие от поэтического перевода, долгое время оставался бедным родственником в семье литературных профессий. Случались исключения, конечно, но очень часто вплоть до 1930-х годов даже самые важные книги переводились кое-как: сухим скучным языком, нарочитыми неудобными фразами. Таковы были особенности одной из двух школ перевода, так называемых «буквалистов».

Новую школу перевода с английского языка создал в предвоенные годы Иван Александрович Кашкин. Ее мастера стремились глубоко постичь дух и стиль оригинала и затем воссоздать его по-русски, используя всю мощь и все богатство своего родного языка. Переводная книга, верили они, должна быть, в первую очередь, свободной и естественной русской прозой, способной увлекать умы и сердца.

Нора Галь принадлежала ко второму поколению кашкинцев. Она — воспитанница ученицы Кашкина — Веры Максимовны Топер. Благодарность своим старшим коллегам и восхищение их работой Нора Галь пронесла через всю жизнь. В 4-м издании своей книги «Слово живое и мертвое» в 1987 году Нора Галь добавила большой раздел «Поклон мастерам». Каждая его глава — творческий портрет кого-то из кашкинцев, россыпь вдумчивых решений и блестящих находок, благодаря которым и по сей день так близки русскому читателю, так живо говорят с нами Хемингуэй и Киплинг, Бернард Шоу и Голсуорси, Фицджеральд и Джойс... Главы из книги Норы Галь стали настоящим памятником ее старшим товарищам. Даже их названия говорят сами за себя: «Открытие Хемингуэя» — Вера Максимовна Топер. «Многоликость таланта» — Ольга Петровна Холмская. «От миссис Уоррен до Маугли» — Нина Леонидовна Дарузес. «От Джойса до Голсуорси» — Мария Павловна Богословская и Мария Федоровна Лорие. «Свет и сумрак Фицджеральда» — Евгения Давыдовна Калашникова. «Музыка перевода» — Наталья Альбертовна Волжина.

В свою очередь, Мастера приняли Нору Галь в свой круг как достойную наследницу их дела, верную их принципам. Мастера оценили ее талант. Недаром, например, М. Ф. Лорие в 1966 году надписывает ей

книгу Айрис Мердок в своем переводе словами «Дорогой Норе — на строгий суд». Мастера и дали Норе Галь рекомендации для вступления в Союз писателей СССР.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Нору Галь (Э. Я. Гальперину) я знаю с 1942 года, с того времени, когда она начинала работать в области перевода. Уже с первых шагов («Крысолов» Невила Шюта) Нора Галь обнаружила незаурядное литературное дарование. Последующие ее работы показали, что она не только в совершенстве владеет русским литературным языком, не только умеет воспроизвести систему образов и интонацию оригинала, но обладает необходимым для подлинного писателя-переводчика достоинством: умением глубоко проникнуть в замысел автора, вскрыть и в полной мере довести до читателя идейно-художественное содержание переводимого произведения. Так, например, большой заслугой перед советским читателем явилась ее работа над романом Теодора Драйзера «Американская трагедия». Как известно, старый перевод (З. А. Вершининой) был, во-первых, неполным и стилистически далеко не совершенным, и во-вторых, давал неправильное представление об этом самом значительном романе крупнейшего американского реалиста. В новом издании (1948 г.) впервые отчетливо зазвучала чрезвычайно важная для понимания романа мысль Драйзера, а именно: что герой «Американской трагедии» не только маленький человек — жертва капиталистического общества, но и порождение этого общества, убивающего в человеке человеческое.

На том же высоком уровне выполнены и все переводы американских авторов (Драйзер, Дж. Лондон, Говард Фаст, Марк Твен), сделанные Норой Галь.

Нора Галь работает и над переводами с французского. Особенно хочу отметить безукоризненный перевод труднейшей публицистики Арагона из его книги о движении Сопротивления «Человек-коммунист», в котором Нора Галь сумела передать весь пафос, всю горечь и поэтичность книги, сохранив все стилистические оттенки блестящей прозы Арагона.

Горячо рекомендую Нору Галь в члены Союза писателей.

Член ССП В. Тонер

* * *

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Я знаю серьезного литературоведа, талантливое переводчика Н. Я. Галь и по ее интересной работе о французском поэте А. Рембо, и по многочисленным прекрасным переводам с английского и французского языков.

Переводам Н. Я. Галь присущи своеобразие и тонкость настоящего художника, мастера слова, который искусно доносит до читателя все стилевые особенности и свежесть оригинала.

Мне приходилось работать с Н. Я. Галь, когда она была редактором V тома собрания сочинений Драйзера, в котором я переводила роман «Стоик». Я вспоминаю об этой работе как о редком случае содружества переводчика с редактором, который своими вдумчивыми тонкими замечаниями способствует улучшению перевода. Такое содружество возможно лишь тогда, когда редактором является мастер перевода.

«Смок и Малыш», «Сын Волка», «Жемчуг Парлея» Дж. Лондона в переводах Н. Я. Галь передают всю непосредственную живость и яркость повествования этого автора, от которого в старых переводах оставалась только увлекательность фабулы. Такой сложный автор, как Арагон, с его неуловимой игрой тонких ассоциаций и глубоко скрытым подтекстом в блестящем переводе Н. Я. Галь сохраняет всю гамму красок и все богатство оттенков этой многогранной художественной ткани.

Горячо рекомендую Н. Я. Галь в члены Союза писателей.

12 янв. 1957 М. Богословская

* * *

РЕКОМЕНДАЦИЯ

С Норой Яковлевной Галь мы, московские переводчики и члены ССП, работаем совместно не менее 20 лет — и в Гослитиздате, и в журнале «Иностранная лит-ра», прежде «Интернациональная лит-ра».

Как могло случиться, что этот талантливый писатель-переводчик и вдумчивый, по-настоящему творческий редактор, зачастую переписывающий заново переводы, порученные ему Гослитом, что под силу далеко не каждому редактору, — как могло случиться, что Н. Я. Галь до сих пор не принята в Союз писателей?

Объясняю это, главным образом, недосмотром со стороны общественности и руководства Московской секции переводчиков, отчасти излишней скромностью самой Н. Я. Галь.

Мы знаем ее как критика, и как переводчика, и как редактора — и всегда она, к сожалению, занимает второй план, хотя важность работы, ею выполняемой, заслуживает иного, более внимательного отношения. Давно пора оценить ее заслуги перед советской переводной литерату-

рой, в особенности ее работу с молодыми кадрами переводчиков, и исправив нашу общую ошибку, принять Н. Я. Галь в Союз писателей.

Н. Дарузес

Член ССП с 1939 г. чл. бил. № 4275

КТО ВЫ, НОРА ГАЛЬ?

Э. Я. Гальпериной.

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

Вам пишет научный сотрудник Архива А. М. Горького при институте мировой литературы АН СССР. Во «вне рабочее время» я собираю материалы для дополнительного тома известного «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масанова. Последнее, четырехтомное, издание этого уникального «Словаря» вышло в 1960 году.

В «Справочнике СП СССР на 1976 год» указан Ваш псевдоним — Нора Галь.

В этой связи разрешите мне задать Вам два вопроса:

1. Когда, в каких изданиях Вы печатались под этим псевдонимом?
2. Пользовались ли Вы и другими псевдонимами? Если да, то какими, когда, в каких изданиях?

На «тайну псевдонима» я не посягаю, и второй мой вопрос можно оставить без внимания.

Наиболее трудно для «Словаря» собрать материалы, публиковавшиеся под псевдонимами в периодике (газеты, журналы, сборники). И я очень просил бы Вас не только перечислить периодические издания, в которых Вы публиковались под псевдонимом (псевдонимами?), но и указать соответствующие номера этих изданий. Если на протяжении года в одном периодическом издании и под одним псевдонимом было помещено несколько Ваших публикаций, достаточно указать только год. Более точные библиографические сведения не обязательны.

Еще я очень был бы Вам признателен за автобиографическую справку. Форма ее произвольна, но в справке обязательно надо назвать полную (год, месяц, число) дату и место Вашего рождения. Это необходимо для «Словаря псевдонимов».

С прошлого года я пересылаю свои материалы по псевдонимам Степану Яковлевичу Черных, который завершает подготовку пятого (дополнительного) тома «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масанова. С. Я. Черных живет в Нижнем Тагиле, и нам трудно во всем согласовать наши поиски псевдонимов. Поэтому прошу извинить меня, если С. Я. Черных уже обращался к Вам с вопросами о Вашем псевдониме. Я этого не знаю.

Во всяком случае собранная мною коллекция автобиографий современных советских писателей (довольно большая) будет передана мною в государственный архив.

Прошу ответить мне по адресу: 121069. Москва, Г-69, ул. Воровского, 25/а. Институт мировой литературы АН СССР, Архив А. М. Горького. Чувакову Вадиму Никитичу.

С глубоким уважением!

11 апреля 1978 г.

* * *

Уважаемый Вадим Никитич!

Прошу извинить, что отвечаю не сразу, очень много работы.

Родилась в Одессе 27 апреля 1912, но всю жизнь живу в Москве. В 1937 г. окончила Литфак Мос. Гос. Пединститута им. Ленина, в январе 1941 — аспирантуру там же (кафедра западной лит-ры, диссертация — «Артюр Рембо. Судьба художника»). С 1960 — член Союза писателей.

«Нора Галь», по сути, не псевдоним, просто сокращение: конец паспортного имени и начало фамилии. Так меня зовут и в быту, полное имя и фамилию я вспоминаю лишь в официальных случаях. Вы, наверно, знаете, как было в 20-х гг.: Викниксор в «Республике ШКИД», Никпетож в «Дневнике Кости Рябцева». В Сокольнической Лесной школе зимой 1923/24 меня прозвали Норгаль (в одно слово), так я подписывала потом стихи в стенгазетах, с 1925 по 1928 — в «Барабане» и «Пионерской правде». В 1930/32 работала внештатно в одном сугобо деловом и скучном ведомственном журнале, печаталась под разными другими именами, так как иногда шли 2—3 материала в один номер, но это уже неважно и к литературе не относится.

В 1934 написала несколько пионерских песен, две печатались в сборниках Музгиза, отмечены на конкурсах, одна из них (частушка «Про Петю», муз. Д. Б. Кабалевского) переиздается до сих пор, долго служила зачином детской радиопередачи, еще одна тогда же или годом-двумя позже напечатана, помнится, в «Затейнике».

Вот тогда я и разделила школьную кличку, подписалась Нора Галь; так же подписаны потом какие-то стихи в «Смене», студенческая повесть в журн. «Молодая гвардия» (1935).

С 1936 я печаталась уже как критик, но подпись осталась — Нора (или Н.) Галь, так как и в литературоведении и (позже) в переводе у меня были старшие однофамилицы и ни им, ни мне не хотелось путаницы.

Печаталась в довоенном «Лит. обозрении» (1936—40), «Интернациональной лит-ре» (1938—42), в мае 1941 была статья о романе Ю. Крымова в «Правде». Из тех работ упомяну статью о замечательном

бельгийце Фр. Элленсе («Интер. лит.» 6, 1938), главу из диссертации «А. Рембо и его критики» (там же, 1, 1940), «Переход Байрона к реализму» (о «Дон Жуане», «Ученые записки МГПИ им. Ленина», 1941). Были какие-то статьи в «Знамени» в 1944, в «Литгазете» в 1947. В 40—50-х гг. в «Комсомолке», «Пионер. правде» и «Пионере» вдвоем с ныне покойной Ф. Вигдоровой писала о детской литературе, о школе и воспитании; тут либо стояли обе подписи, либо наш общий псевдоним «В. Гальченко» (иногда — учитель В. Гальченко: Ф. Вигдорова и до вуза, где мы вместе учились, и после него, еще до прихода в газету и до своих книг, преподавала в школе). Псевдоним получился не из наших инициалов и фамилий, а взят в честь одного из героев А. С. Макаренко Вани Гальченко — милого пацана, любимца Фриды Вигдоровой (как известно, она — автор трилогии о другом воспитаннике Макаренко — Семене Карабанове из «Педагогической поэмы»).

Позже я от критики и литературоведения отошла, были только статьи в «Комс. правде» о «Трех товарищах» Ремарка («Чувство товарищества» (кажется, (20.1) янв. 1959), о Сэлинджере «Над пропастью» (дек. 1960), две странички об Элленсе — в бельгийском сборнике, посвященном его 90-летию (по просьбе редакции, Bruxelles, 1971), статья о Сент-Экзюпери (Oeuvres et Opinions 1975, «Под звездой Сент-Экса») да еще краткое послесловие к отдельным изд. «Маленького принца».

Переводом заниматься начала с «Американской трагедии» Драйзера (совместно с давно покойной З. Вершининой, 1-е изд. — 1948, переиздается поныне, каждый раз, как и другие работы, пересматриваю и правлю). Все работы перечислять трудно и бессмысленно. Был и еще Драйзер, М. Твен («Позолоченный век»), Дж. Лондон («Смок и Малыш», рассказы), Диккенс («Очерки Боза», «Одержимый»), Уэллс («Пища богов»), рассказы Брет Гарта, Э. По, С. Моэма, О'Генри, Оутс и др. — в собраниях сочинений, в разных сборниках английских и американских рассказов; перевела повесть Э. Войнич «Джек Реймонд» (1962 и 1975), роман Олдингтона «Смерть героя» (1961 и 1976), вместе с Н. Тренивой — «Несчастный случай» Декстера Мастерса (к сожалению, только в журн. «Иностр. лит-ра», 1957), с Р. Облонской — «Убить пересмешника...» Харпер Ли (1963 — журн. «Ин. лит», 1964 — «Мол. гвардия» и «Роман-газета»), роман «Сад радостей земных» американки Дж. К. Оутс («Прогресс», 1973), «Домой возврата нет» Томаса Вулфа (1977, «Худож. лит-ра») и др. Недавно перевела известный роман К. Э. Портер «Корабль дураков» (выйдет в изд. «Худ. лит-ра»).

Переводила немало хорошей, на мой взгляд, фантастики — в журн. «Вокруг света», 1965—72 и «Химия и жизнь», 1968—69, в т. ч. «Планерята» У. Гвина и «Крылья ночи» Лестера дель Рея; в альманахе НФ («Знание», 1967 и 1976) — «Сестра Земли» П. Андерсона и «Недуг» У. Тенна (последний впервые — в журн. «Иностр. лит-ра», 1961) и пр. Среди про-

чего — роман Кл. Саймака «Все живое» («Мир», 1968) и его рассказы «Разведка» («Наш современник», 1970) и «Дом обновленных», рассказы Рэя Брэдбери. Тут, к сожалению, дважды по вине издательств вышла путаница с подписями: в т. III «Биб-ки соврем. фантастики» («Мол. гвардия») не указано, что роман «451° по Фаренгейту» перевела Т. Шинкарь, а 16 рассказов — я, получилась солидарная ответственность; в сб. «Р — значит ракета» («Детская лит-ра», 1973) мне и Э. Кабалевской приписаны чужие работы: Э. Кабалевская перевела рассказы «Машина времени» и «Звук бегущих ног», я — «Конец начальной поры», «Ракета» и «Дракон», остальные 13 переводов принадлежат составителю — и это нигде не оговорено! Рассказ Брэдбери «Здравствуй и прощай» в моем пер. — «Неделя», авг. 1966; он же и еще два — сб. «Вино из одуванчиков» («Мир», 1967); еще три — в сб. рассказов Р. Брэдбери («Мол. гвардия», 1975), один из них («О скитаньях вечных и о Земле») впервые — в «Литгазете» под названием «Год ракеты» (июнь или июль 1968), другой («Машина до Килиманджаро») впервые в журн. «Юный техник», 1974.

Из переводов с французского упомяну рассказы в двухтомнике «Франц. новелла XX в.» («Худож. лит-ра», 1973 и 1976); «Хозяин дома» Ф. Нурирье (сб. «Франц. повести», «Мол. гвардия», 1972); «Посторонний» Альбера Камю (только в журн. «Иностр. лит-ра», IX-1968); несколько новелл Ф. Элленса (сб. «Рассказы бельгийских писателей», 1968 и «Вокруг света», 1969). И главное для меня — Сент-Экзюпери: «Маленький принц» (впервые журн. «Москва», 1959), «Планета людей» (однотомник «Сочинения», изд. «Худ. лит-ра», 1964) и «Письмо заложнику» (сб. «С Францией в сердце», 1973). Было много изданий, всегда пересматриваю и правлю тексты (если только изд-во не дает книгу без спроса и моего ведома, так, увы, бывало!). В отдельной книжке «Планета людей» («Мол. гвардия», 1970) есть еще и воспоминания о Сент-Эксе его сестры, друзей, соратников; часть их публиковалась и в периодике («Литгазета», 6.VIII-69 и июль 1970, «Моск. комсомолец» и «Семья и школа» летом 1970).

В 1972 и 1975 гг. в изд. «Книга» выходила моя книжка «Слово живое и мертвое» (из опыта переводчика и редактора), отрывки из нее печатались в «Науке и жизни» (1973, 8 и 10, 1975, 2 и 6).

Кажется, ответила на все даже слишком подробно и притом сбивчиво — прошу извинить: пишу после долгого и трудного рабочего дня, голова, признаться, забита другим, а за 30 с лишком лет переводческой работы (не считая всякой другой) набралось столько всего, не упомнишь.

Очень хотелось бы впоследствии «поймать» Ваш дополнительный том, это труд интереснейший и очень полезный!

Всего Вам доброго!

29 апр. 78.
Нора Галь

С уважением -

Р. С. Вспомнила еще: в «Биб-ке соврем. фантастики», т. 16, и «Лит. России» (февр. или март 1969) — рассказ Шекли «Страж-птица»; в «Новом мире» (нач. 1962) и в библиотечке «Огонька» (весна 1963) — «В ялике» Сэлинджера; его же «И эти губы, и глаза зеленые...» — «Неделя», весной 1962; летом 1963 — Р. Боуэн, «Дом поодаль от дороги» («Ровесник»), «Победоносный рецепт» М. Клингермен — «Юный техник», 1972 (скоро выйдет также в сб. «Пять зеленых лун», изд. «Мир»). Да, в конце 1955 — отличный рассказ... Г. Фаста, не к ночи будь помянут! — «Выводок» (журн. «Пионер»).

Из сборников «Мира» помню еще «Пиршество демонов» (1968, мой пер. — «Что, если» Азимова); «Музы в век звездолетов» (1969 — «О скитаньях вечных...» Р. Брэдбери); «Звезды зовут» (1969) — «Этические уравнения» М. Лейнстера и «Искусники планеты Ксанаду» Т. Старджона; его же «Ракета Мяуса» — в сб. «Огненный цикл» (1970); Азимов, «Мой сын — физик» и Плектей — «Не нашей работы» — сб. «Нежданно-негаданно» (1973).

Был еще «Последний изгнанник» Дж. Олдриджа (вместе с Р. Облонской, 1963), публицистика Арагона времен Сопротивления (собр. соч. т. 11, 1961), всего не вспомню.

НОРА ГАЛЬ О СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ В ЕЕ И НАШЕЙ ЖИЗНИ

1. СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА ПЕРЕВОДЧИКА

Первая встреча — 1939 — сразу после выхода — «Планета людей». Стать переводчиком — не помышляла еще, рецензия осталась не напечатанной — вторжение Гитлера во Францию.

Через 20 лет — «Принц» — сперва для себя.

2. КАК «ПРИНЦ» ВОШЕЛ В НАШУ ЖИЗНЬ — за 15 лет — разные воплощения.

Чуть не каждый день — упоминания, цитаты в газетах со ссылками и как само собой разумеющееся (напр. Комс. правда) — у самых разных людей и в разных поворотах

(Жалко, что не собирала, м. б., кто-то где-то и надумал?!)

Десятиклассник прилюдно признается, что плакал, — и двое очень разных, прошедших войну взрослых мужчин говорили то же.

Сочинения школьников разных классов. Шестиклассник — из сочинения (Экз. был добрый и пр.).

Юбилей Коккинаки — в интервью поминает С-Экса.

Космонавт — С-Э в числе «конечно, самых любимых писателей, как для всех летчиков».

Социолог и философ — дважды ссылка на С-Э в статье о дружбе.

Разные воплощения — отличный, интересный спектакль в Драмтеатре им. Станиславского, хоть и очень спорный.

Кукольный спектакль при Доме пионеров лет 5—6 назад — даже премию получили на смотре, увлеклись очень.

Не знаю, что состоялось — но была когда-то речь о балете, об опере (чуть ли не в Одессе), приезжала девушка — режиссер самодеятельности с Уралмаша.

В Англии готовят мюзикл (ставят в Тунисе) — но, как с нашим фильмом, боюсь маленьких актеров, пусть самых обаятельных — им, по-моему, не поднять и философию, и лирику.

А вот много лет назад приезжал румынский кукольный театр (вернее, марионетки) — очень интересно было: живой летчик и кукла-принц, одна сцена (идут в пустыне) — у нас хлопали всякий раз, очень сильно было!

И думается, как странно, что нет у нас мультфильма, а м. б., вышло бы преинтересно — мульт плюс живой летчик?? М. б., еще повезет?

3. ПРОДОЛЖЕНИЕ переводческой судьбы.

Не могла отказаться, когда предложили перевести заново ПЛАНЕТУ, хотя по 2-му заходу всегда трудней и ответственной. Но, думается, есть «резон» — стереоскопическое зрение для читателя, разные понимания, разные стороны высвечиваются.

Только переводя, поняла, как связаны ПРИНЦ и ПЛАНЕТА (даже песок в пустыне — в Принце — мед, в Планете — розовый), как пронизывают те же образы и мысли, ключевые слова — те же УЗЫ, маленький Моцарт и многое еще. Счастье — делать это единое, глубже видно. То же право на «стереоскопию» — когда предложили ПИСЬМО ЗАЛОЖНИКУ, ДВАЖДЫ знакомое читателю — и еще трудней и ответственной, и там — те же связи и образы — в сб. С ФРАНЦИЕЙ В СЕРДЦЕ.

4. Но и до ПИСЬМА еще раз повезло — ЗЕЛЕНАЯ КНИЖКА! Была заказана редакцией для подростков¹, «специфика». Из сделанных 9-ти листов пошло ШЕСТЬ. Но прочитано множество книг.

ИНТЕРЕСНО БЫЛО ЧИТАТЬ ради книги — и ОТБИРАТЬ, СОПОСТАВЛЯТЬ, кто каким видел С/Экса.

Спорили — и о крупном, о гибели, и по мелочам. О настроении последних лет. Даже — рассеянный или отличный был летчик!

¹ —

Принцип отбора — ПЯТЬ ОБЛИКОВ, как у Пелисье, причем первые два — писатель и летчик — нам больше известны, отчасти и человек, хотя тут много разного.

И менее известно — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ (ученый, математик! Это очень серьезно в нем). И — ЧАРОДЕЙ, КУДЕСНИК, причем за карточными и иными фокусами скрывался тоже кудесник иного рода, тонкий ПСИХОЛОГ, который потому и угадывал, предвидел реакцию или выбор, что ПОНИМАЛ взрослых и детей и умел ПРИРУЧАТЬ.

Эдварда Кузьмина

БРЭДБЕРИ, ВУЛФ И ДРУГИЕ

ПРОДВИГАЯ ХОРОШИЕ КНИГИ

Глядя на мамины заявки издателям, понимаешь, сколь убедительно и содержательно она ратует за свои переводы особенно важных для нее и сложных авторов — Н. Шюта, Т. Вулфа, Д. Мастерса — и даже просит издателей пожертвовать изданиями Драйзера во имя публикации иных переводов. Ей всегда был важен не просто гонорар (а ее переводы Драйзера приносили немалые гонорары!), а суть. И эти заявки — яркие ее статьи как критика.

*Главному редактору Гослитиздата
А. И. Пузикову*

Уважаемый Александр Иванович!

Н. К. Тренева и я предлагаем Гослитиздату издать роман Декстера Мастерса «Несчастный случай», напечатанный в 1957 г. в №№ 4—6 журнала «Иностранная литература» (текст передан нами сейчас в редакцию Западной литературы). О романе тогда подробно писал в «Новом мире» Д. Данин¹. Отдельно роман издан не был. За все эти годы мы не заговаривали о его издании. Но теперь считаем необходимым и своевременным напомнить об этой книге.

Сейчас, в связи с достигнутым недавно соглашением о частичном запрещении атомных испытаний, в связи со все усиливающейся борьбой за окончательное и полное запрещение ядерного оружия во имя самой жизни человечества, роман Мастерса становится вдвойне злободневен. Чрезвычайно важен и поднятый в нем вопрос о месте и позиции ученого, о его ответственности перед людьми. Правда этой книги подчас горька и сурова. Но Мастерс справедливо и человечно говорит

и о возможности овладеть «мирным атомом», о том, что лишь работа в этом направлении может дать ученому подлинное удовлетворение. Книга эта — талантливая, сильная и нужная.

Думается, Гослитиздату следовало бы включить эту книгу в план издания, скажем, в серии «Зарубежный роман XX века».

Хотелось бы знать Ваше мнение по этому поводу.

Всего доброго

Н. Галь

9.XI-63

* * *

В издательство «Молодая гвардия»

Предлагаем включить в план Издательства роман Р. Олдингтона «Непрошенный гость».

Роман этот — один из наиболее значительных в творчестве Олдингтона — стоит в одном ряду с «Все люди враги» и «Смертью героя», которую, по существу, продолжает. Дэвид Норрис вполне мог бы быть сыном Джорджа Уинтерборна. Это книга о судьбе поколения, следующего за «погибшим», о судьбе тех, что родились в годы Первой мировой войны и, едва став двадцатилетними, оказались лицом к лицу с новой мировой катастрофой. Роман вышел в сентябре 1939 года, последние страницы его относятся к осени 1938-го — к дням Мюнхена. Как и Джордж Уинтерборн, Дэвид Норрис часто наивен и плохо разбирается в происходящем. Как и прежде (в стихах и прозе), Олдингтон сочувственно говорит о стремлении отдельного человека к маленькому простому счастью, к миру любви и красоты. В этот «кристальный мир», на фантастический остров Эа и раньше пытались бежать его герои от жестокой и отвратительной буржуазной действительности. Действительность эту он и здесь рисует самыми беспощадными красками, а «кристальный мир» окутывает поначалу розовой дымкой.

Но сила этого романа еще и в том, что Олдингтон трезво показывает: бежать некуда и нельзя, показывает, быть может, даже наперекор самому себе.

Судьба Дэвида искалечена уже тем, что он «незаконнорожденный», его отец погиб в 1915 году, не успев обвенчаться с его будущей матерью. Но не только поэтому он — отвергнутый, нежеланный гость на сомнительном пиру жизни. Он еще и «старомоден», не приспособлен к этой жизни, потому что честен, порядочен, верит в труд, в науку, в поэзию, красоту и любовь. Но сначала его едва не убило «рабство нищеты» — полуголодное существование и работа сверх сил, а ведь это удел отнюдь не одних «незаконнорожденных». Потом случай перебросил его в стан богатых — но это оказалось лишь другой формой рабства. Появились

деньги, но стало еще меньше свободы для мысли и чувства, еще больше ханжества, лжи и жестокости вокруг.

В романе «Все люди враги» влюбленные все же обрели счастье на острове Эа. Сходная идиллия в «Непрошеном госте» обрывается быстро и безжалостно. Под розовой дымкой обнаруживается душевная сухость и корыстный расчет. Нельзя убежать от власти чистогана, от волчьих законов, от цинизма торжествующего буржуа. И пусть один прожженный циник даже с известным добродушием отнесется к молодому неудачнику, пусть архаический дедушка на время благодетельствует незаконного внука — все это ненадолго, все это «липа», и новоявленный лорд Фаунтлерой¹ вполне закономерно оказывается у разбитого корыта.

Нельзя убежать от законов общества, от истории, от войны. Читателю ясно: после мюнхенской «передышки» Дэвид разделит судьбу своего поколения — тех, кого предали чемберлены, как преданы были поколением раньше Джордж Уинтерборн и его сверстники.

Дэвид не очень понимает, почему и зачем война. Он — не из той думающей, передовой молодежи, что уезжала в республиканскую Испанию сражаться с фашизмом. Он не дорос до того, чтобы воевать за свободу и счастье всего человечества, он «только» сам хочет простого человеческого счастья. Но автор-то уже знает: оно невозможно там, где кто-то ради военных акций и прибылей готовит новому поколению участь пушечного мяса. И хотя в 1938 г. не только Дэвид Норрис, но и его создатель все еще плохо понимал, как с этой окаянной системой бороться и как ее изменить, однако бесчеловечность и несправедливость ее он показал без прикрас. И показал также, что, пока существует эта система, порождающая чемберленов и гитлеров, простодушный искатель своего единоличного счастья останется лишь обреченным непрошеным гостем, и не будет ему спасения ни на каких сказочных обетованных островах.

Книга эта не только продолжает лучший роман Олдингтона «Смерть героя», но и опровергает иллюзии, выразившиеся в финале романа «Все люди враги», она полемизирует (хотел или не хотел этого сам автор) с теорией «кристального мира» и острова Эа, с надеждой на маленькое отдельное счастье вдали от людей.

Это книга проблемная, книга большого человеческого и социального обобщения, безусловно — одна из самых значительных книг Олдингтона. Она несомненно заслуживает того, чтобы познакомить с нею советского читателя, а в особенности — читателя молодого.

Если «Непрошенный гость» будет включен в план Вашего издательства, перевод просим поручить нам.

Объем романа — около 16 печатных листов.

Н. Галь

Р. Облонская

¹ Благодетельствованный дедом малыш из книги Ф. Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой».

* * *

В «Новый мир»

«Домой возврата нет» — книга Томаса Вулфа, одного из самых крупных писателей Америки (1900—1938).

Построен роман так, что из него вполне можно сделать журнальный вариант (мы имеем в виду объем).

В 1976 году — двухсотлетие Америки, и, думается, появление такой значительной книги на страницах «Нового мира» было бы очень уместно. В издательстве «Художественная литература» она выйдет в 1977 г.

С уважением

Н. Галь

Р. Облонская

25.VII-75

* * *

Уважаемые товарищи!

Предлагаем вашей редакции издать роман Томаса Вулфа «Домой возврата нет».

Книга эта многоплановая. Это и страстное, глубокое, лирико-философское раскрытие судьбы художника в современной Вулфу Америке, раздираемой противоречиями в канун и в пору кризисных тридцатых годов. И беспощадное изображение и осмысление двух Америк — имущей и неимущей. И с болью, с горечью обнаженное перед читателем лицо гитлеровской Германии, открывшееся автору и герою в 1936 году.

Эта серьезная и талантливая книга написана необыкновенно увлекательно, с глубоким проникновением в жизнь и характеры самых разных людей.

Роман выходил в русском переводе дважды — в 1977 г. в издательстве «Художественная литература» (тираж 150 тыс. экз.) и в серии «Библиотека литературы США» в 1982 г. (тираж 100 тыс. экз.), оба издания разошлись мгновенно. Но этот лучший, наиболее зрелый и значительный роман одного из крупнейших американских писателей нашего века, безусловно, заслуживает того, чтобы стать достоянием самого широкого читателя.

Н. Галь

Р. Облонская

10.VI-86

* * *

«Домой возврата нет» — последний, изданный посмертно роман одного из крупнейших писателей Америки XX века — Томаса Вулфа. Эта

его книга, самая зрелая из всего им написанного и остро современная по своей проблематике, принадлежит к числу значительнейших социально-критических антифашистских романов, созданных литературой США в период ее расцвета, мастерство Вулфа — художника достигает здесь вершины. Герой романа — образ во многом автобиографический. Это молодой писатель, который не находит себе места в тогдашней Америке с ее разительными контрастами роскоши и нищеты, но притом с тревогой и ужасом наблюдает набирающий силы в Германии фашизм.

Пронизанное раздумьями и тонкой психологической наблюдательностью, письмо Томаса Вулфа в то же время до осязаемости реалистично, краски яркие, насыщенные, образы необычайно живы.

Н. Галь
Р. Облонская

* * *

НЕВИЛ ШЮТ — «НА БЕРЕГУ»

Почти четверть века назад, весной 1943 года мне впервые попала в руки книга Невилла Шюта. Называлась она «Крысолов», речь в ней шла о старике-англичанине, который во Франции в дни гитлеровского вторжения оказался в роли крысолова из знаменитой легенды, вернее, «крысолова наоборот» — увел от смерти, от обстрела, голода и гибели нескольких детишек разных национальностей. Книга была умная и человечная, меня подкупила мужественная и сдержанная интонация автора, чуждая всякой истерике и сентиментальности, — подкупила настолько, что я даже перевела эту книгу, перевела, в сущности, для себя — надежды напечатать ее в ту пору, конечно, было мало. Так повесть Шюта и заманила меня, как говорится, на стезю переводческой работы.

Все это не случайно вспомнилось мне сейчас, когда я — тоже не впервые — держу в руках другую, более позднюю книгу Н. Шюта «На берегу». Содержание ее у нас более или менее известно: несколько лет назад во время одного из фестивалей зарубежных фильмов у нас была показана картина, сделанная по этому роману, о ней писала, помнится, «Литературная газета». Действие происходит в Австралии вскоре после третьей и последней мировой войны, которую автор относит к 1961 году (книга издана в 1957-м). Война эта длилась всего около месяца, но после нее все Северное полушарие отравлено радиацией и вымерло; жизнь еще уцелела в Южном полушарии, но воздушные течения постепенно несут смерть и сюда. Человечество обречено, сроки его окончательной гибели вычислены довольно точно: до нее в начале романа остаются месяцы, а в конце — немногие дни и часы.

О «конце света» в результате мировой войны писали и до, и кроме Н. Шюта. Таких романов-предостережений на Западе немало. Одни ав-

торы убеждены, что гибель человечества неизбежна, другие стремятся ее остановить и пишут не затем только, чтобы напугать, но чтобы взбудоражить: посмотрите, люди, что вас ждет! Опомнитесь, пока не поздно! Делают это все по-разному, в меру своего таланта и своего гуманизма. Книга Н. Шюта, на мой взгляд, одна из самых сильных и достойных внимания в этом ряду «романов-предостережений» именно потому, что автор показал себя подлинным гуманистом и подлинным художником.

Невил Шют, как Хемингуэй, чужд смакованию страхов, жестокостей, ему не свойственны истерические выкрики. Перед ним проходят судьбы разных людей — здесь молодые и старики, американцы и австралийцы, военные и глубоко штатские, ученый, фермер, молодая мать, мать-старуха, молодая девушка... Последняя подводная лодка идет в смертельно опасный рейс на север, чтобы удостовериться, что там не осталось жизни, а таинственные радиосигналы, доходящие в Австралию, — случайность. А в свободные дни на берегу командир помогает знакомой фермерской семье в поле, потому что самая черная работа отрадна ему, а безделье и бесплодная тоска глубоко чужды. Люди возделывают землю, сажают цветы и деревья, зная, что уже не увидят ни цветения, ни плодов. Одни с самого начала трезво смотрят в лицо надвигающейся гибели, другие не верят в нее, третьи не хотят верить, сознательно закрывают глаза. Все ведут себя по-разному. Но в конечном счете все остаются людьми.

Достоинство человека, а не распад личности, забота прежде всего о других, а не о себе, стремление что-то делать, а не предаваться праздности и отчаянию, исполнять свой долг, как каждый его понимает, до последнего часа, вот что свойственно всем героям этой книги.

Но как бы ни была сильна такая книга, она, быть может, не заслуживала бы внимания, будь она только похоронным плачем о неминуемой гибели человечества в пожаре грядущей войны.

Шют отнюдь не марксист, о причинах войны и о возможностях ее предотвращения он говорит не нашим языком, с нашей точки зрения есть у него и неясные, и спорные места (кстати, их очень мало, и не они здесь на первом плане). Но основная мысль его предельно проста: холодная война опасна. Накопление оружия, особенно ядерного, всеми странами, большими и малыми — опасно. Какая-то мелочь, ошибка, недоразумение, мелкий второстепенный конфликт могут оказаться той самой искрой, которая взорвет весь мир.

В книге война — уже прошлое. Первые бомбы были почти случайны, но началась цепная реакция, американцы и англичане, уверенные, что эти первые бомбы — русские, «в ответ» бомбили советские города. Естественно, последовал ответный удар. Быстро оказалось, что «Россию бомбили по ошибке» (на стр. 68 об этом с ужасом узнает один из главных героев, когда идет единственный большой разговор о том, что же

произошло). Если столица и правительство твоей страны взлетели на воздух и принимать решение должен в считанные минуты какой-нибудь майор или лейтенант, оставшийся на ролях старшего по чину, катастрофу уже не остановить. Тут некогда думать, выяснять, проверять, кто виноват — и никто не остановится, пока не израсходует весь запас термоядерного оружия. А потом уже поздно сожалеть об ошибках. И ошибки стоят жизни не только виновникам, даже не только тем странам, где жили виновники, но — всему живому на Земле!

«— Но мы здесь, в Австралии, мы ведь были ни при чем?» — говорит одна из героинь книги мужу, когда оба они и их годовалая дочка уже поражены лучевой болезнью и остается только одно — принять цианистый калий, чтобы умереть всем в один час и без лишних мучений.

— Мы оказали Англии моральную поддержку, — отвечает муж. — Ни на что другое у нас, пожалуй, не было времени.

— И никто не мог все это остановить?

— Не знаю. Есть такие виды глупости и безумия, которые не остановишь. Если несколько сот миллионов людей вообразят, что во имя чести нации они должны забросать соседей ядерными бомбами, тут мы с тобой мало что можем поделать. Быть может, надо было учить и воспитывать людей по-другому, чтобы они были умнее. Надо было что-то делать с газетами. А мы не сделали. Ни одна страна. Все мы были слишком глупы. Нам нравились в газетах фотографии полутолых девиц и огромные заголовки о скандальных происшествиях, и ни у одного правительства не хватило ума это изменить. А будь мы поумнее, можно было бы что-то сделать с этими газетами».

Если не считать этого короткого разговора, соображения общего порядка (вернее, краткая информация) есть еще на стр. 13 и в уже упомянутом большом разговоре между главными героями книги на стр. 64—71, где эта информация расшифровывается и оказывается, что молниеносная война Россия — НАТО и ее производное — Россия — Китай — лишь следствия главного основного безумия — гонки вооружений и холодной войны. Эти рассуждения частью спорны, частью недостаточны. Но это не должно закрывать путь к изданию книги Н. Шюта. Когда мы говорим об объединении всех людей доброй воли, всех сил, борющихся за мир, то, безусловно, в ряду таких сил свое место по праву занимает и книга Шюта и поставленный по ней фильм, о котором я уже упоминала.

Глобальная катастрофа, описанная Шютом, фантастична, но может стать реальностью — может, но не должна! НЕ ДОЛЖНА! — для того, чтобы сказать это людям, и написана книга. Убедительней всего это сказано не в упомянутых рассуждениях, но всеми образами книги, всей ее художественной тканью. К каждой ее странице, к каждой описанной в ней судьбе прямо относятся строки поэта Джона Донна, которые взя-

ты эпиграфом к другой глубоко человеческой книге, направленной против войны и человеконенавистничества — к известному роману Хемингуэя:

«Нет человека, который был бы как ОСТРОВ, сам по себе; каждый человек есть часть МАТЕРИКА, часть СУШИ; и если ВОЛНОЙ снесет в море береговой УТЕС, меньше станет ЕВРОПА, и так же, если смоем край МЫСА, или разрушит ЗАМОК ТВОЙ или ДРУГА твоего; СМЕРТЬ каждого ЧЕЛОВЕКА умаляет и МЕНЯ, ибо я един со всем ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ; а потому не спрашивай никогда, по ком звонит КОЛОКОЛ: он звонит по ТЕБЕ».

Каждой строкой своей книга Шюта напоминает о том же: человечество едино, мир един, судьбу своей страны, своей семьи никто не может обособить от судеб человечества, нельзя скрыться в другом полушарии, на другом полюсе. Если не хочешь погибнуть сам и увидеть гибель всего, что тебе дорого, останови безумие, прегради путь войне! Шют не подсказывает толком, как именно это сделать. Но книга его проникнута отвращением ко всему, что несет смерть, любовью и подлинным уважением к людям, к жизни, к человеческому труду, ко всему живому.

Те немногие страницы, где есть что-то спорное, неясное, не должны помешать публикации этой человеческой, сильной и талантливой книги. В конце концов, разъяснить неясное можно и в послесловии. Мы печатаем подчас книги с более спорными страницами или абзацами, если основная мысль и чувство их справедливы и человечески, а уж в этом Шюту никак не откажешь — и это наш читатель прекрасно поймет и оценит.

Но, чтобы печатать эту книгу, нужно еще одно неперемное условие: очень вдумчивый и тактичный перевод. В отличие от иных современных авторов — наших и зарубежных, фантастов и не фантастов, — Н. Шют обладает своей ясно выраженной манерой, своей интонацией. Именно ради того, чтобы это подчеркнуть, я позволила себе начать отзыв о книге, так сказать, с личных воспоминаний. Повторяю, эстетика Шюта — это эстетика сдержанности. При переводе малейший перекося, безвкусица загубят книгу. Неточными словами, неверной интонацией ее можно «сдвинуть», окрасить грубо натуралистически, слезливо-сентиментально или даже мистически (в действительности у Шюта нет ни мистики, ни особой набожности, один из героев заглядывает в церковь, но это лишь один из многих описанных автором способов для человека в страшную пору держаться по-человечески, и удельный вес его в книге ничтожен). Еще раз хочется пожелать переводчику серьезной, вдумчивой работы — только тогда удастся донести до читателя строгую сдержанность и глубокую человечность этой хорошей книги.¹

* * *

Детгиз, Красновской

Уважаемая Диана Витальевна!

Прошу вас ознакомиться с повестью англо-австралийского писателя Невила Шюта «Крысолов» в моем переводе. Автор известен по фильму Ст. Крамера «На последнем берегу», скончался в 1961 г.

Прилагаю отзыв о повести, напечатанный в марте 1984 в «Известиях». Была также теплая рецензия в «Новом мире» (№ 9, 1984).

Повесть была напечатана в июне-августе 1983 г. в журнале «Урал», журнал выходит небольшим тиражом, в библиотеках номера эти были нарасхват. Мне известно, что на недавнем совещании библиотекарей со всех сторон раздавался вопрос: когда же выйдет отдельная книжка?

Написана она во время Второй мировой войны, но еще до нападения гитлеровской Германии на СССР. Книжка добрая и мудрая, читается увлекательно, более чем злободневна и сейчас, когда защита детства волнует всех людей доброй воли во всем мире. Она заслуживает внимания и Вашего и Ваших читателей.

С уважением

Н. Галь
1.VII.85

* * *

*Главному редактору
Средне-Уральского книжного издательства
В. И. СЕЛИВАНОВУ*

Глубокоуважаемый Виктор Иванович!

Предлагаю Вашему вниманию роман англо-австралийского писателя Невила Шюта «Крысолов». Мой перевод напечатан был в журнале «Урал» (1983 г., номера 6, 7 и 8). Газета «Уральский рабочий» откликнулась почти сразу статьей «Свет человечности». Как Вы, возможно, знаете, роман этот очень высоко оценила и центральная пресса («Известия» от 5.III-84, «Новый мир» № 9—84). Хоть написан он давно, речь в нем о главном, о самом злободневном — о детях. О тех, кого всем и каждому надо всеми силами защищать, ибо дети — будущее человечества.

В разных концах света и сегодня гибнут дети. Есть злые силы, которые угрожают сейчас жизни каждого ребенка во всем мире. Надо защищать и детские души — от злобы, подлости, бесчеловечности. О защите жизни и души детей, о честности, доброте, самоотверженности — умная и добрая книга Н. Шюта. Ее герой, старик англичанин, не щадя сил и рискуя жизнью, спасает — вывозит из захваченной гитлеровцами Франции — стайку детей разных национальностей и разного возраста — от 5 до десяти лет, и помогают ему в этом французские патриоты.

Таких чистых, подлинно благородных книг, посвященных детству, на Западе сейчас немного.

Мне думается, было бы хорошо и естественно, если бы роман этот вышел отдельной книгой на Урале — там же, где он благодаря журналу впервые стал достоянием русского читателя.

Объем — 12 печатных листов.

С уважением

НГ (член СП)

3.X-84

* * *

Издательство «Художественная литература»

Г. А. Анджапаридзе

Уважаемый Георгий Андреевич!

Предлагаю Вашему издательству включить в план два романа известного австралийского писателя Невилла Шюта (1899—1960) «Крысолов» и «На берегу».

Н. Шют — авиаконструктор, участник двух мировых войн, убежденный антифашист, автор многих популярных на Западе романов. Два предлагаемые — безусловно, лучшие. Однако и они у нас практически неизвестны. «Крысолов», впервые напечатанный в самом начале 1941 г., переведен был мною для журнала «Интернациональная литература», но журнал с весны 1943 перестал выходить. Только через 40 лет «Крысолов» появился в журнале «Урал» и заслужил признание читателей и добрые отзывы в печати (в частности — Известия, 5.III-84 статья Н. Исмаиловой «Такие встречи не проходят бесследно»). Но тираж «Урала» невелик, а отдельной книги до сих пор не было.

Роман назван по знаменитой легенде о Гаммельнском крысолове.

Старик англичанин, в самом начале Второй мировой войны потерявший сына-летчика, попадает во Францию в пору гитлеровского нашествия. Волею случая он оказывается в ответе за чужих детей, — и, рискуя жизнью после многих злоключений, при помощи французских патриотов вывозит их из оккупированной Франции. Под конец детей уже семеро (от 5 до 10 лет), разных национальностей, разной, подчас очень горькой судьбы. Книга Шюта не просто антивоенная и антифашистская, она необыкновенно человечна, проникнута глубокой мудростью и добротой, поистине многому может научить: пониманию, что чужих детей — нет, пониманию, как беречь самое дорогое достояние человечества, его будущее, как хранить не только жизнь, но и душу ребенка.

Роман «На берегу» написан много позже, а тема его в самом прямом смысле слова сегодняшняя: предостеречь человечество от полной, неминуемой гибели в случае атомной войны. У нас об этой книге слышали и писали, так как по ней поставил фильм «На последнем берегу»

замечательный режиссер Стэнли Крамер. Действие происходит в Австралии — там, в Южном полушарии, последними гибнут ни в чем не повинные люди от того, что совсем в другой части света одна из малых стран пустила в ход атомную бомбу и этим спровоцировала молниеносную войну. С жестокой наглядностью автор показал: такая война не может быть локальной, она неизбежно принесет смерть не только прямым противникам, но всему человечеству. Судьбы людей, их психология выписаны мастерски. Книга широко известна во всем мире, пора бы дать ее и нашему читателю. Перевод думаю закончить к весне 1990 года.

Объем «Крысолова» 12 печатных листов, «На берегу» — примерно 14 п. листов.

1989 г.

Н. Галь

* * *

«Молодая гвардия»

Уважаемый Андрей Андреевич!

В дополнение к нашему вчерашнему разговору посылаю Вам «Известия» со статьей Н. Исмаиловой, в конце сказаны разные добрые слова о «Крысолове» Н. Шюта. Может быть, эта статья вместе с письмом В. Д. Поволяева как-то поможет подобрать для этой книжки место в планах издательства. Была еще и рецензия в «Новом мире», не считая отклика в «Уральском рабочем», но отзыв в «Известиях» существенней.

Надеюсь, повесть эта не только своей антивоенной направленностью, но всем важнейшим смыслом — заботой о будущем человечества, воплощенном в детях, о воспитании детской души — заслужит внимание издательства. Будем ждать вестей от Вас.

Всего Вам доброго.

Н. Галь

14.XI-86

* * *

В издательство «Юридическая литература»

Предлагаем включить в план Вашего издательства роман американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника...».

Роман этот был опубликован в нашем переводе журналом «Иностранная литература» в 1963 г., затем — издательством «Молодая гвардия» и «Роман-газетой» в 1964 г., имел большой успех, было много в высшей степени положительных рецензий («Новый мир», «Дон», «Сибирские огни» и др.) и читательских откликов. Не случайно в скором

времени появились инсценировки — в ТЮЗе и на радио. Книга давно стала библиографической редкостью.

Как справедливо отмечали рецензенты, в книге Х. Ли раскрыта одна из самых жгучих проблем современной Америки. Читатель не может не задуматься над философией и психологией расизма, над его социальными корнями. В то же время он узнает настоящих американцев, честных и справедливых людей, которые отвергают расовые предрассудки и систему расового неравенства в Соединенных Штатах.

В центре книги — судебный процесс над негром, ложно обвиненным в насилии, испытания, выпавшие на долю честного и мужественного адвоката, взявшегося за безнадежное дело — защищать негра против белого в стране вековых расистских предрассудков.

Адвокат Аттикус Финч — это олицетворенная человечность, глубокая порядочность, воля и мужество, воплощение высоких нравственных принципов. Книга утверждает благородные идеи гуманизма и справедливости, во имя которых прогрессивные силы Америки ведут борьбу против расизма. Не случайно действие разворачивается в штате Алабама, который уже в наше время получил печальную известность во всем мире жестоким гонением на негров, кровавым расистским разгулом.

Накал социальных и моральных проблем делает книгу Харпер Ли истинным романом воспитания — воспитания жизнью.

Книга эта продолжает традиции американской классической литературы, написана мастерски, она по-настоящему увлекательна, вполне заслуживает переиздания, объем — 16 печатных листов.

Н. Галь

Дорогая Екатерина Викторовна! (Калмыкова)

Из этих 6-ти книг три можно отдать окончательно: Манола, Паже и Люка Эст. Из Брюса, мне кажется, можно будет взять какие-то главки, но только если не подберем достаточно более НЕПОСРЕДСТВЕННОГО материала, потому что это уже, так сказать, надстройка, популяризация и пересказ для французского подростка, а я все-таки не теряю надежды найти подходящие письма, воспоминания¹ и пр. Для этого очень нужно, прежде всего, вновь заказать большой сборник в «кожаном» переплете, его я читала года 3 назад, а сейчас оставляла под конец — и не успела. И надо будет заказать другую книгу П. Шеврие, она называется не просто «Сент-Экзюпери», а «Антуан де Сент-Экзюпери», изд. Галлимар, 1949. Эта же ее книга очень понадобится в качестве справочника, но

¹ Поиск материалов для сборника, который издательство «Молодая гвардия» заказала Норе Галь как составителю. Вышел в 1970 г.

вновь повторить ее можно будет немного позже (сразу ведь много не дадут?) — пожалуйста, заметьте у себя ее шифр и пр. (книгу 49 г. я тоже когда-то читала, она, кажется, есть в Иностранной библиотеке). Помнится, 25.X я просила еще книгу Рене Деланж — «Жизнь С-Э» с приложением Леона Верта. И надо бы взять Pélissier Georges. Cinq visages de S-E, изд. Flammarion, 1962¹. И если найдутся, какие-нибудь издания «Писем к матери», «Писем юности» и «Записных книжек» самого С-Э, хотя уверенности, что оттуда можно извлечь что-нибудь кроме уже вошедшего в однотомник, у меня нет.

Если все это нам не пригодится, я готова читать все подряд и без разбору, что еще найдется в библиотеках, но тогда, признаться, вероятности найти что-либо подходящее будет еще меньше. Милые французы так же противоречивы и не очень логичны в своих трактовках, как бывают подчас наши собственные литературоведы, да еще частенько притягивают Сент-Экса к богу (без больших оснований). А нам бы надо подобрать не философские и не литературоведческие их трактовки, а живое слово о человеке прежде всего (и поэте и летчике). Ну, отчаиваться рано. — Желаю Вам счастливого Нового года, здоровья и успехов, в том числе — нашего общего успеха с этой книжкой!

Всего доброго!

Н. Галь
27.XII-67

* * *

Дорогая Екатерина Викторовна (Калмыкова)

Посылаю для начала заявки на 7 книг. Среди них, сколько помню, есть вещи очень полезные, хотя в свое время я их читала, понятно, не думая о «профиле» нынешнего сборника. Разумеется, все сразу не дадут. Некоторые из этих книг нам совсем не нужны, например, Zeller. Посмотрим, подумаем — авось, подберется то, что нужно! Все, понятно, не добыть, да и не перечесть за такой срок.

Бланки я целиком не заполнила, только пометила нужные.

Библиографический указатель я возвращаю — Вам еще пригодится, а мне тоже достали. На всякий случай, чтобы нам с Вами потом не запутаться, помечаю в нем карандашом то, что уже выписала, а также и то, чего, вероятно, в библиотеках нет, а очень бы надо добыть (№№ 101, 102, 117, 172, 173).

Н. Галь

¹ Жорж Пелисье. Пять обликов Сент-Экзюпери.

* * *

*В редакцию зарубежной литературы издательства
«Художественная литература»*

Предлагаю включить в ваш план книжку Жоржа Дюамеля «Притчи моего сада» (Georges Duhamel Fables de mon jardin).

Имя Дюамеля говорит само за себя, между тем, в последние десятилетия он у нас практически не издавался, а издания и переводы начала века давно и безнадежно устарели.

Небольшая книжка эта включает 80 миниатюр — философски-лирических зарисовок и раздумий. Они очень разные по окраске и настроению, написаны мастерски. Сдержанная сила чувства, истинно французская тонкость мысли и отточенность стиля — все это очень характерно для Дюамеля. Некоторое представление об этой книжке дают семь отрывков, переведенные мною сейчас для готовящегося в Вашей редакции сборника французской новеллы. Но книжка заслуживает того, чтобы ее перевести полностью, думается, эти «Притчи» (их объем — примерно 3 печатных листа) можно было бы включить в однотомник произведений Дюамеля, либо в какой-то сборник, менее пестрый по составу.

Перевод прошу поручить мне.

Н. Галь
17.VIII-72

* * *

**ПРИТЧИ МОЕГО САДА:
ФРАНЦУЗСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ**
(Перевод Н. Галь. Послесловие Ю. Яхниной)

Прозрачные лаконичные притчи Ж. Дюамеля, чистые голоса природы, детей и зверей в новеллах М. Женева, Л. Перго, Ф. Элленса — и жестокие предвидения современных фантастов А. Доремье, И. Дермеза... Виртуозное двухголосие романа Ф. Нурисье — два видения мира, два потока восприятия — и бесстрастный драматизм знаменитого «Постороннего» А. Камю. Издавна любимый в нашей стране А. де Сент-Экзюпери — и имена, едва знакомые широкому читателю. Всех их собрал вместе взыскательный вкус мастера перевода Норы Галь. Внимательный читатель знает ее как переводчика «Маленького принца» и «Планеты людей» Сент-Экзюпери. Впервые собраны вместе все остальные ее переводы с французского — и высвечивают в литературе особый пласт, удивительно богатый мир образов, красок и голосов.

Ю. Яхнина

* * *

В книжную редакцию издательства «Правда»

Предлагаю включить в план Вашей редакции сборник переводов с французского. Это повести и рассказы разных авторов, внутренне тяготеющие друг к другу. Здесь ясно проступают важные мотивы литературы XX века, волнующие крупнейших мастеров Запада.

Тема одиночества, трагедия разобщенности людей — Альбер Камю «Посторонний», «Между ДА и НЕТ», «Лето в Алжире», А. Арну «Экран». Попытка вырваться из одиночества, бороться с распадом, разрушением, сохранять, созидать, осмыслить мир, понять людей — близких и дальних, найти с людьми общий язык — Ф. Нурисье «Хозяин дома», Ж. Дюамель «Третья симфония».

Еще один путь выхода из одиночества — близость человека с природой. Это и философские, поэтические, лирические миниатюры — М. Женева, из книги «Кроткий зверинец»; Л. Перго «Гибельное удивление»; Ж. Дюамель, из книги «Притчи моего сада».

Эта тема тоже оборачивается активным действием, протестом против жестокости (Барбюс «Улюлю»).

Другой путь утверждения изначальных ценностей мира — взгляд на мир глазами ребенка, который впервые видит и красоту, доброту — и сложности и противоречия мира — Ф. Элленс. Из книги «Фредерик». (Франц Элленс, замечательный писатель, друг Горького, у нас, к сожалению, мало известен; бельгиец по рождению, он писал по-французски, долгие десятилетия жил во Франции.)

И как всегда в большой литературе, литература Франции показывает, как растут, набирают силу гнев, протест, готовые сокрушить зло, — таковы «Миндальные рощи» и «Прометей в аду» А. Камю, созданные в пору французского Сопротивления. В этих иносказаниях (к каким, естественно, вынуждены были тогда прибегать и Арагон, и многие лучшие писатели Франции) страстно звучит голос подлинного гуманиста и антифашиста. О тайно набирающих силу неиссякаемых родниках, о нарастающем гневе вольнолюбивого народа — «Водоем» П. Гаскара, рассказ огромной силы о трагической Испании под гнетом режима Франко.

И наконец, активный страстный протест против всякой бесчеловечности, против расизма, тема общности людей — в философской и притом истинно поэтической прозе Антуана де Сент-Экзюпери. — «Планета людей», «Маленький принц», «Письмо заложнику».

Общий объем сборника — примерно 29 листов.

Произведения Сент-Экзюпери издавались не раз, но интерес к ним читателя не убывает. Все остальное у нас известно очень мало. «Посторонний» Камю в моем переводе печатался только в журнале «Иностранная литература» (№ 9, 1969), три его зарисовки — в «Вопросах ли-

тературы (№ 2, 1980), «Лето в Алжире» пока не публиковалось, «Хозяин дома» Нурисье печатался в сборнике «Французские повести» (Молодая гвардия, 1972), две новеллы Элленса — в сборнике «Рассказы бельгийских писателей» (Прогресс, 1968), еще две — в журнале «Вокруг света» (№ 2, 1969).

ПРИТЧИ МОЕГО САДА

I

Благослови детей и зверей

Жорж Дюамель. Из книги «Притчи моего сада»

Морис Женева. Из книги «Кроткий зверинец»

Луи Перго. Гибельное изумление

Анри Барбюс. Улюлю...

Франс Элленс. Из книги «Фредерик»

II

Между ДА и НЕТ

Жорж Дюамель. Третья симфония

Александр Арну. Экран

Шарль-Луи Филипп. Жизнь

Альбер Эгпарс. Возвращение в Шатейон

Пьер Гаскар. Водоем.

Антуан де Сент-Экзюпери. Письмо заложнику

Альбер Камю. Между ДА и НЕТ, Лето в Алжире, Миндальные рощи, Прометей в аду

III

Альбер Камю. Посторонний

IV

Франсуа Нурисье. Хозяин дома

V

И немного фантастики

Андре Моруа. Машина для чтения мыслей

Ален Доремье. Пора мщения

Жерар Клейн. Голоса пространства

Ив Дермез. Мальчик

* * *

В книжную редакцию издательства «Правда»

Насколько мне известно, сравнительно недавно у вас вышел сборник современных французских повестей, интерес к таким книгам огромен. Полезно было бы составить по этому примеру и еще умный, содержательный сборник.

Предлагаю повесть Франсуа Нурисье «Хозяин дома», которую я перевела по совету известного литературоведа Б. Л. Сучкова, — она была напечатана в сборнике «Французские повести» («Молодая гвардия», 1972), не переиздавалась и незаслуженно забыта.

Повесть Нурисье продолжает давнюю и сильную во французской литературе тему разъединенности людей в обществе и в семье, взаимного непонимания, пагубного влияния собственности на человеческую душу и человеческие отношения, на способность к творчеству.

Если не ошибаюсь, у вас уже перепечатаны из того же сборника «Молодожены» Ж. Л. Кюртиса и «Вещи» Ж. Перека. Надо ли напоминать, что тема «вещизма» сейчас, как говорится, глобальна. Не менее животрепещущей (особенно, по традиции, во французской литературе) остается и тема семьи.

Вот почему в новый сборник стоило бы включить повесть одного из крупнейших французских писателей нашего века Фр. Мориака «Подросток былых времен». Здесь очень сильна та же тема тлетворного влияния собственности, разъедающей душу, извращающей семейные отношения. Недаром герой ее в одном месте вспоминает «Терезу Ракен» Золя.

Сильна в повести и другая тема — угнетающее, искажающее душу влияние церкви. Писатель глубоко религиозный, Мориак однако силой своего реализма невольно обличает и фанатизм, и ханжество. Недаром повесть эту (ее прекрасно перевела Р. И. Линцер) впервые напечатал в «Новом мире» А. Т. Твардовский, и потом она не раз переиздавалась вместе с другими произведениями Мориака.

И еще стоило бы включить в новый сборник одну из повестей Франсуазы Саган. Лучше всего, вероятно, «Здравствуй, грусть» в переводе еще одного нашего мастера — Ю. Яхниной. Эта повесть достаточно известна и в рекомендации едва ли нуждается.

Если бы редакция в порядке исключения решилась взять еще и два небольших рассказа А. Камю, выходивших только в журнале (их напечатал опять-таки Твардовский в отличном переводе Р. Линцер) — «Неверная жена» и остро социальный рассказ «Немые», получилась бы очень сильная интереснейшая книга.

9.XI-86.

Н. Галь

* * *

В книжную редакцию издательства «Правда»

Предлагаю включить в план Вашей редакции сборник переводов с французского. Это повести и рассказы разных авторов, внутренне тяготеющие друг к другу. Здесь проступают очень важные струи в достаточно пестром потоке литературы нашего века. Здесь преобладают высокий накал мысли, подлинная человечность, доброта. Жажда понимания между людьми, между человеком и природой — против разобщенности и одиночества.

Повесть Альбера Камю «Посторонний» приводит читателя к этим мыслям, так сказать, «от противного», «отрицая» образ жизни героя, который от всего далек и отчужден. Ему в мире небезразлично только одно — красота, и прежде всего — красота природы. Близки этой повести и две зарисовки — «Между ДА и НЕТ» и «Лето в Алжире» — о красоте природы и человеческого тела и о том, как трудно достигается душевная близость между людьми. Тем сильнее звучат созданные в пору французского Сопротивления «Миндальные рощи» и «Прометей в аду». В этих иносказаниях (к каким, естественно, вынуждены были тогда прибегать и Арагон, и многие лучшие писатели Франции) страстно звучит голос подлинного гуманиста и антифашиста.

С этими страницами Камю перекликается «Водоем» Пьера Гаскара, рассказ огромной силы — о трагической Испании под гнетом режима Франко и о тайно набирающих силу неиссякаемых родниках, о нарастающем гневе вольнолюбивого народа.

В повести Ф. Нурисье «Хозяин дома» перед нами попытка бороться с распадом, разрушением, сохранять, созидать, понять людей — близких и дальних, скрепить какие-то узы — попытка не во всем успешная, но страстная и человеческая.

Рассказы Ш. Л. Филиппа «Жизнь» и А. Арну «Экран», казалось бы, разительно контрастны — но друг друга дополняют, две судьбы, два человека: старый труженик, батрак, который весь свой век не знал и не искал радости выше труда и отнюдь не чувствовал себя одиноким, — и знаменитый киноактер, который растратил себя на подделку чувств, изображал не людей, но безжизненные плоские тени (плоские не только из-за двухмерности экрана!), а под конец ужаснулся бессмысленности своего существования и уничтожил свои фальшивые детища.

Поиски взаимопонимания бесконечно важны в литературе. Характерный поворот темы — «Третья симфония» Жоржа Дюамеля, очень короткий и емкий рассказ о том, как внезапную искру мимолетного понимания между очень чужими людьми высекает прекрасная музыка.

О духовной близости человека с природой (но вовсе не только о природе) говорят философские и поэтические миниатюры того же Дюамеля из книги «Притчи моего сада». Те же мысли и чувства — у другого «поэта в прозе» М. Женева: без чуткости, бережности к тому, что вокруг нас, без понимания «братьев наших меньших» нет человека, черствеет, засыхает душа, нищает внутренний мир и слишком легко погубить мир «внешний», земную природу и красоту.

В этом же ряду — «Гибельное изумление» Л. Перго и «Улюлю» А. Барбюса. Но Барбюс не был бы Барбюсом, если бы необычную для него тему — охота на оленя — не раскрыл как воин, борец, вооруженный всей остротой общественного, социального сознания. Кровожадная забава богатых бездельников и вся их гнусная свора омерзительна, в одиночку их не остановить, — но все в авторе, в рассказчике и читателе восстает против этой подлой жестокости.

Совсем по-иному открывается мир, его красота, сложность, его противоречия глазам ребенка. Замечательный писатель, у нас к сожалению, мало известный, друг Горького Франс Элленс. Главки-новеллы из его книги «Фредерик» просты и мудры. Ребенка изумляет все вокруг, большое и малое. Впервые он узнает, что сказочные великаны бывают картонными, а добрые, сильные люди, труженики и мастера, наперекор всякой справедливости становятся карликами, когда вынуждены подчиняться богатым и власть имущим.

И, наконец, Антуан де Сент-Экзюпери, философ и истинный поэт в своей прозе, страстный противник фашизма и всяческой бесчеловечности. Едва ли надо напоминать, сколько сумел он сказать людям в лучших своих созданиях — «Планете людей», «Маленьком принце», «Письме заложнику». Конечно, произведения Сент-Экзюпери издавались не раз, но интерес к ним читателей не убывает.

Все предлагаемое в сборник, кроме произведений Сент-Экзюпери, у нас известно очень мало.

Надеюсь, что издательство заинтересуется моим предложением.

Н. Галь
22.XII-81

Уважаемый Юрий Оттович! (Бем. Издательство «Правда»)

Возвращаю верстку С/Экзюпери, Наталье Анатольевне пишу подробно, почему необходима моя правка, особенно в «Маленьком принце». Очень грустно, что меня не предупредили о Вашем издании загодя — я дала бы другой текст. В Кишиневе в 1973 печатали однотомник по очень старому тексту, меня не спросили и корректуру не присылали,

отсюда множество огрехов. Пожалуйста, если в Ваших планах будут еще мои работы, дайте мне знать заранее.

У меня к Вам два вопроса-предложения.

Первое: не думаете ли Вы печатать роман молодой, недавно умершей американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника»¹? Он печатался в журнале «Иностранная литература» в 1963 г., затем в «Молодой гвардии» и в «Роман-газете» (миллионным тиражом!) в 1964, имел огромный успех, но с тех пор не переиздавался и стал библиографической редкостью, как выяснилось, даже Наталья Анатольевна об этой книге не слыхала. А в ту пору было много восторженных рецензий и читательских откликов, книга очень добрая, умная, притом вполне социально насыщенная. Но, опять-таки, на случай переиздания мы, переводчики (Р. Е. Облонская и я) там немало доделали и дошлифовали — и, если бы редакцию это заинтересовало, дали бы Вам исправленный текст.

Второе: не переиздать ли в каком-то объеме Рэя Брэдбери? Это ведь писатель замечательный, притом отнюдь не только и не просто фантаст! В 1980 г. исполняется ему 60 лет, а его литературной деятельности — 40. Если не «замахиваться» на трехтомник со включением хорошо известных «451° по Фаренгейту», «Марсианских хроник» и многочисленных рассказов, можно бы сделать книжку, наименее «фантастическую», взяв в основу автобиографическую повесть о детстве «Вино из одуванчиков» (перевод Э. Кабалевской, печаталась только раз, в одноименном сборнике, «Мир», 1967). Можно бы включить многие рассказы о детях, у Брэдбери эта тема — о завтрашнем дне человечества, в сущности, — очень сильна, а уж в связи с ГОДОМ РЕБЕНКА прозвучала бы особенно волнующе.

Если заинтересуетесь, дайте, пожалуйста, знать.

С уважением

НГ 4.III-79

* * *

О РОМАНЕ К.-Э. ПОРТЕР «КОРАБЛЬ ДУРАКОВ»

Роман крупнейшей американской писательницы Кэтрин-Энн Портер (1890—1980) известен во всем мире как остро антифашистская книга, направленная против нацизма, против буржуазного национализма и шовинизма. Роман закончен в 1961 году, но более чем злободневен и сегодня. Это книга не только о вчерашнем фашизме, но и о сегодняшнем и завтрашнем неофашизме. О том, что общество, основанное на социальном и национальном антагонизме, страдающее многими орга-

¹ По вине американиста Ю. Ковалева в СССР бытовала дата смерти Ли: 1975 г. На самом деле она умерла в 2016 г.

ническими пороками и противоречиями, плодит расизм и фашизм в самых разных его формах.

Роман переведен на десятки языков, отчасти известен и у нас в стране: в 1979 г. в журнале «Всесвіт» напечатан перевод на украинский язык, летом 1983 этот перевод вышел в Киеве отдельной книгой тиражом 65 тыс. экз.

Ни одно серьезное исследование американской литературы XX в. не обходится без упоминания «Корабля дураков». Роман получил, в частности, весьма положительную оценку в коллективных трудах ИМЛИ: «Основные тенденции развития современной литературы США», М. 1973, с. 156—171; «Литература США XX века. Опыт типологического исследования», М. 1978, с. 279—289. Действие разворачивается на немецком пароходе, идущем из Мексики в Германию. Время — конец августа — начало сентября 1931 г., за полтора года до нацистского переворота. Среди пассажиров люди разных национальностей. Почти всем немцам присуще оголтелое презрение к любой «низшей расе». И как раз убежденные «чистокровные» арийцы оказываются тупыми, наглыми пошляками и хамами. Среди отверженных не только неариец Левенталь, но и немец Глокен, ибо он беден и притом калека, — и, конечно, все пассажиры четвертого класса, сотни бедняков-испанцев с женами и детьми.

Это уже вертикальный разрез капиталистического общества, социальная его модель, очень нагляден контраст: наверху все озлоблены, разобщены, даже кровно близкие чужды и враждебны друг другу. Дети не понимают родителей, родители — детей, мужья — жен, любовники — друг друга. Беднякам же с нижней палубы, людям труда, присущи достоинство, человечность, чувство общности. Сверху на них смотрят с презрением, а некий герр Рибер рад бы загнать их всех в большую печь и напустить туда удушливый газ! Такой Рибер через десяток лет наверняка станет обер-палачом в Освенциме или Майданеке — и недаром у автора это один из самых мерзких типов на корабле. С редкой для зарубежной литературы силой звучит в романе Портер осмысление корней фашизма, исторических уроков Второй мировой войны.

Эта подлинно значительная книга написана мастерски, характеры и положения закономерны и убедительны, сюжет острый, напряженный. Сегодня во всем мире остро стоит вопрос, быть или не быть человечеству, а кое-кто, забыв об уроках не столь далекого прошлого, поощряет новых воинствующих нацистов, в какую бы форму они ни рядились. И потому, думается, особенно полезна книга большого художника об укладе «корабля дураков», опустошающем души, и о почве, на которой произрастают гитлеры.

Объем романа 33 п. л.

Н. Галь

* * *

Глубокоуважаемый Дмитрий Федорович! (Госкомиздат, Кондрастюк)

Время перемен в нашей культурной жизни позволяет открыть для нашего читателя ряд имен и книг, которые подчас несправедливо замалчивались. Хочу обратить Ваше внимание на три книги.

1. На роман Кэтрин Энн Портер «Корабль дураков», известный во всем мире как остро антифашистская прогрессивная книга. К. Э. Портер называют в числе крупнейших, значительнейших писателей Америки.

Роман «Корабль дураков», направленный против нацизма и расизма во всех его проявлениях, был закончен в 1961 г., переведен на десятки языков.

В 1976 г. издательство «Художественная литература» включило «Корабль дураков» в свой план. Был заказан перевод, который я и представила издательству 1 июня 1977 г.

Потом издание книги почему-то откладывалось с года на год и в конце концов выпало из планов.

Между тем рассказы покойной писательницы печатались: в журнале «Иностранная литература»¹ и в Приложении к журналу «Иностранная литература» (Москва, 1985).

Больше того, роман «Корабль дураков» появился в переводе на украинский язык (!), даже дважды: летом 1979 г. в журнале в нескольких номерах «Всесвіт», затем отдельным изданием тиражом 65 000 тыс. экз. Но русскому читателю, не владеющему украинским языком, он и поныне недоступен.

В чем причина? Не в том ли, что кому-то не понравился промелькнувший на немногих просмотрах одноименный фильм Стэнли Крамера? Но при всем таланте режиссера и актеров фильм во многих отношениях *очень далек* от книги. Судить по фильму о книге и на этом основании отвергать ее — столь же логично, как запретить издавать пьесы Островского лишь потому, что кому-то не понравился фильм «Жестокий романс».

Роман говорит о Германии в канун прихода Гитлера к власти, говорит о противоречиях, которые и по сей день мучительны для честных писателей Запада, о разобщенности людей, о нравственности. Книга написана мастерски, характеры убедительны, сюжет сложный, напряженный.

Положение в мире сейчас такое, что антинационалистические, антифашистские книги очень нужны. Известно, как активизируются в мире, особенно в США, реакционные круги, поощряются фашистские настроения. Нашему читателю, особенно молодому, надо хорошо знать,

¹ К. Э. Портер. Бледный конь, бледный всадник. Иностранная литература, 1979, с. 159—195.

что такое нацизм, на какой почве рождаются в мире Гитлеры. Пора наконец познакомить и советского читателя с этим значительным, прогрессивным произведением мировой литературы.

2. Не менее актуален в наше суровое атомное время роман Декстера Мастерса «Несчастный случай», который был опубликован и посвящен трагической аварии в американской атомной лаборатории в Лос-Аламосе и основан на подлинных событиях. Роман был опубликован в журнале «Иностранная литература» (номера 4—6 за 1957 год, перевод Н. К. Трениной и мой), но ни разу не выходил отдельным изданием, давно забыт, недоступен нашему читателю. Между тем сегодня этот роман как нельзя более актуален: он говорит о важнейших проблемах атомной эры, об ответственности всех и каждого, и прежде всего ученых за завтрашний день, за то, жить или не жить человечеству.

3. И еще одна книга, страстно призывающая беречь мир, защитить детей — будущее человечества — от ужасов войны. Это книга покойного англо-австралийского писателя Невилла Шюта «Крысолов». По другому его роману поставлен известный, сильнейший фильм-предостережение «На последнем берегу» Стэнли Крамера. Роман написан в самом начале 2-й мировой войны, еще до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Старик англичанин, ежечасно рискуя жизнью, с помощью французских патриотов вывозит из Франции, куда уже хлынули фашистские войска, семерых ребятшек разных национальностей от 5 до 10 лет. Повесть эта, добрая и мудрая, была напечатана в журнале «Урал» (номера 6—8 за 1983 год) и вызвала самый теплый отклик читателей и прессы. Рецензии: в «Уральском рабочем», 13.XI-83, в «Новом мире», № 9 за 1984, статья Н. Исмаиловой «Такие встречи не проходят бесследно» — «Известия», 5.III-84. На Всесоюзном совещании библиотекарей градом сыпались вопросы: когда же «Крысолов» выйдет отдельной книгой. Я обращалась в издательства, сейчас, надеюсь, рукопись будут рассматривать в «Молодой гвардии».

Однако, думаю, все эти три исключительно актуальные, по-настоящему художественные книги нуждаются в поддержке Госкомиздата и заслуживают не меньшего внимания издательств и читателей, чем бесконечно тиражируемые самыми разными издательствами «Американская трагедия» и «Дженни Герхардт» Т. Драйзера, которые я вынуждена готовить к переизданиям уже десятки лет и каждый раз все с меньшим удовлетворением. (Впрочем, нередко вопреки закону об авторском праве меня как переводчика даже не спрашивают и не предупреждают заранее и не дают возможности подготовить необходимую правку, о чем я 20 февраля с. г. писала в Госкомиздат, но это уже другая тема.)

Надеюсь, Вы примете участие в судьбе этих замечательных книг, достойных внимания нашего читателя.

Н. Галь

* * *

*В издательство «Книжная палата»**Директору А. Ф. Курилко*

Имя Этель Лилиан Войнич кажется давно знакомым и популярным в нашей стране. Но чем-то это впечатление двойственно. Ее можно назвать писателем одновременно знакомым и незнакомым. Представление о ней русского читателя в основном одностороннее. В основном известен ее роман «Овод». Память о нем поддерживается популярным кинофильмом.

Этот роман практически заслонил, оставил в тени все остальное творчество Войнич. Полное собрание ее сочинений выходило буквально считанные разы — за последние полвека это двухтомник 1958 и 1963 г., трехтомник 1975 г. и четыре тома в бумажной обложке 1992 г.

Между тем другие ее романы представляют огромный интерес. Это прежде всего удивительный по психологической глубине роман с библейским названием «Сними обувь твою». Он потенциально важен даже для более широкого круга читателей, чем «Овод». В этом романе дано то, чего так не хватает в нашей литературе — образец того, как нужно правильно строить семью. Начиная с Толстого, у нас литература больше показывает, как «каждая несчастная семья несчастна по-своему», и считает ненужным объяснить, почему же бывают счастливы счастливые семьи. И у нас сплошь и рядом семьи рушатся потому, что люди не умеют и не могут научиться ни у старших, ни из книг искусству строить отношения с близкими, прежде всего — с детьми. Отсюда столько исковерканных судеб.

В жизни Беатрисы, героини «Сними обувь твою», тоже было немало несчастий, но мы видим изнутри, как умная, чуткая, обостренно требовательная прежде всего к себе женщина ищет и большей частью находит самый верный путь к сердцу своих сыновей и дочери, да еще и приемного, удивительно необычного сына. Эта книга многим откроет глаза — и начинающим матерям, и, быть может, не очень чутким и понимающим подросткам. Эта книга, подобно «Убить пересмешника», должна бы быть в каждой семье!

1991 г.

Н. Галь

* * *

**ПРИТЧИ МОЕГО САДА
 ФРАНЦУЗСКИЕ ПОВЕСТИ И НОВЕЛЛЫ
 ПЕРЕВЕЛА НОРА ГАЛЬ**

В 1995 году на небе появился космический памятник переводчице. Малой планетке присвоено имя НОРАГАЛЬ. Случай редкий, если не единственный.

На Земле таким маленьким памятником переводчице, проработавшей в литературе более полувека, может служить сборник, где представлены ее переводы с французского.

Нора Галь больше переводила с английского, однако внимательный читатель запомнил ее имя прежде всего благодаря «Маленькому принцу» Антуана де Сент-Экзюпери. Перевела она и его «Планету людей», и «Письмо заложнику», и воспоминания о нем его друзей.

Признанная удача переводчицы — тонкий и сложный «Посторонний». А. Камю и четыре его миниатюры-эссе.

В сборнике сочетаются громкие имена писателей с мировой славой — и писатели, широко известные во Франции, которые могут стать открытием для нашего читателя. Заслуженным почетом пользуются во Франции Франсуа Нурисье, Жорж Дюамель, Морис Женевау. У нас их знают мало. Повесть Ф. Нурисье «Хозяин дома» — образец глубокой и тонкой современной психологической прозы. И Норе Галь удалось блестяще передать двухголосье повести, два речевых потока, два потока сознания двух совершенно разных героев — их не спутаешь, даже когда персонаж не назван. Удивительно поэтичны миниатюры Ж. Дюамеля, короткие рассказы о животных М. Женевау, Л. Перго.

Ю. Яхнина

Проявила себя Нора Галь и как бескорыстный энтузиаст-составитель. Иногда придумывала тематические сборники и даже целые серии. А порой приходилось отстаивать и объяснять отдельный рассказ.

* * *

В «БИБЛИОТЕКУ США»

1. Джойс Кэрол Оутс. Сад радостей земных. 26 л. Пер. Н. Галь.
Рассказы: Выздоровление. 1 л. Пер. Н. Галь.
Куда ты идешь, где ты была? 1 л. Пер. Н. Галь.
Ангел света. Пер. Т. Кудрявцевой.
Рассказы.
2. Марк Твен. Позолоченный век. Пер. Н. Галь. 27 л.
Простаки за границей. Пер. Р. Облонской.
3. Харпер Ли. Убить пересмешника. 16,5 л.

ЭКОЛОГИЯ

- Пол Андерсон. Сестра Земли.
Ив Дермез. Мальчик.
Луи Перго. Гибельное изумление.
Морис Женевау. Кроткий зверинец: Еж; Кролик; Жираф.

Анри Барбюс. Улюлю!..

Роберт Шекли. Доктор Вампир и его мохнатые друзья.

Роберт Шекли. Страж-птица.

Уаймен Гвин. Планерята.

Рэй Брэдбери. Берег на закате.

Рэй Брэдбери. Превращение.

Роджер Желязны. Одержимость коллекционера.

СЕРИЯ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

1. Харпер Ли. Убить пересмешника. 17 л. Перевод Норы Галь и Р. Облонской.

2. Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков. 12 л. Перевод Э. Кабалевской.

3. Этель Лилиан Войнич. Джек Реймонд. 8 л. Перевод Норы Галь.

4. Бернард Эшли. Терри на ограде. 11,67 л. Перевод Р. Облонской.

5. Фарли Моуэт. Проклятие могилы викинга. Перевод Р. Облонской.

6. Джеймс Олдридж. Джули отрешенный. Перевод Р. Облонской.

7. Фрида Вигдорова. Семейное счастье. 10,88 л.

8. Фрида Вигдорова. Любимая улица. 16 л.

9. Юрий Вяземский. Шут.

10. Герберт Уэллс. Пища богов. 12 л. Перевод Норы Галь.

11. Антуан де Сент-Экзюпери. Ночной полет. Планета людей. Маленький принц. Перевод Н. Галь.

12. Рэй Брэдбери. Рассказы. Перевод Норы Галь.

СЕРИЯ «У ДОМАШНЕГО ОЧАГА» («У КАМИНА») («СЕМЕЙНАЯ БИБЛИОТЕКА»)

1. Дж. Голсуорси. «Сага о Форсайтах».

2. Роже Мартен дю Гар. «Семья Тибо».

Этель Лилиан Войнич. Сними обувь твою. Джек Реймонд.

Харпер Ли. Убить пересмешника.

Ф. Вигдорова. Семейное счастье. Любимая улица.

ПАМЯТИ МАСТЕРОВ

С уходом из жизни старшего поколения переводчиков-кашкинцев Нора Галь принимает на себя миссию — хранить их память. А для этого прежде всего надо напоминать читателям (и издателям!): Хемингуэй не писал по-русски, у многих книг, которыми восхищается в России не одно поколение, есть и второй, по-своему не менее важный автор. Так родилась идея серии, посвященной мастерам русского

художественного перевода: самые емкие и выразительные их работы — под одной обложкой. Старшее поколение уходило один за другим. Вот не стало Е. Д. Калашниковой. Том ее переводов должен был открыть эту серию — крупное издательство «Прогресс» уже принялось за дело, я своими глазами видела подготовленный к печати сборник... Но политические и финансовые бури при падении Советского Союза погребли под собой «Прогресс», другим издательствам в это лихое время тоже было не до того...

И только через десятки лет замысел Норы Галь возродился. Екатерина Юрьевна Гениева, глава Библиотеки иностранной литературы, в былые времена сотрудничала с издательством «Книга», где я проработала всю жизнь, дважды писала предисловия к книгам в нашу серию «Писатели о писателях». Жили мы с ней тогда по соседству, у одной и той же окраинной станции московского метро, и нередко получасовая поездка в одном вагоне превращалась в бурное производственное совещание. Екатерина Юрьевна Гениева со своей неукротимой энергией открыла в Центре книги Рудомино ценнейшую серию «Мастера художественного перевода». В 2012 году, в преддверии маминого юбилея, я пришла к ней: 100 лет Норе Галь — что будем делать? Гениева показала мне только что вышедший в ее издательстве «Рудомино» первый том книжной серии «Мастера художественного перевода» и предложила мне выпустить сборник маминых работ. И ровно 27 апреля 2012 года, в мамин день рождения, чудесный сборник «Апрель в Париже» (по названию трогательного и поэтичного рассказа Урсулы Ле Гуин) — более полусотни рассказов и миниатюр в переводах Норы Галь — только что из типографии — приехал к нам на церемонию первого вручения Премии Норы Галь за перевод короткой прозы с английского языка. Тридцать экземпляров тут же были раздарены участникам конкурса.

* * *

*Издательство «Правда», книжная редакция
Ю. О. БЕМУ*

Уважаемый Юрий Оттович!

Пример моих учителей и товарищей, лучших представителей, а точнее создателей современной школы советского перевода убедительно показывает: зачастую творческий подход вдумчивого переводчика неожиданно и своеобразно соединяет духовно близкие произведения, как бы проявляет, высвечивает особый слой, пласт в литературе. За годы работы подбирается какое-то количество произведений, пронизанных единой мыслью, темой, скрепленных единым почерком исполнителя — переводчика.

На этой основе можно подобрать группу или цикл интересных и полезных сборников. Мой опыт редактора и переводчика за десятки лет убедил меня, что подобные книги — единые, цельные — становятся поистине драгоценным подарком читателю.

В самое ближайшее время мы уточним и предложим Вам состав задуманного ранее сборника американской новеллы — произведения интереснейших американских прозаиков в переводах первоклассного мастера — Е. Д. Калашниковой. Задуман также целостный сборник небольших повестей и рассказов — работ другого блестящего мастера, недавно скончавшейся Н. А. Волжиной, состав мы вскорости уточним.

Пока хочу предложить Вам то, что отобрала из сделанного за многие годы — переводы с французского. Надеюсь, что Вы сочтете возможным включить в планы редакции и такую книгу.

Всего доброго.

С уважением

22.XII-81

Н. Галь

* * *

В издательство «Художественная литература»

Уважаемые товарищи!

Несколько лет назад, во время болезни Е. Д. Калашниковой, возникла мысль составить тематический сборник ее работ — американских новелл. Это была бы единая, цельная книга: произведения интереснейших американских прозаиков, притом в переводе первоклассного мастера (примерно по образцу выходившей тогда серии «Мастера поэтического перевода»). Состав предполагался такой:

Н. Готорн. Новеллы, объем около 3 п. л.

Г. Джеймс. Письма Асперна — 7 п. л.

Э. Хемингуэй. Новеллы — 4 п. л.

С. Фицджеральд. Великий Гэтсби — 7 п. л.

Дж. Алдайк. Ферма — 7 п. л.

Общий объем — около 28 п. л.

Хорошо бы эту мысль, тогда не осуществленную, осуществить теперь Вашему издательству. Нет нужды доказывать, что и авторы, и переводчик заслуживают внимания. Такая книга была бы достойным вкладом в план Издательства и прекрасным подарком читателю¹.

¹ Тут не вышло, ту же заявку шлет в издательство «Книга». — Э. К.

Думается, книгой этой можно открыть не серию, но какую-то группу сборников, объединенных замыслом, темой и единым почерком исполнителя — переводчика.

Таким сборником небольших повестей и рассказов справедливо было бы почтить и память недавно скончавшейся Н. А. ВОЛЖИНОЙ — одного из самых блестящих мастеров советского перевода. Ведь творческий подход вдумчивого переводчика подчас неожиданно и своеобразно соединяет духовно близкие произведения, позволяет увидеть, высветить особый слой, пласт в литературе.

Хотелось бы и мне из сделанного за многие годы отобрать произведения, внутренне тяготеющие друг к другу, позволяющие показать какую-то важную грань современной зарубежной литературы.

Н. Галь

* * *

В издательство «Книга»

В серию вашего издательства «Полка библиофила» интересно было бы, думается, включить раздел «Мастер рукою мастера» — цикл сборников зарубежных авторов, в переводах лучших мастеров «Высокого искусства» (выражение К. И. Чуковского).

Подобные сборники поэтического перевода одно время выходили — например, сборник замечательного поэта-переводчика В. Левика, ныне покойного. В издательстве «Художественная литература» запланирован на 1990 год сборник поэтических переводов В. А. Потаповой. Насколько мне известно, Вашему издательству предложен сборник одного из старейших мастеров прозаического перевода — недавно скончавшейся Р. Я. Райт-Ковалевой.

Некоторое время назад возникла мысль составить тематический сборник интереснейших американских писателей в переводе первоклассного мастера Е. Д. Калашниковой. Состав предполагается следующий:

Н. Готорн. Новеллы. Объем около 3 п. л.

Г. Джеймс. Письма Асперна. 7 п. л.

Э. Хемингуэй. Новеллы. 4 п. л.

С. Фицджеральд. Великий Гэтсби. 7 п. л.

Дж. Апдайк. Ферма. 7 п. л.

Общий объем — около 28 п. л.

Получается очень своеобразный срез современной американской литературы. И авторы и переводчик безусловно заслуживают внимания. Творческий подход вдумчивого переводчика подчас неожиданно и своеобразно соединяет духовно близкие произведения, позволяет высветить особый слой, пласт в литературе.

Такая книга была бы достойным вкладом в план издательства и прекрасным подарком читателю. Задуманы еще несколько сборников известных переводчиков-мастеров той же школы советского художественного перевода: О. Холмской, Н. Волжиной, В. Топер, Н. Дарузес, М. Богословской, М. Лорие.

Н. Галь

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(ПЕРЕВОДЫ Н. А. ВОЛЖИНОЙ)

1) Брет Гарт

Несостоящий человек

Счастье Ревущего Стана

Мигтлс

Компаньон Теннесси

Блудный сын м-ра Томсона

Илиада Сэнди-Бара

Монте-флетская пастораль

Случай из жизни м-ра Джона Окхерста

Язычник Вань Ли

Наследница

—

Около 8 п. л.

2) Марк Твен

Человек, который совратил Гедлиберг

Похищение белого слона

—

Около 3,75 п. л.

3) Ст. Крейн — Голубой отель — 1,6 п. л.

4) Дж. Стейнбек — Жемчужина — 3,8 п. л.

5) Альб. Мальц — Праздник — 3 п. л.

Человек на дороге, Игра, Самый счастливый человек на свете — 1,3 п. л.

6) Эрскин Колдуэл. В гуще людской, Зимний гость — 1,5 п. л.

7) К. Э. Портер. Бледный конь, бледный всадник — 4 п. л.

Всего примерно 29 п. л.

Н. Галь

* * *

ПОЛКА БИБЛИОФИЛА. V.
МАСТЕР РУКОЮ МАСТЕРА

1. Э. Хемингуэй. С. Фицджеральд. Дж. Апдайк. Н. Готорн.
Г. Джеймс — В переводах Е. Д. Калашниковой

2. Г. Грин. Наш человек в Гаване. Ценой потери. Сила и слава. —
В переводах Н. А. Волжиной / Предисловие Т. В. Ланиной

3 Г. Бёльль. Глазами клоуна. Сэлинджер. Выше стропила, плотники.
К. Воннегут. Колыбель для кошки. Кафка. — В переводах Р. Райт
или:

Кафка. Сэлинджер. Над пропастью во ржи. — В переводах Р. Райт

4. Т. Вулф. Паутина земли. Смерть — гордая сестра.

У. Стайрон. Долгий марш. Дж. Джонс. Пистолет.

Т. Уайлдер. Мост короля Людовика Святого.

Т. Капоте. Завтрак у Тиффани.

Д. Хэммет. Большой налет. 106 тысяч за голову

В переводах В. Голышева

Н. Галь

* * *

В издательство «Прогресс»

ЗАЯВКА

Считаем нужным предложить издательству наиболее культурный способ отбора и подачи произведений зарубежной литературы — авторские сборники мастеров перевода.

Это гарантирует, во-первых, единство стиля переводимого автора (обычно при соседстве в книге неравноценных переводчиков перепад уровней бывает так велик, что мешает и чтению, и восприятию цельного облика зарубежного писателя).

Во-вторых, как писала в подобной заявке еще в 1981 г. Нора Галь, «творческий подход вдумчивого переводчика неожиданно и своеобразно соединяет духовно близкие произведения, как бы проявляет, высвечивает особый слой, пласт в литературе. За годы работы подбирается какое-то количество произведений, пронизанных единой мыслью, темой, скрепленных единым почерком исполнителя». Это придает сборнику произведений зарубежного писателя особую цельность, психологический стержень.

На основе творческого наследия кашкинцев — как писала Н. Галь в подобной заявке, — «создателей современной школы перевода» — можно было бы выстроить ценнейшую в культурном отношении серию «Мастер рукою мастера».

В такой серии можно было бы воздать дань памяти крупнейших мастеров художественного перевода: В. М. Топер, О. П. Холмской, Н. А. Волжиной, Н. Л. Дарузес.

Н. Галь успела составить сборник американских прозаиков в переводе первоклассного мастера Е. Д. Калашниковой (Апдайк, Г. Джеймс и др., ок. 28 л.).

Открыть эту серию было бы справедливо сборником работ Н. Галь, так долго бившейся за эту идею.

П. М. Топер

* * *

В 1992 году исполняется 80 лет со дня рождения известной переводчицы Норы Галь, скончавшейся 23 июля 1991 г.

Предлагаем по образцу выходившей серии «Мастера поэтического перевода» собрать в одной книге ее избранные переводы.

Н. Галь успела при жизни составить сборник своих переводов с французского. «Это повести и рассказы разных авторов, внутренне тяготеющие друг к другу, — писала она в проспекте. — Здесь ясно проступают важные мотивы литературы XX века, волнующие крупнейших мастеров Запада».

Собранные в одной книге переводы Н. Галь с французского, эти произведения станут открытием для читателя, а вместе с издавна любимыми вещами Сент-Экзюпери вся книга будет важным вкладом издательства в просвещение, культуру и нравственное развитие читателя.

Открыть сборник могут воспоминания Н. Галь «Под звездой Сент-Экса», написанные по просьбе журнала «Советская литература на иностранных языках» (*Oeuvres et opinions*, 1975, июнь, № 198, с. 162—169) к 75-летию со дня рождения Сент-Экзюпери, о Сент-Эксе в нашей стране и в ее жизни) и «Помню...» — о своих первых переводческих шагах, своих наставниках, написанные по просьбе журнала «Иностранная литература», планировавшего отметить свой юбилей.

Объем сборника около 29—30 л.

3 августа 1991 г.

П. М. Топер

* * *

*В издательство «Прогресс»***ЗАЯВКА**

Предлагаю в серию, посвященную мастерам перевода, включить сборник работ Норы Галь.

Состав сборника:

1. А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц. 3 л.
2. А. Камю. Посторонний. 4 л.
3. Дж. Б. Пристли. Опасный поворот. Время и семья Конвей. 9 л.
4. Н. Шют. Крысолов. 13 л.
5. Н. Галь. Помню. Под звездой Сент-Экса. 1 л.

Состав определяется следующими соображениями.

1. Показать равноправные в творческом наследии Н. Галь переводы и с французского и с английского — по 2 автора.

2. Включить имена, привлекательные для читателя.

Сент-Экзюпери пользуется неизменной любовью и спросом.

«Маленький принц» — как бы визитная карточка переводчицы, самое любимое читателями произведение Сент-Экзюпери.

«Посторонний» — одна из наиболее сюжетных, динамичных и популярных вещей Камю. Особенно важно включить, так как был и другой перевод. Блестящий анализ Ю. Яхниной в «Мастерстве перевода» показал правильность трактовки Н. Галь, верную передачу концепции Камю.

3. Пьесы Пристли десятилетиями не теряют своей популярности, пользуются неизменным успехом в театре и на радио. Однако такую вещь с детективной интригой и неожиданной развязкой интересно перечитывать. Старый перевод, звучащий по радио, был низкого уровня. Н. Галь перевела пьесы заново впервые для двухтомника Пристли в издательстве «Художественная литература». Это единственный тираж, практически недоступный широкому читателю. Хотелось бы довести до публики новый, высококвалифицированный перевод любимой пьесы.

4. Таким же практически открытием будет для читателя и «Крысолов» Н. Шюта — Лев Разгон называл его «превосходной книгой, полной мужества, мудрости и доброты». Также было только одно издание.

5. Мемуарные очерки Н. Галь непосредственно связаны с входящими произведениями. «Под звездой Сент-Экса» — рассказ о роли Сент-Экзюпери в ее жизни и о том, как «Маленький принц» входил в нашу жизнь. «Помню» — рассказ о ее творческом пути, о первых шагах в переводе. О наставниках — кашкинцах, и драматический сюжет, связанный с судьбой «Крысолова», историей его перевода и публикации.

Хотелось бы также включить в сборник «Слово о переводчике» — 0,3 л. маленькие статьи Л. Разгона, Е. Таратута, М. Галлая, посвященные

памяти Н. Галь, ее вкладу в культуру. Они как бы поднимают престиж переводчика вообще, что важно для серии «Рукою мастера».

1991 г.

П. М. Топер¹

ЛЮБИМЫЕ ФАНТАСТЫ

Рэй Брэдбери стал для Норы Галь одним из главных и любимых авторов: 27 переведенных рассказов — столько же, сколько остальных фантастов вместе взятых. Но писателя любили и русские читатели, и издатели, за его перевод готовы были взяться многие — и мама в помощь редакциям читает Брэдбери по-английски, советует, что стоит печатать, что — нет, разбирает готовящиеся переводы, где-то и вмешивается, подправляя и доводя до ума. Это огромная трудоемкая работа, нередко бесплатная, бескорыстная.

* * *

В своих романах и рассказах замечательный американский писатель-фантаст Рэй Брэдбери, художник-гуманист, говорит о весьма реальных опасностях, грозящих ныне человечеству. Он призывает: люди, опомнитесь, не погубите Землю атомной войной, не погубите окончательно все человеческие отношения и человеческую душу распадом столь же смертоносным, как ядерный: всеобщей враждой, ядом корыстной, уродливо автоматизированной цивилизации. И особенно тревожит писателя судьба детей. В его рассказах постоянно звучит та же мысль: берегите детей, сохраните в них способность думать и чувствовать по-человечески, иначе вы вырастите жестоких, бессердечных уродов.

О бездумной ребячьей жестокости, воспитанной одним лишь материальным благополучием, вне подлинной человечности, Брэдбери прямо и с огромной силой говорит в рассказах «Урочный час» и «Вельд», где дети вполне закономерно становятся врагами взрослых и предают родителей. О бессознательной и бессмысленной ребячьей жестокости, плоде «невоспитанных» чувств — пронзительный и в то время поэтический рассказ «Все лето в один день». О том, как порождает эту жестокость, грозит разрушить ребячью душу оголтелый эгоизм взрослых,

¹ Павел Максимович Топер — известный литературовед, специалист по переводу. Сын переводчицы В. М. Топер, одной из кашкинцев.

столь типичный в обществе, где всякий сам по себе и каждый всем — волк, — рассказ «Каникулы».

И напротив, показывает Брэдбери, глубоко чувствующие и думающие люди (а чаще всего это — бедняки) заботятся отнюдь не только о сытости и механизированном благополучии. Именно они сохраняют и в своих детях душу живую, и они-то не лишаются доверия и любви детей. Об этом — «Ракета», «Земляничное окошко», «Были они смуглые и золотоглазые». Все эти рассказы очень разные, но главное в них — страстная тревога за будущее человечества, за мир, а значит — за детей. Если в первых 4-х рассказах перед нами — «жестокий», «суровый» Брэдбери, каким мы его узнали еще лет десять назад по роману «451° по Фаренгейту», то в последних трех автор откровенно добр, он не только остерегает, но и что-то советует, подсказывает.

В ином ключе (палитра его богата и разнообразна), но о том же говорит Брэдбери и в «Береге на закате». Русалка, выброшенная приливом, это, конечно, сказка. Но как реально для того мира, в котором живет писатель, стремление и на сказке сделать «бизнес»! Так бы и случилось в рассказе — два взрослых неудачника обратили бы красоту, поэзию, сказку в источник наживы. Но присутствие двух мальчишек удержало их, пробудило даже в грубом и корыстном Чико что-то человеческое. Все четверо не выгадали ни доллара, зато на всю жизнь стали богаче душевно.

В проникновенном рассказе «Здравствуй и прощай» фантастическая мотивировка (почему герой обречен на «вечное» детство) неясна, да это и неважно. Важно, что «вечный мальчишка» хоть и несчастлив, но не замкнулся, не озлобился, он нашел способ заработать себе кусок хлеба, способ самый человеческий и достойный: приносить людям радость.

На фоне всех этих рассказов особенно отчетливо звучит и «Вино из одуванчиков» — вдумчивая и поэтичная повесть о том, как складываются ребячьи характеры, как все окружающее учит детей понимать мир, людей, природу, расти подлинно — то есть деятельно! — добрыми, отнюдь не в абстрактном смысле — хорошими, стоящими людьми.

Собранные вместе, эти произведения Брэдбери, безусловно, производят цельное и сильное впечатление, ибо их объединяют мысль и чувство огромной важности, и при этом они попросту очень талантливы. Такая книга, выпущенная, скажем, к Дню защиты детей, приобретает очень острую и точную направленность. Объем ее — около 16 печатных листов.

«Вино из одуванчиков» в пер. Э. Кабалевской, «Берег на закате» и «Здравствуй и прощай» — в моем пер. и «Каникулы» в пер. Л. Жданова напечатаны в сборнике «Вино из одуванчиков», изд. Мир, 1967; в пер. Л. Жданова публиковался и «Вельд». Остальные рассказы переве-

дены мною и все, кроме «Все лето в один день», вошли в т. 3 Библиотеки современной фантастики («Молодая гвардия» 1965).

Опыт показывает, что и рассказы и повесть увлекают не только взрослого читателя, но и ребят 12—15 лет.

Н. Галь

2.I-68

* * *

О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ СОСТАВЕ СБОРНИКА Р. БРЭДБЕРИ

1) Из 12-ти рассказов редакционного списка 3 последних вошли в т. 3 «Библиотеки современной фантастики» (издательство «Молодая гвардия») в моем переводе — «Дракон», «Ракета» и «Урочный час» (в списке «0-часов»). Все это рассказы сами по себе интересные, и в принципе, я думаю, не страшно повторить уже напечатанное, если это по мысли и окраске важно для сборника и дополняет его, но из этих трех, пожалуй, есть смысл оставить только «Ракету». Тут я согласна с Л. Ждановым: тема «Ракеты» и «Подарка» сходная, но «Подарок» — из самых слабых у Брэдбери, рождественски сентиментален; «Ракета» умнее, глубже, человечнее, очень ясен и философский и социальный ее смысл. (Представленный перевод «Подарка», надо сказать, тоже слабый.)

«Жила-была старушка» — очень хорош, «Смерть и дева» слабее, но тоже годится, перевод нуждается в доработке, хотя окончательно о нем судить не могу — у меня нет английского текста.

«Диковинное диво» — очень хорош. Перевод я посмотрела с текстом, надеюсь, что Л. Жданов, посмотрев мои пометки на полях, поработает над ним еще. Из других рассказов, судя по списку переведенных им же, «Мальчик-невидимка» у меня сомнений не вызывает, «Апрельское колдовство» помню хуже, хотелось бы перечитать. «Каникулы» не знаю совсем, так же как и «Ребята, выращивающие грибы» (название невозможное!), мне необходимо познакомиться с английским текстом — со сб. «Игрушки на потеху». Нет ли в редакции и нельзя ли достать также «Золотые яблоки солнца» и «Человек в картинках»? Они были у меня в руках год назад, не все помню, м. б., там можно найти что-то еще подходящее. «Здравствуй и прощай» помню и перевела бы, это рассказ бесспорный.

2) Тов. Скороденко подбирает рассказы мрачные, жестокие, и объяснения его подчас наивно тенденциозны до того, что вспоминаются времена вульгарного социологизма.

Н. Галь

* * *

О СКИТАНЬЯХ ВЕЧНЫХ И О ЗЕМЛЕ. FOREVER AND THE EARTH

Рассказ этот буквально называется «Навеки и Земля», что звучит странно и по-русски и по-английски. Но слова эти взяты из цитаты на стр. 22, поэтому переводчик счел себя вправе несколько развернуть их, раскрыть смысл. Рассказ относится к 1950 г.

Как и во всех своих произведениях, Брэдбери меньше всего здесь интересуется «фактическими» подробностями (скажем, устройством и действием Машины Времени). Внешние обстоятельства и детали подчас наивны до смешного: 23-й век, летают межзвездные корабли, человека добывают из Прошлого, а рядом — совсем сегодняшний телетайп, телефон, счет на доллары. Но все это, как и «финансист» и неудачливый писатель — нелепый и подчас даже трогательный старик Филд — лишь условность, позволяющая Рэю Брэдбери воплотить главное: неистовую, всепобеждающую страсть к творчеству, которая во все века превышает всего в человеке! Вот это торжество великолепной созидательной работы, победа Человека Творящего над временем и пространством, над болью, страхом, смертью — главное в рассказе и, на мой взгляд, заслуживает внимания.

Н. Галь

20.II-68

* * *

О РАССКАЗЕ «ВСЕ ЛЕТО В ОДИН ДЕНЬ»

Американский писатель Рэй Брэдбери много пишет о том, как будут люди через многие годы жить на нашей Земле и как они полетят на другие планеты. Рассказы и повести его почти всегда фантастические. Это не научная фантастика — наука установила, например, что на Марсе не может быть каналов, полных прохладной свежей воды, не обнаружено обилия водяных паров и в атмосфере Венеры, а у Брэдбери Венера — планета дождей. Но не это важно для писателя. Его прежде всего заботят люди.

Многие рассказы Рэя Брэдбери на первый взгляд — страшные, жестокие. Но это потому, что его неотступно тревожит будущее мира, судьбы человечества, угроза атомной войны. Своими рассказами он словно говорит: люди, опомнитесь! Иначе вам грозит гибель и озверение! Не будьте жестокими ни в большом, ни в малом, всегда и во всем будьте людьми.

Вот и в этом рассказе о коротком лете на Венере юных читателей, да и взрослых, наверно, больше взволнует не фантастическая картина далекой планеты, а то чувство, что волновало и писателя — отвращение

ко всякой несправедливости, острый стыд за всякую, даже нечаянную, по неразумию совершенную жестокость.

Н. Галь

* * *

Милая Женя!

Посылаю, как обещала, копию заявки, посланной в начале января 68 г. Екатерине Викторовне Калмыковой (Подростковая редакция Молодой гвардии). Я дала ей все рассказы, кроме «Вельда», советовала построить книжку так: начать с доброго рассказа, потом дать несколько горьких и остерегающих — и снова добрые, даже оптимистичные. А уже после этого — повесть, которая по сути вся — о воспитании чувств и характера, т. е. опять же о формировании человека для людей, противостоящего всему бесчеловечному. Разъяснять тут, думаю, нечего, каждая страница сама за себя говорит. ПРИМЕРНЫЙ ПОРЯДОК 1) Ракета, 2) Каникулы, 3) Все лето в один день, 4) Урочный час, 5) Вельд (его у меня нет), 6) Берег на закате, 7) Земляничное окошко, 8) Были они смутные... 9) Здравствуй и прощай, 10) Икар Монгольфье Райт, 11) Вино из одуванчиков.

Лежит эта заявка почти год — и ни с места...

Была у меня и другая заветная мечта — выпустить одной книжечкой МОЕГО Брэдбери, я ведь перевела уже 21 рассказ: 16 в т. 3 Молодогвардейской «Библиотеки современной фантастики», 3 — сб. «Вино...», один так и не напечатан («Все лето в один день»), и один напечатала в конце июня с. г. Литгазета, изменив название и сократив на треть — отличный, тончайший рассказ о самоотверженности творчества, о Томасе Вулфе (они назвали «Год ракеты», а на самом деле — «О скитаньях вечных и о Земле»!).

Тоже хорошая была бы книжка, но это, наверно, мечта несбыточная¹... Поклоняйтесь за меня Ар. Г.². Хотя я, по Вашему «наущению», и посылаю заявку, но неловко мне загружать ее своими делами.

Держу и второе свое обещание, чтоб Вас посмешить — посылаю эти самые стишки. Но большая просьба — не надо их распространять. Если захотите позабавить кого-то из друзей, то — очень немногих, кто

¹ Эту мечту, уже без мамы, мне удалось воплотить — выпустить в двухтомнике «Звезда по имени Галь» в первом томе «Земляничное окошко» (по рассказу Брэдбери) все 26 его рассказов в ее переводе плюс еще пять ее переводов других любимых фантастов (А. Азимов, П. Андерсон, Д. Блиш, Э. Гамильтон, У. Гвин), а во втором томе «Заповедная зона» — еще 16 ее переводов других фантастов. «Мир» 1999.

² Ариадна Георгиевна Белевцева, редактор «Мира»? Или Ариадна Георгиевна Громова, писательница?

поближе, и ни в коем случае не давайте переписывать — ладно? Не хочется мне этого, категорически не хочу выступать в таком «амплуа».

Будьте здоровы и бодры, дружок! Звоните, пишите, главное — не волнуйтесь лишку, берегите себя.

Целую Вас.

2.X-68

(Не сердитесь, что на машинке — рука болит, пером не могу.)

Н. Галь

* * *

Уважаемая Инна Федоровна! («Молодая гвардия»)

В конце июля с. г. редакция фантастики Вашего издательства попросила меня срочно перевести рассказ Брэдли «Лучезарный феникс». Рассказ невелик (примерно 0,25 л.), но очень сложен, однако я согласилась, несмотря на крайнюю занятость, согласилась как раз потому, что рассказ превосходный, сложный и интересный — своеобразный вариант повести «451° по Фаренгейту», и через неделю представила перевод.

Как сейчас выяснилось, Ю. М. Медведев настаивает, чтобы в первой же фразе снята была фантастическая «дата» — 2022 год, в противном случае рассказ не войдет в сборник. Насколько я поняла, т. Медведев полагает, будто автор допустил существование в столь отдаленном будущем фашизма в США — и, публикуя это допущение, можно повредить налаживанию советско-американских отношений.

Все это основано, мягко говоря, на чистейшем недоразумении.

Брэдли, один из самых прогрессивных и гуманных писателей-фантастов на Западе, у нас широко известен и в моей защите не нуждается. Повесть «451° по Фаренгейту» у нас тоже прекрасно известна и очень популярна, она выходила и отдельной книгой и в серии БСФ Вашего Издательства. Рассказом «Лучезарный феникс», как и этой повестью и еще многими своими произведениями, автор действительно предостерегает от фашизма — но отнюдь не утверждает его неизбежность! Как раз напротив. Да, при двухпартийной системе пресловутого «свободного мира» в захудалом городишке в любое время может, пожалуй, объявиться такой маленький кандидат в Гитлеры или Голдуотеры. Но ему в рассказе Брэдли не удастся одержать победу даже на этом крохотном пятачке: попытка провалилась благодаря ОБЩЕМУ, хотя и бескровному противодействию, и поджигатель книг, мечтавший распространить этот опыт пошире, уходит ни с чем, как побитый пес. Разумеется, Брэдли не коммунист, и его фантастические рассказы и прогнозы не всегда совпадают, допустим, с рассказами наших авто-

ров. Однако и в «Фениксе» у него побеждают, попросту говоря, не злые, а добрые силы Америки, так что дипломатическим и культурным отношениям с этой страной публикация рассказа едва ли может повредить.

Есть в этом недоразумении и другая сторона. Брэдбери — крупный писатель, за публикацией своих произведений у нас он, насколько я знаю, следит внимательно — и если даже, по условиям конвенции, не сможет требовать возмещения за искажение текста давнего рассказа, то протестовать вслух и как-то препятствовать другим публикациям, вероятно, сможет. Кстати, «точные даты» — очень характерная черта его фантастики. Снять дату, чтобы читатель думал, будто автор относит события рассказа, скажем, к нашим дням, было бы прямым нарушением манеры и замысла Брэдбери. Ни как переводчик, ни как литературовед я на это согласиться не могу, сколь ни обидно мне бросить работу, да еще сделанную так срочно и напряженно по заказу издательства, в корзину.

Н. Галь

Уважаемая Галина Гавриловна! (Кишинев)

Я была редактором сборника «Вино из одуванчиков» — в 1967 году эта книга исчезла с прилавков в считанные даже не часы, а минуты. В библиотеках ее зачитывают до дыр. Повесть Брэдбери о детстве превосходна и при этом прекрасно переведена, ее художественное и воспитательное значение бесспорно.

Мне кажется, как бы ни был полон портфель Вашей редакции, этот небольшой по объему сборник очень украсит план Издательства.

Всего Вам доброго!

С уважением Н. Галь.

22.VI-76

О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ОДНОТОМНИКЕ РЭЯ БРЭДБЕРИ

Рэй Брэдбери, известный американский писатель, давно знаком советскому читателю — у нас печатались порознь и в сборниках его рассказы, «Марсианские хроники», повести «451° по Фаренгейту» и «Вино из одуванчиков». Брэдбери — большой художник, он не просто и не только фантаст, это писатель-философ, он постоянно поднимает серьезные вопросы, волнующие человечество. И он писатель по преимуществу светлый, поэтичный, воинствующий гуманист. Естественно поэтому предложение выпустить его книгу в издательстве «Художественная литература».

Однако состав предлагаемого сборника вызывает серьезные сомнения — не могу ими не поделиться.

Первая из предложенных повестей, «Вино из одуванчиков» — едва ли не лучшее создание Брэдбери, она бесспорно должна войти в сборник, тут нельзя не согласиться с заявкой.

А вот «Надвигается беда» — книга по мысли серьезная, но отнюдь не из лучших у Брэдбери. Мрачные мистические образы здесь поданы очень натуралистически (людям колдовством зашивают веки, у носителя Зла на ладони отпечатываются лица мальчиков — и когда он сжимает кулак, на землю капает кровь, а ребята кричат от боли и т. д.). Столько красок и страниц отдано живописанию Зла, что мистика в сочетании с натурализмом перевешивает, заслоняет то доброе и человеческое, ради чего задумана книга. Американскому читателю «адские наваждения» привычны с детства (есть, например, такая детская игра — колдунью режут на куски), а нашему читателю они чужды и не могут не отталкивать. Материализация «черных» метафор, переход от условности к натурализму действуют так же разрушительно, как если бы в сказке о Красной Шапочке заняться подробным анализом пищеварения, работы зубов волка и его желудочного сока. Аллегория — аллегорией, конечно же, тут есть философский подтекст, все это справедливо, но необходимые психологические и эстетические критерии смещены и разрушены, книга приобретает болезненную, почти патологическую окраску, иные места физически трудно читать. Вот почему, хотя и замысел этой книги и отдельные ее главы сильны и значительны, перечитав ее, я все же, как и десять лет назад, очень не советую издавать эту повесть.

Думается, и «Святочная сказка» тоже далеко не самое удачное произведение Р. Брэдбери. Она вялая, растянутая. «Главное», как пишут авторы заявки, — когда мальчишки решают не дать товарищу погибнуть, — занимает считанные абзацы в конце сказки. А вся долгая предыстория, познавательная сторона — история святок — скучновата, тем более, что ассоциации, привычные для американского читателя, нашему читателю ничего не говорят.

Как же поступить? Издать сборник Брэдбери к его юбилею — мысль прекрасная. Конечно, велик соблазн открыть новые грани творчества этого сложного и разностороннего писателя, но это было бы возможно и естественно, если бы издавался, скажем, трехтомник. В ОДНОТОМНИК же должно войти, на мой взгляд, ЛУЧШЕЕ из того, что создал писатель. Изд-во «Художественная литература» выпускает произведения классические, отобранные временем, — и впервые печатая автора, уже известного подлинно прекрасными книгами, должно особенно строго отнестись к составу однотомника.

Кроме «Вина из одуванчиков», «Марсианских хроник» и повести «451° по Фаренгейту» (которая издавалась не раз), лучшее у Брэд-

бери — его рассказы (опять-таки, тут нужен строгий отбор, всего их около 300). Немало их издавалось у нас, но в основном издательствами, рассчитанными на юного читателя («Детская литература», «Молодая гвардия»), либо они рассеяны по одному, по два в различных сборниках и в периодике, причем нередко урезанные и далеко не всегда в хороших переводах. Немало есть и хороших рассказов, которые еще не переведены. Поэтому, если речь идет всего лишь об однотомнике, думается, правильно было бы, чтобы либо авторы заявки, либо иные знатоки Брэдбери (а они у нас есть) выбрали лучшие, наиболее значительные рассказы, которые вместе с «Вином из одуванчиков» составили бы отличный однотомник, достойно представляющий Рэя Брэдбери не только давно знающим его молодым читателям и любителям фантастики, но и более широкому кругу читателей большой литературы.

Н. Галь
20 июня 77

* * *

Лениздат

Глубокоуважаемая Нина Александровна! (Чечулина)

Мне очень совестно, но я не уловила по телефону и не запомнила фамилию Лидии Андреевны, а хочу к тому телефонному разговору кое-что прибавить. Может быть, это и Вас и всю редакцию заинтересует.

Мне кажется, очень стоило бы взамен (или помимо) «Американской трагедии» выпустить хороший однотомник Рэя Брэдбери. Это ведь не просто фантаст (титул, к которому подчас совсем напрасно относятся с недоверием). Это настоящий большой писатель, если угодно, поэт в прозе. И настоящий большой гуманист, глубоко озабоченный, как все прогрессивные писатели, судьбами человечества, будущим нашей Планеты людей, завтрашним днем ее детей.

Притом 1980 год — вдвойне юбилейный для Брэдбери: ему исполняется 60, его писательской работе — 40.

А сборник можно составить превосходный:

1) Известнейший «роман-предупреждение» «451° по Фаренгейту» (перевод Т. Шинкарь, около 8 печатных листов);

2) Превосходные, тоже очень известные «Марсианские хроники» (перевод Л. Жданова, около 11 п. л.);

3) Чудесная, необыкновенно человечная и поэтичная автобиографическая повесть «Вино из одуванчиков» (около 12 п. л., отличный перевод Э. Кабалевской);

4) Рассказы. Их у Брэдбери очень много, иные есть в нескольких переводах — тут нужно будет отбирать и рассказы и переводы. Не меньше 25-ти перевела и в разных изданиях печатала я, и, признаюсь, эти

рассказы — из самых любимых моих работ, в каждом чувствуется: автор — большой художник и настоящий человек.

Право же, получится великолепная книга и пользоваться она будет огромным успехом!

И еще одной мыслью хочу поделиться: м. б., Ваше издательство выпустило бы сборник рассказов и повестей Дж. Олдриджа — пожалуй, не самых известных, но очень хороших и стоящих, в основном из его австралийского цикла. Примерно так:

1) «Дело чести» — о летчиках 2-й мировой войны; это его первая книга, антифашистская и в то же время лирическая; правда, старый пер. Д. Горбова и П. Охрименко, м. б., потребует некоторой правки (19 п. л.)

2) «Последний дюйм» — рассказ очень известный, по нему у нас был сделан небольшой фильм; пер. Е. Голышевой и Б. Изакова;

3) «Мальчик с лесного берега» и «Победа мальчика с лесного берега» — переводы И. Бернштейн и В. Хинкиса;

4) «Мой брат Том. Повесть о любви» — пер. Е. Калашниковой. Вместе в рассказах и повести листов 12—13.

5) «Охотник» — этой повести меня под рукой нет, проверить не могу, если память не изменяет, пер. И. А. Кашкина, объем совсем небольшой.

6) «Джули отрешенный» — отличная психологическая повесть, совсем недавняя, опубликована была только в журнале «Огонек» (№№ 35—49 за 1976 г.), причем и сама повесть и превосходный перевод Р. Облонской отмечены премией журнала, объем около 12 п. л.

Опять-таки сборник вышел бы интересный и несомненно имел бы успех у читателей!

Хочу сказать Вам, дорогая Нина Александровна, что успех имеет и наш Сент-Экс. Только огорчилась я, заметив все-таки каплю дегтя: уже после того, как я читала верстку, видно, корректор заменил очень неудачно в «Планете» на стр. 197 настоящее время прошедшим (Порт-Этьен, стояВШий...городом не назовешь — вместо необходимого стояЩий), на стр. 211 — Случалось, в ночной тишиНЕ НА НЕго нахлынут воспоминания (у меня было «в ТИШИ») и, что хуже всего, в «Письме» (стр. 403 внизу) вместо каталАнского языка почему-то появился каталОнский, а это уже грубая ошибка: от Каталонии — каталОнский житель, но язык именно каталАнский... жаль. Но в целом книжка отличная, я уже слышала о ней самые лестные отзывы.

Всего Вам доброго! Жду от Вас или Лидии Андреевны вестей, очень надеюсь, что мои предложения вас заинтересуют.

С уважением

Н. Галь
4.IV-78

* * *

ГОСТИНИЦА ВНЕ НАШЕГО МИРА: АМЕРИКАНСКИЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ (ПЕР. С АНГЛ. Н. ГАЛЬ)

В сборнике представлены и признанные лидеры американской фантастики — А. Азимов, К. Саймак, Р. Шекли. Открытием для читателя станут и рассказы авторов менее известных у нас (Д. Блиш и М. Лейнстер, Лестер дель Рей и Уаймен Гвин). Горестная повесть Пола Андерсона соседствует с лукавой усмешкой Милдред Клингермен и Зенны Хендерсон. Жемчужинами американской фантастики можно назвать рассказы Э. Гамильтона, У. Ле Гуин, Т. Старджона. Впервые собраны вместе фантастические рассказы в переводе Норы Галь.

* * *

РЭЙ БРЭДБЕРИ. ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ. 12 Л.

Перевела с английского Э. Кабалевская. Под редакцией Норы Галь. Удивительно светлая, поэтическая повесть о подростке. Изнутри раскрыт его внутренний мир, начало вхождения в жизнь. Он открывает для себя, что такое счастье, что такое время, жизнь и смерть.

В книге ощутим дух Дома, дух Семьи. Доверие к умному, все понимающему отцу, уют, создаваемый бабушкой и прабабушкой, радостный труд деда — все эти простые истины без назиданий формируют душу подростка.

И при этом повесть увлекательна, есть здесь и Машина времени, и Машина счастья, и таинственная колдунья. Лирика сплетена с долей фантастики. Книга делает читателя чище, добрее.

Н. Галь

* * *

«КОНЕЦ ДЕТСТВА» А. КЛАРКА

В наступившем 1987 году исполняется 70 лет известному ученому и гуманисту, хорошо знакомому писателю-фантасту Артуру Кларку. В разное время у нас переведены и изданы многие его рассказы и романы. Думается, стоит познакомить нашего читателя еще с одним романом, стоящим, пожалуй, несколько обособленно в творчестве Кларка: быть может, здесь поменьше характерной для этого автора научности и техничности, побольше, так сказать, фантастичности, почти сказочности. Но остается главное: высокая гуманистическая направленность.

Человечество не должно воевать, пора положить конец междоусобице — любыми средствами. Человечество должно быть готово к встре-

че и взаимопониманию с любым, пусть совсем непохожим и непривычным разумом (эта мысль звучала и в «экологических» произведениях, например, в «Большой глубине» — «Все живое вправе существовать», — говорит там один из героев, что может быть злободневнее и сегодня?). И еще: человечество должно совершенствоваться духовно, не остановиться на благополучной сытости, не стать «обществом потребления», но хранить и развивать ценности духовные — не должны застыть Разум и Искусство.

Кларку-фантасту во многом близки мысли Циолковского о возможных путях эволюции разума, а также известная идея Ивана Антоновича Ефремова о «Великом Кольце». Он убежден, что возникший на нашей планете разум будет развиваться беспредельно и в конце концов так или иначе объединится с иным разумом, в любой форме возникшим во Вселенной.

Вариант этого развития и объединения, обрисованный в романе «Конец детства» (подразумевается детство человечества, перерастающего свою колыбель — планету Земля), — своеобразен. Не случаен эпиграф-оговорка: «Гипотезы, положенные в основу этой книги, принадлежат не автору». При этом хочется сказать, что в смысле чисто художественном книга эта у Кларка, пожалуй, одна из лучших. Написана она в начале 50-х гг., объем 10 п. л.

Н. Галь
31.XII-86

* * *

«Молодая гвардия», Ключевой

Уважаемая Белла Григорьевна!

Пользуюсь случаем вернуть Вам сборник Брэдбери. С большим огорчением убедилась, что в книжку, выпущенную «Знанием», вошли уже почти все хорошие и интересные рассказы. На мою долю практически ничего остается, так что, если будете издавать эту книгу, логично будет «остатки» доделать тому же Жданову. В этом случае, надеюсь, у Вас найдется для меня что-нибудь еще — литературу эту я люблю до совершенной «несолидности», особенно — окрашенную не столько технически, сколько психологически и философски, как у Брэдбери, так же Стругацких.

Если можно, пока что передайте с моей дочерью что-нибудь хоть на прочтение из Ваших фантастических запасов — буду благодарна. А если станет вопрос о переводе, координаты мои — Дом творчества в Переделкине.

Н. Галь
15.08.64

* * *

Фесенко, «Мир»

Ромуальд Алексеевич,

С благодарностью возвращаю прочитанные книги. На всякий случай вот мое мнение о них — м. б., пригодится.

J. Vange — низкопробное чтиво, много крови и ужасов, дешевый герой — классический ирландец (во 2-й повести), ничего человеческого и человеческого, достойного перевода, в обеих повестях не нахожу.

L. del Rey — скучноватый парафраз на темы скандинавской мифологии, что-то вроде янки НЕ при дворе короля Артура — переводить, по-моему, никакого смысла.

J. Blish — к сожалению, на двух планетах способны кое-как отказаться от вражды ТОЛЬКО потому, что уж с третьей им обоим воевать не миновать. Концепция неважная, художественные достоинства много ниже среднего.

Th. Scortia — тысячная вариация на тему о механизированном и упорядоченном будущем, от которого людей так тошнит, что они ищут выхода (или развлечения) в убийстве или в смерти. По-моему, не годится.

P. Anderson. Sister Planet — Несмотря на жестокий конец (по-своему он оправдан) повесть, думаю, заслуживает внимания. Но переводить надо с толком, огрубить психологию — значит загубить вещь. Тут важен оттенок каждого слова, переводчику понадобятся большой такт и чувство меры¹.

Всего доброго!

Н.Г.

7.XII-64

* * *

О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ СОСТАВЕ ОДНОТОМНИКА ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ Р. БРЭДБЕРИ.

Среди рассказов, отобранных из сборника «Страна вечной осени», бесспорны, на мой взгляд, только два — «Чертик из коробки» и «Толпа» — рассказ очень сильный и безусловно заслуживает внимания, хоть и заканчивается мистически (толпа жаждущих крови зевак состоит, оказывается, наполовину из мертвецов, которые сами стали когда-то жертвами уличной катастрофы).

В «Косе» мистические ноты гораздо громче, но протест против смерти и особенно — против смерти бессмысленно жестокой, уносящей сразу множество жизней, — так пронзителен и так характерен для Брэдбери, что рассказ, пожалуй, все же стоит печатать.

¹ Позже Нора Галь перевела эту повесть — Пол Андерсон. «Сестра Земли».

«Возвращение домой» гораздо менее оправданно, здесь мистика с упырями и оборотнями явно преобладает. Есть тут и гуманистическое зернышко — мысль, что и обычная, нормальная человеческая жизнь тоже чудо, а способность за краткий срок много увидеть в мире и многому удивиться — великий дар, — но зернышко это теряется в ворохе мистической мякины. А вот «Верхний жилец» — такое смешение мистики с отвратительным натурализмом, которое граничит уже с «черной» литературой ужасов и совершенно чуждо нам, этот рассказ печатать не следует.

Сборника «День, когда лило не переставая» я, к сожалению, не знаю и о трех взятых оттуда рассказах судить не могу.

Рассказов «Подарок» (сб. «Лекарство от грусти») и «Трест Марионетки» (сб. «Человек в картинках») не помню сейчас, при первом чтении они мне не показались заслуживающими внимания.

Рассказы «Мусорщик» и «Здравствуй — прощай» печатать следует несомненно — и именно потому, что натуралистические краски первого и «невероятность» второго для автора не самоцель, они лишь помогают «пронять» читателя подлинно человеческой, гуманистической мыслью и чувством, а это и есть самое важное в творчестве Брэдбери.

В рассказе «Город» составителей, видимо, подкупила основная мысль: злодеяние и насилие, захватническая война и истребление людей и народов — преступления, которым нет прощенья во веки веков (нет прощенья не только преступникам, но и их отдаленнейшим потомкам, что уже вряд ли справедливо!). Но выражена эта мысль в таких кровавых и натуралистических образах, что печатать рассказ безусловно не следует. Не надо забывать, что Рэя Брэдбери у нас знают, прежде всего, как фантаста и его жадно читает молодежь. Было бы вреднейшей ошибкой преподносить молодому читателю подробные описания вивисекции. Надо помнить также, что в творчестве Брэдбери переплетаются очень разные струи и мотивы, подчас он впадает в крайности, гуманистический лейтмотив заглушают ноты, повторяю, глубоко нам чуждые. И общая задача издательства, составителей, переводчиков — отбирать для нашего читателя лучшее, человеческое, прогрессивное, а не печатать все подряд, без разбору, увлекаясь «модным» автором.

Кроме перечисленных, я обнаружила в списке пять рассказов («Смуглые и златоглазые», «Пешеход», «Убийца», «Последняя ночь человечества» и «Лисица в лесу»), которые — не все точно под такими же названиями — переведены мною и включены в сборник, готовящийся в печати в издательстве «Молодая гвардия». На всякий случай сообщаю об этом, так как не знаю, известно ли Вашему издательству об этом совпадении.

9.II-65
Н. Галь

* * *

Уважаемая Ирина Яковлевна! (Хидекель, «Мир»)

Посылаю кое-какие свои дополнительные соображения насчет сборника Брэдбери. Прошу извинить, если за недосугом и от усталости изложила их не слишком четко, все это делалось попутно с другой работой. Все же, надеюсь, пригодится. Одновременно возвращаю материалы Скороденко, Ивашевой и Жданова, — они Вам, д. б., нужны, — а также оба перевода Скороденко (неважные!) и «Диковинное диво», которое надо бы Л. Жданову еще почистить. Перевод Жукова «Смерть и дева» оставляю у себя, если можно, пришлите английский текст.

Сб. Миллса с английским текстом для Жданова возвращаю. Но об этом сборнике еще два слова:

1) Интересен рассказ Фаста «Первые люди». Если когда-нибудь на моем веку этот автор за давностью грехов станет снова возможен в нашей печати, я бы этот рассказ перевела.

2) Хорош «Уродливый мальчишка» Азимова. Если его еще будут у Вас издавать, учтите, что русский перевод был очень слабый.

3) В какой-то мере любопытны «Произведение искусства» Блиша и рассказ Старджона о летающем блюде и одиночестве.

4) «Теперь уснем» Дэвисона на ту же тему, что и «Город» Брэдбери: война и насилие — преступления непростимые. Речь, разумеется, не только и не просто о чужих планетах. И на эту же тему, думаю, интересны еще два рассказа: «Охраняемая порода» Файфа в последнем «Пингвиновском» сборнике Бр. Олдиса и великолепная «Планета-сестра» Пола Андерсона — м. б., самый глубокий и сильный рассказ на эту тему из всех, мною виденных. Думаю, не надо пугаться ни жестокой, но, по сути, единственно разумной и человеческой развязки, ни упоминаний о господе-боге, в которого герой не верит, хоть и ссылается на Библию. Уважать чужую, даже непонятную жизнь, иной разум, уклад и мир П. Андерсон учит очень образно и убедительно. Думаю, для этого рассказа непременно надо найти место в каком-нибудь сборнике. Если редакция со мной согласится, я охотно и незамедлительно его переведу.

В том же сборнике, где Файф, мне предложено обратить внимание на «До Эдема» Кларка — но он уже опубликован в новом однотомнике (перевод Жданова). В том же сб. Олдиса любопытна, на мой взгляд, «Клетка» Чендлера.

В другом сборнике Олдиса — отличный рассказ Азимова «Наступление ночи», но он, видимо, уже переведен. «Разведка» Саймака неплоха, если она у Вас пойдет, я, пожалуй, переведу.

Не кажется ли редакции возможным сборник (или раздел в каком-то сборнике), так сказать, с уклоном в сторону юмора, сатиры и памфлета? Туда можно бы включить ту же «Разведку», м. б., «Охраняемую породу» Файфа, пожалуй — «Разрозненную пару» и «Клетку» Чендлера. Для такого раздела я бы охотно перевела (если меня не опере-

дили) отличный рассказ Стейнбека «Краткая-прекраткая история человечества» из того же сб. Олдиса.

Не лишены интереса «Страна добрых» Д. Найта, «Стена вокруг мира» Теод. Когсуэла, «Конец лета» Бадриса, но это уже философия подчас с оттенком зауми.

«Рифы космоса» Фр. Пола и Дж. Уильямсона мне сильно не по душе. Слишком тут много от дешевого чтива, слишком много ужасов и натурализма («Банк плоти»), слишком сомнителен пресловутый «хэппи энд». Мысль о Машинном разуме, определяющем судьбы людей, и о том, что решения Машине в конечном счете подсказывают люди, способные обернуть ее власть во зло, не нова. А освобождение и возврат к более или менее человеческой жизни достигается отнюдь не в результате человеческой борьбы и усилий. В целом и концепция книги и авторская манера мне глубоко несимпатичны — м. б., это и субъективно.

Держите меня, пожалуйста, в курсе — как дальше будет с Брэдбери, меня заботит и окончательный состав и распределение, очень не хочется потом редактировать неквалифицированные переводы. И время свое хотела бы рассчитать, если буду что-то переводить сама. За Андерсона и Саймака могла бы взяться быстро. Но хотела бы почитать обоих еще, если у Вас есть какие-то другие их рассказы или повести.

Всего доброго!

9.XI-65.

Н. Галь

* * *

Дорогая Ирина Яковлевна! (Хидекель, «Мир»)

Посылаю Вам: 1) Книжку Шюта и свой отзыв о ней, 2) Книжку Брэдбери (ждановскую) и два перевода из нее — свой (посмотрите сами придиричиво, поскольку за мной второго глаза нет) и Скороденко. Мой рассказ — теперь только вижу — очень раскрывает мысль, проходящую почти по всему сборнику: противопоставляет приземленное и корыстное восприятие мира бескорыстному детскому и поэтическому мироощущению, так что оказался больше кстати, чем мне самой сперва думалось. Над «Подарком» пусть переводчик еще поработает, это как раз сделано довольно непоэтично, хотя излишне слащаво местами. И, наконец, 3) перевод Жукова — он почти всю правку принял, но, мне кажется, просто не заметил и перелистнул стр. 9 — или уж такое совпадение, что именно на ней ни с одним моим замечанием не согласился? Было бы хорошо, если бы Вы тоже взглянули на мой карандаш в тех местах, где он оставлен «без последствий» — не потому, конечно, что я хочу настаивать на правке, но, м. б., там оказались какие-то просчеты. А в целом рассказ готов.

Жду дальнейших вестей от Вас. Всего доброго!

Н. Галь

26.IV-66

* * *

Пол Андерсон — один из тех писателей-фантастов, которых глубоко тревожат судьбы западной цивилизации, завтрашний день мира и человечества.

В рассказе «Планета-сестра» тревога эта звучит пронзительно и страстно. Проблемы, поставленные в нем, отнюдь не фантастичны. Политика силы, безудержная агрессия, геноцид — это, к сожалению, не фантастика, а реальность. Те, кто выжигает напалмом поля или сбрасывает водородную бомбу на город с миллионами женщин и детей, — те, конечно, не постесняются ради своей выгоды взорвать и целую планету, уничтожить целую цивилизацию — мирную, прекрасную, быть может, более высокую, но чужую.

Конечно, не этого хотят ученые, нашедшие способ изменить облик планеты. Нет, ученый во имя человечности готов отказаться от своего открытия. Но Пол Андерсон знает, что и сегодня на Западе ученый почти всегда играет роль подчиненную. И это положение он, естественно, переносит в завтрашний день. Физики Лос-Аламоса, за редчайшими исключениями, отнюдь не хотели трагедии Хиросимы — но не сумели ее предотвратить. Ибо они раскрепостили силы атома, а распорядился этими силами, обратил их во зло Пентагон.

Пол Андерсон интересно ставит и чисто научные проблемы — физические, геологические, биологические. Его волнуют огромные возможности познания и преобразования природы, могущество разума. И все это раскрывается в художественных образах, с большой глубиной психологического проникновения в пафос и поэзию Науки.

Но в рассказе Андерсона, как и в стране, где он живет, наука — только служанка. Станция на Венере существует не ради научных открытий, а ради выгоды монополистов. И герой рассказа, и его друзья слишком хорошо знают свое общество и не доверяют ему. Они сомневаются в его завтрашнем дне, они понимают: на Земле непременно найдутся политики и военные, которые обратят научное открытие в орудие убийства и в средство наживы.

В рассказе Андерсона отчетливо проступает контраст между представлениями о встрече с иным разумом, свойственными советской фантастике и фантастике Запада. У наших фантастов братья по разуму стараются понять друг друга. У фантастов Запада такая встреча, как правило, рождает страх, вражду, убийство. Убийством, наперекор воле героя, кончается и рассказ Андерсона.

Чтобы предотвратить чудовищное преступление — гибель целой планеты, целого народа, пусть совсем чужого, но умного и доброго, герой Андерсона и сам совершает страшное преступление. В сущности, он идет на жестокую провокацию. Но ценой гибели своих друзей и товарищей он пытается спасти жителей Венеры, а заодно и уберечь все

человечество, которое оказалось бы повинно в новом геноциде, если бы он — герой — не спас всех ценой гибели немногих.

Страшная цена. Герой гибнет и сам, не вынеся тяжести своего деяния. Ибо, не веря в бога, он понимает, что заслужил все муки ада. Он не нашел иного, менее страшного выхода. Но этой судьбой, всем рассказом автор не просто пугает читателя. И не просто уверяет его в безнадежности будущего. Он взывает к лучшему, человеческому в человеке, к силам добрым, противостоящим корысти и убийству. Даже не видя настоящего выхода из тупика, Пол Андерсон, безусловно, пробуждает и в своем читателе на Западе желание — найти выход, достойный человека.

Н. Галь
15.III-67

* * *

Уважаемая Татьяна Эдуардовна! (Иванова, «Иностранная литература»)

Вы спрашивали, нет ли у меня переводов фантастики, в частности, Р. Брэдбери. Жаль, что не знала раньше немного, кое-что уже отдано в другое место. Посылаю то, что еще не печаталось.

Рассказ Доремье не просто жестокий, горечь его оправданна, это — отголосок времен французского разбоя во Вьетнаме.

«Ковчег» Люкаса — довольно ироническая картинка иных не слишком научных американских экспедиций.

Короткая юмореска Роджера Желязны действительно забавна и точно бьет в цель.

Брэдбери в «Секрете мудрости» еще меньше, чем обычно, фантаст, но, как всегда, психолог.

Значителен рассказ одного из классиков фантастики — Э. Гамильтона. Мысль — твой долг, твое дело превыше всего — не нова, но и не стареет. Меня подкупила другая — о далеком будущем Земли, о противоречивом и неостановимом движении природы, бытия. Ведь человечество, как и отдельный человек, живет и работает, не опуская рук, наперекор знанию, что и отдельная личность и любые формы жизни — не вечны.

Все рассказы — не конвенционные, не знаю только даты рассказа Брэдбери (взят он из сборника 1976 г., но это еще ничего не значит).

Совсем не уверена, что Вам что-то из этого подойдет, но, поскольку спрашивали, посылаю на Ваше усмотрение. Отвергнутое, пожалуйста, сразу верните!

Всего Вам доброго.

Н. Галь
11.X-79

«ТЫ В ОТВЕТЕ...»

*Совершенство достигнуто не тогда, когда
нечего прибавить, а когда уже нечего убрать.
Антуан де Сент-Экзюпери*

«Ты в ответе за тех, кого приручил» — эти слова из «Маленького принца» стали поистине крылатыми, и не в последнюю очередь потому, как чеканно и легко они благодаря Норе Галь зазвучали по-русски. «Ты в ответе» — под этим знаком совершалось в жизни Норы Галь многое, и прежде всего — основная ее работа. Больше полувека живет перевод «Маленького принца» — и кажется настолько естественным, что будто бы и нельзя сказать иначе. Но загляни в рукописи Норы Галь, присмотришься к поправкам, сделанным иной раз спустя годы, — видишь: снова и снова переводчик проверяет себя, ищет самое верное слово.

Однако работа и забота на этом не кончается. Нора Галь чувствует себя в ответе и за дальнейшую жизнь своих созданий — и не только «Маленького принца», но даже нелюбимой «Американской трагедии». Фильмы, спектакли, иллюстрации, трактовки критиков и журналистов — ей все важно. Первой в нашей стране перенесла «Маленького принца» на сцену (в театре имени Станиславского) режиссер Екатерина Еланская. И мы с мамой были на премьере, даже поглядывали порой в книжку — не вольничают ли актеры, не перевирают ли текст. Спектакль понравился, и Нора Галь сразу пишет Еланской, поздравляет с удачами — но не утаивает и немногих замечаний. А вот постановщику фильма «Маленький принц» Арунасу Жебрюнасу она пишет в самом начале его работы над картиной, предостерегая от ошибок в понимании сказки (к сожалению, до нас тогда не дошла американская экранизация 1974 года — совсем другая, с прелестным, очень убедительным 8-летним Стивеном Уорнером в заглавной роли; в ее русском дубляже, как и в дубляже картины Жебрюноса, мамин текст звучит лишь отчасти).

Несколько лет исполнял моноспектакль по «Маленькому принцу» знаменитый чтец Яков Смоленский. Мы с мамой, конечно, пошли. На сцене крупно — рисунки Сент-Экса¹. Чтец с ними общается. Тут — только благодарность.

¹ «Сент-Экс». Так ласково называли его друзья по эскадрилье, так Сент-Экзюпери подписывался сам, так называла его Нора Галь.

Прекрасно, с душой исполняла песню о Маленьком принце талантливая актриса и певица Елена Камбурова. Эту песню еще в 1969 году пела моя любимая Алиса Фрейндлих).

В журнал «Москва»

Первая публикация «Маленького принца»

Уважаемая Анна Самойловна! (Берзер)

Я звонила Вам в субботу, но оказалось, что это Ваш внередакционный день. Мне очень нужен французский текст. Без него очень трудно было обдумать замечания Ваши и В. В.* (*Смирновой. — Э. К.). Однако я внимательно перечитала рукопись и еще раз подумала над каждым замечанием. Вижу, что могу принять целиком или с некоторыми изменениями еще некоторые поправки сверх того, о чем мы с Вами говорили. Очевидно, внести это придется уже в верстку. Но в нескольких случаях я все же решить окончательно не могу, не посмотрев в подлиннике, — я ведь Вам говорила, что перевод сделан больше 2-х месяцев назад и всего французского текста дословно я, конечно, не помню.

Теперь несколько слов о том, с чем согласиться я все же никак не могу.

1. Должен остаться ЛИС, а не лиса: лис — это друг, так же как цветок — любимая. По-французски ведь цветок женского рода *la fleur*, и Вы видели, что мне не всегда легко было выходить из этого положения. Лисица же — все равно она или он — по-французски мужского рода, *le renard*, так что у автора все ясно само собой. Если сделать не ЛИС, а ЛИСА, вся глава XXI перейдет совершенно в другой план — речь пойдет уже не о дружбе, а о любви, что совершенно неверно. Говорю об этом еще раз потому, что в статье В. В. ЛИСА упомянута. Вспомните еще, что в русской сказке лиса — всегда существо лживое и коварное, ЛИС для русского уха будет звучать не так одиозно.

2. Заключительная фраза предпоследней главы, о которой Вы просили меня еще подумать. Я думала много, но не могу согласиться с предложением В. В., это заключение, развязка, она необходимо должна быть мягкой, плавной и ритмической, а не отрывочной, рубленой. Поэтому, сверх того, что мы с Вами заменили «потому что» на «ведь», я ничего больше принять не могу.

3. Третье, самое серьезное — проблема «уз». Вы настаивали на том, что узы всегда — синоним оков, цепей, рабства. Не говорю уже о постоянных призывах в нашей прессе «крепить узы дружбы» с народами всех стран и т. п. Не говорю о том, что *créer des liens* — это и буквально и по смыслу значит именно создавать связи, т. е. узы — разумеется, дружеские. Но вот первые наспех выбранные поэтические примеры:

А вы, друзья моей прелестной музыки,

Которыми любви забыты узы...

Пушкин — «Сон»

Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музыки?
Ужель, навек оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы,
И славы русской луч угас?
Пушкин (Все так же ль осеняют своды...)

А кстати, у Пушкина «узы» в значении «оковы» «цепи» — большая редкость. Чаще всего у него именно оковы (Шенье, Во глубине сибирских руд, Не дай мне бог сойти с ума и пр. и пр.), даже «сети» (Чаадаеву), но не узы!

Узы дружбы, союзов сердечных —
Все порвалось...
Некрасов — Последние песни (Скоро стану добычею тленья)

Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар
Лермонтов — Посвящение N.N. 1829 т. 1, стр. 103

Нет уз святее товарищества!
Гоголь — «Тарас Бульба»

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков.
Рожденных для труда, страданья и оков
Некрасов — Муза (очень наглядна разница между оковами и узами)

Окраска этого слова в главе о дружбе более чем ясна. Что до слова «отношения», то на мой слух это звучит казенно, а отнюдь не поэтично. В крайнем случае, если почему-либо в статье необходимы именно «отношения», пусть в статье и в переводе остается по-разному. Заменить же глагол я, перебрав разные варианты, возможности не вижу: завязывать, соединяться — все будет гораздо хуже.

Еще раз очень прошу — дайте мне французский текст, м. б., к верстке что-нибудь еще надумаю в соответствии с общими замечаниями В. В., хотя, признаться, я не вижу, чтобы авторская речь в переводе противоречила замыслу Экзюпери — она не инфантильна, а просто разговорна, я старалась сочетать сдержанность с живостью, естественностью, избегая всего тяжеловесного, канцелярского. В. В. справедливо сказала, что не следовало оставлять «шедевр», но на этом же основании я не могу согласиться и на «дисциплину» — во французском тексте оно органично, но в русской речи, да еще в сказке это казенное слово немыслимо.

Н. Галь

28.VI-59

* * *

*В журнал «Москва»
(Первая публикация «Маленького принца»)*

Уважаемая Анна Самойловна! (Берзер)

Мне кажется, во время нашего телефонного разговора Вы были чем-то взволнованы и не могли меня выслушать. Поэтому хочу еще раз вернуться к смущающей Вас фразе перевода.

Вначале, если помните, и Вы и Вера Васильевна возражали против слова «узы», полагая, что оно окрашено отрицательно (узы — оковы, узы рабства). Но во время нашей с Вами беседы над рукописью Вы сказали также, что можно бы оставить узы, если заменить глагол. И мы поставили вместо «создавать» — завязывать узы, что Вы сочли более приемлемым. Вы просили подумать над этим местом.

Сегодняшние Ваши слова о том, что я — автор трудный и не желаю подумать над единственным местом, где это требовалось, оставляю на Вашей совести. Речь ведь идет о том, чтобы возможно вернее передать то, что сказано в хорошей сказке хорошего писателя, это самое важное для меня и, вероятно, для Вас тоже.

Так вот, я много думала над этим спорным местом, советовалась с товарищами, опыту и вкусу которых безусловно доверяю. Когда я написала Вам письмо с цитатами из Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, я защищала именно «узы» с положительной эмоциональной окраской — в этом в ту пору был, так сказать узел наших разногласий.

Сегодня я впервые услышала от Вас, что Вы считаете эти самые цитаты доводом, опровергающим мою точку зрения. Вы говорите уже не о том, чтобы заменить «узы» или глагол, их предваряющий, а о том, чтобы добавить какое-то определение или дополнение, без которых слово «узы» не употребляется. (То же относится, кстати, и к слову «отношения», но, как я поняла, ни Вы, ни Вера Васильевна на нем уже не настаиваете).

Итак, передо мною новое, третье возражение по поводу этой несчастной фразы — и снова мне приходится возражать в ответ. И опять, право же, я возражаю не потому, что такой уж я трудный, неуступчивый автор — и очень прошу прислушаться к моим соображениям.

По-французски слово *liens* — узы, связи — тоже ведь требует дополнения или определения, когда оно стоит в обычном деловом, книжном контексте. И если бы у Экзюпери было — *le lien amical*, *les liens amicaux* или *les liens d'amour et d'amitié*, я бы с самого начала так и сделала. Но у него стоит просто: *créer des liens*. И понятно, почему: ведь это сказка, и говорит это не кто-нибудь, а лис. В его словах есть и непременно должна быть какая-то неясность, недосказанность, отсутствие «точек над и» — именно поэтому маленький принц снова и снова его переспрашивает. А что и зачем стал бы он спрашивать, если бы сразу

ясно было сказано: создавать (или завязывать, или крепить, как пишут у нас в газетах) дружеские узы, узы дружбы и товарищества?

Именно поэтому я — переводчик — и обязана передать по мысли, чувству, интонации то, что сказал автор, и не имею права досказывать то, чего автор не сказал и не хотел сказать. И как раз потому, что сказку я люблю и старалась сделать ее как можно лучше, передать сказанное у Экзюпери как можно поэтичнее, я не вправе автору изменять. А ведь весь очень важный разговор с лисом пострадает, если сделать его слишком прямолинейным, чего автор явно не хотел.

По остальным пунктам как будто разногласий не осталось. Я внесла еще две-три поправки, предложенных Верой Васильевной, кое-где исправила не буквально так, как предлагала она, но в том же направлении. В двух случаях вернулась к первоначальному варианту, так как исправления расходились с французским текстом (грянул гром, а не выстрелили — стр. 148, пропущенное «Правда» — стр. 177). Есть еще мелочи, их немного, и они, вероятно, просто выпали в наборе или у корректоров. Очень прошу восстановить или исправить. Читала я внимательно и правила только то, что считала необходимым.

Так как на стр. 158 выпал номер главки и придется переверстывать (оттенок смысла, интонацию, ритм фразы. Есть и просто опечатки.), я карандашом наметила для техреда самые простые ходы, иначе может пострадать текст в более существенных местах. Это, видимо, придется с ним согласовать, и тогда, пожалуйста, сделайте, что нужно, чернилами на стр. 159 и 160. На стр. 150 тоже придется обратиться к техреду. Вот, кажется, и все.

Всего доброго

Н. Галь
16.VII-59

5.V-77

Уважаемые товарищи!

Еще в феврале мне сообщили из ВААП, что в плане Вашего издательства на 1978 г. стоит Сент-Экзюпери «Маленький принц» (объем 7 п. л.).

Я тогда же написала Вам, но ответа нет. Могу это объяснить только тем, что мое письмо затерялось. Поэтому повторяю мою просьбу.

Так как ни «Планету людей», ни «Маленького принца» НЕЛЬЗЯ просто перепечатывать по старым изданиям, прошу ЗАБЛАГОВРЕМЕННО СООБЩИТЬ, когда вы приступите к работе над этой книжкой, чтобы я ВОВРЕМЯ могла передать вам все необходимые исправления текста. Лучше всего печатать с «макулатурного» издания 1976 года («Избранное»

Сент-Экзюпери, Кишинев) — там текст проверенный и придется вносить наименьшее количество поправок, но и там есть ошибки и опечатки.

К сожалению, у меня нет запасных экземпляров книги, но я сразу вышлю подробный постраничный список изменений. Попрошу также выслать мне впоследствии корректуру, я ее прочту и верну без задержки. Было бы очень неправильно, если бы (как это, к сожалению, уже произошло в некоторых издательствах) текст напечатали, не согласовав со мной и не учитывая позднейших изменений.

Надеюсь, что на этот раз мое письмо дойдет и я получу ответ.

С уважением

Н. Галь

* * *

Уважаемая Наталья Анатольевна!

Возвращаю верстку С/Экзюпери. К счастью, набор сам по себе чистый, опечаток мало. Но очень прошу проследить вот за чем.

Для стиля С/Э очень важны какие-то интонационные паузы, необходимы не стандартные, подчас противоречащие школьным правилам и корректорским стандартам знаки препинания. Корректоры старательно убирали ТИРЕ, заменяли казенными, протокольными двоеточиями. Чтобы не перебирать слишком много, я восстанавливаю не все, а примерно треть, но уж эта треть НЕОБХОДИМА!

Так же необходимы ОТБИВКИ между некоторыми отрывками — это уже просьба к техреду. Пусть отступит не по стандарту, а меньше, хоть на одну строку, но чтобы просвет — пауза, как музыка! — непременно был! Почти всюду я показываю, как это можно сделать технически. Опять же восстанавливаю не все, а только самое необходимое.

Все три вещи у С/Э — от 1-го лица, рассказчик НЕ МОЖЕТ здесь цитировать себя, точно классика, поэтому (как сделано во многих и лучших изданиях) снимаю «цитатные» кавычки.

Весь текст С/Э — чистейшая поэзия, почти музыка, с ним надо обращаться, как со стихами, соблюдая и музыкальный и эмоциональный ритм. Поэтому кое-где меняю (вернее, восстанавливаю, как в других изданиях) терпенЬе, прощанЬе, хотя опять же корректоры этого не любят. Но в иных местах — ИЕ так же невозможно, как если бы у Пушкина сделать «Я помню чудное мгновениЕЕ»! Очень прошу такую вот «мелкую» мою правку сохранить! По той же причине кое-где изменен порядок слов.

Хуже всего дело обстоит с Маленьким Принцем, Очень печально, что редакция не предупредила меня о Вашем издании и взяла кишиневский текст, они-то тоже меня не спросили и даже корректур не присылали, печатали по тексту 1963 г. А я за 15 лет, наверно, в десятке изданий

правила, шлифовала, меняла. Теперь НЕОБХОДИМО ВНЕСТИ ВСЮ ЭТУ ПРАВКУ, а ее довольно много. И не все рисунки попали на место. М. б., дать художественному редактору «для справок» другое издание, чтобы не было ошибок?

Всего доброго!

4.III-79

Эдварда Кузьмина
НАХОДКИ НОРЫ ГАЛЬ
В ПЕРЕВОДЕ «ПОЮЩИХ В ТЕРНОВНИКЕ»

1. ПОИСК СЛОВ РЕДКИХ, НЕ СТЕРТЫХ

Никто не удивился бы, завидев русалку — почему бы и не мелькнуть... размывчатому облаку волос... («Поющие в терновнике»)

В словаре Ожегова и 4-томном академическом такого слова нет. Но в книге «Воспоминания о Максиме Волошине» — стихи Всеволода Рождественского «Спит залив в размывчатой короне».

(«Поющие в терновнике») шаловливо машет листьями молоденькая пальма.

2.

(Фильм «Поющие в терновнике». Пер. В. Голышева)	(Книга «Поющие в терновнике». Пер. Н. Галь)
Я кубок (но это вино)!	Я сосуд... в иные минуты я полон богом
хочу быть совершенным <u>священником</u>	совершенным <u>пастырем</u>
Фрэнк о матери — она <u>принадлежала</u> мне	сначала она <u>была моя</u> (<u>восприятие ребенка</u>)

3. ВНИМАНИЕ К КОНТЕКСТУ

... воды... были тихи и спокойны, точно серебряное зеркало с чуть заметным бронзовым отсветом.

В ином контексте было бы с... отливом, но тут рядом приливы и отливы — нельзя.

4. РАЗГОВОРНАЯ ИНТОНАЦИЯ. ОДНО СЛОВО — УЖЕ ОБРАЗ.

Горничная:

«Доброе утречко, да как же приятно вас видеть в такой славный денек!

Разговорная речь. Матрос об островках:

... если просто из моря торчит кусок рифа, он риф и есть. Которые повыше — это макушки подводных гор.

Эдварда Кузьмина
ПОИГРАЕМ В ДВУХКОЛОННИК

В своей книге «Слово живое и мертвое» Нора Галь не раз приводила яркие примеры, как надо и как не надо обращаться со словом. Очень наглядны эти ее двухколонники. Богатейшие россыпи таких примеров являют и ее рукописи. Она печатала сразу на машинке, но потом над строкой впечатывались вторые, третьи варианты. И очень интересно следить этот путь — от первого варианта, более близкого к оригиналу, хоть и не буквального — к варианту более свободному, равноценному творчески.

Вот хотя бы как создавалась «Планета людей» Сент-Экзюпери. Это особенно показательно, так как готовился первый его однотомник в Гослите. Туда планировалась «Земля людей» в переводе Велле. Он же хотел дать и свой перевод «Маленького принца». Но квалифицированные редакторы Гослита взяли перевод Норы Галь, вышедший в 1959 году в журнале «Москва». Велле обиделся и запретил включать свой перевод «Земли людей», вышедший в 1957 г. А у издательства планы, сроки. Оно вынуждено просить Нору Галь срочно выручать, перевести заново. Но, несмотря на гонку, Нора Галь никогда не останавливается на первом, сразу подвернувшемся слове. А у Велле часто именно на нем вся работа и кончается.

И вот сначала у Норы Галь водопад «напоминает сплетенную из струй колонну», — а потом художник словно отступает от полотна и видит зорче:

«водопад точно витая колонна» — это не подстрочник, а образ.

Сначала	Итог
стояли как вкопанные	словно окаменели
газели высоко подскакивают	взлетают
(Барк-раб на свободе) — снова живет	воскрес
араб, закрыв нижнюю часть лица	закутанный до глаз
разводят руками (но руки есть рядом)	диву даются
покатился по наклонной плоскости (у Велле так и осталось)	под откос
скатерти без швов	без морщинки
какой-нибудь монастырь	священная обитель
это работа времени	это уж время постаралось
(слишком всерьез) (легкая ирония тут нужна)	

точно гиря на душе	груз на сердце (очень буквально, натуралистично)
недавно срезанной палочкой	свежеструганным прутиком
лужа столько-то в поперечнике	шириной (такая ученость не сочетается с лужей)
свирепствует ураган (длинно)	ярится
он тому подтверждением	тому порукой
поэзия бреда	самозабвение бреда (сильнее)
Сердце его смягчилось (как будто было жестокое)	в сердце его была нежность
Жители деревни находят себе по соседству жен и мужей (По- лигамия?!)	стараются породниться с соседя- ми (не буква, но смысл)
Я уже не полутруп (натурали- стично)	не безымянное тело
В небе столько намагниченных звезд	звезд-магнитов (не буква, смысл)
Насильственная улыбка (тяжело)	притворная улыбка
Корчевать кедры (это впору в нашей тайге, в Си- бири, где их много)	выворотить из земли кедр (в Са- харе это отдельные деревья)

У Сент-Экса не зря — единственное число, как и в «Маленьком принце» — удав, слон.

В глубь неведомых миров	в самое сердце неведомого
Квитанции (очень казенно)	счета
Неведомые залежи	пласты (ее принцип — опора на поэзию, Пастернак: «Сердца тайно светящийся пласт»)
Из каких лишений возникает в пустыне одиночество (но лишения — физические, го- лод, жажда)	утрат (а тут и психологические)
Полный благодарности (мало)	исполненный (сильнее)
Полную свободу	безграничную (сильнее)

От него я не услышал ни слова жалобы (обычно)	не проронил (сильнее)
К соглашению мы пришли (тяжело)	сговорились
Осчастливленного добротой ра- бовладельца (тяжело)	который счастлив милостями ра- бовладельца
(дети подходили в Барку) по оче- реди (канц.)	по одному
(Свободный Барк) походка (буднично)	поступь (тут торжественно)
Разбойники подкрадываются кошачьим шагом (но в пу- стыне нет кошек, там тигры и пр.)	крадутся шагом хищника
Город, щедро расцвеченный солнцем	щедро позолоченный солнцем
Сильно забилося сердце (стерто)	сердце так и подпрыгнуло
Самолет словно разъяренное пресмыкающееся (тяжело)	ящер!
Отсвечивающая пленка	мерцающая
Неистраченная сила	неистраченная мощь (сильнее)
Конец жажде	с жаждой покончено! (более эмоционально, разговор- но)
Как действует жажда (тяжело)	что только делает с человеком жажда
Я плыву, а куда — это от меня не зависит	я плыву в неизвестность и ниче- го не властен изменить
Прево нашел какие-то кустики (слишком легко)	отыскал

Эдварда Кузьмина
ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЗАГЛАВИЙ

В договоре	Автор	В переводе НГ
Птицы-терновки	К. Маккалоу	Поющие в терновнике

В договоре	Автор	В переводе НГ
Я видел во сне	Ф. Сарджессон	Мне приснилось
Сад земных восторгов	Дж. К. Оутс	Сад радостей земных
Луна и шестипенсовик	У. С. Моэм	Луна и грош
Живые цветы	К. Саймак	Все живое
Навеки и Земля	Р. Брэдбери	О скитаниях вечных и о Земле
Лучшая часть мудрости	Р. Брэдбери	Секрет мудрости

Александра Раскина КОГДА БЫ ГРЕК УВИДЕЛ НАШИ ИГРЫ...

Особое значение Нора Яковлевна придавала проблемам перевода игры слов. Ни одной игры слов в переводимом ею тексте не пропускала. Искала аналогий, придумывала что-то свое, отбрасывала, искала что-то новое, вовлекала в этот процесс своих друзей и т. д. Если уж никак не получалось, то стратегия ее была такая: дать игру слов где-нибудь в другом месте — там, где в оригинале игры слов не было.

По этому поводу расскажу такую историю. Живя в Америке, в Новом Орлеане, я вступила в книжный клуб женщин при университете Тулейн, где мы с моим мужем Сашей Вентцелем преподаем: он математику, а я — русский язык и литературу. Все женщины в этом моем клубе — образованные, интеллигентные, начитанные.

И вот — такая сенсация: оказывается, что Харпер Ли, автор «Убить пересмешника», написала много лет назад еще одну повесть с теми же героями, и как раз ее только что издали. Мы обсуждаем это на нашем сборище, и женщины спрашивают меня: «А в России знают Харпер Ли?» Я с энтузиазмом отвечаю, что да, конечно, знают, любят, переиздают все время, и что я близко знала переводчиков, и рассказываю, какая знаменитая и замечательная переводчица была Нора Галь, привожу примеры и, в частности, рассказываю про эту идею: если не получается перевести игру слов, дай игру слов в другом месте. Женщины слушают с интересом, ахают, удивляются, но, когда заседание окончилось, то наша председательница подошла ко мне и говорит: «Саша, я не поняла, что там эта ваша подруга-переводчица говорила про игру слов». Я объяснила еще раз, как могла, — казалось бы, так все ясно! — Она покивала головой, но у меня осталось впечатление, что она до конца этого все-таки не поняла.

Это я к тому, что если с детства не жить в стихии слов, не играть в «из одного слова много» с Н. Я.; став постарше, не разгадывать ее криптограммы¹, а потом не стараться вместе с ней подобрать какой-то русский эквивалент для иноязычного каламбура, — то, наверно, эта идея Н. Я. не так уж и лежит на поверхности и может оказаться сложной для понимания.

Но это я так, к слову. А пока хочу рассказать несколько историй про то, как Н. Я. вовлекала нас с Сашей в поиски лучших переводов каламбуров.

С Сашей Н. Я. решала, бывало, не только каламбурные проблемы. Она часто советовалась с ним по поводу каких-нибудь научных или технических отрывков — они нередко попадались в научной фантастике, которую Н. Я. очень любила и с удовольствием переводила. Саша всегда готов был объяснить все, что сам понимал. Но когда Н. Я. предложила ему как-то поучаствовать в переводе очень сложного каламбура, он сказал: «А вы просто напишите: «Далее идут 50 страниц непере译имой игры слов»!» Н. Я. оценила эту шутку и даже процитировала ее (анонимно) в своей книге «Слово живое и мертвое».

Я же старалась как могла, если Н. Я. меня вовлекала в свои переводческие проблемы. Однажды, когда Н. Я. переводила «Сад радостей земных» Кэрол Оутс, она предложила мне такую задачку. В романе есть персонаж по имени Стивен. В семье его с детства зовут «Swan», что по-английски значит «лебедь». И вот Н. Я. решила переназвать этого персонажа. Дать ему другое (но, разумеется, тоже английское) имя — такое, чтоб нашлась гордая, как лебедь, птица, чье название по-русски будет созвучно этому новому имени. Как говорится, «крутой концепт»!

Не в первый раз Н. Я. «переназывала» персонажей, чтоб сохранить игру слов. В романе «Поющие в терновнике» Карсон Маккалоу есть персонаж по имени «Rainer» (немецкое имя); его называют «Rain», что значит «дождь», и имя это обыгрывается. В переводе Н. Я. храбро дала ему имя «Лион», а прозвище «Ливень». Я не уверена сейчас, что сто́ит в серьезных, не специально каламбурных (как, например, стихи американского поэта Огдена Нэша) произведениях в подобных случаях менять имена персонажей, но тогда я безропотно «озадачилась» этой проблемой. И предложила Н. Я. такой вариант: назвать мальчика Кристофером, а чтоб дома его звали «Кречет». И, представьте себе, Н. Я. приняла этот вариант! И так в России с тех пор и читают про этого «Кречета», а я боюсь, что не лучший вклад я внесла здесь в русскую культуру...

Саша был удачливее меня. В конце концов Н. Я. и его привлекла к сочинению каламбуров. В романе французского писателя Франсуа Нурисье «Хозяин дома» владелица имения мечтает его продать, воскли-

¹ См. об этом в очерке: А. Раскина. «На первом месте» в настоящем сборнике, с 495.

чая «Mieux je vendrai!» («лучше я продам»), и в конце концов объявляется продажа имения с названием что-то вроде «Mieu'vendraу». Н. Я. пробовала что-то вроде «Лучше я продам!», а в конце «Лучердам». Саша предложил: пусть сначала владелица восклицает «Продам, продам!», а в конце объявят о продаже имения «Про д'Ам» (что действительно звучит, как французское название, даже можно вообразить, как оно писалось бы по-французски). Н. Я. приняла его предложение, и можно найти это Про д'Ам в опубликованном переводе «Хозяина дома».

Саша очень гордится, что Н. Я. приняла его вариант. Я бы тоже на его месте гордилась...

Александра Раскина

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ АМЕРИКАНСКИЙ ЮГ?

Когда в 1993 г. Саша получил работу в Тулейнском университете и мы осели в Новом Орлеане, на крайнем юге Америки, нам культура юга оказалась очень интересна. Откуда мы все в России впервые узнали про Новый Орлеан? Из «Хижины дяди Тома», разумеется: ведь дядю Тома продают именно туда. Я решила перечитать «Хижину дяди Тома». По-английски, на этот раз. Саша сперва к самой повести интереса не проявил, но прочел предисловие. Из него он узнал, что Бичер-Стоу никогда не была нигде южнее штата Мериленд. А дядя Том жил в Кентукки — много южнее. И продали его в Новый Орлеан, штат Луизиана — южнее некуда. Саша загорелся: как же, Бичер-Стоу на юге не была и из первых рук ничего о нем не знает. А он, Саша, тут живет и знает все. Он найдет ошибку у Бичер-Стоу! И вот он читает и ругает Бичер-Стоу по-чем зря: она коварная! Она не называет никаких новоорлеанских улиц. Сент-Клер читает газету — названия она не дает. И т. д. и т. п. И вот наконец долгожданная ошибка (всего одна, но и то хлеб) найдена.

На крайнем юге, в частности, у нас в Луизиане, на деревьях растет так называемый испанский мох. На самом деле это не мох, и он не испанский, но так называется. Это такие длинные, как бы травянистые, плети, свисающие с веток деревьев (чаще всего с наших знаменитых вечнозеленых дубов), серого цвета. Испанский мох не паразит, он не пьет из дерева никаких соков, а просто поглощает то, что ему нужно, из влажного воздуха. Так вот, Бичер-Стоу пишет, что испанский мох черный. Но мы-то знаем, что он светло-серый. У Саши есть гипотеза, почему Бичер-Стоу считает, что он черный. Дело в том, что мох этот сушили и везли на север — набивать им подушки. А сушеный испанский мох черного цвета.

Но Саша уже вошел во вкус. «Слушай, — сказал он, — место действия в «Убить пересмешника»¹ — Алабама. Самый что ни на есть юг. Давай посмотрим, как там наши южные реалии переведены.» Я сказала, что уверена, что там все в порядке. Да, переводчики «Пересмешника», и Нора Яковлевна, и ее друг и ученица Раиса Ефимовна Облонская никогда в Америке не были, но у них на столах лежали огромные толстые английские и американские словари, на полках стояли всяческие страноведческие пособия, и в их орбите была замечательная женщина Раиса Александровна Рубинштейн (отрывок о ней есть в <http://berkovich-zametki.com/2013/Starina/Nomer1/ERabinovich1.php>). В 1912 г. Р. А. в возрасте 12 лет увезли из России в США, а в 1930-х годах она приехала из Нью-Йорка в Москву, чтобы помогать молодой советской республике. Преподавала английский в Институте красной профессуры, ощутила себя нужной, взяла советское гражданство, и тут ее в 1938 году, разумеется, посадили. Семнадцать лет она провела в тюрьмах, лагерях и ссылке, осталась жива, вернулась в Москву, давала уроки английского (я с ней занималась, и это было счастье!) и дружила с нашими лучшими переводчиками-кашкинцами. У нее всегда могли спросить и спрашивали о разных американских реалиях и Н. Я., и Р. Е.

Но Саша уже сел читать «Убить пересмешника»: слева — английский текст, справа — русский. Сразу скажу, что никаких прямо-таки ошибок он, как я и предполагала, не обнаружил. Серьезная ошибка была не в тексте перевода, а в послесловии американиста Юрия Ковалева, где было сказано, что Харпер Ли умерла в 1975 году. А она, как известно, умерла в 2016 г. Интересно, между прочим, что Н. Я. родилась 27 апреля, а Харпер Ли — 28 апреля. Может, в гороскопах что-то и есть?

Но вот что Саша заметил. Нет, не ошибку перевода, а просто отсутствие примечания там, где его, пожалуй, следовало бы дать.

Помните, у мисс Модии случился пожар? Сгорел и дом, и, главное, замечательный сад. Но мисс Модии — мужественная женщина. Она собирается насадить новый сад, еще лучше прежнего, и говорит: «Вот увидите, я утру нос этим Биллингрейсам!» Читая эту фразу так, как она есть, без примечания, читатель несомненно поймет ее так: Биллингрейсы — это какие-то, скажем, соседи мисс Модии, сад которых соперничал с ее садом. На самом деле это — богачи, южные короли кока-колы, но в то время, как муж зарабатывал свои миллионы, его жена разводила у себя в Алабаме замечательные сады, ездила по всему югу и покупала у женщин-южанок, благосостояние которых было разрушено в Гражданскую войну, камелии, азалии и прочие чудеса их садиков. Биллингрейсовские сады были открыты для публики в 1932 году; и это действительно заме-

¹ Между прочим, птички, которые будят нас поутру, — это как раз и есть пересмешники.

чательные сады¹ — не то, что сад предполагаемых соседей мисс Моды. Мы специально поехали в эти сады во время цветения азалий (но камелии были еще лучше!): три часа на машине из Нового Орлеана, три обратно — и это стоило того! Так что, подумали мы, хорошо было бы дать про этих Биллингрейсов примечание.

Норы Яковлевны уже не было в живых, но Раиса Ефимовна Облонская, несмотря на нездоровье, еще работала. Мы сообщили ей про этот казус с Биллингрейсовскими садами и даже послали ей открытки, которые мы там купили. Р. Е. согласилась, что тут что-то нужно сделать, но идею примечания она отвергла. Дело в том, что Нора Яковлевна (а за ней и Раиса Ефимовна) очень осторожно относилась к примечаниям в переводах. Считала, что они разрывают ткань повествования и что надо всегда стараться что-то сделать внутри текста, чтоб и без примечания было понятно. Так и поступила на этот раз Раиса Ефимовна. В последующих изданиях «Пересмешника» мисс Моды говорит, каким будет ее новый сад: «Вот увидите, почище этих знаменитых Биллингрейских!» И сразу понятно, что это не просто соседи.

Не будем сосредоточиваться на этом отдельном случае, а посмотрим шире. Добросовестный переводчик, встретившись с незнакомой реалией, с каким-то не очень понятным местом, всегда, разумеется, сверится с источниками, спросит у специалиста и т. д. Но надо же распознать все эти случаи, когда надо спросить! А не всегда распознаешь. Эта опасность подстерегает любого переводчика. Надо сказать, что даже сейчас, когда искать информацию стало намного легче, чем раньше: скажем, смотришь в Википедию, и все тут, — переводчик не застрахован от ситуации, когда он не поймет, что что-то надо проверить, не распознает аллюзию или цитату, и т. п. И то, что в переводе «Пересмешника» ошибок у Н. Я. и Р. Е., в сущности, нет (хоть они никогда и не бывали в Америке), — говорит об огромном опыте и сильнейшем чувстве ответственности этих замечательных переводчиков.

И как хочется надеяться, что мутная волна чудовищных переводов, захлестнувшая сейчас российский книжный рынок, когда-то схлынет, и мы снова будем читать иноязычных писателей, забывая, что они писали не по-русски, — как когда мы читали переводы Норы Галь, ее учителей и ее учеников...

¹ См. в Сети: <https://bellingrath.org/gardens-home/whats-in-bloom/>

Нора Галь

ПИСЬМО О «МАЛЕНЬКОМ ПРИНЦЕ»
РЕЖИССЕРУ Е. ЕЛАНСКОЙ ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ
24.XII-66 В ТЕАТРЕ СТАНИСЛАВСКОГО

1) Очень самостоятельно, современно, условно — не рабская копия, а свое прочтение.

2) Главная удача — Человек: хорошо, что не игрушечно, что не в костюмах, не разные, а один. Очень умно — монарх, честолюбец. Хор. — стрелочник, продавец.

— М. б. деловому человеку — счеты?

— Не надо бы Географу грассировать, слишком напоминает Райкина — пушкиноведа.

3) Удача — Лис — самый образ, походка, манера. Находки — взгляд на часы, рыжее пятно — мандарин! валидол, пауза: «ты в ответе... за твою розу». Но, м. б., из-за валидола сместилось — о сердце, да еще неточный текст.

— М. б. чуть переигрывает — когда боится сесть рядом (а до этого спокойно сидел почти так же близко).

и когда ничком нюхает пол — в пиджаке!

и слишком суется — когда «слова только мешают понимать друг друга» — а сам тараторит скороговоркой — разрыв.

4) Удача — змея — вся интонация, и то, что очки, и как снимает очки, и яд в голосе.

— чуть лишку шипит — смешно.

— при всей условности — странно после слов: «колечко цвета лунного луча» — черная! М. б.: и на спину ей золотистую полосу? Очень тактично — что не выпустили ее в конце жалить.

5) Интересно — музыка Пьяфф, но местами бы потише, неясно, почему такой разгул.

6) Тонкие находки — например, что в пустыне — не картинки, а рисует в воздухе; качели!

7) Принц — очень хорошо, что условен, что отказались от буквализма — от локонов, плаща, шарфа — была бы красивость.

Очень хорошо — как после Лиса идет смотреть на розы — напряженно, боясь испытания.

С Лисом хорош — ребячлив, хохолок!

Хорошо — общение с летчиком — когда у стены, а не на руках, и когда в пустыне — не несет на руках, а стоит припав к нему.

— Но — м. б., из-за волнений премьеры — кое-где слишком нервно. Кричит даже там, где нет причин, например: «что такое обряды», «я прекрасно понял», «а как это» — даже в начале, и особенно — 2-й раз-

говор со змеей и после с летчиком — не надо надрыва! Больше детского любопытства, больше сдержанности.

— Очень чуждо — 1-й выход — походка и жесты дивы в ревю. В игре этого нет, даже танец с лисом — тактичен, в меру, а в выходе на поклон — опять эти руки и движения чужие.

8) Летчик — хорош образ. Хорошо — когда читает авторский текст, когда подыгрывает человеку.

— Тоже есть лишний крик, особенно в начале.

Крик вообще С.-Эксу чужд, он сдержан (как искала вместо «отдавать всю душу» — что-то проще, так как в оригинале — «тратил время»!).

9) В трех ролях не поняли Вашего замысла, хотя и такой вариант наверно имеет свои права.

цветок о трех лепестках — странно, но занятно.

роза — правы, что не дали сусальную красотку, но не слишком ли? история с цветком вся ушла в юмор, а надо бы все же серьез!

— чтобы она не бегала во весь рост, а в темноте вышла и села и в темноте же ушла — чтобы сидела как положено цветку, и чтобы зритель видел блузку в цветах, а не мощные бедра в синих рейтузах.

— совершенно невозможно — ее селянское хихиканье под холодной водой, это грубо, не по С.-Эксу.

Фонарщик: мысль интересна, но неясна до конца. М. б. меньше швейковской улыбки? И принц слишком весело говорит, уходя, грустную фразу.

10) Удачно — начало, перестроили, — не с рис. а с «я бы начал сказку»...

11) — рис. вокруг сцены грубоваты. М. б. лучше взять самого С.-Экса? Можно не повторять Смоленского, не самые основные, а другие.

12) Текст — спасибо, очень бережно, очень умело введено в диалог все из авторской речи.

— несколько реплик взять по новому изданию: Географ: хлопотно, трудно — да, а «не интересуюсь» — не годится!

привязывать себя к кому-то!

не имеет значения.

послесловие! (пейзаж! сообщите! постойте прямо под звездой! дважды «умоляю» — воспринимается сентимент. Жаль, что пропало: о розе — судить не по словам, а по делам).

— давала аромат... и в конце — очень важно: вдруг барашек съест розу, это совсем не все равно, даже если далеко!

13) Пригласительный билет — и программа?

НАДПИСИ НОРЫ ГАЛЬ АКТЕРАМ НА КНИГАХ

Леониду Моисеевичу Сатановскому, дерзостно воплотившему в «Маленьком принце» многоликое человечество — с благодарностью и восхищением — НГ.

Игорю Григорьевичу Козлову, тончайшему и мудрейшему Лису, который своей игрой едва ли не опроверг им же изрекаемую истину о том, что «нет в мире совершенства», с благодарностью и восхищением — НГ.

Маленькому принцу Ольге Павловне Бган с благодарностью за подвиг — НГ.

А это — прототип Лиса, житель Сахары, выведенный Сент-Экзюпери и в «Принце» и в «Планете людей». Об этом маленьком лисе известно, что он необычайно любознателен и привязчив, и его очень легко приручить. Прошу любить и жаловать! — НГ.

19.V-67

Энару Георгиевичу Стенбергу — с искренней благодарностью за Маленького принца — НГ.

Юрию Александровичу Лаптенко — от души — НГ.

Ольге Викторовне Станициной, остроумному и неожиданному цветку о трех лепестках — от души — НГ.

Алле Константиновне Константиновой, милейшей из змей с искренней благодарностью — НГ.

Людмиле Петровне Поляковой, храброму Цветку о четырех шипах, с наилучшими пожеланиями — НГ.

Василию Ивановичу Бочкареву, верному другу Маленького принца — от души — НГ.

Екатерине Ильиничне Еланской, сценической крестной матери моего любимого малыша. С благодарностью и уважением — НГ.

Якову Михайловичу Смоленскому с благодарностью за доброе отношение к этому малышу. Это, оказывается, тоже человеческие узы — они связуют чтеца и переводчика!

* * *

Дорогая Екатерина Ильинична! (Еланская)

Хоть я в первые годы постановки в театре им. Станиславского и подарила артистам более позднее, исправленное издание «Маленького принца», даже в новой труппе заучен, к моему большому огорчению, самый ранний текст — 1960 года — да притом с некоторыми ошибками, наверно, так перепечатали для каждого.

ОЧЕНЬ ПРОШУ, м. б., теперь молодые актеры запомнят:

1) Удав заглатывает свою ЖЕРТВУ целиком, не жуя... и спит полгода, пока не переварит ПИЩУ (еще В. Бочкарев произносил эту несчастную пищу дважды, что совсем ни к чему!).

В рассказе об открытии астероида и турецком астрономе — не турецкий султан, а ПРАВИТЕЛЬ ТУРЦИИ! (Кемаль Ататюрк не был султаном, в 1959 году я не знала, что эта история с европейским платьем подлинная!)

В гл. 21 (разговор с Лисом о том, что значит приручать) — не БЫЛА, а ЕСТЬ одна роза (она и теперь есть, он хочет к ней вернуться, ее защищать).

Может быть, не слишком трудно это «переучить» и убрать ошибки? Хорошо бы!

НГ

* * *

Для «подшефного» режиссера Джемала 4.IX-76 сделала шпаргалку
Смоленск — «Маленький принц»

1. Текст — как в театре Станиславского — все диалоги и монологи есть готовые в книжке. Ничего не добавлять, не вписывать отсебятины.

2. Не надо крика, слез. Сдержаннее!

3. Роза — не рыночная торговка, как у Станиславского.

4. Очень хороши у них — цветок о трех лепестках, змея и Лис — только не курить, не падать на пол, вынюхивая след. Вместо папиросы — если не мандарин, то конфетка в рыжей обертке.

5. Очень хорош Сатановский — человек, даже некоторые отсебятины хороши, но не пошлость (выпуклости у географа).

6. Какого издания у него текст? Пошлю самое последнее, со всей правкой!

7 Слежу за всеми — Румыния и пр. Готова помочь посоветовать. Будет в Москве, пусть зайдет. Нет — м. б., пришлет режиссерскую разработку в машинописном виде.

* * *

Уважаемый Джемал... (а как же Вас по отчеству?! Ни Вы сами, ни Н. Я.¹ мне этого не объяснили).

Я тоже отвечаю не сразу, уж извините: безмерно загружена, а тут надо было как-то собраться с мыслями и кое-какую техническую работу проделать. Посылаю Вам книжку, которая поможет Вам, но с просьбой: хотя бы через полгода НЕПРЕМЕННО ВЕРНИТЕ!

¹ Н. Я. Болотина — ленинградская актриса из Иркутска, много лет переписывалась с Норой Галь после «Слова живого и мертвого», направила к ней молодого режиссера Джемала. — Э. К.

Сейчас появились новые «школьные» издания «Принца» и «Планеты», но у меня пока нет ни одного экземпляра, ни одно из трех издательств еще не прислало. Боюсь, все три издания не идеальны, но лучшее я Вам пришлю уже безвозвратно, для работы над сценарием.

А эта книжка 1970 года, думаю, поможет Вам подготовиться к этой работе, что-то лучше понять и в Принце и в самом Сент-Эксе: тут воспоминания близких и друзей о нем, они многое раскрывают и дорисовывают.

Я выправила текст «Принца» и даже «Планеты», но в воспоминаниях, вероятно, не все заметила и исправила. Там, например, цитируется «Письмо к заложнику» еще в старом, не очень верном переводе. Позднее по просьбе издательства «Прогресс» я перевела его сама, и мой перевод был в сборнике «С Францией в сердце» (1973), а в будущем году выйдет в Москве, в небольшой книжке «Военный летчик», и в Ленинграде — там готовят большой однотомник Сент-Экса. Но вот воспоминания никуда не войдут, потому и прошу эту книжку мне вернуть.

Мысли Ваши — о постановке «щемяще-грустной», но и светлой, — по-моему, очень верны. Визга и крика в этом спектакле, как я уже писала, быть не должно.

Но, думаю, он — не только для взрослых, а и для юных, лет с 14—15-ти. Я видела (несколько раз в драмтеатре Станиславского, в Доме пионеров — в самодеятельном кукольном спектакле, в школьной библиотеке и т. п.) — таких ребят «Маленький принц» очень задевает и очень неплохо до них доходит.

Выставить рисунки детей тоже хорошо бы. Кстати, и станиславцы их давали, но не заранее, в фойе, а только уже вокруг сцены.

О Вашем «детском» вопросе. Можно, вероятно, понимать по-разному, С/Э ведь не просто «прост», но и сложен и «многослоен». Вы пишете: «ведь это смерть!» И да и нет.

Не зря Принц все повторяет: тебе ПОКАЖЕТСЯ, что я умираю.

Думаю так: если умираешь ЗА ЧТО-ТО и ЗА КОГО-ТО, по долгу сердца, потому что ты В ОТВЕТЕ (хотя бы за тот цветок... А в небе, в бою — за далекую Францию, а м. б., и еще за что-то, за кого-то, кто дорог и любим) — это не совсем смерть. Что-то остается и живет!

В сказке остается верность, нежность, память о друге — такая светлая, что «посмотришь на небо — и засмеешься» — перечитайте-ка.

Это не просто уход. Как не просто уход — все полеты С/Э и его последний полет. Он мог не летать, больше того, его всячески не пускали. А он рвался в небо — потому что был В ОТВЕТЕ за родную землю, за друзей, за того же Леона Верта, которому посвятил сказку и Письмо. «Ушел» — но ведь и остался: с ними и с нами, и не только в сказке!

Правда, во Франции кое-кто говорил, будто он шел именно на гибель, на самоубийство, но я перечитала по-французски очень много о нем — эти редкие голоса совсем не убедительны и тонут в противоположном.

Да, безусловно, почитать воспоминания вам очень и очень стоит. И все же — потом верните, я Вам верю, потому что нас связала Н. Я. А другое издание «Маленького принца» я Вам пришлю.

Письма писать мне, конечно, можно и от руки. В печатном виде я просила то, над чем надо будет думать, перечитывать, как-то поработать.

С удовольствием в меру сил Вам помогу, лишь бы получилось возможно более верно духу Сент-Экса. Невыносимо, когда его понимают вкривь и вкось или вовсе с ним не считаются, как было в фильме Жербрюнаса! Или вот на днях некий молодой художник предложил СВОИ рисунки вместо сент-эксовых — и это чудовищно! ВСЕ НАОБОРОТ, буквально, от мелочей до самого важного! Зализано, слащаво, крикливо по краскам, Принц — прямо из парикмахерской витрины. Солидный Лис с крохотными ушками, вместо багрового толстого Дельца — иссиня-зеленый тощий замухрышка... непостижимо! И тем дороже мне всякая умная и сердечная попытка сохранить и передать подлинное сент-эксово.

Телефон мой 151—04—45, но это, думаю, на случай, если окажетесь в Москве и можно будет повидаться, а так по телефону толком не поговоришь, уж лучше на бумаге.

Очень важно и очень трудно подобрать актеров, в этом я убедилась на примере станиславцев. Отличная актриса Жанна Владимировская — но ведь ее трагический Маленький принц — совсем не тот, что у Сент-Экса! ну, об этом я, кажется, уже писала Вам подробно.

Пишите о своих планах, держите меня в курсе своих дел, постараюсь всячески вам помочь, от души желаю успеха!

Всего вам доброго!

Н. Галь
23.X-76

* * *

Вечерняя Москва 21.II-81

В. Губанова: Мне сказали, что в Москве есть теневой театр. Какие спектакли в его репертуаре? Можно ли пригласить его во Дворец, Дом культуры?

ОТВЕТ: Московский театр теней существует в системе Москонцерта более 40 лет. В его репертуаре 13 спектаклей для детей разного возраста, в том числе — «Кошкин дом» С. Маршака, «Айболит»

К. Чуковского. «Аленький цветочек» С. Аксакова; и один спектакль для взрослых — «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. В нынешнем году намечается выпустить спектакль по мотивам сказок народов СССР. Театр по заявкам организаций дает представления во Дворцах и Домах культуры.

* * *

О ТСМ (Театральная Студия-Мастерская)

Вот уже скоро 30 лет существует на русском языке сказка А. де С/Э М/принц. Кто только не пытался воплотить ее в зримые, сценические образы — дети и взрослые, в школах, Дворцах пионеров, заводских клубах и на профессиональной сцене. Были и есть спектакли кукольные, был фильм (к сожалению, неудачный), была, по слухам, даже опера, есть балет. Не говорю уже о разнообразном чтении с эстрады (первым был Я. Смоленский), известна запись М. Бабановой и А. Консовского.

Но чаще всего постановки эти (по крайней мере те, которые знаю) прежде всего иллюстративные и рассчитаны больше на детей. Нередко они упрощены и урезаны, сняты если не все, то часть встреч М/принца со «странными взрослыми».

Совсем иначе поняли и поставили сказку в ТСМ. Очень по-своему, очень современно, смело до дерзости. Поставили ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ, стремясь раскрыть главное — гуманистический и философский ее смысл. Один лишь пример — как додуман и раскрыт путь Фонарщика! Ведь не только по техническим причинам (изобрели электричество) становится, увы, меньше на Земле фонарщиков — тех, кто думает не только о себе, кто верен долгу, честно делает свое дело, служит красоте — и потому единственный из «странных взрослых» не смешон Маленькому принцу. А его не понимают — и вот на сцене ТСМ он един в трех лицах: «с горя» обращается в Пьяницу, потом становится нищим попрошайкой — Продавцом никому не нужных пилюль. Вот он падает, сам никому не нужный, под ноги проходим, а те равнодушно переступают через него... потому что современный город может обернуться самой пустынной пустыней и среди людей тоже становится одиноко... и только чуткая детская душа еще способна отозваться на боль чьего-то одиночества. Эта улица-пустыня — еще одна великолепная находка ТСМ.

В мою жизнь и работу Сент-Экс впервые вошел почти полвека назад, когда я прочла по-французски «Планету людей». И над переводом сказки я продолжаю работать, по мелочам его шлифовать. Казалось бы, мне впору возмутиться отступлением от буквы подлинника. А я смотрю этот спектакль и радуюсь. Потому что совсем юные актеры и прежде всего, конечно, их совсем еще молодой руководитель и режиссер

Л. Л. Рыжий сумели понять, умом и сердцем ощутить и с подлинным волнением передать главное — дух сказки С/Экзюпери. Молодцы!

Спасибо — и больших вам успехов!

апр. 86-июнь 87

Н. Галь

Вильнюс ул. Коммунару 5,
Правление Союза кинематографистов Литвы.
Дирекция Литовской киностудии

Уважаемые товарищи!

Как я случайно узнала, недавно в одной из газет сообщалось, что в Вильнюсе снимается фильм по роману Т. Драйзера «Американская трагедия». К сожалению, не поняла, будет ли он только на литовском языке? При русском варианте Вы, очевидно, воспользуетесь моим переводом (вторая переводчица, З. А. Вершинина, скончалась еще в 1942 г., не успев закончить работу). В этом случае должна Вас предупредить: НЕЛЬЗЯ брать ранние издания. За 30 с лишним лет я не раз шлифовала и правила весь текст, но, к сожалению, роман нередко без моего ведома перепечатывали по первым изданиям. Можно взять ТОЛЬКО одно из ПОСЛЕДНИХ, исправленных и проверенных мною изданий: «Художественная литература», М. 1978 (однотомник или «макулатурное»), Лениздат, 1979, «Правда», 1980 (2-томник). Здесь в текст, в частности в диалоги, что, думаю, особенно важно для фильма, внесена вся позднейшая правка.

Если фильм снимается (дублируется?) по-русски, надеюсь, Вы не замедлите мне сообщить и прислать договор на право использования моего перевода.

С уважением

НГ (член СП)

5.I-81

Ленинград, З. С. Тесленко

Уважаемая Зоя Сергеевна!

Прежде всего спасибо за Ваше письмо. За годы существования послеконвенционного ВААП это *первый* случай, когда призванная к тому организация пробует защитить мои права.

Мое мнение по поводу созданной Л. Я. Шварцем инсценировки «Маленького принца» для «Ленконцерта» однозначно: я могу разрешить пользоваться моим переводом *только* когда мне покажут *текст*

инсценировки. И хотя Вы даете мне адрес т. Шварца, прошу Вас *официально* передать ему эту просьбу: прислать мне текст для ознакомления.

Такая придирчивость продиктована горьким опытом.

Я работаю в литературе больше полувека, перевожу с двух языков 40 лет. Знаю, что ЗАКОН об авторском праве обязывает любое издательство при любом переиздании *заранее* спрашивать согласия автора (и переводчика — автора русского текста!) и дать ему возможность внести необходимую на его взгляд правку. Соответствующий пункт есть и в типовом издательском договоре. И ПОЧТИ НИКОГДА НЕ ВЫПОЛНЯЕТСЯ. О переиздании моих работ, в частности «Маленького принца», я сплошь и рядом узнаю, когда они уже в производстве и править поздно, а то и по выходе книги — из «Книжного обозрения».

Переводу сказки Сент-Экзюпери уже больше 27 лет. За эти годы я много правила, шлифовала. А переиздаются нередко издания *давно устарелые*, да еще с ошибками. И зачастую для постановок и инсценировок, не спросив меня, пользуются как раз такими изданиями.

Центральное ТВ дает на многомиллионную аудиторию, в том числе для ребят (по учебной программе) передачу об Экзюпери, сделанную без моего ведома и согласия по кишиневскому изд. 70-х гг., где была грубая, бессмысленная опечатка, все искажающая* [* «кулаки» вместо «кули». — Э. К.]. Я просила редакцию ТВ исправить ошибку (технически это не очень просто, но возможно) — от меня отмахнулись. В конце передачи, в записи актер и поныне с пафосом повторяет ту же бессмыслицу.

Другая столь же бессмысленная опечатка попала в запись сказки в исполнении прекрасных мастеров М. Бабановой и А. Консовского — у пластинки этой огромные тиражи, ее нередко повторяют по радио.

Еще в конце 60-х гг. литовский режиссер А. Жебрюнас (судя по другой его картине [«Девочка и эхо». — Э. К.], человек бесспорно талантливый) сделал фильм «Маленький принц», о котором заранее сообщали в печати. И я заранее дважды писала Жебрюнасу, ответа не получила. А фильм вышел настолько искажающий мысль и чувство сказки и самого Экзюпери, что люди уходили с середины просмотра в Московском доме ученых, а потом в «Лит. газете» появилось возмущенное письмо ленинградских зрителей.

«Маленького принца» ставят и инсценируют много, в разных местах, кто во что горазд. Я об этом узнаю лишь изредка, случайно. Правда, в 60—70-х годах лет 15 кряду шел спектакль в Моск. Драм. театре им. Станиславского, а теперь тот же режиссер (Е. И. Еланская) несколько по-другому ставит его в молодом театре «Сфера». Мое имя как переводчика даже поставлено было на афише (подсказали со стороны!) — но лишь после того, как спектакль был уже создан. Юристы из ВУОАП объяснили мне тогда, что, раз у автора *не пьеса, а сказка*, гонорара мне

не полагается, хотя, кроме ничтожных купюр, весь текст, каждая реплика — это в чистом виде мой перевод.

Обрываю список злоключений — он был бы слишком длинен.

Но очень прошу понять: *речь отнюдь не о деньгах*. Я хочу защитить мою работу, притом работу очень любимую — и за 27 лет ее полюбили многие тысячи детей и взрослых. Хочу защитить *от искажений, от ошибок, от неверного понимания*.

Не всяким изданием можно пользоваться для инсценировки! Не всякая «обработка» текста для инсценировки допустима! Право обереечь прекрасную сказку прекрасного человека и писателя Антуана де Сент-Экзюпери от небрежности, непонимания, ошибок — мое право переводчика. Надеюсь, Вы поможете мне его отстоять.

С уважением

Нора Галь
4 окт. 86.

* * *

(Кубланов Освальд Моисеевич,
гл. редактор Рижской киностудии)

Глубокоуважаемый Освальд Моисеевич!

Простите, что беспокою Вас, но за дальностью расстояния — и географического и профессионального — мне другого адреса не присоветовали.

Вопрос вот какой: еще в последних числах октября 1980 в газете «Вечерняя Москва» промелькнуло сообщение, что на Рижской киностудии готовится экранизация по роману Т. Драйзера «Американская трагедия». До сих пор мне не удалось выяснить, верно ли это и если верно, будет ли фильм дублирован по-русски.

За русский текст «Американской трагедии» отвечаю я (вторая переводчица, З. А. Вершинина, скончалась еще в 1942 г.). Я знаю, что для экрана текст обычно переделывают и сокращают. Однако основа ведь остается.

За 30 с лишним лет роман выходил десятки раз, тиражи миллионные, но не все издания на одном уровне: иногда текст печатали без моего ведома, по самым первым публикациям. Между тем за эти годы я многое пересмотрела и исправила. Это существенно и для кино, особенно диалоги например на суде! Поэтому пользоваться можно далеко не всяким изданием.

Возможно, фильм делается не по самому роману, а по СЦЕНАРИЮ, созданному когда-то ПО-АНГЛИЙСКИ С ЭЙЗЕНШТЕЙНОМ? Этот сценарий я перевела в 1966/7 гг., по просьбе издательства «Искусство» для собрания сочинений Эйзенштейна. Публикация предполагалась в т. 6, затем в дополнительном томе, сроки отодвигались. В 1971 г. я пересмотрела перевод, так как были разногласия с редакцией. В конце концов этот том, насколько знаю, так и не вышел, но перевод сценария в «Искусстве» остался — быть может, Ваша студия воспользовалась им?

Так или иначе, если экранизация действительно состоится, я хотела бы знать, что русский текст, за который я отвечаю уже свыше 30 лет, будет свободен от ошибок, а для этого хоть как-то согласован со мной. Буду очень благодарна, если Вы объясните мне, как обстоит дело.

С уважением — заранее признательная

(член СП СССР)

Н. Галь

29.III-81

* * *

«О «Поющих в терновнике» К. Маккалоу

Дорогая Елена Владимировна! (Осенева)

Посылаю «Поющих...» для расклейки. Было у меня замечено 5 мест, где нужна будет в верстке правка: с. 140, 20 снизу «может, оно и не худо получится»; 252, 1 после отбивки (это серьезно, грозит большим перебором, хотела «непрестанно ширящимся», но лучше компенсированно: пожар, *непрестанно ширясь*, сметая... (без фронта обойдемся); 285, 21 снизу — *оглядывая себя в зеркале*; 474, 14 сверху — тоже перебор: да, Дрохеда, я *не сообразила* — чтоб легче вбить, придется в след. строке не *наверно*, а просто *верно*.

Пока я даже карандашных птичек в этих местах не насажала, просто на всякий случай Вам сообщаю. И уж наверно в верстке что-нибудь по мелочам еще вылезет. Да, и на с. 74, 2 сверху дурацкая опечатка!

Надеюсь, оформление сделают другое? Иллюстрации были не ахти, а уж супер — как говорится, зла не хватает! У оригинала он был очень сдержанный и выразительный, а у нас — мало того что аляповатый — черт-те что понапихано, но и черт бы еще с ним, даже синий конь сзади, в конце концов, сошел бы. Но ведь сто раз говорится о *золотых* чудо-кудрах Мэгги, о том, что *все* в семье рыжие, кроме «незаконного» полукровки Фрэнка, — а на супере у девочки прямые черные истинно маорийские волосы!!! Желтые отблески на них не исправляют облика, и это просто чушь.

Всего Вам доброго, жду вестей.

Н. Галь

26.I-87

* * *

Е. В. Осеновой

Об иллюстрациях к «Поющим в терновнике» К. Маккалоу

Дорогая Елена Владимировна!

Возвращаю договор на «Поющих» — подписала и окончательно поверила в это чудо, меня без конца спрашивали, выйдет ли еще хоть раз эта книга, обрадуются ей очень и очень многие.

Если у меня и появится правка (все-таки годы прошли!), то совсем немного — и, разумеется, я охотно ее оплачу.

Важнейшая просьба — *заранее* защитить книжку от неверного оформления! В последние годы я намучилась из-за произвола художников (всех, во всех изданиях и редакциях). Девочку шести лет изображают дылдой со ступнями 45 размера. Сказано — высокая шляпа с цветами, а рисуют низенькую, плоскую, с перьями. Сказано раз десять — бульдог, а нарисована такса!

В «Поющих» сто раз сказано, что все дети Патрика Клири и сам он, ирландец, *рыжие*. О Мэгги особо: необыкновенного *тициановского* оттенка *золотые кудри*, а на супере — *прямые* и явно *черные* волосы (несколько желтых бликов, тоже прямых, могут быть от освещения). А ведь тоже сто раз сказано, что прямые черные волосы выдают «туземную», маорийскую кровь «незаконнорожденного» Фрэнка! На мой взгляд, супер был вообще безвкусен, слишком много всего наляпано. М. б., об этом можно спорить. Но, пожалуйста, не дайте художникам изобразить Мэгги маорийкой!

Всего Вам самого доброго!

Н. Галь
19.IV-87

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Сегодня уже трудно себе представить, как советским переводчикам — призванным приоткрывать советскому читателю дверь в мир иных культур и народов — приходилось работать без малейшего живого доступа к этим культурам: без возможности посмотреть своими глазами на другую страну, поговорить с ее людьми, познакомиться с писателем-современником, чью книгу переводишь...

Нора Галь не раз пыталась связаться с авторами своих любимых книг. Еще в 1964 году она пишет в Америку Харпер Ли, создательнице романа «Убить пересмешника», только что ворвавшегося на американскую литературную сцену (и в кино: уже вышла экранизация с Грегори Пеком в главной роли). Нора Галь вместе со своей ученицей Раей Облонской перевела эту книгу, она сразу же вышла тремя изданиями подряд, ею зачитывались люди по всей стране. В письме переводчицы — прежде всего, желание узнать о других работах Харпер Ли, ведь Нора Галь любила возвращаться к полюбившемуся автору, иногда и спустя многие годы. Ответа в архиве Норы Галь нет. Может, бдительное советское начальство даже не выпустило письмо Норы Галь через границу — мы не знаем. Та же история — с письмом Артуру Кларку, хотя это уже 1988 год: Нора Галь шлет ему первую, сокращенную, из журнала «Химия и жизнь», версию романа «Конец детства» в своем переводе (роману уже 35 лет, но раньше его напечатать в СССР было никак невозможно). Ответа от Кларка нет — получил ли он письмо?

С иными иностранными коллегами Норе Галь везло больше — с классиком американской науки о переводе Морисом Фридбергом ей даже довелось повстречаться, и в своем письме он благодарит ее «за радужный прием и за помощь» (уже не узнать, какую). А вот посланная Фридбергом книга с его статьей о Норе Галь потерялась то ли на почте, то ли на границе, пришлось отправлять заново.

Помогали Норе Галь в поиске новых материалов о любимом Сент-Экзюпери французские специалисты — Ассоциация Франция — СССР, Музей Сент-Экзюпери в Сен-Рафаэле. 14 сентября 1967 года Нора Галь шлет туда свой перевод «Маленького принца», а также издание этой сказки на литовском языке. 14 октября президент Ассоциа-

ции мосье Гросс сердечно благодарит за полученные книги. И в декабре Нора Галь уже пишет ему о своем замысле составить сборник воспоминаний о Сент-Эксе, советуется, какие книги о нем он считает лучшими. О том же советуется и с мадам Коньо, — слависткой, чей адрес дала Норе Галь литературовед Е. А. Таратута.

Иногда заглянуть через границу удавалось и прямо в Москве. Однажды в Центральном доме работников искусств на вечере в честь Сент-Экзюпери рядом с Норой Галь оказался Сергей Давидович Агавельян, в войну — старший инженер знаменитого русско-французского авиаполка «Нормандия — Неман», кавалер ордена Почетного легиона. Жил он в Москве, явно мог помочь ей своими знаниями. Нора Галь пишет ему после вечера, прося помощи. Он откликается. И помогает.

* * *

Дорогая мисс Харпер Ли!

Мы посылаем Вам два издания Вашей книги «Убить пересмешника». Она опубликована в Советском Союзе три раза: в журнале «Иностранная литература», затем в издательстве «Молодая гвардия» и в популярном массовом издании «Роман-Газета».

Мы работали над переводом с глубоким интересом и волнением.

Мы хотели бы знать, написали Вы что-то еще с тех пор и над чем сейчас работаете.

Советские читатели высоко оценили Вашу книгу и хотели бы Ваших новых книг.

Мы сделали все возможное, чтобы в переводе познакомить советского читателя с Вашими мыслями и стилем, и искренне надеемся, что Вы почувствуете это, когда сами прочтете наш перевод. Мы будем очень счастливы, если Вы пришлете нам одну из Ваших новых книг, и отнесем к ней с самым пристальным вниманием.

Ждем Вашего ответа

Искренне Ваши

Н. Галь, Р. Облонская

Москва

27.IX-67

* * *

Глубокоуважаемый М. Grosse!

Прошу Вас принять для Вашего музея еще одно советское издание «Маленького принца».

Вы, очевидно, уже знаете, что Антуана де Сент-Экзюпери и его произведения очень полюбили в нашей стране. Мне выпало счастье

перевести на русский язык «Маленького принца» и «Планету людей». Чудесную сказку Сент-Экзюпери у нас знают и дети и взрослые. Она печатается сотысячными тиражами, ее передают по радио, читают с эстрады, ставят в театре, сейчас на экраны выходит сделанный по ней фильм.

Для каждого нового издания сказки я вновь работаю над переводом, стараюсь сделать его лучше, еще вернее передать всю глубину и поэзию подлинника.

Посылаю Вам также издание «Маленького принца» на литовском языке — оно вышло в Вильнюсе в 1959 году, одновременно с первой публикацией моего русского перевода в журнале «Москва».

Всего доброго!

С уважением

Н. Галь

* * *

*M-r Grosse
Villa Tsara
Avenue de France
83 St-Raphael
France*

Москва, 28 декабря 1967

Дорогой и глубокоуважаемый Monsieur Grosse!

Прежде всего я должна просить у Вас прощения — я так долго не могла поблагодарить Вас за доброе внимание. Большое Вам спасибо за дружеское письмо и за подарок — я очень рада книжке о Вашем чудесном крае.

Обидная случайность, что мы не повидались, я как раз выходила и вернулась домой через какой-нибудь час после того, как мне позвонили по телефону. Надеюсь, Вы остались довольны поездкой? Может быть, снова побываете в Москве? От души благодарю Вас за любезное приглашение в Сен-Рафаэль. Но увы — и по здоровью, и по возрасту, и по характеру я человек не слишком подвижной, из дому выбираюсь редко, тем более — на дальние расстояния. Конечно, очень интересно было бы побывать в Ваших местах, так тесно связанных с Антуаном де Сент-Экзюпери. Но, право, не знаю, будет ли мне по силам такая поездка.

Фильм, поставленный у нас по «Маленькому принцу», мне не показался удачным. Впрочем, о вкусах ведь спорить трудно. Я больше люблю спектакль в Драматическом театре имени Станиславского, посылаю программу — быть может, Вам будет любопытно взглянуть. Спектакль с успехом идет уже второй сезон, зрители очень тепло его принимают.

Сейчас я снова читаю о Сент-Экзюпери. Как Вы, вероятно, знаете, у нас еще в 1963 году вышла книга Мижо. С разрешения автора переводчик Велле ее расширил, пополнил и даже перестроил. Прочитала я (...) сборник издательства Hachette, 1963 г. В наших библиотеках есть и еще кое-что. Иногда — и это вполне естественно — авторы расходятся в понимании и толковании творчества, мыслей и поступков Сент-Экзюпери, а бывают споры и разногласия даже по поводу отдельных фактов и событий. Но почти каждая книга помогает понять что-то новое.

Признаться, мне хотелось бы не только самой больше узнать о Сент-Эксе, но, может быть, составить для наших читателей, особенно для молодежи, небольшую книжку: выбрать какие-то главы из книг о нем, кое-что из писем его самого, к нему и о нем, из воспоминаний — и всем этим дополнить живой облик замечательного человека, писателя, летчика. Его уже знают и любят у нас, но, может быть, благодаря такой книжке узнают еще лучше и полюбят еще больше. Буду рада, если мне это удастся. И если Вас не затруднит вновь мне написать, очень бы хотелось знать, какие книги, монографии, воспоминания Вы считаете самыми лучшими и верными, кого из французских авторов — наиболее серьезными?

Позвольте, дорогой и глубокоуважаемый друг, поздравить Вас с Новым годом и от души пожелать Вам здоровья и счастья!

С уважением

Н. Галь

* * *

1971 г.

Дорогие друзья!

В конце 1967 г. переводчица Нора Галь послала для вашей библиотеки издание чудесной сказки «Le Petit Prince» par Antoine de Saint-Exupéry, вышедшее в URSS на русском языке в ее переводе, и получила в ответ любезное письмо от президента Вашей Ассоциации M-r Grosse.

Сейчас наше издательство «Молодая гвардия» выпустило в переводе Норы Галь еще одну книжку St-Exupéry. Кроме «Le Petit Prince» и «Terre des Hommes» сюда вошли некоторые воспоминания M-me S. de Saint-Exupéry, G. Pelissier, D. Daurat и других. Пусть Вас не удивит, что воспоминания даны кратко, в отрывках: книжка обращена к подросткам 14—17 лет. Такому юному читателю было бы понятно не все, что интересуется взрослого человека, но в нашей стране и дети и взрослые уже хорошо знают имя Антуана де Сент-Экзюпери и любят его произведения, мы уверены, что эта новая книга поможет нашей молодежи еще лучше узнать и еще больше полюбить этого замечательного человека, славного летчика и прекрасного писателя.

Редакция и переводчица просят вас, уважаемые друзья, принять экземпляр нашей книги для библиотеки-музея имени А. де Сент-Экзюпери.

Быть может, Вы будете столь любезны и передадите также книгу сестре писателя или тем членам его семьи, кто живет в Ваших краях, в знак нашего уважения, вместе с пожеланиями здоровья и счастья.

Если M-r Georges Pelissier или еще кто-либо из авторов воспоминаний также заинтересуется этой книгой и Вы нам сообщите адреса, мы с удовольствием пришлем еще экземпляры.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего.

С искренним уважением

Е. Калмыкова, Н. Галь

* * *

Сен-Рафаэль 16.05.1971

Дорогие друзья,

Я благодарю вас за книги, которые вы прислали нам.

Эти книги нам доставили большое удовольствие.

Сестра писателя Антуана де Сен-Экзюпери живет в Сен-Рафаэль. С вашей стороны, мы ей передали один экземпляр. Она оценила этот подарок.

Мы изучаем русский язык, но наши успехи медленные!

Еще спасибо.

Наш сердечный привет!

Председатель комитета: *Г. Колланж*

* * *

Уважаемая Анна Александровна!

Не можете ли Вы помочь мне вот в чем:

Я работаю над книгой, посвященной Сент-Экзюпери — туда войдет перевод «Планеты людей», воспоминания друзей и соратников С-Э, его сестры и пр. У меня нет некоторых его книг (Carnets, Lettres, Citadelle), но их м. б., еще удастся добыть здесь. Беспомощна я в другом: С-Э в 30-х гг. написал сценарий Igor (Игорь!) — фильм не был поставлен, напечатан сценарий, видно, тоже не был. Возможно, какие-то следы можно обнаружить через Музей С-Э в Сан- Рафаэле, музей ведет Mr. Gross, он же активный деятель тамошнего Общества Франция — СССР. Я ему послала свой перевод «Маленького принца» и получила очень милый ответ, но мое письмо осталось без ответа, а м. б., не дошло — это было около года назад. Если у Вас или Вашего брата есть возможность узнать, существует ли этот сценарий и можно ли получить копию текста, я буду

очень благодарна. Книга выйдет (д.б. в декабре) в издательстве «Молодая гвардия». Даже отрывок из сценария ее очень обогатил бы (ведь он, м. б., и не сможет пойти).

Всего Вам доброго!

Н. Галь
22.IX-68

* * *

Париж мадам Коньо

Chère Madame!

Наконец-то я могу послать Вам свою книжку. Не удивляйтесь, что воспоминания о С-Э даны довольно коротко и отрывочно: я составляла эту книгу по просьбе редакции, которая выпускает книги для юных читателей (14—17 лет). Естественно, какие-то более сложные стороны творчества и философии С-Э таким подросткам не были бы понятны. Молодежь еще только полюбила прекрасного человека и писателя, очень популярного в нашей стране.

Пользуюсь случаем снова поблагодарить Вас за помощь, многие воспоминания взяла из книжки, которую Вы так любезно мне когда-то прислали.

Простите, что не успела вовремя поблагодарить Вас за письмо и газетную вырезку. Мне интересно было узнать мнение французского критика о научной фантастике. Я этот жанр люблю, переводила рассказы английских и американских фантастов (Bradbury, F. Sturgeon и других), перевела роман Кл. Саймака All Flesh is Grass. К сожалению, меньше знаю фантастику французскую. Может быть, Вам попадутся в газете не только рецензии, а и небольшие фантастические рассказы, которые стоило бы перевести на русский язык — я была бы Вам очень благодарна, если Вам будет не трудно послать при случае такую вырезку.

И еще одна тема занимает меня — новеллы о жизни людей искусства, о судьбе художника, музыканта и т. п., именно belle-letters, а не интервью, не критические заметки или сенсационные сообщения.

Когда-то я защищала диссертацию о творческой судьбе Артюра Рембо. А теперь с особенным удовольствием перевожу повести и рассказы, так или иначе связанные с темой искусства, художника.

Очень люблю переводить короткие рассказы. Но недавно с удовольствием работала над романом Nourrissier «Le Maître de la Maison»¹ — знакома ли Вам эта книга? Мой перевод будет напечатан, вероятно, летом.

Сейчас работаю не очень много, не совсем еще оправилась после болезни.

¹ Нурисье. «Хозяин дома».

Желаю крепкого здоровья и всего самого хорошего Вам и Вашему мужу.

Искренне Ваша

Н. Г. 12.II-71

* * *

Дорогая Нора Яковлевна!

Не знаю почему не дошли, кажется, все новогодние открытки, которые я выслал еще в ноябре. На всякий случай — еще раз желаю всех благ, благодарю за радушный прием и за помощь.

Вторично пошлю (высылаю?) книгу. Кланяйтесь Раисе Ефимовне. С сердечным приветом

Морис Фридберг.

P. S. А у нас теперь тревожное время. Война. Наши мальчики воюют где-то в арабских пустынях, а мои друзья и родственники в Израиле в газовых масках опять.

* * *

Дорогой Морис (Фридбергу)

К сожалению, я действительно не получила ни книгу, ни новогоднее поздравление. А сама чувствовала себя худо и потому не писала. Очень надеюсь, что вторично посланная книга дойдет, и предвкушаю, как стану ее читать. Мы с Р. Е. (Облонской) часто с огромным удовольствием вспоминаем такую живую и интересную встречу с Вами. Как удивительно, что на другом краю света есть человек, так прекрасно знающий все, что происходит у нас в нашем любимом деле. Очень хотелось бы надеяться, что мы еще увидимся и поговорим. Сейчас издается и переиздается много интересного, хотя все захлестнул поток детективов.

Радует, что война в Персидском заливе кончилась, что можно не бояться за ближних и дальних.

Вероятно, Вам попадется на глаза Библиографический указатель по Шекспиру 89-го года. Хочу Вас позабавить: два варианта 116 сонета Шекспира, подписанные Д. Кузьмин, принадлежат моему внуку, студенту.

Сердечный привет от Раисы Ефимовны.

Всего Вам самого доброго.

С уважением

Нора Галь.

* * *

Глубокоуважаемый Сергей Давидович! (Агавельян)

На вечере в ЦДРИ 3.XII я не успела с Вами поговорить — во время постановки было неловко, а потом Вас обступили люди. Решаюсь

Вам написать, так как, пока мы сидели рядом, Вы обмолвились, что, может быть, могли бы мне помочь достать номера «Икара», посвященные Сент-Эксу. Сама я ни разу не была во Франции, ни с кем давно не переписываюсь (когда-то мне писал из родных мест Экзюпери глава его музея, член общества «Франция — СССР», но он был старый человек, переписка давно оборвалась...).

Не знаю, можно ли будет что-либо напечатать из материалов «Икара», но ознакомиться с ними, тем более иметь их мне очень бы хотелось, ведь я перевела «Маленького принца», «Планету», «Письмо заложнику», отрывки из воспоминаний сестры Антуана, нескольких его друзей и соратников — эти работы мне очень дороги, в них вложен большой кусок жизни и души.

Если у Вас будет желание и возможность, отзовитесь, пожалуйста. Всего Вам самого доброго!

С уважением

НГ
19.XII-85

* * *

Глубокоуважаемый Сергей Давидович!

Спасибо Вам за скорый и добрый ответ. Сама я сейчас из дому не выхожу, поэтому Вам позвонит и попросит разрешения зайти за «Икарами» моя дочь. Мы с ней живем в разных концах города, проще, чтобы о времени, Вам удобном, она условилась непосредственно.

Но так как я работаю очень много, а над материалами о Сент-Эксе надо будет серьезно думать, подбор их, перевод, связь с издательством потребуют немало сил и времени, моя просьба остается: *если* это будет Вам не очень сложно и возможность во Франции представится, пожалуйста, попросите там для меня «Икары», чтобы они были у меня всегда под рукой. Без конца задерживать Ваши мне неловко, а для работы и летом 86 г. и позже они будут еще нужны.

Не знаю, в каком именно издании, но переводы С/Экса у Вас, без сомнения, есть. Может быть, Вам интересно что-нибудь из моих переводов с английского? Я рада была бы подарить Вам какую-нибудь свою книгу.

Всего самого доброго Вам и Вашим близким.

С уважением

Н. Галь
6.I-86

* * *

Глубокоуважаемый Сергей Давидович!

Простите, пожалуйста, за бессовестную задержку номеров «Икара». Понимаю, что ни мои 75, ни болезни, ни даже огромная, не по возрасту и не по здоровью, нагрузка — не оправдание.

Кое-что в воспоминаниях о Сент-Эксе оказалось для меня очень интересно и полезно. Практически пока воспользовалась (к новому изданию «Маленького принца», в послесловии) только заметкой А. Теноза, которая, по-моему, достаточно убедительна, — о том, что впервые Антуана взял в воздух не Ведрин, как считалось прежде, а Сальез. Но в этом издании мне не удалось, по условиям Детгиза, написать об этом подробней.

Спасибо вам за долготерпение!

Позвольте — отчасти в искупление вины, отчасти в надежде, что Вам это будет хоть немного интересно — подарить Вам прилагаемые книжки.

С уважением

Н. Галь
12.VI-87

* * *

Милая Нора Яковлевна!

У Вас в руках не перо, а топор и кнут. Как Вы хлестко рубите невежу. Мы просто удивлялись. Как могут эти авторы проглотить такие пилюли (или они привыкли). Здорово! Молодец. Лично я обнимаю и целую Вас.

С уважением

Сергей Давидович

* * *

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Давидович!

Бесконечно тронута и обрадована вашим письмом, большое Вам спасибо за память, за добрые слова о моей работе! Как-никак, я начала печататься с 13-ти лет, всерьез работаю в литературе больше полувека, перевожу с двух языков — 45 лет — и до сих пор не могу относиться спокойно к халтуре и безграмотности. Воюю с тем и другим по мере сил, выступила даже в «Дружбе народов» (3,87) с вариантом главы новой о мастерах перевода, о том, как надо и как не надо обращаться с многострадальным русским языком. Стараюсь учить молодых, помогать тем, кто ХОЧЕТ работать хорошо. К сожалению, немало таких литераторов (не только переводчиков), которые НЕ ХОТЯТ, а не только не могут, — этим ни кнут, ни топор не поможет... А Ваша высокая оценка для меня — большой подарок. Еще раз великое Вам спасибо.

Доброго, светлого Нового года и еще долгих счастливых лет Вам и Нине Федоровне и всем, кто Вам дорог.

Искренне Ваша

Нора Галь.
30.XII-87

* * *

Замечательному писателю Артуру Кларку, чьи романы и рассказы хорошо знакомы советским читателям — с благодарностью и уважением. Четверть века назад я прочла Childhood's End¹ — и тогда увлеклась S. F.² и как читатель, и как переводчик.

Журнал «Химия и жизнь» уже читают и школьники, и академики, тираж его почти 1/4 миллиона, объем журнала невелик, поэтому сейчас роман печатается в сокращенном виде, но я надеюсь, что одно из наших издательств напечатает эту отличную книгу полностью — и очень рада, что мне довелось перевести ее на русский язык.

К сожалению, № 7 с окончанием романа я еще не получила, посылаю Вам первые три номера.

Еще раз — спасибо!

С искренним уважением

Нора Галь.
Москва, август 88 г.

¹ «Конец детства».

² Научной фантастикой.

БЕЗЫМЯННЫЙ СОЮЗНИК:

Нора Галь — редактор Бориса Пастернака

Не всегда Нора Галь была переводчиком: в сущности, это призвание пришло к ней довольно поздно, в годы войны. Прежде она печаталась как критик. А поначалу главной страстью Норы Галь была, конечно, поэзия. Иногда она возвращалась к стихам и в поздние годы. Чаше это горький отклик на перипетии нашей жизни — вот пример:

Век лицемерия. Мы лжем и не краснеем,
И лишь на дне души храним еще пока
Кровавой правды ком и сросшиеся с нею
Последние стихи последних могикан.

Все снова вкривь и вкось. Затоптано, запето.
От тошноты души спасенья нет нигде.
А Герцен ведь сказал: убьешь в себе поэта —
Взамен наверняка появится злодей.

Мы верили, о да: в Начале было Слово —
Оно вело и жгло. На жизнь и на смерть. В бой.
Мы были счастливы, не требуя иного,
Что ради Нового мы жертвуем собой.

Мы были, может быть, романтики, аскеты.
Да стинет мещанин! О, да. А время шло.
И снова над землей оскалилось вот это
Самодовольное свирепое мурло.

Век озлобления. Седеющие вдовы.
Циничные глаза обманутых детей.
Был идол или бог. Он предан. Нет иного.
И веры ни на грош в постылой маяте.

Отраву стронция таят лучи и листья.
Ты всем богата, жизнь. Ты все даришь, судьба:
Дыханье подлое измены и корысти
И тень гигантскую смертельного «гриба».

Родимая земля. Сдери с души коросту,
Повесь хоть одного из тысячи иуд —
И пусть воротятся друзья мои и сестры
Из той же глубины все тех — Сибирских руд.

Век отречения. Ни вольных, ни счастливых.
Пророки не в чести, Пилатам счету нет.
Насущная, как хлеб, простая справедливость,
Как мамонт, вымерла на лучшей из планет.

Чем утешать себя? Раствление, пепел, горечь.
Святых когда-то слов пустая шелуха.
Нет, лучше немота. Тогда не опозоришь
Ни совести своей, ни боли, ни стиха.

Как позавидуешь еретикам, скитальцам,
Взывавшим и тогда, когда вокруг — ни зги:
Я верю, господи! Я верую — так сжался:
Неверью моему, чем можешь, помоги.

Да некого молить. Нет места вере детской.
И незачем гадать. Предельно прост ответ.
Мы знаем: будет, да. Попозже ль, по соседству
В запасе тьма веков — и мало ли планет.

Но в юности заполняла стихами тетрадь за тетрадью, без надежды на печать. Полтора десятка ее стихотворений увидели свет лишь в начале XXI века в ее книге «Слово живое и мертвое» начиная с 2003 года и далее в издательстве «Время».

В юности вослед раннему увлечению Блоком определилась для нее главная путеводная звезда в современной поэзии: Пастернак, страсть на всю жизнь.

Уже без мамы я сделала поразившее меня открытие — нашла в ее архиве письмо Пастернака с его дивным летящим почерком. Лично с ним Нора Галь знакома не была, только с его сыном. Да и письмо адресовано не ей! Разгадка — в другом письме мамы к ее главному другу Фриде Вигдоровой и в публикации интернет-журнала «ГОД ЛИТЕРАТУРЫ».

Оказывается, примерно 110 предложенных Норой Галь поправок были приняты Пастернаком и попали в итоговый вариант его перевода «Короля Лира». Не приняты лишь 20! Есть чем похвастаться — но мама ни разу не обмолвилась ни словом!

* * *

7 апреля 1965 года.

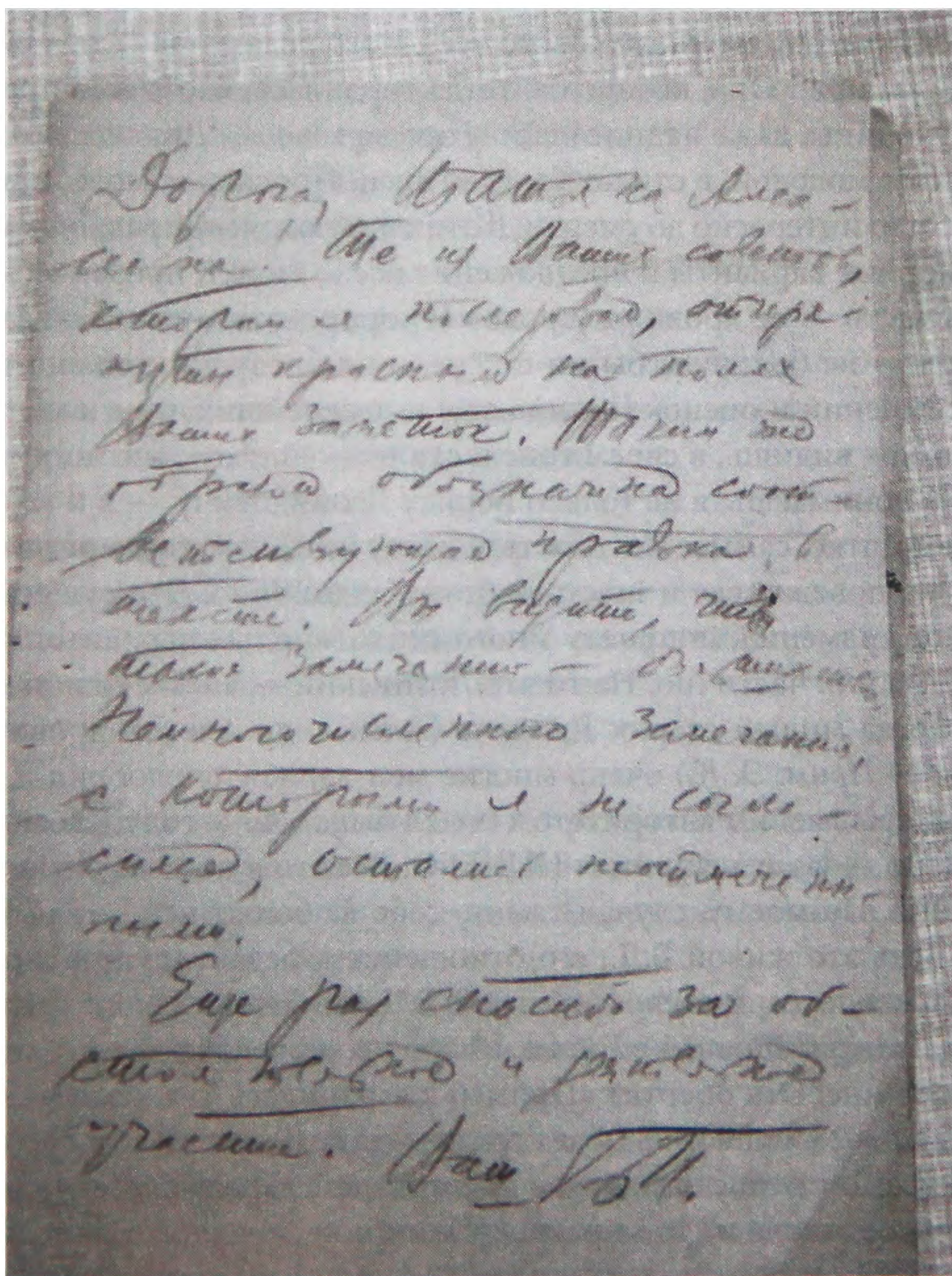
Фридонька, ты сейчас видишься с Женей Пастернаком, вот на твое усмотрение две находки из моего архива. 1) Его собственные стихи... — ну, об этом сейчас не будем — и 2) второе — ответ Бориса Леонидовича на правку к «Королю Лиру». Не знаю, помнишь ли ты историю, а прелюбопытно. Тогда Татьяна Кудрявцева только-только пришла в Гослит, на совесть поработала со мной над «Американской трагедией», я похвалила Саше Пузикову столь толкового усердного редактора — и... ей поручили Шекспира!! Она, помнится, тогда гордилась, что я и ее приняла в зайцы-ученицы, даже надписала мне это на «своем» Диккенсе. И считала себя еще молодой, в стихах была не спец. Просила помочь, а мне, конечно, было интересно до смерти. В этих листах с «ее» правкой к «Лиру» стихотворные варианты и предложения все — мои. К прозаическим репликам часть — ее кровные (вроде «игнорировать», чего я — сама понимаешь — не брякнула бы ни во сне, ни в бреду, ни в пьяном виде). Часть сомнений и оценок (иногда еще и нелепейших, и не к месту) она вписала, как видишь, в своем тоне и стиле — «плохо», «не по-русски» и пр. Сама понимаешь, я не только Борису Леонидовичу, — я и теперь, на шестом десятке, самым желторотым пишу на полях, когда редактирую, несколько повежливее и не столь безапелляционно. Что существенно: Б.Л. много изменил, попросту много стихотворных вариантов принял полностью или частично. Не то что Лозинский — в «Чистилище», помнишь? Тогда милый старик Джевель (Александр Александрович Джевелегов. — Прим. Э. К.) очень многие мои варианты одобрил и уже от себя, прикрыв своим авторитетом (что я была в 44-м году!) Лозинскому предложил — а тот не принял НИЧЕГО! Все это я поминаю вовсе не из тщеславия. По-моему, случай сам по себе любопытный — как ты скажешь? Ведь это живой Б.Л., его отношение к редактору и к слову. Так вот, Татьяна потом мне сообщила, что Б.Л. был очень доволен и признателен, даже притащил ей в Гослит 10 плиток шоколада, так что одну она доставила мне! Эта обертка «Примы» сохранилась тут же, а на ней карандашом — 28 июня 1948 (моя страсть к датам!). А сейчас я пролистала «Лира» (не Гослитовского, а — в двухтомнике «Искусства») — в самом деле, многое вошло из той правки! [И вот я не поленилась и посчитала: в тетради 24 страницы, не принято 23 правки, то есть в среднем одна на страницу, а принято 103 правки! — Э. К.] Широко звонить об этом я

не собираюсь. Зазорного для Татьяны тоже ничего нет, она тогда себя числила в моих ученицах, знаешь ведь ее дарственные подписи — даже на Причард. Я помогала ей запросто, а в этом случае — с наслаждением.

Дорогая Татьяна Алексеевна! Те из Ваших советов, которым я последовал, отмечены красным на полях Ваших заметок. Таким же образом обозначена соответствующая правка в тексте. Вы видите, что таких замечаний — большинство. Немногочисленные замечания, с которыми я не согласился, остались неотмеченными.

Еще раз спасибо за обстоятельное и деятельное участие.

Ваш БП

Автограф письма Бориса Пастернака

стр. 41 - в реплике Тонировки предлагаю:
 "Присаживайтесь, а затем,
 К моменту предприседения..."

~~В реплике Лира такое звучит~~
~~"Он смеётся в последний~~

стр. 42 - в реплике Тонировки предлагаю:
~~1. "Недоумение ваше что же такое?"~~
~~2. "Ваша же мне как дошло"~~
~~3. "Некорректно звучит:"~~

"Как вам суждено может
 показаться?"

Следующую фразу предлагаю:

"Вас просят ита, кому негодует?"

~~Некорректно, некорректно, звучит плохо~~
~~и не звучит~~

В реплике Лира советственно неопределённо
 первая строчка.

стр. 43 - в реплике Лира некорректно повторение
 два раза "и", хотя в английском
 это и так.

~~В реплике Лира: некорректно~~
~~и не звучит.~~

~~В реплике Лира: некорректно~~
~~и не звучит.~~

стр. 44 - в реченні Лира нехорошо звучить:
"цукри/поносці".
нехорошо звучить "зім'ї" и "зім'ї"

стр. 45 - в реченні Лира такоо звучить
"сипіт аїт пори" - аїт цукри/поносці
О.М. Лира можемо сипіт пори пори
сипіт пори аїт цукри/поносці
тиде-тидео звучить и непомітно:
"А їо з впрілу вас и дроніу насам
Водою ваніт змало орама".

стр. 46 - Чірка дєрєу - "їм вєдмїна" - не-
хорошо, такоо наче не.
нехорошо побіреши "їм", аїт в ач-
мїнєсїа аїт и так.

стр. 47 - в реченні Тонєрїнїи нехорошо
побіреши - "любї", "любє".

~~в реченні~~

в посїдї. стріжї сипіт нехорошо
слово "наскєро", назо рїм-їо
замініть.

стр. 48 - нехорошо побіреши дєрєа в стріжї с 4 по 7 дєрєа
нехорошо побіреши слова "їм" і "їм"
не можїт бїтї: "вєдмїна... цукри/поносці"
Зад... там
можїт аїт не
вїнїтї дєрєа.
- в реченні Лира нехорошо побіреши
"їм"

ср. 54 - в риллике Эдмунда некоротко
 звунт "наи,
 где предупрежда скорее и удача...
 коротко было бы заметить в
 предпоследней строке слово
 "правдоподобья".

ср. 55 - в риллике Эдмунда, чтобы избе-
 жать повторения "он", предла-
 гая:
 "Он скрывается,
 едва лишь убедился, что не лоп..."

ср. 56 - в риллике Эдмунда некоротко
 слово "испытано". коротко бы за-
 метить.

ср. 57 - в первой строке того звунт слово
 "очевидность". коротко бы заметить.
 в риллике Тосседа: некоротко по-рус-
 ски - "...Он не признает
своей роли в этом..."

~~также издается: "Его все одобряет"~~
~~он расценил~~

стр. 57 - в реплике Зерани странно звучащее восклицание - "Век казней маме!"
Каждо бы придумало что-нибудь другое.

стр. 58 - много звучащее повторение "я" в реплике героя Корнуэльского.

стр. 61 - в реплике Кеніа преданного поставлено слово "моя вода"
в превосходном степені - "моя вода"
лучше остальных "лучше
своих и чужих моих воды".

стр. 62 - в реплике Кеніа стоит перед собой
образ, напоминающий слова "Ты
посидишь...." Преданного: "Ты посидишь
этой тесной кукушкой, и
предупредишь предвздо моего царственного
отца".

стр. 65 - в реплике Кеніа некорректно повторение "легенды...: легенды", Преданного: "И легенды колдовские не думай"

стр. 66 - ~~в реплике героя Корнуэльского~~
~~преданного: "Корнуэль, - похвали за не-~~
~~подкупность,~~
~~она сыгравшая с судьбой на ней"~~

ср. 66 Кипри - непонятно и коротко звучит
срочка: "Не вепорит, - ну что же, на
что он просит."

в реченке Кенжа: "Брат, кто обра-
тил вас к такому предположению
было просто рад, - рад за проседа...
или "просто из уважения".

ср. 67 - Звучит не по-русски - в реченке
Освальда: "...а он, кто об угодии
Хозяйской величии, даи ми
путь подорожу..."

ср. 68 - последняя срочка в реченке Кенжа
звучит так же.

в реченке Глоблера коротко
звучит: "Но эта мера измущает
В том смысле, как это..."

~~ср. 68 - в реченке Глоблера так же звучат
две последние срочки. ~~и так же звучат~~~~

ср. 65 - так же звучит срочка из реченки
Кенжа: "Сначала поспешно и неслучайно,
как восток..."

некоторые ^{иногда} свои ~~иногда~~ реченки по
времени ~~иногда~~ посредством "и"

МОЙ ДРУГ БЕСЦЕННЫЙ

Фрида Вигдорова

Фрида была самым близким другом Норы Галь. И в мою жизнь она вошла с самого детства, была главным человеком наравне с моей мамой.

Поэтому я привыкла звать ее Фридо́чка, никак не могу иначе, уж простите меня.

Дружили они с мамой более 30 лет. От первого знакомства в Московском Городском Педагогическом институте в январе 1935 года: Фридо́чка только что вернулась тогда в Москву из Магнитогорска, где работала учительницей и училась в педагогическом институте заочно. И дальше рука об руку: Фрида со своим первым мужем, Александром Кулаковским, сдают госэкзамены — мама нянчит их дочь, маленькую Галюшу. Фридо́чка шлет моей маме в войну из Ташкента отчаянные письма, тревожась за нее в разлуке, а мама в Казани падает на улице в голодные обмороки. После войны, случилось, Нора Галь и Фрида Вигдорова вместе писали газетные статьи — в основном, про дела школьные и семейные, и даже общий псевдоним у них был: «Учитель В. Гальченко». Продолжалась эта дружба до последнего дня жизни Фридо́чки, сгоревшей от рака в 50 лет — итог почти двух лет борьбы за спасение «тунеядца» Иосифа Бродского. И это был самый смертельный, но далеко не единственный ее бой за спасение чьей-то судьбы, за справедливость.

И в наш дом она приносила, словно военные сводки, новости литературных и прочих боев. Кое-что отозвалось и в письмах Фридо́чки за многие годы. Острые споры и противостояния в Союзе писателей в переломном 1956 году. Позже и самиздат шел к нам в дом через Фридо́чку. Ее запись суда над Бродским считается первым документом самиздата.

Обсуждала Фридо́чка с мамой и все свои творческие дела и замыслы. Это пошло с юности: у мамы уже был опыт, а Фрида еще только начинала как писатель и журналист. И ни одна страница Фриды Вигдоровой, ни одна ее книга не выходили без маминого внимательного глаза. Особенно это касалось самой известной работы Фридо́чки — педагогической трилогии, написанной вослед «Педагогической поэме»

А. С. Макаренко: повестей «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка» — с общим героем Семеном Карабановым, в реальной жизни Калабалиным, учеником Макаренко. Вигдорова много общалась с Калабалиным, ездила к нему в детские дома, где они с женой Галиной Константиновной («черниговкой» из «Педагогической поэмы») работали. Однако все же книги ее не чисто документальные, а художественные, и Фридошка делится с мамой — какие тут ее мучают сложности и недоумения.

В трилогии очень много персонажей. Не так просто все упомянуть. А Фридошку разрывают ее спасательные дела. Или, не ровен час, она свалилась больная. И тут мама на подстраховке. Помочь, за всем уследить. Целые списки поправок, опечаток.

Двое друзей дополняли друг друга: мама — «внутренний» редактор Фридошки, а та — мамин «посол» во внешний мир. Ведь именно Фридошка с великим трудом пробила в печать «Маленького принца».

—

О Вигдоровой высоко отзывались Анна Ахматова, Корней Чуковский, Надежда Мандельштам, Варлам Шаламов, Лев Копелев, Раиса Орлова, Ефим Эткинд, И. Грекова. Лидия Чуковская написала о ней книгу «Памяти Фриды», филолог Вяч. Вс. Иванов и ленинградский поэт Глеб Семенов написали стихи, посвященные ее памяти. Александр Галич посвятил ей песню «Уходят друзья». Правозащитник Александр Гинзбург предпослал своей «Белой книге» о неправом суде над писателями Синявским и Даниэлем посвящение: «Светлой памяти Фриды Вигдоровой».

В 2017 году на презентации ее книги «Право записывать» Вигдорову очень точно называли «Голос Оттепели».

ПЕРЕПИСКА НОРЫ ГАЛЬ С ФРИДОЙ ВИГДОРОВОЙ

От Ф. А. к Н. Я., из Ташкента в Казань.

22 марта 42 г.

Норушка, мой милый, дорогой мой друг, где ты? Почему ты молчишь? Получила ли ты мое письмо из Ташкента, телеграмму из Ферганы? Мне о тебе ничего неизвестно, кроме того, что рассказывала 4 мес. тому назад Сарра¹.

¹ С. Л. Лейбович, однокурсница Н. Я. и Ф. А.

Норушка, милая, может ты приедешь сюда? Здесь ин-тут Горького¹, Т. Мот-ва², здесь найдется для тебя работа стихотворной переводчицы (с узбекского, с белорусского — не смейся — для чего же существуют подстрочники?), журналистская, писательская и всякая другая. Найдем и жилье, и с пропиской устроим.

Я через 3 недели иду в [декретный] отпуск. Мне тебя так не хватает, родная моя. Скорее напиши, телеграфируй. Я опять в Ташкенте, и мой адрес прежний.

Целую. Твоя Фрида.

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Ташкента в Казань.

20 апреля 42 г. Ташкент. Тупик³

Сегодня мама принесла мне твою телеграмму. Значит, ждать от тебя вестей? Ко мне идет открытка? И письмо?!

Оч-чень хо-ро-шо! Очень рада! Ведь до сих пор твои телеграммы шли по месяцу, по два, а мои и вовсе до тебя не доходили. А теперь, видно, дело пошло на лад, ты, по-видимому, получила мою открытку?

Каких же подробностей ты жаждешь, хорошая моя? О чем? О ташкентских перспективах для тебя? О моем житье-бытье? О том и другом? Так вот. На нынешнем этапе у меня декретный отпуск и врачом мне прописан постельный режим. Лежу. Видимо, переходила и переголодала несколько, живя в Фергане, где была разъездным корреспондентом⁴. На шестом месяце⁵. Я писала тебе об этом, не знаю, дошло ли до тебя письмо. В конце января редакция разрешила мне вернуться в Ташкент, что я в начале февраля и сделала. В течение марта я одна представляла в Ташкенте свою газету, так как мое начальство было вызвано для отчета в Москву.

Меня все время мучил страх что-либо упустить, чего-нибудь недоотобразить, отстать от «Известий» и т. д. Поэтому я опять-таки целыми днями гоняла по городу в поисках информации, тем, авторов. И слегла.

¹ Институт мировой литературы им. Горького.

² Тамару Лазаревну Мотылеву, литературоведа и критика, Н. Я. и Ф. А. знали еще по пединституту, где Т. Л. им преподавала.

³ Мы живем в первом Чеховском тупике. В абсолютно Чеховском тупике, как говорит Шура. [Прим. Ф. А.]

Шура — А. Б. Раскин, писатель, второй муж Ф. А.

⁴ Газеты «Правда».

⁵ По дороге в Фергану толпа мешочников столкнула Ф. А. с поезда. И она сама, и ребенок чудом остались живы.

А теперь — отпуск. В середине мая — если все будет благополучно — сын¹.

[...]

Приедешь ли ты? Здесь я. А в Казани — не уговариваю. Но очень хочу, чтобы ты была ближе. Работа есть и будет.

1. У меня есть знакомые — белорусские и узбекские поэты. Они изнывают от бездарных переводчиков. И я найду тебе уйму материалов для переводов, если ты захочешь поработать в этой области. Знанием языка здесь почти никто [из переводчиков местных поэтов] похвастаться не может. Подстрочник — вот знамение времени.

2. Здесь есть газета. Ты, как известно, создана для газеты.

3. Корней Иванович [Чуковский] предлагал мне писать для информ-бюро — что-то вроде ВОКСа². Мне было не до этого. И будет не до этого — сейчас больна, потом — младенец. Но ты? Я тебя представляю и — увидишь, что будет.

4. Институт Горького поручает кой-кому кое-какие брошюры. Но это, впрочем, дело темное. Короче говоря, работа, заработок есть и будет. Это я знаю. И думаю, что не хуже, чем в Казани, хотя Казанская ситуация для меня совершенно темна.

И ты не станешь дальше от Москвы. Километры не играют роли. Здесь институт Горького, и если будет уезжать он, уедешь и ты. Не так ли?

Я жду твоих писем. Из них пойму, что именно тебя интересует.

Крепко целую и обнимаю тебя, мою хорошую, мою дорогую.

Твоя Фрида

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Ташкента в Москву.

Между 16 мая 1942 и 3 июня 1943 г.

Я очень спешу — сижу у дверей Галкиного детского сада и жду, когда ее можно будет забрать. Дет. сад в том же помещении, что и институт и институтское общежитие. Там же мне пожертвовали и бумагу, и чернила.

Норка, милая, напиши мне.

Напиши скорей.

Получила ли ты письмо, которое я должна была послать тебе с Марком Галлаем? Летчиком?

Нет?

Там я писала тебе о том, что адрес мой изменился — ул. Урицкого, д. 70 — мне.

¹ 16 мая 1942 г. у Ф. А. родилась дочь Саша.

² Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

Большая, светлая комната. Шура, я, дети. Вчетвером.

Стало куда легче, но все же надо в Москву. Надо работать. А здесь с утра до вечера — дом, ребята, дом, ребята.

Напиши.

Целую. Ф.

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Ташкента в Москву.

3 июня 43 г.

Норушка дорогая, институт уезжает. Нет сил смотреть — у всех уже какие-то потусторонние отсутствующие лица, все уже смотрят даже не мимо, а сквозь тебя — не замечают, самым искренним образом не замечают.

Еще бы — через неделю, много — через 10 дней — Москва!

Я все не разрешала себе даже думать о Москве. А теперь не могу думать ни о чем другом. Надо быть в Москве, надо работать. Без этого и жить на свете не стоит. Мне очень нужно видеть тебя, быть рядом с тобой.

Шура на днях летит в Москву. Его вызывает на работу Радио-комитет. Убеди его в том, что нас необходимо вызвать. Даже если будут бомбежки — разве сыпняк, брюшняк для детей лучше?¹

Что ты делаешь сейчас? Где работаешь? Как — вообще — живешь? Можно ли тащить в Москву ребятешек? Найдется ли для меня работа помимо «Пр[авды]»?

[Конец письма обрезан.]

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Песков² в Москву.

11. VII-51

Норинька, я окончила еще одну тетрадку. Уже вернула Короля³ в колонию, но не уверена, что сделала это убедительно и интересно. Не хватает тебя. Все хочется перекинуться словечком, ан — нет!

[...]

По-видимому, я буду в Москве числа 18-го. Может, и раньше. Я очень хочу видеть тебя. Очень.

Целую тебя крепко.

¹ Семья Ф. А. вернулась в Москву в декабре 1943 г.

² Дачный поселок под Коломной, где семья Ф. А. снимала дачу каждое лето с 1951 по 1958 г., исключая лето 1955 г. Про жизнь в Песках см. воспоминания Елены Пастернак в этой же главе.

³ Воспитанник детдома из первой части трилогии Ф. А. «Дорога в жизнь».

Твоя Ф.

Если будешь писать — пришли промокашку, ладно?

* * *

*От Ф. А. к Н. Я., из Мотовиловки (Украина),
детдом им. Кирова, в Москву.
10.V-52.*

Норик, писать мне пока не о чем. Встретили меня хорошо, с нежностью. Семен [Афанасьевич Калабалин] посмотрел с огорчением, сказал: — Стала ты, как сухая вобла, почему? Смотри, сколько дней здесь проживешь, столько чтоб килограмм прибавилось.

Тишина. Высокое украинское небо. Сажу на крыльце, пишу. Рядом сидит мать Семена, ей 87 лет. Чистит картошку и время от времени обращается ко мне с каким-нибудь вопросом, а потом долго говорит что-то вполголоса по-украински: — Две дочки? Вот! Две дочки! А у меня 3 дочки, все в Полтаве. И 5 сынов. Было бы 7, да двоих побилло. А старшей дочке 64-й год пошел. А Семен меньшенький, ему 49-й.

Неужели я доживу до того дня, что Галке будет 64? Не хочется... Нет, не хочется¹.

Нынче Семен с Галей² начнут читать рукопись, хотят, чтоб я читала вслух. Поглядим. Может быть, и вслух.

Тихо здесь. Хорошо. У меня отдельная комнатка. Метров 5, маленькая, да зато отдельная. Мне тут хорошо. Целую тебя крепко.

Ф.

* * *

*От Ф. А. к Н. Я., из Мотовиловки в Москву.
15.V-52*

Дорогая Норушка. Вот уж я 6 дней, как здесь. И уже получила письма из Л[енингра]да. А от тебя — ни слова.

Семен читает медленно. Но разговор по первым 180-ти страницам уже был:

— Почему у тебя дети — близнецы? Леночка была на 11 мес. старше.

Галя: — Какое это имеет значение, Семен?

¹ Нет, Ф. А. до этого не дожила: когда она умерла, Гале было 28 лет. Не дожила и Галя до 64 лет: ей было 37, когда она погибла в 1974 г. (см. об этом далее в Приложении к переписке Н. Я. и Ф. А., с. 149).

² Галина Константиновна Калабалина — жена С. А. Калабалина.

Семен: — Категорически возражаю! Если это какой-то дурацкий прототип — тогда пожалуйста. Если это я — тогда пусть будет так, как было в жизни.

Я знаю одно, Норушка: если мне суждено еще писать — это последняя книга о живом человеке. Я только теперь поняла, какое счастье было — работать над «Моим классом»¹, где я была хозяйкой над своей выдумкой, над своей мыслью. Там никто не мог мне сказать: — Я не хочу. Я могла прислушиваться ко всему, что мне говорили, но ХОТЕТЬ или НЕ ХОТЕТЬ могла только я сама, да ты — но НИКТО другой, никто!

Я думаю, никакой катастрофы не будет: Галина читает с наслаждением и все понимает, как надо. И она поможет его уломать. Но уж одно то, что уламывать придется — мне тяжело. И это сильно помешает моей работе над второй частью.

Читаю личные дела ребят. Иногда записи Семена, его характеристики — превосходны и умны. Но иногда!!! На чем только этот человек сломает себе голову, из-за какой малости — даже подумать страшно. До-сылаю тебе одну страничку, посвященную преподавательнице, которую он не жалует. Я едва умолила его изъять этот листок из официальных документов. То и дело в характеристиках ребят: «туп и дегенеративен», «и какая педагогическая шлюха его воспитала» — и т. д., и т. д.

Источник всего этого — то самое кокетство, которое кажется таким невинным на страницах «Педагогической поэмы».

Со мной он хорош и даже нежен. Следит за тем, чтоб я вдоволь пила и ела. Мы очень (по-настоящему) подружались с Галей — она умна и тонка — по самому высокому счету. Но мне придется запастись выдержкой. Я постараюсь не поссориться. Но боюсь, что это будет трудно.

[...]

Ф.

* * *

От Н. Я. к Ф. А.

26. VI. веч[ер] (год 1953 или 1954)

Родненький, такая наша работа — нет ей конца. Я еще раз читаю рукопись² и опять что-то нахожу, подумай! Выписываю на листке, исправим в гранках кое-какие мелочи. Есть мелкие, словарные и даже буквенные, есть по моей вине еще 2 незамеченных вчера опечатки

¹ Первая книга Ф. А. Детгиз, 1949 г.

² Один из экземпляров рукописи «Дороги в жизнь» (уже сданной в издательство).

в криптограмме¹ и одна неточность, но даже, пожалуй допустимая, в ходе мысли при ее расшифровке (я все заново проделала и подсчитала). Но все я дочитать, видно, не успею. Ну, тогда в гранках. Одно замечание такое: легко одета Ек[атерина] Ив[ановна]² для холодного, снежного и слякотного марта: костюм и плащ, а ведь уехала она к отцу в Тихвин и вовсе месяц назад, значит не в плаще. И потом: послушалась тебя когда-то, всюду заменила Пеструхино потомство цыплятами — и в одном месте очень уж рифмуется: цыплят — ребят. Еще: я уж замечала, что и Ал[ексей] Сав[вич] и Вл[адимир] Мих[айлович] говорят «знаете ли», оказывается — и Зимин, я тут карандашом мазнула, опять же исправим в гранках. И наконец: Костик с Подсолнушкиным — почти подобострастно, педологша — с Репиным и ребята — с Королем. Вот в этом случае (он средний из этих трех) надо просто «почтительно».

Если — т. е., не если, это наверняка — не дочитаю сейчас, в гранках опять прочищу. [отрезан конец страницы, а может быть, и начало следующей] Над книгой Райка [Р. Е. Облонская] работает³, настроение у нее несколько поднялось.

Пожалей меня, дружище. Я смертно устала, надоел Шенгели⁴ (завтра опять!) — все надоело. Начала редактировать Богословскую только позавчера — сделала 20 стр., вчера — 11, после чего бегала с Райкиными делами (звонок из «Вожатого»), сегодня и завтра — ноль. А уже лежит у меня 125 [страниц], будет еще не меньше. И потом — до 300 Танькиных. МП [Богословская] хоть интересно; если будет без обид принимать, ее половина + моя правка будет (не хвастаю) просто совсем хорошо. Но — устаю, устаю и что-то очень тоскую. И — да — 21-ое июня, как я это помню! Ленинград! Не зря ли ты, альтруистка, меня тогда вывезла⁵?

Самое главное — на конец: прочла, конечно⁶. И знаешь — псих твой, конечно, зря (в смысле идет-не идет) — все очень интересно, чего

¹ См. о криптограмме в «Дороге в жизнь», которую Н. Я. «курировала» — в очерке А. Раскиной «На первом месте» на с. 495 настоящего сборника

² Все упоминаемые в этом абзаце имена, отчества и фамилии принадлежат персонажам «Дороги в жизнь».

³ Имеется в виду книга о девушке Октябрине Смирновой, погибшей на войне. Р. Облонская работала над книгой в 1951–1954 гг. Книга Облонской «Октябрина» вышла в 1957 г.

⁴ Г. А. Шенгели — переводчик. Далее упоминаются также переводчики М. П. Богословская и Т. А. Кудрявцева.

⁵ За день до начала войны Н. Я. впервые приехала в Ленинград — с Фридой Вигдоровой. Только энергия и журналистский билет последней позволили им вернуться в Москву.

⁶ Видимо, начало (две общие тетради) следующей книги трилогии: «Это мой дом».

говорить. Но проблема 1-го-3-го лица меня очень смущает. Это уже не письмо, а большой, долгий разговор, надо очень думать и очень советовать. Понимаешь, я всегда была убеждена, что надо в 3-м, и с первых страниц рукопись просто вопит об этом. Но где-то к концу 2-й тетради я засомневалась — и в сомнении пребываю. Вот приедешь — поговорим. Обещаю — после разговора сяду печатать, не вставая, и сделаю очень быстро. А сейчас просто не решаюсь. Ведь это — самый важный, ключевой вопрос, мне кажется.

Очень тебя целую, очень жду. Не серчай ни на что. Телеграфируй, когда будешь. А сейчас — прости — валюсь, измучилась безмерно.

* * *

*От Ф. А. к Н. Я., из Дома творчества в Москву.
3.IV-56*

Норинька!

Завтра 3 года со дня, когда оправдали врачей¹. Я отмечу эту дату рассказом о партийном собрании в С[оюзе] П[исателей].

Сурков² говорил 2 часа, из коих полтора посвятил пересказу 6-го пятилетнего плана. Его слушали, скучая, поскольку каждый из присутствующих и сам мог написать передовую на эту тему. Но в последние полчаса он, взбодрившись, развил 2 мысли.

Многие писатели грешили культом личности. Они, можно сказать, несут ответственность за создание этого культа.

К чему, например, Федин ввел в «Необыкновенное лето» сцену в Касторной? Этого сюжет романа не требовал.

(Зал гудит возмущенно: — Не Федина надо называть в этой связи!)

И вот Панова. Она не восхваляла личность, но она деградировала в своем творчестве под влиянием культа личности — начала с великолепной повести³, а кончила... «Сережей»⁴.

¹ 13 января 1953 г. в «Правде» было сообщение об аресте группы известных врачей, в основном евреев, по обвинению во «вредительском лечении» деятелей партии и правительства, в шпионаже и связях с «буржуазно-националистической» американской еврейской организацией «Джойнт». Неожиданное освобождение и оправдание их 4 апреля того же года было первым событием наступающей «Оттепели».

² А. Сурков (1899 — 1983) — поэт, в это время первый секретарь Союза писателей.

³ Роман «Спутники», 1946. Удостоен Сталинской премии.

⁴ Повесть Пановой о детстве (1955). В отличие от Суркова, такие писатели, как Чуковский и Твардовский, приветствовали повесть и написали Пановой об этом. Чуковский в конце своего письма передал Пановой привет и поздравления от Ф. А. (см. А. А. Нинов. «Вера Панова. Жизнь, творчество, современники.» — Л., 1980, стр. 205). Ф. А. и сама написала теплое письмо Пановой по поводу «Сережи» (письмо хранится в РГАЛИ в фонде Пановой: фонд 2223, ед. хр. 103).

(Снова возмущенный гул и вопли протеста.)

Потом вышел Бляхин, который говорил о несмываемом позоре антисемитизма. Назвал имена Грибачева, Сурова, Софронова.

Иван Макарьев — вернувшийся оттуда после 20 лет. Это человек замечательный. Я расскажу о нем Раиньке, когда она придет. Он сказал: — Мне трудно говорить о литературных делах; я поотстал маленько. Я хочу рассказать вам о людях, которые тоже были в ваших рядах, а в 37-ом году были замучены, растерзаны, убиты. Это Авербах, Иван Касаткин, Иван Катаев, Бабель...

Пока он перечислял фамилии, зал поднялся, как один человек, и слушал стоя.

— Почему я выдержал, почему некоторые из нас вернулись? Страшно об этом говорить, но мы выдержали потому, что нас, коммунистов, было там много. Мы верили в ленинизм, в партию, мы поддерживали друг друга и поэтому остались в живых. Среди нас был Бруно Ясенский. Он написал там книгу. Ему чудом удалось переслать ее жене, и она (книга) уцелела. Эпиграфом к книге Ясенский поставил такие слова: «Не бойся врагов. Самое большее, что может сделать враг — это убить тебя. Не бойся друзей. Самое большее, что может сделать друг — это предать тебя. Бойся холодных и равнодушных. Только пока существуют равнодушные — возможны убийство и предательство».

Не будем равнодушными. Сейчас многие говорят о нашем правительстве: «А они где были?» Не будем задавать праздных вопросов, будем благодарны этим людям за то, что они себя сохранили и сейчас, через голову аппарата, обратились к народу с бесстрашным словом. Поможем им во всем, чем можем. Сделаем так, чтобы прошлое не могло повториться.

Он кончил. Люди снова встали и запели Интернационал.

Потом выступала Усиевич и спрашивала, на каком основании Грибачев и Софронов представляли в Америке советскую литературу? Почему Бабаевский поехал в Китай? Она не замечала в нем особого блеска культуры, а также глубины интеллекта.

Потом встала Рая Орлова и замахнулась — ни больше, ни меньше — на избирательную систему нашу — надо, мол, не кандидатов выдвигать, а депутатов выбирать, и выбирать из лучших, а не так, чтоб предлагали на выбор одного, единственного.

Потом на трибуну поднялся Бершадский. Он сказал: — Я хорошо помню 49-й год. С этой трибуны тогда очень страстно выступали одни и те же люди, почему они молчат сейчас? Вот я вижу в зале одного из них — Романенко. Романенко! Помните, что Вы говорили об Иоганне Альтмане? Вы говорили о том, что он, Альтман, занимался во время войны семейственностью, пристраивал родственников во фронтовые редакции, приискивал им теплые места. Почему Вы не сказали тогда о том, что вы имели в виду? А было вот что: Альтман с женой ушли на

фронт, а своего 16-летнего мальчика определили в редакцию военной газеты — его вскоре там и убили. Почему вы сейчас молчите?

(Романенко на этот вопрос не ответил.)

В резолюции собрания сказано о грибачевщине и софроновщине. Ну вот, вроде бы и все, что вспомнила из рассказанного мне разными людьми. Беспартийных будут собирать в середине апреля, кажется. Такие-то дела.

Ухо еще чувствую — 37,2.

Шуре дала слово, что 36,8.

Шура сегодня сдал в изд-во «Сов. писатель» свою книгу¹ — вах, господи! Ни пуха, ни пера!

Ну вот и все.

Крепко целую.

Очень люблю.

Ф.

Как ты относишься к тому, чтоб мне на месяц уехать в Ереван?² Отдельная комната, покой. Работа. И далеко — не достать меня будет, а? Только вот — опять пропущу день твоего рожденья. Отвечай — как быть?

От Н. Я. к Ф. А.

2.XI.56

Милый друг, вчера утром отправила тебе письмо (с огорчением по поводу твоего молчания), а вечером получила твое. Семен [Калабалин], по-моему, вполне мил и довольно убедителен. От Вилковой³ вестей нет, и я не очень понимаю, как быть. Ты могла бы знать, что уж как-нибудь мы бы постарались общими силами управиться, но самой, помимо тебя, мне ей объявляться вроде неловко?

Разговоры с попутчиками — забавные. А «Юность» я заказала Коле [Подорольскому]⁴ — и рассказ М. Бр[емене]ра⁵ мне уже снился сегодня, длинный, путаный и, вероятно, весьма далекий от того, что этот ново-

¹ Книгу пародий и эпиграмм «Очерки и почерки». Набор книги А. Раскина был рассыпан в 1948 г., в начале «антикосмополитской» кампании, после чего 5 лет его вообще не печатали; да и книга «Очерки и почерки» вышла только в 1959 г.

² К друзьям: писательнице Н. Г. Адамян и ее мужу, драматургу Я. И. Волчеку.

³ В. М. Вилкова — редактор издательства «Советский писатель».

⁴ О Н. А. Подорольском см. далее письмо Ф. А. к Чуковскому от 23/I 1957 г. в Приложении к переписке Н. Я. и Ф. А., с. 149–150.

⁵ Макс Бремер — писатель, автор нашумевшей повести о школе «Пусть не сошлось с ответом!», напечатанной в журнале «Юность», № 10 за 1956 г.

явленный талант написал на самом деле. Вот какое глубокое впечатление производят на меня твои письма!

Райка, как ты уже знаешь, усиленно занимается английским. По этому поводу и я посмотрела английские сказки о д-ре Дулитле¹. Не помню, упоминал ли где-нибудь Корней Ив[анович], что именно отсюда он взял своего Айболита (прозаического, большого, а не только стихотворного). Это, в сущности, просто перевод, м. б., даже менее вольный, чем три Маршачковские леди на медведе². Саша [Раскина] прочла мне свой вариант, но она, бедняга, не поняла, что Niger — это река, воспетая, как говорится, еще Гумилевым, и малость наврала смысл. Я тоже помаленьку продолжаю соревноваться с Маршачком. Например, известно ли тебе, что:

17 кошек, 5 котят
Британца храброго когтят,
А он в борьбе изнемогает,
— Гордись, отчизна! — восклицает,
Я погибаю как солдат!

Есть и другой вариант, поточнее:

Три дюжины кошек сердитых
Вцепились в отважного бритта.
— Я гибну! — он гордо сказал,
Но я до конца сохранял
Достоинство бритта!

Словом, чем бы дитя ни тешилось...

Вчера перевела 7 (семь!) стр. Мастерса³, сегодня собираюсь — не меньше. На данный конкретный момент (!!) мне осталось 36 стр. — не так уж страшно, только надоело. Пожелай-ка мне скорее это все добить.

Вечером докладую: перевела за день 9 1/2 стр.! Это уже на грани фантастики, но осталось мне 29. Благослови, надеюсь с 9-го сесть за Боза⁴.

Целую тебя.

Н.

¹ Английского писателя Хью Лофтинга.

² См. английские оригиналы нескольких лимериков, о которых здесь идет речь, в приложении к этому письму.

³ Американский писатель Декстер Мастерс, повесть «Несчастный случай»: физик в атомной лаборатории спас при аварии всех от взрыва, а сам умирает от облучения. Опубликована в переводе Норы Галь и Н. Трениной в журнале «Иностранная литература», №№ 4, 5, 7 за 1957 г.

⁴ Нора Галь переводила «Очерки Боза» Диккенса для собрания сочинений.

* * *

Приложение

Лимерики — форма английских юмористических пятистиший: рифмуются длинные первая, вторая и пятая строчка, и короткие третья и четвертая между собой.

Упоминаемый здесь лимерик:

There was a young lady of Niger,
Who smiled as she rode on a tiger.
They returned from the ride
With the lady inside –
And the smile on the face of the tiger!

Нигер в данном случае — не река, а название страны, по которой эта река протекает.

Маршаковский перевод:

Улыбаясь, три смелые леди
Разъезжали верхом на медведе.
Теперь же все три –
У медведя внутри,
А улыбка на морде медведя.

Второй лимерик:

There was a young man who was bitten
By twenty-two cats and a kitten.
Cried he: "It is clear
My end is quite near.
No matter, I'll die like a Briton!"

* * *

*От Ф. А. к Н. Я., из Песков в Москву.
17.VIII.57*

Норушка [...]

Я потому и не писала тебе о квартире¹, что мы и сами толком ничего не знаем, а 1-ое сентября на носу!

Одно я знаю твердо: на Ермолаевский я не вернусь. Нипочем.

Буду жить здесь до тех пор, пока нельзя будет въехать в Новый дом.

¹ Речь идет о вселении в писательский жилищный кооператив у метро «Аэропорт», куда семья Ф. А. должна была к 1 сентября переехать из чудовищной коммунальной квартиры в Ермолаевском переулке.

Прочла «Несчастный случай» [Мастерса]. Читала с мукой и болью и все думала, — каково же было тебе переводить?! Но это настоящая работа, Норушка.

Я работаю. Очень плохо! Без увлечения. Раньше, бывало, на плохой кусок приходилась какая-нибудь маленькая находка, а сейчас, поверишь — подряд: вяло, бездарно, неинтересно. Рогожа, понимаешь?

Сашка прочитала «Да сгинет день» Гордона¹: — Решено: я выхожу замуж за мулата.

— Почему уж не прямо за негра?

Задумчиво: — За негра, пожалуй, слишком крикливо.

На речке компания молодых людей спрашивает: — Девочки, почему вы все время на пляж с мамой ходите?

Саша, с достоинством: — Потому, что мы ее любим и нам с ней весело. (Разговор происходит посередине реки. Сашка плавает туда и назад без отдыха. И я.)

Целую вас, мои хорошие.

Я в город только когда переезжать.

Фрида

* * *

Отрывок из письма от Ф. А. к Н. Я. — без даты.

Предположительно, 50-е годы: время работы над трилогией.

... Найдено еще что-то. Найдено, да не воплощено. Нельзя так работать: месяц, а потом полгода перерыв, еще два месяца — и опять перерыв, книга требует долгого дыхания, постоянного раздумья, ежедневной работы, а у меня «запой». Вот почему она и сейчас рассыпается, не склеивается и представляет собой набор рассказов о воспитании, а не цельную книгу.

* * *

От Ф. А. к Н. Я. (без даты).

Норушка моя, и неужели ты думаешь, что я не мучаюсь теми же мыслями, той же тоской. Есть много вещей, о которых мы молчим. Но твоя судьба со мной всегда, постоянно, от времени это чувство во мне не притупилось, оно всегда горькое. Если бы хоть вместо Драйзера был Хэм², тебе было б куда вложить себя, но и эта судьба тоже оскалила зубы — и все пошло в нас — в меня, в Райку, но все равно остается так

¹ Книга южноафриканского писателя Джеральда Гордона «Да сгинет день» посвящена в первую очередь расовым проблемам.

² Э. Хемингуэй.

много, что и сейчас может придушить. Знаешь, мертвое не душит, душит только живое.

И я сволочь, что зная об этом, я ничего не делала, чтоб дать выход всему этому. Это должно жить — и не только каким-то боком в 3-ей части¹ или ссылкой, цитатой у Корнея Ивановича, а само по себе, САМО ПО СЕБЕ. Ведь это же настоящее, почему же оно должно истлеть в ящике письменного стола.

Норинька, до чего мне невмоготу, что ты болеешь, а я не могу прийти. И слышать о первом звонке, мне — как о собственной смерти, ты ведь знаешь это. У тебя 40—80. У меня 40—60². Но я подожду умирать. И ты не спеши. Пожалуйста.

И никогда не раздумывай над тем, обрушивать ли что на мои плечи или нет. Это знаешь ли, странное раздумье. И не для нас оно с тобой.

А ты не пришлешь мне с Раечкой стихи? Или уж когда я приду?

* * *

Приложение.

Стихотворение Норы Галь, «подаренное» ею Фриде Вигдоровой для ее повести «Черниговка» о детском доме во время войны

Я знаю, будет мир опять,
И радость непременно будет.
Научатся спокойно спать
Все это видевшие люди.

Мы тоже были в их числе —
И я скажу тебе, наверно,
Когда ты станешь повзрослей,
Что значит тьма ночей пещерных.

Что значит в неурочный час
Проснуться в грохоте и вое,
Когда надвинется, рыча,
Свирепое и неживое, —

¹ Речь, видимо, идет о том, что Н. Я. писала в стол, в частности — о ее собственных (а не переводных) стихах. В третьей части своей трилогии, повести «Черниговка», Ф. А. «отдает» стихи Н. Я., написанные во время войны, — погибшей матери одного из детдомовцев. См. эти стихи в приложении к этому письму.

² Очень низкое артериальное давление и у Н. Я., и у Ф. А.

И в приступе такой тоски,
 Что за полвека не осилишь,
 Еще не вытянув руки,
 Коснуться чудищ и страшилищ:
 Опять, опять ревут гудки,
 Опять зенитки всполошились.

И в этот допотопный мрак,
 Под звон и вопли стекол ломких,
 Сбежать, закутав кое-как
 Навзрыд кричащего ребенка.

Все, как на грех, перемешать
 И к волку приплести сороку,
 И этот вздор, едва дыша,
 Шептать в заплаканную щеку.

Но в дорассветной тишине
 Между раскатами орудий
 На миг приходит к нам во сне
 Все то, что непременно будет:

Над нашим городом опять
 Рубиновые звезды светят,
 И привыкают мирно спать
 Сиреной пуганные дети.

1942

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Дома творчества в Малеевке в Москву.
 5.III-58

Норушка, рецензию¹ я прочитала и считаю преглупой. Глупее просто никогда ничего не читывала. И, как всегда, страшно коробят неточности («соседка-сплетница сообщила Феде» — откуда взялась соседка-сплетница?) и конъюнктура («все эти злодеи»). Но — Бог с ней. Вот если бы «Народное образование» разрешилось, было бы неплохо, может, я тогда бы к Дубровиной² пошла. А то, что мне по телефону передала Галка, — о словах Камира³ насчет «Моего класса» — так это попросту

¹ Внутренняя рецензия на вторую часть трилогии Ф. А. — «Это мой дом».

² Л. В. Дубровина — зам. министра просвещения РСФСР, с которой у Ф. А. был контакт.

³ Б. И. Камир — главный редактор Детгиза.

борзой щенок и ничего более. Я забыла тебе сказать, перед самым отъездом мне звонил Алексин¹ — он разговаривал с Пискуновым², и Пискунов произнес большую речь: — Когда бывали удачи, мы не скупились. «Зою и Шуру»³ мы много раз переиздавали. Нет такого закона, чтобы каждая книга, написанная В[игдоро]вой, нам непременно должна была нравиться.

Вот таким путем, как говорим мы с Райкиным. Переиздадут «Мой класс», чтоб показать свое беспристрастие.

А я чуть не отдала Богу душу. Пошли мы на лыжах с Цилей Кривицкой. Спустилась она на речку. Я говорю: — Не надо, полыньи. А она идет. Я, разумеется, тоже иду. И вдруг она рухнула в прорубь — по пояс. Тебе я могу сказать — не будь меня — была бы ей крышка. Но вела она себя хорошо, у нее инстинкт добрый — она меня за собой не тащила, а помогала мне себя вытаскивать. Потом мы выбрались на берег, пытались остановить машину — 3 промчались и даже в нашу сторону не поглядели. Добрались до дому без дыхания. На другой день я погибала от тошноты — очень недомогала. А потом прошло. А она простужена.

Я работаю каждый день. Получается плохо, потому что — плод разорванного сознания. Куски, куски — из разных мест и времен. Как я соединю все это?

Вчера придумала отличную вещь. Написала плохо, но придумала — сама понимаю — ОТЛИЧНО. Вот увидишь!

Целую тебя крепко. Очень люблю, целуй Раечку, Эдду. Привет Коле [Подорольскому].

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Малеевки в Москву.

12.III-58

Норушка, дорогая моя, голубчик, сегодня за столом вдруг услышала, как Песис⁴ говорит: — У Галь воспаление легких, она не сможет редактировать Арагона.

У меня отвалилась челюсть. Я побежала к телефону, заказала разговор, мне его пока не дают, и я схожу с ума от беспокойства. Вот почему ты не пишешь. Но мы же условились, Норушка, писать правду. Ты перемогалась, ходила, не лежала как следует и, наверное, сильно запустила. Норушка, пускай Раечка позвонит, от 6 до 11 веч. — очень легко

¹ Анатолий Алексин — детский писатель.

² К. Ф. Пискунов — директор Детгиза.

³ Л. Космодемьянская. «Повесть о Зое и Шуре». Литературная запись Ф. Вигдоровой. М., Детгиз, 1950.

⁴ Б. А. Песис — литературовед, критик.

заказать разговор с Малеевкой. Иначе я приеду. А приехать мне сейчас чуть трудно — у меня началось то, что было в городе, — только опять же Шуре говорить не следует. Ему действительно не следует — ничего, кроме паники, не получится. А у меня огорчения начались после того, как я вытаскивала из воды Цилю, а потом без дыхания мчалась в санаторий. С той поры мне стало худо, перенапряглась.

А как тебе сейчас? Вопросы глупые, я ведь сегодня — рано или поздно — буду говорить с Эддой, Раечкой или Лидией Николаевной¹. А это письмо придет невесть когда. Но когда бы оно ни пришло — позвоните, напишите!

Ф.

* * *

От Ф. А. к Н. Я. (из Малеевки).

19.II-60

Дорогой мой Норкин.

За окошком, за порогом все, что меня лечит: небо, деревья, снег.

Нынче я встала на лыжи, чуть походила и устала смертельно. А еще в прошлом году я ходила по 3—4 часа, не уставая. Если уйдет это лекарство — жаль. Оно лечило меня от всех недугов. [...]

Я работаю. И много, потому и не писала. Но работаю нерадостно. Не писала еще потому, что хотелось дождаться того дня, чтоб напислось веселое письмо. Ан нет. И врать тебе — мне не под силу. Хоть надо бы тебя поберечь.

Целую тебя, моя милая и дорогая.

Ф.

Целую тебя и Эдду. Что там у меня в «Литзагете»?

* * *

20.II-60

Милый мой Норушкин, зря я отослала тебе вчера плохое письмо. Все-таки, главное — работа. А работать я работаю. И, как всегда, работая — обращаюсь к тебе, смотрю твоими глазами, спрашиваю тебя и на тебя же уповаю, дорогой поводырь, Друг и Учитель. Ты — моя хорошая, моя милая — и как бы я без тебя?

Ф.

¹ Лидия Николаевна — женщина, помогавшая Н. Галь по хозяйству.

* * *

От Н. Я. к Ф. А.

21.II. 60

Горькое твое письмо, дружок. И утешать, знаешь, нечем. Никуда от этого не уйдешь. Одно — работа. Ты ведь знаешь, у меня в горькие часы нет и того, что тебя еще лечит — лыжи, снег или трава, березы, ветер. Мне теперь разве только вспоминать все это, а въяве уже не доползти. А вот работа — она всегда остается, и в нее, даже в нерадостную, я верую. А врать мне и писать веселые письма, и дожидаться какого-то веселого часа — это уж, извини, затея пустая и никчемная. Райка сказала, что говорила с тобой нынче утром, уж после этого я получила вот это твое от 19-го, теперь жду второго. Райка мне захлеб перечисляла членов приемной комиссии¹, а я думала, что мне уже очертело и все равно, и вот ей-богу куда больше меня тревожит, чтоб приняли ее². М. б. Елистратова³ рекомендовала бы ее, она ведь курировала Райкиных «Простаков за границей»⁴, а то Лидия Фед. считает неловким рекомендовать и Райку и Гурову. Девчушка — Эддина подружка, слышавшая, что меня разбирают послезавтра, уверяла, что это дело решенное, что там оценили мое полное молчание — не звоню, не прошу, не спрашиваю. Господи, я же — не Танька! И за мной 25 лет лит. труда, не считая песен и «запром-кадров»⁵. И при всем том вот мне сейчас уже плевать, все равно, понимаешь? А тревожит меня Райка.

Хочу уже поскорей прочесть, что ты там дальше написала. Сверку, видно, тоже надо мне читать, надеюсь, Шура даст знать — или он надолго застрянет в Малеевке?

Не выйдет ли там у тебя замолвить доброе слово о Райке тому же Аниксту⁶? Это бы полезно. Хоть бы она не повторила мою дурацкую судьбу. Видно, надо излечиваться от «излишней скромности», как выразилась обо мне в рекомендации Нина Леонидовна [Дарузес] милейшая. Р. [Облонская], кажется, будет все же участвовать в сборн[ике] Шоу, где хозяином Аникст, это тоже важно.

Помнится, ты хотела приехать 29-го, может, увидимся? Меня никак не оставляет дурацкий бронхит, надоело — и сил мало, и работаю пло-

¹ На которой должны были принимать Н. Я. в Союз писателей.

² Р. Е. должны были примерно в то же время принимать в Литфонд.

³ А. А. Елистратова — переводчица. Все остальные неоткомментированные имена-отчества-фамилии, упоминаемые в этом письме (кроме иноязычных авторов), принадлежат переводчикам.

⁴ Юмористическая повесть Марка Твена, издана в переводе И. Гуровой и Р. Облонской в 1959 г.

⁵ Журнал «За промышленные кадры», в котором Н. Я. сотрудничала в начале 30-х годов.

⁶ А. Аникст — переводчик и специалист по зарубежной литературе.

хо. Райка мается с редактурой Твена, почти не вижу ее, сама не выхожу. Скучновато.

Целую тебя крепко, родной мой. Держись. Главное — пиши. Сколько-то каждый день, непременно, лучший рецепт. А снег и солнце тоже сгодятся.

И мне пиши все же.

* * *

От Н. Я. к Ф. А.

23.II-60

Родной мой, я уж не понимала, почему так долго нет твоего 2-го письма — наконец, сегодня получила. Оно очень как-то согрело меня, хоть ты и пишешь совсем уже несоразмерные слова, да еще с больших букв! Но вообще-то, видишь, мы приходим к одной и той же мудрости. По крайней мере я, старая и мудрая, давно и окончательно в этом утвердилась: главное — это дружба и работа, и я их готова не только начинать, но и сплошь писать прописными буквами. Вот так.

А забавен мир. Р. [Облонская] звонила тебе в Малеевку, потом стала мне что-то толковать про комиссию, а я не сразу поняла, что это — о моих делах, меня куда больше сейчас волнует ее Л[ит]ф[онд] и ее вступление в Союз (м. б., Елистр[ато]ва рекомендует ее, она вела их том Твена?). И мы чуть не разругались, п. ч. вы все заняты мною, а мне уже — честно, все равно. И — пожалуйста: вечером вчера Галя говорит, что Райка принята! А мы даже не знали, что вчера заседают! Понимаешь — принята — и уж не знаю, кто был против, а за горячо выступала автор «Девочки из города»!¹ Чего на свете не бывает!

Я ликовала ужасно и пыталась втолковать Райке, что теперь мне уж вовсе плевать, если меня не примут (она горевала, что Данина² в городе нет, ты ведь помнишь, какие слова он писал о переводе Мастерса).

Итак, сегодня в 3 уже моя комиссия. Лежу на диване, читаю, признаться, детектив — и с упоением. В 4:50 звонит все та же девчушка и поздравляет: единогласно! Не буду врать, я довольна, гл[авным] образом из-за вас, чертей, п. ч. вы волновались и с ума сходили. Но подумай, девочка-то! Не позвони она в субботу, Женя [Е. Калашникова, переводчица] бы сегодня это поднесла как свою личную заслугу (если бы приняли — вот, мол, отстояла) — или наставительно сообщила бы, что

¹ Л. Ф. Воронкова — детская писательница.

² Д. Данин — литературовед и критик, много писавший о науке и об ученых. В статье «Испытание оптимизма. О романе Д. Мастерса «Несчастный случай»», Новый мир, 1958, № 1, 240 — 249, он пишет: «Роман опубликован... в блестящем переводе Н. Галь и Н. Трениной».

вот, говорила она — рано, надо ждать выхода отд[ельной] книги «Героя»¹ — если не приняли (что вполне могло бы быть, вероятней всего и было бы, если бы, скажем, не было Тамары [Мотылевой] — кто уж там меня знал бы и помнил и вчитывался в трогательные возгласы Нины Леон[идовны Дарузес, переводчицы]). Мы бы и не знали, что сегодня развязывается эта 3-х летней давности канитель.

Ладно. Не считая стихов и «запром-кадров», я все же занимаюсь истреблением бумаги на пользу читателя четверть века — и мои милые друзья за это время столько из-за меня волновались, что вполне заслужили честь числить в друзьях еще одного члена ССП. За что им низкий поклон! [...]

Как на смех, сегодня в Союзе чаплинский фильм, Р. [Облонская] меня туда ведет, посмотрю, что мне та же Женя [Калашникова] скажет.

Знаю, что ты рада. А ты знай, что я считаю это прежде всего твоих рук делом — и мне бы этого не надо, если б не ради вас.

Очень люблю, очень целую. Трудись!

* * *

*От Ф. А. к Н. Я., из Малеевки в Москву,
февраль 1960 г.*

Ура! Итак, вы обе приняты!

Теперь я могу вам признаться, что мне было очень трудно дружить с двумя людьми, из которых — один не член Литфонда, а другой не член ССП. Я мужественно скрывала это. Но теперь не скрою: меня это мучило. И вот, наконец, вы поднялись до меня. И теперь я буду смотреть на вас, как на равных. Я постараюсь! И мы с тобой, подружка, будем великодушны к ней. К этой Облонской, которая пока еще только член Литфонда.

Я вас крепко целую!

Будем лечиться!

Будем ездить в Малеевку!

Будем членами жилкооператива! Будем строить квартиры двухкомнатные и однокомнатные!

Будем! Ура!²

Я бы очень хотела знать подробности — известны ли они?

¹ «Смерть героя» — роман английского писателя Р. Олдингтона, который Н. Я. переводила. Вышел отдельной книгой в 1961 г..

² Пользоваться поликлиникой Литфонда, ездить в Дома творчества и вступать в писательский жилкооператив было возможно только для членов СП и Литфонда и их близких родственников.

Работаю. Надеюсь привезти к 29-му февраля две трети — т. е. доработанные две части — Москва и эвакуация¹. И вручу. И возвращусь, чтоб дописать все. Целую крепко. Я пыталась звонить днем — не вышло. Ф.

* * *

От Ф. А. к Н. Я.

24.VII-62 — по конверту.

Из Москвы в Комарово, Дом творчества.

Норушка, моя любимая. В Ленинград поехали Сашки². Думаю, нет, уверена, что они будут у вас в Комарове. И привезут вам одну интересную рукопись³. Я с тем и давала — чтоб Руня с Илюшей⁴ прочитали и сразу — вам, поскольку — так я велела сказать — это Норушкина собственность. Чтоб сразу пресечь соблазн — пустить ее по рукам.

Мне о Ленинграде думать нечего. Если я оставлю Шуру в Москве — а сейчас в столице пекло — мне будет беспокойно. А если беспокойно — то какая же работа?

Но на нас посыпались вот какие предложения:

1) Уезжает на разнообразные курорты Лиля-Самилла⁵ с детьми и мужем — и оставляют нам комнату со всем хозяйством до 15 авг.

2) Уезжает на Карпаты еще одна семья и оставляет целый домик в Удельной. Бесплатно! На весь август!

Шура утверждает, что вскоре улетит на Марс еще какая-то женатая пара — с единственной целью отдать нам свою дачу. Вот подожду сутки — и если Шурино предположение не оправдается, съезжу в Жуковку и Удельную. Вот так.

Значит, не походить нам по комаровским дорогам. А будущим летом надо придумать что-нибудь совместное. Право!

Думаю над переделкой 2-й части⁶. Трудно. Неясно. В издательстве [«Советский писатель»] дали на рецензию Герасимову — ему нравится: — Очень хорошо!

¹ Речь идет о первой книге дилогии Ф. А. — «Семейное счастье».

² Саша Раскина и ее муж Саша Вентцель.

³ Рукопись «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына, которая тогда еще не была напечатана.

⁴ Близкие друзья Ф. А. и А. Б.: писательница Руфь Зернова и ее муж, литературовед И. З. Серман, проведенные в лагерях 5 лет с 1949 по 1954 г.: им в первую очередь посылает Ф. А. рукопись «Одного дня».

⁵ Переводчица С. Майзельс.

⁶ Вторая книга дилогии Ф. А. — «Любимая улица».

Я: — А проходимо?

Он: — Вполне!

Войтинская — второй рецензент — пока молчит.

На обсуждении в «Москве» [журнал «Москва»] — Леваковская: — В первой части у вас все так идиллично, а ведь 37-й год. Что ж вы дали себе волю, а там о 37-ом годе — ни слова?

Я: — Там мои герои очень молодые, иные из них — бездумны. В жизни главной героини — страшное несчастье, которое надолго застило ей все на свете... В этих обстоятельствах — разговор о 37-ом годе был бы просто разговором на острую тему. Во 2-ой части — десятилетие 44 — 54. Один герой — журналист, другая — медсестра. Может она, к примеру, не заметить ареста врачей?

Молчат. Потом некто Андреев:

— Но это было такое великолепное, победное десятилетие, полное великих достижений! Вы пишете так, будто уже тогда знали, что будет XXII-ой съезд.

Если бы не 22-й съезд, он так ничего и не узнал бы о том времени, и не задумался бы.

Леваковская: «Саша не должна говорить: — Я горжусь тем, что работала с Королевым. — Это нетипично. Она должна промолчать. А не выпендриваться перед остальными: «вот какая я честная».

— Она не говорит: «Я горжусь». Она говорит: «Я счастлива...» Она и рада бы промолчать, да нельзя: Прохорова требует ее к ответу.

Я знаю людей, которые не отрекались от друга. Это действительно не очень типично, однако бывало.

Кстати, о том, что бывало: Копелев посвятил свою книгу¹ 15-ти (!) человекам: «Людам, которые помогли мне выжить». Это те 15, что не отреклись от него — НА СУДЕ!²

Владыкин³ оставил три фамилии: тех, что погибли, умерли. Остальных — вычеркнул⁴.

¹ Лев Копелев — германист, писатель, узник ГУЛАГа (1945 — 1954), солагерник Солженицына. Здесь речь идет о книге Копелева «Фауст» Гете», М., 1962.

² Падчерица Копелева Мария Орлова сообщает: «...15 человек написали коллективное письмо Сталину о том, что Лев не виновен, все в какой-то мере пострадали, хорошо, что никого не посадили, но уволили с работы, из армии. Эти люди безусловно настоящие герои нашего времени — свидетели защиты. Да еще в такие годы, все они рисковали жизнью. У меня есть копии их писем в военную прокуратуру».

³ Г. И. Владыкин — директор издательства «Художественная литература».

⁴ Окончательное («разрешенное») посвящение книги «Фауст» Гете: «Памяти друзей — М. и В. ЛЕВИНЫХ, Г. ХРОМУШИНОЙ». Слова «Людам, которые помогли мне выжить» — убраны.

Галюша с Толей¹ ушли на фильм «Человек идет за солнцем»². Вы должны поклясться мне, что посмотрите его. Непременно! Так хорошо, как только может быть.

Сегодня с утра у меня было... раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь человек — на днях двое — дважды. Не огорчайся, я скоро уеду — в Жуковку ли, в Удельное, в Л[енингра]д наконец, но — уеду!

Напиши про Сашек, если они приедут. Целую тебя крепко. Раечку тоже целую. Ф.

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Жуковки в Комарово.

28 июля 62

Норушкин, дорогой мой голубчик, вот я и в Жуковке. Тишина. Небо. Ах, хорошо! Сажу на открытой террасе и работаю. На том самом месте, на котором Лилин муж Роба³ написал две книжки. Две! Мне бы хоть одну доделать, переделать, додумать!

Я уже написала Руне [Зерновой в Ленинград] и велела ехать сюда незамедлительно. Если увидите ее — повторите это ей. Чтоб ехала. Как можно скорее. Немедленно!

Шуре тут, наверное, не житье: то корова, понимаешь, промычит, то петух закукарекает, то курица забубнит — он всего этого не любит. А мы с Руней чудно, великолепно работали бы и творили⁴. Пусть не думает, что наша с ней работа помешает моей — это совсем разное — и не соприкасается.

Копелевы⁵ встретили меня прямо трогательно: заходят только глубоким вечером, чтоб увести к Осповатам⁶ послушать мексиканскую, к примеру, музыку.

Ольга Павловна⁷ сегодня варит курицу. Ну куда мне одной курица? Бог с ней.

¹ Дочь Ф. А. Галя с мужем Толей Киселевым.

² Фильм режиссера М. Калика.

³ Роберт Владимирович Ротенберг, муж Самиллы (Лили) Майзельс, профессор Московского автодорожного института.

⁴ Ф. А. и Р. Зернова задумали написать в соавторстве пьесу. И написали. Их пьеса «Два звонка» одно время шла в нескольких театрах.

⁵ Лев Копелев и его жена, американистка Раиса Орлова.

⁶ Лев Осповат и его жена Вера Кутейщикова — испанисты, близкие друзья Копелевых.

⁷ Домохозяйка на даче у Майзельсов — Ротенбергов.

Когда приедете в Л[енингра]д и пойдете в Эрмитаж, навестите за меня Рембрандта и мадонн — Литту и Бенуа. Целую вас обеих крепко.

Ф. Что — Сашки? А «День»?¹

—

Господи, ну не все же шипы — бывают и розы! Вот какую прекрасную розу я получила вчера.

Худенькая смуглая девочка, нет, девушка — на вид лет 19.

— Вы — Вигдорова?

— Да.

(Под ложечкой тоска: новое — длинное и трудное дело: такой ведь не откажешь.)

— Четыре года назад вы написали мне письмо — ответили на мое. И 4 года я не расстаюсь с вашим письмом. Оно мне помогло все одолеть. И вот сегодня я прочитала свою фамилию в списке принятых на химфак университета. И я сразу — к вам. Если б не прошла — не приехала бы сюда. Но меня приняли. И вот я здесь.

— Как ваша фамилия?

— Таня Катина.

Как не помнить — конечно, помню. Ее письмо у меня хранится. Примерно такое: у других в окнах свет, музыка. А я? У меня башмаки разваливаются и чулки забрызганы грязью. Я живу в землянке с матерью, сестрой и пьяным отчимом. У других счастье. У меня его НИКОГДА не будет.

И вот она стоит передо мной, и в руках у нее вдрызг зачитанное мое письмо.

Как говорит Галя — приветик...

Я была очень счастлива.

—

Рецензии мне, пожалуй, отошлите. По московскому адресу.

Сейчас смотрела дачу в Удельной — бесплатно на весь август. Хорошо, тихо. Видно, первого и переедем.

Сашки уехали 23-го, а нынче 28-ое — и пока писем нет. По-моему, они сволочи. Такое мое мнение.

Повесть Елены Сергеевны² имеет оглушительный успех. Это дошло до вас?

Целую крепко.

Ф.

¹ Рукопись «Одного дня Ивана Денисовича».

² Рассказ Е. С. Вентцель (литературный псевдоним И. Грекова) «За проходной» («Новый мир», № 7, 1962), первая публикация И. Грековой.

* * *

*От Ф. А. к Н. Я., из Жуковки в Комарово.**4 авг. 62*

Норушкин, сегодня пришел ко мне ранним утром Копелев и подтвердил, что Войтинская дала ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ рецензию. И так, в «Сов. писателе» — 2 (две!) хороших рецензии. Нужен большой скандал, чтоб начать их оспаривать (на тот случай, если член правления «Сов. писателя» Арк[адий] Васильев¹ начнет вникать в мою судьбу за пределами журнала).

Раинька, я рукопись не посылала сознательно (в оказиях недостатка не было). Я по письмам видела, что вы обе и так окосели от работы. Прочитаешь здесь. Дам на любой срок.

Писем от вас давно нет. А мне очень хочется знать и про вас и про то, как Сашки к вам приезжали. Или Шура не прислал мне писем и они ждут меня в Москве? Но я постараюсь не ехать в Москву как можно дольше. Как же быть?

Еще Копелев сказал, что Руня ко мне выехала. Это хорошо. Моей работе это не помешает — журнальный вариант — это, главным образом, сокращения и мостики, а замечаний от издательства и от Вилковой у меня пока нет. И мне очень хочется отдохнуть на пьесе. Отдохнуть и повеселиться.

(Что-то скажет Валя [Вилкова], когда прочитает?! Испугается... и будет говорить: пожалейте меня.)

Если Валя не испугается и выпишет одобрение, сумею вам в сентябре подкинуть.

Марина Цветаева² ко мне пока не вернулась. Я даже не успела поддержать ее в руках. Это я говорю без упрека, пожалуй, даже не могла бы ее читать — очень некогда было, а сейчас уж и ни к чему — я тут и сюда ее не потащу. Но у меня какое-то странное чувство: дали поглядеть на новорожденного и увели. Только ради Бога, не вздумай ругать Эдду. Просто к слову пришлось.

Целую вас обеих крепко и люблю. Поглядите, поглядите на Ленинград. И Эрмитажу от меня поклоняйтесь. Видимо, это — последнее письмо. Еще целую.

Ф.

¹ Писатель с плохой репутацией, которую он полностью подтвердил впоследствии, выступая общественным обвинителем на суде над Синявским и Даниэлем.

² Самиздатская фотокопия прозы Цветаевой.

* * *

От Ф. А. к Н. Я.

13 авг. 62

Милый друг, получила от тебя открытку на 3/4 из вопросов, ответы на которые уже не имеют смысла.

Я уехала из Москвы 31-го. Твое письмо, видимо, очень долго лежало и ждало меня — я уж не помню теперь — пришло оно в Москву или прямо сюда. Важно, что получила я его с огромным опозданием.

Оказий в Жуковку тоже не было — Орловы—Копелевы—Осповаты прочно сидят на даче.

И еще меня огорчило: «пишу, пишу, как в космическое пространство, никакого отклика»?

Как же не было отклика? Я писала часто. Обо всем, что у меня было, обо всем, что случилось в моей суетливой дурацкой жизни.

Очень счастлива, что хоть две недели травы—реки—деревьев—неба — мне достались.

И работать здесь хорошо, и дышать. И думать. И не думать.

Начали 2-ое действие [пьесы «Два звонка»]. Оно пойдет с бóльшим скрипом, чем первое, оно менее продумано. Но — очень интересно работать. Очень.

17—18-го вернемся в Москву. Натурально сразу к тебе. Если буду работать в Москве — у тебя. Если пойдет на последние 10 дней удельный вариант — в Удельном.

Ольга Павловна — настоящее чудо. Лилю и ее семью любит без памяти. Нас лелеет, как родных детей.

Целую

Ф.

* * *

(Из письма к Ф.А. от ее киевской подруги И.М. Цукерник. Начало 60-х.)

Лапушка, надо бы уже собираться к нам. Уже начинаются эти самые прекрасные в году дни. Мы тебя ждем.

Посылаю тебе «Маленького принца». Лев¹ сказал, что ты искала. Вещь, конечно, совершенно удивительная. Передай наше большое восхищение и привет наш переводчику, Норушке твоей.

Всем твоим от нас сердечные приветы. Левка мне рассказывал, какие дочки хорошие, так хочется их повидать.

Целую крепко.

20.VI.

¹ Л.В. Цукерник, муж И.М. Цукерник.

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Тарусы.

15.I-64

Норушка, рассказать тебе, какие дни были у меня перед отъездом в Тарусу — нельзя. Мальчишка¹ пытался наложить на себя руки: вскрыл вены². Газета разразилась новой статьей³. Внука Всеволода Ив́анова (он же сын покойного художника Дубинского) ни за что ни про что выгнали из школы, а так как Кома Ив́анов⁴ в свое время помог нашей безработной Сашке поступить в институт лаборантом и тем определил ее будущую специальность, то плюнуть и отвернуться я не могла. Ира Ивинская⁵ должна ехать к матери на свидание и боится, что съездит напрасно: передачу могут не принять, как раз уже и было. А не ехать нельзя — мать умирает от дистрофии.

Пушкиноведа Эмму Герштейн в квартире избили психопаты и антисемиты. Белько больна. К кому обращаться? Не к кому.

Иванова⁶ сомневается, может ли она по такому делу посылать Алену⁷ в командировку⁸. Вот меня бы она послала...

И это еще не все. Тут нет ни одного дела, которое я могла бы оттолкнуть и сказать — не мое. Ни одного.

¹ Имеется в виду молодой ленинградский поэт Иосиф Бродский, в судьбе которого Ф. А. начала принимать участие еще до судов над ним (18.II-64 и 13.III-64), на которых она присутствовала и которые ей удалось записать. Ф. А. не называет здесь Бродского по фамилии, так как в советское время письма граждан выборочно, а «неблагонадежных» писателей — поголовно перлюстрировались, и Ф. А. не хотела давать органам лишних сведений о Бродском.

² Ф. А., видимо, опиралась здесь на тот же источник сведений о Бродском, что и Л. К. Чуковская в дневниковой записи от 9.I.1964 г.: «Бродский пытался перерезать себе вены. Ибо его оставила невеста». Несколько другая интерпретация событий изложена в книге близкого друга Бродского, писательницы Людмилы Штерн «Бродский: Ося, Иосиф, Joseph». М., 2001, Глава X («Марина»), стр. 102.

³ Газетная травля Бродского началась 29 ноября 1963 г. статьей А. Ионина, Я. Лернера и М. Медведева «Окололитературный трутень» в «Вечернем Ленинграде» и продолжилась 8 января 1964 г. в той же газете подборкой писем «негодующих читателей».

⁴ Вяч. Вс. Ив́анов, лингвист, сын писателя Всеволода Ив́анова. Кома — его домашнее имя.

⁵ Ирина Емельянова, дочь Ольги Ивинской, возлюбленной Пастернака. Ивинская в это время находилась в лагере: власти выместили на ней свою ненависть к Пастернаку.

⁶ Л. М. Иванова, сотрудник «Известий».

⁷ Ольга Георгиевна Чайковская, журналист.

⁸ Командировку в Ленинград по делу Бродского, чтобы прояснить ситуацию, а по возможности и повлиять на нее. Подробно об этом см. в настоящей главе в воспоминаниях Ольги Чайковской о Ф. А.

А мои избиратели?¹

Какой же выход? Сбежать. Я сбежала. Правда, я успела связать Иру с кем надо, и Таню Ив́анову² с РОНО, и съездила в райжилуправление насчет Эммы [Герштейн] и убедила [Л. М.] Иванову насчет Алены. Но будет ли, будет от всего этого толк?

В день приезда у меня все еще кипело и мельтешилось внутри. А потом я пришла в себя и начала работать. А за окном — замерзшая Ока, снег и деревья. Около — черный лохматый пудель Мишка. Еще по комнате кружат три сиамца с глазами, как у женщин Модильяни. Катька, Фомка и Дымка. [...]

Я подарила «Принца» Тане Лоскутовой³. Она, бедная, попросту, зашлась от этой книжки. Бедная девчонка...

Черкни мне словечко. Впрочем, я 20-го приеду.

Целую тебя. Ф.

* * *

От Н. Я. к Ф. А., из Москвы в Малеевку.

8.III-64

Дружок мой, заканчиваю сей праздничный день в 12-м часу ночи разными письмами. Работала сегодня с 8 утра до 11 вечера не поднимая головы. Самый дорогой сегодня подарок, если только можно верить, что не мимолетное облегчение, — открытка от Игоря⁴, что руке полегчало от шалфейных ванн. Впрочем, мы с тобой настолько не виделись и не разговаривали, что я даже не уверена, знаешь ли ты, как ему было худо. Оба перевода он прислал, 2-й даже удачнее, но — писал, не рукой по бумаге водя, а бумагу передвигая мимо руки. Вот так. [...]

Сегодня звонила мне Софья Павловна, расспрашивала про Эдду, кланялась тебе, очень хвалила Леночку и захлебывалась восторгом от Изи — какой он хороший вообще, и в частности — какой хороший отец и какой друг всему классу Леночки⁵. Славно!

¹ В 1963 г. Ф. А. была избрана депутатом Фрунзенского райсовета Москвы. Она согласилась на эту должность, так как считала, что звание депутата поможет ей бороться за Бродского. На самом деле оказалось, что никакой власти, никаких преимуществ депутатство ей не дало, а лишь взвалило на нее множество новых обязательств.

² Мать мальчика Антона, исключенного из школы.

³ Т. М. Лоскутова — художница, дочь репрессированного писателя Михаила Лоскутова, — с трудной судьбой. Ф. А. принимала в ней самое сердечное участие.

⁴ Игорь Воскресенский, переводчик, прикованный к постели, подопечный Н. Я.

⁵ С. П. Гуревич — учительница начальных классов, сперва, в сороковые годы, у Эдды, а в 1964 г. уже у Лены Вигдоровой, дочери младшего брата Ф. А. Исаака Абрамовича (Изи) Вигдорова, военного летчика, прототипа Леши из дилогии Ф. А. «Семейное счастье. Любимая улица».

Сегодня — 20 лет, как я пришла в Полигр[афический] Институт. Полжизни Райки и всех моих девочек¹. А Райка чуть (клянется, что чуть — настолько, что это не помешало ей пойти на встречу одноклассников) простужена, побоялась меня заразить — и мы сегодня только перезвонились.

Так и получается в разные «табельные» дни — Новый год — ну, ладно, — 14.I², 8.III. Вот уж поистине я человек не праздников, так получается.

Зато нет дня, чтобы работала меньше 10–12 часов чистых, а то и все 14. До 16 с тех пор, как кончила «Землю»³, не дотягиваю. [...]

Вчера мне звонил аж Толя Киселев, хотел поздравить, но я работала у Эдды — старшей⁴, нынче мне это сказала Галя — тоже поздравляла. Вот как! Чтобы я делала, если бы Галка меня сейчас так исправно не опекала? [...]

У Эдды неслыханные успехи в изд[ательст]ве [«Книга»], выпустила книжицу Немировского⁵ к 400-летию книгопечатания — и уж какие слова он и ей, и мне за нее, написал — уму непостижимо! Это стоит показать, если будет такой час, что ты придешь сюда и будешь в состоянии что-то воспринимать.

Устала я, дружок.

Напиши хоть, что ли, еще раз. Дошло ли мое письмо, к[ото]рое разминулось с тобой?

Отдыхай от М[оск]вы, сколько можно, трудись отрадно. Лучше этого все же ничего нет.

Целую тебя.

От Ф. А. к Н. Я., из больницы.

14.II-65

Норушкин, нынче месяц после операции. Нынче воскресенье и вкатывать лекарство должен был дежурный врач, но он всю ночь оперировал и сейчас ушел. Заряжать капельницу, искать вену, вкалывать будет самая молодая, самая добрая, самая затурканная и неопытная се-

¹ Студенток той же группы в Полиграфическом институте, где Н. Я. вела зарубежную литературу, соучениц Р. Облонской, которые остались в орбите Н. Я. на всю жизнь.

² День рождения Р. Облонской.

³ Имеется в виду перевод книги «Terre des hommes» Сент-Экзюпери. Перевод Велле под названием «Земля людей» вышел в 1957 г. Это название никогда не нравилось Н. Я.: она назвала свой перевод «Планета людей».

⁴ Переводчица Эдварда Кабалевская, давний друг Н. Я., в честь которой она назвала свою дочь.

⁵ Э. Кузьмина редактировала книгу «Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров» книговеда Е. Л. Немировского: М., «Книга», 1964.

стричка Люся. Побайваюсь, тем более, что с правой стороны мы имеем небольшой флюс. Не есть ли это противопоказание? Не знаю. И никто не знает: воскресенье, глухой день.

Вчера пришел врач и сказал, что меня придется перевести в общую палату, а ко мне положат очень тяжелую больную. Я, конечно, безропотно подчинилась. В мою палату привезли старушку, которая ровно через полчаса и померла. И меня поволокли обратно. Все спрашивали: — И вам ничего? Не страшно?

Я отвечала тупо: — Я не буду об этом думать. И не думаю. Но старуху жалко. Таскали, мучили, а зачем? Чтоб испустила дух... [...]

Целую Ф.

—

14.II-65

Норушка, пишу вдогонку письму, чтобы реабилитировать доктора: пришел, однако. Поглядел десну, сказал, что позвонит Юлии Феокт[истовне]¹, посоветуется.

А потом уже пришла Люся с заряженной капельницей и привела с собой сестрицу минут на пять постарше. Попали со второго раза, что прекрасно. И вот уже откапало, и я тебе пишу. Еще два разочка осталось. Вот как выглядит капельница [приводится рисунок].

Salut!

Ф.

* * *

От Ф. А. к Н. Я., из Переделкина.

12.III 65

Норушкин, дружок, только тебе я могу послать такой жеваный непристойный конверт.

Нынче я сидела, закутанная в спальный мешок, в саду на солнышке. Это было прекрасно. Ни о чем не думала, ни о чем не вспоминала. Просто грелась на солнышке и была почти счастлива.

Шура ходит следом: посиди. Ложись. Измерь температуру...

Саша взяла очень много воли и командует: — Выпей свекольного соку... Съешь морковку...

Отчасти утомительно, отчасти унизительно, однако пока терплю.

Посылаю тебе письмо Влады², полученное еще в больнице. Там есть два полупризнания: «Я ведь теперь та самая пуганая ворона» и «на ул. Космонавтов Вас ждут всегда, ПОКА Я ТАМ».

¹ Лечащий врач Ф. А.

² Влада Городницкая, ленинградский геолог, в то время жена геофизика и поэта-барда Александра Городницкого.

Так что, видишь, ты не сделала никакого преступления, рассказав мне обо всем.

Но грустно и горько, что никого ни от чего нельзя уберечь и что каждый осужден пройти сквозь мясорубку человеческих отношений, такую беспощадную мясорубку. Ужасно ее жалко. Нет, не жалко. Горько за нее. [...]

Очень целую тебя, Раечку, Эдду.

Ф.

* * *

На этом кончается переписка Н. Я. и Ф. А.

Приложение к переписке Норы Галь и Фриды Вигдоровой

Привожу еще четыре письма из маминого собрания, так или иначе связанные с Фридой. Первое — от Фриды к К. И. Чуковскому: по поводу книги Н. Подорольского, маминого дяди: одно из многих ее «заступнических» дел.

Еще два письма — это мамина переписка с «черниговкой» — Галиной Константиновной Калабахиной. Их общим горем стала трагическая смерть Гали, старшей дочери Фриды, 7 января 1974 г. Она, учительница, повезла свой класс на каникулы в Карпаты, побежала через дорогу в аптеку для кого-то из них — и ее сбила, выскочив из-за поворота, «Скорая помощь»...

Последнее письмо — от нас с мамой. Нужно помнить, что официально имя Вигдоровой изгонялось из памяти. Ее книги после защиты Бродского десятилетиями не переиздавались. Ее собирались исключить из Союза писателей, да смерть обогнала. Уже в перестройку в телепередаче о деле Бродского даже не упомянули имя той, что поистине отдала жизнь за спасение поэта. И мы с мамой в письме на ТВ в передачу «Пятое колесо» пытаемся восстановить справедливость, вернуть имя главной его спасительницы.

* * *

Письмо Ф. Вигдоровой Корнею Ивановичу Чуковскому
23.I-57.

Главе фирмы «Маленькие чудеса» К. И. Чуковскому

Дорогой и любимый Корней Иванович!

Пишет Вам корыстная Фрида.

Помните, в сентябре я дала Вам заявку Николая Александровича Подорольского¹ на книгу о Николае Чехове². Я не тревожила Вас потому, что Евгеньев («Сов[етский] пис[атель]») заверил Николая Александровича, что все будет в порядке, надо, мол, только дождаться Нового года, тогда и соглашение заключат и в план внесут.

И вот на днях сообщили: нет, не пойдет.

Почему? Отчего? Непонятно. Человеком собран огромный, интереснейший материал. Пишет он очень хорошо. Я уж не говорю о том, что 16 лет он провел далеко от Москвы — и если не заключат соглашения, не дадут денег, ему книгу не написать.

К. И.! Черкните, пожалуйста, на этот счет несколько слов зам. гл. редактора «Сов. п.» Ив. Тим. Козлову. Вы обещали сделать это еще осенью, но я не хотела тревожить Вас. А сейчас вот тревожу — жаль ведь, если такая книга не будет написана³.

[...]

Целую Вас крепко и очень прошу позвонить мне по тел. Д-1—98—19 в любой день утром или в 6 вечера.

Секретарь фирмы «Маленькие чудеса»⁴

ФВ

Письмо Г. К. Калабалиной к Н. Я. от 13 января 1974 г.

Дорогой, добрый мой друг!

Сердечно благодарю Вас за письмо. Известие о гибели Галочки потрясло меня. Я очень любила ее еще когда она была девочкой, потом студенткой.

¹ Н. А. Подорольский (1899 — 1988) — дядя Н. Я., писатель, журналист, литературовед, специалист по А. П. Чехову. С 1926 по 1929 г. был в ссылке, с 1941 по 1951 г. — в сталинских лагерях, а потом в высылке в Коми АССР, и только в 1955 г. реабилитирован.

² Н. П. Чехов (1858 — 1889), художник, брат А. П. Чехова.

³ Книгу о Николае Чехове Н. А. Подорольский не успел написать, однако он собрал о нем огромный материал, опираясь на который и собрав множество дополнительного материала, издал книгу «Художник Николай Чехов. Альбом избранных произведений. Каталог», М., 2008, сын Н. А. — Александр Подорольский.

⁴ В архиве Н. А. Подорольского находится ответ Чуковского Вигдоровой, где он обещает немедленно Козлову написать, а также черновик письма Подорольского Чуковскому от 1 апреля 1957 г. (день рождения К. И.), где он благодарит его за письмо Козлову. Так что «глава фирмы «Маленькие чудеса» просьбу «секретаря фирмы» выполнил.

Будучи учителем, она приезжала ко мне посоветоваться, когда у нее были неясности в работе, писала мне о своей работе. И вдруг ее нет. Так глупо, нелепо оборвалась жизнь человека, полного энергии и замыслов.

Как все-таки жестока жизнь. Очень жалко, что поздно узнала: я бы обязательно приехала на похороны. Ведь Фридошкина семья мне бесконечно дорога.

Из Вашего письма я поняла, что умерли и мама Фридошки, и ее брат. Значит, у Сашеньки уже не осталось близких родственников. Это ужасно, так жестоко обошлась с ними жизнь.

Я пишу Сашеньке: поздравляю ее со всеми праздниками, но ответа от нее не получала. Сегодня же напишу Сашеньке письмо.

Еще раз Вам огромное спасибо за добрую память обо мне.

Я продолжаю работать, руковожу детдомом. Понемногу работаю над архивом Семена Афанасьевича [Калабалина]. В этом сейчас вижу смысл жизни.

Крепко Вас обнимаю.

Всегда Ваша Г. Калабалина.

* * *

Письмо Н. Я. к Г. К. (черновик).

Спасибо Вам за доброе письмо. И Сашеньке очень важна будет весточка от Вас. Ужас и дикость случившегося никакими словами не облегчить, а все равно важно знать, что друзья разделяют твою горе. Галюша была настоящим человеком и настоящим учителем в самом святом смысле слова. А Сашеньке еще и настоящей старшей сестрой, опорой в страшные месяцы, когда погибала Фридошка. И Фридошкин брат погиб рано и нелепо, буквально сгорел. Злая насмешка судьбы — он умер в ночь 7/8 января 1968, ровно за 6 лет до Галюши, эта проклятая машина убила ее тоже 7 января. Мне все они были ближе, чем родные, далеко не всегда так связывает кровное родство. И Саше я сейчас еще пригожусь, мы с ней всю ее жизнь дружны. Но мне уже шестьдесят лет. У нее, к счастью, очень хороший муж, и с мужем Гали и ее девочками, с вдовой Изи и ее дочками она связана душевно, и есть у нее верные и добрые друзья еще со школьных лет, это тоже важно. Уж очень жестоко была ее жизнь все эти годы, утрата за утратой, отца она тоже потеряла 3 года назад. Да еще ее Анюта все свои 6 с половиной лет почти непрерывно болеет — то одно, то другое, всегда за нее тревожно, а ей уже скоро в школу. Думаю, из-за всего этого Саша Вам и не писала, трудно ей пришлось. И так трудно нам с ней поверить, что нашей Гали больше нет.

Очень понимаю Вашу заботу о наследии С[емена] Афан[асьевича], горячо желаю успеха в этой работе. У меня сейчас сходная задача — готовлю к печати сборник статей моего мужа¹.

От всей души желаю Вам здоровья, бодрости и сил, всего самого хорошего на многие, многие годы.

Ваша

Нора Галь

* * *

Письмо Норы Галь и Эдварды Кузьминой в редакцию передачи «Пятое колесо»²

*В редакцию передачи «Пятое колесо»
(Передача от 29.IX. 88)*

Уважаемые товарищи!

Замечательно, что вы сделали передачу об Иосифе Бродском.

Хорошо, что собрали в зале и поэтессу Наталью Грудинину, и поэта и писателя Якова Гордина, и адвоката, защищавшего Бродского.

К великому сожалению, совсем забыли еще об одном человеке, которому по праву принадлежит место среди защитников Бродского. Человека этого давно нет на свете — и это цена, которую он заплатил за участие в этом процессе.

Человек этот — писательница и журналист Фрида Абрамовна Вигдорова (1915 — 1965). Она принимала самое горячее участие в организации помощи поэту. Она не раз ездила к К. И. Чуковскому и С. Я. Маршаку.

Именно она в зале суда, несмотря на грубые нападки и затем прямой запрет судьи, сумела благодаря своему многолетнему журналистскому опыту сделать подробную запись процесса. Сумела, вопреки намерениям его устроителей скрыть этот вопиющий по безграмотности и предвзятости процесс от широкой общественности, сделать его — благодаря своей записи — достоянием гласности. Уже в наши дни, в эпоху гласности, в Москве прошли вечера, посвященные Бродскому — и на них читалась эта запись, и благодаря мужеству Ф. Вигдоровой правда дошла до людей. И в вашей передаче процесс явно воссоздан по ее записи — но, увы, без ссылки на автора.

Эта отчаянная борьба за спасение поэта стала тем самым стрессом, который и привел ее вскоре к смертельной болезни — это было нагляд-

¹ Бориса Аркадьевича Кузьмина (1909 — 1943): Борис Кузьмин. «О Голдсмите, о Байроне, о Блоке». М., Худож. лит., 1977.

² Очень популярная ленинградская «перестроечная» телепередача.

но видно нам, ее друзьям, знавшим ее тридцать лет. Она буквально заплатилась жизнью за свое служение справедливости.

Поэтому так горько было слушать, что в рассказе об этом процессе нашлось место даже для доброго слова в адрес Н. Грибачева, который — мы все прекрасно помним — десятилетиями в застойные годы и того раньше выступал единым фронтом с А. Софроновым и прочими, уже называемыми теперь по имени гонителями Твардовского и других прогрессивных писателей — и не нашлось даже минуты экранного времени, чтобы помянуть Ф. А. Вигдорову. А между тем именно после защиты Бродского имя ее многие годы было в глухой опале. Это тяжело отразилось и на судьбе ее светлых, добрых, мужественных книг. Предано было забвению и ее имя журналиста — а ведь она многие годы как корреспондент «Комсомольской правды», «Учительской газеты» и других газет отстаивала справедливость, выступала в защиту несправедливо преследуемых людей. По совести сказать, ее жизнь заслуживала бы отдельной передачи, воскрешающей свет этой удивительной души, сумевшей согреть сотни людей. Но уж как минимум — она заслуживала доброго слова в передаче о Бродском.

Трудно поверить, что о ней не вспомнила, не сказала сама Наталья Грудинина — тоже человек мужественный и справедливый, хорошо знавший Ф. А. Вигдорову и тоже самоотверженно сражавшийся тогда с гонителями поэта. Она-то не могла не знать, что главная тяжесть этой борьбы лежала все же на плечах Вигдоровой. Если же упоминание об этом выпало по недостатку времени уже у авторов передачи — тем больше, на наш взгляд, их святой человеческий долг найти возможность в следующих передачах (думаем, что и о Бродском передача не последняя) поклониться памяти Фриды Абрамовны Вигдоровой.

I.X-88.

Н. Галь

*(член СП СССР, член комиссии по литературному наследию
Ф. А. Вигдоровой)*

Э. Б. Кузьмина

(член Союза журналистов СССР, старший редактор издательства «Книга»)

НОРА ГАЛЬ

ПРОЕКТ АННОТАЦИИ ДЛЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА

ФРИДА ВИГДОРОВА. СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

«Все счастливые семьи счастливы одинаково. Каждая несчастная семья несчастна по-своему». Эта знаменитая фраза Льва Толстого сыграла некую роковую роль для подрастающего поколения. Для литературы выигрышнее разнообразные несчастья. И перед подростками широкий спектр для подражания — от нервного надрыва героинь Достоевского

до безвольной пассивности героинь Чехова. И практически нет модели нормальной хорошей семьи. А ведь счастливая семья не рождается сама. Ее надо творить, созидать. Книга Ф. Вигдоровой — редкий пример такого творчества семьи. Ее героиня — и юная, и в замужестве, и в роли матери — поражает запасом доброты, активной, созидательной любви. Счастье не дается ей легко и даром. Но читателю очень полезно пройти вместе с ней ее путь исканий, сомнений, раздумий.

Имя Фриды Вигдоровой было изъято из читательского обихода, когда она самоотверженно отдала все свои силы, здоровье и жизнь защите Иосифа Бродского от несправедливого суда. Именно ее запись суда всколыхнула всю мировую общественность. Справедливость по отношению к Бродскому была восстановлена. По отношению к Вигдоровой — нет. Пора вернуть читателям ее добрый и светлый талант.

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРИДЕ ВИГДОРОВОЙ

В конце 1990-х годов Сарра Львовна Лейбович (1914 — 2004), редактор Гослитиздата и литературовед, однокурсница мамы и Фриды, с которой они поддерживали связь в течение всей жизни, — стала собирать воспоминания о Фриде у разных людей — и близких, и далеких ей. Мамы уже тоже не было тогда в живых, не было в живых и Гали, Саша уехала с семьей в Америку, — и С. Л. связалась со мной и отдала мне все, что собрала. Так эти воспоминания и лежали у меня неопубликованные вместе с маминым архивом до сих пор. Там же лежали у меня и воспоминания о Фриде Ольги Георгиевны Чайковской, написанные в самом конце 80-х. Уже не могу вспомнить сейчас — попали они ко мне через С. Л. Лейбович, или Ольга Георгиевна сама отдала их мне (а возможно — и маме), но знаю, что в 2003 г. они были напечатаны во втором выпуске альманаха «Тарусские страницы», выпущенном очень маленьким тиражом. Поэтому я сочла возможным поместить их вместе с еще двумя до сих пор не публиковавшимися воспоминаниями из подборки С. Л. Лейбович — здесь, в этом сборнике, в этой главе — посвященной Фриде.

Я не говорю здесь о том, кто такие авторы этих воспоминаний, чем они занимались в жизни — они сами рассказывают о себе все, что нужно.

Елена Пастернак
Памяти Фриды Вигдоровой

Я не могу вспомнить, когда именно мы познакомились с Фридой Абрамовной Вигдоровой, потому что это было в Песках, в поселке

художников, где мы с моим братом Егорушкой проводили у бабушки каждое лето. Маленький домик, где мы жили, находился на большом участке художника Алексея Никаноровича Комарова, женатого на нашей тетушке Наталии Александровне Вальтер. И там же последние годы жила и бабушка, и наша двоюродная сестра Таня. Мы только спали в вальтеровском домике, а обедали все вместе в беседке, завитой диким виноградом, куда нас созывал гонг, раздававшийся по всей округе.

Дни напролет мы были предоставлены самим себе, наше знакомство со сверстниками, внуком художника Лентулова — Сашей и сыном художника Ю. И. Пименова Мишей, было весьма поверхностным. И по-настоящему нас всех объединило дружбой и общими играми только появление семейства Раскиных на даче Карыгиной.

Знакомству с ними предшествовал разговор дома, когда нас спросила тетя Наташа, не знакомы ли мы с писательницей Фридой Вигдоровой. Наверное, еще до нашего приезда в Пески Фрида с девочками приходили к ним за цветами и посмотреть сад. Действительно на сад стоило посмотреть. Наташа разводила в нем множество всяких удивительных цветов, которые часто возила в Москву на выставки. Алексей Никанорович украсил его резными беседками. Кроме того, у него, как художника-анималиста, в разное время жили всякие птицы и звери. По саду разгуливало семейство павлинов, были диковинные индюки, породистые куры и петухи. Некоторое время жил в клетке заяц или лисенок, огромный хомяк, были борзые собаки или зырянские лайки. В саду в больших вольерах жили чижики, овсянки, снегири. Около его мастерской, украшенной фигурой лежащего медведя и рельефами с оленями, рысями и совами, всегда на разные голоса заливались канарейки. Так что экскурсии в сад были у нас постоянно.

И Фридошка со своей горячей общительностью успела уже познакомиться с Наташей и Алексеем Никаноровичем сразу по приезде, так что ко времени нашего с Егорушкой появления компания песковцев была уже ею создана. Мы в нее просто влились на все готовое, — но держались как-то обособленно. Мы с Егорушкой всегда проводили время вместе, хотя он был на 5 лет младше. Но тут для его общества была Саша Раскина, которой было около 9 или 10 лет, тогда как нам остальным было по 14–15, что составляло для нас в то время существенную разницу. И велосипеды у нас были взрослые, детей сажали на раму, на специально привязанную подушечку.

Фрида очень беспокоилась о своей Сашеньке, точнее, волнение и запреты всегда исходили не от нее, а от Александра Борисовича, который выглядел таким мрачным и всем недовольным, что мне было страшно даже смотреть на него, не то что разговаривать. Приходилось оставлять Егорушку с Сашенькой, чтобы скрасить для нее то, что ее не отпускали с нами.

А кто были мы? У Лентуловых несколько лет подряд жил мальчик Лева Шепелев, который вместе с Сашей учился рисованию. Они часто ходили на этюды, потом он поступил в Суриковский, а Саша Лентулов¹ — в Архитектурный. Они оба были у нас общепризнанными верховодами и пользовались непререкаемым авторитетом. Потом были две девочки, Галя Кулаковская, старшая дочка Фриды, и Галя Васильева, дочь поэта-антисемита, автора поэмы «Без кого на Руси жить хорошо»², жившая на даче Беккер. С ее старшей сестрой Вандой дружила наша кузина Таня.

Эта четверка была главным, наиболее спаянным звеном нашей компании, они всегда все знали о делах друг друга, и именно они созывали остальных на всякие мероприятия. Несомненно, что Галя была рупором и рычагом Фридиных затей и выдумок, передатчиком ее энергии и умения собирать вокруг себя людей. Именно Фрида была главным выдумщиком и инициатором всяких идей, хотя сама она оставалась всегда в тени, ее удерживал дома нервный и мнительный муж, и она казалась мне маленькой девочкой-пленницей, которую не пускают с нами поиграть. Я передаю здесь только свое детское впечатление, дополненное воспоминаниями о том, что он всегда беспокоился о ее работе и необходимости писать, что нам казалось в то время очень скучным. Так что, отправляя нас играть в пинг-понг на дачу Беккер или еще куда-нибудь, они оба получали возможность предаваться своим профессиональным трудам.

Но, возможно, некоторая подначка Раскина сказывалась в сочинении всяческих стишков-насмешек, на которые никто из нас никогда не обижался, и каких-то песенок, которым нас обучали во время прогулок. Не могу судить, чего было в них больше — авторского замысла профессионального куплетиста или детского школьного фольклора, переделываемого на ходу под сиюминутные нужды. Это занятие было предметом постоянного безудержного и беззаботного смеха.

На состязания по пинг-понгу приходили с соседних дач Валерий Елкин и Миша Пименов. Я почти не играла, — не умела, а во время серьезных турниров учиться было некогда, и я стеснялась своей неловкости перед другими. В крокет играли на даче у Раскиных, где была профессиональная площадка. И тут у меня дела были лучше, имелись некоторые успехи. Полный сбор объявлялся, когда шли купаться на Москва-реку. И тут с нами шли кто-то из взрослых, может быть, бывала и Фрида, помню Марьяну Аристарховну Лентулову. Но и при этом

¹ На самом деле фамилия Саши была не Лентулов (по деду), а Миримов (по отцу).

² Сергей Васильев давно оставил семью, и песковцам, слава богу, общаться с ним не приходилось.

я тоже умудрилась чуть не утонуть, но, к счастью, никто этого даже не заметил. Самым интересным были далекие прогулки, или экскурсии, как они торжественно назывались. Помню поход на речку Северку и в Черкизово. План разрабатывался взрослыми, кто-то из них возглавлял поход. Хорошо помню Юрия Ивановича Пименова, над которым мальчишки все время трунили, но и он не оставался у них в долгу.

Я думаю, что именно Фридошкина теплота и проницательность удерживала в компании нас с Егорушкой, наиболее инертных и робких в искусстве общения. Правда, Сашенька крепко держалась за Егорушку и всегда требовала его общества. И то, что с отъездом в Москву не обрывались наши летние связи, тоже было, вероятно, заботой Фриды и выражением ее заинтересованного внимания к нам. Потому что и зимой костяк группы составляли все те же четверо: две Гали и Саша слевой. Мы с Мишей и Егорушкой были привлечены уже после второго или третьего лета, проведенного в Песках подобным образом.

Летом 1953 года мама взяла нас с Егорушкой на месяц в Комарово под Ленинградом, в дом отдыха ВТО. Радость поездки отравляло сознание, что в Песках собралась вся компания, что и мы могли бы быть с ними. Вероятно, мы провели в Комарове июль, а в августе поехали в Пески. Оказалось, что у Раскиных гостит еще одна девочка, дочка Фридиной подруги Норы Галь Эдда, и это обстоятельство позволило затеять постановку Шекспира. Мы были уже большими, 16-летними, и Фридошка предложила нам комедию «Двенадцатая ночь»¹. Мне помнится, что это были отрывки, связанные с розыгрышем дворецкого Оливии Мальволио. Мальволио играл Саша Лентулов. Нас с Егорушкой срочно стали вводить в спектакль и дали роли Виолы и шута. Репетиции, театральные костюмы — все было так увлекательно. Не знаю, как шла при этом у Фриды ее писательская деятельность, о которой заботился Александр Борисович, но боюсь, что в данном случае для этого оставалось мало времени. Мы проводили у Раскиных почти целые дни, отвлекаясь только на обеды и купанья.

Зимой мы с мамой приглашали песковцев ко мне на день рождения, где играли в шарады, а в конце марта справляли Галино рождение. Она жила у бабушки с дедушкой в большом декадентском доме на Сретенском бульваре².

¹ На самом деле это была совместная идея Саши Лентулова и Эдды, а Ф. А. узнала об этой затее, услышав репетицию пьесы с балкона своей дачи, что зафиксировано в ее материнских дневниках. См. Фрида Вигдорова, «Девочки. Дневник матери», М., 2013, стр. 291 — 292. Сообщила Александра Раскина.

² Галя жила с Ф. А., А. Б. и Сашей в Ермолаевском переулке, но дни рожденья девочки всегда справляли у бабушки с дедушкой, где было больше места.

Еще раньше, я помню, Фридошка спрашивала меня, не знакома ли я с Евгенией Владимировной и Женей Пастернаками, и была удивлена, что я ничего о них не знала. Ей было известно, что они дружат с моей тетей Маргаритой Густавовной Поливановой и часто бывают у них в гостях. Я могла только сказать Фриде, что мне хорошо знакомо имя Бориса Пастернака, его стихи и переводы из Бараташвили, которые так любила мама.

А тут, среди Галиных гостей и родных был взрослый человек в военной форме, которого мне сразу представила Фрида.

— Женя Пастернак, — серьезно сказала она, добавив, — я давно хотела вас познакомить. Он, улыбаясь, посмотрел на меня каким-то пронизывающим и заинтересованным взглядом. Мне подумалось, что ему лет 23 — 24, что для меня, 17-летней, было очень много (а в действительности ему было уже 30). Он сидел и разговаривал со взрослыми, а мы были детьми, и меня позвали играть в шарады. Но весь вечер я видела, что у него не пропадал интерес ко мне, и он внимательно следил за моими появлениями в шарадах, что почему-то вселяло в меня необыкновенную смелость исполнения и вдохновляло на неожиданные экспромты. Я чувствовала, как моя обычная скованность таяла под его неотрывным взглядом. И действительно, потом, через много лет, когда мы вспоминали вдвоем этот вечер, он рассказал мне, как прекрасно я танцевала в какой-то шараде. Он пошел меня провожать, мы жили рядом, он — на Тверском, я — в Брюсовском. Неужели Фридошка все это нарочно подстроила?

Я рассказала ему, что кончаю школу и собираюсь поступать в университет, а он, что служит в Забайкалье и на днях туда возвращается.

Летом, после зачисления в университет, мама взяла меня в Коктебель. Оказалось, что перед отъездом из Москвы ее разыскала Фрида и по Жениной просьбе передала ей тетрадку его стихов. Мама серьезно разбирала их и писала ему в Кяхту свои соображения, а я почему-то знала, что эти стихи были посланы мне. И когда зимой Женя вернулся в Москву, демобилизованный, он в один из первых же дней пришел к нам.

Этой осенью Галя поступила в педагогический, встречи и дружба песковцев все продолжались, но меня на них уже не приглашали, вероятно, Фрида сразу почувствовала, что я теперь уже взрослая, и детские игры не для меня.

Когда через три года мы с Женей поженились, мы навестили Фридошку в Ермолаевском, а зимою 1958 года, когда у нас уже был Петенька, она приходила к нам. Как она радовалась ему и целовала его «нехоже-

ные пяточки», говоря, что любит вот именно таких деток, совсем маленьких¹.

Наш рассказ о ее чудодейственной роли в нашей судьбе, выражением и смыслом которой стал вот этот, родившийся мальчик, она не хотела принимать всерьез. Она не помнила тех зиждительных для нас событий, инициатором которых была, и громко смеялась, когда мы напоминали ей их с обеих сторон, оба одинаково взволнованные этим.

Вероятно, именно тогда она рассказала нам, что ее выбрали депутатом², и она более совсем себе не принадлежит. Что с утра до вечера она выслушивает жалобы приходящих к ней на прием избирателей и бегают по разным инстанциям, добиваясь для них сносного жилья, работы или защиты от суда. Было ясно, что ее неистощимая энергия и добрый интерес к людям нашли в этой работе полное применение. Она никогда не позволяла себе останавливаться перед препятствиями и всегда доводила начатое до конца. Но нам было понятно также, что количество обиженных и несчастных, которых она взялась спасать, способно раздавить ее, и было страшно за нее. Но она была счастлива, ее смелый и честный взгляд на мир не признавал границ человеческих возможностей.

Через несколько лет мы уехали из Москвы и круглый год жили в Переделкине, уже с двумя мальчиками, и сведения о Фридошке доходили до нас случайно и обрывочно.

Мы читали в машинке ее запись суда над Иосифом Бродским, — не помню, кто ее дал, может быть, и сама Фрида, которая говорила нам, что послала копии в главные газеты «Правду» и «Известия» как материал своей деятельности депутата и журналиста. А заграничный скандал с ее публикацией ее не касается. Она сделала то, что считала своим долгом.

Судьба вновь столкнула нас с нею в последние месяцы ее жизни. Узнав, что ее сразу после больницы и операции привезли на соседнюю дачу к Ивановым, мы сразу кинулись к ней. Она сидела, не вставая с кресла, положив ногу на маленькую скамеечку, бледненькая, какая-то тихая, хотя по-прежнему полная интереса к жизни. Ни слова не было сказано ею о своей болезни. У нее была Галя с дочкой Наташей, которой Фридошка очень радовалась, и Саша. Постоянно приходили друзья. Она нас познакомила с Ефимом Григорьевичем Эткиндо, который по ее просьбе сделал для нее прекрасные слайды с наших мальчиков.

¹ А. Раскина вспоминает: «26 октября 1958 г., когда разразился скандал по поводу присуждения Борису Пастернаку Нобелевской премии, и в «Правде» появилась шельмующая его статья «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка», мама подхватила меня, и мы немедленно поехали к Жене и Алене. Помню очаровательного Петрушу в кроватке, но, наверно, «пяточки» были тогда уже «хоженые».

² На самом деле депутатство Ф. А. началось только в 1963 г.

Вероятно, именно тогда Александр Борисович, наблюдая наших мальчиков, контролировавших из-за ворот всех прогуливающих по улице писателей, сочинил долго ходивший потом стишок:

Аленкины дети
Весь день на заборе.
Но кто из них Петя
И кто их них Боря?

Весь день на заборе
Аленкины дети,
Но кто из них Боря
И кто из них Петя?

Фрида читала нам эти стихи и очень смеялась, а мальчиков она любила тогда с присущей ей нежностью.

Из Дома творчества приглашали к Фридочке Новеллу Матвееву, которая пела свои песни, которые мы тогда слышали впервые. Фридочке они доставляли особенное удовольствие. Она плакала, но просила еще и еще. Она заливалась горькими слезами, когда слушала о стране Дельфинии, где, оказывается, и без нее пальмы не засохнут, а птицы не перестанут петь.

В ответ на утешения она говорила, что с ней все ясно и все в порядке, но только бы мальчику было хорошо.

Имелся в виду Иосиф Бродский, сосланный тогда под Архангельск, ко спасению которого были обращены в те последние месяцы все ее помыслы и надежды. Было ясно, что жестокая несправедливость приговора, последовавшего за глубоко пережитой ею травмой издевательского суда, сломили ее силы и убили.

Ее волновало здоровье Евгении Владимировны, которую она очень любила, и она успела выразить Жене свое сочувствие, узнав о ее неожиданной кончине. Но это уже передавала от нее по телефону Сашенька, потому что с началом лета они должны были освободить ивановскую дачу. О смерти Фридочки, вскоре последовавшей, мы узнали от посторонних.

Евгений Пастернак *О Фриде Вигдоровой*

В 1941 году в Ташкенте эвакуированным писателям был отдан небольшой дом Сельхозбанка, больше половины которого занимала выходящая во двор крытая и застекленная терраса. В один из зимних дней

пришли рабочие и начали возводить перегородки и переделывать эту террасу в небольшие комнаты. Вставили фанерные двери, и в еще сырые помещения въехали новые жильцы. Против двери комнаты, где мы жили с мамой, поселилась молодая темноволосая женщина с довольно мрачным мужем и совсем маленькой черноглазой дочкой. Мы вскоре познакомились. Фрида Вигдорова была удивительно смелой и отзывчивой, с ней хотелось поговорить о том, что нас волновало, и она всегда готова была помочь. Почти ежедневно к ней заходила ее мама, работавшая в ташкентских клиниках и жившая вместе со старшей дочерью Фриды Галей. Фрида еще не считала литературу своей профессией. Она была журналистом-корреспондентом, если не ошибаюсь, «Комсомольской правды»¹.

Фрида и маленькая Сашка скоро стали объектом общей любви и заинтересованности, и когда Сашка в своей кроватке с сеточкой стала на ножки, я помню, каким это было событием для обитателей всего дома.

Но я тогда редко попадал домой, проводя все время в казармах. По-настоящему мы подружились с Фридой уже в Москве. Жили мы по соседству, она забегала к маме, я заходил к ней в ее комнату в коммунальной квартире в Ермолаевском переулке.

Я привык делиться с Фридой всеми событиями своей не слишком веселой армейской жизни, и ее участие помогало мне выдерживать те трудные годы. Эта тема была ей особенно близка еще и потому, что ее любимый младший брат Изя служил примерно в тех же местах, что и я, в Забайкалье. Однажды по дороге из Читы в Улан-Удэ я неожиданно заехал к нему и провел с ним целый день. От Фриды я знал, где он служит, и разыскал его.

Мне бесконечно жаль, что я не могу вспомнить подробности наших долгих разговоров с ней, но я ничего не записал в свое время, а сейчас почти потерял память. Я надеюсь как раз, что именно у нее в тетрадях, которые она систематически вела, сохранилось что-то из них.

В то время я очень любил Овадия Герцевича Савича², которого называли совестью Ильи Эренбурга. Он с женой Алей Яковлевной перед самой войной вернулся из Франции. Когда Фридошка писала свою первую книгу «Мой класс», я познакомил ее с Савичем, художественному вкусу которого я очень доверял. Они подружились.

Замечательно Фрида записывала то, что говорили ее дочери, разговоры с избирателями, интересы которых она героически отстаивала, будучи депутатом. Она любила читать отдельные места из этих записок. В них сказались ее удивительные способности — вместе с отзывчиво-

¹ На самом деле «Правды».

² О.Г. Савич — писатель, поэт, переводчик с испанского.

стью и горячей участливостью к людским нуждам, которые сделали ее нашим национальным героем, когда она взялась спасти Иосифа Бродского. Я помню, с каким волнением мы читали ее запись этого чудовищного процесса, каким это было событием для всех. Событием, стоящим в одном ряду с «делом» Пастернака и солженицынским «Одним днем Ивана Денисовича». Удивительно, как судьба привела ее к этому, ставшему для нее трагичным, противостоянию лжи и произволу.

Оглядываясь на те давно прошедшие события, нельзя не почувствовать, насколько значительным и благотворным было присутствие Фриды для каждого из нас, как оно придавало нам стойкости и благородства, таких необходимых в жизни, и тем определяло наши поступки и судьбу.

Ольга Чайковская
Фрида Вигдорова¹

Я их терпеть не могу, драконов этих.
Но ради вас я готов их душить голыми
руками, хотя это очень противно.

Евгений Шварц, «Дракон»

Вряд ли кто-нибудь, вспоминая о Фриде Вигдоровой, не скажет с сожалением: «Ах, сколько бы сделала она сейчас, когда настало ее время!» Да, конечно, сейчас бы ей куда легче было жить, и возможностей у нее стало бы несравненно больше. Но в том-то и суть, что ее время было другим, и в это свое время, темное, застывшее, как мы теперь ясно видим — мертвенное, кладбищенское, она была едва ли не единственной, и уж во всяком случае неповторимой, то есть делала то, что, кроме нее, никто сделать не мог. Жизнь ее оборвалась рано, и все-таки жизненную задачу свою она выполнила во всей ее полноте — и через край даже перелилось: ее душевной энергии хватало и на то, чтобы зарядить ею других. Говорю об этом с совершенной ответственностью, с полным знанием дела, поскольку Фрида Вигдорова определила также и мою собственную литературную жизнь; наверно, и не только литературную.

До знакомства с ней мне просто не приходило в голову, сколько при желании (правда — при большом) может сделать человек в любых предложенных ему судьбой условиях — в любых, пока жизнь длится. Много позднее для меня эта мысль сконцентрировалась в эпизоде, где-то мною прочтенном. Дело происходило в немецком концлагере, где заключенные умирали от истощения, была у них одна радость: в каком-то лагере

¹ Очерк О. Чайковской написан в самом конце 80-х годов.

ном подвале работал душ. Но дойти до него совсем не у всех доставало сил, и вот те, кто мог, несли на себе туда тех, кто не мог, доставляя им тем самым минуты неслыханного наслаждения (мягкие теплые струи воды!). А мы в 60-е годы все-таки жили не в концлагере.

Познакомились мы с Фридой (я буду называть ее так, без отчества, так называли ее все, так ей очень шло), когда ей, писательнице, прислали на рецензию мою первую в жизни книжку и она пожелала меня видеть. («Мы сделаем так, — сказала она мне тогда, — все плохое о книге я вам скажу сейчас, и вы, если захотите, учтете, а все хорошее напишу в рецензии», — что и было сделано.)

Этот первый день нашего знакомства запомнился мне еще одним разговором. Фрида куда-то собиралась, сказала, что сильно озабочена, а глаза ее при этом посверкивали. И вот почему. Она была связана давней дружбой с одной писательницей, уже очень пожилой и совершенно слепой.

— Какая вы, Фридошка? — спрашивала писательница и ощупывала Фридино лицо.

А Фрида (так рассказывала она сама) отвечала ей беспечно и безответственно:

— Я очень мила.

И вот в этот наш первый день знакомства она мне объясняла:

— Настал час расплаты, моему другу сделали операцию, она стала видеть, я еду, чтобы предстать перед ее зрячим взором. Что-то будет, что-то будет.

Фрида Вигдорова могла не беспокоиться: трудно было сыскать более, чем у нее, привлекательное лицо. Все мы, знавшие ее, тщимся ее описать. Правда, была она на редкость фотогенична, но ведь фотографии недвижны, а нам хочется хотя бы приблизительно передать ее улыбку, глаза темного ореха, движение маленькой руки, заправляющей за ухо стриженую пегую от седины прядь (движение, только ей свойственное, поспешное и бессознательное, в пылу спора или рассказа). А главное — написать тот праздник, который возникал в душе при встрече с ней.

Да поди все это напиши.

Чтобы создать самое первое впечатление о человеке (и тем более о писателе), полезно узнать, каких авторов он более всего любит («скажи мне, кто твои друзья...»), какие слова из книг для себя выписывает (если выписывает) — ведь обычно человек отмечает то, что соответствует его пониманию жизни и годится в качестве руководства в ней.

Фрида Вигдорова любила и не раз вспоминала в своих книгах веселый девиз, избранный когда-то Софьей Ковалевской: «Говори, что знаешь, делай, что должно, — и будь, что будет». Благородство и отвага этих слов ей очень нравились. Однако это все же только программа жизненного поведения, но еще не жизненная программа. Она очень

любила Сент-Экзюпери и, кажется, особенно «Маленького принца» (который, кстати сказать, своим появлением у нас в печати во многом обязан ей: когда друг Фриды Нора Галь перевела знаменитую сказку, ее не хотел брать ни один журнал). А более всего в «Маленьком принце» любила она знаменитое: «Мы отвечаем за тех, кого приручили». А еще она любила не менее, если не более знаменитый (благодаря Хемингуэю) отрывок из сочинений старого английского поэта Джона Донна: «Нет такого человека, что был бы островом, каждый человек — часть материка, часть целого. Если чей-то прах будет смыт морем, то Европа уменьшится, словно это был ее мыс. Смерть любого человека отнимает частицу меня, ибо и я частица человечества... И потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит по тебе». Здесь, как видите, уже целая жизненная философия.

И наконец, слова одного из деятелей прошлого века (Фрида говорила, что это Рылеев, но у Рылеева я подобных слов найти не смогла): «Удивительное дело, мы не боимся умирать на полях сражений, и слово боимся сказать в пользу справедливости» (впрочем, это только на первый взгляд удивительно, в действительности смерть на поле боя, славная и даже похвальная, в конечном счете не имеет ничего — кроме, разумеется, самой смерти — общего со смертью в сталинском лагере или даже николаевской сибирской ссылке).

Нетрудно заметить, что главное в любимых ею изречениях — это сознание своей подотчетности, личной ответственности, но не перед Союзом писателей или какой-либо другой властью, нет, перед людьми. Твердая уверенность, что, столкнувшись в мире с бедой или несправедливостью, нельзя ни пройти мимо, ни промолчать. «Много пословиц есть на свете, которые оправдывают молчание, и, пожалуй, самая выразительная: «моя хата с краю». Но хат, которые были бы с краю, нет». Это уже не цитата, это уже сама Фрида Вигдорова.

Ее книги. Одновременно с ней работали писатели несравненно большей писательской силы, их книги выше по красоте прозы, но у книг Вигдоровой не только свое обаяние — своя сильная жизнь, ее герои дороги читателю, особенно юному, как дорога была Фрида всем, кто ее знал. Одна молодая женщина рассказала мне, как она еще девочкой на уроке литературы делала доклад о «Черниговке», волновалась — такие доклады ребята их класса, особенно мальчишки, не любили, подчас над ними подсмеивались, а «Черниговка» была любимой книгой девочки, отдавать ее невниманию или на осмеяние ей было тяжело. Но класс слушал как замороженный, так захватывала «Черниговка» даже в кратком, полудетском пересказе — и даже юных негодяев и циников.

В одном из романов Ф. Вигдоровой героиня рассуждает: говорят, «трамвай не резиновый» — а человеческое сердце? В том-то и дело, доказывают книги Ф. Вигдоровой, что есть у нашего сердца такая способ-

ность — во множестве вмещать разные любви, причем одна другую тут нисколько не теснит; эта способность становится особенно очевидной в годы бедствий. Детский дом нищ, голоден, набит до отказа, когда прибывают полуживые ленинградские дети, которых нельзя не принять. Так же и сердце героини не может не принимать в себя все новые и новые судьбы. Все потому, что и Фридино сердце работало по тому же принципу и в том же режиме.

Дети смотрят военную хронику, и вдруг одна детдомовская девочка узнает в солдате на экране своего отца — в грохоте, в разрывах боя. Все потрясены, и особенно те, у кого ни отца, ни матери. После сеанса директор дома Галина Константиновна ведет за руку одну такую безутешную девочку и не знает, чем может ей помочь. Бессилие перед непоправимой бедой — вот что для нее, педагога, самое тяжкое. «Я крепко держала Анину руку, она то и дело спотыкалась, словно во сне. Странно, удивительно ощущать трепет маленькой руки в своей руке. Даже если эта рука в варежке. Я помню, как в детстве у меня на ладони бился птенец, которого я подобрала. Он выпал из гнезда. Я ему объясняла: ты не бойся, я же тебя люблю, я же тебе плохо не сделаю. А он не понимал. И, маленький, теплый, перекатывался в моей руке. Билось короткое птичье крыло, щекотало ладонь. Он защищался, клевал руку. Моя память забыла об этом, а ладонь помнит. Детская рука в варежке билась в моей руке. Мои пальцы отвечали: я люблю тебя, я тут. Но Анина рука меня не слышала. И, как тогда, была беспомощна моя любовь».

Вот этой тревогой, материнской (птичьей!) полны книги Ф. Вигдоровой. Но, главное, они совсем не о беспомощной любви. И тут я отважусь на сопоставление ее книг с произведениями великой русской литературы. Как часто встречаем мы здесь любовь, которая никого не может спасти и даже никому не в силах помочь, — так любовь Ольги Ильинской не в состоянии поднять с дивана Обломова; так чеховские герои, как правило, бессильны прийти друг другу на помощь (исключение, сколько помню, составляет одна только «душечка», у которой, однако, до такой степени «не было никаких мнений» — «что сказала Мавра-кухарка, то и хорошо», — что об эффективности ее душевных порывов едва ли можно говорить); любовь иных «инфернальниц» Достоевского уже прямо разрушительна. Я, разумеется, не говорю об уровне художественной прозы, но не могу все же не отметить особенность книг Фриды Вигдоровой — их неизменная убежденность, что один человек в состоянии помочь другому и что в этом состоит его главная жизненная задача.

Любопытно, что в своих ранних книгах она не любила, да, кажется, и не умела изображать зло. В ее трилогии много хороших людей и очень мало плохих, возникающие с ними конфликты скоро (подчас слишком уж скоро) и благополучно разрешались, причем происходило

это, разумеется, не от желания лакировать действительность и сглаживать жизненные конфликты (вот уж что ей было совершенно чуждо!), а от непреодолимой жажды счастья для своих героев. Совсем иное дело «Любимая улица». Здесь уже дан достоверный и страшный образ зла, оно воплощено в медсестре Прохоровой, мертвенного ничтожества. Еще точнее и беспощадней изобразила Ф. Вигдорова зло в своем романе «Учитель», увы, неоконченном и не увидевшем света¹. Ее книги — царство добрых людей, но эти добрые люди с каждой книгой все резче, все энергичней вступают в борьбу со злом.

Зато ее публицистика боролась со злом вовсю. В свет вышли четыре сборника ее публицистических статей — «Минуты тишины», «Дорогая редакция...», «Что такое мужество?» и «Кем вы ему приходитесь?», результат ее неустанной работы «по справедливым делам» (кстати, созданный ею термин). Приведу отрывок из одного ее замечательного очерка:

Семья Зориных. На них поступила жалоба от соседей: муж — дежурный монтер, жена — продавец в магазине. Оба пьют, дерутся («нарушают общественное спокойствие»). Дети — Надя восьми лет, Оля — тринадцати. Зориной лет тридцать пять. Лицо со следами былой свежести и привлекательности. Сейчас оно опухло, на щеках сизый румянец, глаза красные.

Зорину тоже лет тридцать пять, но он уже лысый. Тощий, дергается, глаза маленькие и бегают. Руки нервные, беспокойные.

Комната — метров тридцать. Высокие ленинградские потолки. Посередине комнаты — большой круглый стол, на нем всякая снедь. Надя (младшая, — светловолосая с двумя косичками) сидит за столом и спокойно ест, не обращая на нас никакого внимания. Старшие настороженно молчат. Нина Зиновьевна — заведующая детской комнатой при милиции (мне в гороно сказали, что она — замечательный воспитатель и прекрасно работает с семьей) с ходу обращается к Зорину:

— Ну что, по-прежнему пьянствуете?

Зорин: — С чего вы это взяли?

Нина Зиновьевна всем телом повернулась к девочке, спрашивает:

— Наденька, а ты что скажешь?

Надя, намазывая хлеб маслом, спокойно и не глядя на Нину Зиновьевну, отвечает: — Пьет, чего там. Вчера пьяный пришел.

Н. З.: — Видите. Ребенок не даст соврать. Объясните, почему вы пьете?

¹ Неоконченная повесть Ф. А. Вигдоровой «Учитель» напечатана в журнале «Звезда», 2016, № 4.

Зорин: — А как же мне не пить, когда она гуляет (кивает на жену) с мужиками? И сама пьяная является?

Н. З.: — Почему вы приводите мужчин? Как вам не стыдно?

Зорина: — Врет, никого я не вожу. А он меня третьего дня ошпарил кипятком.

Зорин: — Врешь! Я нечаянно плеснул.

Зорина: — Нет, нарочно!

Н. З.: — Наденька?

Надя, спокойно, наливая в чай молоко: — Чего там, конечно нарочно. Взял да и плеснул.

Н. З.: — Вот видите, что ребенок говорит? И на какие только деньги вы пьете?

Зорин, угрюмо: — На свои.

Наденька, наливая чай в блюдце, откликается по собственному почину:

— Какие там свои. Дружка встретит, дружок его и угостит. Чего там...

Н. З. (Зориной): — А вы по-прежнему обвешиваете покупателей?

Зорина: — И совсем я не обвешиваю. Это я в том магазине обвешивала, а здесь фрукты-овощи, чего тут обвешивать.

Н. З.: — А домой фрукты таскаете?

— Не таскаю.

Н. З.: — Наденька?

Наденька не отвечает. Тянет чай из блюдца и молчит¹.

Перед нами только диалоги, но сколько в них трагизма. Как страшны они, «замечательная воспитательница», бодро ведущая «работу с семьей», и малолетняя доносчица в капроновых бантах.

Сейчас трудно себе и представить, какие завалы и буреломы Фрида разгребала. И первой ее заботой были, конечно, дети.

В свое время сильно на шумела ее статья «Костер без пламени», писательница говорила о бюрократическом равнодушии, которое стократ опасно, когда уродует детскую душу. Статья звала к бунту — против мертвой рутины, рабской покорности нелепым педагогическим установкам — за самостоятельность мысли, за радость детского воображения. Об этом с тех пор немало написано — но первое слово было сказано Вигдоровой (да и разве слова эти нынче устарели, разве ушла из жизни самая проблема?).

Фрида отлично чувствовала живую ребячью душу и была внимательна к ней. Стоит вспомнить того великолепного третьеклассни-

¹ См. книгу: Ф. А. Вигдорова. «Право записывать». М., 2017, стр. 119 — 120.

ка Колю Тихомирова, который на уроке рисования не желал, как все, рисовать желтое солнце и зеленые елочки, а мечтал о черной бумаге, на которой он мог бы мелом нарисовать снежную ночь. Или Мишу из «Черниговки», который так прекрасно умел понимать особенности писателя, что угадывал его стиль с полуслова. «Как-то на уроке учительница прочитала ребятам отрывок из книги.

— Кто знает, какой писатель это написал? — спросила она.

Миша протянул руку.

— Тургенев, — сказал он.

— Молодец, умница. Как ты это понял?

— Ну-у-удно очень, — протянул Миша».

Вот именно этого Мишу с его простодушием или Колю Тихомирова с его мечтой о черной бумаге и снежной ночи защищала Вигдорова в своих работах.

Не случайно эпиграфом очерка о Фриде Вигдоровой я взяла строки из шварцевского «Дракона» — не только потому, что Фрида очень его любила, но и потому, что эта поразительная сказка, так сильно концентрирующая реальность жизни, к нашему времени имеет самое прямое отношение. Ну и к Фридиному характеру, разумеется.

«В пяти годах ходьбы отсюда, — говорит герой сказки Ланцелот, — в Черных горах, есть огромная пещера. В пещере этой лежит книга, испи-санная до половины. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежде, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди. Им известны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно. От ветки к ветке, от капли к капле, от облака к облаку доходят до пещеры в Черных горах человеческие жалобы, и книга растет. Если бы на свете не было этой книги, то деревья засохли бы от тоски, а вода стала бы горькой. Для кого пишется эта книга? Для меня.

... Для меня и немногих других. Мы внимательные, легкие люди. Мы проведали, что есть такая книга, и не поленились добратся до нее. А заглянувший в эту книгу однажды не успокоится вовеки. Ах, какая это жалобная книга! На эти жалобы нельзя не ответить. И мы отвечаем... Мы вмешиваемся в чужие дела, мы помогаем тем, кому необходимо помочь».

Фрида была, конечно, из тех «внимательных и легких», кто заглянул в жалобную книгу, а заглянувши, уже не мог успокоиться. Она кровно ненавидела несправедливость, просто не переваривала ее и не собиралась терпеть. Она тоже вступала в бой, — кстати говоря, не кидалась очертя голову, а вела правильное сражение. «Самое главное, — говорила она (и я запомнила эти ее слова хорошо), — заранее рассчитать все трудности, которые встретятся, все неприятности и беды, которые могут последовать. Если их заранее предвидеть, тогда не так и страшно».

В то время, когда мы с ней познакомились, она занималась делом Славы Цуцкова, студента Московского университета, покончившего с собой. Фрида никогда Славы не видала, к ней пришли рассказать о нем его товарищи, она посмертно изучала его жизнь — дневники, письма, свидетельства друзей; более всего интересовали ее столкновения Славы с теми людьми (работниками физфака), которые были повинны в его гибели.

То было тяжелое для нее время. Следуя шаг за шагом путем погибшего юноши, она как бы погружалась в отчаяние до самого его дна. Напрасно ей говорили, что, мол, покойного не воскресить и прошлого не воротить, а стало быть, нечего и терзаться, она не бросала своего исследования — именно потому, что знала, по ком звонит колокол.

Вообще все эти сентенции: «ты не солнышко, всех не согреешь» или: «улицу не натопишь» и прочие, рассчитанные на то, чтобы успокоить слегка растревоженную совесть, сильно ее раздражали. Да и не верила она им.

Конечно, ее работа давалась ей нелегко, она сильно уставала. Помню, к концу дня становилась белая как стена, глаз не могла открыть, так и сидела с закрытыми — олицетворением смертельной усталости. Но отпуска не просила, — может быть, потому, что не у кого его было просить.

В своей книге о Войно-Ясенецком Марк Поповский пишет: «Слава о глазных операциях, которые делал новый доктор, росла так стремительно, что хирург не успевал осматривать всех желающих. Особенно после того, как прозревший в результате хирургического вмешательства молодой нищий собрал слепых со всей округи и они длинной вереницей, ведя друг друга за палки, явились к врачу просить исцеления».

Примерно то же самое происходило и с Фридой. Люди, которым ей удалось помочь, добыть ли для нуждающихся квартиру, защитить ли беспомощного от преследования властей, конечно, рассказывали об этом другим, а бед кругом было не счесть.

Поскольку доброта ее была в высшей степени заразной, у нее оказывалось немало помощников, и представьте, далеко не все они были добровольными. Люди, которых никак нельзя было бы заподозрить в мягкосердечии, сострадании или излишней любви к ближнему, должностные лица, которые, подобно шварцевскому коту, предпочли бы стоять в стороне, чтобы пламя боя случайно не опалило их шкурку, сами того не желая, ввязывались в борьбу за правое дело. Просто не успевают оглянуться, как уже вовсю трудятся — за кого-то хлопчут, пишут бумаги, звонят и даже ездят для нужных переговоров. Стонут подчас и проклинаяют жизнь — но ездят.

— Как приятно вас видеть, — неосторожно сказала как-то одно отчасти размякшее при виде Фриды должностное лицо, — вы прямо вся светитесь!

«Ах, свечусь, — отметила про себя Фрида. — Ничего. Ты за это у меня поработаешь».

И должностное лицо работало, «возило воду», потому что отказать Фриде в какой бы то ни было просьбе было уже не в состоянии.

Кто же был, однако, ее драконом? С кем же вела она свой бой?

Если я скажу — ложь, равнодушие, предательство, жестокость, это не будет отвлеченностью, потому что все эти явления существуют только в людях и осуществляются через людей, а следовательно, она неизбежно должна была сталкиваться с теми, кто врал, кто равнодушием или жестокостью уродовал людские судьбы. Зло во всех его видах.

Она много вмешивалась в жизнь, особенно когда дело принимало «негодующий оборот». Как она умела, кстати сказать, найти эти слова и фразы (как бы с пылу с жару, только что испеченные самой жизнью!). Конечно, она прежде всего появлялась именно там, где дело принимало «негодующий оборот», полагая, что имеется достаточное число журналистов, которые опишут благополучие и успех, — тогда еще люди критикующие и бичующие тихо сидели по углам, и кто осмелится их корить? Свое место она видела там, где неблагополучно. Работа ее была трудной: вы думаете, это просто — спасти человека, пораженного клеветой? Или освободить невинно осужденного? Или вернуть силы сломленному? И депутатский прием (года за два до смерти ее выбрали депутатом районного Совета) был для нее трудной работой: ей, разумеется, и в голову бы не пришло послать человека «по инстанциям» или отделаться от него заведомо пустыми обещаниями.

Любопытно, что одновременно с ней был избран депутатом того же райсовета молодой писатель, который реальной депутатской работы вести не собирался. Однажды при встрече Фрида сказала ему, что для него, молодого писателя, такая работа могла бы, кроме всего прочего, стать небесполезной. Писатель выслушал ее молча, поклонился и ушел. И напрасно. Фрида имела в виду, конечно, не «собрание материала» (сама она много бродила по жизни, но, как я думаю, никогда не ставила себе такую отстраненно холодную цель — «собрания материала» для будущих произведений). Рассказала она об этом холодно, без комментариев.

Что говорить, жаль было видеть, как ее время и силы уходили на то, чтобы, предположим, добыть квартиру для какой-нибудь семьи. Но в том-то все и дело, что для нее всякая семья, нуждающаяся в помощи, тотчас переставала быть «какой-нибудь», а была данными страдающими людьми, данными детьми, спящими вповалку. И нужно прочесть ее депутатский блокнот (являющий собой, кстати, замечательный образец публицистики), чтобы понять, как глубоко врезалась она в сердцевину жизни.

Главным (и последним) ее делом была попытка спасти поэта Иосифа Бродского, ныне всемирно известного лауреата Нобелевской премии, — ленинградские власти обвинили его в тунеядстве (в их глазах поэзия полезным делом и вообще делом не являлась), и ему, таким образом, грозил суд, иначе говоря, судебная расправа: судьи в те времена были на коротком поводку у следственных органов, а уж если дело вышло из рук КГБ и должно было стать основой шумного политического процесса, результат сомнений не вызывал. Бродский уже тогда был очень популярен в Ленинграде, особенно среди молодежи, и власти решили его «пресечь».

Дело это достаточно известно — известно именно благодаря Фриде. Обычно суть подобного рода процессов до людей не доходила, информация шла только от официальной печати, которая, будучи на том же коротком поводку, лгала, сколько умела (зато как умела!). Фриде огромными усилиями удалось записать процесс, запись его пошла бродить по стране (и даже перешла границу), повсюду возбуждая негодование и гнев, а стало быть, изо всех сил просветительствуя.

Я хорошо помню это дело, потому что Фрида хотела, чтобы я в связи с ним поехала в Ленинград (это было еще до суда), а член редколлегии «Известий» Любовь Михайловна Иванова, человек замечательный, сделавший для культуры и уровня нашей публицистики, а также для развития в стране педагогики очень много, послала меня в командировку, которая имела какой-то, не помню уже какой, но очень культурно-добродетельный предлог — и тайное задание: разобраться в деле Бродского. Таким образом, я познакомилась с той, простите, шпаной, которая фабриковала это дело, с ее нехитрыми, зато исполненными редкой подлости приемами: один из главных активистов этой провокации поехал, например, по всем издательствам, где у Бродского были заключены договоры (очевидно доказывающие, что он не «тунеядец», а рабочий человек), приходил к начальству от имени ленинградских властей, рассказывал о поэте разные страсти (хотел, мол, угнать самолет) и показывал чьи-то «развратные» фотографии, утверждая, что это и есть Бродский. Начальство Бродского в лицо не знало, сильно пугалось, все договоры были расторгнуты один за другим — таким образом и был изготовлен тунеядец.

Поездка моя результатов не дала, наша затея в конце концов была разоблачена тогдашним ленинградским собкором «Известий», и мне перестали показывать материалы дела, зато она дала мне, несмотря на столь тяжкий сюжет, все же немало радостей: знакомство с Бродским (помню, потом, после его освобождения, Фриды уже не было в живых, мы встретились с ним возле здания Ленинградского городского суда, где, кстати, некогда помещалось знаменитое III Отделение его императорского величества канцелярии, принесшее столько мучений нашей

литературе, — «культурная преемственность» была очевидна); знакомство с благородными людьми, его защищавшими (в те времена дело было небезопасное), с Я. А. Гординым, например, и другими. И даже возможность единожды в жизни поговорить с Ахматовой!

Для Фриды, отдавшей делу Бродского все помыслы, все силы и время, положившей вот именно что всю душу свою для спасения молодого поэта от унижений и боли, поражение в этом деле было страшным ударом. Никто из близких ей не сомневается, что этим поражением была приближена самая ее смерть.

И все же рассказ о ней никак нельзя закончить темой смерти и поражения. Все равно память хранит ее победительницей (правда, вовсе не триумфальной). Непостижимым образом ей удавалось топить улицу, сила ее воздействия на людей была удивительна. Я думаю, что даже те, что когда-то вопреки собственному желанию «возил для нее воду», понимают теперь, что становились лучше, и по части мировоззрения у них тогда тоже дела обстояли благополучнее.

Она жила в другом времени — и необходима нашему. Может быть, именно сегодня ее облик приобретает истинный масштаб и с точки зрения жизненной философии, и с точки зрения практики жизни.

Казалось бы, мы сильно продвинулись нынче по пути гуманизма. В 60-е годы слова «милосердие», «сострадание» звучали дико (далее «сочувствия» продвинуться в печати было невозможно), если бы кто и отважился их написать, они все равно погибли бы под пером редактора. Сейчас они всплыли, стали едва ли не дежурными — и прекрасно соседствуют с диким ожесточением сердец; да, несмотря на все фонды милосердия и помощи. Это просто поразительно: чем больше слов о сострадании, тем сильнее ненависть, зависть, подозрительность. Злоба гуляет на просторе митингов — эти разинутые рты, эти выпученные глаза, этот рев «Долой!» и «Руки прочь!» — и достигает такого накала, при котором человеческие чувства просто испаряются. В дни истерии и всеобщего безумия спокойный сильный образ писательницы, ее духовный склад, нравственный облик, общественная деятельность, способ жить — все это приобретает совсем особое значение. Она работала, в этом ее жизнь, ее счастье. Работала каждый день, работала, повинувшись тому самому — веселому, отважному девизу («говори, что знаешь, делай, что должно...»), ведомая сочувствием к любому, независимо от его социальной группы и национальной принадлежности, состраданием и жалостью. И тут — в последний раз — Евгений Шварц, чей «Дракон» тоже сейчас набирает силу.

«Не бойтесь, — говорит, обращаясь к людям, смертельно раненный Ланцелот, и слова его как никогда актуальны. — Это можно — не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте

друг друга. Жалейте — и вы будете счастливы! Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле».

Здесь все совпадает — вплоть до смертельной раны.

Жалостью пронизаны ее дневники, журналистский и депутатский, острой, щемящей жалостью: жалостью и гневом — это жесткая проза. Поразительна их современность: словно и не прошло четверти века с тех пор, как они написаны, — верный знак точности ее попадания, а равно и того, что глубинные жизненные пласты «застоя» еще не потревожены. Но за каждым словом тут, и это нам особенно важно, видны, так сказать, засученные рукава работника, который знает, что дел, которые он должен сделать, непочатый край.

«ВЕРТОЛЕТ МЫ, КОНЕЧНО, ДОБУДЕМ»

Игорь Воскресенский (1926–1972). Переписка

Однажды Нора Галь как редактор получила из издательства работу неизвестного ей молодого переводчика. Исправлять чужой текст без обсуждения с автором она не позволяла себе никогда — хоть ей самой постоянно приходилось сталкиваться с бесцеремонными редакторами, вторгавшимися в ее переводы. Но оказалось, что Игорь Семенович Воскресенский живет в деревне под Калинином (ныне опять Тверь), без телефона, парализован, инвалид. И — талантлив. Нора Галь приняла в сердце его судьбу. Сперва она шлет ему подробные письма, серьезную правку, притом со всей деликатностью, чтоб не обидеть. Даже переписывает для него английский текст рассказа Брет Гарта — это со своей больной рукой и при вечной занятости — но лишний экземпляр книги не удалось послать. Затем пытается добиться еще работы для него — а это в те времена ох как трудно, да еще для безвестного автора из глубинки. Шлет просьбы в «Прогресс», в «Московский комсомолец», то же в «Ровесник». И надо как-то справляться с его тяжелейшей болезнью. Нора Галь находит в Москве лучшего специалиста-врача, ходит по начальству вплоть до министра здравоохранения — это она-то, труженица-затворница, с утра до ночи за письменным столом, за пишущей машинкой, никогда ничего не просившая для себя! И наконец (для меня это просто фантастика) уверенно пишет Игорю: «Вертолет мы, конечно, добудем». И добывает! Уж не знаю, как. Никогда об этом не рассказывала.

Директору издательства «Прогресс» Е.В. Блинову

Глубокоуважаемый Евгений Владимирович!

Уже несколько лет в В/издательстве готовится к печати сборник рассказов американских писателей, составленный Е.С. Романовой. В числе принятых рассказов есть небольшой перевод из Эрскина Колдуэла, выполненный И. Воскресенским.

Судьба Игоря Воскресенского — необычная и трагическая. О ней в конце октября 1960 г. писала «Литература и жизнь» в статье «Когда человеку трудно».

Осенью 1941 г. группа женщин и подростков, в том числе сын сельского учителя 15-летний Игорь, угоняли от гитлеровцев колхозное стадо. Шли долгие месяцы, до самого Урала — под дождем и снегом, разутые, ночевали под открытым небом. Игорь заболел тяжелой, неизлечимой болезнью — анкилозирующим полиартритом. В отличие от Ник. Островского у него, по счастью, сохранилось зрение, но уже больше 20-ти лет он инвалид 1-й группы. Живет в селе Ильинском Калининской обл. Прикованный к постели, в очень трудных условиях заочно окончил английский факультет Московского Иняза. В 1956 г. мне как редактору попал в руки его первый перевод, и я тогда же отметила, что он талантлив.

Переводы Воскресенского появлялись в Гослитиздате (сборники рассказов Арн. Беннета и новозеландских писателей в приложениях к «Огоньку», Дж. Лондон, Уэллс, Голсуорси, Брет Гарт).

Не говоря о материальной поддержке (она более чем скромна, ведь человек тяжело болен, работает медленно и понемногу — примерно $\frac{1}{2}$ –2 листа в год!), опубликование его переводов дает ему сознание хоть какой-то полезности. Повторяю, тут нет ни капли филантропии. И. Воскресенский по-настоящему талантлив.

Только справедливо помочь человеку достойному и одаренному, пока он еще может работать. К сожалению, все это ненадолго, он обречен, как обречен был Н. Островский.

Если бы Вы могли поручить ему перевод с английского объемом в $\frac{1}{2}$ –3 листа сроком на год–два, т.е. из дальнего плана, это его очень поддержало бы — прежде всего психологически, что бесконечно важно. В этом случае прошу сообщить мне, так как у меня с ним постоянная связь, он считает себя моим учеником и я при всех условиях за него отвечаю. Работает он отлично, но т.к. тяжело болен и живет в глуши, работа для него нужна небольшая и не срочная.

И еще одна просьба, совсем простая и более неотложная. В Вашем (кажется, только в Вашем) издательстве такой порядок, что представленные Вам переводы не должны раньше появляться в периодике. Прошу сделать для небольшого рассказа Э. Колдуэла в переводе И. Воскресенского исключение. Разрешите мне предложить его в один из московских журналов, хотя бы в «Ровесник». Ведь готовящийся у Вас сборник лежит уже несколько лет и я просто не знаю, дождется ли его тяжело больной Воскресенский. А появление еще одной работы в печати сейчас очень бы его подбодрило. Разрешите также получить один из представленных издательству экземпля-

ров — у переводчика копии не сохранилось, он ведь лежит, пишет с большим трудом.

Надеюсь, что Вы отзоветесь на мою просьбу.

Уважающая Вас НГ

14/III 67

* * *

3/XI-68, вечер

Милый Корней Иванович!

Спасибо Вам огромное за очень дорогой подарок. Раечка мне говорила, что Вы пишете (кажется, для «Моск. Комсомольца») о С. Н. Воскресенском, но о радиопередаче я не знала, случайно услышала Ваш голос, включила погромче. Это — праздник. Я ведь 8 лет знаю эту семью, сын С. Н. Игорь — мой «подшефный», я к нему ездила в Ильинское, работала с ним, переписываюсь. Вероятно Вы слышали от Фридошки о судьбе Игоря. Она тоже приняла в нем участие и очень помогла. А месяц назад ему пришлось отнять ногу, он сейчас в Калинин в больнице и, дб, не мог слышать Вас. Но Лида (мед. сестра из стихотворения, жена Игоря) и сам С. Н., наверно, слышали — только они двое пока еще в Ильинском, на днях тоже переберутся в Калинин. Это для всей семьи жестокая ломка, рвутся корни. И так вовремя Ваше доброе слово, такая поддержка! Надеюсь очень, что после этого и вправду издадут стихи С. Н. прежде, чем в Калинин в 72 г. Он мне их читал летом 61-го, когда я приезжала в «Родник», сразу подарил, а Игорь присылал еще не тронутые редакторами варианты. Знакомый Вам «корявый почерк» — явно Игоря. С. Н. тогда, до операции, писать не мог, почти не видел, а Игорь затрудненно владеет рукой. Поистине многострадальная семья. Игорь ведь тоже огромно талантлив, но ему-то не пришлось выразить, сейчас ему не до переводов.

Простите, что написала так много и бестолково. Судьба Воскресенских — это очень мое, и то, что сейчас было по радио, для меня просто счастье.

Здоровья Вам и радости, дорогой Корней Иванович!

Н.Г.

* * *

Дорогой Михаил Павлович! (Дядя Игоря Воскресенского)

Хочу сразу же Вам отчитаться, хотя достижений пока практически никаких нет. Сегодня я была на приеме у зам. министра здравоохранения РСФСР Ал. Петр. Романова (надеялась говорить с министром, но он оказался в отъезде). Романов взял у меня 2 документа:

ходатайство Секретариата Союза писателей о том, чтобы Игоря госпитализировали, и мед. заключение Гиллера* [*Гиллер Вильям Ефремович — главврач Поликлиники Литфонда] с которым Вы говорили. Все остальные документы Игоря (история болезни, рентген) у меня на руках. Вы можете за них быть совершенно спокойны. Романов пообещал «посоветоваться с товарищами», с помощниками министра здравоохранения СССР и дать мне знать через нашу поликлинику, но тут же сказал, что нам следует обратиться прямо к С. В. Курашову. Дело в том, что по совету Гиллера писательская организация просила о Центральной б-це Мин-ва здр. РСФСР (Измайлово, т. е. Москва), а по мнению Романова там мало чем могут помочь и лучше обратиться опять в ЦИТО, ведь с тех пор, как Игорь там был, прошло 12 лет. А ЦИТО — союзного подчинения, так же как и Институт курортологии, о котором мне тоже говорят товарищи.

В понедельник я попрошу товарищей из н/поликлиники позвонить Романову; если он начнет тянуть, ему позвонят прямо из Секретариата ССП — они имеют право официально требовать ответа. И если он не договорится с заместителями Курашова сам, наши обратятся уже прямо к Курашову, я опять сама пойду с письмом и постараюсь поговорить. Как ни печально, это может потянуться, но товарищи из писательской организации, думаю, помогут это все же ускорить. Все-таки Романов принял меня уже сегодня, 26-го, а ведь Вы были в Москве 23-го. Во всяком случае, будем добиваться. Как только выяснится что-либо определенное, я, конечно, дам Вам знать. Игоря, мне кажется, пока тревожить подробностями не стоит, но я ему напишу, что после Вашего приезда дело двинулось.

Горько, что я до В/приезда все же толком не понимала состояния Игоря, помимо всего, я не знала, что это ТА ЖЕ болезнь, какая была у Ник. Островского. Я думала, что его состояние на худой конец стабильно, и заботилась прежде всего о работе для него, о зарплате, о книгах. Ни в одном письме его, ни в разговорах, когда я приезжала летом, не было ничего такого, чтобы я поняла, что болезнь прогрессирует, иначе я, разумеется, забила бы в набат еще год назад — ужасно, что столько времени потеряно! Я понимаю, что чуда не будет, но хоть бы остановить дальнейший ход болезни! Если он сможет работать, как сейчас — интересно, успешно, по специальности, которую, мне кажется, любит, если болезнь ему не мешает, это уже много.

Сегодня мы начали переезжать, писать мне можно уже по новому адресу. А если у меня будет что-нб новое, немедленно сообщу Вам.

Будьте здоровы, всего Вам доброго!

Н.Г.

26/I-62

* * *

Дорогой Игорь Семенович, стало быть, Вы грипповали — чуяло мое сердце! Я как раз написала уже тревожную открытку по поводу Вашего затянувшегося молчания, собралась отправить, как пришло В/заказное с «Ветром». С него тогда и начну. Читается он сейчас по-русски хорошо, но, конечно, и тут я по чистому еще наловила разного.

стр. 1. 10 сн. — своей волей делаю — на нервы действовал ПРЕскверно, мне кажется, я уже предлагала. Если у Вас обоснованные возражения — объясните, ладно? А мне кажется, простое «скверно» здесь безличнее.

стр. 3, серед. — при том, что есть ФУНТЫ, СТЕРЛИНГОВ уже не обязательно, эта ден. единица известна.

[...] Тут встает один общий вопрос. В этом рассказе очень просится система так наз. внутреннего монолога, потока сознания — хочется почти всюду передавать не разговорную речь почти разговорной, т.к. это мысли и ощущения героев, в основном Фр-ка. Тогда надо было бы, скажем, здесь тоже все делать через ощущение девочки — и, конечно, в наст. времени. Этот прием очень оживляет текст, убирает лишние «был, было». Но мне-то кажется (м. б. и ошибаюсь), что Беннет для этого приема несколько старомоден. Не знаю, читали ли Вы Хемингуэя, вот выйдет мой Олдингтон — пришлю, и Вы увидите, там почти все сделано именно этим способом — изнутри, через самих героев. Возможно, что редактором (внешним) Беннета будет одна из моих друзей, человек с отличным чутьем, и тогда мы вместе еще подумаем над этим в применении к Б. вообще.

Стр. 8 — No harm здесь и можно передать буквальнее, но в речи все-таки не ахти, лучше — «Ну ничего! Ничего!». И лучше сделать «ДОСТАВЬ» удовольствие, а не СДЕЛАЙ — так говорят, но это не оч. правильно, а он вполне грамотен.

Правильно не ДЛЯ МЕНЯ ясно, а МНЕ ясно. Заодно — не обижайтесь — ЧЕРЕСЧУР пишется вместе.

Стр. 11, абз. Разрыв между ними — переставляю, ничуть об этом не жалела. Почти всегда в англ. фразе личные и указат. местоимения стоят в конце, а по-русски это почти всегда плохо, ударения-то интонационные и логические у нас и у англичан попадают на разные места! Тут же вместо Вот ЗДЕСЬ-ТО ДЕЛАЮТ — вот ТУТ-то. Не смейтесь, не такая уж это придирка: ЗДЕСЬ — все-таки только о МЕСТЕ, оттенка ВРЕМЕНИ в этом словечке нет, а ТУТ, вот тут, вот тут-то почти всегда — о времени (обстоятельственно — вот в эту, так сказать роковую минуту). Попробуйте проверить эту мою идейку.

В конце того же абз. — понимаю, почему Вы сделали «задергалась», но что-то в этом есть натуралистически неправильное, м. б. упиралась?

Стр. 12 — «Малышка» кое-где, особенно в речи родителей, хорошо стала, но на 4 св. делаю «Маленькая Джо» (малышка с именем плохо сочетается). О шофере: руль то Вправо, то Влево, но головы при этом не поворачивал — во-1-х, ближе подходит и понятнее по смыслу, во-2-х, человек может СТАТЬ как вкопанный, но не СИДЕТЬ — это очень не ахти! Чуть дальше м. б. не С НИМИ, а ПРИ НИХ был ребенок.

Стр. 13, серед. — лучше не ВЫГЛЯДЕЛА гордо и непреклонно, а ДЕРЖАЛАСЬ, мне кажется.

Стр. 14, к концу — яснее не НИКОГО НЕТ, а — но ВЕДЬ НЕКОМУ (покатать), т. е. мужа она за человека не считает, так ехиднее. И ответ — не хуже ДРУГИХ (любого другого — переводно). Последняя строка — естественней: Вы меня довезете за два часа, не больше, правда? — и ответ: ... ЗА полтора...

Стр. 15, 3 св. — не надо СВОЙ час, это калька, переводизм. Так же 7 св. — остатки не свойственной Вам тяжеловесности: проще — изумилО, что мать, как видно, вовсе не заботилась о ребенке. В конце ее ответа тоже казенно и тяжело, делаю: ... чтобы дети ДАЖЕ СОВСЕМ МАЛЕНЬКИЕ, так уж страдали, КОГДА НАРУШАЮТ их привычки. НАРУШЕНИЕ ПРИВЫЧКИ особенно плохо, это частый переводческий — вообще не Ваш! — порок: столкновение существительных, одно в родит. падеже, да еще отглагольное!

В след. абз. — он не заметил (как нечто случайное), а увидел прибор. И насчет балок — все же потолочные балки не просто украшение, а просто С балками — даже не очень зримо, предлагаю — в столовой, ГДЕ ПЕРЕКРЕЩИВАЛИСЬ НА ПОТОЛКЕ дуб. балки; здесь Уже ЖДАЛА кухарка (п. ч. дальше 2 «же»), еще одно такое же интонационное «и» — и не случайно она тут оказалась.

Стр. 17, 1 св. — для разнообразия можно «с МЛАДЕНЦЕМ», у Б. это слово частое, а у Вас (вообще по-русски) мало где можно, тут же становится хорошо. В вопле Ф-ка ниже лучше — Не могу я больше! И эмоциональнее, и не будет близко 2 подударных «у» (комУ-могУ). Да, и не надо по щеке ПЕСКОМ, это уже отсебятина.

Последняя строка — помнится, я уже сомневалась, сгибался ли он ПОД ветром, как былинка, или — навстречу, пробивая его, так сказать, лбом. Не трогаю, но Вы подумайте секунду, ладно?

Стр. 18, 1 св. — не заслуживает внимания скучно, лучше ПУСТЯЧНЫЙ, но я еще делаю не случай, а происшествие, т.к. чуть дальше у Вас был упущен оттенок с opportunity — не довелось, а именно — тут представился случай посмотреть вблизи на то, что его интересовало. И в конце абз. опять облегчаю некоторый канцеляризм Ваш: все это НЕ БЕДА — ЗАТО НА ДУШЕ У НЕГО СРАЗУ ПОЛЕГЧАЛО — чувствуете? Вот такие вещи, я твердо убеждена, Вы можете делать сами, ведь ЭТО

НИЧТО ПО СРАВНЕНИЮ С ЛЕГКОСТЬЮ, КОТОРУЮ — семипудово и Вам не свойственно.

В след. абз. меняю кое-какие эпитеты: лучше без чужого ГРАНДИ-ОЗНЫЙ, тут просится великолепный, поэтому выше делаю — прекрасного образца. А краски — ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЕ (еще м. б., подумаем, чтоб не перекликалось с соседними изумИТЕЛЬНЫМИ?). В стр. 3 сн. переставляю — отдых, покой! — и как-то естественней, мне кажется, и не надо совсем рядом отДЫХ — взДОХнул.

Теперь вот что важно, я все же не уверена насчет завода и мельницы, но еще не успела — не с кем было — об этом посоветоваться. Необъятность и громадность больше ведь — по сравнению с крохотной Джо, да и вообще ветряные мельницы, с которыми воевал Дон Кихот, штука внушительная, солидно сложены ее стены. А непонятное bare-armed, м. б., как раз о крыльях. Мрачность тоже может быть не от закопченности, а от заброшенности, муки давным-давно нет (она, м. б., полвека не работает!). Словом, тут есть много ЗА и ПРОТИВ, я найду человека, к-рый твердо скажет, возможно ли понять это так или эдак, сама не рискую заменять сейчас завод, но сомневаюсь в нем по-прежнему.

Стр. 19, 7 св. фигурки — людей уже лишнее... Дальше крохотное упущение, по-англ. оттенок — не просто состоял членом клуба, а ДОБИЛСЯ, ЧТОБЫ ЕГО ПРИНЯЛИ В этот клуб. Начало последн. абз. — не на девочку, давайте на ДОЧКУ. И в конце — продолжаю сомневаться, чтобы какой ни на есть англичанин прыгал через забор, его могут увидеть, а зрители его смущают — помните? И, раз у Б. нет оснований для ПРОЛЕЗ СКВОЗЬ и ПЕРЕПРЫГНУЛ ЧЕРЕЗ, сделаем лучше нейтрально — миновал лужайки, изгородь, заборчик и очутился, — так оно безопаснее.

стр. 20, 4 св. — кажется, я писала: раздевалка — очень современно, давайте — в гардеробной. Чуть ниже: гонимые бурей с неистовой силой — что-то стихотворное, давайте — гонимые неистовой бурей. В конце абз. — дочери слишком солидно, м. б., все же дочке? Дальше, 5 сн. — ЖЕСТОКОЙ несправедливости (страшные были не раз).

Стр. 21 — Ремешки меня опять смущают, не забудьте, рассказ не сегодняшний, в те времена никаких молний не было, едва ли ребенка в коляске даже мягкими, но ремнями привязывали. М. б., завязать ленты, широкую прочную тесьму? Пока не меняю. В конце абз. — шевелюра, какой, наверно, НЕ МОГ ПОХВАСТАТЬ — ладно? Глагол ИМЕТЬ почти всегда искусствен, все-таки это иноязычное, вспомогательное что-то, по-русски в таких случаях лучше, пожалуй, — какой еще не бывало ни у кого.

5 сн. — м. б., — не его ЖАЛКИЙ вид? (промок насквозь; слово ВИД само по себе не ахти, а с гарниром вроде лучше).

Стр. 24, 6 св. разговорнее — Никакого ребенка я не видАла... Я ДУМАЛ, нянька и т. д. (без что). Ниже: И Эдна тоже не могла... И ЛИШЬ (без 2-го тоже). И в последн. реплике: НЕ МОГЛА ОНА САМА ВЫБРАТЬСЯ из коляски. Не смущайтесь 3-ей коляской, зато фраза звучит естественнее и эмоциональнее при таком строе и порядке слов, как и речь этого садовника, у кот. грамматически правильный порядок слов тоже ведь — не по характеру и не по речи его. Вам как раз в большой степени присуща хорошая речь, в частности прямая, но инверсией Вы не всегда владеете. Хорошо бы произносить фразу вслух, тогда сразу ее иначе слышишь и ощущаешь на вкус и яснее чувствуешь, когда правильность, книжность не к месту.

Конец стр. 24 у Вас внушительен и даже поэтичен, но уж оч. волен, ничего не надо вздымать к небу, бревна, думаю, еще не переломаны, а лишь начинают вылезать, торчать во все стороны и ломаться. Поэтому: ... сползал набок, во все стороны выпирали балки и стропила.

Начало стр. 25 — плохо еще и однотипное перепонки — звуки, давайте — этот адский шум. Вас, видно, смущало, что шум слабоват после грохота и пр. но ведь АДСКИЙ это перекрывает. В след. фразе ВЕСЬ ужас и рядом Все подвиги — и вообще весь ужас намерений что-то не ахти. Думаю: раскрыл СВОИ ГРОЗНЫЕ намерения, и дальше — не Показались, а Оказались пустой забавой. Буря достигла высшей точки — СВОЕЙ лишнее (как СВОЙ чай раньше). Дуб выворотило не с корНЕМ, а с корНЯМИ, по-моему.

В след. абз. тоже не Ваше — ничем не отличавшиеся от тех, к-рые Ф-к видел еще до того, как — скучно и тяжело. Давайте, м. б. волны, — Ф-к заметил их еще до того и пр.

Реплика Эдны, думаю, вполне возможна такая: Если наша малышка — или м. б., крошка? В следующей строке, конечно, не казенное НАХОДИТЬСЯ, а хоть ОЧУТИТЬСЯ.

Начало стр. 26 — лучше — Эдна НЕВОЛЬНО протянула девочку... — бессознательно что-то очень длинно. А ведь мы с вами уже установили, что короткое слово почти всегда лучше длинного, как и короткая фраза почти всегда лучше длинной (если длинная не нужна специально по стилю автора, но и тогда длиною не надо злоупотреблять).

Снова, в который уже раз хочу сказать Вам: не путайтесь и не огорчайтесь, что правки по количеству много. Ведь далеко не вся она — в укор Вам по качеству, и — скажу нахально — далеко не всякий редактор стал бы так придираться к мелочам, многое делаю не потому, что у Вас плохо, а потому, что хочу на наглядных примерах показать, как (мне кажется) можно делать лучше — и во многих случаях это даже не так важно для ЭТОГО текста, как — для будущих, т. е. это именно раскрытие приемов, техники нашего дела, штука чисто учебная. Как раз между «Гостем» и «Ветром» (по 2-му заходу) я смотрела — 1-й и единств.

раз — 2 рассказа Беннета же, переведенные моей ученицей 48—50 гг., человек она способный, окончила очный иняз, немножко даже печатала переводы, а потом уехала с мужем-агрономом под Барнаул, растит троих ребят, живет не слишком легко, переводы кое-какие делала технические — и, конечно, оторвалась и много забыла из старого багажа и моих нотаций. И с огорчением за нее и с радостью за Вас я видела на каждом шагу, насколько лучше у Вас основная ткань, фактура русской фразы, а это — самое важное.

«Гостя» я вчера отправила с курьером Наташе [Высоцкой, редактору] (до того, как пришел пакет от Вас), сегодня сказала ей, что могу отдать уже и «Ветра», т. к. сидела над ним вчера допоздна, а сейчас спозаранку печатала вот это для Вас и тем самым могу отослать ей оба экз. с правкой. К сожалению, пока книга, видимо, задерживается, я ведь Вам писала об издательских делах. Но все-таки я не рискую отсылать Вам рассказ, чтоб Вы смотрели новую мою правку. Лучше пусть тексты будут здесь, под рукой, у изд-ва всегда что-то может измениться и книга неожиданно проскочит. А у Вас ведь есть экз. предыдущий, Вы уж по нему поглядите и новую правку — и все, что измените, я здесь внесу.

Была у меня паника из-за Голсуорси, там так все расхватано, оказывается, что беда. Главное, рассказы-то в ближайших томах, а я ведь знаю, что быстро Вы не сможете, тем более, что он труден. Но выход все же наметился. Во-1-х, я согласилась редактировать последний, 16-й том (я — редактор — должна буду сдать его окончательно 10/V, а от всех прочих дел надеюсь освободиться к 1 апр. — напряженные будут месяцы, но успеть можно). Том этот состоит из писем и публицистики, почти весь его будет переводить М. Ф. Лорие, т. к. он труден и ответственен. Она сразу предложила, узнав, что к рассказам доступа нет, дать Вам что-нб оттуда — полегче, конечно. Все же я выдержала бой с начальством огоньковским, к-рое очень заинтересовано в моей редакции, даже напомнила (этого ради себя не сделаешь), что сама я в этих 16-ти томах не получаю ни строки перевода — и он обещал пересмотреть все списки рассказов в поздних томах, к-рые, к сожалению, в значит. части уже переведены и издавались раньше. Томы 14—15 и пьесы, тоже переведенные или розданные. Но в 11 или 13 томах, надеюсь, начальство все же что-то подберет для Вас, а остальное добавит Мария Фед.* [*М. Ф. Лорие] публицистикой. Беда, что это издание распределялось летом, когда мы были в Малеевке, МФ тоже уезжала. Вы поймете, как эти вещи делаются, если я скажу, что другая старая переводчица и редактор Г-сиевского сборника для Гослита, к-рая мне обещала подобрать для Вас что-нб (мы были вместе в Малеевке), оказалась начисто отстранена от Огоньковского изд., хотя редактируемый ее сб. Г=си войдет и в Огоньковское изд.

Короче говоря, м. б., мне и не удастся получить 3 листа, но $1\frac{1}{2}$ — 2 все же надеюсь выдрать. А то, что часть — публицистика — не так плохо, этому тоже надо научиться. Сделать надо будет, видимо, не позже января. Что именно и как Вам дадут, выяснится, наверно, в ближайшие дней 10, сразу напишу.

Как-то Вы и все Ваши после гриппа? Нет ли осложнений. Как Лида выглядит и чувствует себя? Останется ли в санатории? Как, соответственно, с В/отъездом в Калининград? Обо всем хотелось бы знать подробно. Понимаю, что Вы устали сверх меры и Вам не до больших писем, но когда сможете, напишите все же всерьез, я на многие свои вопросы жду ответа. А если сейчас не под силу, то хоть коротко и об основном — о Вашем и всех здоровье сейчас. Москва, как всегда, гриппует. Печку ведь у нас не затопишь, живем, как в погребе, пока не будет распоряжения свыше — топить и в домах, а не только в учреждениях. Я тоже уже вылезла из одного бронхита и только гляжу, как бы не подхватить другой. Счастье, что Раечка завтра едет на юг и Эдда тоже еще 2 недели там погрееется. Ближайшие месяцы у нас тяжкие, очень много работы, вздохнем к весне.

Всего Вам доброго, жму руку. Сердечный привет всем.

Н.Г.
15/IX-61

* * *

Дорогой Игорь Семенович!

«Ловец» уже у редактора Марии Ефимовны Абкиной. «Липу», к счастью, можно не делать! С этим «Стадом» я все-таки задержалась, уж очень жизнь суматошная, и при перепечатке еще пропустила неск. строк. Пришлось впечатывать, так что вышло не ахти в смысле аккуратности, но это не страшно. Поскольку нас торопят, редактору и так будет ясно, что это экземпляр, с к-рым еще работа, а перепечатывать еще раз Вам ни в коем случае не надо — время!! Т. к. все делалось оч. спешно, я потом еще посоветовалась с моим другом и редактором — так наз. «старшей Эддой»* [*Эдварда Иосифовна Кабалевская], есть у меня такая старая приятельница, долгие годы преподающая английский в мин-ве внеш. торговли и знающая его идеально, а в последние годы она много редактирует в Гослите. Ее замечания и предложения — карандашом (моим) на полях. Если согласитесь, сделайте ЧЕРНИЛАМИ. 2—3 места малость недотянуты, подумайте, м. б., Вам что-нб придет в голову. В этом рассказе есть несколько трудных орешков. М. б., самое трудное — название и сквозной образ «раск». В сущности, это та же толпа, что у Горького в «Городе желтого дьявола» (тов), но есть явно оттенок «звериности», волчьей стаи (раск) — и этот бес или дьявол, с к-рым

тоже м. б., не все получилось (надо, чтоб в конце было так же, как на стр. 3 внизу с Дж-зом), — тоже бес second-handed не только по дрянности своей, но и по возрасту, т. е., думаю, преследовал еще пращуров — обезьян, когда они жили стадами.

Прочтите, голубчик, скорей, поправьте, подпишите и присылайте — тогда с «Совершенством» и «Королями» можно уже не так гнать! Очистится дня 3—4 лишних.

Всего доброго Вам и Вашим, самый сердечный привет! С нетерпением жду вестей.

15/I-62

* * *

Дорогой Игорь!

(а не сердитесь ли Вы за такую фамильярность? Просто Вы за этот год стали для меня своим, а я за 18 лет привыкла своих младших друзей и учеников называть по имени).

Есть у Вас недотяжки, начиная с названия: по Библии «Ловец человеков» а не душ, и еще есть разные обороты, к-рые придется проверить по Библии. Настоящего смыслового вранья я при первом просмотре не обнаружила, есть 2—3 сдвига, есть корявости — столкновения родит. падежей и переводные обороты (его можно было видеть стоящим). Все не очень страшно. Грустно, что такая спешка и так трудно Вам сейчас работать.

Делайте «Совершенство», оно, думаю, пойдет легче. Французский оборот, к-рого я сегодня по телефону не разобрала, означает — не слишком большой, умеренный успех, но перевод иноязычных вставок обычно дается в сноске, а в текст впишите именно по-французски. (А м. б., — у немногих, в узком кругу знатоков, избранных по контексту.)

Я бы очень хотела, чтоб Вы перевели хотя бы «Королей», это не больше 1½ стр. на машинке. Все-таки будет ТРИ рассказа. Пятый, последний рассказ («Липу») я сегодня в телефонном разговоре с редактором еще раз поставила под сомнение, м. б., ее все же выкинут.

...Как же обидно, если Мих. Павл. звонил и не застал меня! Вы сказали, что он систематически бывает в М-ве — непременно дайте какие-то координаты (срок ближайшего приезда, телефон, адрес, где он останавливается, тогда смогу сама его разыскать). Мы, видно, начнем переезжать дня через три и промаемся с неделю. Работа моя идет кувырком, быт тоже, об отдыхе и покое говорить нечего. Как полагается, именно в эти дни за фанерой непрерывные скандалы, крики, милиция, словом — весело. Отчаянно запустила Олдриджа и опоздаю с ним, но его-то, м. б., как-то еще удастся оттянуть, а вот с «Джеком Реймондом» меня уже начинают гнать, т. к. только его одного не хватает в уже го-

товом для печати двухтомнике. Придется — гром и молния — сдать 1 марта, а это около 8 листов, надо бы сесть прямо сейчас... Беда!

Мои Вам от души шлют привет и наилучшие пожелания, никто, разумеется, не в обиде, все знают, что Вам просто некогда отвечать. Хоть бы уж Ваши ребята поправились, все-таки полегчает. Обидно мне за Сем. Ник., представляю, как он наволновался из-за сборника. К сожалению, с таким «редактированием» встречаешься нередко. М. б., и в самом деле Егоров может помочь? Сегодня в Лит. газете сердитое и неглупое письмо Гевелинга об изданиях и распространении поэзии, очень хорошо, молодец он.

Извините, что книжная посылка такая бестолковая. Мы завалены книгами, связываем, пакуем, в такой спешке трудно разобраться. Наверно, к Вам попадет и что-то ненужное, потрепанное или устарелое. После моего переезда уж спокойнее разберется Раечка, у нее есть толковые однотомники, они Вам, м. б., больше пригодятся. Думаю, ненужное отдать в Ильинскую библиотеку или в школу, там это может найти применение, даже и неважные издания. А какие-то книжки, вероятно, Саше и даже Мишутке не сегодня завтра пригодятся.

Пишите сейчас, пожалуй, на имя и адрес Раечки — даже то, что относится непосредственно к работе. В нашем суматошном житье что-нб может и пропасть, а у нее я всегда быстро и исправно все получу.

Всего Вам доброго, сердечный привет и лучшие пожелания всем Вашим. Главное — здоровья бы, сил побольше, покоя побольше! Это самое трудное и самое важное. Когда схлынет маята с Голсуорси, надеюсь, напишете подробнее о делах и планах медицинских, буду тут советовать дальше.

Крепко жму руку — и, как говорится, не сердитесь, если что не так!

Ваша Н. Галь.

9 января 62 г.

* * *

Дорогой Игорь!

Вышло нескладно, Эдда не успела отправить Вам письмо днем. Сейчас пойдут два конверта: в одном Ваш экз. «Совершенства», в другом моя утренняя сопроводилка и это письмо. Вот Вы и столкнетесь сейчас с прихотями редакции: Абкина считает более правильным названием не «Совершенство», а «Шедевр» и не «Ловец человеков», а — душ, как было у Вас сначала, хотя М. Ф. Лорие сразу это оспорила. Беда в том, что мои книги, в том числе и Библия, уже упакованы и я не могу проверить, где именно в Евангелии сказано про этого самого ловца. Кроме того, Библия ведь тоже существует в разных переводах, и иные ее переводчи-

ки (под ред. самого Победоносцева!) писали даже не око за око, а... глаз за глаз! Окончательно это, видимо, еще будет решаться.

Сейчас я посмотрела правку «Ловца». Прислать его нет времени, я попросила у Марии Ефимовны на один день. Постараюсь выписать для Вас все существенное. Часть можно принять, кое-что, по-моему, неприемлемо — либо Вы сами исправите в верстке, к-рую Вам обязаны прислать, об этом я уже с нею (М. Е.) говорила, либо, м. б., пришлете свои возражения даже сейчас.

Теперь вот сложность: экземпляр, перепечатанный мною, не вполне совпадает с оставшимся у Вас, у меня меньше страниц. Придется обозначать начало каждого абзаца, а внутри Вы уж найдете, что к чему.

Глаза пастора сверкали ГНЕВОМ или он раздражался РЕЗКИМ ОТРЫВИСТЫМ СМЕХОМ — это тоже можно, только напишите: ГНЕВНО сверкали, чтобы не было параллели ГНЕВОМ — СМЕХОМ.

Он Говорил о... БЛАГОСТИ БОЖИЕЙ. ПО ЕГО соизволению — благодать хороша, но, боюсь, М. Е. просчиталась, Его о боге не напечатают с большой буквы — и выйдет, кажется, не ахти.

Речь: бога? — вместо ВОПЛОЩЕННОГО — после точки: ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ЕГО НА ЗЕМЛЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕРКОВЬ И Я, ее служитель — по-моему, никуда! М. б. — коего на земле представляет церковь и я... Чуть дальше — всегда пытались ВОССТАВАТЬ ПРОТИВ МОЕГО РУКОВОДСТВА — уж и не знаю, что с этим делать, звучит как фраза Игоря Ильинского — бюрократа Бывалова в фильме «Волга-Волга». М. б. — восставать против меня, своего пастыря? послушаться? Не знаю! Дальше — как ДОБРЫЙ хозяин — пусть. Нет! Мы богом поставлены — и лишь перед богом мы в ответе — порядок вполне возможный, подумать, что СВЯТАЯ церковь... НАСТАВНИК (вместо СТАРШИНА) — разумно. К концу абз. — в священном СТРЕМЛЕНИИ спасти... — разумно, О реве поющих: словно каждый В ЭТОЙ УГРЮМОЙ ТОЛПЕ... накопившееся в ЕГО сердце — разумно, да?

След. абз. — опять фермеры вместо крестьяне — не уверена, что это нужно, фермер тут — понятие более узкое. Порядок: Неустанный труд, вечная борьба... СДЕЛАЛИ ИХ ФИЛОСОФАМИ... усмотрел в ПРОПОВЕДИ ПАСТОРА, — м. б., все можно.

Реплика старика: ... Говорят: добро, любовь, а церковь только и твердит нам... И наш пастор таков же, как его церковь!

По словам старика выходило, будто вся церковь относится к людям так же, как их пастор, — была оплошка, видимо. Но слэнговая, вернее, корнуэльская фраза старика никак не должна быть простой перестановкой тех же слов, что в след. фразе автора. По смыслу М. Е., вероятно, права, но в форме я никак не уверена.

Третья реплика «пасомых»: Где нам... его МУДРЫЕ ПРОПОВЕДИ слушать — пожалуй, что и так.

Дальше БЕДНЯГУ она заменяет ПАСТОРОМ, хотя оттенок сожаления в тексте есть — если хотите, можно возразить.

Позднее... — не с усмешкой, а со смехом — пусть.

— Старик... МОЮ ПРОПОВЕДУЕТ — звучит интереснее, пусть так, в их устах это, пожалуй, равноценно слову РУГАЕТ.

Чуть ли не единственное очень хорошее слово (кроме церковных реалий, к-рые она, в общем, должна знать очень хорошо при своем опыте) М. Е. предложила в реплике экономки: тело... НЕЗАДАЧЛИВОГО джентльмена — чудесно!

Его похоронили в стороне от его ПРИХОЖАН — и, кроме известного мне «здесь покоится», к смущению моему, эпитафия выглядит так: ПАСТОР АНГЛИЙСКОЙ ЦЕРКВИ П... В... — совершенно правильно, инициалы, т. е. имя ПОСЛЕ звания.

Уф! Вот и все. Давайте свои соображения, только ПОСЛЕ «Королей» и «Стада» — ладно? К сожалению, теперь все это пойдет только завтра.

Жму руку НГ

* * *

Дорогой Игорь!

Вчера вечером отправила Вам открытку с вопросом о «Стаде», а в это самое время оно пришло к Раечке. Сегодня я его уже переправила к Марии Ефимовне. «Совершенство» ей тоже нравится, причем любопытно: год назад она редактировала этот рассказ в другом переводе для не пошедшего Гослитовского сборника и сейчас сравнила — Ваш перевод, по ее мнению, лучше: другой оказался «бойкий» — за счет отсебятины, — но лучше у Вас русская речь и вдумчивее, вернее решены все трудные места. Напечатают, разумеется, Вас, и мне важно ее мнение, т. к. при всех наших с нею «разногласиях» опыт у нее большой и сравнить ей есть с чем.

У меня физически не было еще времени посмотреть ее правку по «Сов-ву», постараюсь это сделать и написать Вам, а в крайнем случае, как я раньше писала, подождем до верстки — у Вас ведь копии или черновики остаются?

Теперь о «Стаде» — Ваша правка в большинстве случаев очень разумна. Сомнения у меня вот какие: на стр. 2 сверху, кажется, все же довольно было бы «далеко ему до однокурсников» — своих тут не годится, тогда придется повторить «его», а ведь ясно, до чьих — и «еще» кажется, ни к чему. К концу того же большого абз. — осточертел — слово хорошее, но боюсь, что Голсуорси не очень свойственно чертыхаться, англ. цензура в начале века была еще на этот счет строга. Ну, это на усмотрение М. Е. В конце стр. 3 Вы сделали ближе к тексту, но этот «сорт», да

еще плюс «вещи» очень оскучняет фразу. М. б., все же — Не такие мы люди, чтоб забавляться?

На стр. 2 в конце я того осточертевшего балбеса исправляла на болвана, так как дальше кличка — Балбес Бийл. А на стр. 4 — Вы, видно, сами спохватилась, — Джоз явно просто сокращенное имя (остальные все названы по фамилиям), а не прозвище. И чуть ниже, думаю, «студенты» тут лишнее, считались из лучших в М... — ведь известно, что М... — университет. Дальше орудовать — тоже хорошо, хотя, м. б., чуточку современно. В конце чуть навязчиво повторяется «уверенный в себе» — «уверен», правда, в подлиннике тоже повторение. М. б., сделать просто — Я знаю?

И очень хорошо интонационное «это», вставленное Вами в заключительную фразу — пустячок, а весь ключ меняется!

Словом, как я и думала, прошлись Вы отнюдь не копытом, а с настоящим редакторским чутьем и вкусом, и это очень хорошо. М. Е. посмотрит своим чередом. Думаю, что впредь у нее правки по Вашим вещам будет немного, т. к. она согласна именно с основным тоном.

Устали Вы и так, а годовой отчет больницы — наверно, семипудовая махина? Одна надежда, что сейчас, после всей этой гонки, Вы отдохнете. Поглядите на досуге всякие правки и замечания и соберетесь с мыслями, в нашем этом опыте с Г-си накопились вещи, к-рые Вам пригодятся впрок, при всей спешности это, по-моему, работа полезная. Хорошо, что попались такие разные авторы, как Лондон, Беннет и Г-си — и у каждого «внутри» тоже кое-какие вариации! Больше возможности для Вас испытать себя в разных если не жанрах, то почерках, это тоже на пользу.

С интересом жду Вашего подробного письма — что же все-таки выйдет у Вас с машиной? А что с пенсией? И чем могу помочь? Сами понимаете, что если только могу — я к Вашим услугам.

Эдда вся в переселенческих хлопотах, а их много, и они наслаиваются на редактуру, к-рой она изрядно загружена в изд-ве: временно ее даже перевели из младших в настоящие редакторы — дай бог нашему теляти волка поймать, как будто работает она толково.

Дядюшке Вашему я вчера написала подробно, а Вам только открыткой рассказала о его приезде. Очень милый человек и для своих лет поразительно энергичный. Умолить его, чтобы он мне разрешил за ним заехать, мне не удалось, к сожалению, дело осложнялось тем, что ему трудно было говорить по телефону, а я на горьком опыте уже не раз убеждалась, что мой слабый и глухой голос для людей, плохо слышащих, особенно недоходчив. Мы — спешили к Гиллеру* [*Вильям Ефремович — главврач Поликлиники Литфонда], поэтому принять его по-человечески, хоть чашкой чая напоить в моем вверх дном перевернутом доме мне не удалось, к сожалению. Но съездили мы удачно,

Гиллер был очень внимателен, о результатах Вы, видимо, уже знаете из моей вчерашней открытки: практически их еще нет, но ходатайство Союза Писателей и медицинское заключение Гиллера по Вашей истории болезни я передала зам. министра здравоохранения РСФСР. 29—30 надеюсь получить ответ, хотя и это может затянуться еще на день-два (больше тянуть, надеюсь, Союз не даст — запросит). И думаю все же, что пойду в министерство всесоюзное. Сейчас товарищи еще в порядке самостоятельности разузнают, помимо Гиллера, кто и где занимается полиартритом. Пока обсуждаются и взвешиваются 4 варианта: республиканская больница в Измайлове — бывшая окраина, а теперь настоящая Москва, — Институт ревматологии (почти рядом с моим Варсонофьевским, что уже не будет иметь значения, короче — центр М-вы), Институт курортологии и тот самый ЦИТО, который теперь тоже располагает средствами и методами, каких не было 12—13 лет назад. Последние три все — не республиканские, а всесоюзные, т. ч., думаю, второго министра или его замов не миновать. Очень надеюсь, что все это не очень затянется, все-таки писательская организация пользуется каким-то весом. Надо будет очень подумать о том, как лучше Вам переправляться — можно говорить и о самолете, и о вертолете, но тут один практический товарищ усомнился было, не очень ли тряхнет вертолет при посадке и не стоит ли до шоссе доехать на самых простых санях. Все это будет еще не завтра, подумать надо так, чтобы Вам было возможно лучше и легче, я ведь помню эти пресловутые 9 км до Домославля, а теперь еще зима — и Вы недавно все это уже проделали... В одном не сомневаюсь: когда уже ясно будет — когда и куда Вас можно с пользой взять из Ильинского, достанем любой транспорт, в том числе и летающий. А пока отдыхайте, голубчик, насколько это возможно. Очень я рада, что Вам полегче и Ваши здоровы. Силы и здоровье — вот чего я больше всего желаю Вам и всему семейству, от мала до велика! Самый сердечный всем привет.

Вот и все пока. Жму Вашу руку, жду вестей. Пишите, пожалуй, к Раечке: хоть Эдда почти уже переселилась на Аэропортовскую, но она так мечется по городу, а телефона там еще нет, что надежнее и быстрее я узнаю о В/письме от Раи. А я тут проторчу, вероятно, до 1/II, м. б., даже до 3-го.

27/I-62 НГ

Дорогой Игорь!

Сейчас получила «Королей», просмотрела. По-моему, Вы вполне справились. Частности и вопросы — Ваши и мои — сводятся, пожалуй, к следующему:

В 1-й же строчке, м. б., лучше — ЛистВА деревьев пониклА?

Нач. 2-го абз. — женщина, вероятно, багровая от жары и м. б., лучше — женщина В ЛОХМОТЬЯХ (без «одетая»). Дальше — надо бы не ребенка (понятие более широкое), а МЛАДЕНЦА — младенца же надо сделать и в нач. 2-го абз. 2-й части.

В речи, пожалуй, надо подчеркнуть — Мы ПРИШЛИ ПЕШКОМ из (самого?) Брайтона, но это не наверняка.

«Всего лишь лаванды...» — не знаю, передает ли это интонацию. Попробуем, послушаем Абкину. М. б., просто повторить одну лаванду с воскл. знаком.

Щели в шторах — неясно, вернее в жалюзи, пожалуй. И, м. б., можно без ФИГУР? Двигутся люди, перешептываются, улыбаются? Как Вам кажется? Не очень уверена в СКОЛЬЗЯЩЕМ свете, м. б., он дрожащий, трепетный, а м. б. — веселый (но это не сочетается с призрачным).

Важно так-то сохранить new — м. б.: другая МОЛОДАЯ мать... другого МЛАДЕНЦА. «Без единого пятнышка» — буквально верно, но лучше, м. б. — ослепительно-чистые, либо сверкающие чистотой.

А вот насчет «звучков богослужения» я не уверена! Думаю, что речь о том же благоговейно-восторженном, «набожном» перешептывании, гуле голосов вокруг богатенького младенчика, к-рый (ропот) уже был, а тут становится погромче (rises) — благоговейно восторженные голоса, м. б.?

Все это, кроме «Листвы» и «пешком», я пометила карандашом на 2-м экз. и скажу Абкиной, что просмотрела и такие у меня замечания. Нет, про «скользящий» свет тоже не стану, а к пеленкам дам только один вариант — ОСЛЕПИТЕЛЬНО-чистые. А Вы, если хотите, обождите ее замечаний заодно и по «Совершенству» и по «Королям», либо можно послать вдогонку то, что примете из этого моего письма или сварьируете. Постараюсь зайти к ней 31-го и вместе просмотреть, сегодня она оказалась занята в то время, когда освободилась я. Самих «Королей» pošлю ей, м. б., завтра с Эддой.

Немного погода pošлем Вам еще книг. Многотомные эпопеи Роллана целиком, м. б., и читать не стоит, но то, что послано, имеет и самостоятельное значение, и из «Жана Кристофа», его первой книги — пробуждение таланта — и «Ярмарка на площади», в сущности, и есть самое главное и интересное. Немного погода надеюсь послать Вам хрестоматии. Помогать мне с Войнич не надо, это работа очень спешная, а по объему небольшая, очень компактная, ее придется делать на одном дыхании и одним почерком переводческим. Да и надо Вам непременно отдохнуть. Если будет возможность и охота, кроме обычного чтения пересмотрите на досуге нашу переписку по Вашим работам, особенно последним, теперь уже Вам виднее будут какие-то общие положения и выводы практические и теоретические. М. б., есть смысл попробовать без торопливо-

сти перевести те два отрывка из «Смерти героя» — помните? — а потом заглянуть в мой печатный текст, это будет вроде учебной тренировки. Но сперва просто отдохните. Но только может случиться, что Вам и отдыхать не дадут, если здесь наши хлопоты пойдут успешно. Но я пока не хочу сбивать Вас с толку, все это еще разговоры. Вы уже, верно, получили мои последние отчеты об этих делах, а м. б., и М. П. успел написать. Не исключено, что Москва Вас быстро затребует, а м. б., и потянется все это, ведь еще толком не решено, куда Вас лучше устроить.

Пока что берегите себя, наберитесь сил, насколько возможно, ведь Вы так напряженно работали последнее время. Только бы вас всех не тронул грипп! Раечка после него очень слаба, движется, как тень, Фрида Вигдорова тоже. Меня пока миновало это. Кажется, эта неделя уже последняя на Варсонофьевском, надоело до смерти! Устали мы, работать трудновато — все время какая-то суета, в доме разгром. Ну, ничего, потом начну, на старости лет, жить по-человечески, а значит — по-человечески работать, для меня это главное.

Если будете в М-ве, увидимся не раз и не два, потолкуем. Если же приезд Ваш отложится, «занятия» Вам найдутся. Через некоторое время, думаю, начнет проясняться положение с Уэллсом, будет работа. Наташа Высоцкая обещала дойти до наших гослитовских верхов, м. б., Вам переведут пока что 60 % за Беннета. Голсуорси будет выходить довольно быстрыми темпами, весной, наверно, будут уже и деньги и книга. А пока Вы не пропадайте, пишите чаще! Вы еще не объяснили, что там у Вас за новости с машиной, что с пенсией, чем я могу Вам помочь. И помимо всяких больших и малых дел я просто хочу постоянно знать, как живете, как чувствуете себя Вы и все Ваши.

Большой всем привет и лучшие пожелания от меня и моих!
Крепко жму руку.

НГ

* * *

6/II-62

Дорогой Игорь!

Ваше письмо по новому адресу благополучно дошло, а вот от Мих. П. нет ничего, м. б., он не получил моих двух писем. Статья Андриевского очень интересна, но, боюсь, такие «чудесные средства» не во всех случаях действуют и очень еще мало проверены. Попробую и об этом посоветоваться. — Боюсь, своим звонком и письмами я вас всех окончательно лишила покоя, а ведь вот уже два дня дело тянется и может затянуться еще. Очень уж сложный механизм — кафедра, больница, санит. авиация, много людей и инстанций. Обещано мне все твердо и в сроки самые быстрые, но сегодня, позвонив в больницу, я услышала, что Буткевич [специалист по этой болезни] дежурил ночь, ушел и больше до завтра

не будет. Только завтра утром есть надежда его поймать, тогда спрошу, звонили ли ему вертолетчики, и попробую их или кого-то над ними поторопить. А Вы и Ваши ждете, волнуетесь... Работает он в 1-й Городской б-це, которая служит базой 2-му мед. ин-ту, советоваться будет с Нестеровым — светило большое — и его замом, доц. Барановичем, но самое большое дело делает он сам, это молодой, но оч. талантливый и открыватель, настоящий ученый, несмотря на молодость и его сразу назвали в минздраве, т. к. он занимается именно Вашей болезнью. Только, Игорь, голубчик, ведь тут никто не обещает чуда, будут смотреть, думать, советоваться, а когда можно будет что-то конкретное сделать и в каком объеме, пока никто сказать не может. Я говорю не о формальной, официальной стороне, койки и прочего мы добьемся, вопрос в том, где, когда, для какого метода лечения ее добиваться. О ЦИТО и Измайлове разговор пока оставлен, там в этом сейчас понимают меньше, чем здесь, — вот посмотрит Вас Б., доложит Нестерову — тогда они смогут решить. И м. б., решат не трогать Вас еще какое-то время. Что до вертолета — конечно, когда понадобится, мы его добудем.

Мои дела сейчас смутные. Вчера окончательно переселилась сюда. Тут «пусковой период» — то лифт барахлит (а этаж-то 8-й), то вода. Газ обещают со дня на день, пока готовить не на чем. Нельзя пока расставить книги, некогда и надо еще кое-что оборудовать. Но это все не так страшно, хоть неудобно и неприятно, беда, что уйму времени отнимают все эти орг. дела — нет телефона! Чтобы позвонить, поесть — надо добраться до кого-нб из друзей в старом писательском доме, он виден из окна запросто, но этажи, дворы, обходы и прочее даже на один звонок берут полчаса, не меньше. А на Войнич осталось 3 недели... Хорошо хоть Раечка уже в Малеевке, 9-го туда же едет Фрида, остаюсь я без главных моих друзей и помощников пока. Эдда очень старается снять с меня всякие заботы, но это не всегда возможно. Все же я надеюсь выкрутиться. А вот с Абкиной никак мы не сойдемся, боюсь, что в эти два дня она уже все сдала, так что придется ждать верстки. Телефона, пожалуй, придется ждать полгода, так было в нашем первом доме, и это сильно осложняет жизнь. Хорошо еще, что можно не связываться с автоматами, буду звонить от друзей.

С машиной там, в собесе, конечно, творят бог весть что — ведь она не для Лиды, а именно для Вас, как же можно не дать скидку! Надеюсь, что они опомнятся. А нельзя ли им тоже сунуть под нос справки, к-рые мы заготовили для пенсии? Решает ведь, д. б., та же собесовская инстанция «верхняя» любую льготу для Вас? Завтра м. б., уже будет 2-я справка — Огоньковская — и я вложу в это письмо, а если задержится, пошлю пока одну Гослитовскую, а ту — вдогонку.

Как Саша — поправляется? Что это — грипп или еще что-нб? В М-ве эпидемия как будто заканчивается.

Плохо я сейчас все успеваю, уж очень еще неустроенное и суматошное у нас житье, а я одного жажду: работать 48 часов в сутки — и чтобы не мешала разная хозяйственная мура, выражаясь невысоким стилем. — Будьте все здоровы, маме особый мой привет. Жму Вашу руку.

* * *

Дорогой Игорь! Сейчас звонила в больницу и мне передали, что Ольгерт Маркович [доктор Буткевич] сегодня к Вам вылетает. Так что на этот раз Саша не зря будет вскакивать при шуме мотора! Завтра с утра опять буду звонить, думаю, что он больше одного дня у Вас не пробудет. Хочу сразу же его повидать и узнать его мнение, а уж потом — мнение Нестерова и пр. Думаю, что и Вы мне сразу напишете. Вероятно, ту копию статьи Андриевского о стимулине Д, к-рая у Вас осталась, Вы ему тоже покажете и посоветуетесь.

Мне рассказали, что в № 51 за прошлый год и № 5 за этот год «Огонька» сообщается о случае лечения полиартрита в Пятигорске, но я еще не знаю подробностей. Беда в том, что у этой болезни много разновидностей и не на все одинаково действуют те же средства. Все это надо будет выяснять. На всякий случай сообщите об этом «Огоньке» Мих. П-чу тоже, а я завтра (или послезавтра, если он задержится) спрошу Буткевича. Беда, что при совершенном разгроме дома и отсутствии телефона я сейчас все делаю не так быстро и организованно, как хотелось бы — и с Войнич так, и вот те же «Огоньки» еще не могла достать. Все мои ближайшие друзья и помощники либо больны, либо в отъезде, а остальные — в других концах города и с ними без телефона труднее связаться. Но я пока больше всего жду именно заключения Буткевича и спецов из 1-й гор. больницы.

Кажется, скоро от меня кто-нб двинется в город (тут должны зайти по делам) — тогда отправлю это, а Огоньковскую справку дошлю завтра, она уже, очевидно, будет готова.

Всего Вам доброго, дружок. Будем надеяться, что все волнения, которые сейчас достались Вам и всем Вашим, будут не напрасны.

Крепко жму Вашу руку, сердечный привет всему семейству. Жду вестей.

7/II-62 НГ

* * *

Дорогой Игорь!

Наконец-то высылаю Вам Огоньковскую справку — Фрида болела и не была в редакции, а без нее это было бы куда труднее сделать, т. к. там еще кого-то в эти дни не было из чинов. Послезавтра — в среду —

я поеду в больницу к Буткевичу, он дежурит и сможет спокойно и подробно со мной поговорить. С утра в среду или, м. б., во 2-й половине дня во вторник у них там будет консультация насчет Вас. Тогда уже будут какие-то конкретные решения и я Вам сразу напишу.

У нас тут период становления, первозданный хаос, то вдруг потоп, то какое-нб развлечение. Ко всему относимся с юмором — даже когда вдруг в ванной из труб с горячей водой, на к-рых сушатся полотенца, стало потихоньку капать, а умный водопроводчик отвернул их, не перекрыв воду, и стала хлестать горячая вода (давление 5 атмосфер!), как-то увидели в этом не самую трагическую сторону. Но в пять минут залило полквартиры — и квартиру этажом ниже, и потом оказалось, что подмокла часть не распакованных книг, что уже грустно. Описываю так подробно этот эпизод (а их — помельче, правда — немало), чтобы Вы не очень удивлялись, когда я умолкаю. Ведь это все-таки несколько отвлекает от Войнич, и я все время горюю, что в сутках не 48 часов.

Как я поняла даже по короткому телефонному разговору, Буткевичу Вы и Ваши очень пришлись по душе, а это тоже важно — он человек стоящий и будет вдвое горячей делать для Вас все, что может, так мне представляется. Хорошо понимаю, с каким нетерпением все вы ждете более толковых сообщений, но вот надо ждать консультации китов.

Пишите, голубчик. Отдыхаете ли? Чуть разберемся тут — пошлю Вам еще кое-какие книги, пока у нас все дыбом, только в субботу был настоящий субботник — пришла моя приятельница еще с пионерских (!) лет с сыном, и помогли распаковать и поставить часть книг. Настоящий порядок и уют будем наводить, когда сдам хотя бы Войнич и вернется Раечка, т. е. не раньше начала марта. А там Олдриджа кончать, а там Голсуорси редактировать... Только в середине мая вздохну. Если до тех пор Вас сюда не заберут, а будут посылать всякие снадобья, то, думаю, к концу мая опять на денек-другой вырвусь Вас навестить. Примете?

Будьте здоровы и бодры, пишите непременно. Сердечный привет всем Вашим. Как здоровье мамы, как ребята? Успел ли Буткевич повидать Лиду, или она была на работе? Я не успела по телефону спросить, долго ли он у Вас пробыл, где сел вертолет и пр. — разговаривать-то ему приходится из ординаторской, среди больничной работы, много не поговоришь. Вот послезавтра потолкуем, надеюсь не чересчур официально и более подробно обо всем.

Еще раз — всего доброго всем!

* * *

Дорогой Игорь!

Сегодня было уже поздно звонить Вам, попробую завтра, но все равно по телефону все сказать трудно, поэтому написала М. П-чу и пишу Вам.

Буткевич очень тепло, хорошо говорил о Вас. Решили они так: не дергать Вас и не везти сюда, т. к. пока надобности в этом нет; провести курс лечения дома. Б-ч написал подробное письмо-инструкцию и дал мне вместе с первой порцией лекарств. Но начинать их принимать нельзя, пока нет на руках всей порции, т. к. надо строго выдержать схему приема, а зелья эти, особенно одно, оч. дефицитные. Гиллер нынче же дал мне направление в одну закрытую аптеку, но было уже поздно (Б-ч принял меня в 4, это на другом конце города, а потом Гиллер все это тоже с час изучал). Если завтра не достанем там, попробую через Союз писателей в Кремлевской б-це достать, либо пойду в Мин-во здравоохранения. Так или иначе, лекарства эти будут — и тогда я их сразу вышлю. Во время приема непременно и регулярно будете делать анализы и посылать Б-чу, он проконтролирует ход лечения, ни на какие местные силы на полагайтесь. Кроме этих двух зелий (РЕОЗОЛОН — венгерское, самое редкостное, надо принимать месяца полтора, ХЛОРОХИН — немецкое — месяцев 8—12), нужны еще будут глюкоза с аскорбиновой и витамины В-1 и В-12. Завтра буду Вас спрашивать по телефону, есть ли они в орбите Лиды или тоже надо прислать отсюда. Итак, теперь ждите лекарств и инструкции, надеюсь, что не задержу.

О стимулине-Д я его спросила, объяснил, что это средство более общее и менее сильное, вреда от него не будет, но и пользы особой тоже (его точные слова). О Пятигорске говорит, что радоновые ванны Вам еще неизвестно, показаны ли, а дорога и встряска уж очень тяжелая. Так что сейчас на очереди эти самые лекарства. Несомненно, Лида все это проделает квалифицированно и толково — уколы (и пр.), проследит за точным соблюдением схемы приема и анализами. Тут все надо соблюдать очень строго и аккуратно, не путая и не нарушая ни одной мелочи — так я поняла Б-ча и Гиллера.

Вы уже, д. б., получили Огоньковскую справку. Тут еще одна идея появилась насчет Ваших материальных дел, но это пока в стадии обдумывания и Вашего участия не требует.

А вот что я запустила безбожно — это Ваши дела с Голсуорси, Вы уж простите, голубчик! М. Еф. даже по телефону может беседовать час-полтора, а пойти к ней — значит просидеть полдня, это у меня сейчас просто никак не получается и все равно уже поздно, теперь все до верстки. Все же на днях я к ней попаду и расспрошу обо всем, тогда сообразим, прислать ли Вам всю Вашу правку сейчас или держать до верстки.

Обещают нам в марте, хотя бы к концу, поставить телефон, а то я как без рук, времени уходит прорва на каждый пустяк. Работаю так, что даже определения не подберу, сделано 100 стр. Войнич, осталось около 200 и надо будет еще почистить. Раечка в Малеевке тоже гнала, как безумная, сейчас ей чуть полегче, будет смотреть мои готовые 10 листов Олдриджа, а то я даже перечитать толком не могу, бог весть, какие там еще недосмотры и ляпы могут быть, уж очень все пожарно делается.

Будьте здоровы, дружок. Хоть бы все Ваши не хворали — как-то там Саша? Большой мой привет всем, как всегда, особенно — маме!

Крепко жму руку.

14/II-62 НГ

* * *

Дорогой Игорь!

Я долго молчала, п. ч. никак не удавалось получить главное лекарство. Мих. П., оказывается, не понял, что я достану непременно (у меня тут уже было несколько планов, даже списаться через С/П с венгерскими товарищами, напр., с Гидашем), — и тревожно написал, что у них этого всего нет. Я сейчас его успокоила: сегодня позвонили, что есть наконец разрешение получить реозолон в аптеке при Кремлевской б-це. Как назло, нынче забарахлил лифт, на мой 8-й этаж еще влезли об этом сказать, но договорились, что бумагу принесут вечером, а получу я или м. б., даже Эдда завтра и д. б., сразу отправим посылку. Про глюкозу с аскорбинкой спросите, пожалуй, Б-ча открыткой, просмотрев прилагаемую его инструкцию, м. б., Лида, сама поймет, что к чему. Глюкозу, витамины и аскорбинку, как я поняла из сегодняшнего письма М. П., он в случае чего Вам обеспечит, если в Ильинском не будет.

Телефон Эдды штука бесполезная — коммутатор и разные добавочные, поймать ее на месте трудно, а сейчас она едет в Пермь в командировку к своей авторше, к тому же времени, как вернется, уже и Раечка будет — проще звонить ей (после 3-го).

Войнич делаю в диком темпе, готовы уже две трети, а там Олдридж и пр. Если не лягу на всей этой гонке костями, хочу во 2-й пол. мая Вас навестить — приеду дня на 3, на 5, потолкуем, поглядим Ваши пробы пера (с «Героем», думаю, будет полезно).

Тут у нас было еще происшествие: в субботу днем Р. мне послала из Малеевки просмотренный ее черновик Олд-жа, а шофер — «оказия» — был то ли не шибко трезв, то ли что-то спутал — и доставил мне рукопись только во вторник утром! Переволновались мы отчаянно, звонили из М-вы в Малеевку и обратно, если бы пропал этот единств. экземпляр — 10 листов! — восстанавливать было бы страшно, ни вре-

мени, ни сил, сотня труднейших страниц! Вот Вам еще образчик наших стихийных бедствий.

Беннет, конечно, будет печататься, но годом позже из-за нехватки бумаги. Но 60 % я надеюсь для Вас вытрясти при помощи Наташи и даже Мироновой, только у них сейчас очередная запарка, а кончится она на днях — и напомним опять. Думаю, сделают.

23 /II — Дружок, я не дописала письмо Вам и отправила Мих. П-чу, т. к. выяснилось, что кто-то что-то напутал и лекарства еще нет, есть только очередная бумажка. Оно будет, можете не сомневаться, но опять оттяжка. Когда я абсолютно всем занималась одна, только с бумажками Союза или Гиллера в руках, все являлось мгновенно — от приезда В/дяди до разрешения на оплаченную командировку Буткевича и самолет прошло 11 дней. А сегодня 11-й день, что Союз переписывается со всякими мед. инстанциями о сорока таблетках реозолон! Правда, он впрямь редкость. Но опять прошу, не волнуйтесь, добудем хоть из Венгрии, непосредственно медицинского значения эти несколько дней не имеют, но каждый день меня приводит в ярость из-за того, как вы все ждете и волнуетесь, а бюрократические колеса еле-еле ворочаются. Тут люди сами предложили свои услуги, чтоб меня малость разгрузить, а вернее, чтоб показать, что и они что-то хотят и могут, и я сделала большую ошибку, что пошла на это. Не огорчайтесь, не волнуйтесь, реозолон я выбью непременно, любыми способами и через любые инстанции.

На днях Вы, видимо, получите перевод из Литфонда, к сожалению, почтой. Впредь мне надо бы знать № Вашего текущего счета на всякий случай, но кажется, при переводе в другой город или село и сберкасса что-то удерживает. Это — безвозвратная ссуда в сто нынешних рублей, к-рую 21/II на заседании правления Л/фонда постановили Вам дать. Первый совет на этот счет дал умница Гиллер, он близко принимает к сердцу Ваши дела и мои хлопоты. Думаю, это отнюдь не лишнее, тем более, что 60 % за Беннета могут быть и через месяц, черт его знает, Гослит.

Не обижайтесь, что долго не отвечала — уж очень хотелось сразу сказать что-то определенное, а меня каждый день кормили «завтраками». Да и кормят пока. М. б., сегодня что-то выяснится, наконец, но я уж это письмо пошлю, как есть, чтоб вы не недоумевали, почему я не отвечаю.

Будьте здоровы все, сердечный привет! Все-таки посылаю Вам уже сейчас инструкцию Буткевича, чтобы Вы и Лида знали, что к чему, а самую посылку вышлю в ту минуту, как получу, наконец, реозолон.

Привет от всех моих, от Фриды тоже, ей было приятно услышать, что статья Вам понравилась (она приехала на один день из Малеевки).

* * *

Дорогой Игорь!

Это письмо пойдет к Вам сегодня одновременно с посылкой, если Буткевич окончательно подтвердит, что можно последнюю 41 таблетку «составить» из ее компонентов, которые вчера вечером удалось достать и которые, по уверениям других медиков, помогавших в этом деле, совершенно равноценны. Если он усомнится, буду все же связываться с венгерскими товарищами, но это, конечно, опять оттяжка, это через Союз — и не через всех, придется ловить разных авторитетных людей.

Коли же все в порядке, Эдда отправит посылку. Начинайте с самого реозолона, регулярно пишите Буткевичу и посылайте анализы, а последние порции придется составлять (преднизолона — полтаблетки). Бутадион и бутазолидин, как мне тут объяснили, одно и то же. Преднизолон хранить в темноте, да и все это, вероятно, лучше держать в прохладном и темном месте, хоть специально и не оговорено. Непременно почаще мне пишите, как будете себя чувствовать, какая связь с Б-чем, словом, как пойдет это дело.

Сегодня получу с машинки последнюю треть Войнич, считаю и отправлю в Изд-во вслед за 2/3 уже сданными. И без пересадки примусь за Олд-жа, фактически уже взялась. Устала, конечно. Очень усложняет жизнь, что нет телефона, масса сил, беготни, времени лишнего уходит. Но обещают, что в марте телефон будет, хоть бы к концу сдержали слово!

Получили ли Вы уже деньги из Союза? После того как решение вынесли, я раза два звонила людям, через к-рых все это шло, мне поклялись, что отправят быстро, но тут уж мне поторапливать непосредственно некого, у них там свои бухгалтерские колеса — боюсь, не очень ли они канительят? А в Гослите 60 % теперь, наверно, будут быстро, главное было — выписать.

Пишите, дружок, хочу знать, все ли у Вас благополучно. Сердечный привет всем Вашим. Поздравляю маму и Лиду с 8 марта, желаю им сил, здоровья, радости от детишек и вообще всего самого хорошего.

От моих всех привет.

7/III-62 НГ

* * *

Дорогой Игорь!

Сегодня Раечка получала в «Огоньке», с разрешения Марии Еф. Абкиной, данного мне, Ваши переводы Голсуорси с ее — абкинской — правкой. К сожалению, правленные экземпляры, на к-рых все наглядно, надо через 2 дня вернуть в редакцию. Но ведь у Вас сохранились копии, правда? Я Вам посылаю перепечатанные огоньковские экз. — и каран-

дашом на полях отмечаю все, что привлекло бы Ваше внимание при считывании. Знаком плюс помечаю то, что нужно или хотя бы можно, на мой взгляд, принять, в остальных случаях комментирую. НЕ ПОМЕТИЛА ничего в «Ловце», т. к., помнится, послала Вам тогда уже подробный разбор и комментарий — сохранился он у Вас?

Сделайте, по-моему, так: чернилами исправьте все, что сами сочтете нужным и что примете из моих предложений ПО ВСЕМ рассказам, включая, разумеется, «Стадо», к этому напишите письмецо, по-моему, прямо Марии Ефимовне: МОСКВА Д-319, ул. Черняховского д. 4, кв. 96. Так как она человек старый, больной, нравный, сделайте некий реверанс. Я и так знаю, что Вы человек вполне вежливый, но Вы не обижайтесь, что я такие простые истины Вам пишу — дело в том, что М. Е. и вправду славится горячим нравом, она тут недавно сбежала из больницы наперекор прямому запрету врачей, может вдруг «выдать» что-нб совсем неожиданное и прозвана за это *l'enfant terrible* — ужасный ребенок, Ваш батя, наверно, хорошо знает это выражение. Так вот, начните с того, что, мол, с интересом и с благодарностью увидели и в огромном большинстве приняли ее поправки и замечания, а в немногих случаях Вам кажется, что можно сделать по-третьему, и в нескольких случаях Вы, мол, что-то сомневаетесь и недоумеваете (это — там, где у нее получилась нелепица, повтор, либо, наоборот, упущен авторский повтор, либо, как в «Совершенстве» (на стр. 2 после правки вышло, что рассказы величал кто-то Киплингом). И прибавьте, что в каких-то случаях, где Вам кажется, что это не имеет значения принципиального, а больше дело вкуса, Вы просили бы оставить Ваш вариант. Постараюсь после этого с нею повидаться — или, если пришлете мне, сама же отнесу и тут вверну неск. слов — и постараюсь проследить. Беда, что она еще и болеет сейчас, труднее с нею. Ну, авось уладим.

Я тут опять кликнула клич, товарищи думают насчет очередной работы для Вас. Но ничего скоро никто обещать не может, очень туго в изд-вах с бумагой. А Уэллс пойдет, м. б., году в 64, даже в 65-м, кто его теперь знает!

Если можно, не очень задерживайтесь с этими рассказами (Г-си), лучше бы, чтоб все это попало в руки МЕ и в «Огонек» ДО верстки. Не очень мне ловко взваливать на Вас еще и объяснения по «Стаду», т. к. тут, м. б., не все совпадает с В/вкусами, но Вы делайте именно по-своему вкусу и в своем стиле. Сохранился ли у Вас еще какой-нб его экземпляр? Впрочем, все, что надо, Вы и на этом увидите, я думаю. Во всех рассказах я в тексте ставлю птички на месте вычеркнутых МЕ слов — и, если согласна, что надо снять, опять же ставлю плюс на полях (или над словом в тексте, если на полях уже негде!). Ни один мой вар-т на полях ни в одном рассказе, разумеется, не обязателен, тем более, что смотрела сейчас все наскоро и голова не

ах какая свежая (вечер, почти 11 ч.). Но вообще для Вас это самое упражнение — разбираться в нескольких разных «вкусах» редакторских — тоже полезно, было бы время и силы.

Все еще не знаю, звонить ли Буткевичу и о чем его спрашивать, беспокоюсь, если из-за этого задерживается начало лечения. Или все еще нельзя делать анализы? Без них ведь никак невозможно.

Пишите, голубчик, не обижайтесь, когда я замолкаю. Не пишите помногу, если некогда, просто неск. строк о здоровье, о лечении, когда начнете. Тут и кроме меня много народу спрашивает о Вас постоянно и очень надеется на удачу.

Самые сердечные приветы и пожелания всем Вашим, будьте здоровы! Как ребята? А со сборником батиным еще много работы осталось? Когда выйдет, пришлите, м. б., удастся тут его отрецензировать в той же Литгазете — попробуем.

Прислал ли МП витамины? М. б., мне этим заняться?

* * *

Дорогой Игорь,

письмо, о к-ром Вы сказали по телефону, еще не пришло, но от сердца у меня немного отлегло, признаться, после вчерашнего с Вами разговора. Очень мы были огорчены и напуганы этой неудачей, а тут целый день не удавалось до Вас дозвониться — телефонистка уверяла, что квартира Воскресенского не отвечает, и мы порядком переволновались. В понедельник или вторник Эдда пойдет разговаривать с Буткевичем — думаю, до тех пор мы получим письмо, а в нем, очевидно, есть и анализ крови. Новое лекарство (для уколов) достать можно, такой волюнки, как с реозолоном, не будет. А если что-нб заест, появился еще один товарищ, который охотно помогает, он-то и достал преднизолон, когда все остальные пути не помогли.

Вообще, когда что-то для Вас надо, даже совсем сторонние люди помогают очень охотно. Гиллер все время в курсе дела, спрашивает, советует. И даже Гослит опомнился. Редакцией зарубежной лит. теперь заведует та самая Миронова. Ехать к ней разговаривать, скажу честно, мне было хуже горькой редьки, вернее, нож острый. Я и не поехала, а написала ей, взвесив каждую фразу. Послала письмо почтой в среду утром, а сегодня утром — в субботу — по поручению Мироновой Высоцкая через Раю (семь верст до небес и все лесом, телефона-то нет!) передала мне, что работа для Вас будет: рассказ или два в сборнике новозеландских рассказов, который только еще задуман. Стало быть, спешки никакой. Точнее сообщат.

Но вообще, скажу Вам, добиться за три дня работы для Вас, пусть даже крохотной, я и не надеялась, это почти чудо. Сейчас они там толь-

ко утрясают состав и пр., потом поглядим, каков будет объем, срок, степень трудности, но важно, что работа есть, да еще в такую пору, когда все планы урезаны, и хорошо, что это именно Гослит.

Игорь, голубчик, только сейчас — 2-го утром — получила В/письмо и анализы, почему-то оно шло очень долго. Я просто в отчаянии: как же случилось, что в истории болезни не отразилось это предположение о язве и Вы ничего не говорили ни Буткевичу, ни мне? Я-то не знала, но ведь это противопоказание! Когда мы сказали Б-чу, что у Вас такие боли, он сразу сказал: это бывает только при скрытой язве. Знай он это, он и не дал бы реозолон, не мучили бы Вас зря!

Эдда пойдет к нему с анализами и В/письмом и сообщит, что он еще скажет. Я ведь Вам писала или говорила, если будут боли в суставах — принимайте пирамидон — или Вы принимали и он не помогает? Это должно сойти на нет обязательно, и никакого нового лечения Б-ч очевидно не начнет, пока не придете Вы в себя. Обидно до невозможности, действительно попали Вы в какой-то злополучный процент. Цель-то очень бы стоила средств, но в Вашем случае нельзя было и начинать этот реозолон, если бы знали о язве.

Т. к. нет своего телефона, сейчас — рано утром — не знаю точно, можно ли будет поймать Б-ча сегодня или только завтра, но как только поймаем, наведуясь, он что-то сообразит, чтобы Вам поскорей полегчало. Чувствую себя очень виноватой, что втравила Вас в такую мучительную историю — риск (3 %) был неизбежен без язвы, но кто ее знал, раз в истории болезни ее нет!

Хорошо понимаю, что пока Вам так худо, Вам не до правки и не до писем. О правке скажу так, в самом крайнем случае рассказы могут пойти и в том виде, как сделала Абкина, некоторые шероховатости вообще не заметит никто, кроме нескольких больших переводчиков (а большинство их знает от меня, что правила Абкина), остальное простится. Конечно, если успеете, будет хорошо, но мучиться этим не надо. А вот хоть неск. слов, открытку время от времени если не сами, так Лида, мама пусть черкнут мне — ладно? Пожалуйста! Мы все бесконечно волнуемся за Вас, пишите честно, как самочувствие. Я знаю, если уж Вы жалуетесь, значит, невтерпеж, но надо знать толком, чтоб Б-ч ясно представлял картину и мог вернее помочь. А самому ему Вы пока не писали?

Крепко жму Вашу руку, надеюсь, что все это удастся быстро поправить и все же другими средствами добиться, чтобы Вам было лучше, а не хуже, ведь ради этого все и затеяли. Не ругайте меня.

Писали ли Вы дядюшке, знает ли он, что получилось? Всем Вашим большой привет. Как же они, конечно, переволновались! Беда. Видно, правда, всего не предусмотреть.

* * *

Уважаемая Елена Александровна!

Итак, за мною остаются пока роман «Горящее копье» и одна статья в пер. Г. Злобина («Литература и жизнь»). Надеюсь, и то и другое удастся доработать с переводчиками к концу недели. В статье 14 стр., в романе 181. В общее оглавление тома надо включить и оглавление романа, я его вклеила технически неудачно, надо, чтобы названия глав были напечатаны точно под названиями «Этюд о странностях» — и то и другое хорошо бы сдвинуть правее общих заголовков.

Кроме переведенного М. Ф. Лорие остальное после правки получилось довольно грязно и потребует перепечатки (за исключением «Хозяйки дома», к-рая была уж до того перемазана, что переводчица сама ее перепечатала).

Телефона у меня все еще нет и бог весть, когда будет! Поэтому, если я Вам потребуюсь к корректуре или раньше, просьба — дайте знать почтой или, в крайнем случае, придется побеспокоить Марию Федоровну* [*Лорие], у нас все-таки налажена связь.

Пользуюсь случаем обратиться к Вам с большой просьбой. Помните, в прошлом году Вы дали мне для больного переводчика Игоря Воскресенского чистые листы того тома Дж. Лондона, где были напечатаны его работы. Теперь четыре рассказа в пер. Воскресенского должны выйти, насколько я понимаю, в XI томе Голсуорси (ред. М. Е. Абкина). Буду Вам очень благодарна, если Вы мне поможете и на этот раз. Листы я переплетаю и посылаю в с. Ильинское, где иначе эту книгу не достать (я отдала бы ему свой том, но и сама не подписалась на собр. соч.). А если бы оказался какой-нб том с типографским браком (не на месте переводов В-ского), было бы совсем чудесно, человек хоть увидел бы, в каком переплете это издается!

Всего Вам доброго!

22/V-68.

НГ

* * *

7/V-63.

Дорогой Игорь! Вчера получила «Смазчика» и сразу послала Вам открытку. Сейчас сижу уже вплотную над ним. Начало, к-рое я уже раз смотрела, сейчас почти не приходится трогать. На стр. 1 в первых же строках есть чуть лишку: К-ки была одним из... — одним лишнее — к-рые обычно перевозят. (использовались для — совсем не надо, used — это и есть обычно), ...экипаж состоял — СУДНА тоже лишнее, тем более, что через строчку опять — суда. В последней строчке — не попадалСЯ на глаза.

Стр. 2, 12 сн. — Она была построена, «первоначально» — тяжело и лишнее, тем более, тут же — первой войны.

Стр. 3, 1 св. и всюду дальше — буду еще думать насчет Пегги, это явно все же кличка (а не имя, ведь есть артикль). Не пойму только, какая именно: вряд ли м. б. матрос с деревянной ногой, по какой-нб певчей птице — тоже не видно оснований, разве что справедлива моя первая догадка: он тоже кок или судомой, м. б., ему и придано ЖЕНСКОЕ уменьшит. имя. Посоветуюсь.

Стр. 4, 5—6 св. — зря Вы переставили фразы, делаю: Такая у меня слабость. Предпочитаю разбросать... — речь не вообще, а именно о ЕГО коньке (но конек был бы не ахти рядом с крысами), там же, 6 сн. — пистолет, д. б., не воздушный, а ДУХОВОЙ.

стр. 6, 5 св. — Ясно! (разговорнее).

Стр. 10, 10—12 св. — Никогда еще МНЕ (перестановка из-за след. фразы — первой, к-рая у Вас в этой части осталась недотянута: МЕНЯ поразила ее острая морда и быстрые движения, я так загляделся, что словно оцепенел... (настолько захватили мое внимание — оч. книжно для него, да и скучновато)). Чуть ниже — Он БУДТО не слышал — тщательно перезарядил... и стоял и смотрел... (БУДТО — п. ч. слишком часто казалось, тут — короче и выразительнее). — А тщательно перезаряЖАЯ, нельзя одновременно смотреть на крысу, тут действия не одновременные, а последовательные.

Там же, 9 сн. — и еще кое-где дальше — лучше не видИМО (книжное), а видНО.

Стр. 11 — тут у меня много вопросов, а стр. 9 англ. текста Вы НЕ ПРИСЛАЛИ. Если найдется, дошлите непременно! Пока делаю наугад. Не уверена, что надо оставлять индийское ДХОБИ (стиранное белье). Вместо более спокойным — поспокойнее. На 11 сн. — не надо так буквально, хватит — помечтать о кружке паршивого австр. пойла. На последней строчке без ориг. не знаю, боюсь, Вы ошиблись: looks — это не взгляд, а вид (что правдоподобнее)... пищи. И в нач. стр. 12 сомневаюсь без англ. текста в «пути», вероятно — СТРАННО, что ДЕТСТВО... отпечатывается на человеке, куда бы ни забросила (как бы ни сложилась дальше?) его судьба. А образ... СКАЗЫВАЕТСЯ... (если отражается — то НА, а не В, но это слово более казенно затасканное). Все это окончательно прояснится, когда у меня будет в руках англ. стр. 9.

10/V-63

Дорогой Игорь! Вышло нелепо: против своей воли и обыкновения, я чернилами правила сама «Смазчика» по В/экз. с горя, что не успею послать Вам замечания для доработки. А только что, когда я доделывала

последние строки, выяснилось, что нас намного задержит предисловие. Поэтому все же посылаю Вам безобразно измазанный экз. Сейчас на полях карандашом объясню Вам те правки, к-рые могут быть неясны. Вы СНАЧАЛА пришлите «Молочника», а потом посмотрите, насколько можно внимательнее и придирчивее, все, что я сделала. Я уверена, что очень многое Вы бы по моим замечаниям сами сделали гораздо лучше. И пользы было бы больше, если бы Гослит не гнал в три шеи и я дала бы Вам возможность доработать самому. Все равно, черкайте и меняйте, как сочтете нужным, только считайтесь со смыслом и не очень перегибайте с просторечием и «руссизмами» (застолица). Смыслового вранья на сей раз многовато, есть и канцеляризмы, совсем не Ваши (в течение 2-х дней и пр.) А есть и находки, отлично — «Поживем-увидим» из скучного англ. оборота, к-рый обычно переводят «смотря по обстоятельствам».

Сегодня 10-е, уже довольно поздно, бандероль уйдет завтра и Вы, д. б., получите ее, когда будете кончать «Молочника». Шлите его (хорошо, если не успеете отослать 9-ю стр. «Смазчика»!) — и до 18—20 мая (НО НЕ ПОЗЖЕ!) поработайте над этим. Работайте, по-моему, так — все, что сгодится из моей правки, перенесите на свой 3-й экз. чернилами, свои новые варианты и замены, в к-рых будете вполне уверены, тоже, пожалуй, чернилами, а если засомневаетесь в чем-то — то карандашом, я еще раз погляжу и обведу или исправлю. Потом пришлете мне ОБА экз. — и я Вам верну, видимо, вот этот мой с правкой, а исправленный Вами отдам в Гослит. Перепечатывать Вам не стоит, все-таки 20 страниц — трудно и долго (первые десять остаются чистые, их можно сдать и так. Я их Вам сейчас даже не посылаю).

Вот, кажется, и все. Все мои шлют Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания, я, разумеется, тоже — Вам и всему семейству от мала до велика. Очень бы хотелось Вас повидать, м. б., где-то в начале июня, если разделаюсь окончательно с новозеландцами, да если не сваюсь после этого снова — и, конечно, если будет Вам и Вашим удобно — приеду на денек-другой. Но пока это под большим вопросом. Дела еще много, остались в основном трудные рассказы и плохие переводчики, с которыми сижу и сижу...

Хотели мы с Раечкой послать Вам нашу последнюю работу — в журнале «Иностр. литература» вышел переведенный нами роман американки Харпер Ли, очень славный, по-моему, пользуется сейчас большим успехом. Но скучновато это — в 2-х №№ журнала, а «Молодая гвардия» обещает выпустить в январе отдельной книжкой. Так что неясно — ждать или посылать в таком виде?

Будьте здоровы, не ругайтесь и не огорчайтесь, по возможности, что так нескладно на этот раз вышло. Думаю, Вы сумеете критически

отнестись к моей правке и отберете то, что Вам по душе и по стилю ближе.

«Молочника» все равно не задерживайте (художник! предисловщик!) — разве что необходим будет день-два лишних, не больше — ладно? По-настоящему он мне тут к 15-му нужен позарез, но в крайнем случае 15-го вышлите.

Как сердце, одышка — не легче? Пока, понимаю, не до подробных писем, но хоть коротко давайте знать о самочувствии — непременно!

Крепко жму руку.

НГ

* * *

17 мая 1963 г.

Дорогая Нора Яковлевна!

Посылаю «Смазчика» в 2-х экз. плюс экз. с Вашей правкой и англ. текст. Большинство поправок я, конечно, принял, особенно в тех местах, где было смысловое вранье. Те случаи, где я поправки не принял (мелочь) или переделал по-своему, я сейчас объясню (конечно, основные). Начну по порядку (страницы и строки указываю по экземпляру с Вашими поправками).

Стр. 12, 8-я сверху — оставляю почти по-прежнему из-за «несколько» и «только» на 11-й и 12-й строчках; 2-я снизу — здесь «норы» принимаю, т. к. в этом случае имеются ввиду не настоящие норы, а какие-то щели и закоулки, где крыс трудно достать, а на стр. 30 — оставляю «дыры», т. к. «нора» в доске, в полу — как-то не очень.

Стр. 14, вверху — «диговинку» хотел и я вставить, но у меня наскочило было на было. Теперь пришлось немного растянуть предыдущую фразу, чтобы обезБЫЛить ее. Надо сказать, что во многих местах естественное звучание фраз у меня оказалось подпорчено именно из-за старания избавиться от повторов или от употребления однокоренных слов. И в спешке я не сумел, а где и «мозгов» не хватило, сделать как следует. Четырьмя строчками ниже пришлось убрать «живет» из-за предыдущего «живешь» — сделал просто «из приличной части города».

Стр. 15, 7-я сверху — немного изменил Вашу поправку из-за «уходили» в море» через три строки. А слово «такое» в смысле «это» не люблю почему-то, 6-я и 7-я снизу — тоже немного переделал из-за трижды повторяемого «ДОМа».

Стр. 17, 2-я снизу — оставляю «ружья», т. к. на стр. 21 (англ. текст) вверху упоминается «gun or pistol».

Стр. 19 (то же на 21-й стр.) — я считаю, что машинистов на корабле трое — в каждой смене свой, — а механик — один. Поэтому Скаус (на

стр. 21-й) является сначала к машинисту своей вахты (непосредственное начальство), а запасные части заказывает механик. Логично?

Стр. 20. «Хромого Лиса» я сдал в зоопарк и сделал пока (до выяснения) «бесповоротный Чарли». А Лиса я выловил в словаре: Чарли — так называют лису в английском фольклоре; односторонний — решил, что это значит какой-нибудь «хромой» — и получилось так-то ли складно: «хромой Лис» — сиречь «хитрый, себе на уме». А может быть, это из какого-нибудь фильма о Чарли Чаплине? о человеке, который никогда не возвращается тем путем, каким шел или ехал вперед?

Стр. 23, 4-я сверху — оставил «приличные условия», т. к. «жить в чистоте» в устах кочегара показалось мне «не ахти» — ведь кочегары всегда чумазы, как черти, им и кличка-то на кораблях «духи» (разумеется, не святые, а из преисподней).

Стр. 27, 10-я сверху — принял Вашу поправку, т. к. она ближе к тексту. Мне-то хотелось напомнить, что он сменил два корабля, потопленных немцами, и как раз, когда он плавал на втором корабле, и погибли его родные. А иначе почему второе ПЛАВАНЬЕ? Это ведь не какое-то кругосветное плавание. Но, может быть, я, по обыкновению, мудрую?

Стр. 28 — оставил прежнее «пошел на берег», т. к. «сошел» здесь, по-моему, звучало бы так, словно они уже покидали судно, а ведь ниже говорится, что их переселили в гостиницу лишь после разгрузки.

Стр. 29 — вверху — оставляю вторую «тоску», т. к. здесь подряд две «тоски» лучше, чем в разрядку будет две «скуки» (7-я сверху).

Стр. 30, 2-я сверху — просто «Крысоловы ... » разумеется понятнее, оставляю Вашу правку. Легенду эту я знал, а название города забыл и «Хэмлин», конечно, ничего мне не напомнил. Да и на чем тот крысолов играл, я тоже забыл. Отсюда и появились «разномастные», т. е. пестрые, с бора да с сосенки «флейтисты».

Та же стр., 10-я снизу — делаю, как было, т. к. иначе на полстранице подряд идет три раза слово «оставалась,— лись» (с Вашей поправкой на 3-й снизу строке).

Не знаю по-прежнему, что делать с Пегги. Может быть, оставить так? Очевидно, это все-таки какой-то кухонный мужик или буфетчик. Дуняшкой-то его не назовешь!

Вот и все по «Смазчику». Как-то там мой «Молочник» поживает? Скоро, наверное, и Раечка потянет меня «к ответу по Беннету»?

Чувствую себя все так же, плюс грипп (сколько же их было у меня с января!)

Крепко жму руку.

Ваш Игорь

Мои все шлют привет.

Привет Эдде, Раечке и Фриде Абрамовне с А. Б.

* * *

Дорогой Игорь!

Получила истинное удовольствие от 2-го В/рассказа. Конечно, и тут есть огрехи и смысловые сдвиги, но Вы лишний раз подтвердили мой постоянный, еще со времен Фаста, диагноз: основа отличная, чутье к слову верное и есть просто великолепные находки. Молодец Вы! Просто нужна практика и спокойный темп — и тогда все будет здорово. Беда только, что перспективы сейчас туманные — с планами и с бумагой все еще худо, Уэллс, кажется, откладывается. Но если будут силы и настроение, Вам полезно бы, хоть совсем понемногу и очень медленно, делать что-нб именно для «набивания руки» покуда.

Теперь — конкретный разговор.

С названием Вы намудрили, «раунд» — просто обычный круг, обход (как у почтальона, у врача). Поскольку «молочник» по-русски двусмысленно, надо просто — разносчик молока.

Первую же фразу лучше сделать более «быстрой»: Мик отступил на шаг, а Нед вытащил...

Ягодка быстро повернулась — быстро ведь м. б., и проворно, ловко, а корова засуетилась, ловкости особой не проявив.

В конце стр. 1 не о РОСТЕ ли речь? Пэдди уже подросток и сумеет повернуть ручку на полный оборот?

Стр. 2, 4 св. — очень переводно и не по-детски.

Я все же даю варианты и 2-й экз. правлю, п. ч. боюсь, что Вы не успеете поправить и прислать, но все Ваши замены внесу если не в рукопись (после худ-ка и предисловщика), так в верстку.

Стр. 3 — постепенно более книжное слово, чем, напр., понемногу. Начали утолщаться — скучновато, лучше уж становились толще.

Мать тоже говорит оч. книжно, «услышу как» — калька, не нужно. И часто в этих случаях можно без «сказала», примерно — из кухни неожиданно вышла, на пороге двери, ведущей в кухню, неожиданно появилась... — и деепричастие не понадобится. И «никогда» почти всегда лучше передать просто усиливающей интонацией (не думала я).

11 сн. — при разное в роде лучше имя разделить: шотл. овчарка, а Джек — дальше (будет понятно, что это и есть пес). 7 сн. «Вместе» в подобных случаях тоже почти никогда не нужно — просто они вышли, м. б. — вдвоем.

Пояснит. «п/что» не нужно, и так ясно, а утяжеляет фразу. И под ударение надо поставить то, что важно для читателя «напоследок» (кто она, мы еще не знаем, это важно пока только для Мика).

Там, где неверен смысл, вчитайтесь в англ. текст, часто это, видно, просто очитка, конструкции не оч. сложные.

Кстати, в англ. машинописи не все отбивки (расстояния между строками) правильны, надо сохранять их там, где отделяется эпизод от

другого эпизода или «проза» от его фантазии. Но Вы не перепечатывайте, это трата времени и сил, разве что одну какую-нб самую черную страничку. Правьте аккуратно чернилами — и верните мне ОБА экз. — Ваш правленный и мой с карандашом плюс англ. текст, а я посмотрю и карандашный Вам верну.

Стр. 4 — верхние правки, пожалуй, ясны так, 2-й абз. св. не так поняли — см. англ. *So they might* — это он, Мик, исполняет опасную миссию, чтобы люди в домах сытно поужинали и улеглись (в эту минуту он воображает себя их стражем и спасителем).

Стр. 4 — тут сложная штука, пока никто не знает, что это за «Дедвудские сыщики». Это могло бы при каком-то повороте значить и «Горе-сыщики», но не становится. Скорее это — нарицательное, обобщенное, и тогда, чтоб было понятнее у нас, надо бы сделать Шерлоки-Холмсы или, м. б., Пинкертоны — даже лучше. Я еще проверю.

стр. 5 — кажется, вся правка разборчива и по смыслу ясна. М-с К. говорит слишком книжно, «не хочешь ли... пока...» — калька, мы говорим куда проще. И, д. б., там не переливают молоко, а меняют котелки (их два) во всех случаях.

Спасибо — более простое слово, особенно для мальчишки, чем «благодарю вас». Печка и плита — по-англ. одно слово, м. б., можно обойтись огнем, очагом, как я предложила дальше где-то. Два разных слова для одной кухни не ахти. Детишками Мик не любит, а скорее предоставляет им на себя любоваться и чувствует себя героем — да он в их глазах герой, он большой и ходит один вечером по улице!

Остерегайтесь уменьшит.-ласкательных суффиксов, в этом рассказе совсем без них нельзя, но все же лучше «немножко», чем немножЕЧко и минуту, а не минутКУ. Это — одна из задач, стоявших перед нами в «Пересмешнике» — когда речь о ребятах, опасно пересластить.

Стр. 6 — одумался слово отличное, но к месту ли? Как будто пес раскаялся, что схватил весь кусок, а не половину, а ведь не в том суть.

5 св. — Он — его, виновато — извиняясь. Дальше все — пустяки, почти чисто — и понятно по карандашу, кажется. Не очень Вам трудны мои каракули?

Стр. 7 тоже, в сущности, почти чистая, есть удачные находки и пустяковые шероховатости, кажется, карандаш на полях довольно ясный? В конце 2 абз. св. девочка говорит не оч. естественно, м. б. — Зачем ты его исколотил? Откуда ему было знать (Он ведь не знал), что ты сильнее.

6 сн. — девочка, м. б., чистенькая (чистюля!), а м. б., и изящная, стройная, только это не его восприятие и слово.

На стыке стр. 7/8 надо сильно подумать, смысл — башмаки выдавали горькую правду, к-рой не мог скрыть никакой полет фантазии, что бы он про себя ни сочинял, действительность налицо.

Дальше примерно — не грудь, а грозная твердыня, здесь никто не стал бы искать ласки и утешения. Над этой неприступной крепостью раздался суровый голос. Место трудное.

Дальше — если бы ЭТО БЫЛИ мальчишки, ВСЕ СДЕЛАЛИ девчонки — алгебраические значки. Всегда живее, если раскрыть их конкретный образный смысл — если бы на него напали... во всем виноваты (хоть так — землю в молоко накидали было бы длинно, но в сходных случаях лучше именно конкретное значение).

Дальше на полях, кажется, ясно. Чтобы перелить молоко, мать ушла в дом, Мик — на веранде, Дорис выглянула на веранду, потом мать вернулась, — этого у Вас не видно.

В конце стр. 8 дело серьезное. Надо упростить подходы — сначала ремарку о возвращении м-с К., потом ее речь. И серьезно исправить по смыслу. С Миком она говорила сурово, холодно, как старшая девочка. С младшей дочкой — ласково, он вчуже почувствовал это тепло (будто заглянул в комнату, где тепло, светло, уютно, пылает огонь в очаге). Потом опять — к нему — холодно, будто дверь в теплую комнату захлопнулась. И Мик жалеет девочек, душевно замерзающих здесь, поэтому нельзя просто «простуду» — младшая тоже скоро станет холодной душой, будет смотреть пустыми, холодными глазами. На обороте стр. 8 я вроде ясно написала, перепечатывать не хочется.

Стр. 9, 3 св. — лучше пусть не облегчение приходит за калиткой, а Мик выходит за к-ку и вздыхает с облегчением (если Выйдя — 2 дееприч.).

Нач. след. абз. у автора занятнее — не фонарь качается, а круг света под ним мечется вместе с порывами (от порывов) ветра — читатель уже сам представит, как качается фонарь. Продвигался вперед — скучно, лучше — шагал навстречу. Набавлял ходу — чуть слишком разговорное, а тут пафос, лучше — прибавлял шаг. За СЕЧУ Вам 6 с плюсом, м. б., из моих 25-ти «новозеландцев» еще только один до этого додумался бы — и то не уверена.

О драконе. Подбирается враг менее сильный и опасный — и не в согласии этот глагол с динамичным «выметнулись» — к-рое, впрочем, меня смущает приставкой ВЫ.

Неожиданные канцеляризмы — большая редкость у Вас — «имелся» меч, а главное — момент! Этими моментами остальные меня засыпают, но от Вас никак не ждала! Насчет гибели и правой руки еще подумайте немного, ладно?

Стр. 10 — в 1-й половине мелочи, ясно на полях. Ах и Ох по-русски звучит слащавее, патетичнее, чем в англ., поэтому иногда надо передавать иначе (интонацией). Старая м-с Т — дальше можно назвать ее старушкой, а тут опустить (почти всегда эпитет этот лишний — тем более, когда речь о друге, о ком-то молодом — иногда тут-то и можно «ста-

рик», а чаще как-то совсем иначе — друг, приятель, иногда, если дальше брань, просто брань оставить — смотря по контексту).

Абз. о взгляде м-с Т. и о том, что слышно из комнат, неудачен, но карандаш, кажется, ясный. Лучше все — восприятием мальчика, т. е. в наст. времени — это его мысли, его понимание этих людей,

Последние строки Вы не совсем поняли — она его, д. б., угощает каждый раз, не в том суть, что ТЕПЕРЬ БУДЕТ УДОБНЕЕ что-нб подарить. От НЕЕ подарки принимать не совестно, п. ч. он и сам рад бы ей что-нб подарить — и мечтает, уверен, что подарит, говорит об этом с той же уверенностью, как о победе над драконом хотя бы.

На стр. 11, в общем, грехи пустяковые, скорее огрехи. ЗАЮЛИЛ — случай, когда даже (крохотную) неверность охотно прощаешь, п. ч. слово отличное. Хотя, пожалуй, не в характере Джека юлить — они равноправные товарищи и он с достоинством, по праву ждет своей доли. Но — на В/усмотрение, «съедобное для тебя» — скучно! Ужасное расточительство — совсем не по-детски, даже не даю никаких ниточек — Вы сами в быту говорите в сто раз лучше.

О яблоке — случай, когда даже не стоит уточнять реалию, у нас сорта яблок другие, но ясно, что этот — хороший, вот и покажите.

8 сн. если ОНИ тебе не нравятся — та же алгебра, надо — яблоки не нравятся, не любишь.

Все до конца в порядке, есть совсем мелкие зацепки — см. карандаш.

Я поправила 2-й экз., в основном внося варианты из тех, что карандашом на полях, кое-где доделала — там, где Вам вариантов не пишу, — и убедилась, что страшна только карандашная мазня, а в результате правки не так уж много. Перепечатайте, пожалуй, только стр. 8, м. б., еще и 10 (не обязательно) — и пришлите все, как сможете, не оч. задерживая.

Безусловно, если бы не спешка, половины промахов Вы избежали бы сами, часть их Вам совсем не свойственна. Будем надеяться, что для след. работы обстоятельства сложатся удачнее. Еще неск. дней у Вас уйдет на просмотр обоих рассказов, а там — отдыхайте с чистой совестью! Главное — воспользоваться летом, отдохнуть и поправиться!

Крепко жму руку, жду вестей. Как все Ваши? Сердечный им привет и лучшие пожелания от меня и всех моих. Главное, всем — здоровья. Маме Вашей особо низкий поклон.

НГ

* * *

20/V-63

Дорогой Игорь!

Сегодня утром дала Эдде отправить Вам «Молочника» с моими замечаниями, а днем пришел исправленный «Смазчик». Посмотрела, из-

менила 2—3 мелочи и отсылаю в Гослит. Те несколько мест, где я меняла что-то в В/тексте, объясняю на полях и ставлю значок особый — птичку в кружке — чтоб Вы сразу отличили от старой карандашной правки. Вы, д. б., захотите просмотреть, этот экз. я Вам верну. Только, наверно, уже вместе с «Молочником», когда Вы его пришлете выправленный. Пожалуй, Вам будет любопытно, где у нас с Вами оказались «разногласия». «Смазчика» Высоцкая* [*Наталья Высоцкая — редактор Гослита], видно, сразу отдаст на машинку (для типографии не миновать еще перепечатывать), так что экз. не досылайте, 1-ые 10 стр., что остались у Вас, видимо, не понадобятся (Вы прислали с 11-ой, первые 10 у меня были в двух экз., а не в 3-х).

Опять Вас ухватил грипп — беда! Что за невезенье дикое, ведь это уже который раз! И всех домашних, пожалуй, переберет, или Вы уже от них подцепили? Напишите хоть два слова — удалось ли его перебить, как самочувствие.

30/V. Листок этот пролежал у меня 10 дней! Сейчас посмотрела исправленного Вами «Молочника». Не жалеете Вы сил и времени, зря перепечатывали целиком! Просто обидно, напрасно Вы меня не послушались — довольно было перепечатать стр. 8, в кр. случае еще одну-две. Поправки Ваши некоторые — вместо моих вариантов или просто по замечаниям — местами отличные, я даже карандашом на старом тексте отметила и похвалила. Больше по мелочам придираюсь не стала, восприятие сейчас не такое свежее — ведь неск. раз подряд мы смотрели. В верстке, если что зацепит на свежий взгляд, поправим. А в целом хорошо!

Экз. с моим карандашом отсылаю Вам, м. б., на досуге еще поглядите замечания — уже не для самого «Молочника», а ради общих соображений «что такое хорошо и что такое плохо». Для того же возвращаю и остаток «Смазчика» с моей правкой (со стр. 11). Там есть какие-то вещи, к-рые пригодятся как обобщение и совет впрок, пожалуй.

Напишите, пожалуйста, есть ли у Вас книжка Л. К. Чуковской «В лаборатории редактора»? Не присылали мы Вам? Если нет, постараемся достать и прислать, там много полезного для нашего брата, хоть она и не переводчикам адресована.

Надеюсь, грипп Вас уже отпустил, и теперь Вы сможете, наконец, основательно отдохнуть — вполне заслуженно! Не знаю, как Вы сами считаете, а по-моему, поработали Вы неплохо, даже несмотря на спешку, гриппы и пр. И, думаю, в след. раз кое-каких оплошностей сумеете избежать.

Я, наконец, на днях разделаюсь с этим сборником (т. е. по первому разу — впереди еще разные другие рабочие стадии, верстка и пр.). Надоел он мне хуже горькой редьки, ведь 25 переводчиков, у каждого свой нрав, а порою и норы, и каждый по-своему завирается. И далеко

не все понимают, чего от них хочешь. Устала изрядно. Сидишь с человеком по 2—3 часа каждый раз, да не по разу, и на 5-й раз он делает те же дурацкие ошибки, что и с самого начала. Есть у меня такие товарищи, с к-рыми я и 10—12 лет назад работала, а они все ничему не научились...

Надеюсь, мы с Раечкой все же этим летом отдохнем по-человечески. На днях будет известно, есть ли путевки в Комарово и на какое время. Фриду Аб. тоже укатали крутые горки — лежит, были неприятности по части давления и мозговых сосудов — результат непомерного переутомления, она ведь тоже годами работает без всякого роздыха — и над книгой, и в газете, и по всякой общественной линии, кого-то защищает, кого-то выручает и пр. — Вы же видели ее статьи, каждое такое дело требует не только писания, но и беготни, поездок, бесконечных разговоров с людьми и разными инстанциями.

Сейчас ей уже полегче (лежит 2-ю неделю), м. б., в Комарово поедем все вместе.

Будьте здоровы, милый друг, крепко жму Вашу руку и желаю в новом году Вашей жизни всего самого хорошего. Сердечный привет всем Вашим от меня и моих. Пишите, жду!

НГ

* * *

1/IV-64

Дорогой Игорь!

Первая и главная моя просьба — на этот раз не умолкайте надолго, меня беспокоят Ваши очередные «медицинские» новости, как Саша? Удалось ли уберечь Мишутку? Беда с этими ребятами, еще задача Вам будет выдержать Сашу, сколько надо, чтоб не вскочил раньше времени, а то как бы не было осложнений. Представляю, как все вы замучились.

Зима и у нас всех тяжкая. Вероятно, еще и погода играет свою роль — для сердечников, легочников, гипертоников все эти резкие переходы просто гибель. Мы тут без конца маялись тоже, кто чем, а сейчас очень тяжело больна наша Вера Максимовна Топер (помните — Диккенс?), неизвестно, что будет. А это человек редкий, редкого сердца и мудрости, мой и Раечкин наставник в переводческом деле и большой друг. Годы, конечно, не малые, но могла бы еще жить и работать лет десять, а вот свалилась не с инсультом, но вроде того, и пока не знаем, оправится ли и в полной ли мере.

Моя «гонка» практически кончилась только вчера, пять месяцев я работала от 10 до 16 часов в сутки без передышки, так что сейчас, признаться, даже по комнате хожу — шатаюсь. Надо отсыпаться, приходиться в себя, на очереди — редактura двух романов Уэллса в новых переводах, тоже дело не из самых легких и приятных.

Вероятно, через несколько дней Ваш редактор пришлет Вам для ознакомления «Филмера» и «Джимми» со своей правкой. Правки немного. Возможно, Вы не согласитесь с чем-то — тогда правьте вовсю.

Попробую и в самом деле не давать Вам полный комментарий к каждой строчке, чего не поймете — спросите, разберемся.

«Филмер» у Вас вышел хуже еще и потому, что сам рассказ довольно нудный. А в «Джимми», если не считать некоторых смысловых недоразумений (кое-где не поняли или не знали, а кое-где опечатки Вас сбили с толку), основная беда вот такая. Вы не поняли, что ВЕСЬ рассказ надо делать именно в ключе главного героя — грубоватого, не шибко грамотного. В очень многих случаях Ваша фраза вполне литературна, даже хороша, но слова и обороты чересчур гладкие и книжные, этот человек так говорить не может — и нарушается правда, уже не веришь рассказчику. Вне всякого сомнения, если бы Вы это сразу уловили или если бы можно было, как обычно, мне подсказать Вам этот ключ, а Вам — переделать, Вы бы отлично с этим справились сами. И Вы увидите, что львиная доля правки идет именно по этой линии: ближе к просторечию, дальше от книжных оборотов, больше, чем всегда, пришлось бороться с причастиями и деепричастиями, убирать существительные, особенно отглагольные, заменять их глаголами, разговорнее строить фразу. Ибо все это — речь, живой рассказ от первого лица — и лицо это, повторяю, не шибко «воспитанное» и выражается по-всякому.

Я понимаю, что материалы для колхоза печатать надо было, но все-таки Вы руку берегите всячески! И сейчас, если начнете смотреть опять переводы, не ворочайте этого окаянного Мюллера* [* Очень толстый словарь], послушайте меня — расшейте его на листы!

Книга Чуковского о переводе еще не вышла, конечно, постараемся ее поймать и для Вас и для себя. О рецензии в «Ин. лит-ре» на Олдриджа мы узнали только из Вашего письма — так дико заняты все это время, что и журналы лежат не прочитанные. Роман Олдриджа, конечно, и проблемный, и публицистический, и всякий, но мы не чаяли от него поскорее отделаться и вспоминаем с муторным чувством: уж очень растянута, много лишнего и нудного. Вот если бы можно было его сократить ровно вдвое, получилась бы сильная книга.

О рассказах Мэнсфилд вот что хочу Вам сказать: никакой не было возможности отвести те два перевода, они уже раньше были напечатаны в сборнике ее рассказов, и тогда кто-то (не помню сейчас редактора, да наверно это и не официальный редактор делал) отредактировал переводы, дотянул их до пристойного состояния, браковать было не за что — серо, но не более того. А история такая. Старик Охрименко переводил с английского, в частности, кажется, как раз наиболее острые и нужные вещи Уэллса, когда советской школы перевода еще и в помине не было, а всякие дореволюционные дамы переводили всякую чушь, — пример-

но, году в 19-м. И сам Ильич его похвалил — не столько, понятно, за качество перевода, как за полезное дело. Теперь ему сильно за 70, ничего он не умеет, но все еще переводит, либо сует старые свои работы, а редакторы — кто по доброте, кто из нежелания связываться, кто из уважения к его «славному прошлому», его дотягивают. Учиться чему-либо ему поздновато, да ему и не любопытно, я лет 12 назад редактировала его — рассказ был отличный, известного негритянского писателя и поэта Лэнгстона Хьюза, жаль было его губить. Переписала — ради читателя и автора, а отнюдь не ради глупого и чванного старика. Спасибо он сказал, но правку и смотреть не стал, лишь бы пошло. Вот так. Будь это кто-нибудь другой, можно было бы сравнить два перевода, можно было бы другому переводчику предложить что-то другое, а эти дать в Вашем переводе. Но вещи, уже печатавшиеся в сборнике, заменить новыми трудно, если они — не заведомый брак, а тут этого не было.

Что будет дальше с работой, трудно сказать. Планы горят, о Беннете пока не слыхать, надеемся, что все-таки в этом году выйдет. Волей-неволей придется нам с Вами немного отдохнуть, это даже полезно. Правда, с редактурой я разделаюсь, д. б., только к июлю, а устала смертно. Вы вот говорите о моих темпах. Я сделала не так уж много, гораздо меньше обычного, но обе книги уж очень трудные, да еще одна перебила другую — два совсем разных автора, разных ключа, разные языки — вот это трудно. А так — в «Пище богов» 12 листов, в Экзюпери 6¹/₂ всего не так много за пять месяцев.

Будьте здоровы, берегите себя. Самый сердечный привет всем Вашим — и от всех моих. Пишите, как и что. Жму руку.

Ваша

НГ

* * *

Дорогой Ольгерт Маркович [Буткевич, врач]!

На всякий случай посылаю то, что у меня осталось в «закромах» из фантастики. Вдруг что-то Вам покажется любопытным. Если (что всего вероятнее) не пригодится, очень прошу вернуть! Когда прочтете, пожалуйста, мне позвоните. А с Камю и Г. Джеймсом пока все совершенно неясно, и то и другое в редакциях издательств.

Всего Вам доброго

НГ

22/II 88

НЕРАВНОДУШИЕ

Нора Галь посвящала своему главному любимому делу по 12—14 часов каждый день: работала над новыми переводами, для каждого переиздания заново просматривала свои прежние переводы — нельзя ли хоть немного их улучшить. И тем не менее — она всегда отрывалась и отзывалась на чужую боль и беду, на несправедливость, на бескультурье. Читает в «Комсомольской правде» письмо подростка, безнадежно мечтающего о велосипеде, но нет ни единой возможности осуществить мечту. Нора Галь тут же узнает в редакции его адрес, шлет деньги на велосипед. Мама мальчика отвечает горячим благодарным письмом. В той же газете пишут о нелегкой жизни многодетной семьи — шестеро детей! Нора Галь посылает им книги. А вот в «Известиях» посредственный писатель-фантаст Вл. Немцов громит братьев Стругацких, чьи книги увлекали несколько поколений нашей семьи, как и многочисленных почитателей таланта братьев. Их произведения разлетались на остроумнейшие цитаты. И опять Нора Галь на четырех страницах убористой машинописи защищает то, что ей дорого и важно. Она раскрывает бездоказательность статьи, грубые передержки. Защищает и своеобразную писательницу Ариадну Громову, которую тоже заодно зря громит Немцов. И даже шлет свою статью не только в «Известия», но и в «Литгазету».

Нет, работа никогда не была для Норы Галь башней из слоновой кости. В ней был обострен нерв, который не давал дремать ее совести и человеческому долгу.

* * *

Дорогая Кира Яковлевна!

Пишет вам мама Дегтярь Олега. Я не знаю, как выразить вам благодарность за ту доброту человеческую, какую вы проявили к нам.

Простите моего сына за то письмо в газету, я ведь ничего не знала. А когда получили перевод, я просто растерялась и была потрясена. Зашла в комнату, села на диван, почитала и, честное слово, заплакала. Неужели на свете не перевелись еще добрые люди. Сколько вокруг зла

и черствости, и тут вдруг деньги от далеких незнакомых людей. И на душе потеплело как-то и жить захотелось.

Милая, хорошая Кира Яковлевна, спасибо вам за все: за ваше чуткое сердце, за то, что вы вот такая добрая есть на свете.

С уважением к вам

Любовь Евсеевна, Олег и маленький Андрюша
1.VIII-90.

* * *

Ответ Н.Г. маме Олега Дегтяря

Меня зовут Нора Яковлевна Галь, мне 75, муж погиб в 43-м, у меня единственная взрослая дочь и единственный внук — студент.

Москва
Нора Галь

* * *

[Рожкова]

Уважаемая Галина Вениаминовна!

О семье Вашей узнала из «Комсомолки» от 20 мая, адрес там дать не могли, написала автору статьи — он дал адрес, но, к сожалению, без индекса. Надеюсь, бандероль все же дойдет. Сообщите, пожалуйста, когда получите обе книжки — надеюсь, они придутся по душе и младшим детям, и старшим. Может быть, сумею быть и еще полезна — я перевожу с английского и французского, в близком будущем, вероятно, выйдут еще неплохие книги, которые смогу послать вашим ребятам. Только сообщите, пожалуйста, для верности почтовый адрес.

Всего самого хорошего Вам, Вашей маме и мужу и всем детям!

С уважением

Нора Галь
2/VI-87

* * *

[Рожкова, Иркутск]

Уважаемая Галина Вениаминовна!

Посылаю Вам и Вашей семье еще две бандероли. И в сборнике «Судьбы наших детей», и в однотомнике Рэя Брэдбери есть вещи очень разные, часть рассчитана на читателя более взрослого, часть (особенно «Вино из одуванчиков»), мне кажется, вполне подойдет тем ребятам, кому 12–13, а некоторые главки «Вина...» и 7–8-летним.

Если в Вашей библиотеке нету, а взрослым интересен роман Драйзера «Американская трагедия», напишите, в следующий раз вышлю, это тоже моя работа больше, чем наполовину (вторая переводчица, З. А. Вершинина, скончалась в 1942 г., не закончив перевод).

За приглашение спасибо, но я и в Москве-то передвигаюсь мало: не тот возраст, не то здоровье, а работаю как раз очень много, не зная никаких выходных и отпусков, такова особенность литературной работы или, может быть, моего характера, за который подчас ругают друзья. Считаю — по крайней мере для себя — работу лучшим лекарством от всех болезней, лучшей и самой надежной опорой во всех бедах.

Здоровья и счастья вам и всей Вашей семье!

С уважением

Нора Галь
29.VI-87

* * *

Уважаемые товарищи!

В статье «Когда у нас выходной» (1.VII) В. Кичин назвал картину «Дети Дон Кихота» в числе «декоративных», да еще «бездумных». Почему?!

Столько говорится и пишется о нравственном и гражданском воспитании детей, подростков, молодежи. А фильм как раз этой цели и служит — талантливый, умный, человечный, вовсе не «декоративно», а наглядно и убедительно учит деятельной доброте, высокому чувству долга, честной работе, великолепный актер А. Папанов — воплощение этих качеств в роли и отца и врача. Воспитывает их, эти качества, не словами, а делом, ежеминутным примером, передает их и своим детям, не «кровным», но таким же родным, и всем окружающим — и зрителям.

Мальчишка рвется отстаивать справедливость, готов по-ребячьи защищать угнетенных негров, хватает за руку вора, который «обижает льва», — все потому, что перед ним пример отца. Двое старших не способны ни солгать, ни обидеть человека, ни схалтурить на работе, — такими выросли при добром, честном, самоотверженном отце. При таком враче и сестры, санитарки не будут черствыми, ленивыми, равнодушными к судьбе пациента, большого или малого. Вот что чувствуют, понимают, уносят с собою зрители этого фильма. Его и впрямь смотрят по два, по три раза. И тем, кто смотрел, трудно поверить критику В. Кичину, будто все это и «бездумно», и «декоративно».

Но ведь статья на Ваших страницах — не просто мнение критика, это авторитетная оценка, указание. Значит — не показывать фильм? И если даже покажут, не смотреть? Печальный будет вывод. И полез-

ный ли? Во всяком случае, родители, которым так часто нужен совет и пример — как же воспитать ребят хорошими, настоящими людьми, — много теряют.

С уважением –

Нора Галь

3.VII-79

* * *

[В редакцию «Поэтической тетради»]

Уважаемые товарищи!

Много хорошего и полезного дает слушателям «Поэтическая тетрадь». Но тем, кто работает над передачей, составителям и редакторам необходимо всегда, во всех случаях и при всех обстоятельствах внимательно, уважительно, попросту культурно относиться к своему делу. Огрехи тут непростительны.

Слушаю прекрасные стихи Габриэлы Мистраль в прекрасном переводе... неведомого, несуществующего ОЛЕГА Савича (утро 6 июля 1982 г.).

Возможно, артистка Ирина Карташова не знала, как иначе раскрывается инициал О. Но редактор, составитель — они-то почему не позаботились это узнать? Почему этим не поинтересовалась тов. Наталья Новикова, которая подготовила передачу? Надо было узнать. И не мешало сообщить слушателям.

Стихи Габриэлы Мистраль и еще многие прекрасные творения испанских и латиноамериканских поэтов десятилетиями дарил русскому советскому читателю достойный величайшего уважения переводчик и мужественный человек ОВАДИЙ Герцевич Савич. Наравне с И. Эренбургом, М. Кольцовым он в пору гражданской войны в Испании был на переднем крае среди бойцов-антифашистов и поражал республиканцев, своих товарищей, редкостной храбростью. Он постоянно посылал корреспонденции с фронта сначала в «Комс. правду», потом в ТАСС. И он работал как переводчик до последних дней жизни, служил своим талантом нашей культуре и мировой литературе.

Такие вещи надо знать и помнить, а если не знаешь — дать себе труд узнать. Вот этого и желаю вам всем в вашей дальнейшей работе.

С уважением –

Нора Галь

6.VII-82

[«Комс. правда», раздел «Клуб молодой семьи»]

Уважаемые товарищи!

В статье Л. Пановой «Уроки счастья». (28.VII-82) с недоумением прочитали, что авторы рецензируемой книги на один из вопросов «отвечают строкой Маяковского: «Семейная лодка разбилась о быт».

Небрежность? Невежество? Или сознательная передержка? Наверно, очень многие Ваши читатели знают, что в последнем, предсмертном, стихотворении Маяковского разбилась о быт не СЕМЕЙНАЯ лодка.

Неужели в хорошем, полезном разделе газеты вдруг убоялись слова ЛЮБОВНАЯ, пересолили с целомудрием, то бишь с ханжеством? Или положились на память, некому проверить цитату? Наконец, сняли бы кавычки, написали бы: мол, перефразируя известные слова Маяковского... Тоже не больно было бы этично, но хоть не прямое вранье, по отношению к поэту кощунственное.

Ошибка преподнесена миллионам читателей, да еще молодых. Исправлять, извиняться за нее газета вряд ли станет. Что же получилось? Кто не знал стихотворения, запомнит его в перевернутом виде. А кто знал, пожалуй, решит: с поэзией можно обращаться безо всякого уважения. И еще шире: если хочешь что-то доказать, добросовестность не обязательна, подкрепляй свою мысль любыми средствами, выдирай цитату с мясом, переиначивай как бог на душу положит, лишь бы тебе стало удобно и выгодно.

Такой вот преподан урок нравственности.

А ведь газета отвечает за каждое свое слово. И надо бы (уже немного перефразируя Тютчева), стараться «предугадать, как слово ваше отзовется».

Стыдно.

Семья Кузьминых.

5.VIII-82 (возможно, это наша семья — Э.К.)

[В «Комсомольскую правду»]

Уважаемые товарищи!

В интересном очерке О. Мариничевой «Рыцари детства» (19.XII-82) я прочитала слова нач. управления дошкольного воспитания МГУНО т. Дормидонтовой: «раздражительность женщин-воспитателей стала в последнее время мешать педагогике». И в тот же день мне рассказали вот что.

В вагоне метро беседовали две молодые женщины, как стало ясно — воспитательницы детсада. Одна жаловалась, что безмерно устала, не справляется, ни минуты покоя: в группе 40 детей и все ходят каж-

дый день, хоть бы группа была поменьше. Вторая ответила: «А я сама ее делаю поменьше». — Как? — «Да очень просто: вчера открыла окно, сегодня половина не пришли».

Слышала это очень немолодая и очень больная женщина. Она не нашлась, как поступить, и только чуть не со слезами пересказала мне этот разговор, и все повторяла: «Каким надо быть зверем...»

Нет, не зверем. Известно, что звери нередко оберегают, выкармливают чужих детенышей, даже человеческих. Надо быть палачом или выродком, невообразимым тупицей, не способным понять, к чему приведет его поступок. «Воспитательнице» удобно простудить детишек — пускай почихают, посидят дома с матерями. А если малыш послабее погибнет от жестокого воспаления легких? А если у другого после ангины останется на всю жизнь тяжелая болезнь сердца?

Что могла сделать в людном и шумном вагоне метро моя немолодая приятельница? Вывать к совести молодой палачихи, способной нарочно простудить беспомощных малышей? Да какая уж там совесть? Вывать к попутчикам? Но пока расслышат, пока поймут, та улизнет на остановке, либо отопрется от своих слов и тебя же выставит полоумной старухой.

Мне восьмой десяток и я далеко не Геркулес, но подумала: окажись я при том разговоре, поступила бы, наверно, не лучшим образом — дала бы «воспитательнице» пощечину. Возможно, сообразила бы крикнуть окружающим — будьте свидетелями! Авось нашлись бы желающие проводить старую хулиганку и «потерпевшую» к ближайшим хранителям порядка, авось при этом выяснилось бы имя и место работы «воспитательницы», — не знаю, не знаю.

Не знаю также, переняла ли ее собеседница опыт молодой палачихи. Будем надеяться, что женщин, облегчающих себе условия работы, как бы ни были эти условия тяжелы, ценою здоровья беззащитных малышей, не очень много. Но даже если она одна? И у нее одной — власть над десятками малышей, над их здоровьем, их будущим, их жизнью?

Ее уже не сыщешь, не схватишь за руку, и даже если бы это письмо появилось на газетной странице, едва ли оно ее устыдит. А забыть об этом разговоре нет сил.

Воспитатели и педагоги — женщины ли, мужчины ли — не ангелы. А нагрузка у них и вправду непомерная. И многие вместе с душевными и физическими силами рискуют утратить доброту и терпение... а иные, как видно, теряют и человеческий облик.

Да, НЕОБХОДИМО, чтобы и в самом деле воспитатель, учитель отвечал за меньшее количество детей, чтобы меньше стали группы в детских садах и классы в школе. НЕОБХОДИМО! Это задача огромной важности, ее не решат только МГУНО или «Комсомольская правда».

Но, конечно, газете, по справедливости выступающей во славу «рыцарей детства», следует и об этом заговорить в полный голос.

Но есть задача еще важнее и неотложнее, которую надо решать, как говорится, всем миром. Это — контроль, хозяйский, родительский, педагогический глаз.

Не все идут работать в детский сад по призванию. Таких рыцарей детства, как герой О. Мариничевой, раз-два и обчелся. Но нельзя подпускать к детям тех, кто лишен хоть малой доли доброты, человечности, простейшей порядочности — тех, в чьи руки страшно отдавать ребенка.

21.XII-82.

Нора Галь

«МЫ ОДНОЙ КРОВИ...»

Коллеги, друзья, единомышленники

Даже в непростые времена рядом с Норой Галь, ближе или дальше, непременно оказывались люди, творческое общение с которыми проходило под этим прекрасным киплинговским девизом. Дружеские узы (очень важное для нее слово, счастливая находка для излюбленного Сент-Эксом французского *liens*) могли протянуться на всю жизнь, как с Евгенией Таратута. Полвека спустя эти узы возникали по праву близости взглядов и вкусов, как с командой журнала «Урал» во главе с Валентином Лукьяниным и редактором Норы Галь В. Э. Исхаковым. Глубокое уважение связывало ее с Аркадием Стругацким. Фрида Вигдорова обладала счастливым даром делиться людьми — благодаря ей возникли в жизни Норы Галь теплые отношения с писательницей Руфью Зерновой, в обиходе Руней. И много лет уже без Фриды те, кого она соединила, аukaлись-перекликались ее именем. (См. Э. Кузьмина. Нора Галь в зеркале посвящений. «Слово живое и мертвое». Поздние издания. «Время», начиная с 2011 г.)

И, конечно, в ближнем кругу Норы Галь нередко оказывались соратники по переводческому цеху. А Эдварду Кабалевскую, Старшую Эдду (в честь которой отчасти названа я — Младшая Эдда), подругу юности, Нора Галь, можно сказать, привела в перевод — и уступила ей дивную повесть «Вино из одуванчиков» своего любимого Рэя Брэдбери, хотя сама охотнее всего обращалась к литературе, рисующей внутренний мир подростка.

Много лет продолжалась переписка Норы Галь с Николаем Ильичом Яценко из Ульяновска. Сам летчик — и страстный поклонник знаменитого писателя-летчика, Яценко создал в Ульяновске Клуб друзей Сент-Экзюпери, позднее Международный. Яценко собирал посвященные Сент-Эксу стихи и экслибрисы. Занятно — один из активистов клуба прислал неожиданные стихи. Для французов это не звучит, но для русского слуха имя Сент-Экса в высшей степени летное — оно состоит из самолетов АН-ТУ-АН! Яценко написал множество статей о писателе (и о Норе Галь писал тоже), переписывался со всем миром. Переписка его с Норой Галь необъятна, приходится что-то выбирать — и в основе

переписки мысль о том, что Сент-Экзюпери из тех писателей, любовь к которым способна объединять очень разных людей особым родством.

Однажды и я ездила в Ульяновск выступать в его клубе в честь 100-летия со дня рождения Сент-Экса. А когда мы в Москве 27 апреля 2012 года на вручении премии Норы Галь отмечали 100 лет со дня ее рождения — точно в тот же день проводил в Ульяновске такой вечер ее памяти Н. И. Яценко.

Обязательность Норы Галь столь велика, что последнее письмо она диктует мне (в те времена — еще на пишущей машинке) 2 июня 1991 года несмотря на то, что уже начались сильнейшие боли и она при ее выдержке с трудом сдерживала стоны. 8 марта ей поставлен диагноз — рак. И 23 июля ее не стало.

В Москве знали о ее кончине. На похоронах неожиданно для такой вроде бы затворницы было очень много народу. Но вот сил оповещать дальних у меня не хватило, и последнее письмо Лукьянин¹ пишет Норе Галь почти через год после ее кончины. Надолго оставила она след в сердцах людей.

* * *

А. Н. Стругацкому

Глубокоуважаемый Аркадий Натанович!

Очень рада, что предисловие к этой книге согласились писать именно Вы. Мне кажется, она — из лучших в планах «Мира», хотя у Саймака есть романы и более жгучие (*Time is the Simplest Thing!* Да и *City*). И, по-моему, тут очень видна живая нить, связующая фантастику с такими сугобо реалистическими вещами, как, скажем, «Убить пересмешника...» Харпер Ли. Судьба угасающих, полуничих городишек, где человеку некуда податься, людские характеры и судьбы, — право же, у Милвила и Мэйкомба много общего! Да и городок из «Вина из одуванчиков» им сродни.

Е. А. Девиса смущает библейское название (книга Пророка Исаии, гл. 40, ст. 68: *Всякая плоть — трава*, и вся красота ее, как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цветок, когда дунет на него дуновение Господа; так и народ — трава. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно.)

Не знаю, надо ли этого пугаться? Саймак явно не имел в виду весь этот кусок, смысл книги к Господу имеет отношение весьма отдаленное. И когда-то у нас спокойно издавали «Путь всякой плоти...» Бэтлера, не пугаясь того же библейского термина. Обычному читателю название ничего не подскажет. А тот, кто знает Библию, только упрекнет нас в малограмотности, если мы название изменим. Это-то не хитрость,

¹ Главный редактор журнала «Урал», в котором публиковался роман Н. Шюта «Крысолов» в переводе Норы Галь. См. его письма на с. 433–445.

я в давнем разговоре с Евг. Арт. даже предлагала на всякий случай — «Все живые...» и ему, кажется, пришлось по душе.

Очень хотелось бы знать Ваше мнение!

С большим интересом жду Вашего предисловия, стократ — Ваших и Б. Н. новых книг.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

1.VI-67

* * *

Эдварде Кабалевской

Эди, (...) если захочешь, 2 рассказика отдам тебе, только отзовись и погляди, хочешь ли связываться (это фантастика, не «Одуванчики», конечно, но один забавный).

Я устала и извелась, но, несмотря на оставшиеся хвостики рабочее, сегодня для меня, считаю, начинается отдых — на 38-й день житья здесь. И то хлеб — 2 недели человеческих.

Целую тебя, жду.

14.VIII-67

* * *

Е. Таратута

Женюша! Не зря меня тревожила песенка Джека¹, чуяла я подводный камень. Оказывается, мой вариант «Сказал сынок папаше» не годится. Выяснилось, что имя Obadiah соответствует русскому Авдею примерно, а в Ветхом Завете есть Книга пророка Авдея. Моя Библия отдана на неделю товарищу, сама пока ничего проверить не могу, но комментарий, очевидно, потребует не по самому пророку. Это самое имя Obadiah, оказывается, нарицательное для квакеров! Таким образом, песенка Джека совсем не безразлична, «антидядина», что ли. Раскопала все это Раечка по одному своему справочнику, можешь у нее переспросить — и вот насчет квакеров что-то сказать. А я — ломаю голову над песенкой: старому квакеру сказал молодой?! Ничего не понятно. А как еще? Квакер квакеру сказал (вроде — ворон к ворону летит) — пропадает вариант. В общем буду думать.

Будь здорова, целую.

Нора

21.III-62

¹ Персонаж из книги Войнич «Джек Реймонд». Нора Галь переводчик, а Е.А. Таратута — составитель двухтомника и автор предисловия.

* * *

Е. Таратута

Женя, милый друг! Хочу просить тебя действительно добыть для нас с Раечкой эту самую англ. Библию, сообщи, сколько за нее надо и как и когда ее получить. Профессионально нам это необходимое подспорье. (...) 16-го будем в ЦДЛ смотреть «Пересмешника»¹ с Грегори Пеком, любопытно!

Будь здорова, отдыхай, целую тебя.

Нора.
15.VII-65

* * *

Е. Таратута

Женюша! Все-таки мы досидим в Переделкине до 23 августа. (...) Здесь несколько развлекают приходы Корнея Ивановича, это всегда интересно, да слышали Новеллу Матвееву. Мы с Р. подарили Корнею Ивановичу «Пересмешника», он очень хвалит, что, в общем-то, приятно. Поглядели американский фильм — довольно средне, хоть и Грегори Пек. Правда, девчонка — поразительная и играет великолепно.

Целую тебя. От Раечки сердечный привет.

Твоя Нора.
21.VIII-65

* * *

От Р. Зерновой
25 (уже 25-го!) декабря

(...)

Мне очень далеко до Вас как переводчице — я это поняла, читая: у вас все много легче, изящнее. Я Вас люблю и целую.

Руня

* * *

28.03.61

Милая Нора, посылаю (возвращаю) «Банановую рыбу». В «Звезде» буду завтра. Какое однако чудо — Сэлинджер! До сих пор не могу от него избавиться.

Целую Вас.

Руня

¹ По книге Харпер Ли «Убить пересмешника».

* * *

Дорогая Руня, прежде всего простите за письмо на машинке — у меня ведь больная рука, если много — мне легче стучать, а я хочу отчитаться перед Вами в использовании Ваших трудов. Окажись Вы в Москве, было бы проще — посидели бы рядом, полистали бы все это, потолковали бы «о теории», как Вы пишете. А так я решила послать Вам рукопись на погляд. Только просьба, потом непременно *верните*. Машинистка сделала 2 экз., я оба отдала в Гослит, и у меня ничего не осталось.

Не пугайтесь, увидев мазню. Конечно, если б это было отдельной работой, а не вставкой в уже сделанное, не пришлось бы править так много, но мне приходится наводить какое-то единообразие.

Что, как и почему я правила? Из своего перевода я обычно изгоняю иностранные слова. Тут я согласна с Вл. Ильичом. В 99 случаях из ста мне кажется, лучше сказать не *момент*, а — миг, мгновение, час, пора, секунда, минута, смотря по контексту (последние два тоже иностранные, но уже не воспринимаются «как таковые»). Общество, где *доминирует* буржуазия и пр. — больно мудро, зачем это? Иногда иностранное слово ведет к неточной, не очень тактичной интонации (*оккупированная*) Германия, симпатизирующие компартии, коммунисты *вербуются* и пр.), иногда даже к ошибке смысловой (человека держали не в *абсолютном секрете*, а просто в одиночке), такие слова по-русски звучат иначе, чем в подлиннике, они торчат, они оказенивают текст, делают его дурно-газетным, по-моему и — словечки вроде «являются» (когда-то я гордилась, что даже в диссертации употребила его только один раз).

Ну — и я избегаю «что» и «который» больше одной штуки на строку, столкновения родительных падежей. И — причастий и деепричастий, во французской речи они легки и естественны, в нашей — подчас ужасны. В переводе, как и в статьях хотя бы, я стараюсь говорить просто.

Иногда в Вашу фразу попадает слово «из другого ящика». По-моему, в предсмертном письме невозможны «зануды», хоть в другом месте это было бы находкой. «Изменить мир» и даже лицо мира (тогда уж — лик?) — не ахти в устах Христа. И уж просто непонятно, что делает «землю краснее, а лазурь — темнее». Это все, по-моему, слова неточные.

Но главное ведь не слова, а вся фраза, ее строй. Знаю, Вы очень спешили, хворали и все такое. Но все же, когда читаешь, кажется, будто человек переводил сразу, подряд, слово за словом, даже не заглянув сперва в конец фразы. Почти никогда Вы не изменяете конструкции французской фразы, она выпирает, как каркас — такую фразу легко перевести обратно — восстановить подлинник. Так (уже не от спешки, а из принципа) переводят буквалисты. А ведь русская фраза строится совсем иначе, чем французская. (...)

Всего Вам доброго!

Нора

* * *

16.01.60

Дорогая Нора, я получила Ваш пакет позавчера вечером — и весь вечер изучала его содержание. Не могу сказать, что я радовалась: мне хотелось сделать все очень быстро и великолепно, вместо этого я задала работу Вам.

Я вижу, что от Вашей руки все засветилось иначе. Я очень все это оценила. (...)

Я, кажется, поняла, в чем дело: я просто, оказывается, не имею *ни-какого* принципа в переводе подобного текста и отсюда стараюсь быть ползуче-верной подлиннику. Это дилетантство, конечно, потому что ползучесть получается сама собой. Я к ней не стремлюсь.

Конечно, я еще нескоро научусь парить над фразой, как Вы. Но теперь я поняла направление.

Сомнение у меня еще вот какое: Вы понимаете Арденнский лес (в истории Великолепного) как место боев, а мне кажется, что это шекспировский Арденнский лес, место уединенного вдохновения (здорово нашли это слово; а я имела в виду блоковскую даму — но вы правы, эта ассоциация сейчас не всеобщая), написано задолго до мировой войны. М. б., я ошибаюсь.

Целую Вас. Спасибо.

Руня

* * *

Киев, 26.XI-68. Женя Тардова

Камю меня потряс. Нора, дорогая, какие уж там споры — «Чужой», «Посторонний», «Равнодушный». Он — свободный, перед самим собой свободный. Независимый до самого конца. До самого доньшка. Я нарочно не стала читать Рюрикова и никаких других критиков и аналитиков — отнюдь! Как ни трудно пока еще дается мне чтение, но потом все это я прочту от доски до доски. Но сейчас я хочу побыть только наедине с собой и тем Камю, которого подарили мне Вы. Как недавно перед тем Брэдбери (я ничего не собираюсь сравнивать, Вы сами понимаете, в чем тут для меня соль, в чем именно важность). Какая жаль, что из-под этого пера не выйдет больше ничего, что замер живой голос, замер на полуноте. Так беспощадно нас ограбив, духовно, как Хемингуэй, как Бертольд Брехт, как Назым Хикмет (знаю, не сравниваю).

Страшно важно, что Вы не сдались перед всесильной традицией, перед важными авторитетами, отстояв свое. Это «Посторонний» всей скверне жизни. Но как же, должно быть, бедны все-таки наши возможности перед *большим*, столько в себя вобравшим иноземным словом. Тончайшие оттенки синонимии, неисчерпаемые возможности под-

текста, речевой характеристики персонажей, образа, и как гармоничен и вместе беспощаден в каждом слове Ваш перевод. Не упущена, видно, ни одна возможность просторечия, современного разговорного языка уличного и узко национального. В общем, борьба с книжностью.

Да, нелегко дается постижение мастерства, погружение в самые сокровенные глубины языка, т. е. мысли, обобщений характеров, общественной жизни, культуры народа, ошибки разных (и даже не разных) его представителей, непоправимых жестокостей жизни, изуродованной и поруганной поневоле, окровавленной поневоле. Кровь у самого синего моря. Под самым блещущим небом. Жизни молодой и сильной, нелепо погубленной жизни. И обо всем этом нужно рассказать на своем родном языке, так, чтобы он стал, зазвучал нашим языком и речестроением... Порой можно прийти в самое настоящее отчаяние, и в то же время победа — высшее наслаждение. (Наслышаны ли Вы об истории Петра Виноградова — переводчика времен Петра I.) Но — глаза боятся, руки делают. Когда-то на переводческой секции Рыльский делал сообщение о своем новом переводе «Пана Тадеуша», переделанном им начисто. Народу было мало. Заседали поэтому не в зале, а в небольшой (она у нас называется голубой) гостиной и вместо официального доклада сама собой родилась беседа, вернее, даже какой-то проникновенный монолог Максима Фадеевича.

«Сумел ли я что-нибудь сделать? Проник ли в язык Мицкевича, где все мне, казалось бы, так знакомо и ведомо. Не знаем мы, где в самом деле неологизм, где архаизм или варваризм во всех доступных мне нюансах. Всегда ли мы уверены, что постигли их?» За окном был июнь, цвел сад, веяла прохлада, за столом стоял (сидел) поседевший Максим и говорил он не с нами, а с собой, и в голосе печаль и вопрошание. И мы все замерли. Терзается Мастер, Поэт, Вершитель. Что же тогда *мы*? Потом он встряхнулся, отогнал трудные мысли и вслух сказал дерзновенно и завзято — хорошее словцо — упрямо: «Я сделал все, что мог. Кто может больше — карты ему в руки». Вот Вам страничка (будущих) воспоминаний. Сколько вышибла больничная койка, но это в скобках.

Норушка, светик, поздравляю Вас от всей души с отличной работой. На каждой странице, в каждой строке — рука подлинного Мастера! Со всем чувством ответственности награждаю Вас сим высоким званием. Вот это почерк! Монолит. Цельность безупречная и в то же время тончайшее плетение в каждом отдельном слове. Ни одного сбоя, ни единой трещины, нигде нет желания заглянуть в оригинал (Вы ведь знаете причины этого неодолимого желания — переводной текст режет глаз, царапает ухо, как звук ножа, протаранившего тарелку).

Не знаешь, какой бы из образов, эпитетов, пейзажных деталей выделить из массы.

Сначала подчеркивала, потом это бесполезное занятие оставила. Всюду здорово.

Еще раз от всего сердца поздравляю, дорогая. Не загордитесь только. Но когда в творческом активе литератора есть такие шедевры, как «Маленький принц», мой дорогой, милый, прирученный принц Экса и «Посторонний» (он же «Независимый») Камю, загордиться есть все основания. И знаете что — гордитесь вовсю и никаких гвоздей. И двигайтесь отныне столь же важно, как церемониймейстер пышнейшего в мире царского двора, потому — имеете право!

И знаете, Норушка, когда я Вас еще не знала, мне за Вашим именем чудилась некая офранцуженная, расфранченная фифа. Ну может ли быть что-нибудь смешнее?!

А когда имеет появиться на свет божий отдельное издание «Постороннего»? Стою в очереди с простертой рукой и жаждущим сердцем.

В мыслях Норушка у меня неотрывно, не говоря уже о вечном жительстве в сердце.

Мне вдвойне стыдно писать о своих всяких немощах, о нелепице всяческих неурядиц, от сего происходящих, Вам — воплощению мужества, организованности, стойкости и великолепной работоспособности — органической и воспитанной в себе волей и многим множеством лет, отличных, трудовых, наполненных лет. Раньше и я была вроде такая. Да нет, что за похвальба! Но на стезю переводческую стала поздно. Увлекало много другое.

Не умею писать в два слова: жива-здорова. Не умею, видно, в немногом сказать многое. Редкий завидный талант. Но для меня письмо — живое, непосредственное общение, собеседничанье.

(...) Норушка родная, крепко-крепко обнимаю. Никогда не забываю. Помните наши прогулки?

Раечке мой сердечный привет. Что у вас обеих на рабочих столах, ежели не секрет?

Доброй Вам охоты!

*Ваша всегда
Женя*

Норушка, дорогая моя!

Прежде всего большущее спасибо за книгу¹. Она у Вас молодеет и обновляется с каждым новым изданием. Это убедительнейшее свидетельство Вашего роста и насущной необходимости Вашего неутомимого и поистине творческого труда.

¹ «Слово живое и мертвое». М., 1979.

Очень рада, если мои размышления показались Вам полезными. Но ведь мы всегда были единомышленниками и яростными борцами за просторечие и обновление языка, не жалея сил в борьбе с канцеляритом, буквализмом, длиннотами и всяческим засорением великолепного и такого гибкого языка нашего.

Теперь хочу поговорить о переводе рассказа Армана Лану «Песочные дворцы» (или замки — не помню). Перевод Мориса Ваксмахера и какой-то незнакомой мне женщины.

Я Лану знаю. Собиралась даже переводить его «Майора Вотрена». Ваксмахер известный переводчик. Не знаю, как по-французски Лану использовал *sable*. Но сказать по-русски «*песочные дворцы*»! Это до того не по-русски! Бывают песочные пирожные, песочные часы, детские песочницы. Бывают дома на песке. Но замки! Как бы Вы тут сказали? Тут надобней всего правильное иносказание, и слово «песок» вовсе не обязательно. Вот это и был бы *перевод*, и это было бы вернее всего. По сюжету двое влюбленных хотят хотя бы из песка, но вполне точно по плану воскресить, как бы заново построить разрушенный немцами их родной город. Рассказ был, по-моему, напечатан в «Литературке».

Да, чтоб не забыть. Черкасский обл. театр поставил Вашего «Маленького принца», сиречь Сент-Экса. Сильно подозреваю, что оригиналом послужил не французский подлинник, а Ваш перевод. Дознайтесь.

Очень рада, что у Эдды все хорошо. Очень жалею, что она не пишет. У нее получалось здорово. И я до сих пор помню ее отличную статью «Искусство прочтения искусства»* [*О книге Т. Бачелис. Феллини. — Эдварда Кузьмина. Светя другим.]

Покорил меня Митя. Как же этот ребенок делает свои именные указатели? Ведь это весьма и весьма не просто, и запутаться много легче, чем добиться успеха. Интерес его к этому мне понятен: ребенок литературный, вырос в такой среде. Но все же, как он ухитряется не заблудиться в этих дебрях.

Недавно один еще совсем зеленый, но способный начинающий, не найдя источника цитаты, просто написал другу-англичанину. Но ведь не у всех этот выход под рукой. Да и Митюшка делает совсем другое!

Как Ваша австралийка? (Маккалоу. — Э. К.) Так бы хотелось прочесть.

Большое горе — умер Н. Н. Михайлов. Это был человек совершенно необыкновенный. Такие встречаются один на миллион и то не всегда.

Да, как Вы относитесь к рубрике в «Литературке» «Как мы говорим и как пишем»?

Помните, как мать говорит мужу о дочери. Они выходят из трамвая, что ли. «Спрыгни ее!»

Обнимаю крепко, крепко. Эдде, Раечке, Митьке огромный привет.

Ваша Женя

* * *

*От Влады Городницкой
Ленинград, 17.IX-86*

Дорогая моя Нора Яковлевна!

Книжку прочла с удовольствием, спасибо большое, хотя все эти 22 года я нежно любила и буду любить и старенькую роман-газету с прекрасным портретом автора (Харпер Ли. «Убить пересмешника». — Э. К.) и дорогой мне дарственной надписью переводчика. Она у нас читаная-перечитаная, и не только нашей семьей, но и многими, многими другими. Это ведь из тех книг, что дарят надежду — достоинство редкое. Еще и еще раз — спасибо Вам.

Как Ваше здоровье? Как все близкие? Как Митина учеба? (...)

Напишите, что работается, что нового? Прекрасная у Вас работа: чем Вы старше, тем больше в ней можете и цените. Ведь Ваш мир при Вас. Пишите. Берегите себя.

Всем от меня поклон.

Целую.

Ваша Вл.

* * *

*От Л. Разгона
24.IV. 83*

Дорогая Нора Яковлевна!

Спасибо за память, за любовь, за книжку — за все хорошее и радостное, что всегда исходит от Вас.

На днях пришлю Вам книжку, вышедшую в свет благодаря Вам. Ибо их виновники — Ваша дочь и Ваш внук¹.

Чтобы Вы были обязательно здоровы.

Рика² и я Вас об этом умоляем.

Ваш Л. Разгон

* * *

XII-83

Дорогая Нора Яковлевна!

С ужасной силой поздравляем Вас — главу мощного литературного клана.

¹ Я редактировала книгу Л. Разгона «Зримое знание», о Тимирязеве и Ферсмане. А мой сын Митя составил к ней именной указатель — в 14 лет.

² Рика Ефремовна — жена Л. Разгона.

Чтобы вы все были здоровы, чтобы мы все радовались новым книгам — Вашим и тем, к которым приложили ум, сердце и руки Эда и Митя.

Самый сердечный привет Рае.
Мы Вас обнимаем.

Р. и Л.
Разгон

* * *

От Нины Исаченко
г. Рига

Нора Яковлевна, день добрый!

Хочу обрадовать Вас! Только что разговаривала с заведующей иностранной литературы книжного издательства «Лиесма» — тов. Лейете, она сообщила для Вас телефон переводчицы, которая будет переводить «Крысолова» на латышский язык — Хелма Лапиня. (...)

Марина Григорьевна Костенецкая помнит наш разговор о том, чтобы еще одну жизнь дать «Страннику» в кино, но, видимо, пока она на Рижской киностудии не видит подходящей ситуации. Но я периодически ей об этом напоминаю. Мы с ней видимся в связи с возникшей неожиданно идеей сделать одну работу совместно, куда, думаю, войдет поэма Вашего внука.

Виделись ли Вы с Яценко? Он недавно был в Москве на очередной конференции.

Совсем забыла, как сказала заведующая отделом иностранной литературы Лейете, «Крысолов» выйдет в свет — лишь в первой половине 1992 года, раньше, к сожалению, ничего не получилось.

Пока всего доброго.

С уважением Нина.

P. S. Большой привет Вашей дочери и Раисе Ефимовне.

* * *

От Е. М. Бориной
22.XII-90

Дорогая Нора Яковлевна!

Сердечно поздравляю Вас и Эдварду Борисовну с приближением Нового Года! Желаю здоровья, творческих успехов и спокойствия...

В «Огоньке» № 50 1990 г. с. 10 в статье А. Приставкина упоминается имя А. А. Борина в связи с проводами семьи Копелевых. Мы провожали многих замечательных людей в эмиграцию, в ссылку и «на вечный по-

кой». Среди многих десятков хорошо помню проводы Аксенова, Войновича, Губермана (Игорь Гарик). Иных уж нет, и многие далече...

Будьте-будьте здоровы. Целую Вас

Елена Михайловна Борина

9.V-87

Кондратьеву

Дорогой Алеша! Спасибо за поздравления (хотя, признаться, с детства этот день не любила и не праздновала, а 75 — и вовсе невеселая цифра). Но главное — спасибо за чудесную книжку. Какой Вы молодец! Книжка — добрая, без поучительности умная, вся — свет и душевное тепло. И немного задумчивости, и немного грусти, это ведь тоже так нужно крохотному читателю (слушателю) для роста души. И рисунки мне нравятся — светлые, легкие, с юморком, под стать стихам. Поздравляю!

Хотела позвонить, но распорядок (или беспорядок) моего житья-бытья такой, что проще отвечать на письма за машинкой, на ночь глядя, после рабочего дня. А работаю я в свои 75 не глядя ни на часы, ни на календарь — пляшу сразу на многих свадьбах. М. б., Вы заметили 15-ю полосу «Литгазеты» от 15.IV? Снимается с мели «Корабль дураков» американки К. Э. Портер, моя работа 10-летней давности, надо пересмотреть. К переизданиям правлю другие работы и перевожу новое. В «Дружбе народов» отрывок из 4-го изд. моего «Слова», оно уже вышло, боюсь, мало достану книг, тираж ничтожный... В общем, работаю, это главное. Счастливой работы и Вам и всего самого хорошего!

НГ

Дорогая Нелли Арташесовна (Хачатурян)!

Видно, у нас с Вами сработал некий «телепатический контакт» и написали мы друг другу в одно время! Простите, что я лишний раз Вас тормошила, но всерьез боялась, что бандероль пропала, а Вы решите, что я забыла свое обещание.

Спасибо вам большое за доброе письмо, такие — не так уж часты, и каждое для меня — радость и награда, а главное — подтверждение, что маялась не зря. Ведь новое это издание для меня оказалось неожиданностью, много было спешки, а я, как любую свою работу, и его старалась исправить, да и дополняла. Писали-то мне много, писем набралось сотни полторы. И пишут по-разному: кто требует от меня, как от какой-то высокой инстанции, чтобы я везде и во всем навела порядок (будь это в моих силах и в моей воле...), кто ловит на ошибках, — а без них не обходилось не только по вине типографии, но и по моей, на пол-

торы, примерно, тысячи разных примеров пришлось и несколько неточностей или вещей спорных. Чаще всего пишут люди, от литературы далекие, и это почти всегда особенно интересно. Кое с кем завязалась переписка на годы. Один молодой геолог из Магаданской обл. прислал прелестный «гонорар» — отшлифованный кусочек агата с вкраплениями хрусталя, украшение моего письменного стола, — а написал так: мол, книжка ваша светлый ручеек, но вокруг нас канцелярита океан, спасибо за глоток из ручейка, но... дай бог ручейку одолеть океан, только надеяться на это трудновато. Вот такой мудрый геолог!

Я еще в 1-м изд. «Слова» посвятила страничку некоему доктору наук, к-рый тоже и преподает, и толстенные тома ученые печатает, поучая студентов и учителей понимать литературу, вдумываться во глубину строки... И другие видные и ученые мужи в Л/газ. «За круглым столом» отсылают к этим его трудам молодежь, — а он уж таким бездушным, таким отвратным языком пишет, так кощунственно — и о Чехове и о Ломоносове, и еще о многом и многих... И у меня эту страничку вычеркнули, и ни во 2-м, ни в 3 изд. не дали коснуться сего божества, которое, оказалось, еще и входит во многие редсоветы и советы ученые — и его боятся тронуть... Вот — очень хотела бы и надеюсь! — встретимся с Вами как-нибудь снова в Переделкине, и я Вас развлеку тоже кое-какими образцами этого гнусного канцеляритного словоблудия.

А если и правда я чудом доживу до 4-го изд., можно будет взять туда кое-что из приведенного Вами? Имен я никаких (в отрицательных примерах) не называю, но кое-кто себя узнал, кое-кому поспешно доложили приятели, врагов я нажила немало — и леший с ними, пишу-то я не из желания обидеть кого-то, а — хоть немного помочь тем, кто способен на примерах зла и добра чему-то научиться и Слово беречь. Потому что Слово и я люблю, как умею. Грустно только, что иногда работаешь впустую. Год жизни, кусок сердца вложен в огромную, важную, всемирно известную книгу, а она вылетела из плана, уже 3 года прошло, наверно, так и не дождусь... Вот и поплакала Вам «в жилетку».

Еще раз — сердечное Вам спасибо на добром слове о моем «Слове», значит, все-таки книжка и правда работает, кому-то помогает, это — самое для меня главное.

С уважением

НГ
30/I-80

* * *

(Н. А. Хачатурян, Ереван)

Уважаемая Нора Яковлевна!

Огромное Вам спасибо за «Слово», такое живое и такое животворное! О впечатлениях своих долго говорить не решаюсь — Вас, наверное,

уже снова захлестнет поток читательских писем. Да и неловко как-то подмастерью соваться со своими восторгами к Мастеру. И все же не могу не сказать: книга уникальна и по материалу, и по тонкости языкового анализа, и по реальной практической отдаче.

Наш Книготорг... клятвенно обещал выделить университету 50 экземпляров. Твердо надеемся ее получить и теперь уже широко использовать в работе и с переводчиками и с филологами любого профиля, в частности, как пособие по практической стилистике (одноязычной и сопоставительной). Не всегда же глухота к слову неизлечима! Иногда достаточно показать разок-другой, что к чему, глядишь, человек и сам задумается. Одну книгу непременно презентую на этот предмет в наше издательство, русской его редакции.

Еще раз — спасибо Вам и низкий поклон за Вашу книгу, за Ваши переводы, за все, что Вы делаете. Не сочтите слова мои за краснобайство: я верю, что в начале было Слово, люблю его, стараюсь, по мере сил, хоть не вредить, и Ваш высокий труд вызывает у меня благоговейное чувство. Ради бога, не сердитесь, мне много лет хочется Вам это сказать, но сказать я так и не решилась бы никогда, написать — все же легче.

Новых творческих удач Вам и душевного спокойствия в нашем все более беспокойном мире.

С глубоким уважением —

P. S. В первых числах февраля я вернусь в Ереван. Думаю, книга уже будет.

Н. Х.

* * *

Дорогая Нора Яковлевна!

Прежде всего разрешите Вас поздравить. Вышел-таки Камю. И какой! Интересная подборка, и переводы превосходные. Не могу не похвалить себя: Ваши переводы узнала не по подписи. Стил переводчика, что бы там ни говорили, вещь вполне осязаемая; единый Камю здесь все-таки в трех ипостасях, и утонченную простоту, нестандартность и абсолютную естественность манеры Н. Галь не спутаешь ни с кем (очень-очень в скобках: в переводе С. Великовского меня несколько озадачило «мы вошли вовнутрь Истории» (стр. 180). Вряд ли это диктуется стилистикой Камю?).

Конечно, Камю мне еще читать и читать.

Сердечный привет Раисе Ефимовне.

Будьте счастливы!

Ваша Нелли

27.3.80 г. Нелли Арташесовна Хачатурян, Ереван

* * *

Дорогая Нелли Арташесовна!

Спасибо за добрый отзыв о Камю. Не помню, м. б., рассказывала Вам или писала об истории с переводом «Постороннего»? Одновременно журнал ИЛ заказал перевод мне, а изд. «Прогресс» — ныне покойной Н. И. Немчиновой. Обоих просили держать заказ в секрете — мол, дело шаткое, может и сорваться, конечно, мы друг о друге не знали. Мой пер. вышел в сентябре 1968 — была сенсация первооткрытия, Нем-ва за голову схватилась, даже сказала — знай я, что Нора делает, не бралась бы. А ее пер. вошел в однотомник 1969 г. — и тем самым журнальная публикация обречена на забвение, т. е. обеим нам горько. А в сб. «Мастерство перевода» 1971 г. Яхнина подробно сравнила переводы и вежливо уничтожила несчастную старуху (не из тщеславия говорю, мне тоже не легче, журнал-то забылся, а однотомник живет). Вот такие издательские нравы и порядки.

Спасибо за память и сердечный привет Карине С¹. Теряюсь — почему люди меня боятся? Я-то, грешный человек, сама не из храбрых, всю жизнь маялась застенчивостью. В том же Переделкине держусь поодаль отчасти из-за рабочей «запарки», отчасти — из той же самой робости.

Всего Вам доброго и светлого, будьте, главное, здоровы! Сердечный привет Л. М. И Рая Вам обоим кланяется.

Н.Г.

8/IV-80

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Сегодня я получил письмо от Евгения Львовича Немировского с Вашим адресом, который я просил написать при нашей встрече с ним 7-го сентября в Ульяновске.

Я Вас, конечно, благодарю, уважаемая Нора Яковлевна, за то, что Вы разрешили Е. Л. написать мне Ваш адрес и написать Вам письмо.

Понимая Вашу занятость, я буду краток как сейчас, так и в дальнейшем, т. к. надеюсь на переписку с Вами.

Конечно, я должен представиться Вам, но я решил выслать Вам очерк, написанный А. Блохинцевым обо мне в «Книжном обозрении», из которого Вы узнаете кое-что обо мне. Высылаю Вам также шесть своих экслибрисов.

Уважаемая Нора Яковлевна!

¹ Карина Саакянц писала диплом по переводу «Маленького принца», советовалась с Норой Галь.

О Вас я, конечно, давно знаю, как о переводчике произведений моего любимого Антуана де Сент-Экзюпери, жизнь и творчество которого я изучаю. Я собираю все о Сент-Экзюпери: книги, журнальные и газетные статьи, все издания книг самого Сент-Экзюпери, переписываюсь с президентом общества друзей Сент-Экзюпери во Франции Пьером Шарпантье, с автором книги «Сент-Экзюпери» Марселем Мижо. Они мне прислали несколько журналов с материалами об Антуане. Правда, все эти статьи в журналах — на французском языке, которого, к сожалению, я не знаю, но мне переводит один знакомый книголюб.

Я обращаюсь к Вам, уважаемая Нора Яковлевна, при возможности выслать мне любые материалы, имеющие отношение к Сент-Экзюпери. Буду рад получить от Вас ответ.

Всего Вам доброго.

С уважением

Н. Яценко

22.09.79 г.

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Спасибо за Ваше письмо-открытку!

А есть ли у Вас воспоминания Пьера Шеврие о Сент-Экзюпери?

Это книга или статья?

Когда издана? Во Франции?

Я, пожалуй, попрошу Пьера Шарпантье (Президента общ-ва друзей Сент-Экзюпери) выслать мне эту книгу, если это книга. Но сначала я дождусь Вашего ответа.

Недавно я получил письмо из общества друзей Сент-Экзюпери, из которого стало известно, что во Франции никаких мероприятий по случаю 80-летия С/Э не планируется. Интересно, но печально.

На мои вопросы: «Почему нет во Франции памятника Сент-Экзюпери?», «Почему даже нет мемориальной доски на доме, в котором родился Антуан?» друзья Сент-Экзюпери не могут ответить.

Меня это удивляет.

С одной стороны, французы хорошо чтят имя Антуана, а с другой — не понятно, почему не установят даже мемориальную доску.

Журнал «Икар» в 5-ти своих номерах опубликовал большое количество статей, очерков, заметок, фотографий, документов о Сент-Экзюпери. Эти журналы мне подарило общество друзей Сент-Экзюпери. Все прекрасно, но... они на французском языке, а переводом для меня занимается человек преклонного возраста, и переводит он очень медленно. А скоро мне будет выслан 6-ой номер этого журнала, в котором

будут помещены материалы о последнем периоде (1943—1944 г.) его жизни.

Всего Вам доброго.

С искренним уважением

Н. Яценко

7.02.80 г.

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Спасибо за ответ на мой вопрос. Для меня он, конечно, интересен. Прочитал я вторично главу «Кудесник». Вы правы, Элен Фроман намного умнее была Консуэло.

Жива ли сейчас Элен Фроман? Не знаете? Тогда я спрошу у Мижо и Гавуаля.

И еще: Могу ли я в своей статье о Сент-Экзюпери написать о подруге Элен Фроман? О том, что она написала книгу о нем.

Да, у меня есть книга Мижо, есть и фото проекта памятника Сент-Экзюпери, но этот проект остался проектом, никакого памятника Сент-Экзюпери так и не установили. Об этом мне писали Мижо, Гавуаль и Пьер Шарпантье. Более того, и не планируется в ближайшее время установить памятник.

А о мемориальной доске, конечно, я знаю. У меня есть перевод того текста, который там написан.

Рад общению с Вами!

От Вас я уже немало узнал! Спасибо за это!

С искренним уважением

Н. Яценко

17.02.80 г.

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Благодарю Вас за открытку!

Конечно, буду благодарен Вам за новую книгу. Высылаю Вам портрет Сент-Экзюпери работы молодого художника Мицука Владимира Агеевича из Симферополя.

Высылаю и графическую работу этого художника «Маленький принц на планете «Земля». По-моему, гравюра хороша!

Я написал в «Крымскую правду» свою статью к 80-летию Сент-Экзюпери и выслал туда обе эти работы Мицука. Надеюсь, что опубликуют.

Написал я уже и в «Ульяновскую правду» большую статью (7 печатных страниц), где упомянул и о Вас, отдал редактору.

Конечно, я Вам сообщу немедленно о результатах поиска самолета Сент-Экзюпери.

Недавно я получил письмо от нового Президента общества друзей Сент-Экзюпери Клода Лебея, который заменил ушедшего на пенсию Пьера Шарпантье.

Всего Вам доброго!

С искренним уважением

Н. Яценко

27.05.80 г.

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

...Высылаю Вам приглашение на юбилейное наше заседание клуба «Прометей», где есть мой экслибрис с Маленьким принцем. Читали ли Вы в газете «Труд» от 2.X-1980 заметку Ваксмахера «Как погиб Сент-Экзюпери»? Ваксмахер не знает, оказывается, что Сент-Экзюпери погиб не на французском истребителе, а на американском фоторазведчике «П38», который не был совсем вооружен. На самолете не было ничего, кроме фотоаппарата.

Знаете ли Вы Ваксмахера? Сент-Экзюпери не пропускали по медицинскому освидетельствованию даже на фоторазведчиках летать, а уж на истребителях — тем более. А потом, это уже не загадка: в книге Мижо есть даже фото самолета, на котором Сент-Экзюпери вылетел в свой последний полет. А Гавуаль мне несколько раз писал об этом американском самолете-разведчике «П38».

В Киеве изд-во «Молодь» выпустило книгу (недавно) Сент-Экзюпери «Планета людей» на укр. языке. Могу Вам выслать, если нужна таковая. Пишите. Мне прислали друзья уже 4 экз.

И еще. Я подал в партком ШВЛП, где я работаю, заявление-обоснование о создании при ШВЛП музея Сент-Экзюпери. Партком будет заседать в текущем месяце по этому вопросу.

Всего Вам доброго.

С уважением

Н. Яценко

9.10.80 г.

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Высылаю Вам книгу Сент-Экзюпери «Планета людей» на украинском языке.

Я получил предложение от журнала «В мире книг» написать статью к 50-летию выхода книги «Ночной полет» Сент-Экзюпери, где

меня просят, в том числе, написать мнения (отношения) советских людей (конкретных) к творчеству Сент-Экзюпери и к «Ночному полету» в частности.

Прошу Вас изложить Ваше мнение, которое я приведу в кавычках, чтобы не исказить его.

И еще. Напишите, пожалуйста, о первом издании «Ночного полета» в нашей стране.

По-моему эта книга увидела свет в 1957 г. вместе с «Землей людей» (перевод Г. Велле), так, да? Одним словом, прошу Вас написать все, что Вы знаете о «Ночном полете» Сент-Экзюпери. Первый переводчик «Ночного полета» — Ваксмахер? Напишите, пожалуйста, его адрес, имя и отчество.

Всего Вам доброго!

С искренним уважением

Н. Яценко

21.10.80

* * *

Уважаемый Николай Ильич!

Очень хорошо, что будет Ваша статья о «Ночном полете». Вы спрашиваете мое мнение об этой повести. Наверно, основательнее Вам написал бы ее переводчик Морис Николаевич Ваксмахер, он не раз говорил и писал о С/Э, а накладка в «Труде», как я Вам уже писала, возможно, получилась не по его вине. Координаты его: 103064, Москва ул. Машкова, 14, кв. 18, и он работает в изд-ве «Художественная лит-ра». (107078, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19). В книге этого изд-ва «Земля людей», М. 1957, «Ночной полет» вышел впервые именно в его переводе («Земля» — пер. Велле). Для однотомника 1964 г. он пересмотрел и исправил свой перевод, и уже в таком виде «Полет» с тех пор переиздается.

Что могу сказать я? Конечно, «Ночной полет» — прекрасная, очень сильная книга. Книга о мужестве и самоотверженности, о тех, кто прокладывает новые пути, преодолевая не только суровую стихию и несовершенную технику, но и себя. Начальной поре авиации, уже давнему, но такому памяtnому взлету человека над родной планетой не ради рекордов, но ради людей сам Экзюпери отдал немало сил и души. В нелегком труде пилота мастерство было для него неотделимо от поэзии — и так же нераздельны они в его книгах.

И все же в той ранней его повести не хватает главного, чем дороги (думаю, не только мне) книги более поздние, где чувствуется уже подлинно зрелый ум и мудрое сердце Сент-Экса.

Да, герой «Ночного полета» Ривьер — победитель, но слишком он НАД людьми. Не случайно Дидье Дора, который «вводил» Сент-Экса в авиацию, возражает тем, кто его, Дора, считал прямым прообразом Ривьера. В своих воспоминаниях он пишет: «Полагаю, что я не заслужил ни такой чести, ни такой обиды... Ривьер подчиняет себе погоду, технику и *человеческую природу*. Я никогда на это не покушался» (подчеркиваю в обоих случаях я. — Н. Г.).

На других страницах Сент-Экса — и в «Военном летчике», и в особенно дорогих мне «Планете людей», «Маленьком принце», «Письме заложнику», которые мне посчастливилось перевести, все — сами люди, а не сверхчеловеки, и они всегда живут и действуют вместе с людьми. Там нет героя, который, подобно Ривьеру, противостоял бы остальным, возвышался над ними или, того хуже, кого-то из них унижал бы. (Сатирические образы Дельца, Честолюбца, Пьяницы в сказке о Маленьком принце, понятно, стоят особняком.)

Вот, пожалуй, по-моему, главное.

Счастливо Вам работать над интересной и нужной статьей! За украинское издание «Планеты» большое спасибо.

Всего доброго, будьте здоровы.

С уважением

Нора Галь
24/X-80

* * *

Уважаемая и добрая Нора Яковлевна!

Вы — человек долга!

Как же Вы прекрасны душой!

Как Вы чувствуете и понимаете людей, в частности меня!

Как кстати Ваша помощь в написании статьи!

Получив сегодня Ваше второе письмо с ответами на мои вопросы, я подумал: «О таких людях мечтал Сент-Экзюпери!» Ведь я понимаю Вашу занятость, и Вы, человек долга, готовый всегда помочь другому, не отказываете ему в помощи!

Я восхищен Вами, и свое восхищение выскажу, обязательно выскажу в своей статье к 50-летию «Ночного полета».

Спасибо Вам, милая, прекрасная Нора Яковлевна!

Всего вам доброго!

С искренним уважением

Н. Яценко
6.11.80 г.

* * *

Уважаемый Николай Ильич!

Большущее Вам спасибо за номер «В мире книг», парадокс — в Москве мне так и не удалось его достать! И очень я порадовалась Вашей статье, много интересного Вы подобрали — и, как говорят журналисты, хорошо этот материал «подали», а попросту — хорошо написали! Так просто, толково и притом человечно, увы, пишут далеко не все наши профессиональные литераторы. Немножко я пожалела, что экслибрис дан не самый удачный — все-таки правильное название лучшей (по-моему) книги Сент-Экса — не *Земля*, а *Планета* людей.

Но это, конечно, мелочь, а большая на журнальный разворот, хорошая статья о дорогом всем нам человеке и писателе — истинный подарок. Спасибо!

Непременно постараюсь поймать передачу с Вашим участием. Еще раз спасибо — и до встречи с Вами на телеэкране.

Будьте здоровы и счастливы, всего Вам доброго!

Н. Г.

4/XII-81.

* * *

Уважаемый Николай Ильич!

Извините, что с таким опозданием отвечаю на Ваши вопросы. Очень трудное выдалось время: был в доме пожар (взорвался газ этажом выше, на 9-м этаже, метров на 10 по диагонали от меня — я на 8-м). Чудом не пострадала ни моя кв., ни моего друга, ученицы и напарницы на 6-м, сама она, по счастью, была в больнице — у нее плохо с ногой. Но: вечер, мороз около 30, долго не могли перекрыть газ, гасили больше 3-х часов. На семи этажах лестничной клетки выбило стекла, поэтому с моей стороны двери уцелели, а напротив и наискось сорвало с петель. Успела в темноте одеться и вынести свои и подружки документы, собранные на ощупь — и со двора увидела классическое, как в фильмах, алое полыхающее пламя и клочья его, летящие на мой балкон... но мои стекла почему-то не лопнули. Вообще же в доме передряга была изрядная, было это 10/1. Кроме этого, вокруг сплошь больницы и похороны, помните у С/Э в «Планете»? — долго насаждаешь оазисы дружбы, а потом время вырубают их... Времени и сил на себя — хотя бы передохнуть — остается маловато, вот и не успевала собраться с мыслями. А сейчас спешно готовятся два переиздания С/Э: «Планета» и «Принц» в школьной библиотеке в Ленинграде — и однотомник в Москве. Заново перечитываю, опять что-то правлю (нет в мире совершенства!) — и могу толковее, кажется, Вам ответить, если еще не поздно.

Для музея, думаю, самое верное из отрывка о Гийоме («Планета», последняя страница главки «Товарищи»): «Быть человеком — (это и) значит чувствовать, что ты за все в ответе». А связать материалы о С/Э с Аэрофлотом — тут уже, наверно, не цитата нужна? Но вспомните начало той же «Планеты»: с грузом почты люди доверяют пилоту свои заботы и душевные порывы, в его руки предают свои надежды, он чувствует себя их защитником и покровителем. Тем более это верно, если на борту пассажиры. А кроме того, самолет, гражданская авиация помогает СОЗДАВАТЬ УЗЫ между людьми, между странами! А кроме того Самолет — машина, но притом какое орудие познания! См. начало главы «Самолет и планета», самое начало. Вот из этого, думаю, и надо исходить. Ведь через все творчество С/Э и через всю его жизнь проходит это стремление — создавать и крепить узы, нити, связи, ВЗАИМОПОНИМАНИЕ между людьми — и ПОНИМАТЬ, ПОЗНАВАТЬ, БЕРЕЧЬ единственную нашу планету.

Может быть, все это Вам пригодится?

Всего доброго, будьте здоровы.

Н. Г.
5.II-82

* * *

Уважаемый Николай Ильич!

Постараюсь ответить по порядку. Переиздания С/Э будут такие: однотомник в московском издательстве «Художественная литература», «Планета» и «Принц» — в Лениздате (серия «Школьная библиотека»), кроме того «Принц» войдет в том «Библиотеки мировой литературы» в издательстве «Детская литература». Сроков точных не знаю, но везде книги уже сдаются в производство.

Слова о том, что человек на Земле за все в ответе, думаю, выражают самое главное в С/Э — человеке, писателе, борце — и особенно нам близки. А вот как убедить в чем-либо начальство, хоть убейте, не знаю! М. б., растолковать, что в деятельности и книгах С/Э — часть ИСТОРИИ всей МИРОВОЙ гражданской авиации? Полеты над морем, среди гор, над пустынями, полеты ночью, без радио, без ориентиров — разве это не касалось ВСЕЙ авиации? Разве это не связано, не сопоставимо и с подвижническим трудом наших пионеров-авиаторов? Думаю, тут лучше может посоветовать М. Л. Галлай, мне-то казалось, что по-человечески довольно и того, о чем я писала, но... у всякого начальства, наверно, свои взгляды.

Всего Вам доброго, здоровья и успехов!

С уважением

Н.Г.
19/II-82

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Благодарю Вас за открытку.

Я тоже думаю — нужно соглашаться на создание постоянной выставки материалов о Сент-Экзюпери. Но как назвать эту выставку? «Выставка материалов о Сант-Экзюпери»? Мне не нравится такое название. А Вы как думаете, Нора Яковлевна?

Всего Вам доброго!

С уважением

Н.Яценко

29.03.83

* * *

Дорогой Николай Ильич!

Теперь моя очередь благодарить за интереснейшие Ваши новости! Великолепно, что именно Вы, человек крылатой профессии, рассказываете о С/Э! Июльский номер «В мире книг» надеюсь на прочтение достать — вообще-то этот журнал связан с издательством «Книга», где 25-й год работает редактором моя дочь, Э. Кузьмина (фамилия — по отцу, он погиб весной 43-го). Но и в их редакции журнал достают не всегда, а в июле она уедет в отпуск. Однако это еще достижимо.

Мечтаю прочитать «Икар». Буду просить в редакции журнала «Иностранная литература», м. б., выпишут и дадут посмотреть, это мне бесконечно интересно.

А главное, поздравляю Вас с предстоящей книгой Вашей! На 73-м году загадывать так далеко трудновато, но если доживу до ее выхода, порадуясь вдвойне. Только, скажу по совести, смутили Вы меня включением в книгу «хороших слов» обо мне. Поверьте, я начисто не тщеславна, к похвалам не приучена, а уж Вы обо мне чересчур лестного мнения. Помнится, я Вам посылала (правда ведь?) русский текст моих воспоминаний и соображений о переводах С/Экса, они назывались «Под звездой С/Э» — и действительно, с 1939 г., когда я и не мыслила стать переводчиком, а рецензировала только что вышедшую «Планету», он и его творчество — огромная часть моей жизни. На днях опять смотрела М/Принца в совсем новом, молодежном театре «Сфера» — своеобразно, но интересно. Все это живет, волнует людей, радуюсь, что тут есть мой труд. А от похвал малость неловко. Даже статья в «Известиях», которая, надеюсь, все же поможет моему «Крысолову» обрести пристанище не только в журнале, но и в книге, смущает именно непомерными похвалами мне как переводчику. С пресловутым «честолюбцем» у меня, право, общего мало. А каждое слово о С/Э мне дорого, Вашего буду ждать с нетерпением.

Всего Вам самого хорошего!

С неизменным уважением

Н. Г.

10/VI-84

* * *

12 июля 1987 г., г. Ульяновск

Дорогая Нора Яковлевна!

Вчера я получил письмо от бывшего директора музея авиации «Эр Франс» Эдмонда Петита, который просит перевести на русский язык его поэтическую статью «12 апреля 1961» (о полете Ю. А. Гагарина) и опубликовать ее в каком-либо журнале или газете.

В этой связи я шлю Вам эту поэтическую статью с просьбой перевести ее. А затем, может быть, и Вам, и мне удастся опубликовать ее где-нибудь. Ведь 4-го октября с. г. исполняется 30 лет с того дня, когда в Советском Союзе запущен первый искусственный спутник Земли, т. е. человечество будет праздновать 30-летие космической эры. И потому наши газеты и журналы будут посвящать этому юбилею материалы. А поэтому статья Эдмонда Петита, по-моему, достойна опубликования.

Мне кратко содержание ее вчера рассказала женщина, которая переводит письма французов ко мне. В статье действительно много поэзии. Я хочу предложить газете «Воздушный транспорт», а Вы, может быть, предложите «Литературке»? Можете предложить любой другой газете. Да, а я думаю предложить и Инкису, чтобы опубликовали ее и в Латвии.

Сейчас Эдмонд Петит на пенсии, живет в предместье Парижа.

Всего Вам доброго!

С уважением

Н. Яценко

* * *

Дорогой Николай Ильич!

В наше не очень-то легкое время, к сожалению, сама духовная жизнь людей, само существование культуры в истинном смысле слова подвергаются многим ударам с разных сторон. Политические и национальные раздоры, экономика, быт, чуть ли не всеобщее ожесточение — на экранах ТВ, на печатных страницах, на улицах... Горько все это. В иные минуты просто жалею, что дожила до такого.

А среди всего этого 5/XII *при полном зале* мои ребята из ТСМ сыграли М/принца! Вот очажок духовности и культуры в темном, одичалом окраинном районе Москвы, вокруг них и сейчас — коллективы-«спутники», где они, молодые, самоотверженные, продолжают спасать детские и юные души. А районные власти и всяческие чиновники мешают всячески, давят буквально. Делаю, что могу, в защиту. На днях там побывала молодая энергичная женщина с ТВ, посмотрела «Мал. принца». Призналась мне потом, что боялась — я «по доброте душевной» переоцениваю и перехваливаю ребят. А после спектакля

позвонила потрясенная: *такой* инсценировки, *такого* проникновения в мысль, чувство, в философию С/Экса нигде не видела и не представляла возможными! Постарается сделать не только короткую информацию о ТСМ, но и большую передачу. Не буду врать, я очень рада, что она все поняла и хочет помочь делом. Ведь я совсем не «добренькая», в делах профессиональных я человек достаточно требовательный, жесткий. И к ребятам этим — уже лет 7, кажется, сбилась со счета — не зря я прикипела душой. *Никто*, ни Драм. театр Станиславского, ни (после смерти прекрасной актрисы О. Бган) «Сфера» с режиссурой той же Еланской, ни прочие сценические, кукольные, эстрадные, кино (Жебрюнас!) и уж тем более балетные (Дворец съездов!) — никакие другие воплощения сказки С/Э не сумели сделать то, что мои ТСМовцы: показать не иллюстрацию, не детскую сказку, а философскую притчу в сказочном облике, непреходящую человеческую духовность. И зал, *сегодняшний* зритель, при всех своих заботах, горестях, ожесточении отзывался горячо, всем сердцем.

В Ленинграде я побывать не смогла, работы Богуцкого и Исаченко знаю лишь по рассказам и переписке. Смоленского помню хорошо. Но — никакого сравнения с работой Леонида Рыжего и замечательной Наташи Жуковой (а 5-го, в 1-м в эту осень спектакле, она играла с температурой 38,6, всего через 2 недели после рождения сынишки!). Уж не говорю обо всех находках, о «триптихе» фонарщик-пьяница-продавец никому не нужных пилюль... о многолюдном городе, где человек — как в пустыне, и на его боль откликается лишь ребенок...

Н.Г.

* * *

22 августа 1990 г., г. Ульяновск

Дорогая Нора Яковлевна!

Вы, конечно же, читали пьесу Л. Малюгина «Жизнь Сент-Экзюпери». У меня возник такой вопрос: Шаховская, которая введена драматургом как действующее лицо это действительно Шаховская Зинаида Алексеевна? Или Малюгин произвольно ввел этот персонаж? Все остальные действующие лица мне понятны, они подлинные. З. А. Шаховская, по-моему, и сейчас жива, она 1906 г. рождения, живет во Франции, куда она уехала, по-моему, в 1920 г. с матерью, т. е. будучи еще девочкой. По-моему, у З. А. Шаховской муж был Малевич, умерший в 1973 году.

Я Вас убедительно прошу Вас подтвердить или опровергнуть — эта ли Шаховская введена в спектакль «Жизнь Сент-Экзюпери»?

Всего Вам хорошего!

С уважением

Н. Яценко

* * *

Дорогой Николай Ильич!

Дорогие мои ребята из ТСМ, несомненно, заслужили самых добрых слов и всяческой поддержки, и я рада буду, если в Вашей новой книжке, которой с удовольствием жду, Вы о них скажете. Они работают буквально день и ночь, он даже позвонить мне редко успевает. Проклятые бюрократы буквально ни на час их не оставляют в покое. Мелкий пример: вдруг отключили два телефона из трех, после великих усилий Лени вновь включили, содрав с ребят за это 700 рублей. Комиссии, проверки, придирки — без конца и счета. Чудо, что эти подвижники продолжают работать, собирают вокруг себя детей и молодежь, полны прекрасных замыслов. На них бы молиться, а их травят.

Может быть, Вам пригодится вместо Лениного письма копия статьи моей дочери о ТСМ. Статью хотели печатать в «Известиях». Промариновали год, тем все и кончилось. Конечно, им сейчас не до того. А не грех бы поддержать культуру, и такую самоотверженную молодежь. Сейчас статью больше полугода маринует журнал «Советская женщина». И тоже неясно, чем это кончится. Надеюсь, что как материал это Вам пригодится.

Всего Вам самого хорошего.

Н.Г.

9 мая 1991

(Это при диких болях с 8.03 (рак) за 2,5 мес. до ухода! — Э.К.)

* * *

22 июля 1991 г., г. Ульяновск

Дорогая Нора Яковлевна!

Получили ли Вы от меня письмо от 20 мая 1991 г. в котором я выслал Вам 5-ю часть каталога своей экслибрисной Экзюперианы?

А сейчас я шлю Вам план работы нашего клуба друзей Сент-Экзюпери на предстоящий V сезон.

Всего Вам доброго!

С уважением

Н. Яценко

* * *

19 августа 1991 г., г. Ульяновск

Уважаемая Эдварда Борисовна!

В «Книжном обозрении» за № 32, 1991 г. в рубрике «Сигнальные экземпляры» я прочитал о выходе в свет «Маленького принца» (пер. Н. Галь). Сент-Экзюпери, М., «Педагогика», тираж 300 000 экз., цена 3 р. 20 коп. Если будет возможность, прошу Вас приобрести один экз. и для

меня. Я ведь собираю все издания книг Сент-Экзюпери — для будущего музея Сент-Экзюпери.

Кончина Норы Яковлевны сказывается и на моем настроении. Жаль, очень жаль. Скромный и большой Человек она была.

Всего Вам хорошего!

С уважением

Н. Яценко

* * *

Уважаемый Николай Ильич!

Посылаю издание, которое Вы просили. Некрологи были только в «Вечерней Москве» — рамка, но у меня только один экземпляр, и в «Лит. газете» № 31 от 7 августа «слово прощания», но Вы ее, конечно, видите. Фоторазворот, который обещали в «Знание — сила», из № 11 перенесен в № 12, дай бог, чтоб там не сорвался. Надеюсь на публикацию в «Книжном обозрении» анонса о выходе в «Художественной литературе» книги Н. Шюта и отрывка из «На берегу». У них идут оба романа Шюта в мамином переводе, и «На берегу», и «Крысолов», который когда-то вышел в журнале «Урал». К великому огорчению мамы, «На берегу» тот же «Урал» дал в чьем-то другом и ужасающе плохом переводе. А сегодня из еженедельника «Россия» я узнала, что этот же жуткий перевод издает Свердловское Независимое издательское предприятие «91», не зная о мамином переводе. Обидно. Это объявлено на 92 год, и боюсь, что им не объяснишь, что издавать надо мамин перевод. И в Худлите уже чистые листы, сигнал — вот-вот.

Всего Вам самого доброго!

Э. Кузьмина
4.X.91

Ю. Яхнина ПОКЛОН МАСТЕРУ

Дорогой читатель! поздравляю тебя. У тебя оказался меткий, а может быть, наметанный и искушенный взгляд — среди разливанного моря книжной продукции, очень часто сработанной на скорую руку, ты обнаружил жемчужину. И теперь ты держишь в руках прекрасную книгу — прекрасную, во-первых, потому, что она составлена из произведений первоклассных французских писателей, во-вторых, потому, что эти писатели говорят с тобой на великолепном русском языке и в нем сохранены интонации, тембр голоса каждого автора. Тем, что, зазвучав по-русски, оригинал не утратил живых красок, мы обязаны мастерству переводчика — Норы Галь.

Нора Яковлевна Галь (1912—1991) начинала свой путь в литературе как критик, но в полной мере ее дарование раскрылось на поприще литературного перевода. Впрочем, в Н. Галь-критике проявились уже те черты, без которых не может быть настоящего переводчика. «Увлекательно было, — вспоминает Н. Я. о своих первых критических работах, — не просто пересказать, дать какой-то анализ... хотелось передать дух и воздух книги, ее аромат». О том, что ей это удавалось, свидетельствует отклик на одну из ее первых критических статей в журнале «Интернациональная литература» — «Франц Элленс». Отклик пришел из Бельгии от самого автора. И в нем были такие строки: «... Хочу сообщить Вам, какое удовольствие доставила мне эта статья. Она содержательна и не довольствуется тем, чтобы лишь слегка коснуться моего творчества, нет, ей удастся проникнуть в него, уловить его основные черты и таким образом дать не предубежденному читателю правильное и полной представление о том, чего хотел писатель». Такова характеристика Норы Галь — критика. На этой основе — глубокого постижения авторского замысла родилась и Нора Галь-переводчик. Взгляд опытного редактора, известной переводчицы В. М. Топер заметил, какое чувство слова свойственно молодому критику — она и поддержала первые шаги Н. Галь на новой для нее стезе.

Если взглянуть на список переводов Н. Галь, вы не найдете там случайных работ, работ-однодневок. Зато вы встретите в этом списке имена великих писателей-классиков, таких как Диккенс, Э. По, Брет Гарт, Дж. Лондон, Марк Твен, и книги современных авторов, каждая из которых оставила след в памяти российского читателя, — среди последних, например, выдержавший десятки изданий роман К. Маккалоу «Поющие в терновнике» или знаменитый «Корабль дураков» К. Э. Портер.

Я нарочно назвала англоязычных авторов — в количественном отношении в творчестве Н. Галь переводов с английского больше. Но, быть может, именно в переводах с французского достигла Н. Галь вершин своего мастерства, а ее переводы А. де Сент-Экзюпери и А. Камю стали признанной переводческой классикой.

Этот том избранных переводов Н. Галь с французского как нельзя лучше отражает и литературные пристрастия Н. Галь и особенности ее творческого почерка и мастерства.

Прочтите внимательно первый раздел — «Благослови детей и зверей!». Вслушайтесь в голоса природы, в голоса людей — авторы новелл каждый на свой лад призывают вас внять мудрым урокам природы, щадить все живое на земле, понять мир чувств и крошечной белки, и горделивого оленя, и конечно ребенка. Писатели говорят как бы об одном — Человек! будь человечен, мир природы дарован тебе не для того, чтобы ты пришел в него хищником и убийцей! Мир зверей и птиц,

деревьев и цветов — и тем более мир ребенка — это мир сложной, богатой и такой хрупкой жизни!

Но писатели говорят об этом по-разному. Разнятся приемы, интонация, и вот это-то и выражено в авторском СЛОВЕ, которому переводчик должен дать жизнь на своем родном языке. И какой же полнокровной жизнью живет это слово в переводах Норы Галь!

«Если я когда-нибудь вернусь в мир, — говорит Жорж Дюамель, — чтобы прожить лет двести-триста, быть может, из каждой моей притчи я сделаю роман... На сей раз невозможно. У меня уже не остается времени. Могу предложить только зерно». Эти слова Дюамеля как бы ключ к его манере — сдержанной, лаконичной, где так кратки фразы, где так мало эпитетов, где все прозрачно и ясно. Эта такая непростая простота и создает интонацию притчи. Совсем иная интонация в новеллах Женева. Какая щедрость красок, как обильны эпитеты, какая длинная, хотя и прекрасно организованная, фраза, какой богатый словарь. Верьте мне, читатель, переводчик средней руки скажет не «во весь размах неба», а «во всю ширь», и ветерок у него не «дохнет», а «повеет», и шеи у жирафов будут не «вскинутые», а «поднятые», ибо средний переводчик вставляет в текст то слово, которое первым попадает в словарь или всплывает в памяти. Цикл рассказов Женева озаглавлен в переводе «Кроткий зверинец». А ведь по-французски это «Tendre bestiaire» и слово «tendre» по словарю — «нежный, мягкий, чувствительный, любовный». Но словарь переводчика богаче и шире нормального словаря, он опирается на контекст литературного произведения, на художественный образ. Средний переводчик не сумел бы заставить нас прожить жизнь маленького Вояки из рассказа Л. Перго так, чтобы гибель белки вы почувствовали как трагедию — трагедию гибели живого существа, тем более страшную, что это и трагедия доверия, ведь в человеке с ружьем не видит опасности маленький безобидный зверек. Не нашел бы переводчик-ремесленник таких слов для характеристики маленького Вояки: «веселая живая игрушка», «веселая щепочка на отливе погожего дня», «рыжий комочек, будто подхваченный ветром», «маленький сообщник солнца», а для охотника: «тяжеловесный зверь», «чужак на двух ногах», «существо с разноцветной шкурой», «горластый зверь». Именно потому, что переводчик вслед за автором вложил весь жар и нежность своего сердца в любовь к крохотному зверьку, щемящая боль охватывает нас при чтении завершающих строк рассказа: «Из пустого глаза рванулась огромная красная молния, безмерное, безумное удивление пронзило маленькую лобастую голову, хлестнуло по горячему сердцу под белой шерсткой на груди злосчастного зверька — он подпрыгнул и кубарем скатился наземь, все еще сжимая в зубах круглое желтое ядро ореха — маленькие челюсти стиснули эту добычу еще крепче, сведенные последним, всепоглощающим изумлением смерти».

А вот рассказы Ф. Элленса, того самого Ф. Элленса, которой был так доволен статьей Н. Галь о нем. Теперь герой Элленса, мальчик Фредерик, заговорил по-русски. И как заговорил! Так и слышишь естественную детскую речь («Давай спорить», «Ничего я не маленький»). По замыслу автора сквозь голос ребенка, постигающего мир в его красоте и сложности, в его радостях и разочарованиях, слышны голоса взрослых, которым ведомо то, что ребенку неведомо (например, социальная иерархия), но зато малыш видит то, чего не видят взрослые, и две эти интонации, не сливаясь, звучат в рассказах Элленса, определяя своеобразие авторской манеры, которая трепетно воссоздана в переводе.

Это умение Н. Галь придать прозе полифоническое звучание, может, особенно ярко проявилось в ее переводе романа Ф. Нурисье «Хозяин дома». Этот роман можно отнести к тому разделу сборника, где речь идет об «экологии нравственности», как принято теперь говорить. Но лучше обойдемся без этого штампованного словосочетания, ибо Н. Я. вела со словесными штампами непримиримую борьбу. Скажем проще: вторым разделом этой книги, озаглавленным «Между Да и Нет», повестью А. Камю «Посторонний» и романом Ф. Нурисье «Хозяин дома» представлена проза нравственных, философских проблем, так высоко ценимая Норой Галь.

«Хозяин дома» — роман психологический. Герой его, интеллигент, писатель, пытается найти точку опоры в жизни, которая не задалась, ибо, добившись внешнего успеха, он терзаем внутренним разладом, одиночеством, неудовлетворенностью. Герою не удастся найти эту опору в себе самом, он ищет ее вовне, покупая дом, который становится для него символом не только поисков физического покоя, но и нравственных исканий. Дом — как бы одно из действующих лиц романа Нурисье, поэтому в тексте огромное значение приобретает описание мира вещей — архитектурного облика дома, его интерьера, ремонтных работ. Оцените богатство словаря переводчика, безошибочное употребление технических терминов, идет ли речь о поперечной пиле, о фильтрах для водопровода или о насосе, которым качают мазут. Норе Галь удивительно удаются эти «вещные» описания. Но еще важнее в этом романе другое — произведение написано «на два голоса», которые звучат контрапунктом. Два видения мира, два характера, две разные культуры, два мировоззрения создают особую объемность — глубину и выпуклость повествования. Одни и те же события, одни и те же люди описаны как бы с двух разных точек зрения. И этим двум точкам зрения отвечают два речевых потока — речь маклера Фромажо, изобилующая присловьями, простонародными выражениями, вульгаризмами («ихней», «шурь-муры», «больно лживы», «эко дело» «под дых», «морду кривили») и изломанная, но даже в нервной сбивчивости своей безупречно интеллигентная речь рефлектирующего писателя. Посмотрите, как по-разно-

му описан в романе переезд. «... в переезд у людей жизнь снята со всех подпорок, спущена прямо наземь, это, знаете, мир для дворняги — поставлено столик на одной ножке, так и хочется задрать лапу».

Это рассуждает Фромажо, агент по продаже недвижимости, стоящий ногами на земле, человек простой, хотя по-своему неглупый и наблюдательный. Для писателя, неприкаянного интеллигента, переезд превращается в символ его неустроенной жизни, которую, как и дом, он не умеет обжить. «Сердце у нас снимается: перед нами обнажен костяк нашей жизни, она разложена на составные части, выпотрошены стенные шкафы, опустели чердаки, рассеялось очарование привычного глазу порядка и уюта...» Если бы не было достигнуто это двухголосие, в переводе пропал бы замысел писателя — показать несовпадение понятий, представлений людей, рождающее их взаимную отчужденность, и попытка преодолеть эту отчужденность, перекинуть через нее хрупкие мостки взаимопонимания.

Знакомясь с блестящими переводами Норы Галь, читатель может вообразить, что такие работы рождаются легко, как бы сами собой, на основе уже обретенного мастерства. Ведь муки творчества не видны, когда одержана победа. А между тем какой гигантский труд привел к этой победе, сколько усилий тратила Н. Я. на каждую свою новую работу и на совершенствование прежних! От издания к изданию шлифовала она свои переводы, тексты уже изданных работ пестрят ее ювелирной правкой. Она ищет более точное слово, более гибкую интонацию. Даже такие признанные ее переводы, как изумительный, десятки раз переиздававшийся «Маленький принц», носит следы исправлений. Вот, казалось бы, прекрасная фраза: «Планета такая крохотная, чем же правил этот король?», но нет, мастер находит лучший вариант: «Планета такая крохотная, где же тут царствовать?», «И все же в тишине что-то светится» — исправлено на более поэтичное «И все же тишина словно лучится». Маленькое словечко «вот» исправлено на «вон» и снова на «вот» («вот моя планета»). Мелочи? Нет! Все оправдано, продумано, прочувствовано, выстрадано. А ведь в готовый текст при переиздании и тем более если это сверка (то есть последняя корректура) внести правку по причинам совсем не творческим (техническим, коммерческим) — как нелегко!

И Н. Я. пишет издателям письма — уговаривает, убеждает, анализирует. Каждое слово, каждый знак препинания, каждая пауза обдуманы, мотивированы, пережиты.

Вот письмо 1983 года по поводу переиздания «Планеты людей» Сент-Экзюпери. «Замена слова (порой даже буквы)... — не каприз и не мелочь, даже если меняю СНОВА на ВНОВЬ, ОПЯТЬ или ЗАНОВО, а СЛОВНО на БУДТО. Прошу поверить... что делаю это не зря, а из-за

неудачного соседства или нечаянного повтора, либо ради более верной интонации»...

А вот из письма 1982 года: «ОГРОМНАЯ ПРОСЬБА К КОРРЕКТОРАМ — не наводить школьно-грамматическую гладкость, не закавычивать там, где у меня нет кавычек, не заменять почему-то ненавистное им, но необходимое по интонации тире — протокольным двоеточием (слушали — постановили). Это ведь все-таки не учебник!»

А в другом письме (1988 года) Н. Я. требует, чтобы в словах типа «мгновенье» корректоры не правили механически окончание на «ние», «тогда как по ритму фразы необходимо сохранить Ъ, избежать однообразия и монотонности».

Шрифты, отбивки, звездочки, расположение рисунков — обо всем думает переводчик. И почти в каждом письме концовка: «Слезно прошу все внимательно внести. Если правка превышает нынешние скудные нормы, пусть издательство как угодно меня штрафует, лишь бы наконец очистить книгу от огрехов, хотя бы мелких. Годами я пытаюсь их устранить — безуспешно, п. ч. производственники, к сожалению, заботятся не о стиле писателя, а только о технической стороне дела». И опять: «Знаю, конечно, в сверке ничего кроме самых грубых ошибок править не положено. Но если можно, возьмите с меня любые штрафы, только поправьте...»

Н. Я. готова платить за исправление даже чужих (корректорских, типографских) ошибок, лишь бы не нанести урона тексту. Коммерсанты всех систем от литературы! Стыдитесь и, если не поздно — учитесь!

Но самоотверженный труд и упорная борьба художника вознаграждаются результатом — переводом высокого класса, который приходит к тысячам и даже сотням тысяч читателей. Но, может быть, читателю не так уж важно, какими словами переложено на русский язык произведение, написанное на другом языке? Чтобы увидеть, так ли это, поучительно сравнить работы Н. Галь с работами других переводчиков (при том людей в переводе не случайных, грамотных и добросовестных), которые работали над теми же произведениями, что и она. Попробуем показать это на примере «Письма заложнику» Сент-Экзюпери.

Это письмо, написанное в разгар войны человеком, каждый день рисковавшим жизнью во имя победы над коричневой чумой и в конце концов отдавшим жизнь в этой борьбе, адресовано тем, кто остался в захваченной фашистами Франции. В этом удивительном по благородству и очень свободном по форме произведении есть и описание городов, уже осененных черным крылом войны, и образ наивно-безмятежных стран, еще не понимающих, что они могут стать очередной жертвой хищника, воспоминания о прошлом, пронизанные ощущением радости жизни, чувством братства с другими людьми, философские раздумья

и слова уважения, надежды и ободрения, обращенные к далеким друзьям. Всю эту гамму красок и чувств и должен был передать переводчик.

Когда Н. Я. взялась переводить «Письмо заложнику», на русском языке уже существовал его перевод. Грамотный, честный — но какой же он холодный, как механически стыкуются в нем безразличные друг к другу фразы, как чужды друг другу отдельные фрагменты текста, как случаен подбор вполне, повторяю, грамотных слов. Сравните же. (Здесь и далее слова в цитатах из переводов подчеркнуты мной. — Ю. Я.).

Вот рассуждение о том, как сберечь память об умерших. Сент-Экзюпери не верит во внешние попытки удержать при себе ушедших, сохраняя, например, их место за столом

Старый перевод	Перевод Н. Галь
Из <u>мертвых</u> надо <u>делать мертвых...</u> Гийоме больше не изменится. Он уже никогда не придет ко мне, но и <u>отсутствовать он никогда не будет...</u> Я сделал из него <u>настоящего мертвого друга.</u>	Надо признать, что <u>мертвые мертвы...</u> Гийоме уже никогда не переменится. Никогда больше он меня не навестит, но <u>и не покинет меня никогда...</u> Я... в <u>умершем</u> <u>вновь обрел настоящего друга.</u>
А вот еще пример:	
Оно (море. — Ю. Я.) <u>заливало бухту одинокой мягкой волной,</u> сверкавшей в лунном свете как <u>вышедшее из моды платье со шлейфом.</u>	Оно <u>влачило</u> по заливу одну-единственную волну. И волна сверкала под луной, как <u>шлейф бального платья совсем не к месту и не времени.</u>

Как тонко прочитан этот образ у Н. Галь! Ведь речь о беженцах, живущих иллюзорной жизнью, «в кукольном театре», и море — как бы зеркало этого существования. Поэтому платье не «вышло из моды», оно неуместно, и волна, конечно, похожа не на платье, а именно на шлейф, отсюда так точно найденный глагол «влачило».

И еще об эмигрантах	
Подобно Лиссабону, <u>игравшему в благополучие,</u> они <u>играли в убеждение,</u> что скоро вернутся. <u>Как сладостно отсутствие блудного сына!</u> Это не <u>настоящее отсутствие,</u> раз где-то есть отчий дом.	Как Лиссабон <u>прикидывался безмятежным,</u> так они <u>прикидывались, будто верят в скорое возвращение.</u> До чего же <u>безобиден уход блудного сына!</u> Уход <u>этот мнимый,</u> ведь позади остался отчий дом.

Чувствуете разницу? Да нет же, не «сладостно отсутствие». Это неправда! (радоваться *отсутствию* могут только те, кто остался). Уход безобиден — так утешают себя эмигранты. Буквально старый перевод даже ближе к оригиналу, творчески верен духу, нраву, смыслу произведения перевод Н. Галь.

А как естественно звучит речь, раскованная, открытая, там, где Сент-Экзюпери вспоминает один из светлых, мирных дней прошлого, когда вдвоем с другом, которому адресовано письмо, они сидели на террасе на берегу Соны и были счастливы: «Мы радовались чему-то, столь же неосвязаемому, как плоть солнечного луча» (старый перевод: «... радость, причина которой была менее уловима, чем материя света»). И друзья подозвали двух матросов и «предложили им выпить с нами... И они пришли. Просто взяли и пришли». (Старый перевод: «... Мы пригласили их к нашему столу... И они пришли. Они попросту пришли»).

Переводчик-художник заново переживает описываемое в оригинале, пропускает текст через себя, и поэтому у Н. Галь на пароходе «драят медяшку» и «разносят подносы с едой», а не «драят медь» и «разносят кушанья», ведь именно так думают о своей работе матросы и именно так разносят еду на пароходе.

Одной из вершин творчества Норы Галь стал перевод повести А. Камю «Посторонний».

Повесть эта вызвала и вызывает до сих пор страстные споры. Рассказ в ней ведется от лица героя и порождает множество вопросов, на которые и критики, и читатели дают разноречивые ответы. Как отнестись к Раймону Мерсо? Осудить или оправдать его чуждость окружающим людям, отгороженность от мира, в котором он живет? Как объяснить совершенное им убийство? Как оценить, наконец, видимое «невмешательство» автора в повествование?

Вот это «невмешательство» и следовало «явить в слове» переводчику. Случилось так, что почти одновременно на русском языке вышли три перевода помести Камю. Но лишь одной Н. Галь удалось воссоздать тот «нулевой градус письма», которым охарактеризовал манеру Камю французский критик Ролан Барт. Бесстрастный тон, лишенный эмоциональной окраски, требовал жесткого самоограничения от переводчика, но именно этот тон и создает в переводе Н. Галь, как и в оригинале, глубокий психологический подтекст. И тем сильнее потрясает финал первой части повести, когда скупая, однотонная музыкальная палитра вдруг насыщается тревожными тонами, которые нагнетают ощущение предчувствия катастрофы и разрешаются мощным аккордом — выстрелами Мерсо.

Как оркестрован этот финал в переводе Н. Галь!

«...В *тот же миг пот*, скопившийся у меня в бровях, *потек* по векам... Я ничего не различал за плотной пеленой *соли и слез* ... только

в лоб как в бубен било солнце да огненный меч, возникший из стального лезвия, маячил передо мной. Этот жгучий клинок рассекал мне ресницы, вонзался в измученные, воспаленные глаза. И тогда все закачалось. Море испустило жаркий тяжелый вздох. Мне почудилось — небо разверзлось во всю ширь и хлынул огненный дождь. Все во мне напряглось, пальцы стиснули револьвер. Выпуклость рукоятки была гладкая, отполированная, спусковой крючок поддался — и тут-то сухим, но оглушающим треском все и началось. Я стряхнул с себя пот и солнце. Я понял, что нарушил равновесие дня, необычайную тишину песчаного берега, где совсем недавно было так хорошо. Тогда я еще четыре раза выстрелил в распростертое тело, пули уходили в него, не оставляя следа. И эти четыре отрывистых удара прозвучали так, словно я стучался в дверь беды».

Вы физически ощущаете слепящий свет солнца, нестерпимую, невыносимую жару, гладкую поверхность металла... Переводчик достигает этого всем арсеналом средств, которыми располагает прозаик. Тут и поразительно выверенный ритм, и неожиданно и безошибочно отобранная лексика. Обратите внимание на возрастающую пропорцию односложных слов и слов с ударением на последнем слоге (они подчеркнуты мною в тексте). Оцените звукопись («плотной пеленой соли слез»), («в лоб как в бубен било солнце»). Вслушайтесь в последнюю фразу, и вы услышите в ней четыре роковых выстрела («словно я — стучался — в дверь — беды»).

Перевод «Постороннего» — пример удивительной чуткости переводчицы к современной литературе. Ведь современная литература — это не только жаргон, иногда проникающий на страницы книг, как поверхностная и дешевая примета сегодняшнего дня. Это и ритм, и интонация, и свободный синтаксис, и конечно, обновленный словарь, соответствующий темам и проблемам времени. Чтобы все это воссоздать в переводе не механически, а творчески, нужно уловить и понять эти темы и проблемы. Характерно, что среди литераторов ее поколения Н. Я. едва ли не единственная так увлеченно и плодотворно переводила современную фантастику, которая в этом сборнике представлена такими разными авторами, как А. Доремье, Ж. Клейн, И. Дермез и даже А. Моруа. И тут свои краски для каждого автора, свои приемы, оправданные жанром фантастики. И как всегда переводческие находки (взгляните, например, как обыгрывает переводчик слово «свет» — ключевое для трагического рассказа Дермеза. Как свободно образует не слишком расхожее множественное число «светы» и как использует многозначность, и в частности современное значение от глагола «засветиться»).

Мы немало и справедливо пишем о трагических годах нашей истории, о скованной цепями запретов нашей великой и многострадальной

Нора Галь со своей мамой Ф. А. Гальпериной. 1934 г.

Нора Галь. 23 апреля 1925 г. 14 лет.

Эдда Кузьмина. 1 октября 1951 г. 14 лет.

Нора Галь. Москва, июль 1927 года.

Нора Галь. Москва, июль 1927 года.

Нора Галь с подругой за шахматами. 10 февраля 1929.

Нора Галь. Начало 30-х гг.

Любимый уголок дома. 10 февраля 1929.

Справа налево: Нора Галь, Коля Подорольский – дядюшка Норы.
Слева – Лиля (Елена Аровновна) Залкинд – подруга юности

Папа (Борис Аркадьевич Кузьмин), мама, Эдда и бабушка (Берта Васильевна) на даче в Салтыковке у Флоры Ауэ. Лето 1938 г.

Эдда Кузьмина с мамой Норой Галь. Кратово, 1945, 29 августа.
Конец детского сада.

Нора Галь. В Крыму. 1950-е гг.

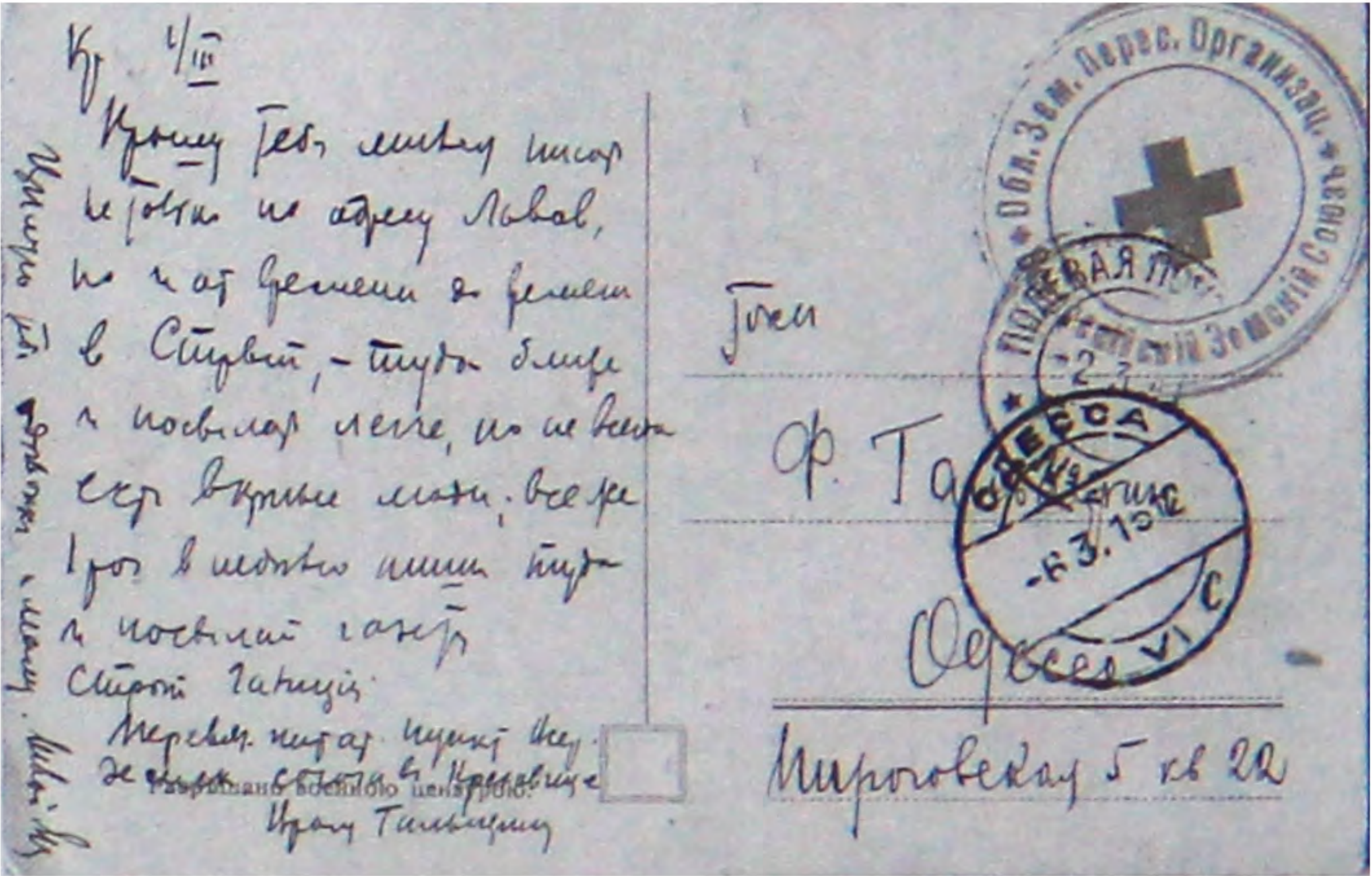
Нора Галь. В Крыму. 1950-е гг.

Леон Рисс -- прадед Норы Галь. †27.04.1912 (12.04 по старому стилю)

Александр Подорольский (1863—1930). Дед Норы Галь, отец ее мамы –
Фредерики Александровны и ее сводного брата Николая.

Письма маме Норе Галь от ее мужа Якова Исааковича Гальперина,
из действующей армии, 1915 г.

«Нориаде, в знак преклонения перед ее светлой личностью,
от двух лохматых чудовищ. Эдда Кабалевская 2 февраля 1931 г.»
«Читала. Почти не возражаю. Соня Шевелева».

«Соня Рыжая»
(Софья Арсеньевна Шевелева).

«Моему дорогому другу
и нашему с сыночкой
придворному фотографу.
Эдда и Юра Кабалевские».
19 июня 1933. Мамонтовка.

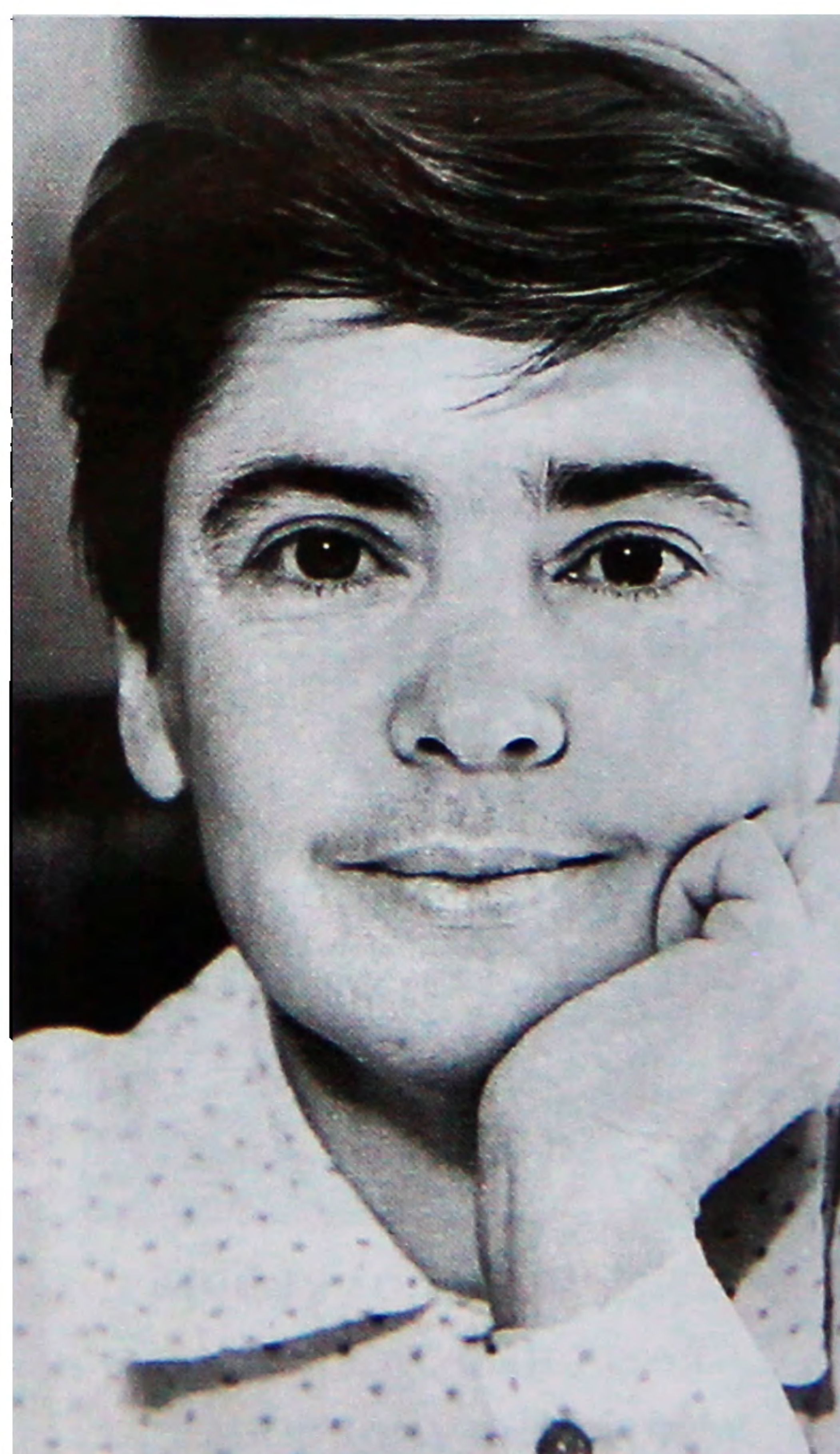
Нора Галь и Вера Максимовна Топер. 40—50-е(?) гг.

Фрида Вигдорова, Рая Облонская и Нора Галь. 1958 г.

Рая Облонская.
(1924–2010)

Фрида Вигдорова (1915–1965).
Фото С. А. Круглова. 1958 г.

Нора Галь. 70-е гг.

Нора Галь на балконе своей квартиры у метро Аэропорт.
19 августа 1980 г.

Портрет Норы Галь.
Рисунок Олега Коренева. 22 июля 1991 г.

Вечер памяти Норы Галь в ЦДЛ 17 апреля 1992 г.

Стенд, посвященный Норе Галь. Портрет 1991 г. и афиша спектакля театра им. Станиславского «Маленький принц» (режиссер Е. Еланская)

Выступает Е. А. Таратута.

Выступает М. А. Галлай.

А.М. Городницкий читает свои стихи.

2-й ряд справа – ?, Наталья Самохина (Высоцкая), редактор.
3-й ряд справа – переводчик В.М. Россельс, Наташа Потоцкая.
3-й ряд слева – Мара Подляшук, переводчик, ученица Норы Галь.

Выступает Л. С. Руднева.

Выступает Ю.Я. Яхнина.

Дмитрий Кузьмин на вечере памяти Норы Галь читает ее «Европу».

Выступает Э.Б. Кузьмина.

А. Л. Штейн, однокурсник Норы Галь.

Е. А. Таратута, Л. А. Озеров, Л. С. Руднева, М. Л. Галлай.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО о присвоении имени малой планете

Институт теоретической астрономии
Российской Академии наук (ИТА РАН),
возглавляющий в России работы по изучению и каталогизации
малых планет Солнечной Системы,
от имени Международного Астрономического Союза (МАС)
настоящим свидетельствует,
что малая планета,
зарегистрированная в международном каталоге малых планет
под № 4049 и имевшая ранее предварительное обозначение 1973 QD2,
получила имя

NORAGAL'

в честь

Элеоноры Яковлевны Гальпериной

Официальное сообщение МАС

(4049) Noragal' = 1973 QD2
Discovered 1973 Aug. 31 by T. M. Smirnova
at the Crimean Astrophysical Observatory.
Named in memory of Eleonora Yakovlevna
Gal'perina (1912-1992), literary critic and
translator, well-known under her pseudonym
Nora Gal' for her Russian translations of
foreign works, namely those by the authors
Theodor Dreiser, Ethel Lilian Voynich, Jack
London, Antoine de Saint-Exupery and others.
Name proposed by E. A. Taratuta.
Minor Planet Circular № 24916, 1995.

Обоснование названия на русском языке

Малая планета 4049 Норагаль открыта
31 августа 1973 г. Т. М. Смирновой в
Крымской астрофизической обсерватории.
Названа в память Элеоноры Яковлевны
Гальпериной (1912-1992, псевдоним Нора
Галь), литературного критика, литературоведа
и переводчика, известного переводами
на русский язык "Американской трагедии"
Т. Драйзера, произведений Д. Лондона,
А. Сент-Экзюпери, Э. Л. Войнич и многих
других авторов. Имя предложено
Е. А. Таратутой.

Санкт-Петербург
10 июля 1995 г.

Директор ИТА РАН

А. Г. Сокольский

Свидетельство о присвоении планете имени Норы Галь.

Правнучка Норы Галь Элеонора.

Новая Элеонора с трех лет дружит с книгой.

культуре. Но культура продолжала жить и в тяжкие времена — она противостояла им. И немалую роль в этом играли такие люди, как Н. Галь. В те глухие годы она дала нам прикоснуться к лучшим образцам франко- и англоязычной литературы, которые несли идеи добра, человечности, достоинства, свободы. Это было ее вкладом в борьбу — борьбу подчас весьма нелегкую. По «идейным соображениям» 40 лет ждала публикации первая переводческая работа Н. Галь — роман Н. Шюта «Крысолов», 20 лет — роман А. Кларка «Конец детства», 10 лет пролежал в издательстве «Корабль дураков» К. Э. Портер, хотя он успел прийти к нам в виде сделанного по нему прославленного фильма С. Крамера.

Нора Галь была не только талантливым переводчиком, отдававшим весь жар души и все силы любимому делу. Она была еще и просветителем. Ее замечательная книга «Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора» с 1972 года выдержала 4 издания. Необходимая начинающим переводчикам, полезная для опытных профессионалов, эта книга — увлекательное чтение для всякого, кто понимает и ценит значение СЛОВА.

Непрестанно совершенствуя и этот свой труд, Н. Я. вписала в последние издания главу «Поклон мастерам». Это портреты коллег по цеху, создавших прославленную советскую (в географическом смысле слова) школу перевода — И. Кашкина, Е. Калашниковой, Н. Дарузес, Н. Волжиной, О. Холмской, В. Топер, М. Лорие и других.

Тонкие, многогранные, доброжелательные и уважительные характеристики этих очень разных по почерку писателей (ибо талантливый переводчик — подлинный писатель) в каком-то смысле становятся автопортретом самой Норы Яковлевны Галь, одного из замечательных мастеров этой школы. Настоящий портрет Норы Галь еще ждет своего художника. Пусть эта статья положит на холст несколько первых мазков.

«ВЫ ТАК ОБОСТРИЛИ МОЙ СЛУХ...»

Общение с читателями

Книга «Слово живое и мертвое», в которой Нора Галь емко и наглядно отразила многолетний опыт своей работы с языком, впервые вышла в 1972 году и постоянно переиздается по сей день. Но в середине 1970-х несколько отрывков из книги напечатал журнал «Наука и жизнь» баснословным трехмиллионным тиражом — и со всех концов страны автору посыпались письма. Часто были в них созвучные идеям Норы Галь мысли о том, что хорошо бы нам беречь язык от разнообразного словесного мусора. Читатели делились своими собраниями речевых ошибок, «перлов» и «ляпов», и кое-что из этого Нора Галь потом включала в следующие издания книги. Иные спорили с каким-то примером, и Нора Галь терпеливо объясняла свою позицию. Однажды из такого общения выросла небольшая научная работа: студентка из Еревана взялась написать диплом о переводе «Маленького принца», советовалась с Норой Галь — и в итоговом тексте немало точных наблюдений, показано, как усилиями переводчика русская версия французской сказки не уступает оригиналу свежестью и обаянием. По материалам «Слова живого и мертвого» написаны диплом в Петербурге, диссертация в Астане.

22 марта 1964

г. Чита

Здравствуйте, товарищ редактор!

Прошу Вас передать слова благодарности товарищам Н. Галь и Р. Облонской за то, что они перевели замечательную книгу американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника». И как верно подмечено автором аннотации Н. Сергеевой, что товарищам, переводившим роман, удалось весьма тонко и своеобразно выразить марк-твенский дух этого романа. Я читал и вспоминал и Тома Сойера, и Геккатишку Салли, а также героев книги «Хижина дяди Тома». Мне каза-

лось, что я читаю что-то давно знакомое. И это знакомое по книгам, газетам, журналам, перенесено в наши дни в США: борьба негров, их бесправие и солидарность всех честных простых людей, поддерживающих так называемое цветное население в борьбе за человеческие права. Спасибо за хорошую книгу.

Если возможно, то попрошу Вас переслать мое письмо автору романа «Убить пересмешника», которое прилагаю.

В. Елсунов

* * *

Москва

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Н. Галь

Здравствуйте, уважаемая, дорогая Нора Галь!

Большое Вам спасибо за великолепный перевод замечательной прекрасной книги Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Меня эта книга — пленила, я не могу оторваться, я не могу положить ее даже так далеко, как на библиотечную полку, — я перепишу ее: всю! От руки!

Я, к сожалению, могу поблагодарить за книгу только Вас, да людей, которые принимали участие в подготовке этого издания — 1963 года, а автора, великого автора — нет в реальной жизни, но он жив — вот он на страницах, в душе.

Желаю Вам доброго здоровья, удачи, счастья, всего доброго.

Для меня лучшим новогодним подарком были чувства, добрые чувства от Вашей книги.

Спасибо за этот дорогой подарок.

Спасибо.

Прошу извинить за беспокойство. С уважением и благодарностью
Татьяна Сим (Пекина)

Надеюсь, это письмо найдет Вас.

10.1.69

* * *

Здравствуйте, Таня!

(Так ли к Вам обращаюсь? Мое-то отчество Вы знать не могли, но и свое не написали. Но мне кажется, Вы еще очень молоды, уж наверно не старше моей дочери, так что не обидитесь.)

Спасибо Вам за сердечное письмо, оно меня очень порадовало. И потому, что мне дороги «Маленький принц» и его автор, и еще потому, что читатели не часто догадываются, как много души (не говорю

уж — труда) вкладывает переводчик в свою работу, как приятно ему услышать о ней доброе слово.

Читали ли Вы еще что-нибудь Сент-Экзюпери и о нем? Это был необыкновенный писатель и необыкновенный человек. Вы, может быть, знаете его повесть, которую все еще иногда называют «Земля людей». Правильнее — «Планета людей». Она входит в большой однотомник Сент-Экзюпери, который выпустило в 1964 г. в Москве изд-во «Художественная литература». Мне посчастливилось перевести эту повесть, она и «Маленький принц» очень связаны, и это — лучшее, что написал С-Э. Но в однотомнике есть и другие его повести, некоторые письма, очерки, кое-что о нем самом. А сейчас я работаю еще над одной книжкой, которая расскажет о С-Э — писателе и человеке — много нового для людей, не читающих по-французски. Думаю, эта книжка станет добрым другом для всех, кто, как Вы, полюбил Маленького принца и его автора.

Если хотите, напишите мне еще. Кто Вы — работаете? Учитесь? Какие книги любите?

Желаю Вам счастья, здоровья, любимой работы!

Не удивляйтесь, что письмо напечатано на машинке: у меня «профессиональная болезнь», болит рука — и легче печатать на машинке, чем держать ручку.

Всего Вам доброго!

Письмо Ваше я получила только сегодня, мне его переслали из издательства.

Н. Галь

Москва, 23/I-69

* * *

Дорогая, уважаемая Нора Яковлевна, здравствуйте!

Я получила и Ваше письмо, и Вашу открытку.

Огромное сердечное спасибо Вам за доброе отношение и внимание ко мне, моему письму.

Мне очень стыдно, что я так долго не писала Вам ответ. Стыдно настолько, что даже просить извинить себя мне совестно. Здесь только можно просить или не просить. Я не буду оправдываться. Я виновата. Но я попытаюсь объяснить.

Я получила Ваше первое письмо 26.1.69. Я чрезвычайно обрадовалась, взволновалась ему. Для меня было очень ответственно — писать Вам (было и есть). У Вас за каждым словом и письма, и книги чувствуется ум, интеллект, культура. А у меня полная противоположность — скудность и того, и другого, и третьего.

Мне уже 21 год, а это уже не «очень молодой» человек, а взрослый.

Мне очень хотелось ответить Вам, но не хотелось делать это нас-пех, кое-как — это очень важно для меня. Да еще были другие обстоя-тельства: в связи с этим большая загруженность на работе — многие болели, плохое самочувствие, мамина болезнь, обострение отношений с мамой — что самое тяжелое из всех бед для меня, и т. д. и т. п. — какое-то неудачное, не доброе время, «полоса невезения».

27 февраля я получила Ваше второе письмо-открытку. Краска сты-да залила мои щеки, и в то же время я обрадовалась (извините).

Ваша предупредительная открытка, да еще написанная от руки, не давала мне покоя, но мое время не принадлежит мне, я в течение не-скольких дней все-таки не смогла найти время написать Вам.

Однотомник Сент-Экзюпери мне удалось достать, но почитать, к сожалению, я еще не успела. Из-за этого тоже задерживала с ответом.

Я счастлива, что Вы предложили мне написать Вам еще.

Вы пишете новую книгу. Это очень интересно! Я с нетерпением буду ждать ее выхода. Я убеждена, что это очень нужная, добрая книга будет.

20 февраля по радиостанции «Ленинград» передавали радиопоста-новку по сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Мне кажется, это очень неудачная редакция книги. Мне было горько слушать.

У нас начались гастроли Вашего театра им. Станиславского. В ре-пертуаре гастролей есть и «Маленький принц». Обязательно схожу по-смотрю, пока очень тревожное чувство — как сделан спектакль? Хоро-шо ли?

Я слышала, что в свое время это произведение интересно читала акт. Бабанова. Жаль, что не слышала.

Нора Яковлевна, а Вы ничего не знаете об этой композиции?

У нас очень мало демонстрировали фильм «Маленький принц». Я не видела его дублирования, к сожалению.

Вы, вероятно, знаете, что роль Летчика дублировал И. Смоктунов-ский — я очень верю и люблю этого актера, почти уверена, что он инте-ресно читает Сент-Экзюпери.

Нора Яковлевна, мне трудно о себе писать — я слишком заурядный человек.

В 1966 году я окончила школу, к сожалению, вечернюю школу, два года которой мало дали мне знаний, хотя я получила серебряный атте-стат, которого стыжусь. Очень хочется учиться дальше, но у меня в этом вопросе затруднения, путаница, сложности, которые я пока не могу ре-шить. Работаю техником-конструктором пока, в проектно институте.

Большое спасибо за Ваши добрые пожелания, особенно мне нужно «любимой работы».

Я люблю хорошие книги! Хорошие — книги, которые стали до-рогими близкими друзьями. Это и «Зима тревоги нашей» Стейнбека,

и тургеневская «Первая любовь», и роман Ефремова «Лезвие бритвы», и сонеты и «Гамлет» Шекспира... и многое другое.

Как говорит герой фильма «Отклонение»: «Современному человеку все интересно знать». Сейчас читаю документальную книгу о ярком фашисте Отто Скорцени немецкого публициста Юлиуса Мадера «По следам человека со шрамами».

Книги — это чудеса из чудес. Я чувствую к Вам такое доверие, мне хочется многим поделиться с Вами, написать многое Вам.

Мне будет интересно узнать все, что Вы можете написать о себе, о дочери, о работе, обо всем.

Дорогая, милая Нора Яковлевна, поздравляю Вас с праздником женщин и весны, с 8 Мартом!

Желаю Вам доброго здоровья, счастливой жизни, успехов в работе над книгой, во всем удачи Вам!

Я буду счастлива получить от Вас хоть строчку — пожалуйста, берегите себя. Пускай эта строчка будет отпечатана на машинке.

С искренним и глубоким уважением к Вам.

Таня
1-2.3.69

* * *

Ну вот, Таня, теперь мы с Вами познакомились поближе и я яснее понимаю, кому пишу. Впрочем, примерно так я себе Вас и представляла.

Первое, что хочется Вам сказать: как бы ни было Вам трудно и сложно (а я хорошо понимаю, сколько трудного может скрываться за необходимостью кончать не обычную, а вечернюю школу) — не бросайте мысли о том, чтобы учиться дальше. Мб, это получится и не сразу, но готовьтесь к этому, читайте как можно больше, ходите в театры, в музеи — на то и Ленинград! А общая культура поможет Вам, в какой бы области Вы ни работали. К чему Вас тянет — к науке, технике? Все равно, не отказывайтесь от «гуманитарии», от музыки, поэзии — все это обогащает человека.

И еще. В 21 год человек все-таки очень молод, хотя, конечно, уже вполне взрослый. Много приходится решать, отвечать за свои поступки, за отношения с людьми, но подчас еще трудно понимать себя и других — и не хватает терпимости, обычно она приходит только с годами. Не удивляйтесь, что я, чужой, незнакомый человек, заговариваю об этом, но меня насторожили Ваши слова о трудных отношениях с мамой. Я уже не только мать, но и бабушка. Внук старше Вас. И вот хочу сказать Вам: во многих семьях бывает трудно, не всегда родители и дети хорошо понимают друг друга. Но если так случилось, если Вы за что-то судите и осуждаете старших или напротив, судят (и мб даже не совсем справед-

ливо) Вас, попробуйте понять — отчего это, постарайтесь преодолеть отчуждение. А для этого есть очень верный способ: попробуйте стать на место Вашей мамы, почувствовать за нее — как она жила и что пережила? Попробуйте на себя и на Ваши с ней отношения поглядеть хоть минуту ее глазами. Очень полезно иногда, как говорится, влезть в чужую шкуру, тогда лучше понимаешь другого и легче что-то исправить.

Читали ли Вы «Убить пересмешника...» Харпер Ли? Очень человечная, хорошая книжка, там много доброго и мудрого сказано об отношениях детей и родителей. Знаете ли «Педагогическую поэму» А. С. Макаренко? Непременно почитайте книги Ф. Вигдоровой, начните с трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом» и «Черниговка» (Детгиз, 1967 — это лучшее, в канун смерти переработанное автором издание), потом прочтите «Семейное счастье» и «Любимую улицу» — изданы одной книгой в 1965 г. — и недавно вышедшую книжку очерков «Кем вы ему приходится?». А потом напишите мне, пришлись ли Вам по душе эти книги.

О ленинградской радиопостановке М/П ничего не знаю. Московская с Бабановой и Консововским была, в общем, неплохая, но сладковата. Спектакль театра Станиславского кое в чем спорный, но интересный и своеобразный, хорошо, если Вам удастся посмотреть. Лис — Козлов, Принц — Бган, Сатановский, Бочкарев подчас очень хороши. Есть и такое, что коробит, но ведь задача трудная. А вот фильм, о кот. Вы пишете, неудачный. Режиссер Жебрюнас — талантлив, сделал славную картину «Девочка и эхо», но С-Экзюпери не понял или не захотел понять. Его фильм — о потерянности, одиночестве, бессмысленности человеческих усилий, его маски мертвенны, тут не спасают ни голос Смоктуновского, ни рожица малыша. Сама жизнь С-Э, его «Мал. принц», «Планета людей», из которой выросла эта сказка, — все противоположно фильму. С-Э был человек для людей, смысл его книг и его работы, его жизни и смерти — в мужественной и доброй человечности, в ответственности за людей и перед людьми. Об этом будет и книжка, которую я не пишу, а перевожу, собрав для нее разные письма и воспоминания самого С-Э и его друзей и товарищей. Книга о нем М. Мижо в серии «Жизнь замечательных людей» не слишком удачна. Читали ли Вы «Вино из одуванчиков» Рэя Бредбери? Вот кого я тоже люблю, кое-что переводила (16 рассказов в т. 3 «Библиотека современной фантастики») — настоящий гуманист, настоящий художник.

Огромное получилось письмо. Что ж, мб, кое-что Вам и пригодится.

Всего Вам доброго!

Н.Г.
7/III/69

Норе Яковлевне Галь

1. Каким Вы представляете себе язык научно-фантастического жанра в идеале? Из каких особенностей складываются, по-вашему, его основные отличия от языка обычной художественной прозы?

2. С какими основными трудностями Вы сталкиваетесь при переводе научной фантастики? Как пытаетесь их преодолеть? С какого языка — какие трудности?

3. Как Вы относитесь к новообразованиям/неологизмам/ в литературе и в научной фантастике, в частности? Какова, по-вашему, роль новообразований в научной фантастике? Можно ли обойтись без них? В чем, на Ваш взгляд, специфика словотворчества фантаста сравнительно с более «традиционными» жанрами литературы?

4. Какие случаи заставляют Вас прибегать к новообразованиям в Вашей художественной практике? Какие задачи призваны решать эти лингвистические новации?

5. Что Вы думаете о месте научной терминологии в научно-фантастических произведениях? Существуют ли, на Ваш взгляд, особые, дополнительные функции у «фантастических» терминов?

6. Чем Вы руководствуетесь при переводе новых слов и новой терминологии? В каких случаях достаточно прямого перевода, а в каких необходимо создание новых слов?

7. Как Вы образуете новые слова («технология» их «производства»)? Каковы источники новой лексики (лингвистические, общественные, научно-технические)? Существуют ли какие-то излюбленные приемы словообразования?

8. Известны ли Вам случаи, когда нововведения, предложенные кем-либо из фантастов, входят в систему языковых средств других авторов и даже становятся общепринятыми в фантастике?

9. Можно ли обнаружить что-то общее в словотворчестве фантастов разных стран / какие-то общие принципы, приемы / или же оно идет разными путями?

10. Что можно сказать о взаимовлиянии советской и зарубежной фантастики в плане словотворчества? Естественны ли прямые переходы языковых моделей, некоторых неологизмов либо отдельных их элементов их одного языка в другие? Можете ли Вы назвать подобные случаи?

11. Не обнаруживаете ли Вы у себя стремление к англизации, русификации, американизации и т. п. новообразований при их переводе? Чем это объясняется?

12. Является ли характерной для Вашей совместной работы с редактором общность лингвистических позиций по отношению к сло-

вотворчеству? Приведите примеры характерных оптимальных решений творческих споров.

13. Можно ли рассчитывать на закрепление «фантастического» словотворчества в активном словаре?

14. Что Вы думаете о проблеме стиля в научной фантастике? Имеются ли, на Ваш взгляд, какие-либо общие стилевые особенности в этом роде литературы?

15. Удовлетворяют ли Вас по качеству языка переводы зарубежной фантастики? Какие, на Ваш взгляд, типичные ошибки и искажения допускают переводчики, работая с научной фантастикой? Не приходилось ли Вам наблюдать случаи художественных потерь (находок) при переводе словотворчества на другие языки? С чем это связано?

16. Как отражается на процессе перевода научной фантастики (в т. ч. ее словотворчества) характер Вашего образования или Ваша другая профессия (если она есть)? Какие специальные знания понадобились Вам при переводе отдельных научно-фантастических произведений?

17. Чем привлекает Вас научная фантастика?

18. Какие произведения советской и зарубежной фантастики Вы считаете лучшими?

19. Что Вы можете сказать о месте научной фантастики в читательском репертуаре по сравнению с другими видами литературы?

20. Каковы, на Ваш взгляд, тенденции развития научно-фантастического жанра? Что Вы хотели бы видеть в нем?

21. Занимаетесь ли Вы преимущественно переводом или также созданием оригинальных произведений научной фантастики, их редактированием, исследованием?

Дорогая Нора Яковлевна!

Заранее признательна Вам за внимание и (по возможности, неоднократные) ответы.

А. И. Мирлис

* * *

Уважаемая товарищ Мирлис!

Признаться, добрая половина Ваших вопросов от меня крайне далека. Я не лингвист и не теоретик. С другой стороны, в своей книжке «Слово живое и мертвое» («Книга», 1972, сейчас идет верстка 2-го, исправленного издания) я очень о многом пишу подробно и часто ссылаюсь как раз на науч. фантастику, нашу и переводную, привожу много примеров. Не имею никакой необходимости выписывать здесь куски из этой книжки, но и она бы Вам пригодилась больше, чем мои ответы на эту анкету.

1. Язык фантастики должен быть языком хорошей художественной прозы. Никаких принципиальных жанровых отличий тут, по-моему, быть не может и не должно.

2. Когда переводишь рассказы и повести с «фантастической» химией, биологией, звездоплаванием и пр., надо разобраться в каких-то азах соответствующей науки. Но ведь и перевод не-фантастики требует простейшей грамотности, культуры работы: переводишь Экзюпери — разберись в авиации, Драйзера — в экономике и финансах, Дж. Лондона — в золотоискательстве и пр. Не умея пользоваться хотя бы энциклопедиями, неизбежно разведешь развесистую клюкву в любом жанре и в переводе с любого языка.

3. «Неологизмы» считаю необходимым сводить к минимуму в любой области, в т. числе и в Н/Ф. Прикрываясь «спецификой» (научной и фантастической), многие авторы и переводчики безобразно засоряют язык. Это — дурная мода и в Н/Ф, и в публицистике, и во всех науках. То же относится и к американизмам и латинизмам. Пишут «инвазия» вместо вторжения или нашествия, «реалибитация» (в медицине — слуха, зрения) вместо восстановления, в той же «Лит. газете» — «шоустар», «суперстар», хотя есть русское слово «звезда экрана», и т. п. Об этом у меня в книжке много и подробно, «специфика» Н/Ф тут ложная.

ПОЧТИ ВСЕГДА для научного, фантастического термина можно найти русское слово или оборот. Изредка, если ничего равноценного и впрямь нет, можно и перевести или сочинить новое слово — это решаешь каждый раз по ходу дела. Теоретизировать по этому поводу мне не приходилось и, признаться, нет охоты.

(8) Изредка пользовалась словами Стругацких (видеофон, космоскаф, хотя делала и космический бот).

Боюсь, в анкете сквозит склонность к чрезмерному мудрствованию: какие уж такие особые задачи у лингвистич. новаций (4) и дополнит. функции фантастических терминов (5) и «технология» их «производства» (7)? Слова и термины Н/Ф, как и просто в науке и в жизни, надо образовывать по законам РУССКОГО языка (думаю, вычислитель, вычислительная машина — куда лучше, чем компьютер, примеров — без числа, и в моей книжке тоже). Механическое введение непереведенных англицизмов или образование новых слов на англо-американский лад идет либо от лениости мысли, от простой кальки, либо от дурного мнимонаучного снобизма. Никаких «америк» я тут (и в своей книжке) не открываю, вспомните, что говорил о языке Ленин, что писал К. Чуковский — все это более чем злободневно и отнюдь не устарело!

12. Редакторы бывают разные, их позиции — тоже.

13. Какие-то отдельные находки (как и не в фантастике), вероятно, останутся (тот же видео — но не визио — фон).

14. Не вижу отдельной проблемы стиля в фантастике. Н/Ф, как и любой другой жанр, бывает хорошая, талантливая — и плохая, бездарная, скучная (а о СКУЧНОМ жанре высказался, помнится, еще Вольтер). Стругацкие пишут иначе, чем Ар. Громова, Лем — не так как Брэдбери и т. д. У каждого свой стиль — и все хороши и интересны (если не загублены плохим переводом). А иные авторы (напр. Фр. Хойл, частью А. Кларк) хорошо, интересно думают, но не очень владеют худож. образом и речью, — это в переводе вдвойне проигрывает, если переводчик тоже склонен к «научной» сухости, протокольности или кальке. Почти трагический не-переводный пример — тоже литератор-ученый, да еще зачинатель (а первопроходцу всегда труднее!) — покойный И. А. Ефремов: великолепные замыслы, но люди двухмерны, а речь их — и автора — обидно бедная, штампованная, подчас ходульная, даже безвкусная. Но, повторяю, это не закон жанра и стиля, а беда писателя.

15. Об этом подробно у меня в книжке (в I-м изд. на стр. 10, 31/32, 33, 37/8, 40, 58/9, 78, 88/9, 90, 94, 111, 117, 129 — прямые ссылки именно на Н/Ф, не названных примеров из нее гораздо больше).

16. По специальности я литературовед-западник, диссертацию когда-то защищала об А. Рембо, что от Н/Ф довольно далеко. А как переводчику мне постоянно приходится иметь дело с самыми разными областями знания (не только для Н/Ф!) — и тут попросту нужна добросовестность и культура работы, умение пользоваться справочниками, советоваться со специалистами, помощь квалифицированного и добросовестного редактора, если таковой имеется. ВСЕ знать невозможно и от ошибок никто из нас не застрахован, только надо бы, чтобы их было поменьше — и не очень кромешных!

17. Глубокой и смелой мыслью, живыми образами, человечностью — т. е. тем же, чем привлекает вся настоящая литература. Ибо ХОРОШАЯ Н/Ф — часть большой литературы, а не некий внелитературный гибрид, «специфично» в ней лишь стремление решить и заострить человеческие, исторические, философские задачи на фантастич. материале. Если это умно и талантливо делает настоящий художник, это привлекает. А, скажем, обычные на Западе «космические» детективы или слегка подкрашенные под фантастику «производственно-космические» схемы (такое случается у нас) — не привлекают.

18. Мне интересен у нас — Ефремов (мысль, а не исполнение), Стругацкие, Громова, появляются новые интересные имена (напр. К. Булычов). На Западе — Брэдбери, Лем (не юмористика), Саймак, есть отличные вещи у Старджона, Азимова, Шекли, Кларка, Тенна, люблю «Сестру Земли» П. Андерсона.

19. Не первый год вижу, что интерес к Н/Ф очень велик у самых разных читателей, от школьников до академиков.

20. Об этом можно писать статьи и диссертации — занятие не для меня. Интересно и умно выступал по теории этого дела Ю. Кагарлицкий.

21. Редактировала переводы, давала рецензии для издательств, когда там решали — переводить ли ту или иную книгу. В последнее время заниматься этим недосуг.

Н. Галь
28/X-74

* * *

Здравствуйте, уважаемая Элеонора Яковлевна!

Я хочу поздравить Вас с наступающим праздником весны и извиниться за причиняемое беспокойство.

Дело вот в чем: целью дипломной работы, которую я пишу, является сопоставление оригинала «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери с Вашим переводом, который справедливо считается образцовым.

В этой связи, я очень прошу, если это Вас не затруднит, ответить на некоторые, связанные с Вашей работой над переводом «Маленького принца», вопросы.

Какие трудности встречались Вам в процессе работы, ведь Вы переводили из одной лингвистической системы в другую?

Как удалось Вам сохранить ритм и настроение «Маленького принца» в переводе? Были ли до Вашего перевода «Маленького принца», если были, не могли бы Вы указать, чьи и когда? Когда впервые был издан Ваш перевод? Мне показалось, что Ваш перевод несколько адаптирует книгу для детского восприятия. Может быть, я ошибаюсь? А может быть эта адаптация произошла автоматически, из-за возможностей русского языка, значительно отличающихся от возможностей французского?

Не были бы Вы так добры ответить на это письмо. Ваши ответы, как и любые замечания и рассуждения Ваши относительно работы над переводом «Маленького принца», очень бы мне помогли.

Еще раз извините за беспокойство.

С уважением *Карина Саакянц*

P. S. Я кончаю отделение русского языка и литературы филологического факультета ЕГУ (группа по переводу).

* * *

Здравствуйте, Карина!

(Отчество свое Вы не сообщили, но, думаю, не страшно, ведь я Вам в бабушки гожусь.)

Я сейчас очень много работаю, и мне сложновато было бы отвечать Вам по всем пунктам подробно. Посылаю копию того, что написала к 75-летию со дня рождения С-Э по просьбе журнала «Oeuvres et opinions», который у нас выходит на франц. языке — вероятно, знаете. Если у Вас защита скоро, то июньского номера ждать трудно. Конечно, здесь не все относится к В/теме, но кое-что, думаю, будет полезно.

И еще: найдите в библиотеке мою книжку «Слово живое и мертвое» (изд. «Книга», М., 1972). Не нынче завтра появится в продаже и библиотеках 2-е изд., но и в первом есть те же несколько страниц именно о переводе «Маленького принца» в главе «... или дух». А если посмотрите и другие главы, еще ясней станет, как я работаю сама и как считаю нужным и правильным переводить.

Теперь вкратце — по Вашим вопросам.

Я меньше всего лингвист, мне некогда и не интересно рассуждать, «как переводить из одной лингвистической системы в другую». Должно быть, Вам известны справедливейшие слова Пушкина, что перевести — значит ПЕРЕВЫРАЗИТЬ средствами СВОЕГО языка то, что сказано на другом. Это я и делаю — в меру сил и умения способом Моцарта, а не Сальери. Когда поймешь и ощутишь ДУХ, а не БУКВУ подлинника, тогда естественно, сами собой сохраняются «ритм и построение», а главное — настроение и интонации, мысль и чувство.

«Адаптировать книгу для детского восприятия» у меня и в мыслях не было! Зачем, чего ради?! Вот догадка Ваша о возможностях русского языка — дело другое, об этом я пишу и для журнала и в книжке. Смысл моей работы был — сохранить и передать вместе с философией и ПОЭЗИЮ, а ее в сказке вдоволь и для детей и для взрослых.

Об истории моего перевода много сказано в статье. Напечатан он впервые в журн. «Москва» №8, 1959. Тогда я понятия не имела о других переводах, мой считают первым, наверно, раньше ничего в печать не попадало. Позже узнала: годом раньше кто-то предлагал «Принца» в журн. «Иностранная лит-ра», но то ли сочли, что сказка «не в профиле» журнала, то ли перевод не подошел.

В 1963 г. мой перевод вышел отд. книжкой в «Мол. гвардии» — и чуть ли не в те же дни другая их редакция, «Жизнь замеч. людей», выпустила книгу о С-Э Марсея Мижо. Там напечатана почти половина «Принца» в пер. Г. Велле — полюбуйтесь! Больше я ничего не видела, сравнить и судить не могла, имен переводчиков не знаю, но через годы узнала, что, когда готовился однотомник 1964, в изд-ве «Художеств. лит-ра» лежало около десятка разных переводов.

Кажется, ответила на все. И еще хочу сказать, не обижайтесь: хорошо бы Вам и диплом и все, что еще придется писать в жизни, писать более простым, живым, не казенным языком. Сухие, казенные слова научности не прибавляют. Может быть, моя книжка Вам поможет и по-

мимо самой темы диплома: она рассчитана примерно на таких как Вы, молодых — на тех, кто еще только начинает работать в любой области, где наш материал и инструмент — язык, слово.

Интересно было бы познакомиться с Вашей дипломной работой.
Желаю успеха!

Н.Г.
8/V-75

* * *

Уважаемая Элеонора Яковлевна, здравствуйте!

Спасибо за поздравления и «координаты». Если мой план приехать в Москву реализуется, обязательно воспользуюсь ими.

Наконец, я высылаю обещанный диплом. Это почти вся работа, убран только армянский текст, поэтому объем ее несколько сократился.

Русская часть, пожалуй, вся (за исключением некоторых аналогичных с приводимыми примеров).

Относительно армянского текста скажу только, что II часть работы, доказывающая отсутствие мастерства у С. Арутюняна, насчитывает 39 листов машинописи (правда, такой объем еще и за счет частого цитирования французского, русского и армянского текстов). То, что выяснилось по этому поводу, — это нечто вроде аннотации по II части работы, так, чтоб можно было получить о ней представление.

Ну вот, вроде все, что хотелось сообщить о дипломе.

Извините за беспокойство.

Большое-большое спасибо за отзывчивость и внимание.

С уважением

Карина

* * *

Здравствуйте, уважаемая Элеонора Яковлевна!

Я ужасно виновата, но попробую оправдаться: пакет я получила 25/V, а защита была 6/VI. Все эти дни была в страшной горячке, но об ответе не забыла, просто мне хотелось выслать Вам все, что написала о Вашем переводе. Ждала, пока перепечатается. Сейчас это немного затягивается, и чуть позже я обязательно вышлю.

Большое-пребольшое Вам спасибо за внимание: Ваша статья мне очень помогла (в работе я ее не раз цитирую). У нас она сейчас нарасхват: любители Сент-Экзюпери передают из рук в руки перепечатанные с нее копии (в Ереване «Oeuvres et opinions» не найти).

Очень помогло и Ваше подробное письмо.

В двух словах представлю то, что попозже вышлю, диплом состоит из двух частей, в первой анализируется Ваш перевод, а во второй — перевод на армянский, сделанный с Вашего и очень неудачно.

В первой части рассматриваются следующие вопросы: «О средствах интерпретации «Маленького принца», «Проблема рода», «Немного о ритме русского текста», «Словарное богатство перевода».

Не знала, что у меня получилось, но на защите поставили «5».

Очень прошу Вас вот о чем.

Вероятно, в конце (или середине) июля я буду в Москве. Не разрешили бы Вы зайти к Вам. К тому времени я обязательно вышлю диплом и у Вас наверно будет много замечаний, очень мне ценных.

(Высылку диплома я задержала из-за армянского текста: мне нужно убрать его, Вам я только опишу его недостатки, когда вышлю анализ Вашего перевода.)

Очень прошу простить меня за задержку ответа.

С уважением

Карина
16/VI-75

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Большое спасибо за весьма ценную информацию о литературных новинках, а главное за внимание.

К сожалению, совсем не уверен, что книги, о кот. Вы пишете, украсят мои полки. Господь бог полностью лишил меня «пробивных» качеств, доставать дефицитные вещи и даже книги. В отношении книг это даже парадоксально. Живу в одном доме, на одной лестничной клетке с директором Книготорга, наши телефоны на блокираторе. Не так уже и редко беседую с ним. Но просить что-либо язык не поворачивается.

Но Вашу информацию передал моим более сноровистым ученикам. Они изредка меня «балуют» желанными книгами. Среди моих учеников есть большой поклонник Экзюпери, которым он украсил свой экслибрис. Посылаю Вам на память экслибрис моего сотрудника, большого «экзюперифила».

«Иностр. литературу» читаю, обращает на себя внимание большой удельный вес латиноамериканской литературы.

Желаю Вам всего самого наилучшего. Спасибо за внимание.

Посылаю Вам книжку о врачах-дальневосточниках: ее автору я помог в подготовке канд. дисс. Но сейчас вместо работы над докт. дисс. автор увлекается писанием очерков об ученых...

Не всем моим друзьям эти очерки нравятся(?!)

С. Шапиро

* * *

Глубокоуважаемый Самуил Ефремович!

Разделяю Ваше огорчение по поводу «дефицитных» книг. Смешно и глупо, но дело сейчас обстоит так, что я не могу получить НИ ОДНОГО авторского экз. некоторых сборников, в которых напечатаны мои переводы. С трудом выпросила чистые листы III тома О'Генри в приложении к «Огоньку» и отдам их в переплет, а тот же сб. американской новеллы мне и в чистых листах не обещают!

Большое Вам спасибо за внимание, за трогательные экслибрисы с профилем Сент-Экса и за книгу Л. А. Вострикова. По материалу, по мыслям и человечности книга великолепна. Благородное, справедливое дело — хранить память о людях, которые так беззаветно служили другим, сгорая сами. Иные судьбы просто потрясают. Но... понимаю, автор — не профессиональный литератор, и не о стилистических красотах речь. А все же книга очень бы выиграла и сильнее действовала на читателя, будь она свободна от чисто языковых корявостей и небрежностей — они, увы, есть. «Резкое увеличение масштабов освоения» (с. 83), «В ушах стояла какая-то дикая какофония» (с. 95), «Все это невольно способствовало тому» (122), «Выжидать хода дальнейших событий» (126), «Общаться с ним хотя бы на уровне студента...» (136 — кто же был на этом уровне? Он или тот, кто с ним общался?), «общаться с ним будучи студентом» (вм. В бытность, если уж на то пошло! — 142), латинизмы русскими буквами (про и контра, когито эрго сум — тогда уж надо по латыни, ведь перевод дан тут же!) — все это и мн. др. книге вредит. А ведь автор отлично понимает, как важна простота изложения и чистота слова, об этом хорошо сказано на стр. 147.

Пишу все это не ради упрека автору, отнюдь! Но раз он, как Вы пишете, увлекся писанием очерков об ученых, беру на себя смелость через Вас послать ему свою книжку. Она служит подспорьем вовсе не только переводчикам — и, мб, пригодится ему в его дальнейшей литературной работе.

Всего Вам самого хорошего, будьте здоровы

С неизменным уважением

23/V-76

НГ

* * *

Многоуважаемая Нора Яковлевна!

Я глубоко признателен Вам за большой труд по редактированию моей, к сожалению, уже напечатанной брошюры.

Буду надеяться, что с Вашей «легкой» руки брошюра снова увидит свет в другом издании...

Можно иметь «белую зависть» к авторам, произведения которых Вы переводите на русский язык или редактируете.

Еще раз большое спасибо. Надеюсь, что наши контакты сохранятся и в обозримом будущем.

Мое желание украсить Вашу книгу автографом приносит мне конкретную пользу. Жаль только, что это произошло на завершающем этапе моей творческой жизни.

С наилучшими пожеланиями доброго здоровья и творческих свершений

С. Шапиро
19/11/82

* * *

4/III-75

Уважаемая Нора Галь!

Вы пишете: «Как защитить и сохранить наше слово?»

Иногда приходишь в отчаянье от сознания невозможности этого. Как-то еще можно извинить работника телевиденья или корректора в недостаточности грамотности (образованности?). Но вот рядом с Вашей статьей, в этом же номере Н(ауки) и Ж(изни) Леонид Мартынов (писатель!) рассказывает о бетонных кариатидах «над сумрачным фронтоном здания». Неужели ему никогда не встречалось слово «кариатида», и он не знает, что это — опора, и что кариатиде нечего делать на фронто-не.

Или он не знает, что такое «фронтон»? Самоуверенность, что ли, не дает человеку взять в руки словарь русского языка?

Прошу Вас передать это мое письмо Л. Мартынову.

Уважаю его как писателя, но неграмотность простить не могу.

В. Чернов
Новосибирск
27.2.75

Кстати, «выбежал в зало магазина»... — тоже не по-русски. (см. там же).

К. Федин писал: «Для писателя никакие достижения немыслимы без постоянной, я сказал бы — пожизненной, работы над словом».

* * *

Издательство «Книга», Москва

Автору книги «Слово живое и мертвое» Норе Яковлевне Галь

Уважаемая Нора Яковлевна!

Летом этого года я буду отмечать 25-летие своей работы в литературе, уже 19 лет, как я член СП СССР, но прочитала Вашу книгу с инте-

ресом и наслаждением. Большое Вам спасибо за нее! Здоровья и сил Вам для дальнейшей работы на радость читателя...

С наилучшими пожеланиями и признательностью

Р. Белоглазова

28.03.76

* * *

Изд-во «Книга»

Э. Я. Гальпериной

Уважаемая Элеонора Яковлевна,

только сейчас ознакомился с Вашей интересной книгой «Слово живое и мертвое» — к сожалению, бегло, так как своего экземпляра не имею.

В связи с последним абзацем книги хочу обратить Ваше внимание на мои «Музыкально-лексикографические заметки» в журнале «Советская музыка» за 1975, № 10. Мне кажется, они несколько перекликаются с темой Вашей книги.

С уважением

Штейнпресс Борис Соломонович

24.7.1976

* * *

Здравствуйте, уважаемая Нора Яковлевна!

Ваша книга меня взволновала. Воспринял ее как находку, как подарок всем истинным любителям русского слова и прежде всего — себе. Вначале, когда увидел ее на прилавке книжного магазина, меня привлекло не само заглавие «Слово живое и мертвое», а надзаглавие, рубрика «От рукописи — к книге». Подумал: это то, что давно искал, то, что именно мне нужно. Поймите меня правильно: я не надеялся, что кто-нибудь когда-нибудь создаст универсальный рецепт для начинающих литераторов. Но помощь-то им можно оказать? Ваша книга оправдала мои надежды. Теперь буду пользоваться ею как справочником (для себя) и инструкцией, что ли, а если точнее, своеобразным эталоном, на который можно ориентировать других. Для соблюдения меры, так сказать.

Ведь беда в том, что нам, читающим и пишущим, до сих пор не попадали в руки подобные книги. А жаль. Скольких ошибок могли бы мы избежать.

Если Вас не затруднит, Нора Яковлевна, выслушайте, пожалуйста, мое мнение. Вернее, мои мнения: первое — как рядового читателя, второе — как работника низовой печати, третье — как начинающего

литератора. Ведь не всегда у Вас есть возможность выбраться из своих издательских кабинетов «в народ».

С детства любил читать. Читал много, с упоением. В том числе и иностранную классику. И всегда с удивлением и недоумением встречал в переводных изданиях сноски: «непереводимая игра слов» или даже переведенную на русский фразу, но все с тем же — «игра слов», хотя никакой «игры» в тех словах я не видел. Всегда в таких случаях думал: или я умом еще не дорос, чтобы понять смысл этой «игры слов», или автор что-то «наковырял». А вот того не сообразил, что просто неталантливый переводчик попался, не знающий языка (чужого или родного). Нельзя ли не допускать в литературу таких?

Иногда меня прямо коробило. Удивлялся: почему этого бездарного писателя классиком великим считают? Да простятся мне мысли моей юности! Но...

Вот снимаю с полки первую попавшуюся книгу. Эптон Синклер, «Джунгли». Перевод с английского Д. М. Горфинкель и Э. Л. Линецкой. Раскрываю наугад. Четверостишие (песня) на литовском языке, внизу перевод:

Прощай, цветочек мой дражайший,
Прощай и счастьем моему,
Видать, уж так судил всевышний,
Мне горе мыкать одному.

Если это поэзия, тогда я круглый глупец. Восемь раз перечитал, прежде чем понял, что автор песни прощается с цветиком, в то же время прося прощения у него и для своего счастья. Ладно. Но почему дальше такое противоречие: человеку счастливому суждено «горе мыкать»? В недоумении развожу руками.

Переворачиваю еще несколько листов.

«... владельцы гастрономической лавки, которые поедают почти столько же своих товаров, сколько продают, они... блаженно улыбаются и являют собой картину беззубого и потного счастья».

Так и написано. И почему-то сразу представляешь себе эту самую лавку, заваленную тюками товаров, и владельцы, словно беззубые крысы, вспотев от усилий (ведь без зубов), едят и давятся, давятся и едят сукно, железные скобы и ручки от лопат, да еще улыбаются при этом. И не сразу доходит, что лавка-то «гастрономическая», то есть продуктовая, а не железо-скобяная.

Примеров можно привести множество. Каждый читатель на них спотыкается, но никто не задумывается, что виноват отнюдь не Эптон Синклер и другие, а недобросовестные или неталантливые переводчики. Спасибо, что Вы это показали в своей книге. Теперь смотрю на эти

«вещи» совершенно другими глазами — даю свою оценку. Вот встречаю в книжке А. Упита «Последний латыш» (перевод В. Дорошенко) такое место: «В пруду медленно плавали гуси. Слово белый мрамор, твердый и ослепительно-белый, сияли они на фоне луга. Милые птицы!» Красиво, понимаю, но не вырисовывается картина в голове. Не каждый из нас видел белый мрамор, да еще пышность гусиных перьев никак не сопоставить с твердостью камня и не назовешь его милым. А к тому же — медленно плавали в пруду и тут же сияли на фоне луга. Не может быть, чтобы А. Упит именно так написал!

Печатное слово нас воспитывает, служит образцом правильной речи. Все, что напечатано, — непререкаемый авторитет. Попробуй поспорить с этим.

Я работаю ответственным секретарем редакции районной газеты. Постоянно приходится править чужие рукописи. Вот попадает в руки статья нашего редакционного работника высшего ранга. Читаю: «В последнее время по традиции два раза в месяц в нашем районе проводятся полит. дни, на которых читаются лекции, проводятся беседы, заслушиваются отчеты руководителей, рассматриваются другие важные вопросы. На эти важные мероприятия всегда приглашаются...» и т. д. Естественно, правлю от начала до конца, вернее, переписываю фразу заново, оживляя мертвые слова. И что же? Разгорается скандал, и редактор поддерживает моего противника. Так, мол, пишут все. Нет, так не пишут! — говорю. Автор (обиженный) тут же достает с полки первую попавшуюся книгу, листает и с торжествующим видом тыкает пальцем в абзац. Читай!

«В этих населенных пунктах улицы баррикадировались, в каменных домах устраивались огневые точки, на перекрестках зарывались в землю танки. На переднем крае устанавливались проволочные заграждения. Подступы к передовой линии обороны, как правило, минировались. На опушках рощ, на просеках и в больших садах устраивались завалы».

Смотрю: А. Гречко, «Годы войны».

— Так что, тебе Гречко не авторитет? — ехидно спрашивает мой спорщик.

Смутившись, пожимаю плечами, вчитываюсь в следующий абзац: «Таким образом, оборонительная система гитлеровцев была весьма крепкой, глубоко эшелонированной. Эта система строилась на удержании опорных пунктов, углов сопротивления, прикрывающих важнейшие направления, и на широком применении тактических и оперативных резервов».

Так что же, нам на подобном языке и газету делать? Ведь пишем и мы про войну, а у кого учиться, как не у видного военачальника?

И, к сожалению, учимся.

Приносит молодой корреспондент заметку: «По всем хозяйствам района широким фронтом развернулся сев сладких корней. Перед ведут свекловоды колхоза «Прогресс». Приняв высокие социалистические обязательства, соревнуясь за досрочное выполнение заданий пятилетки, они трудятся по-ударному и уже засеяли сахаристыми шестьдесят процентов площадей. Повсюду в почву вносятся витамины плодородия. Труженики поля уверены, что урожай сладких корней будет высоким. И не без причины. Стальные кони механизаторов вовремя и качественно отремонтированы, ударное соперничество кипит на всех участках посевного фронта...»

Хватаю в руки авторучку. А молодой автор тычет мне под нос районную газету, где почти такими же словами «сеют сладкие корни». На редакционной летучке только плечами пожимают, снисходительно глядя на меня: «Ну и что здесь такого?». Или, в крайнем случае: «Не мы первые, не мы последние».

У нас, в то же время, боятся «старинных» слов типа «прекрасный», «превосходный», «чудесный» и проч., заменяя их словами «попроще», более солидными. Слово «душа» предают анафеме. «Воспринял глубиной души», «задушевная песня» — редактор вычеркивает с негодованием: «И не стыдно? Ты же атеист!» Зато чужеземные слова прочно входят в газетный язык. У нас считают: если напишешь просто — значит, незрелый. Если достиг мастерства или стремишься к этому — обязательно употребляй «научные» слова. И сплошь и рядом пересыпаем свои материалы словечками вроде «адекватно», «аналогично», «интуитивно», «форумы» и проч.

К стыду своему, и я считал это нормой. Где только можно было, старался заменить простое слово «научным». Читал современнейшие произведения (особенно в «Юности»), где вчерашние десятиклассники объяснялись заумнейшим полупонятным языком, и завидовал: «Неужели я никогда не достигну этих вершин». К горю своему, увлекся, грешным делом найдя свое «хобби» (простите!) в бумагомарании. Главным образом рассказы, повести в жанре фантастики. Есть, конечно, и другие... Нахожу удовольствие в этом процессе «шевеления мозгами». Пишу и думаю: «Не дорос. Слишком примитивно». А подсказать-то некому. Посоветовал знакомый: пошли кому-нибудь на рецензию. Рискнул. Посылаю в издательство «Веселка». Через полгода присылают рукопись обратно. Волнуясь, вскрываю конверт. Несколько слов: «Ваше произведение нашему издательству не подходит». И все! Никакого объяснения. Но я ведь не для экспоната свое «произведение» посылал, я просил совета, подсказки, помощи наконец. Меня интересовало мнение знатоков: или «вещь» вообще бездарная, или страдает только отдельными недостатками, которые можно исправить. В данном случае оценка моего «произведения» была бы оценкой моих творческих способностей.

Но я вспомнил этот факт вовсе не для того, чтобы вызвать к себе сочувствие. Вовсе нет. Я лишь о том, что есть бездушные люди и в наших издательствах. А коль они безразличны к живому человеку, стоит ли от них ожидать добросовестного подхода к своим прямым обязанностям? Вот откуда берутся все эти ляпы в книгах, попавших в руки читателя.

Да, кстати, о бездушности. В рукописи, возвращенной мне, на полях отыскал всего лишь три или четыре пометки карандашом: «штамп», «канцеляризм», «несогласование». Все правильно, согласен. Но вот одна пометка прямо ошарашила меня: «Мальчик? Этому лоботрясу уже пятнадцать!»

Я получил оплеуху. Нет, тягчайшее оскорбление. Вы понимаете, Нора Яковлевна, повесть написана на документальном материале. Ее герой, пятнадцатилетний мальчишка, уже в первые дни войны остался без отца (убило на фронте), без матери и троих младшеньких (разнесло фашистским снарядом, когда прятались в поезде). Все годы оккупации он помогал семьям, мужчины из которых были на фронте. А потом, после освобождения области, он ушел добровольцем, был в полку гвардейских минометов «Катюша» и героически погиб, подорвав установку, когда ее окружили гитлеровцы.

И вот какой-то бездушный чинуша из издательства называет этого мальчишку (к которому я прокипел всем сердцем и кровью) лоботрясом!

А между тем, таких людей мы, читатели, за образец берем, у них учимся, на них взираем, почтительно сняв шапку, ведь авторитеты их в глазах наших беспредельны. Ваша книга, уважаемая Нора Яковлевна, хотели Вы этого или нет, заставляет нас относиться и к себе, и к «авторитетам» с критических позиций. И за это тоже Вам спасибо. Спасибо за Ваши чудесные переводы Джека Лондона и Рэя Брэдбери, которых я очень люблю.

Между прочим, есть у меня и украинский перевод Вашего любимого А. Сент-Экзюпери. Вот несколько примеров из посвящения к «Маленькому принцу».

У Вас: «И еще: он понимает все на свете, даже детские книжки».

У Анатоля Перепادي (переводчика): «К тому же, он понимает чисто все, даже детские книжки».

(Понимаю это «чисто все» как больше относящееся к чувствам.)

У Вас: «И, наконец, он живет во Франции, а там сейчас голодно и холодно».

У А. Перепادي: «Впрочем, тот взрослый живет во Франции, испытывая голод и холод».

У Вас: «И он очень нуждается в утешении».

У А. Перепادي: «Он очень нуждается, чтобы его кто-нибудь потешил».

(Именно «потешил»! как в украинской народной сказке Лиса требует: «Накормил ты меня, Дрозд, напоил, а теперь потешь-насмеши».)

Возможно, это где-нибудь используете — в своих будущих книгах.

Великодушно простите меня за многословие.

С искренним уважением

Василий Михайлович Рудой

[Ю. В. Зеленикин]

Уважаемая Нора Яковлевна!

Прочел вашу замечательную книжку о безобразиях в русском языке и посчитал необходимым, даже обязательным откликнуться на нее, хотя к литературе в общем-то никакого отношения не имею и уж тем более к переводам.

Дело в том, что я люблю русский язык и поэтому болезненно переживаю, глядя на такую, например, вывеску:

«Контора Московского Смешторга».

Нет, мне всегда был понятен хороший здоровый юмор, но связь между «смешанной торговлей» и «Смешторгом» уловил, признаться, не вдруг.

Читаю в авторском свидетельстве:

«...Выдано установку стартера на буровой установке».

Это уж «писано», несомненно, людьми грамотными.

Вот спортивный комментатор телевидения возбужденно передает:

«...Какая жалость, упущен такой голевой момент».

Что это за голевой момент, сразу и невдомек. Чем хуже звучат «острый момент», «опасный момент»?

В отличном издании пушкинских стихов с его (Пушкина) рисунками пером читаю:

«Пейзаж со срубленным пнем».

Уже не говоря о сочетании «со сруб...», неужели не бросается в глаза явная бессмыслица?

Сколько пень ни срубай, он так и останется пнем.

Да, вы правы, ох, как правы в своем негодовании на такие вот пошлости в нашем русском языке.

А ведь она, пошлость, из ящика так и прет в нашу повседневную жизнь.

Однажды я в стенную газету института написал такой стишок:

На пошлость реагирую мгновенно,

Как на бездарную любовь,

А в жилах обезумевшую кровь
не прячу никогда я сокровенно.

Пусть знают все, как ненавижу
Я боль обманутых сердец:
Уж если что-нибудь предвижу,
Так это — пошлости конец!

«Слишком резко», — сказал мне наш редактор.
На день «8 Марта» (Проще — на Восьмое марта) пишу прозу:
«Женщине нет никакого дела до того, что умные люди открыли ме-
таллический водород — больше всего ей на свете нужные любовь и ува-
жение!»

Посмотрели бы вы, как набросились они (женщины) на бедного ав-
тора неудачного афоризма, то бишь — дискриминационного.

Вот пишу наконец:

Однажды я в пригороде наблюдал
Инстинкт соперничества вечный и могучий,
Как белый лебедь черного клевал:
Беззлобно, просто так, на всякий случай!

И снова «не то», и снова «не совсем по-коммунистически» и даже
«непорядочно».

А вот такой стишок начисто отверг литературовед местной район-
ной газеты.

Она была
Совсем уж некрасивой:
Широкий рот,
Белесые глаза.
Веснушки ржавые
Палитрою игривой
Бежали по лицу
И где-то за
Глухим воротником
Вдруг исчезали,
Из-под юбчонки
Бег свой продолжали,
А в плоскостопьях
Деревянных ног
Терялись наконец...

Кто б мог
Такого гадкого утенка
Полюбить,
Восторги жизни
С ним делить?
Об этом девочка
Сама, наверно, знала,
И, кажется,
По-своему страдала.

Но вот,
Когда ленивой дурой
Ее Руслан дворовый
Обзывал –
Как взор ее тогда сиял,
Какою стройною
Фигурой
Всему вокруг она
Являлась,
Как вся она
Преображалась.

Я был обвинен в самых смертных грехах в поэзии, но главным образом — в холодности, в безжалостности к маленькой девочке, «вероятно, ученице, раз «глухой воротничок»», как очень проницательно догадывался литконсультант. С царством Снежной Королевы из сказки Андерсона сравнивал рецензер мою подборку для «Волжского комсомольца» в статье: «Где ты, Герда?»

Наконец, пишу вот такой пролог для большущей поэмы своей «Аленкин дом»:

Утром свежим по росе,
В легкой ситцевой рубашке,
К распутившейся косе
Прицепила две ромашки
Босоногая девчонка,
Синеглазая Аленка,
И смотреть пошла в пруду,
Как цветочки ей идут.

Только к бережку она
Подбежала, запыхавшись,

Как противная волна,
Тут некстати оказавшись,
Изломала гладь воды.
Право, в этом нет беды:
Можно сесть и подождать,
Чтобы зеркалом бездонным
Стали вóды отражать
Нашей будущей мадонны
Немудреные черты,
Но, увы, ее мечты
В это утро не сбылись:
Дали тучами взялись.

Испугалася Аленка
Грозовых раскатов шумных,
Побежала, ей вдогонку
Ливнем стлался дождь утрюмый
И у самого порога
Промочил ее немного.

Лишь Аленка подсушилась,
Съела коржик с молоком —
На дворе преобразилось,
Засверкало все кругом.
И дождя — как не бывало,
Солнце в лужах засияло,
Аж глазам нельзя смотреть:
Разве в такую пору
Можно дома усидеть?
И без лишних разговоров
На простор родных полей
Захотелось снова ей.

Пруд стоял — не шелохнувшись,
Он готов был отражать
Все, что в дождик окунувшись,
Стало Солнцу подпевать.
И Аленка наклонилась
Посмотреть себя в пруду,
И ничуть не удивилась,
Что ромашки ей... идут.

Ведь они любимы ею,
Эти скромные цветы,
Ведь от них так много веет
Нужной людям — теплоты!

И снова отказ.

Забрасываю всю эту риторику к чертовой бабушке, да не тут-то было: «Юрий Васильевич, ждем, ждем ваших стихов в такую-то и такую праздничную стенгазету».

Вот это-то противоречие: приятие в одном кругу моих стишков и неприятие в другом, — и раздражает мою душу.

Порой я так ненавижу и свое рифмоплетение, и эту двойственность, и это «Юрий Васильевич, ждем, ждем...».

Кто бы мне сказал честно и откровенно, имею ли я право вообще писать. Со злости тогда выдаю вот такое:

Цивилизация людей разъединила,
Цивилизация, какой курьез,
Сдала общительность в обоз,
А личность скукой уморила!

•

А потом проходит время, и сам себя утешаю:

Конечно же,
С годами мы стареем,
Конечно же,
Нам жаль прошедших дней.
Но если цель высокую
Имеем,
То и печалимся о прожитом
Сильней.

Затем снова наступает депрессия:

Неужто же
Прожорливое время
Событья дел моих —
Опередит,
А трудный рост
Застенчивого семя
В борьбе за жизнь
Не победить?!

И так далее, и так далее до бесконечности. Хочется жить по большому счету, но как-то все не получается то ли от моей бездарности, то ли из-за чьей-то косности — вот что хочется понять.

Кстати, выражение «по большому счету». Раньше оно мне очень нравилось, но после «13 стульев», когда Высоковский взял да опошлил его в своих миниатюрах, оно потеряло для меня свою емкость и торжественность.

Нора Яковлевна, трудно предположить, что у вас найдется время для ответа на мое письмо, но без преувеличения могу сообщить: «От рукописи — к книге»¹ на всю жизнь останется моей настольной энциклопедией русского языка. Нет, я не оговорился, — не пособием «ляпсус лингве», этаким занятной книжечкой для праздного увеселения.

Если мне позволительно пожелать Вам что-то на будущее, так это ни в коем случае не стесняться больше опираться на собственные примеры в вашей трудной практике переводов на русский.

Думается, их у вас не мало, этих примеров — и вот Вам пожалуйста новое течение в нашей литературе... Ну, хотя бы, новая рубрика, а это уже интересно — из первых рук узнать всю кухню переводческого дела. Яркий пример тому — переводы с дагестанского стихов Расула Гамзатова.

Ведь когда его читаешь, то трудно верится, будто в его родном языке имеются такие слова и словосочетания: «Мадонна», «Архитектурное излишество» и т. д. — все это, конечно, заслуга Козловского.

С глубоким уважением к Вам

Зеленикин Юрий Васильевич

А по профессии я геолог, очень много езжу по свету, так что культурный мир познавать приходится больше по книжкам. Еще раз с уважением!...

Р. С. Подчеркнул и все собственные, особенно звуковые, «тесноты». Раньше их как-то меньше замечал в своем письме, да и в собственной письменной речи.

*Новокуйбышевск,
17.III-80*

* * *

5.IV-80

Уважаемый Юрий Васильевич!

Спасибо на добром слове о моем «Слове». Мне всегда отрадно получать подтверждение, что книжка моя интересна и полезна не только

¹ Такой был подзаголовок 3-го издания «Слова...».

профессиональным литераторам, — и вот что интересно, мне часто пишут как раз Ваши коллеги-геологи. Может быть, люди, которые много путешествуют и больше слышат хорошую и разную речь, а не только городскую канцелярщину, сохраняют и лучший слух, чуткость к слуху.

У Вас слух, конечно, есть. Примеры языковых нелепиц, которые Вы приводите в письме, подчас поистине вопиющи. Если доживу до нового издания своей книжки, с вашего разрешения непременно кое-чем воспользуюсь, в частности, взяла на заметку и «Контору Смешторга» и «Пейзаж со срубленным пнем». А вот насчет Р. Гамзатова хочу Вам возразить: он — один из тех поэтов, которые совсем неплохо владеют и сами русским языком, современной культурной речью, притом работает он в содружестве с переводчиком — и Козловский едва ли решился бы вставить в его стихи «Мадонну» или «архитектурные излишества», если бы их не было в подлиннике. Так согласованно с переводчиками работают и другие поэты, хотя и пишут они на своем родном языке, назову хотя бы интересного грузинского поэта М. Квливидзе.

Не обижайтесь, если скажу несколько слов и о Ваших стихах. Рифмовать, писать для себя, для души может почти каждый человек. И для чтения в кругу друзей, в семье, даже для стенгазеты Ваши стихи вполне подходят. Когда женщина обиделась на Вас за недоверие (уже в прозе) к их научным интересам, они попросту обнаружили недостаток чувства юмора и недооценили, так сказать, рыцарское чувство, продиктовавшее эти строки. Лишены чувства юмора и те, кто всерьез усмотрел в четверостишии о лебедях-соперниках покушение на коммунистическую мораль. Но... легче уловить чутким ухом чужие огрехи, чем написать самому настоящие хорошие стихи. Вот Вы сочинили стихи о некрасивой девочке. Мысль и чувство — хорошие, справедливые, а стихи все-таки, уж простите, слабые. В лучшем случае это — подражание, перепев великолепных, широко известных стихов Н. Заболоцкого, которые так и называются «Некрасивая девочка». Возможно, Вы их не знали, сами пришли к тому же — очень советую, найдите это стихотворение, прочитайте и постарайтесь ощутить разницу. Поэзия — это ведь не просто размер и рифма, это должно быть что-то новое, увиденное, пережитое и высказанное даже об очень известном, о вечном — по-новому, по-своему. Вы скажете — такое встречаешь в печати редко — и будете правы, но ведь это очень печально, что печатается много серых, средних стихов. Почти все люди поют, напевают — про себя, для себя, для души, но не всем надо выходить на оперную сцену, правда? Так и со стихами. Тем более, что у Вас кое-что бывает попросту неверно; напр., «Ливнем стлался дождь утрюмый»: стелется — туман, что-то более легкое, ливень падает сильно, отвесно или косо, но не стелется. «Трудный рост застенчивого семя» — не оч. грамотно. Правда, ту же ошибку допустил когда-то Лермонтов («Из пламя и света рожденное слово»), но в ту пору язык

русский — язык нового времени, истинной поэзии — еще не сложился. Пушкин мог написать: «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи из люблю», — но то было почти полтора века назад, они — создатели нашей речи и нашей поэзии — могли себе позволить и такое (Пушкин, к примеру, писал не «счастье», а «щастье»), но это искупалось многим, многим другим...

Еще раз — не обижайтесь. Думаю, когда Вы приводили в письме свои стихи, Вы ждали, что я как-то о них отзовусь, правда? А я могу только сказать по совести то, что думаю: в печать, кроме стенгазеты, Вам такие стихи давать не стоит. Критикуют Вас, видимо, не всегда за то, за что следует, но все-таки это — поэзия «для себя», не более. Вот в таком качестве, для автора и для ближайшего окружения, она, безусловно, имеет право на существование. А в какой-нб редакции Вам могут ответить и обиднее, чем это делаю я.

Притом от души желаю Вам навсегда сохранить слух, вкус, любовь к родному слову — это чувство драгоценное, оно обогащает душу и нашу жизнь.

Счастливой Вам работы и всего доброго!

Н. Галь

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Получил Ваше письмо и, как видите, не только не обиделся на критические замечания в свой адрес, но остался очень и очень благодарным за Ваше живое сердечное слово. Приятно было также узнать из первоисточника, что Вы продолжаете работать над новым изданием своей замечательной книжки «Слово живое и мертвое» — буду с нетерпением ждать ее выхода в свет.

Однако вот о чем я все время думаю, — и когда читал Вашу книжку, и когда Вы мне возражаете по поводу расуловской поэзии в переводах, — а не ведут ли такие уж слишком вольные переводы к неузнаваемой трансформации оригинала? Нет? Ну, хорошо, а чем можно объяснить тот факт, что тот же Расул Гамзатов охотно переводит с русского на аварский (в частности даже Пушкина) и не берется переводить на русский самого себя? Понимаю, что это не одно и то же, однако ни Солоухин, ни Рождественский не сделали больше одного-двух переводов гамзатовских стихов, почему? Какая жалость, что я не сумел овладеть ни одним иностранным языком, а то бы вряд ли у меня возникли такие глупые вопросы.

Я очень люблю язык Стендаля, пожалуй, из всех зарубежных авторов больше всего, и было бы печально однажды узнать, что этот велико-

лепный язык — лишь заслуга хорошего переводчика. (Вот ведь раньше не обращал особого внимания на авторов перевода.)

Но больше всего мне хотелось бы, с Вашего разрешения, поговорить о Вашей будущей книге. При Вашем отлично поставленном аналитическом уме, пожалуй, следовало бы вскрыть более глубокие корни канцеляризма в русском языке. Смелее пойти дальше обыкновенной констатации лингве ляпсусов, показать читателю ту неблагоприятную почву, на которой произрастают подобные «шедевры» нашей речи.

Мне бы, в частности, хотелось сказать несколько слов о слепом преклонении перед авторитетами.

А. Вознесенский. Прекрасный, говорят мне, поэт. Верю на слово. Читаю из его «Соблазна» стишок на 11 стр. под названием «Свет». Превосходно по мысли! А грамматика?

Можно и не быть поэтом,
Но нельзя терпеть, пойми,
Как кричит полоска света,
Прищемленного дверьми!

Неужели кому-то было не ясно, что в роли подлежащего здесь выступает не свет, а полоска света, ж. р., окончание — «ая» — прищемленная. В этом Вы можете легко убедиться, взяв его последний сборник «Соблазн» и открыв упомянутую страницу.

А вот из повседневного обихода в разговорной речи. Моя сестра своему сынишке пяти лет: «Дениска, а ну давай ешь быстрее и уматывай!» Бедный Дениска спустя некоторое время спрашивает меня: «Дядя Юра, а что значит — «уматывай»?» Ребенку слово режет ухо, а взрослому хоть бы что. И становится совсем не удивительно, когда некоторые авторы с легкостью факира навешивают на голову подстреленной лосихи «великолепные ветвистые рога», а бедное животное в женском исполнении отродясь таковых не имело.

В нашей местной газете «Знамя коммунизма» от 12 апреля стихи о Ленине названы:

С. Козлов
ВЕКОПРОБЕГ

Что это, великая тяга к неологизмам или обыкновенное отсутствие слуха? А ведь С. Козлов считается неплохим местным поэтом, да и сам редактор упомянутой газеты пописывает стишки.

И уж коль взялся быть авторитетом, то позвольте рассказать одну маленькую историйку, случившуюся года два тому назад.

Как-то Дмитрий Борисович Кабалевский, выступая по телевидению с пропагандой классической музыки для детей, по ходу дела процитировал известные строки Пушкина так:

У Лукоморья дуб зеленый,
На дубе том золотая цепь...

И... на этом запнулся, хотел вспомнить дальше, но, разумеется, сделать это было очень мудрено, так как вторая строка было им совершенно перевернута.

И вдруг у меня мелькнула озорная мысль — действительно:

У Лукоморья дуб зеленый,
На дубе том золотая цепь...
А всем известный кот ученый
Побрел рассеянно в «ту степь».

Нет, Нора Яковлевна, как Вы ни защищайте известного нашего музыковеда, а все-таки с детьми нужно быть осторожным — уж они-то знают Пушкина наверняка.

Ну а кто и что мне нравится из нашей современности? Поэт Виктор Федоров. Даже дружеский шарж на него как-то написал:

Вообще-то...
Дифирамбы петь стыжусь,
Но Вам
Пророчествую бодро,
Что непогожую
Рождественскую грусть
Заменит Ваше
Поэтическое ведро.

Вот, кажется, и все, пора, как говорится, и честь знать. С глубоким уважением к Вам

P. S. А стоит ли писать для себя?

Вот насчитал как-то около семисот стишков блоковского (в 20 строк) размера и почувствовал вдруг, что уж не такая у меня большая душа, чтобы вместить в нее эту рифмованную продукцию. Ну что же:

Не стану Музе докучать,
Пока сама она не скажет,

Что мне до века не понять,
Как в рифму мысль поэты вяжут!

Еще раз с уважением!
Хорошей Вам работы над новой книгой!

2. Можно ли сравнивать В. Шукшина с А. Чеховым: в культуре слога, замыслах, видении жизни?

3. Как Вы смотрите на выражение «нести культуру в народ» — с учетом обыкновенных авосек, украшенных великолепными репродукциями портретов «Джоконды»?

С глубоким уважением к Вам

Р. Р. S. Благодарю Вас, что доверяете мне произвести разбор Вашего Слова на Обществе!

Зеленикин Юрий Васильевич

* * *

25.IV-80

Уважаемый Юрий Васильевич!

Профессиональный разговор всегда интересен, вот — как ни занята, выкроила время, хочу снова ответить Вам.

Сперва о переводах Гамзатова. Переводить с чужого языка на свой и со своего на чужой — далеко не одно и то же. Я перевожу (прозу) с французского (к-рым худо-бедно занималась еще в детстве и потом в вузе — НЕ-языковом) и с английского (к-рым овладела самоучкой, когда мне было уже за 30) — потому что СВОИМ языком, русским, владею свободно. Но я не то что роман или рассказ, а и записку в 2–3 фразы не возьмусь перевести на ЧУЖОЙ язык. Ибо не владею чужим столь же свободно, а значит, могу допустить если не смысловую, то стилистическую погрешность, либо просто выйдет сухо, бледно, казенно.

Вот поэтому, надо думать, Гамзатов и другие не переводят сами себя на русский, но берутся переводить других, даже великих поэтов — и им отдают все краски родного языка, к-рым владеют в совершенстве.

И еще. Каждый выбирает тот вид творчества, к-рый ему ближе. Надеюсь, Вы согласны с К. И. Чуковским, что художественный перевод — это творчество, высокое искусство, как назвал он свою книгу. У нас есть большие мастера, владеющие искусством именно поэтического перевода — Н. Гребнев, Я. Козловский, с западных языков — В. Левик, можно назвать многих. Не говорю уже о поэтических переводах Пастернака, Ахматовой, Маршака, Тихонова, — это Вы, надеюсь, помните. Мб, их этот род искусства привлекал больше, чем Солоухина или Рождественского? Или, мб, этим двоим родственней не Гамзатов, а какие-то другие авторы?

Кстати, Стендаля тоже переводили люди разные, и не все переводы одинаково удачны. Бывает даже так, что настоящий мастер перевода, кому прекрасно удастся классика, берется за современную книгу — и не справляется с ней, потому что ему по нраву и по руке совсем другой стиль, у него иная лексика. Бывает (чаще) обратное — за классику берутся люди, которым она не по плечу и не по зубам, и тоже портят книгу... На этот счет Вы достаточно примеров видели и в моей книжке.

Да, о «моей будущей книге» — тут Вы меня не так поняли, новую книгу я писать не собираюсь, мое основное и главное дело — перевод. Просто мою книжку время от времени переиздают — и тогда я ее по мере возможности исправляю и дополняю: материала, увы, хватает, да и читатели «подбрасывают», вот как Вы в своих письмах.

Канцеляризмам, примерам безвкусицы, глухоты (и душевной) нет числа. А бывает, что виноват не автор, а корректор — не исключено, что так случилось и с полоской света у А. Вознесенского, поэта, на мой взгляд, очень своеобразного и интересного, хотя далеко не все я у него принимаю.

Корректор, редактор, уровень грамотности... Вот на днях в «Комсомолке» статья, в заголовке слово «престиж» — правильно, а в тексте — «прИстижный»! И это подносится миллионам молодых читателей. Или — получаю письмо от издательского редактора: «Мы приняли во внимание Ваши ПРИтензии». Щегольнула некстати умным словцом (тут были не претензии, а именно замечания), а написать грамотно не сумела.

Вот «ВЕКОПРОБЕГ» — это как раз сказано с претензией, с вывертом — и, если доживу до нового изд. своего «слова», вставлю!

Стоит ли писать для себя, спрашиваете Вы. Если тянет, отчего же не писать? Для себя, для друзей и знакомых. Надо только не терять трезвости и чувства юмора и не путать это с подлинной поэзией, но вот Ваш «всем известный кот ученый», который побрел «в ту степь» — и правда забавен. Оговорка Дм. Б. Кабалевского... так может случиться со всяким, хотя перед ребятами не надо бы, конечно. Но тут оговорился не литератор (и не просто музыковед, как Вы пишете, а музыкант, один из крупнейших наших композиторов), и все же человеку за 70. Хуже, когда на цитате из Пушкина спотыкается — и тоже в телепередаче — писатель, так случилось недавно с Нагибиным, когда он беседовал в Останкинской студии с читателями. Это уже, мягко говоря, некрасиво.

Словом, где бы Вы ни были, с кем бы ни говорили, в быту ли (в отличие от сестры Вашей, которая так обидно портит язык бедному Дениске!), на работе ли — будьте осторожны и бережны со СЛОВОМ!

Всего Вам доброго.

С уважением

Н. Галь

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Благодарю Вас за Вашу великолепную находку по поводу моей вопиющей «словесной дуэли»!

Прекрасно понимаю, что опрятность нужно соблюдать во всем, даже в чистоте линий собственной мысли.

Но что поделаешь, если Ваш покорный слуга настолько привык «думать» не словами, а целыми понятиями, категориями и даже... схемами, что не задумываясь способен вмонтировать в свою речь подобную «словесть»? А делать необходимо.

Вот пытаюсь пробиться сквозь броню учености автора книжки «Язык и социальная психология». Т. М. Дридзе много усилий кладет на то, чтобы с первых же строк оттолкнуть, прямо-таки отвратить читателя от своей, в общем-то нужной, книжки.

«Предисловие

Эта книга знакомит читателя с предметом, понятийным аппаратом и прикладными возможностями дисциплины, возникшей на стыке языковедения, общей и социальной психологии, социологии и социальной семиотики».

Уж если мы присутствуем при рождении новой «дисциплины», то что за «прикладные возможности» этой науки — не понять.

Следующее за этим предложение — еще горче:

«Указанная дисциплина, носящая название лингвосоциопсихологии, или — шире — семиосоциопсихологии, опирается, таким образом, не только на накопленные наукой знания о языке-речи, но и на знания о человеке как активном субъекте деятельности, который не только познает, но и творит окружающий мир».

Вот. Не смог даже переписать без ошибок, пришлось изъясняться сплошными междометиями, они бегут как от чумы от подобной словесной «изящности». Нет, я эту книжицу нарочно добыю и переложу ее на нормальный язык!

Несколько вопросов по художественной литературе.

Неужели великий Пушкин с первой же строфы в «Евгении Онегине» ведет лишь непринужденную светскую болтовню с читателем — не вкладывает того привычного нам смысла в известные строки? Да, именно такой разговор произошел у нас в Обществе в конце прошлого года.

Даже страшновато как-то становится, тем более — сам задумывался в этом плане над еще одной его строфой:

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещения дух.
И опыт — сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.

Неужели же и здесь всего лишь гениальная «упаковка» слов без глубокой мысли?

Зеленикин Юрий Васильевич

* * *

4.II-81

Уважаемый Юрий Васильевич!

В Ваших вопросах и огорчениях (насчет языка книжки Дридзе, «светской болтовни» Пушкина, авосек с портретом Джоконы) уже заключены оценка и ответ, распространяться незачем. «Культуру слога» Шукшина я не сравнивала бы с чеховской, а что до замыслов и видения жизни — при разнице почти в век тут нет речи о математически точном совпадении, но что-то сопоставить можно. Для подробного разбора, уж извините, сил и времени нет: перегружена работой.

Еще одно: разбирать-то «Слово» можно, но ТОЛЬКО ПОСЛЕДНЕЕ, 3-е изд. (1979). Я много меняла и дополняла, даже целую главу, притом в первых изд. есть огрехи и по вине типографии и редакции, кое-что упустила я сама, оба они устарели. Если обсуждение состоится, расскажите, как пройдет, мне интересны все критич. замечания.

Всего доброго! — С ув.

НГ.

* * *

31/XII-80

Уважаемый Вячеслав Михайлович (Тищенко)!

За 8 лет (начиная с 1-го издания и публикаций в «Науке и жизни») мне писали по меньшей мере полтораста человек, не ответила я лишь тем, очень немногим, кто не дал обратного адреса. Кое с кем переписываюсь подолгу, меня даже навещали, появились у меня в разных городах друзья.

Меня хотели назвать коротко — Норой, но в день, когда я родилась, умер мой прадед. Был он врач, как и Н. И. Пирогов, помогал русским солдатам прямо на поле боя, за что получил «крест на шею» — вероятно, проявил нешуточную храбрость и самоотверженность, если дали ему, притом неправославному, столь высокую по тем временам награду. И потом, уже старик, сам отнюдь не богатырского здоровья, он днем ли, ночью ли, в любую непогоду шел к больным (какой уж общественный транспорт в захолустном бессарабском городке!), с неимущих денег не брал, и за гробом его шла вся городская беднота. Звали прадеда Леон. Так оказалась я Элеонорой.

Помните учителя Никпетожа в «Дневнике Кости Рябцева»? В 20-х годах обычны были такие сокращения. Зимой 1923/4 г. в Лесной школе (той самой, в Сокольниках) меня прозвали «Норгаль». Четыре года под этой подписью печатались мои стихи в «Пионер. правде». А в начале 30-х, разделив прозвище пополам, я стала подписывать уже взрослые свои работы — Нора Галь.

У меня немало единомышленников — и я рада, что в Вас нашла еще одного, да еще, как Вы пишете, стопроцентного, да еще, чем я вдвойне дорожу, единомышленника — учителя. Спасибо!

Всего Вам доброго, здоровья и счастливой работы в Новом году и еще на многие годы!

НГ

* * *

9 января 1981

Глубокоуважаемая Нора Яковлевна!

Знали бы Вы, как я обрадовался Вашему письму. Спасибо Вам за обстоятельный и исчерпывающий ответ на мой вопрос. Теперь все понятно. Вы правы и, конечно же, не могли поступить иначе.

Прошу извинить, если я поступил, может быть, не совсем тактично, задав такой вопрос, и оторвал у Вас драгоценное время на ответное письмо. Дело в том, что во время чтения Вашей книги я проникся к ее автору таким уважением, что мне после прочтения каждой главки хотелось пожать ему руку. А имя и фамилия автора, в моем представлении, не гармонировали с содержанием книги и казались странными, как фамилия завязного книгочея и книголюба — Нечитайло, а страстного атеиста-агитатора — Богомоллов.

Теперь несколько строк о действенности Вашего труда. Вчера по телевидению во «Времени» я слышал выступление одного академика, который жонглировал словами «глобальные проблемы», «комплексы», «интеграция», «координация», «эффективность», «прогрессивность» — боже мой! Не докопаешься до смысла, что он хотел сказать. И все, что он говорил, можно было бы просто, по-русски выразить в трех-четырех фразах. Слушал я, слушал и вынужден был в телевизоре совсем убрать звук. Академик шевелил губами, а я смотрел на него и ждал, когда он кончит. До чего же мы дожили, думал я, когда даже убежденный сединой академик, поддавшись дурной моде — выражаться как можно кудрявее, — говорит каким-то телячье-суконным языком, с которого приходится переводить на человеческий, русский.

Вы своей книгой так обострили мой слух, что я уже не могу слушать этот заезженно-избитый, тошнотворный треп-канцелярит, который стал модой и бедой нашего века. В свое время я читал «Живой как

жизнь» К. И. Чуковского, «Правильно ли мы говорим?» Б. Тимофеева, «Судьбы родного слова» А. Югова, «Культура речи» Л. В. Успенского, «Культура речи» Д. Э. Розенталя, «Как мы портим русский язык» К. Ф. Яковлева, «Говорите правильно» Е. В. Язвицкого и многие другие работы на эту тему. Все это хорошие и ценные книги. Но почему-то Ваше «Слово живое и мертвое», насыщенное многочисленными примерами вопиющей порчи нашего языка, произвело на меня наибольшее впечатление. И книгу я уже не убираю со стола. Читается она с таким интересом, что я был вынужден сдерживать себя, чтобы на дольше хватило. И как было жалко, что она все-таки кончилась, как и все кончается в нашем мире.

Меня поразили эрудиция автора «Слова», тончайшее чувство всех тайн великого русского языка, доскональное знание законов и секретов перевода, искусство подать читателю, казалось бы, «сухой» материал так, что читаешь его и не оторвешься. Испанцы говорят, что человек, знающий два языка, — это два человека, то сколько же вмещает в себя автор этой замечательной книги, думал я.

Эту книгу (будь на то моя воля) надо бы издавать и переиздавать не тысячными, а миллионными тиражами. Она непременно должна быть на столах в вузе и не только у филологов.

Письмо Ваше читал и перечитывал с удовольствием. Было такое ощущение, будто мы с Вами посидели на диване и доверительно, по душам поговорили. Спасибо и земной поклон Вам и за книгу, которая теперь стала для меня вдвойне дороже, и за Ваше доброе сердце, отзывчивость, и за то, что Вы есть на свете.

От всей души желаю Вам доброго здоровья, благополучия на долгие-долгие годы и успехов во всех делах Ваших.

Очень рад, что случай привел узнать Вас ближе.

С глубоким уважением

В. Тищенко

* * *

31 января 1981 г.

Дорогая Нора Яковлевна!

Вчера с вечерней почтой принесли мне и Вашу почтовую открытку и бандероль, кстати сказать, оформленную с таким желанием и изяществом, что, право, не хотелось ее разрушать.

Любезно присланная Вами книга «Лучезарный феникс» для меня, книголюба и собирателя (в прошлом), — настоящий праздник. Такую книгу, скажу прямо, теперь не достать.

Большое Вам спасибо за чудесный подарок и особая благодарность за трогательную и оригинальную дарственную надпись. Особенно при-

ятно, что переведенный именно Вами рассказ вынесен в заглавие книги и что редактировал ее родной Вам человек [я. — Э. К.].

Все это наполняет меня каким-то необъяснимо приятным чувством, и я благодарю судьбу за радость общения с Вами.

Свои впечатления о книге я скажу Вам тогда, когда прочитаю книгу полностью. А сейчас, перелистав ее, я увидел, что читал (и то давно) лишь «Менделя-букиниста» Стефана Цвейга.

Анатоль Франс и Марк Твен хоть и не чужды мне, но то, что из их произведений помещено в этой книге, неизвестно мне. Остальное — вижу впервые. Предвкушаю радость прочтения: книги такого жанра — давняя моя слабость.

Прошу передать мое почтение и редактору Э. Б. Кузьминой.

Еще раз спасибо Вам, человеку щедрой души. Доброго Вам здоровья и успехов с Вашей книжкой, в интересной и удивительной работе.

С глубоким уважением

В. Тищенко

* * *

22 февраля 1981 г.

Щепкин

Дорогая Нора Яковлевна!

Книгу «Лучезарный феникс», присланную Вами, я прочитал уже давненько, да никак не соберусь ответить.

Древнеегипетский миф о птице — символе вечного возрождения и обновления раскрыт в собранных произведениях столь своеобразно, что я даже затрудняюсь, как это выразить. Что я испытал при чтении книги? Было и подкупающе интересно, и местами не совсем понятно, и заманчиво, и смешно, и трогательно, и тревожно... Однако все больше утверждаешься в мысли, что Книга занимает в жизни человека огромное место и она бессмертна. Недаром Горький назвал ее одним из самых больших чудес, а Герцен — духовным завещанием одного поколения другому. Да здравствует хорошая книга! Пусть всегда будут пишущие книгу и выпускающие ее в полет! Еще раз спасибо Вам за доставленное удовольствие.

С большим удовлетворением прочитал в № 6-м за 1980 г. журнала «Литературная учеба» (см. стр. 161) совет прочесть Вашу книгу «Слово живое и мертвое», которая произвела на меня огромное впечатление. Книга высоко оценивается журналом.

О вашей книге сообщается и на последней странице книги Татьяны Борисовны Вьюковой «Восемьдесят пять радостей и огорчений» (размышления редактора). Вероятно, Вы и Э. Б. Кузьмина знакомы не только с этой работой, но и с ее автором.

Из книг Вашей и Вьюковой, вышедших в серии «От рукописи — к книге», я довольно обстоятельно узнал о том трудном пути, который проходит рукопись, прежде чем стать книгой. И, естественно, еще больше проникся неуверенностью и даже страхом.

Дело в том, что в течение последнего года (примерно) я работаю над составлением сборника зарисовок-миниатюр и коротких рассказов на военные, педагогические и бытовые темы. Работа подходит к концу (дело в перепечатывании на машинке, что я делаю сам и медленно, к сожалению). Хотелось бы издать эту книжицу, думаю, небезынтересную и нужную людям. Однако как это сделать, право, не знаю.

Осенью прошлого года рукопись моя была обсуждена на секции прозаиков Белгородского отделения Союза писателей РСФСР, в основном одобрена, сделано было, разумеется, ряд замечаний, над которыми я и работаю. Однако обращаться туда снова что-то не хочется: там никак не наведут порядок в организации работы областного отделения писателей (то и дело меняется начальство, рукописи залеживаются годами, без движения, даже пропадают, никто ни за что не отвечает и т.п.). Ничего толком не добьешься.

Прошу не думать, что я, пользуясь некоторым знакомством с Вами, хочу взвалить бремя хлопот в этом отношении на Вас или на близких Вам людей. Боже упаси. Просто хотел бы, если это Вас или кого другого из Вам известных компетентных людей не затруднит особенно, попросить очень кратко посоветовать мне, что предпринять с моей рукописью. То ли отослать ее в какой-нибудь журнал, то ли писателю (все теперь очень заняты, времена Горького прошли), то ли в какое книжное издательство, то ли вовсе никуда не рыпаться, так как дело это почти безнадежное... Все это к слову.

Завтра открывается XXVI съезд КПСС, на который все мы возлагаем большие надежды. Дай бог, чтобы потеплела международная обстановка. Как хочется, чтобы и впредь небо над нами было чистое, чтобы счастливы были люди, чтобы росли дети и внуки, родилась картошка, гудели пчелы, зеленела трава. И цветы улыбались солнышку...

Будьте всегда здоровы, Нора Яковлевна, да сопутствуют Вам удачи и радости.

Всегда благодарный Вам

В. Тищенко

* * *

Глубокоуважаемая Элеонора Яковлевна!

Не удивляйтесь этому неожиданному для Вас письму. Назначение его — просто поприветствовать Вас, порадоваться за Вас и пожелать Вам всего самого доброго.

Прочитав в «Ленинградской газете» № 16 фрагменты из романа Кэтрин Энн Портер «Корабль дураков», увидел в конце строчку: «Перевела с английского Нора Галь». Живо и приятно вспомнить такое близкое имя доброжелательного человека, книга которого о мастерстве перевода поразила меня. И мы с Вами обменялись письмами. А в январе 1981 года Вы любезно прислали мне книгу «Лучезарный феникс», которую я храню.

Рад был узнать, что Ваша переводческая деятельность успешно продолжается, и дай Бог этому быть еще долго-долго.

Земной поклон Вам и глубокое уважение. Прошу передать мой привет и дочери Вашей Э. Б. Кузьминой.

В. Тищенко
17 апреля 1987 г.

* * *

29/IV-87

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Спасибо за память и добрые слова. Я очень рада, что и до Вас дошел этот долгожданный подарок всем читающим людям — первая весточка о том, что снимается, наконец, с мели «Корабль дураков» К. Э. Портер.

Эта книга известна во всем мире как резко антифашистская, интернационалистическая (она направлена против всех и всяких проявлений шовинизма) и притом глубоко психологическая. Роман закончен в 1961 г., но отнюдь не устарел. Переведен на десятки языков, выходил в 1979 г. и на украинском — в журнале «Всесвіт», а потом и отдельной книгой в самом начале 80-х.

И только заказанный мне и законченный ровно 10 лет назад русский перевод до сих пор «сидел на мели» в издательстве и в журналах.

Теперь, если никакого нового заскока у редакторов и издателей не случится, книга выйдет, но ее еще надо дождаться — план выпуска начала 1989 года, а мне уже стукнуло 75.

Работаю много. Мб, Вам попался мартовский номер «Дружбы народов»? Там отрывок из 4-го издания моего «Слова живого и мертвого», для этого издания я написала большой новый раздел «Поклон мастерам» — исполнила долг перед моими учителями, замечательными переводчиками, по справедливости — пионерами новой школы советского художественного перевода. Начинали они в 30-х годах, почти никого уже нет в живых, а обязаны мы этих людей помнить и благодарить за многое. Книжка моя уже вышла, получила я так наз. «сигнальный экземпляр», но тираж ничтожный — 18 500, что грустно: просят у меня люди, она многим нужна просто как пособие. — Пересматриваю для переизданий старые работы — и очень любимые (Экзюпери) и не очень. Выйдут снова даже

«Поющие в терновнике» австралийской писательницы Маккалоу, это — радость. И новое перевожу, работой и держусь на старости лет.

Всего Вам самого доброго, сердечный привет и от дочери. Она тоже много работает, уже 26 лет — издательским редактором.

Н.Г.

* * *

13/I-81

г. Снечкус

Уважаемая Нора Галь!

Мы не знакомы, но я не могу не написать Вам. Только что прочитала Вашу книгу «Слово живое и мертвое», и не могу не поблагодарить автора. Книга бесценна для всех, кто пишет! Каждый пример — не в бровь, а в глаз. Спасибо!

Ах, если бы еще от таких книг сразу исчезали все ошибки... Может быть, самое ценное в Вашей книге — ее стиль. А как часто о культуре русского слова еще пишут «на канцелярите»! Ваша книга — поистине «живое слово», читала ее как роман, захлеб, запоем. Но, Нора Яковлевна, Вы не обидитесь, если я задам Вам один вопрос? На стр. 132 у Вас есть слова:

«Гомер нам рассказывал больше о том, Как они воевали.

Поведал он, правда, еще и о том, как трудился Гефест над щитом для Ахилла.

Но кузнец хромоногий Гефест Он богом ведь был, не троянцем!»

Это почти чистый гекзаметр. Если это входило в Ваши планы — я сдаюсь, не в состоянии оценить глубину и тонкость замысла! А может быть, случайность? Очень хотелось бы знать это.

А теперь — два образчика «поэтического» перевода в Вашу коллекцию. Есть в Литве женщина, С. Самулявичене, она шьет милые, мягкие игрушки, которые бывали даже в Париже. Она написала стихи про этих зверушек, и вышла книжка для детей: яркие фотографии и стихи. В Вильнюсе был сделан перевод. Итак, о зайчике:

Кролик ты

Или балбесенок?

Что ты мнешь

Цветы спросонок?

И о медвежонке:

Говорите: «Уваленень!», — говорите: «Не собран!», —
Но зато я самый-самый добрый.

Переводчик — Юрий Кобрин, самый крупный в Литве специалист по русской поэзии, выпустил три книжечки стихов, председатель русской секции Союза писателей Литвы.

После такого предисловия отважусь обратиться к Вам с просьбой о консультации, ибо к Юрию Кобрину относиться серьезно не могу, а Ваше мнение для меня очень важно!

Придется сказать главное о себе. Мне 30 лет, из них 16 пишу стихи, но печатала только в Иванове, книги нет. Три года живу в Литве, учу язык (сложнейший!), хочу быть переводчиком. Но не знаю, есть ли у меня данные для этого. Подготовила переводы детской книги (400 строк) и около 600 строк разных современных авторов, но предлагать куда-то боюсь, пока не получу квалифицированной оценки. Авторам переводы нравятся, но все же русский для них — чужой, я передаю точно форму, словарь — возможно, это и привлекает поэтов. А вот оценить переводы как русские стихи — здесь некому, да и живу я в 150 км от Вильнюса, здесь не то что литераторов — библиотеки путной нет! А мне просто необходим сейчас строгий профессиональный разбор, иначе вся работа пойдет в тупик. Если бы Вы смогли написать мне свое редакторское мнение о стихах и переводах — как я была бы благодарна!

Я высылаю Вам два своих стихотворения и два перевода, один из детской книжки Рамуте Скучайте «Мы нашли от скрипки ключ», второй — из цикла Юдиты Вайчюнайте «Мои музы». Размер детского стихотворения соответствует оригиналу (кроме 1-го четверостишия — в оригинале все рифмы женские, но мне нужно было компенсировать звукопись, передать которую не удалось в одном очень интересном случае), и еще пришлось последнюю строчку вынести из середины в конец стихотворения (см. подстрочник), там она не поместилась. Но я не знаю, допустимо ли это? Мне-то кажется, что необходимо, но, возможно, я не права?

В «Каллиопе» ритм передан точно, а автор считает, что и дух, суть получилась, ей перевод понравился.

Уважаемая Нора Яковлевна!

Очень прошу написать мне об этих стихах и переводах! И если мне не стоит заниматься литературной работой — напишите прямо, я не обижусь, а только поблагодарю.

(Да, еще одно: подстрочные переводы делаю себе сама, считаю, что по-другому переводить нельзя, хоть история перевода и знает гениаль-

ные переводы с чужого подстрочника. Но это, думаю, получалось не «благодаря незнанию», а «вопреки незнанию».)

Желаю Вам всего самого хорошего!

С уважением

Ирина Аверьянова

Ирина Аверьянова

Ностальгия

Только лес, где нога утопает во мху,
Черный лес, где поют незнакомые птицы.
Лишь клочки облаков пролетают вверху,
Чтоб неожиданным дождем разразиться.
Неумолчные сосны над белым песком
Ловят ветер балтийский антеннами веток.
Только детям моим будет с детства знаком,
Ну, а мне он — чужой, этот ветер.
Красоту и уют принимаю легко,
Но останутся в сердце просторы другие.
Мои слезы, и смех, и любовь — далеко.
Есть такая болезнь — ностальгия.

* * *

Мы так нелепо суедемся,
Мы погрязли в мелочах,
Пытаясь разума светильник
В домашний превратить очаг...
Но вдруг застыну, ненароком
Остановившись на бегу:
В своем отечестве пророком
Уже не стану. Не смогу.

Рамуте Скучайте

I. (подстрочник)

Бум!

Ударю (гряну) веселый танец —

Так плясать ты не умеешь?

(какая строчка!)

[Тóкя шóкя ту нямóкя?]

Просим плясать, просим плясать!

Раз, два, три! — нужно будет научиться!
Весело плясать?
Весело, весело!
Ну и что, если пол прогибается!
Бум, бум, бум!
Пусть себе прогибается! —
И половицам
От танца весело!

II. Бум!
Ударьте в звонкий бок. —
Не жалейте в пляске ног!
Не умеешь? Ну-ка в круг!
Раз, два, три! — научим, друг.
Хорошо ли?
Хорошо!
Даже пол плясать пошел!
Пляшут с нами половицы —
Будем вместе веселиться!
Бум, бум, бум!

Юдита Вайчюнайте
(Из цикла «Мои музы»)

9. Каллиопа

I. (подстрочник)
Я чувствую себя из далека
По дыму пожара —
Седые волосы трепещущие
И след кровавый.
Крепостные тебя забыли,
Они в черный пар [с/х термин]
Вписали свой эпос.
Если не сданы в рекруты,
Если плетками не засечены,
Если в чащах разбойниками
Они не стали. В земле
Их тысячелетний эпос,
Ржаным полем
Под балтов суровым небом остался,
В корнях цветов и деревьев
Их возвышенные слова скрываются.

(Подстрочник рабочий, поэтому синтаксис «нерусский», мне было важно отметить, какие слова автор рифмует, в поэзии Ю. Вайчюнайте это имеет значение, вообще же литовский синтаксис почти совпадает с русским и изобилует причастиями и деепричастиями. В этом цикле автор рифмует неточно, иногда это отдаленные созвучия.)

Я тебя чувствую издали
 по дыму пожара —
 по седым волосам трепетным,
 по кровавым следам.
 Крепостной тебя позабыл —
 он в борозды черного пара
 свой эпос вписал,
 если в рекруты ты не был сдан,
 если плетками не забит,
 если в чаще не стал разбойником,
 его эпос тысячелетний —
 это земля и трава,
 он остался ржаным полем
 под небом балтов суровым,
 в корнях цветов и деревьев
 его возвышенные слова....

* * *

Уважаемая Ирина Аверьянова!

(Отчества Вы не написали, но, думаю, это не страшно, в общем-то я Вам уже в бабушки гожусь.) Пишу я Вам на машинке, а не от руки просто потому, что руки у меня больные (как раз от машинки — профессиональная болезнь машинисток и пианистов) и держать ручку или карандаш больно, и Вы извиняетесь напрасно, живой почерк в письме куда приятней безличной печати. Рада бы и ленту для «Эрики» Вам послать, но... их нет.

Итак, по существу. Переводить Вы, насколько могу судить по присланному, вполне можете: словом и ритмом владеете (неритмичность «Музы», видимо, авторская). В стихотворном переводе переставить строку — Ваше право, если это не нарушает, а, напротив, полнее передает образ, настроение, стиль. Язык, с которого переводите, конечно, надо изучить как можно лучше, чужие подстрочники — совсем не то. Собственные Ваши стихи — искренние, даже неплохие, вообще мне гораздо легче отвечать Вам, чем многим, кто присылает мне стихи и прозу на два порядка ниже. Но... Вы обещали не обижаться, я же привыкла говорить напрямик: часто печатаются стихи слабее, хуже, — но стоит ли

оглядываться на то, что хуже? Выходить к читателю надо, когда можешь сказать что-то очень по-своему — не «лучше» Пушкина или Ахматовой, не о том речь, но **ОЧЕНЬ** по-своему, чтобы Вас не спутали с десятками других. Мб, у Вас есть или будет и такое, судить не могу, но по этим двум стихотворениям сразу и отчетливо это никак не ощущается.

Скажу еще: я «сочиняла» стихи, вернее, стихами думала и дышала лет с шести (первое записала в 7, подражала Некрасову!), печаталась с 13-ти, а бросила чуть за 20 и теперь стихи перевожу, только если они входят в прозаическую книгу. Но стихи помогли мне и писать (даже диссертацию, статьи и рецензии, пока я не ушла от литературоведения), помогли почувствовать себя свободно в любой прозе — и в переводе. Это хорошая школа, Вы лучше слышите другого и свободнее чувствуете себя сами, свободнее, лаконичнее Ваша речь — даже просто в письме. Справедливо уловили непоэтичность (и стилистическую, и душевную) перевода стишков о зайчике и медвежонке, очень точно поймали мой гекзаметр в «Слове». Только гекзаметр этот, конечно, не случайный! Вероятно, до многих мое озорство не дошло — и, мб, кое-кто скажет, что «солидному автору» (книга вышла, когда автору стукнуло 60) озорничать не к лицу, — но сделала я это, конечно, умышленно.

К сожалению, я совсем не знаю литовскую литературу, поэзию, не знаю и тех, кто ее печатает. Хочу повторить то, что есть и в «Слове»: хлеб переводчика бывает горек, это огромный труд. Судя по тому, сколько Вы сделали (около тысячи строк!), работы Вы не боитесь, прекрасно! Ну, а есть ли у Вас еще какая-то работа, просто-напросто почва под ногами, заработок — то, что позволит Вам не хвататься за **ЛЮБОЙ** перевод, не по душе или не по плечу, позволит не спешить и тем самым не соскользнуть в халтуру, пусть нежеланную? Ведь Вам непременно нужно время и силы, чтобы совершенствоваться, лучше овладеть языком. Скажу по совести, мой основной был французский, в английском я самоучка и переводить стала нечаянно: уже в военные годы мне поручили «поправить по-русски» перевод одной покойницы, а пришлось его начисто переписать. Но с языка, к-рого не знаю, я отказалась переводить наотрез, чем однажды очень обидела хорошего автора-сказочника из Средней Азии.

В заключение — успехов Вам, счастливой работы и всего доброго! Если могу чем-то помочь, пишите.

Н. Галь
27/II-87

* * *

Нора Александровна, не Вы ли ведете в «Науке и жизни» раздел о различных сходных по звучанию слов, например «лебединый» и «лебяжий»?

У нас на работе возник спор, какая разница между «допустимый» и «допускаемый». Например, в ГОСТ 13320-81: «допускаемая погрешность». Может быть, «допускаемый» — более категорично, считают некоторые товарищи. Но не отдает ли оно «канцеляритом»? Мне что-то больше нравится первое. Пишу Вам на адрес «Науки и жизни», так как Ваш адрес потеряла.

С приветом и уважением

Н. Гоженко

* * *

Уважаемая Элеонора Александровна!

Поздравляю Вас с 8 марта и традиционно желаю здоровья, счастья и творческих успехов! Когда-то мы с Вами заочно познакомились по поводу «цилиндрических сфер» и Вы одобрили действия дилетанта-филолога в физической шкуре. Долго ничего интересного мне не попадалось, но вот в одном из февральских номеров «Правды» (!) появились «саврасовые кони».

С нетерпением жду появления коней «гнедовых», «вороновых», а главное, «пеговых».

Н. Гоженко

* * *

Уважаемая Нонна Анатольевна!

Мне переслали из журнала Ваше письмо. Помню, что Вы мне однажды писали, сразу узнала Вашу фамилию. А меня зовут просто Нора и не Александровна, а Яковлевна, и раздел в «Науке и жизни» веду не я. Но отвечаю Вам с удовольствием.

По словарям (не только отличному, хотя и старому Д. Н. Ушакова, но и только что вышедшему 4-томному Академическому) ДОПУСТИМЫЙ — значит такой, к-рый можно допустить, возможный, позволенный (пусть даже в крайности, с натяжкой). Слова же ДОПУСКАЕМЫЙ словари вовсе не дают. Но по форме его смысл совершенно ясен и оно отнюдь не более категорично, напротив. Сравните: примеНЯЕМЫЙ, употребляЕМЫЙ. Это, к примеру, ошибки, огрехи, которые фактически ДОПУСКАЮТСЯ, попадают, встречаются, хотя они НЕ позволительны и даже подчас НЕДОПУСТИМЫ!

Яркий пример ДОПУСКАЕМОЙ, т. е. по чьей-то оплошности попадающей в печать безграмотности, — приведенные Вами САВРАСОВЫЕ кони! Я готовлю к печати уже 4-е изд. своей книжки о Слове — и охотно бы этот ляпсус вставила. Жаль, что Вы прислали эту милую вырезку «без головы и хвоста»: мне надо знать НАЗВАНИЕ статьи или заметки и ПОЛ-

НУЮ ПОДПИСЬ автора, хоть я их и не называю. В мои 70, при больном сердце и обилии работы пойти в читальню искать эти данные в подшивке, в номере от 8/II, мне не под силу. Если можете и хотите сделать это и напишете мне, буду признательна. Хоть объем книжки оч. мал, а новых примеров у меня горы, Ваших коней вставлю — уж очень хороши! Немало подобного и сама нахожу, и присылают ревнители чистоты языка, такие как Вы. Хорошо, что ревнителей много, беда, что «пеговых коней» разного рода куда больше. Будем и впредь по мере сил с ними воевать.

Всего Вам доброго

НГ
2/IV-82

* * *

*г. Фрунзе, Киргизский государственный университет,
факультет иностранных языков и лит-ры
11 апр. 1980*

Уважаемые товарищи!

Мне стало известно, что в издательство «Книга» пришло письмо от Ваших студенток с просьбой прислать несколько экземпляров моей книжки «Слово живое и мертвое», которая нужна им для занятий. Само издательство книг не имеет и не посылает, письмо передали в книжный магазин, но редакция не уверена, что магазин книжки вышлет.

К сожалению, ни точного обратного адреса, ни фамилии автора письма редакция сообщить уже не могла, сказали только, что письмо пришло из общежития Вашего университета (номер комнаты, кажется, 500 с чем-то) и подписала его девушке по имени Ирина.

Разыскивать следы письма или связаться с магазином я не в силах, а как-то помочь хотелось бы. Поэтому и посылаю 2 экз. своей книжки непосредственно факультету. Надеюсь, что она дойдет до тех студентов-филологов, которые занимаются литературой и переводом с иностранных (да и не только иностранных) языков и поможет им.

Всего доброго!

С уважением

Н. Галь

Пожалуйста, подтвердите, что книжки дошли, мой адрес — на конверте.

* * *

20.11.1982

Многоуважаемая Нора Яковлевна!

Не имею чести и удовольствия быть знакомым с Вами, но выходные данные книг, как я понимаю, дают право читателям обращаться к авторам, словно они давно знакомы.

Я — усердный читатель всех трех изданий Вашей книги «Слово живое и мертвое». И по праву давнего Вашего почитателя хочу напомнить, что уже прошло три года со времени выхода в свет третьего издания, и пора выпуска четвертого издания — пришла. Чувствуется, что за пределами книги осталось много материала, и скрывать его от читателей — грех. (*Н. Г. сие не от меня зависит.*)

У меня есть несколько замечаний и наблюдений, может быть, они Вам пригодятся для книги.

1. Канцелярит так крепко руган — и Вами тоже, что тут и прибавить, кажется, нечего. К сожалению, это не значит, что канцелярит изгнан навсегда из нашей речи. Вероятнее всего, число людей, владеющих канцеляритом, как родным языком, будет расти. У меня-то вот какое сомнение. Если могут быть написаны книги на арго (пример: ранние стихи И. Сельвинского), то, наверно, канцелярит может предстать как авторская речь в какой-нибудь книге. И тогда переводить такую книгу, например, на русский язык, избегая канцелярита, — насилие над книгой? Хорошо бы Вам сказать и об этом. (*Н. Г. Сказано — в связи с законом Паркинсона.*)

2. 3-е изд., с 35. Вы ошибаетесь, привязывая элеватор только к одному его значению — зернохранилищу (кстати, в элеваторе могут хранить и цемент, и известь, и др.). Но по-русски элеватор — еще и подъемник, и струйный аппарат (в Ваш дом горячая вода подается — поднимается элеватором), и транспортер ковшовый — вертикальный. Поверьте мне — инженеру. И посмотрите, пожалуйста, политехнический словарь 1976 года (*Н. Г. Речь-то в цитате не о спецтехнике!*)

3. С. 47, 49. «Шанс» — штамп, а «искра надежды» — ведь тоже, пусть раньше возникает, но тоже штамп! (*Н. Г. Но не газетный хотя бы, канцелярит во всех цитатах неуместнее! Связь со стилем цитируемых случаев!*) И здесь уже простор для вкусовщины, не так ли?

4. С. 53. Отредактируйте, пожалуйста себя: на одной странице «блестяще», «блестящая», «с блеском» — много, пожалуй.

5. С. 70. Почему «...(смотри (а не — те?) любой словарь)?» (*Н. Г. Традиционный оборот в лит-ре — не невежливость, хотя в др. случаях я, конечно, не посмею, следуя традиции, обратиться к читателю, как Пушкин или Некрасов, на «ты».*)

6. С. 97—98. Опять взываю к Вашей вере в специалистов. Система, в которой, к примеру, нагретая вода, отдав часть тепла потребителю, возвращается к источнику тепла, — называется рециркуляционной, назвать такую систему восстановительной вряд ли правильно. (*Н. Г. Опять же речь не о сугубо технич. тексте. Прошу верить, когда сказано — ТАМ, ГДЕ достаточно и той.*)

7. С. 111. Сегодня в промышленности главное — заводы — не фабрики, поэтому, согласитесь, вернее было бы сказать не «фабричная», а «заводская труба».

8. С. 132. Почему нельзя Уистлера превратить в Хистлера, если можно было переделать Лос-Анжелос в Лос-Анджелес, Бразилию — в Бразилиа, Снегири (Моск. обл.) — в Снегири, Ван Клиберна — в Вэн Клайберна и т. д., и т. д. (Н. Г. Очень стараются географы и пр. приблизить к подлинному произношению, иногда, м. б., и неудачно, но имя художника не только традиционно известно, но действительно произносится Уистлер.)

9. С. 202. Не верится, что подросток говорит «Ну разве что», думаю, это так же плохо, как «надеюсь, что так». Может быть, лучше «Наверно, так»? (Н. Г. Нет, Вы теряете оттенок уступки, сомнения.)

Убежден, что не я один с нетерпением жду Вашу книгу в большем объеме.

Будьте здоровы.

Успехов Вам в Ваших делах.

Резник Яков Ефимович
Москва

13.06.1987

Дорогая Нора Галь.

Очень рад и горд, что Вы, несмотря на занятость, ответили провинциальному поклоннику Вашего таланта. Ваши письма дороги мне потому, что знакомят с совершенно новой интеллектуальной средой, к которой всегда относился с большим уважением, хотя был далек от нее. Родом я москвич, но всю жизнь проработал на Севере. Много лет был главным инженером и директором предприятий. Последние 12 лет до выхода на пенсию — начальником отдела крупнейшего в стране лесопромышленного объединения. Сейчас меня снова уговорили поработать, относятся ко мне очень доброжелательно и, как кажется, уважительно. Живу один, кроме работы, ни с кем не общаюсь.

В моей небольшой библиотечке есть книжка Экзюпери издания 1957 г. из серии «Зарубежный роман XX века», в которой «Земля людей» дана в другом переводе. На днях приобрел сборник «Избранное», Южно-Уральского издательства, 1980 г., где помещены Ваши переводы этого и некоторых других произведений. Впервые в жизни занялся увлекательным делом — сравнением двух текстов одного и того же автора. Начиная с названия повести, все иное. И каждая строчка — в Вашу пользу. Счет по крайней мере 10 : 0. Какой у Вас сочный, образный, яркий, лаконичный язык, какой огромный словарный запас. Какое глубокое понима-

ние сокровенных мыслей автора, столь дорогого Вам. К примеру, во вступительной главке у того переводчика «А в этом доме предаются любви», а у Вас целомудренно «А там любят». Великолепно! К сожалению, сейчас много дел по работе, но обязательно в ближайшее время сравню все.

С огромным наслаждением прочитал честное и горестное «Письмо заложнику», «Маленького принца», вслушиваясь в музыку Вашего текста. Выше всяких похвал. Кстати, в первом своем письме Вы упомянули «Убить пересмешника» Харпер Ли. Да ведь это одно из самых любимых моих произведений современных американских писателей. Теперь только вспомнил, какой там язык. Спасибо за ту давнюю радость.

Впрочем, совершенству предела нет. Не кажется ли Вам, в частности, что лучше не «На борту парохода я опять их встретил, этих беженцев», а «...встретил их, этих беженцев»? Впрочем, сам не уверен. (Глава I «Письма заложнику»). А вот «...явился посмотреть, как грузят секретное оружие», (там же, гл. 4) не совсем точно. «Секретное оружие» ассоциируется с «Фау-2». А здесь, мне думается, больше подойдет «посмотреть, как втайне грузят оружие».

Под Вашим влиянием начал обращать внимание на стиль газетных публикаций. И хотя читаю не больно внимательно, да, разумеется, не велик я знаток словесности, но, к собственному удивлению, обнаружил в нескольких последних номерах уважаемых мною «Известий» вот такие обороты:

(Принцип расположения примеров на странице позаимствован из книги Норы Галь.)

... Поступил аналогичный запрос от нью-йоркских баров, считающих покупку льда для коктейлей в Гренландии выгодным делом.

Он сообщил, что министерство обороны поставило перед военными специалистами задачу уменьшения массы ядерных боеголовок и одновременно *разработку* для их новых форм.

... И последний подарок и праздник — от маэстро Феллини, который приехал в день показа фильма, только на один день, — «Федерико Феллини — интервью».

... считающих покупку льда в Гренландии для коктейлей выгодным делом.

... который приехал только на один день в день показа фильма.

...Государственная и кооперативная торговля смогла в начале лета предложить москвичам полтора десятка свежих овощей.

... третий канал ТВ передает передачи...

... Пробивали возможность кормить население через все областные инстанции, вплоть до обкома партии.

... полтора десятка видов свежих овощей.

... Через все областные инстанции, вплоть до обкома партии, пробивали возможность кормить.

Если это бросается в глаза рядовому читателю, то каково должно быть Вам, с обостренным чувством языковой гармонии и культуры.

Впрочем, дело сейчас не в полутора десятках свежих овощей, тем более что здесь мы их не видим, а совсем в других публикациях, после которых невозможно уснуть, которые заставляют вроде бы честного человека, состоящего в партии с 43 года, беспощадно, год за годом, вспоминать прожитое, проклинать свою невольную сопричастность к недавним и давним роковым ошибкам и вновь терзаться сомнениями и надеждами.

Вы случайно не были знакомы со Львом Квитко или Давидом Бергельсоном?

Простите за назойливость.

С огромным и искренним уважением

Б. Я. Брайнес

* * *

19.06.1987

Уважаемый Борис Яковлевич!

Спасибо за внимание к моей работе. Не гонюсь за лестными отзывами, но радуюсь, когда «не литераторы» прислушиваются к Слову — величайшей духовной ценности нашей. И, конечно, существо того, что мы сейчас читаем, раскрытие многих истин, пусть горьких, заполнение «белых пятен» истории и литературы важнее стилистических огрехов.

Вы спрашиваете о Квитко и Бергельсоне. Я их не знала.

Южно-Уральское издание Сент-Экса неплохое, но я и позже кое-что правила. Вам кажется, что «втайне грузят оружие» в «Письме...» больше подойдет — но ведь это другой смысл!

Не могу согласиться и с Вашей поправкой: «встретил их, этих...» — и по звучанию неудачное соседство, и ритм фразы нарушен, не случайно она у автора медлительней, раздумчивей.

Извините за краткость, я только стараюсь ответить на вопросы, очень много сейчас (да и всегда) работаю.

Всего Вам доброго.

С уважением

Н. Г.

* * *

15.04.1988

Уважаемая Нора Галь!

Большое спасибо за Ваши великолепные переводы с английского. Вы — настоящий мастер своего жанра. Бывает иногда непонятно — это такие хорошие произведения потому, что Вы их перевели, или Вы потому их взялись переводить, что они такие хорошие.

Жаль, что в последнее время не встречаются Ваши статьи (заметки, etc.) по проблемам перевода, — или возможно, это я их давно не видел, а где-то Вы и пишете. В любом случае, пишите больше. Ваш русский язык — это настоящая радость; думаю, что Вы — одна из самых выдающихся переводчиков нашего времени. Спасибо!

Желаю Вам здоровья.

Алексей Шмуρο

студ. 6 курса Днепропетровского мед. института.

Днепропетровск

* * *

Дорогой мой доброжелательный читатель Алексей Шмуρο!

Спасибо за теплые слова о моей работе. Важны мне не похвалы, а еще одно свидетельство, что людям молодым и, главное, не профессиональным литераторам не все равно, как мы обращаемся с нашим родным языком, как говорим, пишем, переводим. И вдвойне важно, когда такой читатель посвятил себя одной из двух самых главных и человеческих профессий на свете — учитель или врач. А будущий врач непременно должен уметь лечить еще и Словом.

Почему Вы решили, что я пишу *статьи* об искусстве перевода? Видели мартовский прошлогодний номер «Дружбы народов»? Там была не статья, а отрывок из моей книги «Слово живое и мертвое», из новой ее главы. Правда, когда-то и «Наука и жизнь» печатала такие отрывки из I-го издания, но неужели Вы читали и запомнили их еще школьником? Первые два издания (1972 и 1975) уже не в счет, третье (1979) мне удалось немного изменить и дополнить.

А вот в 4-е, прошлогоднее я прибавила большой и важный для меня раздел. И книжка моя — не только о переводе, а именно о *живом слове*, все равно — напечатанном ли, написанном или сказанном вслух.

А с моей работой (не только с английского) Вы, думаю, знакомы с детства. Ведь за последние почти 30 лет мало кто у нас вырос, не читая Антуана де Сент-Экзюпери, — если не «Письмо заложнику», то «Маленького принца» и «Планету людей» читали, кажется, все грамотные люди. И мне, конечно, отрадно, что читатели замечают не только о чем перевод, но и каков он. А стараюсь я (особенно в последнюю пору, когда время и опыт дают мне какое-то право выбирать) действительно переводить *хорошие* книги и рассказы. Пусть иногда жестокие, как «Смерть героя» или «Корабль дураков», но — настоящие, а не второстепенные.

Желаю вам всего лучшего, счастливой работы — и умения владеть добрым, целительным словом, оно очень, очень нужно людям.

Н. Галь

* * *

г. Ровно, 10.09.1988

Глубокоуважаемая Элеонора Яковлевна!

Перечитывая Г. Уэллса «Пища богов» в Вашем переводе, решил написать Вам письмо со словами читательской благодарности. По-моему, труд переводчика более труден и благороден, чем даже труд писателя.

Я — инвалид войны, прикованный к постели, поэтому для меня даже повторная встреча с хорошей книгой — это дополнительный заряд бодрости и оптимизма в борьбе за жизнь. Большое вам спасибо и низкий поклон.

Очень прошу, сделайте мне подарок на память: — напишите, пожалуйста, на листочке свой автограф и перешлите его мне.

Заранее Вам благодарен.

Всего доброго Вам и Вашим близким.

С уважением

Качанов

* * *

12.11.1988

Уважаемый Николай Григорьевич!

Спасибо Вам на добром слове о моей и впрямь нелегкой работе. Ведь переводчик, точно актер-одиночка, должен перевоплотиться, «влезть в шкуру» каждого героя книги, будь этот герой хорош или плох, мил переводчику или мерзок. Только тогда книга убедит, затронет читателя.

От души желаю Вам бодрости, душевных сил, неугасаемого интереса к живой жизни.

С уважением

Н. Г.

* * *

29.05.1981

Уважаемая Нора Галь!

Я прочел третье издание Вашей книги «Слово живое и мертвое». Книга интересно написана, легко читается. Вы совершенно правы, когда возмущаетесь порчей языка и в переводах, и в оригиналах; вы верно говорите о засилье иностранных слов, о вытеснении самобытной русской речи этими «интуристами». В самом деле, многие стали писать «бризантный» вместо «взрывчатый», «диссидентство» вместо «недовольство», «эпизод» вместо «случай», «региональный» вместо «местный», «импонирует» вместо «нравится», «стабильный» вместо «устойчивый» — и сколько тут еще можно добавить! Особенно малокультурные люди обожают играть «культурной» иностранщиной.

Верно и то, что канцелярская речь поклоняется имени существительному, а глаголом брезгует. Из документов эта ходульная речь переходит и в разговоры: я слышал, как два человека за обедом в столовой говорили языком квартального отчета. Если так пойдет дальше, настоящая русская речь только в книгах и останется! Я и сам, наглотавшись газетного языка, вынужден делать над собой усилие, чтобы в беседе со знакомым говорить по-человечески.

Теперь вы должны издать словарь. Краткий словарь-справочник под названием «Иностранно-русский». В него вы включите все ненужные иноязычные термины, попавшие в наш язык, и их русские переводы. За основу можете взять «Словарь иностранных слов» Лехина, Локшиной, Петрова, Шаумяна, выбрать оттуда пару сотен слов-паразитов и их переводы. А если вам недосуг, то пусть хоть названный словарь переиздадут большим тиражом, и заставят каждого журналиста и писателя почаще заглядывать в него.

У вашей книги есть и недостаток. Вы возмущаетесь засильем плохого языка, но нигде не объясняете, в чем же дело, в чем причина такого явления. Объяснять не значит оправдывать, но объяснить все-таки нужно. Тем более что порча языка — явление международное, французский тоже засоряется англицизмами, немецкий тоже страдает от канцелярита. Быть может, виновна урбанизация? Быть может, народный язык в городе умирает? Так или иначе, зло нужно понимать, а не только ругать его.

Кстати, Вы могли бы добавить еще главу в Вашу книгу. Ведь не только бюрократизмы и англицизмы теснят обычные слова, — с третьего фронта их теснит жаргон. Прибор теперь не работает, он либо «функционирует», либо «пашет»... Жаргон, правда, тем хорош, что легко переводится, например «гоу хэв зэм» — «пришейте их».

В отдельных случаях я не согласен с Вашими советами. Слово «компьютер» плохое, но заменить его нечем. Ведь «ЭВМ» — это не слово,

а сокращение; «вычислитель» — это не машина, а человек, на ней работающий. Что до слов от корня «нервы», то их по-русски передать можно, но не так, как вы предлагаете. Нервничать не значит тревожиться, нервный не значит беспокойный. Потому что тревога — явление здоровое (боевая тревога), даже сильное, а «нервы» — что-то болезненное, извращенное, истерично-слабое. Так что слово «нервировать» — это скорее «изводить», «терзать», «издергать».

Вы правы, что надо переводить игру слов в названиях и именах. Лет десять назад в «За рубежом» был американский фельетон, там у президента четыре советника с незабываемыми именами. За отступление из Вьетнама выступают Макслаб и Загробнифф, за наступление — Пенг-глух и Стервятнер. Или еще раньше там был фельетон о грубости в американском футболе: «Кувалдо — это чудовище, говорит Спиноломсон... Ветераны до сих пор вспоминают день, когда сам Грубилло сорок пять минут играл с переломанными ребрами, боясь, что тренер Пьяно изувечит его за симуляцию».

В заключение благодарю Вас за перевод «Планеты людей» Сент-Экзюпери, у меня есть эта повесть. Автор говорит в ней ясным, хрустально-чистым языком; надеюсь, в подлиннике не хуже.

*Александр Романов
Волгоград*

* * *

10.06.1981

Уважаемый Александр Романов!

(Отчества Вы, к сожалению, не сообщили.)

Отвечаю с некоторым запозданием. Ваше письмо мне передали из редакции неделю назад, но раньше откликнуться не могла — много и спешно работаю.

Спасибо на добром слове о моем «Слове...». Не знаю ни возраста Вашего, ни профессии, но убеждена: КАЖДЫЙ человек, пусть даже очень далекий от литературы, может на ЛЮБОМ месте — дома, в быту, на работе — противиться порче родного языка, бороться с канцеляритом, безграмотностью и пр. Поэтому радуюсь каждому новому «единомышленнику», у меня их немало: писем, подобных Вашему, уже набралось сотни полторы.

Конечно, не Вы один не согласны с отдельными моими замечаниями. В книжке есть и кое-что спорное, я так об этом и пишу, а иные оттенки — дело вкуса. О компьютере. Слова вроде ВЫЧИСЛИТЕЛЬ не обязательно применимы только к человеку (напр., распылитель, распределитель) — и есть же в языке слова с НЕСКОЛЬКИМИ значениями, каждое из которых понятно в контексте. Немало и сокращений, к-рые,

так сказать, стали «словами»: мы говорим и понимаем их, не разворачивая (Центральный комитет — в речах и документах, но бывает же и в газете ЦК, произносим Цека — и все понятно, не говорю уже о каком-нб ЖЭКе). То же и с «полусокращениями» вроде «зарплата», «полпред» — правда, у меня на с. 133/4 упомянут и полномочный полпред, но эта ошибка — как раз оттого, что сокращение (понятие) стало единством, а происхождение его забылось.

О НЕРВАХ. Тут дело не только вкуса, но и МЕСТА, куда эти «нервы» попали, все зависит от интонации автора и героя. Кое-где прекрасно подойдут Ваши «изводить», «терзать», «издергать». Но — тут уж читателю приходится верить мне на слово — в ТЕХ примерах, к-рые я привожу в книжке, верна и уместна ТРЕВОГА.

О Ваших упреках более общих. Да, канцелярит — явление, как у нас любят говорить, «глобальное», об этом кое-что сказано и у меня (с. 60, глава «Откуда что берется», и пр.). Но еще незабвенный Козьма Прутков справедливо сказал, что нельзя объять необъятное. О судьбах языка написано бесконечно много, моя книжка — не первая и не последняя. О ЖАРГОНЕ говорят и пишут постоянно без меня. Моя же книжка все-таки в основном — справочник, пособие для молодых литераторов, для начинающих переводчиков, ведь я сама прежде всего переводчик и делюсь прежде всего своим переводческим и редакторским опытом. Чудо уже то, что было за короткий срок три издания — и каждый раз я могла не только что-то поправить, но и немного дополнить.

Вот Вы пишете, что теперь я *«должна издать»* словарь-справочник под названием «Иностранно-русский»... советуете взять за основу словарь Лехина и др., догадываетесь (спасибо хоть на этом!), что мне, может быть, недосуг — и тогда, мол, «пусть хоть названный словарь переиздадут большим тиражом и ЗАСТАВЯТ каждого журналиста и писателя почаще заглядывать в него».

Дорогой мой и, простите, наивный товарищ Александр Романов! Видно, Вы плохо себе представляете, какую ставите задачу — и насколько она под силу одному человеку, тем более мне. У издательства свои планы, свои возможности, сроки, редсоветы, бумаги тоже вечно нехватка. Надо переиздать «Словарь иностр. слов»? Попробуйте столь же энергично и убедительно написать в изд-во «Советская энциклопедия» или «Русский язык» — м. б., к Вам прислушаются. Но кто же ЗАСТАВИТ писателей, журналистов и прочих не всегда грамотных или сверх меры ученых товарищей в такие словари заглядывать и чему-то учиться? Тех, кто учиться хочет, я — в числе многих — в меру сил учу: веду семинар молодых переводчиков, помогаю, вот, написала книжку. И если что-то должна, то, поверьте, уже выполнила и перевыполнила свой долг. На «Слово...» потрачена бездна времени, сил и тех самых нервов, для каждого переиздания, тем более для первого издания я отрывалась от своего главного, кровного

и любимого дела — от перевода. Спасибо, кстати, и за добрый отзыв об одной из самых любимых моих работ, о «Планете людей», перевести три лучших творения Сент-Экзюпери — «Планету», «Маленького принца» и «Письмо заложнику» — поистине счастье. Но мне, как-никак, уже без году 70, работаю я все еще за двоих, совсем не по годам и не по здоровью. И сверх того, что делаю, с меня уже спрашивать, право, не стоит.

Счастливой Вам работы и всего доброго.

Н. Галь

* * *

Глубокоуважаемая Элеонора Яковлевна

Не откажите в любезности, если сочтете возможным, откликнуться на мою просьбу. Она заключается в следующих вопросах.

1. Есть ли у Вас в Ваших произведениях упоминание Абхазии и абхазского народа? Может быть, есть отдельное произведение (повесть, рассказ, стихотворение, поэма, статья, очерк и т. д.), посвященное Абхазии и абхазскому народу?

2. Бывали ли Вы в Абхазии, что о ней знаете? Каково Ваше впечатление о ней?

3. Читали ли кого-либо из абхазских писателей, кого из них Вы знаете по сочинениям или лично? Что из себя представляют Абхазия и абхазский народ, его история, культура в Вашем представлении и восприятии?

Ваши ответы могут быть самыми разными и по содержанию и по форме. Естественно, не ограничены в объеме (пусть полстраницы, десять, двадцать и т. д. страниц). Могут быть напечатаны на машинке или написаны от руки. Любая Ваша строка представляет для меня ценность.

У меня возникла идея обратиться с аналогичной просьбой ко всем членам СП СССР. В дальнейшем, на основе ответов на мою просьбу хочу составить книгу, а сами оригиналы, как золотой фонд, будут храниться в архиве Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

Материалы, собранные таким образом, стали бы органическим продолжением тех книг, которые уже составлены на материале произведений дореволюционных и советских писателей, в той или иной форме писавших об Абхазии (А. М. Горький, К. Федин, В. Шишков, К. Симонов, А. П. Чехов, А. Толстой, К. Паустовский и многие другие).

Заранее благодарю.

С глубоким уважением к Вам

Сергей Ладович Зухба

Зав отделом фольклора Абхазского института языка,
литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР,
кандидат филологических наук, член СП СССР

Открытка
4.02.1990

(Оч. некогда, но теперь и на такое надо отвечать сразу и тепло.)

Глубокоуважаемый Сергей Ладович!

С самым искренним уважением я отношусь ко всем языкам и культурам, ко всем народам нашей страны. Мне больно, что сейчас появилось такое противоестественное зло — межнациональная вражда, всем сердцем хочу и жду, чтобы восторжествовали разум и добро, чтобы ничто не разъединяло людей. А на вопросы Ваши, к сожалению, могу ответить немного.

Я ведь переводчик с французского и английского. Вероятно, кое-какие мои работы издавались и в Абхазии на русском яз. («Маленький принц» Сент-Экзюпери, его же «Планета», «Американская трагедия» и «Дженни Герхардт» Т. Драйзера), м. б. дошла и выдержавшая 4 издания моя книжка «Слово» (из опыта...), отрывок из нее был в «Дружбе народов» (3, 1987) — если Вам интересно, пришлю. Но глубоко абхазскую лит-ру не знаю. Больше полувека назад училась в ин-те с Х. Бгажбой, хорошо его помню, не знаю, помнит ли он меня.

Всего Вам доброго, здоровья и счастливой работы!

С уважением

Н. Г.

Уважаемая Нора Яковлевна,

когда год за годом томишься мыслью, что на одной планете живешь, и в одном городе, и в одно время с Норой Галь... и знаешь, что ведь физически возможно принести ей цветы и, дай бог, живое, устное слово услышать, — когда это год за годом, то мало-помалу накапливается дерзость и уже нет сил больше ждать случай, которого все нет.

Вы уж простите, пожалуйста.

Евг. Кретов

2.01.1976

Мой добрый друг, Нора Яковлевна!

Очень буду рада, если хоть капельку смогу содействовать Вашему великому труду. Не могу выразить благодарности за столь высокую оценку моих писаний! И пожалуйста, «затрудняйте» меня, мне это приятно и радостно! Спасибо за журналы (нужно ли вернуть «Пионер»?). Да, статья об Экзюпери — превосходная. Умная, стройная, без претензий и доходит до самого сердца. Совершенно очаровал меня Саймак,

а уж переведено! Кстати о «ребячестве и тщеславии...». Я ведь любила Ваши переводы и Вашу битву за чистоту языка еще до «знакомства», бескорыстно. Теперь мне еще интереснее и дороже все, подписанное Вашим именем. У Ал. Як. много фантастики, я читала все, что мне доступно в этом сложном жанре. И всегда выбирала Ваше. Да, да, переводчик вторичен, как актер, но от трактовки, вкуса, индивидуальности, ощущения личности создателя и зависит — жить или погибнуть создателю. Вы не слышите аплодисментов, не получаете писем от девочек-школьниц, но ведь есть же у Вас большой круг искренних почитателей. Я знаю многих, для кого Ваше имя — синоним высокого вкуса, изящества, глубины мысли и мудрости сердца.

Искала сборник фр. сокр. — увы! Вчера мне исполнилось 65. Я уже, наверное, теперь «главнее» Вас, постарше. В наши годы уже не поздравлять следует, а выражать соболезнование, правда? У меня очень удобно совпадает «тезоименитство» с Н. Г.

Празднеств вообще не переносу, дату свою пытаюсь держать в секрете, но есть друзья с крепкой памятью. Поэтому пришло столько добрых пожеланий, что если бы их «отжать» — хватило бы здоровья, счастья и света и мне и тем, кто мне дорог.

Сама сделала себе премилый подарок — купила книжку режиссера А. Эфроса «Репетиция, любовь моя». Хорошо!

А телевидение (очевидно, желая загладить «Дядю Ваню») подарило мне вчера и сегодня прелестный, тонкий, смешной и печальный фильм «Ирония судьбы» с моим любимцем Андреем Мягковым. Сейчас пишу Вам в ожидании фильма о Наде Павловой. Да, приходится брать свое добро, где его находишь. «Роскошь человеческого общения», даже эпистолярного, так нужна! А когда у человека много времени, то показывающий ящик иногда тоже восполняет недостаточность драгоценного общения.

Господи, и в каждом письме — «как бы хотелось свидеться и поговорить!». И я это пишу. И думаю... приди, фантастика, материализуйся! Пусть станет возможным прийти на помощь другу (только добрым словом, сопереживанием!) сразу, когда это ему (ей) нужно...

От всей души спасибо за Ваши теплые слова — очень они меня греют!

Мы с Ал. Як. желаем Вам всего ясного и доброго.

Искренне Ваша

Н. Я. Болотина

Насчет «Вокруг света» на прочтение — сначала поищу в библиотеках, если не найду, сообщу. Не очень хочется загружать Вас — у Вас ведь время жестко ограничено.

* * *

[...]

Прочитала вторично с великом удовольствием Ваш «Апрель в Париже». Какая прелесть и рассказ, и перевод! Остальное не доставило удовольствия ни содержанием, ни формой. Нашла ужасные «ляпы». Если вы не читали, могу сообщить. На мой взгляд, очень плохо. Не считите за лесть, но мне думается — если б Вы перевели и другие рассказы, они бы иначе воспринимались. Очень обрадовала меня соседка, врач-терапевт в отставке. Она попросила книжку, полистала и сказала: «первым прочитаю рассказ, который перевела Нора Галь. Очень люблю эту переводчицу. Не забуду, как поразил меня и моего маленького внука «Принц», которого он вначале не хотел слушать, потом сидел не шелохнувшись, а в конце заплакал». Потом еще полистала, увидела Вашу надпись и сказала, что очень завидует мне. А я сказала, что и сама себе завидовала бы, если б это было возможно.

[...]

Нора Яковлевна, а почему бы Вам не открыть мне тайну дня Вашего рождения? Вы столько меня баловали и балуете, ну что бы Вам порадовать меня, суетную? Вам лишняя телеграмма не была бы помехой, а мне какой подарок... Знаю, Вы не придаете никакого значения подобным вещам, но при Вашей Великой терпимости Вы не станете на меня гневаться, правда?

Заглянула сегодня в книжный магазин, в тщетной надежде обрести что-нибудь. Ничегошеньки. Опять вошел в зону великого молчания Джемал¹. Не знаю, где он — в Тагиле или Днепродзержинске. Придется поздравительные (он родился 14 декабря!) давать в оба города. Вот и все мои новости.

До следующего письма,

Ваша Н. Я.

* * *

13.04.1982

[...]

Ходит ко мне ежедневно, за редким исключением, одна милая женщина, бывший завлит театра, бывший директор театрального училища, теперь в отставке. У нее есть сын — далеко, внук — еще дальше, прекрасные родственники — в Ленинграде. Пока же она одна. Тоже посильно помогает мне. Живет в нашем доме. Характер прелестный, жизнелюбива, умна и добра. У нее много книг, она Вас знает. И очень просит передать Вам привет, так как я очень часто говорю о Вас, она с удоволь-

¹ Режиссер, с которым Н.Я. Болотина связала Нору Галь.

ствием слушает. Просит зачислить ее в поклонницы Вашего таланта. Зовут ее Ая Зиновьевна. Вчера получила от меня Мэгенн (героиня «Поющих в терновнике» Маккалоу. — Э. К.), и я заранее радуюсь тому, какое наслаждение она получит. Мне перечитать пока не удастся. Нарасхват берут люди, которым грех не дать эту прекрасную книгу. Возвращаясь к Брэдбери (Спасибо! Спасибо! Спасибо!) — первым делом прочитала Ваш и Раисы Ефимовны переводы — превосходно! теперь возьмусь не за остальные рассказы, а за бесконечно любимый «451°».

Нога моя получила, наконец, массажистку. Не знаю, каковы будут результаты (должны быть хороши — оплачено Вами), но больно очень, почему-то не в месте перелома, а в колене. Буду терпеть.

[...]

Обнимаю, очень скучаю. Когда полетит письмо — Аллах ведает.

Всем приветы, добрые, увы, невыполнимые пожелания.

Н. Я.

* * *

27.02.1976

Добрая, хорошая Нора Яковлевна!

Вслед за открыткой, позавчера, пришла и книга. Благодарна невыразимо! Вчера успела посмотреть Вашу правку — работа ювелирная! Вот когда понимаешь совершенно отчетливо, что значит глаз, ухо и шестое чувство мастера. Мы же, дилетанты, иногда (вернее, часто) попадаем под обаяние вещи и пропускаем не только стилистические нюансы: («же» и «ж», «уже» и «уж», «поуютнее» и «поуютней» и т. п.), но и ошибки, вроде «буть»...

Я сразу представила себе, как физически больно Вам читать, ощущать, как искалечено, изранено любимое, отточенное, и сознавать, что «белые ступни» уже размножены и бегают в ста тыс. экземплярах... Режиссерам легче: слышишь, как фальшивит актер, можно остановить, попытаться найти правду, а если не удастся — хоть убрать грубые «опечатки».

Теперь можно прочитать предисловие, посмаковать «Хозяина»¹, перечесть «Молодоженов» (безусловно надо было «Молодая чета») и прочитать «Вещи». Библиотечная книга давалась с ограничением временным, а нас ведь, если считать невестку и сына Ал. Як., — целый квартет.

Писала ли я, что прочла из сборника «Три фр. повести», М. «Прогресс», 1976, первую — «Шито белыми нитками» Клер Галуа — мне очень интересно. Перевод — только приличный — Е. Бабун, придраться можно ко многому. Вторая повесть Пеллегри «Лошадь в городе», ее

¹ Повесть Ф. Нурирье «Хозяин дома» в переводе Норы Галь. Далее упомянуты входящие в тот же сборник «Французские повести» «Молодожены» и «Вещи».

хорошо помню по «Иностранной литературе», а третья Паскаль Лэне «Ирреволюция», — я ее только начала, кажется, стоит внимания. Переводы «Лошади» и «Ирреволюции» — Зониной. Мне кажется — это «фирма», как говаривали в моей родной, такой далекой Одессе...

Посидеть вечером в Вашем обществе!.. Прекрасная мечта, но не фантастика...

И расскажите, пожалуйста, где смотреть «Сестру земли»¹? У меня хорошая связь с библиотекой. Засим традиционная просьба быть здоровой.

Н. Я.

* * *

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

С огромной радостью читала Вашу книжку «Слово живое и мертвое», в которую, случайно увидев в руках сотрудника, буквально «вцепилась»: с 1963 года навсегда запомнила фамилию переводчика «Маленького принца» — человека с необыкновенным языковым чутьем.

И поэтому, наверно, особенно велико было мое огорчение, когда я вдруг на стр. 81 «Слова» споткнулась о «бесталанного переводчика», а потом встретила «бесталанной речью» (стр. 175), «бесталанным переводом» (стр. 179), «бесталанным литератором» (стр. 183). (Уже лучше был бы «бездарный» — грубо, но куда ближе к истине!)

Еще в 6-м классе, больше четверти века назад, учительница русского языка объяснила нам, что «талант» — это судьба, а «бесталанный» — несчастный, горемычный. («И головушка бесталанная во крови на плаху покатила», — читали мы у Лермонтова)... Кто же и когда сумел столь талантливо переосмыслить это слово, что оно внедрилось даже в речь наделенных тонким слухом лингвистов? Так же тоскливо становится, как от всех этих «переживать», «волнительно», «впечатляет»...

Прошу простить меня за длинное письмо, но позволю себе сослаться на несколько примеров из книги ленинградского писателя Бориса Тимофеева «Правильно ли мы говорим?» (Лениздат, 1963), стр. 32–33:

«Нашему Ивану нигде нет талану».

«Худ талан, коли пуст карман».

«Не держи ж, пусти, дай волюшку

Там опять мне жить, где хочется,

¹ Пол Андерсон. «Сестра Земли». Перевод Н. Галь.

Без таланта — где таланится,
Молодым кудрям счастливится» (А. В. Кольцов).

«Ходит он... горько проклинал свою бесталанную жисть» («Гамлет Шигровского уезда» Тургенева). «Не дал бы счастья. Уж кому какую талан судьбу господь даст, так уж и есть» («Сигнал» Гаршина).

Рада была бы узнать, что «бесталанный» — творчество корректора «Слова живого и мертвого» (а впрочем, что я? Тоже было бы обидно...).

С уважением

Л. Пионова

8.12. 76 г.

* * *

Уважаемая тов. Пионова! (К сожалению, Вы не сообщили своего имени и отчества.)

Редакция, видимо, очень загружена — и Ваше письмо мне передали только на днях. Спасибо Вам на добром слове о моей книжке и о «Маленьком принце». И — разрешите уж, я попробую рассеять Ваши сомнения и огорчения насчет слова «бесталанный».

К сожалению, не все то, чему учили нас в школе — Вас четверть века назад, а меня уж полвека, — непогрешимо. Примеры, которые Вы приводите из книги Б. Тимофеева, бесспорны. Но ведь в четырехтомном словаре под ред. Д. Н. Ушакова (а мне еще посчастливилось слушать и самого Д. Н., он был великий знаток русского языка) есть ДВА значения этого слова!

«БЕСТАЛАННЫЙ 1/ лишенный дарования, таланта, заурядный. (И пример: Книжка его совершенно бесталанная.)

БЕСТАЛАННЫЙ 2/ (нар.-поэт.) Несчастный, обездоленный. (И пример: Бесталанная головушка)»

И в отличном «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений», составленном К. Абрамовым (С.-Петербург, 1900) есть такой очень яркий абзац:

БЕЗДАРНОСТЬ, посредственность, тупица. Человек неспособный, бездарный, БЕСТАЛАННЫЙ, тупой; непризнанный гений. Сапожник, лапотник, пачкун; кропач, кропатель... бумагомаратель, писака, борзописец, стихоплет, рифмоплет (и т. д.).

Да, кое-кто из тех, чьи «перлы» я привожу в своем «Слове», вполне заслужили и эпитета «бездарный», и звонких словечек из этого абзаца. Но, как Вы могли заметить, я не называю имен и стараюсь без крайней надобности не выражаться, как Вы неплохо определили, «грубо, но куда ближе к истине» — потому что главная моя задача была — не заклеить кого-то (а многие себя узнали — и их узнали

читатели и товарищи) — а задача показать, как не надо и почему это плохо и неправильно.

Всего Вам доброго!

С уважением

НГ
10/II-77

* * *

*Открытка
Баку, Союз писателей, Вагифу Муса*

Уважаемый Вагиф Муса!

Очень много работала, только сейчас смогла заглянуть в Даля и Акад. Словарь. У Даля немало НЕЛИТЕРАТУРНЫХ слов (аржаной и пр.) и ОБЛАСТНЫХ (напр., владимирское АРГУН — плотник) — о них не говорю. Происхождение некоторых (АИСТ, АЛТАРЬ, АЛМАЗ) проверить не успеваю. Но есть АЛЧНОСТЬ, алчный; АРТЕЛЬ (артельщик, артельный) — и те, что я Вам называла: АЛЯПОВАТЫЙ, АУКАТЬСЯ, АРТАЧИТЬСЯ, АХНУТЬ, АХОВЫЙ, АХИНЕЯ. ОБА словаря дают их как полноправные русские слова, даже если корень — междометие, все они постоянно встречаются в русской литературе — и современной, и у классиков. Итак, истина все же не в том, что таких (на А) слов в русском языке нет совсем, — они есть, но, конечно, мало. Только это я и хотела Вам доказать в нашем разговоре в Переделкине.

Будьте здоровы, всего Вам доброго!

С уважением

НГ
9/X-81

* * *

Уважаемая т. Н. Галь!

В Вашей статье «Продолжение следует...» (журн. «Наука и жизнь» № 2 за 1975 г.) есть слова; «Телевизионный «Клуб кинопутешествий», рассчитанный на самую массовую аудиторию» и т. д., допустил ошибку «он олицетворял в себе...» (стр. 89)

Согласен с Вами, что это — ошибка. Но меня удивляет другое: как автор не заметил, что само название «Клуб кинопутешествий» звучит не по-русски. Правильнее было бы назвать его «Клуб кинопутешественников». Ведь клубы люди создают для себя. Люди одинаковой специальности, одинаковой склонности, одинакового любительства. Если обратиться к таковым словарям, то:

Даль под клубом подразумевает собрание людей.

Ушаков толкует слово «клуб» как объединение лиц одного социального круга.

Поэтому можно создать «Клуб медработников», а не «клуб медицины», «Клуб моряков», а не «клуб моря», «Клуб электриков», а не «клуб электричества», «Клуб железнодорожников», а не «клуб железных дорог».

Согласитесь, что название «Клуб кинопутешествий» так же «режет ухо», как «Клуб железных дорог», «Клуб электричества».

Больше всего меня удивляет телевидение. Ведь это не один человек «проморгал» название клуба. Это коллектив, создавший и назвавший не по-русски этот клуб.

Это режущее ухо название «вколотили» в миллионы людей и сделают это несуразное название привычным.

*Пенсионер Баранов
30-1-82 г.*

* * *

Уважаемый Иннокентий Федорович!

Отвечаю Вам с таким запозданием не по своей вине: редакция журнала очень загружена, Ваше письмо мне переслали только в последних числах марта.

Вы безусловно правы, «Клуб кинопутешествий» — вопиющая безграмотность. Ввели ее, видимо, для краткости. И Вы не первый мне об этом пишете.

Вы видели только мою старую статью в «Науке и жизни», это был отрывок из моей книжки «Слово живое и мертвое», которая выходила уже трижды — в 1972, 1975 и 1979 гг. Готовя 2-е издание и 3-е издание, я давала к месту, которое Вы приводите в своем письме, такую сноску.

«Теперь его («Клуб кинопутешественников») почему-то — для краткости? — переименовали в «Клуб кинопутешествий», хотя любой клуб, как известно, объединяет не предметы (автомобили, шахматы) и не события (путешествия), а — людей». И в самой книжке (а не в «Науке и жизни») я писала именно путешественников.

К сожалению, у каждого автора бывают случаи, когда издательство, редакция, типография вынуждают его что-то менять или сокращать в своем тексте. Объем моей книжки очень ограничен, в верстке (корректуре) оказывалось, что формат бумаги заставляет «срезать» страницу или две. А ведь механически «хвост» у книги не отрежешь! Вот и приходилось сокращать по мелочи, по строчке, иногда даже заменять более длинное слово коротким, чтобы уместились главные мысли. Так мы с редактором вынуждены были и эту сноску снять, что мне, поверьте, было оч. неприятно.

Возможно, книжка моя через год-полтора выйдет новым изданием, по просьбе издательства я ее готовлю, кое-что исправляю, дополняю. И уж тогда непременно настою, чтобы сноска эта была дана.

Спасибо Вам за письмо, всего доброго!

С уважением

НГ
1/IV-82

* * *

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

Я недавно прочел Вашу книгу «Слово живое и мертвое». Произвела она на меня огромное впечатление. Всегда приятно и интересно прочесть труд настоящего мастера и профессионала, а в деле перевода их так мало. Думаю, что Ваша книга будет переиздаваться. Поэтому хочу сделать лишь одно замечание. На стр. 45 Вы критикуете название «NERVA». Но ведь это — лишь аббревиатура «Nuclear Engine Rocket Vehicle Application» — применение ядерного двигателя в ракете, а не какая-то придумка. Специалисты его не переводят, но пользуются весьма успешно. Так что смело можете исключить этот пример.

Пользуясь случаем, хочу спросить Вас. Я сам занимаюсь переводами художественной литературы с английского, польского. Так вот, как Вы, большой мастер перевода, приходите к мысли перевести то или иное произведение?

Что определяет Ваш выбор:

- интерес к данному автору,
- интерес именно к этой книге,
- интерес к теме,
- «престижность»,
- или просто социальность заказа и желание увидеть скорее свой труд в печати?

И много ли вещей ложится у Вас на полку? Спрашиваю все это потому, что я сам могу переводить и худ., и техническую литературу, только если заинтересуюсь ее темой, а нейтральные вещи для меня переводятся мной плохо, натянуто и бездарно. Очень интересна «кухня» авторитета в области перевода.

Уделите время и ответьте.

Брусиловский А. Н.
I-84

* * *

Уважаемый Алексей Николаевич!

Сама я никогда ничего не «добывала» и не «пробивала», за престижностью не гоняюсь. В литературе работаю больше полувека, пе-

реводить же стала неожиданно для себя: в начале войны, зная только французский, по настоянию товарищей из журн. «Интернациональная литература», самоучкой занялась английским, со словарем за 2 недели прочла и за 2 месяца перевела роман Н. Шюта (по другой его книге Ст. Крамер поставил фильм «На последнем берегу»). Работала азартно, по 18 ч. в сутки. Этот «перевод для себя» пролежал в ящике почти 40 лет, только недавно я его пересмотрела, конечно, изрядно поправила, и он напечатан в 6–8 номерах «Урала» за 1983 г.

В 1947 г. мне поручили редактировать «Американскую трагедию» Драйзера, недоработанную умершей З. А. Вершининой. В том переводе оказалось много пропусков и ошибок, пришлось его и дополнить и переписать, и мое имя без всякой моей просьбы поставили вторым на титул, а потом при переизданиях я не раз пересматривала и правила этот текст.

А вот по своему выбору, о печати не думая, я перевела «Маленького принца» — и потому, что он меня мгновенно покори́л, и потому, что я еще в 1939 г. узнала автора: сразу после выхода «Планеты людей» писала о ней для журн. «Интернац. лит-ра», из-за гитлеровского вторжения во Францию рецензия не была напечатана. Но когда в 1963 мне предложили перевести «Планету» заново (раньше был пер. под названием «Земля людей»), я прервала работу над Уэллсовой «Пищей богов» и залпом перевела эти дорогие мне шесть листов. Также по настоянию изд-ва (сама никогда не взялась бы, до того были уже 2 перевода напечатаны) перевела заново для сборника 1973 «Письмо заложнику».

Всего доброго

НГ
10/I-84

* * *

10 октября 1980 г.

Здравствуйте, уважаемая Нора Яковлевна!

Я с большим интересом прочитал Вашу книгу «Слово живое и мертвое». Я не имею никакого отношения к редактированию рукописей и к переводам с английского, но думаю, что Ваши заметки помогут и мне.

Мне не удалось прочитать первые издания Вашей книги, и, возможно, повторю уже чей-нибудь вопрос. По своему недоразумению я считал, что глаголы «блудить» и «блуждать» в какой-то мере являются синонимами. Только первое забыто и сохранилось лишь в употреблении в виде возвратной формы — «заблудиться». На Северо-Востоке слово «блудный» встречается в топонимах XVII века, обозначающих реки, по которым землепроходцы долго плутали, пока не находили правильного пути. Аналогичное объяснение можно найти и в «Толковом словаре» В. Даля. Поэтому мне показалось странным Ваше утверждение, что гла-

голы «блудить» и «блуждать» нельзя смешивать (стр. 70). Может быть, я Вас не понял? Конечно же, современному человеку лучше говорить «блуждать», чем «блудить». Но если автор «вложил» полузабытое слово «блудить» (в смысле «летать, не опознавшись на местности») в уста своего героя, то в этом, я думаю, нет ничего страшного.

Но мне ли с Вами спорить?

Поставьте мне двойку.

До свидания.

С уважением и огромной признательностью

Геолог Нехорошков Ю. Ф.

P.S. «Нехорошка» — имя, распространенное среди русских землепроходцев XVII в.

Уважаемый Юрий Федорович!

Вы правы, два читателя первых изданий — летчики — уже давали мне тот же вопрос, один горячо уверял, что блудить прочно вошло в летный обиход, это, мол, профессиональный термин. Возражая ему, я ссылаюсь в 3-м изд. на М. М. Громова. И, среди прочего, как раз и пытаюсь воевать со всякими уродливыми или неточными «профессионализмами», которые все сильнее засоряют нашу собственную речь.

Первые два издания «Слова» я уже считаю устарелыми, многое исправляла и дополнила, в частности, в том же отрывке на стр. 70 уточнила, что если «блудить» летный жаргон, надо дать понять это читателю. А в случае, к-рый я упоминаю в книжке, слово это стоит в речи ученого, т. е. вложено в уста совсем неподходящие.

Уже Даль, указывая на двойкий смысл слов блуд, блудить, подчеркивал церковное, книжное их значение в отличие от простонародного. В словаре Д. Н. Ушакова «блудить» в значении «плутать» помечено как областное, а в значении «проказничать» — как просторечие. Основной смысл все же книжный — распутничать. Со временем все больше слова «блудить» и «блуждать» переставали быть синонимами, в литературном употреблении все дальше отходили друг от друга.

Кстати, хотя в чем-то (особенно по части примеров) словарь Ушакова и устарел, он очень хороший, поистине толковый, и к нему стоит обращаться почаще.

Ну, а спорить со мной никому не заказано, спорят многие читатели, хотя, скажу с радостью, чаще соглашаются. И если уж говорить об «отметках», дорогой Юрий Федорович, от души ставлю Вам не двойку, как Вы пишете, а пятерку — за то, чем особенно дорожу в людях, тем более в молодых: за живой интерес и чуткость к Слову, за неравноду-

шие! Потому что Слово — уж простите мне повторение общеизвестной истины — великая сила и драгоценнейшее наше богатство.

Счастливой Вам работы и всего самого доброго! С уважением

НГ

29/X-80

Извините за несколько запоздалый ответ — люди в редакции очень загружены и письма мне передают не сразу.

НА СТРАЖЕ ВЫСОКОГО ИСКУССТВА

Уже после выхода двух первых изданий «Слова живого и мертвого» и публикации в журнале «Наука и жизнь» с его трехмиллионным тиражом со всех концов страны посыпались письма. Многие спрашивали совета, как научиться переводить. Или присылали свои пробы и просили оценки. Нора Галь при всей своей занятости основной работой, чаще всего срочной, непременно ВСЕМ отвечала, просила присылать иноязычный оригинал, внимательно разбирала. Но обычно эти любительские попытки были слабыми. И Нора Галь честно и прямо об этом сообщала. Может показаться, что она уж очень строга, резка. Но ей слишком часто приходилось сталкиваться, редактируя или просто читая вышедшие книги, и с халтурой, и с небрежностью. И она всячески боролась за достойный ВЫСОКОГО ИСКУССТВА, по меткому слову Корнея Чуковского, уровень. Но если в ком-то чуяла дар, добросовестность, искру божью — тех доброжелательно поддерживала много лет. Иные, например, Валерий Львович Берестецкий, Владимир Крыжановский, становились друзьями. Кто-то слал фото детей, кто-то приезжал знакомиться, кто-то потом помогал чем мог. А Берестецкий и Крыжановский много лет уже без мамы и звонили и писали мне то из Канады, то из США. Такой след оставила мама.

ЭТО ДЕЛО НЕЛЕГКОЕ

* * *

12.07.1976

Уважаемая А. Гунали! (К сожалению, не знаю Вашего имени и отчества.)

Я посмотрела Ваши стихотворные переводы. Прежде всего, они не передают или почти не передают мысль и чувство оригинала — Вы не ощущаете, видимо, сами, когда автор сдержанно грустен, когда — открыт, когда весел, а когда насмешлив. Поэтому у Вас оказываются сведены вместе слова, слишком разные по настроению. «Пьяняще», «страст-

но» — соседствуют с прозаическими оборотами вроде «не вредна» или «не нуждается». Вы можете написать «Дождик часто льет, Грозы небо шлет», хотя и сами понимаете, судя по 2-му варианту, что у автора дожди как раз кончаются.

Так же мало удастся Вам передать более «формальные» особенности — ритм, музыкальность, всю поэтическую интонацию.

Не уверена, что ошибки Ваши идут от непонимания смысла, скорее — от неумения вникнуть, вжиться в чужое настроение. А переводчик, как музыкант-исполнитель, имея некоторое право на свободу, все же должен прежде всего именно проникнуться автором, перевоплотиться в него. Это — совсем особая способность. Не всякий драматург может выйти на сцену, а вот актер обязан вжиться в образ.

Не хочу сказать ничего обидного, поймите меня правильно: я десятки лет перевожу, у меня немало учеников. Опыт, навык, техника — дело наживное, этому учиться можно. Но именно ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ жилки я у Вас не ощутила. Быть может, есть смысл Вам попробовать писать что-то свое. Тогда, вероятно, Вас покинет скованность (все же Вы помните про оригинал!) — и не будет тяжелых, непоэтичных, даже антипоэтичных строк, когда и порядок слов неясный, неестественный, и звучат они тяжело, просто звуки не поэтичны. Кое-что я пометила на полях. Простите, но на более подробный разбор у меня сейчас нет ни времени ни сил.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

8.08.1975

Э. ДИКИНСОН

Перевод А. Гунали

ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО

В путь свой улетает дальний,
Совершая крут прощальный,
Аист запоздалый.

Небо будто золотое,
Как в июне голубое,
И закат — румянец алый.

Это пчел не обольщает,
Мне ж оно напоминает
Радость дней счастливых.

Ветерок тех грез лишает,
Он последний лист срывает
В парках сиротливых.

К этой прелести, таинству —
Сердца с красотой единству —
Каждый должен причащаться.

Первый миг то, может, счастья,
Иль последнее причастье,
Как ни грустно в том признаться.
13—17 июля 1975 г.

ДЖ. Г. БАЙРОН

Перевод А. Гунали

МЫ НЕ ПОЙДЕМ ГУЛЯТЬ
Ты не томи себя надеждой,
Не жди, я не приду:
Люблю тебя я как и прежде
И встречи страстно жду.

Передохнуть душа должна,
Ведь даже сабля притупляется.
Любви разлука не вредна —
И сердце в отдыхе нуждается.
Хоть для любви ночь создана,
Навек пленен тобой одною
И светит яркая луна —
Все ж не пойдём гулять с тобою.
11 ноября 1975 г.

У. ВОРДСВОРТ

Перевод А. Гунали

МАРТ

Пенье петуха

Будит пастуха.

Буйство вешних вод.

Ласточки полет.

Волны ловят луч.

Солнца из-за туч

Нежит луг, поля.

Плуга ждет земля.

Стадо день-деньской

Лакомится той

Нежною травой.

Точно войско от врага

Тают в панике снега.

Песнь весне слышней,

Эхо вторит ей.

Вновь журчит ручей.

Тучка в небесах —

В море — паруса.

Дождик часто льет.

Грозы небо шлет.

* * *

Здравствуйте, уважаемая Нора Галь!

Я с удовольствием прочла Вашу статью под названием «Продолжение следует», журнал № 2 «Наука и жизнь» 1975 г.

Для моей творческой жизни Ваша книга под названием «Слово живое и мертвое» необходима, как живительный воздух. Я пишу стихи, готовясь к публикации (так в письме. — Э.К.), без Вас я просто пропаду! Пожалуйста, помогите мне приобрести Вашу книгу, купить ее невозможно.

С глубоким уважением к Вам.

Валентина Жукова.

Адрес: г. Мытищи.

24.XI-75

PS — Огромное спасибо за прекрасную статью.

* * *

Уважаемая Валентина Жукова!

Отвечаю сразу, но письмо Ваше шло до меня почти 3 месяца, Вы странно надписали конверт: Москва, редакция журнала «Наука и жизнь», — а ведь на самом журнале указан точный адрес редакции.

Не так-то легко мне выполнить Вашу просьбу. В продаже моей книжки давно нет, а писем от читателей пришло больше сотни и, конечно, у меня просто нет книг для всех желающих, можете еще написать в изд-во «Книга» (Москва), но и они едва ли найдут экземпляр.

Хотелось бы понять, зачем Вам, в сущности, моя книжка? Судя по письму, Вы очень молоды. Вы говорите о «своей творческой жизни» — это очень ответственные, серьезные слова. Сочинять стихи еще не всегда значит — творить. Подбирать слова в рифму умеет каждый, даже мой семилетний внук, к примеру, но это еще не поэзия! Нужен какой-то душевный и жизненный опыт, нужно иметь ЧТО сказать людям — и сказать НОВОЕ, ПО-НОВОМУ, ПО-СВОЕМУ, как еще не говорили до Вас. Нужна и какая-то культура, нужно много читать и много думать. Не слишком ли Вы спешите, когда «готовитесь к Опубликации»? Кстати, и слова такого нет, не очень это грамотно.

Если хотите, пришлите мне (адрес на конверте) 5—6 Ваших стихотворений, которые Вам самой кажутся лучшими — я бы посмотрела, что и как Вы пишете. И объясните, кто Вы, где учитесь или работаете. Тогда я могла бы понять, насколько Вам может быть полезна моя книжка и моя помощь.

Н. Галь

16.II-76

* * *

25.II-76

Уважаемая Валентина Леонидовна!

Вы прислали мне свои стихи — значит, решили с доверием отнестись к тому, что я скажу. Спасибо.

По первому Вашему письму мне показалось, что Вы еще совсем молоды — и, скажу по совести, молоденькой девушке мне трудней было бы сейчас писать. На прямые и строгие слова молодежь подчас уж слишком горячо обижается, еще не хватает жизненного опыта, чтобы ощутить справедливость критического замечания. Но Вы, хоть по возрасту и годитесь мне в дочери, человек уже зрелый, и, думаю, у Вас достанет мудрости меня понять. И я, поверьте, тоже правильно поняла Вас.

Мне очень понятны Ваши слова: «просто я не могу не писать стихов». Рвется из души на бумагу. Прекрасно. Это и для вас самой — утоление внутренней потребности, освобождение, и этим уж наверно мож-

но с кем-то поделиться — с людьми близкими, с кем-то из родных или друзей. А иной Вашей басне, возможно, место и в стенгазете на работе или в выступлении на вечере самодеятельности.

Но только не надо вам думать о печати!

С полгода назад я получила похожее письмо и стихи от читателя, совсем уже пожилого человека — полковника в отставке, пенсионера. Письмо было обиженное, сердитое, чуть ли не жалоба на редакторов и консультантов, которые не хотят его печатать — почему, мол, не хотят? Ведь нередко печатаются вещи не лучше. И я постаралась этому человеку объяснить: не надо мерить такой мерой, что другие не лучше или даже хуже. Если идешь со своим творчеством к людям, надо самому быть хоть в чем-то лучше или хотя бы — своеобразней, новей. Миллионы людей любят петь, но не всякому надо выходить на сцену Большого театра. Так и тут.

Нравоучительные басни о разных зверях лучше всех писал, как известно, Крылов. Без малого два века прошло, а их все пишут без счета, кто получше, кто похуже, даже у Михалкова не все так уж удачно получается. И ничего НОВОГО, СВОЕГО, для многих читателей важного и интересного Вам тут сказать не удалось — да и трудно было бы на это надеяться. А подражать, в сотый раз перепевать уже известное... Уж во всяком случае не надо это делать печатно.

И лирическое Ваше стихотворение, очень мне понятное по мысли и чувству, все-таки — еще не стихи, а только более или менее рифмованные и (уж простите!) не всегда даже грамотные строчки.

ТАК умеют писать и пишут многие тысячи людей — и в этом ничего нет худого, пока это пишется ДЛЯ СЕБЯ и для самых близких людей, кому могут быть близки и интересны именно ВАШИИ мысли и чувства. Но от настоящей поэзии это очень и очень далеко. Если Вы любите и читаете Пушкина, Некрасова, лучших современных поэтов (к сожалению, сейчас многие «стихотворцы» и «рифмоплеты» пишут и печатают такое, за что их по совести не стоило бы называть поэтами) — если, повторяю, Вы любите и читаете настоящие стихи, попробуйте понять разницу, сравните сами.

И снова я должна повторить то, о чем, еще не зная о Вас ничего, должна была написать в первом своем письме: помимо всего, Вам недостает культуры и даже простой грамотности. Я говорю не только о прямых орфографических ошибках, это поправимо. Но нельзя в поэзии смешивать совсем разные, несовместимые и не сопоставимые образы, если в басне у Вас Баба-яга и всяческая нечисть (а не нечЕсть: от нечИстой силы, а не от неЧЕСТности!) — то при чем тут Зевс? Крылов когда-то написал о *вороне* в павлиньих перьях — это и до сих пор звучит смешно и убедительно, а ПЕС с павлиньим хвостом ничего не значит и никого не убедит.

Поймите меня правильно: нельзя «научить правильно писать стихи», если в человеке, кроме душевной потребности высказаться, нет еще и особого, редкого дара, особого душевного и музыкального слуха. Ведь бывает же — человек поет, голоса нет, да и слуха настоящего нет. Тогда пой только для себя. Потому что если выйдешь на сцену («хочется это делать с отдачей полной души», пишете Вы), слушателей не одаришь и не порадуешь — для этого нужна не только добрая и полная душа, но и талант.

Очень надеюсь, что Вы поймете меня верно и не сочтете мое искреннее убеждение обидным для Вас.

Всего Вам доброго! Поверьте, я не стала бы писать так подробно, да и просто тратить столько дорогого для меня, для моей работы времени, если бы хотела просто отделаться, отмахнуться от Вас. Не надо Вам себя обманывать ложными надеждами. Станете «пробиваться» в печать — и это принесет Вам только горшие обиды и разочарования, так как по истине «не всякий Вас, как я, поймет» — помните, Е(вгений) О(негин)?

Н. Галь

* * *

15.01.1977

Здравствуйте, дорогая Элеонора Яковлевна!

Прочитала я Вашу замечательную книгу «Слово живое и мертвое» и снова принялась детально изучать ее. Огромная Вам благодарность и низкий поклон за эту чудесную, прекрасную книгу. Но ведь одной этой книги недостаточно, чтобы стать настоящим переводчиком. Ведь этому можно где-то учиться!

Я Вас очень и очень прошу, помогите мне. Всю свою жизнь я мечтаю стать переводчиком, ради этого закончила институт иностранных языков в Ташкенте, но стала только учителем. Я пытаюсь что-то переводить дома после занятий, но это все далеко не совершенные опыты. Как же мне быть?

Неужели мечта всей моей жизни так неосуществима?

Я знаю, что у Вас совершенно нет свободного времени, тем более, чтобы ответить на такую огромную массу писем. Но, может быть, благодаря этому письму осуществится надежда всей моей жизни и я смогу учиться этому прекрасному, трудному, желанному делу. Умоляю Вас, не оставляйте мое письмо без внимания.

С глубочайшим уважением и благодарностью

Елизавета Пурпугиди

* * *

10.02.1977

Уважаемая Елизавета Пурпутиди!

(К сожалению, Вы не написали, как Ваше отчество.)

Спасибо Вам на добром слове о моей книжке. Но, по совести, не очень понимаю, какой же помощи Вы от меня ждете? Книжка для того и написана, чтобы служить подспорьем для молодых, начинающих литераторов, переводчиков, да и для учителей тоже. Она сложилась из многих бесед и советов, из внутренних рецензий и многолетнего моего опыта. Что еще можно дать на таком расстоянии?

Судя по всему, Вы очень молоды, хотя и пишете о «мечте всей своей жизни». Но я не поняла, какими языками Вы владеете? Если Вы хотите переводить с английского на русский — очень жаль: книг переводят и издают гораздо меньше, чем есть переводчиков. Вот если бы Вы могли переводить английскую (или французскую, немецкую, любую другую) классику и современную лит-ру на узбекский — тут бы стоило поработать, поле деятельности огромное! А моя книжка ведь учит не просто РУССКОМУ ЯЗЫКУ, но и дает какие-то общие ключи к переводческой работе, к пониманию этого искусства, к переводческому творчеству.

Вы пишете — «я стала только учителем». Почему «только»? Для меня настоящий учитель — понятие святое. Но одно другому не мешает — можно и учить и переводить. А как этому учиться? Я, например, в этом деле самоучка, даже иняза не кончала. Пробовать, начиная с малого. Перевести, допустим, рассказ Дж. Лондона, и ПОТОМ сравнить его с переводом в собрании сочинений кого-нибудь из мастеров и посмотреть, что и почему у них лучше. Или (труднее, но полезно, если достанете) — взять какой-нибудь из очерков в т. 1 Диккенса изд. 1957. Или Хемингуэя. Сравните то, что у Вас получится, с работами В. М. Топер, М. Богословской, Н. Волжиной, Н. Дарузес, О. Холмской, Е. Калашниковой, М. Лорие. А в мою книжку заглядывайте как в справочник. Но повторяю: переводить с английского на русский есть смысл только для себя, в учебном порядке, слишком мало тут надежды на то, что переводы Ваши будут печататься в серьезных издательствах — слишком много есть квалифицированных переводчиков всех поколений.

Думайте, пробуйте, учитесь. Если у Вас есть настоящее чувство слова, искорка дарования, Вы сами поймете, получается ли.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

4.05.1981

Товарищ Шаров!

Хочу рассеять недоразумение: доставать Вам книги я не могу.

Начать с того, что я сама, старый переводчик и член СП, не имею возможности получать на дом книги из Иностранной библиотеки и заказывать ксерокопии. Тем самым не могу ничего сделать и для вас, как «не смог или не захотел», по Вашим словам, никто из Ваших московских знакомых. Книги или копии мне дают издательства, когда просят о переводе. Уж не говорю о том, что мне без малого 70, я больной и очень занятой человек и все равно не могла бы выполнить Ваше поручение.

Второе. Вы пишете, что за два с небольшим года Вас печатали «всего 12 раз — смехотворно мало». При том, как мала доля переводной литературы в периодике и в издательских планах, это для начинающего не «смехотворно мало», а очень много, может быть, даже неоправданно много. При Союзе писателей есть семинары молодых переводчиков, там по несколько лет много и серьезно занимаются люди, для которых литература — основная профессия, и почти любой из них о 12-ти публикациях за 2 года мог бы только мечтать.

Далее. Вы пишете, что перевели уже около 60 листов — очевидно, за тот же срок, притом работая на заводе. Разрешите Вам сказать, что переводчик-профессионал с многолетним опытом, если он добросовестный литератор, а не верхогляд и не халтурщик, *хорошо* может перевести за год примерно 20 листов, занимаясь *только* этой работой и ничем другим. Около 30 листов в год для человека начинающего, да еще загруженного основной работой — это несерьезно.

Когда по телефону я спросила, о чем Вы хотите со мной посоветоваться, Вы ответили — хочу просто познакомиться. При всей своей занятости я выкроила час в тот день, учитывая, что человек в Москве проездом. Ваши планы изменились — что ж, бывает. Но в письме уже говорится, что Вам нужны совет и помощь. Ни в том, ни в другом я начинающим никогда не отказываю. Однако, повторяю, помочь практически — доставая книги, как Вы просите, — не могу. А советы профессиональные, если бы они Вам понадобилось, можно найти в моей книжке, о которой Вы столь лестно отзывались. Там есть и главный мой совет: с величайшим уважением относиться к переводческому делу, помнить, что это — великий ТРУД и великое ИСКУССТВО. Легкомыслию, бездумной отсебятине и своеволию, какие Вы проявили в переводе, опубликованном в «Студенческом меридиане» и в присланном Вами номере «Вокруг света», я сочувствовать никак не могу. В Вашем переводе и Азимов, и особенно Брэдбери — большой писатель, настоящий поэт — неузнаваемы. И дело не только в канцелярите, это обычная болезнь начинающих, от нее при желании и старании можно избавиться.

ся. Много хуже, что канцелярит смешан с небрежностью, нежеланием вдуматься в подлинник, почувствовать и передать интонацию. Очень легко Вы отмахиваетесь от не понятого с первой секунды, пропускаете или перекраиваете на свой лад сказанное автором. Все это в переводе недопустимо. Вот это — и мое отношение к такому переводу — Вы тоже могли бы понять из моей книжки. — Всего наилучшего.

Н. Галь

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Я получил Ваше письмо. Простите, что расстроил Вас своей бесцеремонностью и переводческими грехами. Вы правы: до сих пор я думал, что переводить легко и просто, не отдавал себе отчета в том, что это — занятие почетное. Я благодарен Вам за то, что Вы вовремя взяли меня за шкуру и встряхнули. Обещаю: костями лягу, но изживу свои хворобы. И канцелярит, и небрежность. Видимо, я не совсем верно понимал, что это значит — донести дух подлинника. Наверное, излишне усердствовал иногда, стремясь сделать неузнаваемой букву его. Спешил, старался наворочать побольше, жадничал и в итоге недоглядел в самом главном. Спасибо, что вовремя заставили меня задуматься.

А о том, кто и как достает книги, я не имею ни малейшего представления. Я ведь еще только учусь, и мне кажется, что всякий крупный мастер перевода — волшебник. И живу я в маленьком городе, а это тоже накладывает отпечаток.

Постараюсь без крайней нужды не беспокоить Вас больше и, конечно, не огорчать. Пожалуйста, дайте мне возможность исправиться.

С самыми добрыми пожеланиями

А. Шаров

6.05.81

* * *

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

Ваш адрес любезно сообщила мне редакция изд-ва «Мир».

Я обращаюсь к вам за советом как к профессиональному переводчику.

Не поделитесь ли вы опытом, как лучше всего установить связь с тем или иным издательством и постоянно сотрудничать с ними в качестве переводчика?

Я экономист, закончил в 1975 году ВЗФЭИ, затем Госкурсы иностранных языков (английское и французское отделения). Художествен-

ным переводом занимаюсь уже давно, у меня есть несколько публикаций в журналах, но печатают меня от случая к случаю, эпизодически.

Не можете ли вы рекомендовать меня как переводчика в изд-во «Мир»? Я уже посылал в редакцию научно-популярной и научно-фантастической литературы этого издательства несколько рассказов, но им они не понравились. Не та тематика, ответили мне. Может быть, потому что мне приходится выбирать из того, что есть под рукой, а выбор литературы у меня ограничен.

А может, Вы посоветуете мне обратиться в какое-нибудь другое издательство?

С уважением

Е. В. Размоло

* * *

5.09.1983

Ярославль

Уважаемый тов. Размоло!

Прошу извинить, что откликаюсь с запозданием — была в отъезде. Боюсь, что мой ответ Вас не порадует.

Прежде всего — как же я могу Вас рекомендовать в какое-либо издательство, не зная Вас и Вашей работы?

В «Мире» отвергли Ваши переводы — потому ли только, что не подошла тематика? Находить подходящие тексты трудно и в Москве, надо следить за периодикой, работать в библиотеке иностранной литературы, хорошо разбираться в зарубежных авторах. Сама я обычно перевожу то, что предлагают издательства, по их просьбе.

Но дело не только в тематике.

Не всякий, кто окончил курсы или институт ин. яз., может стать переводчиком художественной литературы. С франц. и англ. переводят многие десятки, если не сотни людей, но, к сожалению, лишь немногие делают это на необходимом профессиональном уровне.

Настоящий переводчик — не просто тот, кто знает иностранный язык, это — литератор, ему необходима какая-то степень одаренности, отличное владение РУССКИМ языком — всеми его богатствами, свобода в выборе слова и построении фразы. Иначе неизбежны серое ремесленничество, тусклый канцелярит или откровенная халтура. А я всему этому заклятый враг.

Не знаю, слышали ли Вы, что есть у меня такая книжка (Нора Галь — «Слово живое и мертвое», изд. «Книга», 1979) — пособие для начинающих литераторов и прежде всего для переводчиков. Попробуйте взять в библиотеке 3-е, последнее издание этой книжки, почитайте. Если Вы всерьез хотите заниматься переводом, возможно, почерпнете

там для себя что-то полезное, а заодно поймете и мое отношение к труду переводчика.

Дело это отнюдь не простое и не легкое, это нелегкий хлеб и нелегкая слава, нужна полная отдача, много времени и много сил. Сочетать это с другой работой, с постоянной профессией очень и очень трудно. Вы, видимо, молоды, но у Вас — профессия, вероятно, семья, т. е. какие-то, пусть самые малые, домашние заботы. А переводить «между делом» — от этого добра ждать нечего.

Вы пишете, что у Вас есть публикации в журналах. Но я ведь не знаю, на каком уровне они сделаны. И не могу предложить Вам посмотреть Ваши работы — мне восьмой десяток, я очень много, не по возрасту и не по здоровью, работаю, у меня сейчас просто нет никакой возможности и сил дать Вам разбор Ваших переводов. Как же я могу рекомендовать Вас в какое-либо издательство? Тем более в «Мир», где Ваши работы уже видели? А может быть, товарищи в редакции предложили бы Вам сделать что-то более «подходящее по тематике», если бы увидели, что переводите Вы на уровне, редакцию устраивающем, — об этом речи не было?

Вы спрашиваете, в какое издательство обратиться. В Вашем городе есть «Верхне-Волжское книжное издательство». Возможно, там выпускают время от времени какие-то сборники (в частности, для детей и юношества), куда можно предложить переводы НФ или, что вероятнее, научно-популярное. Возможно (сейчас не припомню), есть и какие-то областные журналы, где тоже могут принять такой перевод. Попробуйте.

Но, главное, имейте мужество отнестись к своим попыткам критически и не смотрите на перевод как на некий отхожий промысел. Настоящий художественный перевод — это большой труд и в то же время, как назвал его в своей книге К. И. Чуковский, ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО. Так и только так надо к нему относиться.

Всего доброго.

Н. Галь

28.01.1984

Здравствуйте, уважаемая Нора Яковлевна!

Пользуюсь Вашим любезным согласием, о котором узнал от Галины Владимировны Потоцкой, и посылаю Вам свой перевод рассказа О. Генри «The day we celebrate». Буду ждать Вашего мнения о своих переводческих возможностях. Извиняюсь за то, что рассказ не очень маленький. Я выбрал самый короткий из того сборника, который у меня

есть. Рассказ переписан по-английски от руки, но, я надеюсь, достаточно разборчиво.

С уважением

Леонид Бродский

* * *

30.01.1984

Итак, Леонид Михайлович, прочитала я внимательно Ваш перевод. Не посетуйте, что не даю отдельно обстоятельного разбора, на это сил и времени сейчас нет, а медлить с ответом не хочется. Но на полях и на обороте страниц я довольно подробно высказала свои замечания и соображения. Если Вы вдобавок сопоставите их с моим «Словом», думаю, особых неясностей не останется. Прошу извинить за почерк и за карандаш: у меня больная рука, легче печатать на машинке, но попутные замечания на рукописи ведь не напечатаете, а вконец загубить ее чернилами тоже не хотелось. Надеюсь, разберетесь.

Теперь по существу.

Русским языком Вы владеете недурно, перо у Вас бойкое. Английский знаете недостаточно — это бы еще не беда, дело наживное. Но вот направление мысли, что ли, у Вас не переводческое.

Переводчик — прежде всего исполнитель воли автора, он обязан верно передать мысль, чувство, стиль, интонацию, об этом в моей книжке сказано подробно. Эта — важнейшая! — сторона работы у Вас осталась почти без внимания. Свидетельств тому много, начиная с «мелочей» (которые тоже не мелочи: рвете одну фразу на три, т. е. резко меняете настроение и мелодию) и кончая ошибками, явно вызванными не только (допустим) незнанием языка или незнакомством именно с данным оборотом. К примеру, чего-то Вы не поняли — и взамен сочинили нечто совсем другое, хотя бы и лихо сочинили. Либо, напротив, непонятое пропустили.

Вы можете возразить: на шести страницах всего по одному-два примера таких огрехов. Но поверьте, глаз у меня наметанный, я могла бы судить и не по шести, а по трем страницам. Вы НЕ ВДУМЫВАЕТЕСЬ в автора, у Вас просто нет не только такого навыка, его бы можно обрести, — нет такой ПОТРЕБНОСТИ. А такая склонность и потребность — первейшее, необходимейшее свойство переводчика.

Так вот: Вы — врач, да еще не городской, универсал, так я поняла из слов давнего моего друга Галины Владимировны. Богатейшее поле для наблюдений. Пусть Вы не станете новым Чеховым или даже Юлием Крелиным (он, кстати, лечил и меня и моих друзей, отличный хирург — и пишет, согласитесь, неплохо). Но, если есть желание, зоркость глаза и, что всего важнее, душевный слух, у Вас могут получиться рассказы, повести или, скажем, живые и нужные очерки вроде тех, что иногда пе-

чатает в «Комсомолке» молодой киевский кардиолог Вл. Крыжановский (упал на улице человек, прохожие охают, ахают, пока доехала вызванная неотложка, человек умер, а меж тем любой из прохожих мог бы сердечника спасти, если б знал некоторые простейшие приемы помощи в подобных случаях! Написано было и живо, и взволнованно, и доходчиво, надеюсь помочь ему из таких вот «коротышек» составить книжку).

Попробуйте писать свое, не обязательно с чисто медицинской окраской. Английский же пускай служит больше для собственного удовольствия, переводить рассказы можно и для друзей, один из десятка, м. б., примут в местной периодике. Большой перевод — роман, повесть — Вам, безусловно, не по плечу, это, уж извините за прямоту, было бы легковесное дилетантство, если не откровенная халтура. А дилетантов и халтурщиков в области перевода, особенно из англоязычных литератур, сейчас прорва. И просто хороших переводчиков-профессионалов гораздо больше, чем, увы, нужно издательствам при весьма ограниченных издательских планах.

Моим подшефным и ученикам я всегда об этом напоминаю: если они еще не профессионалы, пусть перевод останется для них занятием для души или уж второй профессией, как основная же профессия это дается долго, очень трудно и лишь немногим. Такова истина, м. б., неприятная, но за сорок лет переводческой работы я ее на своем и не своем опыте усвоила прочно. Выводы делайте сами.

Всего Вам доброго.

Н. Галь

* * *

12.02.1984

Здравствуйте, уважаемая Нора Яковлевна!

Получил Ваше письмо с разбором моего перевода. Большое Вам спасибо за подробный разбор. Наверное, это отняло у Вас много времени, так что я еще раз за это извиняюсь.

Все Ваши замечания я приму к сведению. Оценка Ваша суровая, но я все-таки продолжу свои переводы. Не сочтите это за самонадеянность, но я чувствую в себе потребность переводить. Я достаточно отчетливо представляю себе, насколько это трудно, особенно после Вашей книги о переводе и книги Н. Любимова «Нестораемые слова». Постараюсь быть строже к себе и внимательнее к переводимому автору. Естественно, я ни на что не претендую, просто буду переводить — хотя бы для себя и для друзей.

Еще раз большое Вам спасибо. Надеюсь, я извлеку урок из Вашего разбора.

До свидания. Будьте здоровы.

С уважением

Л. Бродский

* * *

17.12.1985

Здравствуйте, уважаемая Элеонора Яковлевна!

К Вам за советом обращается выпускник СГУ (англ. яз.) Дудин Андрей.

Я занимаюсь переводом художественной прозы (самостоятельно). Пытаюсь переводить рассказы Д. Г. Лоуренса. Один из переводов лег в основу моей дипломной работы («Проблемы адекватности перевода художественной прозы на материале рассказа Д. Г. Лоуренса «The Mortal Coil»). ГЭКом работа (и сам перевод) были оценены лестно.

Хотя и знаю, как трудно что-либо опубликовать, не хочу, чтобы все мной сделанное, лежало мертвым грузом.

После разговора со своим оппонентом, доцентом И. А. Банниковой, преподавателями кафедр зарубежных литератур Г. М. Ермаковой и другими я получил такой совет: написать кому-либо из переводчиков-профессионалов с просьбой просмотреть хотя бы одну из моих работ.

Так как я читал Ваши переводы Диккенса, Драйзера, Олдингтона, а также «Слово живое и мертвое», то решил написать и обратиться если не за помощью, то хотя бы за советом.

Не знаю, как Вы относитесь к творчеству Лоуренса, но уверен, что переводы его произведений на русский язык нужны. Могу ли я внести в это дело какую-нибудь лепту и имею ли такую возможность?

Был бы очень рад прислать Вам свой перевод «The Mortal Coil», но не рискну это сделать до тех пор, пока мне не станет ясно, что —

а) у Вас есть желание;

б) у Вас есть время.

Будьте так добры ответить.

С уважением,

Андрей Дудин

* * *

4.04.1986

Ну вот, Андрей, прочла я весь Ваш перевод и примерно половину посмотрела с текстом. На большее возможности нет, я очень занята, время выкроила с трудом. Притом у меня больные руки, труднее писать на узких полях, чем печатать. Надеюсь, мой карандаш Вы разберете.

Пометки на полях в основном о частностях. Нельзя рубить фразу подлинника или соединять две в одну — надо считаться с интонацией автора, с его паузами, ритмом и пр. Ни к чему иностранное слово, если то же чувство и мысль можно выразить по-русски. Причастия, деепричастия, отглагольные существительные утяжеляют и сушат текст.

Ваша фраза почти всегда суха, многословна, зачастую самый строй ее неестественный, «переводный», особенно — речь, да еще когда в подлиннике она горячая, взволнованная. По-русски это надо передавать другими средствами. Многословие, придаточные предложения и сложные обороты тут фальшивы. Слишком много *он, она* (порой вернее дать имя). Без конца *был, было*. Много разностилицы — то чрезмерные и слишком современные, не в ключе Лоуренса, вульгаризмы, то излишняя выпренность. И словарь бедноват, не хватает ни синонимов, ни, что особенно важно, *оттенков*, гибкости.

Обо всем этом, наверно, я могла бы и не говорить, Вы ведь писали, что знаете мою книжку. Она — своего рода пособие для молодых и как будто помогает не только переводчикам, но вообще людям пишущим, редакторам, преподавателям. Все, что я могу сказать об отношении к слову и обращении с ним, там сказано.

Но я вас честно предупредила, что судить буду без скидок. Так вот, напрямик — о главном.

Общее впечатление от перевода: вместо того, чтобы «вчувствоваться» в подлинник, проникнуться его духом, Вы анализируете и логизируете. Передаете ход, схему мысли или действия, но теряете оттенки, окраску, настроение героев и автора, стиль, неповторимость.

Много лет наблюдаю (и уже писала Вам об этом): люди, так или иначе причастные к книге — критики, литературоведы, лингвисты, педагоги, знающие иностранный язык, «заодно» берутся переводить — добро бы какую-нибудь специальную литературу, так нет же, художественную, да обычно авторов посложнее. А ведь художественный перевод — это не только отнюдь не легкий труд и не легкая слава, это совсем другая профессия. И нужны для нее совсем другие данные. И очень, очень редко из таких попыток выходит толк.

Поделюсь своим опытом. До войны начинала как критик и литературовед, печаталась, защитилась, все «как положено». А потом почувствовала, что мне интереснее другая сторона книги, ближе другое ее восприятие и ощущение. Ушла и от литературоведения и от преподавания, перевожу уже 40 лет — и по себе, по своим ученикам, по многим и многим, кого приходилось редактировать, снова и снова убеждаюсь: для перевода (и переводчика) нужно совсем иное восприятие и понимание книги, нужен попросту иной склад характера. Это не пустые слова!

Не чувствую я у Вас ни самого Лоуренса, ни его персонажей. Охотно верю, что в дипломной работе Вы теоретически решили «проблемы адекватности». А вот в переводе не передали художнически, не «перевыразили» (слово Пушкина) созданное автором так, чтобы вызвать у русского читателя то же впечатление, те же чувства, какие вызывает у своих читателей подлинник.

Можете согласиться со мной и сделать для себя соответствующие выводы — или обидеться, воля Ваша. В первом письме Вы говорили, что не хотите, чтобы проделанное Вами «лежало мертвым грузом». Но почему же мертвый груз — ведь на этом материале защищен диплом. А вот печатать такой перевод не годится. Отдать же его в руки редактора (если бы такой нашелся), чтобы он попросту все переписал — бессмысленно и, уж не взыщите, безнравственно. В лучшем случае кто-то что-то кое-где подлатал бы и подштопал, но этим всю ткань не спасешь.

Не гоняйтесь за «вторым зайцем», делайте хорошо, уверенно *свое* дело — ведь диплом-то у Вас, видимо, добротный и защитили Вы его успешно? Ну и — в добрый час!

Всего хорошего.

Н. Галь

16.03.1990

Кировоград, пос. Новый

Дмитрий Владимирович Смирнов

Должна несколько разочаровать Вас, Дмитрий Владимирович: досмотреть Ваши страницы с подлинником до конца я не сумела. Просто физически трудно работать с текстом, напечатанным почти без интервалов, без полей, на полупрозрачной бумаге. Но основные выводы я сделала.

Несомненно, у Вас есть чувство русского слова, русской фразы — это очень важно, даже первостепенно. Но для *художественного перевода* это далеко не все.

Переводчик обязан перевоплотиться в автора и его героев, передать не только смысл, сюжет — но и настроение, интонацию, стиль автора. Когда-то эта простая истина не была еще установлена, ей изменял даже такой патриарх перевода, как Иринарх Введенский. Сейчас это — азбука, непеременимое условие.

А Вы — самовольничаете. Рвете фразу автора на две, соединяете две в одну. Опускаете какие-то «мелочи», которые Вам, возможно, показались не имеющими значения, просто вводными словечками, а на самом деле они меняют эту самую *интонацию* автора, которую Вы обязаны передать. Или впадаете в модный сейчас у иных переводчиков-профессионалов «оживляж», что приводит порой к бестактности.

Какую-то часть этих и иных огрехов я успела пометить, в основном, на первых 3—4 стр. Вашей машинописи, просмотренных с подлинником. Дальше помечены сомнения, вызванные чтением просто по-русски, в подлинник я уже почти не заглядывала. Признаться, и занята до крайности, с трудом выкраивала время. Но основное стало уже ясно.

Не сочтите нескромностью мой совет: перечитайте повнимательней мое «Слово живое и мертвое», подумайте над типичными ошибками переводчиков — прежде всего начинающих. М. б., это Вам поможет их избегать. И помните, перевод — огромный труд и неприменная ВЕРНОСТЬ ДУХУ, СТИЛЮ, ЧУВСТВУ подлинника.

Всего Вам доброго.

Н. Галь

ЕСТЬ ДАР

В Союз писателей СССР

РЕКОМЕНДАЦИЯ

С работой М.С. Кан я знакома давно: заметила и запомнила один из первых же ее переводов — «Моряк в седле» Ирв. Стоуна. Перевод был сделан уверенной рукой, отличался живым, хорошим языком. Потом мне не раз случалось быть просто читателем переводов М. Кан, а однажды — ее редактором. Должна сказать, что далеко не со всеми, с кем меня сводил мой многолетний редакторский опыт, бывало так интересно работать. М. Кан — литератор серьезный, думающий, ей чуждо поверхностное отношение к переводческому труду, которое у нас, увы, встречается. Она глубоко проникает в замысел автора, в особенности его творческой манеры, прекрасно чувствует стиль и эпоху, логику образа, оттенки чувств и настроений. Все это в ее переводах отлично передано по-русски, речь и автора и героев богатая, разнообразная, сочная. Переводчица превосходно владеет всем арсеналом русских речений, живых образных оборотов; на ее страницах то и дело находишь чудесные, своеобразные слова народного языка, блески, которые не часто встретишь и у оригинального автора: к сожалению, они подчас забываются, выпадают из нашего обихода, вытесняемые привычными стертыми штампами.

Именно потому, что М. Кан превосходно владеет русским словом и притом обладает подлинной культурой работы, она на очень высоком уровне переводит книги совсем разных художников. Нужен истинный дар творческого перевоплощения, чтобы одинаково достоверно, убедительно воссоздать по-русски, скажем, романтические чувства и увлекающие любого подростка приключения героев Стивенсона, патетику и юморок рассказов Брет Гарта — и горький реализм, сложную психологическую многоплановость иных современных книг. На мой взгляд,

убедительнейшее доказательство того, что М. Кан настоящий зрелый мастер – отличный перевод романа Ширли Энн Грау «Стерегищие дом».

По моему глубокому убеждению, одаренный литератор М. Кан имеет несомненное право стать членом Союза писателей.

22/III 72

Н. Галь (чл. бил. СП 1364)

* * *

В Союз писателей СССР

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Я знаю С.О. Митину как серьезного, вдумчивого переводчика, наделенного тонким чувством стиля. Она переводит авторов поистине хороших и разных – и переводит верно, интересно, передает своеобразие столь сложных и совершенно между собой не схожих писателей, как Ёр. Грин и Шон О'Кейси, Тенниси Уильямс и Трумэн Кэпот. Это удастся С. Митиной потому, что она владеет богатой палитрой русского языка и умеет передать краски подлинника, в действительно художественной форме выразить и мысль его и настроение.

В активе этого переводчика много интересных работ, она открыла советскому читателю немало нового, пополнила представление о литературах, которые у нас еще не очень известны: переводила и переводит не только англичан и американцев, но и пишущих по-английски австралийских, африканских, индийских и иных авторов.

Многие работы С. Митиной не раз переиздавались, достаточно назвать отличный перевод тонкой и поэтичной повести Трумэна Кэпота «Голоса травы», опубликованный сначала в журнале «Новый мир» под названием «Лесная арфа».

С.О. Митина – одаренный литератор, безусловно достойный стать членом Союза писателей.

22/III 72

Н. Галь (чл. бил. СП 1364)

ИЗ ЧИТАТЕЛЕЙ — В ДРУЗЬЯ

* * *

Дорогая Нора Яковлевна!

Высылаю Вам журнал, в котором (стр. 22) напечатана полностью та статья, отрывки из которой Вы видели в «Комсомолке».

Большое спасибо за доброе отношение ко мне. Во всяком случае все Ваши наказы, как теперь принято говорить, я стараюсь выполнять.

Во-первых, лечу людей. Работа тяжелая, т.к. мы имеем дело с больными инфарктом. Нередко все проходит чуть ли не бесследно, а иногда видишь, что помочь может только искусственное сердце, которого нет. Тут же признаюсь, что о том, чтобы бросить медицину в пользу чего-то другого, я никогда не помышлял... Во-вторых, пишу только о том, что мне близко и не безразлично. Причем с каждым годом появляется все больше критики по отношению к самому себе. Да и времени, чтобы писать, у меня практически не остается. Поэтому те 2 заметки, кроме музея, которые вышли в «Комсомолке», – это просто перевод на русский того, что я напечатал здесь 2 года назад. В-третьих, на все, что читаю, я невольно смотрю глазами автора «Слова». Скажем, читаешь «Выбор» Бондарева и чувствуешь отвращение к тому, что нечестно ни по духу, ни в языке (скажем так). А вот у Айтматова и Распутина – все настоящее. Мне нравится язык Солоухина, хотя сам (Солоухин) чуточку простоват.

Еще раз спасибо за добрые советы. Вашу доброту я чувствую и тогда, когда Вы интересуетесь моим мнением о Ваших книгах. Меня просто смешит одна мысль о том, что 27-летний нахал (это я) взялся бы судить Нору Галь.

Мне не надо Вам льстить, так как перевожу я только медицинские статьи для себя и на хлеб зарабатываю совсем не этим. Поэтому мне даже легче говорить с Вами...

Дорогая Нора Яковлевна! Я очень люблю Вас и все, что Вы пишете. Спасибо Вам!

В. Крыжановский

* * *

Дорогой Владимир Александрович!

Заметку Вашу в «К. пр.» от 26/III прочла с большим интересом и удовольствием. Суть ее немного мне знакома: через это исследование проходила одна моя приятельница. И тем отраднее мне, что эту суть Вы передали (разумеется, упрощая для читателей «Клуба любознательных») живо, доступно, отличным языком. Ребят, к-рых тянет именно к этой области знания, такая краткая, но образная, живая заметка вполне может заинтересовать и увлечь.

С «Комсомолкой» у меня связи давно нет, но мне кажется, какие-то материалы «Клуба» они потом объединяют и издают тематические сборники — может быть, Вам стоит спросить их об этом.

Есть у меня и еще мысль. Научно-популярные книжки по разным областям знания, особенно для старших ребят, выпускает «Дет. лит-ра». Должны они (книжки) быть живые, увлекательные, образные, но далеко не все авторы умеют так писать., а иные и не желают (ведь что есть веревка? — вервие простое!). Не обязательно Вам отрывать-

ся от основной работы и связываться с издательством сию минуту. Но если что-то уже набралось или наберется на такую книжку, там, думаю, ее охотно бы приняли. И там я могла бы, вероятно, с кем-то на этот счет потолковать. А еще лучше, если Вы как-нб попадете в Москву, свела бы Вас с тамошним редактором — и Вы бы сами рассказали подробно, что уже написано и о чем Вы бы могли и хотели написать... Но первый шаг, мне кажется, — выяснить, есть (будут ли) сборники «Клуба любознательных».

Всего Вам доброго! Надеюсь, о моих книжках получу от Вас несколько слов на бумаге, а не по телефону — любопытно, как Вы к ним отнесетесь

НГ
31/III-83

* * *

2/12/84

Дорогая Нора Яковлевна!

Извините, что не сразу выслал обещанную книгу. Задержала «Памятка». Ее довольно долго печатали.

«Памятка» — это мелочь, о которой, наверное, и не стоило бы говорить, но мне трудно сдержаться... Во-первых, зачем она? Говоря с больными людьми, часто слышишь фразу: «Если бы я знал об этом раньше...» «Это», о котором идет речь, — самые элементарные вещи, своего рода «гигиена» больного. Все дело в том, что у врачей нет времени, знаний или желания рассказывать об этих вроде бы мелочах. Но из этих мелочей не только состоит, но порой от них зависит жизнь больного (тут уж без каламбуров). Когда же ты берешь и пишешь такую памятку простым русским языком, то потом сталкиваешься со знающим редактором. Грузное создание лет 35 из Дома санитарного просвещения с манерами одесской торговли начинает учить тебя не только тому, как писать (вставляя слова «является», «поддержание нормального веса», «понижение», «появление головокружения» и т.д.), но и вообще тому, как лечить больных.

Пришлось потратить много времени и нервов, чтобы хоть как-то спасти оригинал. Кажется, договорились. Я уехал путешествовать. За это время памятку отдали на цензуру, и я уже получил «готовую продукцию», которая меня, конечно, огорчила. Все по пустякам. Просто коробит, что после долгих мук родилась не беленькая и симпатичная мышь, а — с пятнами безграмотности, наглости и тупости. Я себе отдаю отчет, что все это выведенного яйца не стоит. Умом понимаю.

Что на работе? К январю мы должны переехать в новый корпус. А пока идет стройка. Для того, чтобы она шла, надо знать всех прорабов,

бригадиров, начальников участков, главных инженеров, начальников управлений. Большинство из них мне в отцы годится. Многие из них этакие «крестные отцы», прожженные дельцы. С ними надо говорить, уговаривать, требовать. Честно говоря, спасают только старые связи (люди из того же круга, которым ты когда-то помогал).

И еще надо знать 40 с лишним больных после инфаркта миокарда, которые лежат в отделении и за лечением которых надо обязательно следить. Все эти «надо» и приводят к тому, что начинаешь плохо спать по ночам, говорить не тем тоном и писать нервные и сбивчивые письма. По той же причине как-то особенно остро воспринимаешь Вашу чуткость и доброту. Они помогают жить.

Спасибо Вам большое!

Ваш В. Крыжановский

* * *

10. X. 89

Дорогая Нора Яковлевна!

Прежде всего хочу извиниться перед Вами за долгое молчание. Простите меня, пожалуйста... Эти несколько месяцев пробежали очень быстро. В мае – июне оформлял документы для отправки в ВАК. Это «тома» по 70–90 страниц. Мне, честно говоря, не понятно, как «простой советский человек» вообще может технически все это сделать, если он работает и не имеет личной машинистки? Затем был отпуск. Мы отдыхали все вместе в Полтавской области. В августе опять работа. В отделении, считая меня, осталось три врача. Мы дежурили (сутки) 5 раз в месяц. В сентябре администрация попросила (настояла) стать и.о. зам. главврача по лечебной работе вместо уехавшей к мужу в Кувейт нашей сотрудницы. Появилось множество больших и мелких забот. Пытаюсь хоть что-то сделать для больных (с учетом наших условий).

Получил из Штатов две интересные книги. Автор одной из них К. Купер – отец аэробики. Книга называется «Controlling Cholesterol». А вторая «Как снизить холестерин в крови за 8 недель» написана Бобом Ковальским (бестселлер №1 — 2 млн экз.). Высылаю Вам рецепт из этой книги. Овсянка содержит много волокон. Они (как губка) впитывают холестерин...

Дорогая Нора Яковлевна! Большое спасибо Вам за книги. Еще раз извините за то, что не поблагодарил сразу.

Приветствую всех Ваших.

До свидания.

В. Кр.

* * *

Дорогой Владимир Александрович!

Обстановка в январе была такая, что понятно было, что Вы не приехали, как собирались... Здоровы ли Вы и все Ваши, все ли благополучно на работе?.. Очень надеюсь на скорую весточку от Вас.

Всего Вам самого доброго!

Н

9 мая 199

«ОДНИ ТОЛЬКО ДЕТИ ЗНАЮТ...»

Мир детства и отрочества всегда был особенно дорог Норе Галь. Она хорошо помнила свое детство — и времен Первой мировой войны и революции 1917 года, суровое, и активное пионерское.

«Маленький принц» надолго стал для нее пропуском в этот мир — хотя в сказке много недетского. Одним из первых напечатал «Маленького принца» альманах для детей «Круглый год» — мама даже немного огорчилась: рановато, не поймут (хотя тираж должен радовать — 100 000!). Позже, уже без мамы я видела в театре «Модерн» у режиссера Светланы Враговой очень удачный спектакль для малышей. Но для них были отобраны только путешествия по планеткам — ни Лиса, ни пустыни. И с каким азартом молодые актеры карабкались по каким-то легким лесенкам! И всюду яркие разноцветные шары. А в зале малышня 4—5 лет, и они в восторге.

С читателями постарше, от 9 до 16 лет мама впервые встретилась в литкружке при библиотеке. Ее пригласил руководитель литкружка Владимир Иосифович Глоцер, в будущем известный специалист по обериутам, вернувший читателю Даниила Хармса. В своей статье «Под звездой Сент-Экса» в книге «Слово живое и мертвое» мама вспоминала, как волновалась, будут ли слушать, ведь в этот вечер сами ребята должны читать свои стихи. Но они, забыв о собственных волнениях, подходили, говорили, как им понравилась сказка — такая хорошая, добрая!

Наша знакомая, автор интереснейших книг-воспоминаний Нелли Тиллиб вместе со своим мужем Леней Кутиковым (их совместное прозвище НЕЛЕНЯ) уехала из Москвы в Быково. Там они активно несли культуру, свет просвещения. Нелли собрала местных детей, читала им «Маленького принца». Дети загорелись, решили играть спектакль. Я послала им десяток книг. Они радуются. И даже знают о переводчике!

На вечере памяти Норы Галь в ЦДЛ к ее восьмидесятилетию выступала от МГУ молоденькая Александра Гребенникова и очень ярко рассказала, как восприняла эту сказку ребенком.

И я в статье «Сказка, нужная сердцу» в своей книге «Светя другим» старалась показать разные ступени ее восприятия ребенком, подростком, взрослым.

А вот пример, как важна была Норе тема взросления души, психологии подростка. В 1960 году она уже ушла от критики, от статей в перевод. Но вдруг откликается на появление такой значимой книги Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Нет, это даже еще не книга. Это публикация в журнале «Иностранная литература». 1960 год. Номер 11 — ноябрь. Мама откликается мгновенно, уже 13 декабря 1960-го в «Комсомольской правде» ее статья — «Над пропастью».

* * *

Читателям Переделкинской библиотеки

Дорогие ребята, читатели Переделкинской библиотеки!

За свою долгую жизнь Корней Иванович Чуковский подарил всем нам, от мала до велика, много веселых, добрых и мудрых книг.

Желаю вам всегда его помнить. Ведь, как говорится на стр. 18 этой книги, «это очень печально, когда забывают друзей».

Пусть и Маленький принц и его автор — хороший человек, писатель и летчик Антуан де Сент-Экзюпери тоже навсегда станут вам друзьями!

18 декабря 1971 г.

Н. Галь

* * *

НОВОГОДНЯЯ АНКЕТА

1. Что такое успех в жизни?

2. Что Вы понимаете под внутренней готовностью к труду?

3. Что Вы считаете в русской классике наиболее ценным для современного читателя?

4. Как воспитать в себе чувство юмора? Обязательно это или нет?

5. Что Вы предлагаете нам прочитать в 1983 году?

* * *

Дорогая Лидия Петровна! (г. Артемовск, клуб «Бригантина»)

Получила от Ваших ребят поздравление к 60-летию СССР (дата 20 дек., пришло 10/1) с предложением дружить и с вопросом, чем они могут меня порадовать. Очень это трогательно, и приложенные стихи тоже — правда, не совсем мне понятные, украинского языка ведь не знаю, поняла только, что новогодние.

Друг я не слишком активный, отвечать на все письма не успеваю, пусть ребята не обижаются. Послала недавно ценной бандеролью томик Дж. Лондона, не знаю, дошел или потерялся?

Радует меня уже то, что экипаж «Бригантины» приобщается ко многому хорошему в литературе, что очень нужно будет и в жизни.

К сожалению, в Москве не могу достать книгу, о которой, помнится, Вам не раз писала: в *Киеве* переиздана трилогия Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь». Вот что полезно, необходимо прочитать старшим бригантинцам! На беду, в этом издании оказалось немало глупых и грубых опечаток, даже смысловых (где-то выпало НЕ, где-то оно вставлено и пр.). Но даже такие огрехи не могут испортить эту прекрасную книгу.

И еще Света Гриценко прислала мне от «Бригантины» такую новогоднюю анкету, что ответить надо бы настоящим философским трактатом! Этого — не могу. Надо полагать, такую анкету послали очень многим писателям, кто-нибудь да ответит подробнее. Попробую внести свою долю.

1) Успех в жизни — когда находишь настоящее дело, работу по душе, делаешь ее в полную силу, с любовью, можешь чему-то и на работе и вне ее научить других, в чем-то им помочь. Когда ты — *это непременно!* — нужен людям и окружен друзьями, когда людям лучше, а не хуже оттого, что ты есть на свете. А для этого надо о других, об окружающих думать не меньше, чем о себе, а лучше бы — больше.

2) Отсюда и ответ на вопрос о внутренней готовности к труду: не мыслить себя вне любимого дела и тосковать от безделья. Сама я так живу уже восьмой десяток лет и не представляю для себя другой жизни. Когда болезнь посерьезнее выбивает из рабочей колеи, погибаю от злейшей досады и скуки. Такая работа — лучшая опора в любой беде, лучшее лекарство. Любые развлечения — только довесок. Вещи? Много их ни к чему, так думала в молодости, так и сейчас: не терплю лишнего барахла, ничего показушного. Из-за отсутствия «престижного» модного барахла я на чей-то взгляд отнюдь не преуспеваю — но вполне довольна, больше чем довольна тем, что люди, которых уважаю, считают меня верным другом и неплохим работником.

Куда лучше меня на 1 и 2 вопросы анкеты и на другие еще, очень важные — о труде и призвании, о дружбе, товариществе и смысле жизни — отвечает Сент-Экзюпери в «Планете людей». Пускай ребята постарше внимательно ее перечитают. Кажется, я эту книгу Вам посылала, сейчас у меня нет хорошего издания, посылаю то, что оказалось под рукой. Пускай ребята не удивляются пометкам чернилами: как говорит Маленькому принцу мудрый Лис, нет в мире совершенства — к каждому новому изданию я что-то додумываю, правлю, стараюсь сделать лучше.

3) Русскую классику надо знать хорошо всю каждому нашему современнику, не даром ее неплохо знают подлинно культурные люди во всем мире, многие изучали русский язык, чтобы читать, например, Чехова, Толстого, Достоевского не только в переводе. Но и лучшее в мировой классике и современной зарубежной литературе знать необходимо!

И чем старше становится человек, тем больше надо читать. Что до меня, без прозы (а не только поэзии) Пушкина и Лермонтова считала бы себя обокраденной, Чехова люблю бесконечно. Перечислять все остальное — долго и странно, об этом, надо думать, ребята знают от Вас и от тех, кто им пишет кроме меня. И о том, что читать именно в 83 году, наверно, напишут многие.

К сожалению, не могу послать (нет лишнего экземпляра) — недавно вышел в издательстве «Молодая гвардия» хороший сборник Р. Брэдбери «Передай добро по кругу»! Брэдбери не столько фантаст, как поэт и сказочник, он очень добр, даже его «жестокие» рассказы написаны для того именно, чтобы люди отшатнулись от жестокости и зла и всеми силами стремились стать *дейтельно* добрей и человечней. В сборнике этом повесть о детстве «Вино из одуванчиков» (ее 1-е издание я когда-то редактировала), из рассказов восемь — в моем переводе.

С июня, если никакая случайность не помешает, в журнале «Урал» начнут печатать мой перевод повести англичанина Н. Шюта под названием (по старой немецкой легенде) «Крысолов», вполне современную, очень бы хорошо и это достать для бригаантинцев, но тоже не знаю, сумею ли. Если среди Ваших корреспондентов есть кто-нибудь в тех краях, м. б., Вам помогут?

Да, еще вопрос анкеты о чувстве юмора. Оно *необходимо*, оно очень помогает в жизни. Тут вот что важно: уметь не смеяться тогда, когда это может обидеть другого — и не обижаться, если шутка задевает тебя самого. Второе — трудное умение, тем важней его в себе развивать. А вот первое не так уж и трудно, но пускай ребята попробуют последить за собой: они часто смеются друг над другом зло, потому что не умеют поставить себя на место другого, представить, каково ему от насмешки. Надо попросту спросить себя: *а если бы меня сейчас так?* Вот это умение почувствовать за другого, «влезть в его шкуру», умение СОчувствовать в самом первом и важном смысле слова необходимо всем, без него не имеешь права считать себя человеком.

А если ЭТО умеешь, всегда будешь богат добрыми товарищами и настоящими друзьями — друзей пусть будет не так много, но уж настоящих! Не передать словами, как я дорожу дружбой, которая длится полвека и дольше, со школьных, студенческих лет, — есть у меня такие старые друзья, есть и новые, мало осталось, к сожалению, друзей из числа моих учителей, но появились друзья-ученики, и это прекрасно.

Всего этого я от души желаю и бригаантинцам.

Н. Галь

* * *

Дорогая Лидия Петровна! («Бригантина»)

Могу только от души порадоваться, что Вы остались верны школе и своим бригадинцам. Уж не говоря о том, что это святое дело, рада за Вас. Конечно, полставки — невелика подмога, никак не покрывает огромной затраты сил и времени. Но ведь только работа нас и держит «на плаву»! Вот мне уже 74-й идет, здоровье мое с детства никудышное, а теперь я среди друзей-сверстников чуть ли не герой и богатырь — как раз потому, что продолжаю работать, да еще, пожалуй, за двоих. Четыре весенних месяца готовила 4-е издание своего «Слова живого и мертвого» — работала без единого «выходного» дня по 12, 14, 15 часов, написала новый большой раздел — «Поклон мастерам», около сотни страниц на машинке, а перечитать для этого по-английски и по-русски пришлось многие, многие сотни.

Спасибо Вам за добрый отзыв о книжке, она и в самом деле работает, это для меня главное: ею пользуются редакторы, переводчики, преподаватели вузов, у меня набралось около двухсот писем от читателей всех возрастов и профессий. Любопытно, что пишут (т. е. живо интересуются судьбами русского языка) больше не литераторы, а врачи и геологи, часто — люди технических профессий. Выйдет книжка не скоро, наверно, весной 1987 года, но готовить и сдавать надо было этим летом. Так вот, и до этого и после я тоже работала и работаю с полной нагрузкой — и вижу, насколько хуже держатся и чувствуют себя мои старые, школьных лет друзья с тех пор, как перестали работать и сидят по домам на пенсии. Гораздо яснее разум и живее душа у тех, кто может и продолжает работать, даже если и не вполне по специальности!

День рождения свой я не люблю и не справляю, причем не только сейчас, на 8-м десятке, но тоже с детства. — Привет вашим ребятам, в частности, девочке Ларисе, которая мне написала, что литературный музей школы с помощью С. Баруздина будет расширен и переоборудован. С этим «Бригантину» от души поздравляю! — Будьте здоровы, всего Вам доброго!

12.X-85

Н. Галь

* * *

ОТЗЫВ о книге Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»
ученика 6 «А» класса Сударикова Андрея

В сказке Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» мне понравилась мысль автора о том, что взрослые часто не понимают детей

и иногда кажутся тупыми и непонимающими по сравнению с маленькими детьми. Эта сказка — воспоминание о детстве, она очень поэтична. Иллюстрации, выполненные самим писателем, так хорошо дополняют текст, что невозможно представить себе эту сказку без них. Многим она может показаться веселой, но мне кажется, что она грустная. Бывает очень жалко людей с планет — короля, честолюбивца, пьяницу, дельца, которые занимаются совсем ненужным делом и не видят ничего прекрасного, что их окружает.

Экзюпери написал о добром, умном и верном в дружбе Маленьком принце. Наверное, таким же был и сам Экзюпери и такими же хотел видеть всех людей на планете Земля.

* * *

Наташа Малаховская

9-В класс, 319 школа.

МОЕ ЛЮБИМОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

СОВРЕМЕННОГО ЗАРУБЕЖНОГО ПИСАТЕЛЯ

Я решила писать о сказке Сент-Экзюпери «Маленький принц», потому что это одна из самых моих любимых книг. Ведь это не только чудесная, поэтическая и печальная, добрая и трогательная сказка, но и размышления писателя о жизни. Не о каком-нибудь определенном отрезке жизни, например, о жизни Франции во Вторую мировую войну, а о человеческой жизни вообще, о главном в жизни. И именно за то, что герои Сент-Экзюпери считают самым главным в жизни то же самое, что и я, я люблю эту книгу. Два или три года назад я слышала радиопостановку по «Маленькому принцу». Невозможно передать словами то впечатление какой-то пронзительно печальной и доброй чистоты, которое осталось после этого. Мне показалось, что я сама стала другой.

По-моему, настоящее художественное произведение, кроме всего прочего, отличается от нехудожественного тем, что в его «подводной» части скрыто, если так можно сказать, много смыслов, разных для разных людей в разное время. Может быть, когда я стану старше, я пойму еще какой-нибудь смысл, которого сейчас просто не могу понять. Но ведь если бы в книге все было просто и понятно, ее было бы неинтересно читать. Об этом можно сказать словами Сент-Экзюпери: «Самое прекрасное то, чего не увидишь глазами». Например, о вулканах на планете Маленького принца: «Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений... Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей». Это можно понимать так, что эти вулканы — наша вспыльчивость, которую мы не умеем сдерживать.

А можно понять с политической точки зрения, как понимаю я, что это напоминание «сильным мира сего» о том, что, если не прислушиваться к народу, может вспыхнуть восстание. Или это наши мысли, которые надо приводить в порядок... Да мало ли как можно понимать эту мысль! Это ведь хорошо, что книга написана в аллегорической форме сказки и каждый ее может понимать по-своему.

Что имел в виду автор, когда писал о баобабах? Может быть, Сент-Экзюпери имел в виду фашизм — его ростки тоже вначале совсем незаметны, но если их вовремя не «выполотить», они могут разорвать всю страну. Ведь сказка была написана во время войны. А можно это понять совсем по-другому, что ростки баобабов — это какие-то вредные привычки, которые могут погубить человека, если их не преодолеть вовремя. Наверное, это называется философским обобщением.

И еще почти на каждой странице афоризмы, например: «Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...» или «Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками» и т. д.

В книге очень часто встречается противопоставление взрослых и детей, но, конечно, Сент-Экзюпери не имел в виду взрослых и детей в обычном понимании этих слов, когда писал: «Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать». По-моему, под взрослыми он подразумевал тех, кому звезды нужны только для того, чтобы владеть ими, тех, кто любит только деньги, и мещан, и старых душой, — словом, тех, кто не понимает настоящей ценности мира и человеческой жизни. И в историях о том, как Маленький принц путешествовал по планетам, как раз и высмеиваются такие люди. Например, король, который отдавал только такие приказания, которые заведомо могли исполниться, очень напоминает человека, который не требует от жизни многого, у которого мелкие, легко исполнимые желания и которому поэтому очень легко жить. И еще мне очень нравится насмешка Сент-Экзюпери над генералами: «Если я прикажу генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой, и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват: он или я?» Ведь здесь, кроме того смысла, о котором я уже писала, есть еще и такой смысл: генералы настолько глупы, что им так же трудно сочинить трагедию, как превратиться в чайку. И дельца, которому было очень важно владеть звездами, хотя ни звездам, ни ему не было от этого никакой пользы, и пьяницу, и честолюбца без почитателей, и географа, который сам никогда не путешествует и ничего не знает, а ждет, когда к нему придут путешественники, для которого цветы не важны только потому, что они «эфемерны» — всех их высмеивает Сент-Экзюпери, как бы сравнивая каждый раз с Маленьким принцем. И только один фонарщик вызывает сочувствие — «может быть, потому, что он думает не только о себе».

Эта книга написана в форме аллегории, сказки для детей, поэтому мне захотелось узнать, что же думают о ней дети. Вот я и спросила у своей девятилетней сестры, которая уже прочла эту книгу, понравилась ли она ей. Сестра ответила, что да и что Маленький принц похож на обыкновенного мальчика, и что больше всего ей понравилось, как Маленький принц любил розу. Значит, дети тоже понимают эту книгу по-своему и тянутся к прекрасному, а то, что еще не могут понять, заставляет их больше думать и создает, по-моему, то особенное волшебное очарование, из-за которого хочется ее перечитывать.

Для меня очень важно то, что Сент-Экзюпери говорит о дружбе, и в начале — как ему самому было одиноко в мире взрослых, и когда он пишет о Маленьком принце: «...я хотел бы начать так:...«он (Маленький принц) жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...» «Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу увидали бы, что это все чистая правда»... «Хорошо, когда есть друг, даже если надо умереть»... И я тоже думаю, что самое дорогое и самое прекрасное можно найти в одном глотке воды, такой нужной для сердца, когда ее в пустыне достает для тебя друг. Мне кажется, что когда Сент-Экзюпери писал, что теперь Маленький принц на далекой звезде и он беспокоится о его розе и барашке, он думал о Леоне Верте, о том своем самом лучшем друге, которому посвятил свою книгу. В это время сам Сент-Экзюпери жил в Америке, а Леон Верт — в оккупированной Франции, и Сент-Экзюпери ничем не мог помочь своему другу. Ведь бывает, что и на земле друзья так же недостижимы, как самые далекие звезды.

Единственное, с чем я не согласна в этой сказке, это когда Маленький принц говорит о розе: «Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом». Роза — это образ женщины в понимании Сент-Экзюпери, в ней можно узнать всех героинь его других произведений. Наверное, именно потому, что французские писатели часто изображают женщину как прекрасное, но слабое и не очень умное существо, которое может лишь озарить жизнь мужчины, а ни на что большее не способно, мне сперва показалось, что роза похожа на француженку. Но это, конечно, не так, об этом даже смешно говорить: достаточно вспомнить хотя бы Жанну д'Арк или героинь Парижской коммуны и Сопротивления. Такое отношение к женщине — просто патриархальный пережиток. Во всем же остальном, касающемся любви, я согласна с Сент-Экзюпери. Особенно мне нравятся слова Лиса: «Зорко лишь одно сердце», «Ты всегда в ответе за всех, кого приручил» и слова самого Сент-Экзюпери: «Трогательнее всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит...»

Сент-Экзюпери пишет: «Вот доказательство, что Маленький принц на самом деле существовал: он был очень, очень славный, он смеялся, и ему очень хотелось иметь барашка». И в самом конце: «...вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и я...» Да, действительно, невозможно не любить Маленького принца. Он очень не похож на обычных, даже сказочных героев: «Ты чист и явился со звезды», — говорит ему змея, «ему довольно солнечного луча», — думает сам автор. Но он кажется нам таким человеком, какими хотелось бы видеть всех людей. И его слабость не мешает нам, а помогает увидеть в нем живого человека. И вот что интересно: на последней странице нарисован самый обыкновенный уголок пустыни и написано: «Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете... Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез...» Я это понимаю так, что везде можно встретить людей, чем-то похожих на Маленького принца, надо только уметь видеть чистое и прекрасное в каждом человеке. Сам Сент-Экзюпери, конечно, умел так видеть, иначе он не написал бы «Маленького принца».

Индусы называют художников «йогами», — что значит «видящие», Антуан де Сент-Экзюпери был настоящим художником, у него было зоркое сердце, он умел видеть все самое лучшее в людях. Вот почему можно сказать, что Маленький принц не улетел с Земли, что он живет в каждом из нас, просто мы этого не замечаем, потому что не научились «видеть сердцем».

Читая эту книгу, мы не узнаем о жизни Маленького принца, а чувствуем ее, как свою; книга учит, каким должен быть человек, но не назойливо, что случается очень редко. Всю мудрость своей жизни автор сумел высказать такими словами, которые сразу доходят до сердца. Прочитав ее, искренне хочется стать лучше, чище и добрей.

Мне больше всего нравится то место, где говорится о воде, которую они нашли в пустыне:

«Я понял, что он искал!

... Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была, как подарок сердцу...»

То же самое я могу сказать про эту книгу — это то, что я искала, потому что она рождена самыми чистыми; добрыми и важными мыслями писателя. И поэтому для меня она — как подарок сердцу.

* * *

Уважаемая Нора Яковлевна!

Вам пишет дочь Ирины Бенедиктовны Комаровой¹, которую Вы, наверное, знаете.

¹ Переводчица, друг Ф. Вигдоровой.

Очень хотела написать Вам, но просто так неудобно, а вот сейчас могу поздравить Вас с международным женским днем и пожелать Вам всего самого хорошего.

Дело в том, что я прочла Вашу книгу «Слово живое и мертвое», и хотела Вам сказать «спасибо» за то, что Вы ее написали. По-моему, это очень важно. Мне никогда не нравился сухой жуткий язык, но я никак не могла понять — почему. А теперь совершенно все ясно. Я даже решила попробовать сама перевести «Les Trois Mousquetaires», когда увидела в сравнительно хорошем переводе неуклюжие, совсем не разговорные фразы (а ведь Дюма был мастером диалога), например:

«—... По-моему, у вас очень мрачный вид, — сказал Атос.

— К сожалению, это так, — ответил д'Артаньян, — и причина в том, что я самый несчастный из всех нас».

Хотя я очень-очень плохо знаю французский, мне кажется, что «Helas» — скорее «увы», чем «к сожалению», а дальше — «а это потому, что я самый несчастный из всех нас». Правда, это тоже не самое лучшее, что можно придумать, но все-таки лучше, чем «причина в том...».

И еще, что я хотела Вам написать. Я очень люблю книгу «Маленький принц». Теперь я уже прочла ее по-французски (хоть с грехом пополам), но еще до этого я читала два перевода: сначала Ваш, а потом Горация Велле. И, честно сказать, я готова была загрызть Велле — мне все казалось, что его перевод — это кощунство.

Вот и все, Нора Яковлевна. Еще раз спасибо Вам, прощайте и будьте здоровы.

Искренне Ваша

Лиза Комарова

* * *

12.III-87

Дорогая Лиза!

Спасибо за поздравление, за добрые слова о моей книжке и о переводе. Рада, что и то и другое пришлось Вам по душе и оказалось полезным.

Маму Вашу я, конечно, помню, хотя мы, кажется, не встречались — разве что в доме Фриды Вигдоровой, давно и мимолетно. Пытаюсь вспомнить, в каком году — вероятно, года три назад? — Вы, совсем еще девочкой, приезжали в Москву. Сейчас, судя по письму, Вы уже довольно взрослая и вполне серьезный человек.

Очень хороший и верный путь Вы избрали для «вращения» в язык и в художественный перевод, я обычно советую моим ученикам и молодым друзьям поступать именно так: взять уже существующий перевод и попробовать сделать другой, свой вариант. Можно — так, как надумали Вы. А можно еще по-другому: переводчикам с английского обычно советую взять небольшой рассказ Хемингуэя или один из Диккенсовых

«Очерков Боза» (т. I с/соч.) непременно в переводе одного из мастеров — Богословской, Волжиной, Дарузес, Калашниковой, Лорие, Топер, Холмской — и, *не заглядывая* в их перевод, сделать свой, перечитать, довести до своего «потолка», а вот потом сравнить придирчиво, дотошно — и постараться понять, *что и почему* у них лучше, а если не лучше (бывает и так, что мы теперь можем к чему-то придраться, мы-то встали на их плечи, они *начинали* школу нового перевода полвека назад!) — понять, что у них не так. Это отличная школа работы!

Какого года у вас издание «Слова»? Если 1972 или —75, они для меня уже не существуют. Издание 1979 полнее, многое там исправлено. Через месяц-другой выйдет новое, 4-е, там кое-чем пришлось пожертвовать (рамки объема!), зато добавлен большой раздел «Поклон мастерам», он тоже может для Вас оказаться и любопытным, и полезным. Если получу от издательства заказанные экземпляры, пришлю и Вам. М. б., в 3-м номере «Дружбы народов» будет из этого раздела небольшой отрывок.

Вероятно, Вы уже в институте? Где, на каком курсе? Знаете ли английский?

Сердечный привет мой Вашей маме и Н. Я. Дьяконовой¹, если Вы (а мама уж наверно) с нею встречаетесь. — Всего Вам доброго!

Да, о переводе Велле: все верно, это кощунство. Но «грызть» старика поздно, он умер. Он не умел связать 2-х слов по-русски, но требовал, чтобы в однотомику 1963 г. взяли его перевод, а когда взяли мой, забрал оттуда изувеченную им «Землю людей» — и мне выпало счастье заново перевести «Планету». А ведь он был участник французского Сопротивления и знал С/Экса!

Н. Галь

* * *

23.03.1987

Здравствуйте, дорогая Нора Яковлевна!

Огромное спасибо Вам за письмо. Я была очень рада его получить.

Действительно, 4 года назад я была в Москве, и, от большого ума, разыскивала по ней всех знакомых, чьи адреса когда-то видела в маминной записной книжке, в том числе и Вас, тогда-то я и попала случайно к Жуховицким, которые накормили меня незабываемой гречневой кашей с молоком. Мне тогда было 12 лет, так что Вы теперь понимаете, наверное, что в институте я не учусь, а пока только в 9 классе. Я английский знаю, но довольно плохо: 8 лет я отучилась в английской школе, а теперь — в обычной, где почти нет никакого языка (т. е. формально — английский, но 1 раз в неделю, и то не всегда). Я, в общем-то, не соби-

¹ Нина Яковлевна Дьяконова, литературовед, друг Ф. Вигдоровой.

раюсь становиться профессиональным лингвистом, а просто интересно бывает самой что-то перевести. Очень благодарна Вам за полезные советы, касающиеся переводов: рассказ Хемингуэя я тоже попробую перевести, но не знаю, получится ли. У меня маленький запас слов, поэтому очень трудно понять сложные рассказы. Пока я стараюсь освоить сказки: вот сейчас взялась переводить маленькую сказку-повесть «Питер Пэн в Кенсингтонском саду» — по-моему, она на русский язык не переведена, по-русски есть, кажется, только «Питер Пэн и Венди», так что, если у меня получится, будет всем польза — вдруг издадут?.. Хотя, конечно, у меня пока нет никаких профнавыков. Но все-таки, мало ли.

У нас издание «Слова» 1979 г. Вы пишете, что если получите заказанные экземпляры нового издания, пришлете и мне. Большое спасибо, если Вам это будет не трудно, я действительно с удовольствием прочла бы. А «Поклон мастерам» — это имеется в виду каким мастерам — мастерам перевода? Кстати, мама недавно перевела «100 (по-честному, не 102 или 105, а как называется, так и вправду) стихотворений» Огдена Нэша, и вся книга посвящается памяти Корнея Чуковского. Мама долго мучилась, ее донимали разные издатели, редакторы, корректоры и т. п. Но в конце концов книга «пошла» — куда, я, правда, не совсем понимаю — наверное, в типографию.

Вы пишете, что Велле знал Сент-Экса. А Вы случайно не были знакомы с ним? Если да, то напишите, пожалуйста, о нем, если можно, о чем он любил говорить, чем любил заниматься, он, наверно, был очень активным человеком, он же говорил, что ему ненавистна роль наблюдателя — «если я не принимаю участие — кто я?!». Правда, я читала «Сент-Экзюпери» опять же в переводе старика, которого «поздно грызть». Но если Вы его знали — интересно, что Вы о нем думали, общаясь с ним. В книге «Сент-Экзюпери» довольно мало о «Маленьком принце», а мне кажется, что это вообще одна из самых удивительных книг в мире — если бы Сент-Экс и не был летчиком и не писал других книг, кроме «Маленького принца» — его жизнь уже была бы не только не зряшной, но и *очень* важной, выдающейся. А как Вы считаете?

Вам большой привет от мамы и от Нины Яковлевны Дьяконовой.

Мама с ней общается часто, а я ее почти не знаю, хотя близко знакома с ее племянницей. Еще раз большое спасибо за письмо.

Признательная Вам.

Лиза

13.04.1987

Здравствуйте, уважаемая Нора Яковлевна!

Большое Вам спасибо за открытку и за журнал с Вашей статьей, которую я прочла всю, а не только «На языке детей и зверей», и она

мне понравилась. Вы сравниваете разные варианты перевода одного и того же выражения или просто фразы (как и в «Слове», там тоже так же), и получается как волшебное преобразование, даже не знаю, как по-другому сказать.

Сначала у Вас обычно идет неудачный, глупый перевод — а потом, как перевели бы Вы или как какой-то талантливый человек уже перевел. Это очень интересно, нелепость превращается во что-то простое и красивое, как будто маленькое чудо.

Вы пишете, что «Маленького принца» ставили в Ленинградском театре кукол, как жаль, что я не видела! Сент-Экзюпери вообще именно сейчас, не знаю — почему, стали узнавать в Ленинграде. Раньше как-то и имени его нельзя было нигде услышать, а теперь его, наверно, стали читать — конечно, «Маленького принца» в первую очередь — и полюбили. Многие, конечно, эту книгу («Маленького принца») не совсем понимают, но другие проникаются, а на городской олимпиаде по литературе среди 8—10 классов было 8 работ по Сент-Эксу.

«Планету людей» я обязательно возьму в библиотеке (спасибо, что Вы написали год издания и т. д.), обязательно прочту, так как это ужасно интересно мне.

Нора Яковлевна, я хотела узнать у Вас, не переводили ли Вы когда-нибудь Дюма-отца? — если да, то что? Вообще он мой любимый человек среди писателей, как и Сент-Экс, знаете, был такой «деятель» Эдмон Абу, не знаю точно, кто он — то ли художник, то ли еще кто-то, который говорил, что Дюма «при всей своей жизнерадостности, при всей своей необычной веселости заключал в себе больше здравого смысла и истинной мудрости, чем все мы, вместе взятые». О Д. вообще много кто что наговорил, вот Д.-сын: «мой отец — это большой ребенок, которым я обзавелся, когда был еще совсем маленьким», но в основном его почему-то ругают и на него нападают, вот он, мол, несерьезен и не ставит мировых проблем, он не нужен, болтун и т. п. 25 июля исполнилось 185 лет со дня его рождения, и я бы хотела, чтобы эту дату заметили люди, ведь его же многие любят и у нас! Нора Яковлевна, вдруг у Вас будет желание написать о нем статью, в таком случае я могу Вам прислать кучу материала о нем, о его романах, о его жизни и все-все, что нужно, потому что я это попросту собираю. Конечно, если Вы будете не очень загружены, а самое главное — если Вы захотите.

Большое спасибо Вам еще раз за все: With best wishes. *Лиза.*

Р. С. После Вашего письма я в очередной раз попыталась читать стихи Пастернака, но мне снова показалось (наверно, я еще слишком глупая), что они *очень* сложны. Просто и *доступно* для меня об очень важном, значительном говорил (т. е. пел, конечно) В. С. Высоцкий, я пытаюсь понимать Пушкина — это действительно «неслыханная простота» («Я вас любил», к примеру), а остальных поэтов я понять стараюсь,

иногда понимаю, но часто путаюсь в том, что выражено так запутанно и говорит о таких грустных вещах — Ахматова, например, сколько писала об отчаянии, смерти. Это очень хорошая, настоящая поэзия, но тяжело читать, слишком сложно мне. Поэтому я сама, если что-то перевожу, какую-то сказку, не ищу сложностей, а исхожу из того, что мне было бы интересно в 5 или 7—8 лет. Это не так уж трудно — может быть, трудно взрослым, но мне-то пока только 16, я еще не забыла, что любила в 5. Еще раз всего Вам самого доброго!!! Лиза.

Привет от мамы и Н. Я. Д.

* * *

Открытка от Кутиковой

Дорогая Раечка!

Пишу просто для связи. [...] Увидимся! Эдичка, мои соседские дети (их 10!) бредят Маленьким принцем и уже знают, что написал про него Экзюпери, а перевела для них Нора Галь. Девочки даже уже решили в свои 7—9—11 лет стать переводчиками, и мы учим с ними английские слова.

Я вас обеих обнимаю, Леня тоже, до встречи, Ваша всегда

Кутикова

апр. 2001, Быково

Пишу на даче, Леня уезжает вдруг.

* * *

Лев Озеров¹. Ведущий вечера в ЦДЛ:

Мне очень приятно, что наша студентка в таком высоком собрании делает доклад. Что самая молодая поросль усваивает опыт мастеров.

Александра Гребенникова
**ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЦДЛ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ
 НОРЫ ГАЛЬ 17. 04.92**

Творчество Норы Яковлевны Галь, без сомнения, нужно изучать глубоко и пристально.

Что значило для нас (т. е. людей моего поколения) то, что сделала в литературе Нора Галь, каким был наш Сент-Экс?

Я родилась в то время, когда почти в каждой квартире было одно или два издания Экзюпери, когда книжки, как пятьсот миллионов смеющихся бубенцов, уже были рассыпаны по городам и отразились в гла-

¹ Озеров Л. А. (1914–1996) — поэт, переводчик, критик. Профессор кафедры художественного перевода в Литинституте. Доктор филологических наук.

зах и в душах, в работах Нади Рушевой, похожих на рисунки автора, в школьных сочинениях — это было через тридцать лет после появления на свет Маленького принца и почти через пятнадцать после первой публикации перевода.

Я помню эту книжку глазами ребенка. Помню гром железной дороги, где Стрелочник разводил поезда. Помню похожие на стук колес повторения («сказал Стрелочник»... «сказал Стрелочник»...), грустного Лиса и баобабы — чудесный страшный персонаж сказки, в детстве они никогда не казались такими нравоучительными, какими их стараются представить. Все принималось буквально — и было так прекрасно... Несколько раз повторенное «да, конечно», — и бесценная истина: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

С «Маленького принца» началась моя нежная влюбленность во все французское, а потом шире — романское, с того, что «а вот представляешь, вырастешь — и сможешь читать его в подлиннике...».

Но о том, кто перевел, как перевел, да и переводил ли вообще — никто никогда не говорил.

Когда начинаешь писать о переводчике (о любом, но хорошем), снова и снова погружаешься в бездну глубочайшего недоумения. Это всегда или почти всегда личность высокая и трагическая, он — «человек, которого нет». Ты запоминаешь не того, кто перевел, а «того, кто сказал». В 1991 году Нора Яковлевна Галь сама напишет об этом в очерке «Школа Кашкина». «Читая созданное на чужих языках, мы (молодые. — А. Г.) вовсе не думали о тех, кто открыл нам, воссоздал по-русски эти новые миры».

Да, я рассказываю о Норе Галь, которой мы не знали.

То есть, разумеется, нам было известно, что и проза не переводится сама собой, и что были Кашкин, Топер, Волжина и Калашникова... Мы читали Камю и Сент-Экзюпери, Сэлинджера и Брэдбери, Джойс Кэрол Оутс и Ричарда Олдингтона, но тем не менее, когда на первом курсе Переводческого отделения Литературного института нам диктовали, что читать, — все шумели, переспрашивали, слышно было плохо, и автора книги «Слово живое и мертвое» я записала «единой фамилией» — «Норгаль». Издание 1972 года и последующие.

Библиотекарь выдала 2-е издание, 1975, год моего рождения. Так началось мое близкое, уже означенное именем знакомство с творчеством Элеоноры Яковлевны.

Это веха в истории русской переводческой школы — и редчайший случай почти полного перевоплощения.

Одним из самых сильных качеств Норы Галь мне показалась какая-то переводческая отстраненность. И в строчках «от себя» узнаешь те же черты — там нет какой бы то ни было позы, себя на переднем плане,

Есть черный тополь, и в окне — свет,
 И звон на башне, и в руке — цвет,
 И шаг вот этот — никому — вслед,
 И тень вот эта, а меня — нет.

Может быть, ближе всего к стилю написанного ей самой — «Маленький принц», сказка, притча. Но о ком бы ни шла речь — Экзюпери, Байрон или коллеги-переводчики — ошеломляет чувство такта; по ее работам можно судить о тех, про кого написано, можно спорить, рассуждать — но узнать автора почти невозможно. И каждое слово шепчет, звенит, шелестит: «Вот они какие. Помните о них. А меня — нет, меня — забудьте». И даже в книге «Слово живое и мертвое», приводя пример из собственной переводческой деятельности, автор сочла нужным как бы оправдаться: «Да простятся мне ссылки на личный опыт, но ведь себя редактируешь больше, чем кого-либо другого, и чужую «кухню» не знаешь так подробно, до мелочей, до последней запятой. Такой опыт всегда нагляднее отвлеченных рассуждений».

И как наваждение, снова и снова приходят на ум строки Марии Петровых, сказанные совсем по другому поводу, но тем не менее близкие и похожие:

... И легче, что могут забыть,
 Не видеть меня, не слышать меня,
 Меня не должно быть.

Я споткнулась об это, читая статью «Под звездой Сент-Экса», где Нора Яковлевна пишет о том, как плакали над сказкой взрослые люди, как бы совсем забывая, что это — *ее* перевод. Как будто — перевыразила и исчезла.

И эта яркая черта придает неизъяснимое очарование всем переводам Норы Галь. Все они очень непохожи друг на друга, впрочем, разве что в одном: что написаны кристально чистым, великолепным русским языком. А в остальном — они невероятно разные...

Бывают переводчики, умные, волшебные мастера, в работе которых неизгладим отпечаток их личности, то есть, если пользоваться старым определением Вяземского, «есть два способа переводить: один независимый, другой подчиненный». Иногда перевод выходит сильнее, выше оригинала, становится самостоятельным произведением искусства. Так в переводах — весь Пастернак.

Но тут этого нет.
 Просто — все звучат.

Звучит Сент-Экзюпери, звучит Камю, звучит Колин Маккалоу.

В этом можно увидеть чисто женскую способность и умение подчиняться, только выраженные невероятно ярко, — доказательством такого предположения могут служить ранние ее стихи — талантливые, тонкие, но пронизанные духом Блока и Пастернака. Может быть, если бы Нора Галь не ушла в перевод... но осмелюсь предположить, что русская переводческая школа приобрела больше, чем потеряла оригинальная литература. Для писателя важна самобытность. Для переводчика — и такого — бесценно это свойство: прелестным русским языком повествовать, не внося своей интонации, но зато изобретая множество чужих.

Этим качеством стоило бы заниматься — как биографу и как лингвисту.

Когда берешь в руки французский текст «Маленького принца», понимаешь, как верно почувствована в переводе мелодика фразы, ритм прозы, ее звуковая окраска. А для более поздних изданий иногда изменено окончание (например, «с собой» на «с собою»), или одно слово переправляется на другое, вроде бы равноценное, но фонетически или по структуре чуть больше соответствующее окружающим его. И каждая удачная находка — как наугад найденный колодец в бескрайней пустыне Слова.

Мне хотелось бы закончить словами Маленького принца:

«Знаешь, отчего хороша пустыня?... Где-то в ней скрываются родники...»

Эдварда Кузьмина СКАЗКА, НУЖНАЯ СЕРДЦУ

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц.

Пер. с французского Норы Галь. М., Молодая гвардия, 1963.

Эта книга — как таинственная и неизведанная страна. Вспомните волшебную страну в «Золушке»: каждый может побывать там и каждый найдет там свое. То, что ему кажется прекрасней всего на свете.

Книгу французского писателя (так хочется сказать — поэта!) Антуана де Сент-Экзюпери прочтут по-своему все, маленькие и большие.

Прежде всего это, казалось бы, самая настоящая сказка. Мамы и папы смотрят на чудесные акварельные рисунки (их рисовал сам Антуан де Сент-Экзюпери) — и покупают книжку своим пятилетним детям. И детям нравится книжка и нравятся картинки: здесь горят золотые звезды, Маленький принц с золотыми волосами хозяйничает на своей маленькой планетке, прочищает ее вулканы, ухаживает за удивительным цветком, а потом навещает соседние необыкновенные пла-

нетки и большую планету по имени Земля, разговаривает со змейкой, со смешным ушастым Лисом... Дети волнуются: что будет дальше? Не съест ли капризную розу тигр или барашек? Починит ли летчик разбитый самолет? Найдут ли летчик с принцем колодец в пустыне?

Конечно, именно сказочная оболочка прежде всего увлекает самых маленьких читателей. И все же книжка близка им не только этим. Им близок душой сам сказочник: он видит мир так, как видят они, дети, — отчетливо, крупно, как в первый раз. Для ребенка каждая вещь вокруг — ну хоть первая кошка, которую он узнал, — это не просто одна из многих кошек, но вообще Кошка, именно в ней он увидел и понял все, что свойственно всем кошкам на свете. Так видит и автор сказки. Он показывает крупно — одного Короля, одного Честолюбца, одного Пьяницу... Но уж в этом Короле все с ног до головы королевское. Пьяница — всем пьяницам пьяница, а Честолюбец такой, что дальше некуда. А после можно просто сказать, что на Земле «сто одиннадцать королей... семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев», — и Земля как на ладони. Это так понятно и так легко себе представить! Дети отлично находят общий язык с насмешливым и зорким сказочником.

А ближе всего детям — сам Маленький принц. Ведь это их ровесник, и разговаривает он, и ведет себя — совсем как они. Помните, как он всегда всем задавал вопросы, когда видел или слышал что-то незнакомое? И не умолкал, и не успокаивался, пока не получал ответа. Ведь все дети — почемучки. И для них на Земле все так же ново и необычно, как для Маленького принца, прилетевшего с другой планеты.

Дети непременно подружатся с Маленьким принцем. А когда любишь друга, хочется ведь быть таким, как он. И дети неосознанно впитывают то понимание прекрасного, каким проникнута эта поэтическая сказка, дышат воздухом чистоты, бескорыстия, человеческого тепла, дружбы.

Сказочник обращается все время к детям: ведь «взрослые никогда ничего не понимают». Правда, есть и такие взрослые, которые помнят, что были когда-то детьми. С ними, сохранившими детскую свежесть и чистоту взгляда, не замутненную взрослой рассудительностью, расчетами, компромиссами, — тоже можно разговаривать. Но горячее всех отзовутся на этот голос юные. Именно подростки с их обостренной жаждой понять: кто я, какие — люди, в чем — добро, красота, справедливость — именно они ищут того же, чего ищет Маленький принц.

Подросток, как никто, ждет отклика, сочувствия, понимания — и так близок ему Маленький принц: ведь и он не может без друга и готов идти через пустыни и скалы, чтобы его найти.

Подросток пытается постичь: как, зачем живут люди — так же, как Маленький принц допытывается у стрелочника: куда спешат люди в скорых поездах? Чего они ищут? Где им хорошо?

Подростку вместе с Маленьким принцем нужно понять: почему из тысячи роз становится вдруг так дорога только одна? И знакомо горестное недоумение: почему она такая же, как все? И ему вместе с Маленьким принцем открывает Лис главный секрет: твоя роза — единственная в мире, ведь это ей, а не другим отдавал ты свое время, свои заботы, свою душу. И она стала для тебя совсем иной, чем все розы на свете. «Самого главного глазами не увидишь. Зорко одно лишь сердце».

Сердцем ощущают подростки под внешней оболочкой сказки взволнованную душу создавшего ее человека, биение его взыскательной мысли, бесконечную глубину проникновения в самое сложное.

Эта книжка, как никакая другая, несет человеку дар — видеть сердцем, видеть не оболочку, кожуру предмета, а сердцевину, зернышко. Будь то дом, звезды или пустыня — самое главное в них то, чего глазами не увидишь. Пустыня светится таинственным светом — потому что где-то в ней скрываются родники. В Маленьком принце трогательнее всего — его верность цветку, образ розы, который сияет в нем, словно пламя светильника.

На последней странице книжки нарисован самый обыкновенный уголок пустыни, и Сент-Экзюпери пишет: «Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете... Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез». А на рисунке — лишь два штриха, уходящие в пространство, и звезда над ними. Это — место всякое, любое. «Я это понимаю так, — пишет ленинградская школьница Наташа М., — что везде можно встретить людей, чем-то похожих на Маленького принца, надо только уметь видеть чистое и прекрасное в каждом человеке». Так чутко и тонко понимают подростки то главное, что светится за каждой строкой этой удивительной книги. А одна учительница рассказывала, что над этой сказкой плакали — и сами признавались в этом! — пятнадцатилетние московские мальчишки, а их вообще нелегко растрогать. Быть может, неопытный ум чего-то и не поймет в философских обобщениях сказки, что-то будет понято наивно. Ну что ж? Разве можно поэтический образ до конца пересказать прозой? Каждый наполняет его своим воображением, вкладывает в него частичку себя.

Взрослые по-своему прочтут эту сложную и мудрую книгу, им откроются глубинные, тайно светящиеся пласты ее. Они увидят не только романтичность, увлекающую подростков, поэзию прекрасного, — но и порой грустный подтекст сказки, ее реальную земную почву. Они увидят в книге не только сказочного принца, но и второго ее героя. Этот летчик, человек Земли, — по сути дела сам Сент-Экзюпери. И они поймут, почему появился Маленький принц.

Это словно отражение души самого писателя, драгоценный сплав того, что Сент-Экзюпери считал самым важным на свете, что искал в людях. Он любил свою планету по имени Земля, как Маленький принц любил свою крохотную планетку. Он верил, он хотел, чтоб не на сказочной, а на его родной Земле душа человека была такой же прекрасной, незамутненной, далекой от деячества, тщеславия, расчетливости, как душа Маленького принца. И ему больно от того, что так часто душа человеческая погружается в сонное оцепенение. Так часто «здравомыслящие» взрослые забывают, что есть на свете звезды, родники, цветы, дружба, любовь, красота... «У них дела поважнее — деньги, бридж и гольф, политика и галстуки».

Пожалуй, важнее всего для Сент-Экзюпери — чтобы человек был открыт людям, чтобы он сердцем ощущал связь с братьями-людьми. Быть человеком — для Сент-Экзюпери значит сознавать, что *ты в ответе* за всю планету, за ее розы и вулканы, за чужую радость и беду. Не случайно сказку эту Сент-Экзюпери писал в 1943 году, вдали от родной Франции, в страшные для нее дни. Недаром такой острой, пронзающей душу нотой кончается книга: «Весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел незнакомую нам розу».

Книжку эту невозможно читать просто глазами. Прямо из сердца в сердце несет она все заветное, чем жил, дышал, волновался прекрасный человек и писатель — Антуан де Сент-Экзюпери. Нельзя сказать, что книга учит благородству, чуткой любви к людям, душевной зоркости. Нет, все это просто входит в тебя, как воздух, вливается, как глоток воды в пустыне. И образ Маленького принца остается, словно светильник, в душе каждого.

ИЗ ДЕТСТВА НОРЫ ГАЛЬ

* * *

БАРАБАН

двухнедельный журнал юных пионеров
орган МКРКП(б), МКРЛКСМ и МГСПС
4 июля 1926 г.

Дорогой товарищ Гальперина

В понедельник 7-го июня с. г. в помещении редакции (Кузнецкий Мост, 1 изд-во «Новая Москва») в 4 часа дня состоится общее собрание деткоров. На повестке дня вопрос о художественной стороне «Пионер-

ской Правды» и «Барабана». Редакция просит тебя прибыть без опоздания.

С пионерским приветом

ОТВ. РЕДАКТОР (В. Лядова)

* * *

Еженедельная газета
ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА
Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Адрес: Москва-Центр,
3 Августа 1927 г.

Из-во «Правда» и «Беднота»

Всем Деткорам г. Москвы

Дорогой тов. Гальперина

Редакция созывает во вторник 9-го августа с. г. общегородское собрание деткоров по вопросу о всесоюзном смотре достижений пионерской организации. Приглашаем тебя на это собрание. Вопрос о смотре очень важный и твое присутствие необходимо. Собрание начнется в 2 часа, в клубе «ПРАВДИСТ» (Лубянка. М. Черкасский пер., д. 3/4, в том же доме, где находится «Пионерская Правда», только ход со двора, 3-й этаж). Трамвайный проезд будет оплачен.

С пионерским приветом

Редакция

* * *

20.X-27.

СПРАВКА

Дана настоящая Гальпериной Норе, в том, что она состояла в 145 пионер отряде при Госстраховской яч. ВЛКСМ и активно работала в отряде с 1.V-25 г. по 20.X-27 г.

Секретарь яч. ВЛКСМ

Вожатый отрядом

В 6-ую «в»

СПРАВКА

т. Гальперина опоздала на первый урок в школу в виду чрезвычайно важных занятий в пионер-отряде.

Вожатый отр.:

Секретарь:

В БОРЬБЕ ЗА СЛОВО

Общение с редакторами

Редакторы. Сколько их было за десятилетия работы Норы Галь. С одними — долгое согласное сотрудничество. Она искренне благодарит за понимание и поддержку. Но часто, увы, письма гневные. Снова и снова по всей стране, прямо нарушая закон, издают без согласия, без предупреждения. Не дают внести накопившуюся за годы правку. Потому нет образца, с которого можно переиздать. И каждый раз огромную работу надо делать заново. И грешат не только национальные издательства, но и непрофильные, никогда не выпускавшие литературу художественную.

Нора Галь неизменно отстаивает своеобразие автора, его стиль против навязываемой школьной гладкописи. Порой приходится бороться и с корректорами и с техредами (ушедшая профессия, ее вытеснил компьютер). Сколько же времени и нервов уходило на эту борьбу!

* * *

Уважаемая тов. Брахман!¹

Не знаю, кто на этот раз поставил в скобки с вопросом это «написано». Не стану повторять свои доводы, которые уже излагала Вам однажды письменно, но скажу еще раз: «написано» для меня неприемлемо. Предлагаю «третий ход»: поскольку в остальных случаях это *écrit* (тоже я предлагала) убрано и оставлена просто дата, лучше всего и здесь обойтись без него, напр.: «Районному парт. собранию (или, мб. — К районному?). Думаю, что это будет самое правильное.

У меня здесь нет рукописи, поэтому в местах, где у меня возникли какие-то сомнения (то ли слово, знак, нет ли пропуска), я ставлю карандашом (?) — и очень прошу Вас заглянуть в мой текст и проверить, так ли там.

¹ Редактор переводов Н. Галь в книге Луи Арагона «Человек-коммунист». Собр. соч.: М., ГИХЛ, 1961. Т. 11.

Если первый стихотворный отрывок дан в новом переводе Э. Линецкой, почему не заменили или не исправили, как я просила? — на стр. 339? Там у Антокольского досадная ошибка: у Арагона нет никакой кради, он говорит о голодной испуганной девочке, о ребенке!

Хорошо было бы впредь цитаты письма расстрелянных, исповедь Пери¹, и пр. — либо курсивом, либо хоть отступом. Очень нехорошо, когда все сливается в сплошной слепой текст. Не может ли техред хотя бы «отодвинуть» эти куски? В рукописи, помнится, была отбивка.

Я пробуду в Малеевке до 18-го, если понадобится что-либо срочное, можно позвонить мне домой и передать через мою дочь — Эдду Кузьмину.

Всего доброго,

Н. Галь

* * *

13.XI-61

*Зав. редакцией зарубежной литературы Гослитиздата
А. И. Мироновой*

Уважаемая Алевтина Ивановна!

Я вынуждена обратиться к Вам по следующему вопросу.

Если еще не отпечатан весь тираж 11 тома собрания соч. АРАГО-НА, настоятельно прошу для оставшейся части тиража сделать вкладку с исправлением «опечатки». Станным образом в оглавлении ЧЕТЫРЕ моих работы («Написано для районного партийного собрания», «Свидетель мучеников», «Крестный путь Габриеля Пери» и «В чем вам пример сегодня подаю», в общей сложности примерно 6 печ. листов) подписаны Э. Галь.

Дело не просто в самолюбии. Худо ли хорошо ли я работаю, но я привыкла в полной мере отвечать за свою работу. И мне странно видеть под моими переводами подпись несуществующую, созданную чьей-то небрежностью и невниманием.

Издательский редактор мог не знать, что я работаю для Гослита и как редактор, и как переводчик двадцать лет. Мог не видеть ни одного моего перевода ни с английского яз., ни с французского. Допускаю, что это все ему не любопытно. Но в руках у него была РУКОПИСЬ, а рукописи я всегда подписываю так: «Перевела с такого-то языка Н. (а чаще полностью — Нора) Галь».

¹ Пери (1902–1941) — французский публицист, один из организаторов движения Сопротивления, национальный герой французского народа. С 1924 г. — редактор иностранного отдела газеты «Юманите». 17.V 1942 г. арестован, после пыток в гестапо расстрелян (прим. Н. Г.).

Во время работы над Арагоном мне не раз приходилось писать С. Р. Брахман — на моих записках, как правило, стоит та же подпись. Более того, когда летом мне присылали в Малеевку верстку, на ней, поскольку это лишь часть большого тома, было надписано: «Перевод Э. Галь», и я, приняв это за простую небрежность, исправила Э на Н.

Совершенно непонятно, на каком основании редактор позволил себе изменить мою подпись, не спросив ни меня (хотя мы не раз беседовали по ходу работы, и Сельме Рубеновне известен мой телефон), ни товарищей по редакции. Одновременно печаталась книга Олдингтона в моем переводе, и в редакции есть люди, которым известно, как я подписываюсь. Это уже не простой недосмотр, а какое-то непостижимое самоуправство.

Я тем более настаиваю на исправлении того, что можно исправить хотя бы в части тиража, что уже был случай, когда в этом же собрании соч. Арагона моя работа оказалась «анонимной». Несмотря на длительную тяжелую болезнь я редактировала перевод очень сложного романа «Пассажиры империи» (т. 2), и однако фамилии моей как редактора не оказалось даже в выходных данных. Не говорю уже о X томе собр. соч. Драйзера, в котором немалую по объему и сложную мою работу как редактора постигла та же участь. Не многовато ли случайностей?

Повторяю: вероятно, для какой-то части тиража 11 тома эту необъяснимую небрежность можно исправить, И я настоятельно прошу это сделать.

Н. Галь

* * *

15.XI-66

[Девис, «Мир»]

Уважаемый Евгений Артурович!

Французская книжка (Паскаль Понтремоли), к сожалению, просто скучна. В американском сб. НФ, изданном Дж. Меррил в 1964 г., для В/сб. «Ученые — авторы фантастики», нет ничего. Для сб. юмора подошел бы научно-фантастически-детский рассказик У. и Д. Ричмонд «Porra needs Shorts», он забавный, но построен на игре слов, с которой я, например, пока просто не представляю, как справляться. Мб, у Вас найдется специалист по этой части. И еще — «The Earth Dweller» — история о том, как ученый с Урана наблюдал землян и пытался судить по их здешнему поведению об уровне развития разума и цивилизации. Понять друг друга таким способом не всегда просто, получаются забавные недоразумения, иногда смешны люди, иногда — внеземной наблюдатель, делающие весьма комичные ошибки. Этот рассказ я бы перевела. Но вот незадача: напечатан он по-английски, есть библиографич. ссылка на изд. Мак-

миллана, 1963, а автор — Андре Моруа! Вам, конечно, франц. материал интереснее, но нельзя же переводить с перевода! Значит, надо бы найти оригинал, франц. издание, и тогда я бы с удовольствием перевела. Но где этот подлинник искать?!

Рассказ Табба «The Ming Vase» перевела Э. И. Кабалевская (как-никак, после «Одуванчиков» тоже Ваш «кадр»!) — для запланированных Вами сборников он не подходит, но, думаю, Вы не возразите, если она его предложит куда-нб в журнал.

Если у Вас есть еще что-нб мне для прочтения, а мб и на отзыв, передайте, пожалуйста, с моей дочерью.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

4.V-68

[Кудрявцевой]

Уважаемая Татьяна Алексеевна!

Когда я 26.XII-67 представила в редакцию перевод романа Камю, я, помнится, написала Вам, по каким соображениям назвала его «Посторонний», а не «Чужой», как делали иногда критики.

Хочу подчеркнуть еще раз: тут коренная разница, философский смысл и эмоциональная окраска совсем другие.

ЧУЖОЙ — это определение, которое дают кому-то: он НАМ чужой.

ПОСТОРОННИЙ — это ПОЗИЦИЯ человека, его отношение к миру и людям: я стою в стороне, МЕНЯ все это не касается. Так сказать, хата с краю.

Точнее всего было бы — ОТЧУЖДЕННЫЙ, но это уже по-русски звучит диковато. Смысл же названия «Посторонний» — как смысл всей книги, всей концепции Камю — именно в ОТЧУЖДЕНИИ.

Кстати, не случайно переводчик романа на английский язык в первый раз озаглавил роман словом Stranger, т. е. чужой, в новом же, исправленном издании лет через 15 изменил название на Outsider, т. е. опять-таки — посторонний.

И итальянский фильм, поставленный по роману Камю кем-то из крупных мастеров, тоже озаглавлен именно «Посторонний», об этом с полгода назад сообщала статья в «Литгазете» (жаль, запомнила автора).

Я убеждена, что название «Посторонний» — единственно правильное. Роман впервые предлагается нашему читателю, это гораздо более широкая аудитория, чем та, что видела упоминания в статьях о «Чужом». Тогдашнюю неточность самое время исправить. Ведь никому

не пришло в голову сохранить название фильма «Мансарда», как было впервые упомянуто в печати, вместо «Путь наверх». Меняются и более установившиеся и долговечные традиции, если они были ошибочны.

Всего доброго!

Н. Галь

* * *

22.X-69

Главная редакция радиовещания для детей и юношества

Уважаемая Нора Яковлевна!

Сначала о сокращениях рассказа¹. Согласитесь, что уж если необходимо было сделать их, то, конечно, за счет отношения Брила к Нине. Посоветовавшись, мы так и сделали, ибо сокращать описание планеты или отношение к ней Брила принесло бы больший вред рассказу. Поверите ли — нам так нравился этот рассказ, что было сделано 3 варианта сокращений. И все же мы вышли из хронометража, так как Плятт, обычно читающий довольно быстро, тут разыгрался, и режиссер попросил еще сократить текст. Вот тут-то и пострадала «Нина». Как видите, это не ханжество, тем более, что линия Нина — Брил в рассказе очень мягкая, тонкая, не в пример другим н.-ф. рассказам.

Спасибо Вам за доброжелательную критику и подробное письмо. Слово «милитаризованная» мы можем при повторении передачи вырезать из пленки и, конечно, это сделаем. А вот о фразе — «Но это был сущий пустяк, и о нем тут же забыли», разрешите с Вами не согласиться.

Ведь это Вы, зная ВЕСЬ рассказ, считаете, что последняя фраза относится к предпоследней фразе. А все у нас — и редакторы, и режиссер, и Плятт — восприняли ее (последнюю фразу), как завершение поправки Нины: 19-ть... 18-й только что улетел, а 17-й был... Брил...

И если уж от любовной линии нам пришлось отказаться, то как бы воспринимались (теперь уже неожиданные) слова Нины, что Брил ее полюбил?

Поверьте — мы отнеслись к рассказу очень бережно.

А вот за то, что мы не объявили имя переводчика, я приношу Вам свои извинения, хотя, как говорится, сие от меня лично уже не зависело. Попытаюсь восстановить его при повторении передачи.

Еще раз благодарю за письмо, и обращаюсь к Вам с просьбой. Если у Вас есть еще н.-ф. рассказы, может быть, Вы покажете их нам? Нас они очень интересуют, ведь хороших-то так мало.

Желаю Вам дальнейших успехов.

С уважением

Т. Седых

¹ На радио Р. Я. Плятт читал рассказ Теодора Старджона «Искусники планеты Ксанаду». Его персонажи — Брил и Нина.

* * *

От Г. Злобина

Прежде всего, Нора Яковлевна, должен просить у Вас прощения: я не удосужился вычитать текст как следует, так что кое-где возникли недоразумения.

В большинстве случаев принял Вашу правку; в двух-трех местах не стал вписывать новые варианты окончательно — пройдут ли? (в частности заключительная фраза).

Кое в чем позволил себе не согласиться с Вами и не убежден, что аргументировал достаточно.

Не сердитесь, что длинно писал «ответы» — мне было приятно как бы беседовать с Вами.

Право же, до сих пор мне не приходилось работать с таким понимающим редактором, как Вы. Понимающим меня, мой злостный умысел. Только в одном случае «меня не поняли», увы! Это с «назначенным сроком».

Большое спасибо.

* * *

Дорогая Ариадна Георгиевна! (Белевцева, издательство «Мир»)

Наконец-то «Конец детства»¹ дойдет до читателя, для меня — большой долгожданный праздник. И хочется, чтобы вышла книга в наилучшем виде, хотя, как говорит у Экзюпери мудрый Лис, нет в мире совершенства...

Спасибо, что хотя бы теперь прислали машинопись. Жаль, что я не видела Вашей правки до перепечатки, мы бы все согласовали и не пришлось бы мне ничего менять в наборном экз. А менять необходимо, не везде могу с Вами согласиться. Но сперва несколько вопросов.

1. Где заглавие романа? Мне прислали, видимо, титульный лист с общим названием всей книги? Кстати, название «Одиссея длиною в жизнь» не слишком удачное. При вселенских масштабах фантастики Кларка жизнь человека — миг, песчинка, раз уж для него вся история человечества — лишь детство, канун зрелости. Да и мелькали похожие названия (напр. «Дорога длиною в жизнь»). Может быть, настоящее название романа стоит на шмуцтитуле, который до меня не дошел? Или замену предложил сам Кларк? на всякий случай прилагаю шмуц в том виде, в каком он, по-моему, должен быть. Не худо бы и тут, а не только в оглавлении, «для верности» указывать и переводчиков, а то бывают

¹ Роман Артура Кларка в переводе Норы Галь.

накладки. Так, в 1965 г. в т. 3 БСФ¹ («Молодая гвардия») обе переводчицы названы через запятую на обороте титула, а в оглавлении не указано, что «451° по Фаренгейту» перевела Т. Шинкарь, а все 16 рассказов я. И совсем недавно в одном сборнике переиздан рассказ Брэдбери под обеими фамилиями, чем очень огорчена и расстроена как раз ни в чем не повинная Татьяна Николаевна. Подобных недоразумений лучше избегать.

II. Очень хотелось бы прочесть **предисловие** к книге — оно уже написано? Несколько раз сталкивалась со случаями, когда в предисловии заявлен смысл не совсем тот (и даже совсем не тот!), что в книге. Порой автор предисловия читает книгу более бегло, чем переводчик, «въедающийся» в каждую мелочь. А Кларк достаточно сложен. Важно не упустить какие-то подхваты, оттенки, сквозные линии.

III. Очень хотела бы взглянуть и на **эскиз оформления**. Не ровен час, художник соблазнится изобразить на переплете или в тексте раньше времени **дьявола** — это разрушит загадку! Не зря автор так долго интригует читателя, не раскрывая облик Сверхправителей. До поры сохранить эту тайну необходимо и при оформлении.

IV. Теперь по тексту. Кое-где не могу согласиться с Вашей правкой, вынуждена править в наборном экз. (Хорошо хоть, что не в верстке.) Вы ведь знаете, мне важен каждый малый оттенок — и даже то, что на ваш взгляд пустяк, лучше нам было обсудить заранее.

1) Кое-где (дб., нечаянно) внесены лишние повторы. (Указываю нумерацию по рабочему экз., в наборном правлю.) На с. 13 вставлено: «**даже** ничем не показал», хотя строкой выше есть «**даже** не понял». На с. 27 появилось второе **только**, хотя рядом уже есть «**только** голос Лиги».

2) Напротив, кое-где Вас смущают повторы необходимые, намеренный подхват, частый у Кларка прием. Эти места опять же правлю.

3) Порой правка снимает **инверсию**, прием в переводе, в русской интонации важнейший для передачи интонации автора, для стиля и настроения. Фраза возвращается к строю самому обычному, менее выразительному, сдвигается подчас и смысловое, логическое ударение. Например с. 28, 17, 79, 81. «Это серьезный вопрос» — стерто и вяло, совсем не то, что «Это вопрос серьезный». Или — аппарат по спирали начал снижаться: важно (и стоит в конце фразы, под логическим и интонационным ударением) именно **снижение**, а как именно (по спирали) — второстепенно и в конец попадать не должно, об этом сказано походя, мимолетно. На с. 233 речь о том, чтобы вернуть блеск улицам (зажечь фонари) — лишь переход к более широкому, уже не об одних

¹ Серия издательства «Молодая гвардия» «Библиотека современной фантастики».

улицах — вернуть видимость жизни городам, стране, обезлюдившему миру, перетяжка этот смысл образа мельчит и уничтожает. Привычный, стандартный порядок слов я везде меняю не зря, а ради эмоциональной окраски, смысловых ударений, даже ритма, который ведь присущ и прозе. Надо помнить и о фонетике, например на с. 11 появилось сочетание их психологи — и фраза чихает!

4) Не стоит бояться отступлений от привычных слов и оборотов (тут я боюсь еще и корректоров). Не надо в речи (хотя бы и полковника), на с. 3 разговорное **так?** менять на книжное **не так ли?** На с. 13 **невинные** — совсем не к месту, речь именно о виноватых и **невиноватых!** На с. 22 речь о **распоряжениях**, посланных Стормгрену, чуть ниже они же и есть послания с неба, а отнюдь не посланцы неба! Если на с. 11 у меня неудачен плод гения, не стоило заменять его тяжелым **порождением**, не посоветовавшись со мной, переводчик ведь может найти и какой-то иной, свой ход. И уж совсем не понимаю, почему, не спросив меня, на с. 9 вместо короткого и верного подлиннику «А весь наш мир не един» поставили тяжеловесное и неуместное в этом разговоре «**чего не скажешь о всем нашем мире**».

Сдвинут смысл при правке на с. 32: Кареллен от них (исполнителей) ничего не узнает, потому что они и сами ничего не знают. А «не добьется» совсем не то! Словно он чуть ли не станет пытаться их на следствии! Есть и еще подобные сдвиги.

Словом, там, где правка вызвана необходимостью по смыслу (напр. в начале двигатель вместо мотора), могу только поблагодарить. Но там, где она стилистическая, вкусовая, выпрямляет фразу по стандарту, снова убедительно прошу **БЕЗ МЕНЯ НИ ОДНОЙ САМОЙ МАЛОЙ МЕЛОЧИ НЕ МЕНЯТЬ**. Конечно, есть и стилистические поправки, с которыми я согласна (и спасибо за «запестрели», с. 26!), но все равно давайте их обговаривать вместе, чтобы не пришлось мне на какие-то неожиданности наталкиваться уже в верстке. Очень прошу!

Еще ряд пожеланий — в основном к корректорам.

Понятно их старание добиться единообразия. Но оно невозможно например, в написании Солнце и Луна. Одно дело — **солнце закатилось**, луна зашла в обыденном смысле, глазами землянина, — и совсем другое в астрономическом значении, в космических масштабах: Солнце **взорвалось** (или погасло), Луна стала **вращаться**. Отсюда в тексте «разнобой», который важно соблюсти!

Там, где к «галочке» — замечанию корректора по пунктуации не ставлю ни плюс, ни минус, пусть решает. Но кое-где общепринятая **норма не годится!** Например, обычные запятые вокруг «вводных» слов и оборотов вроде **несомненно**, уж **конечно** убивают интонацию там, где слова эти **не второстепенны**, не «между прочим» сказаны, а **сами несут на себе важнейшее логическое и эмоциональное ударение!**

Прошу с такими, везде отмеченными, исключениями из правил непременно СЧИТАТЬСЯ.

Н. Галь

3.II-70

Дорогая Белла Григорьевна! (Клюева, «Молодая гвардия»)

Если помните, вместе с рецензией на Баржавеля я Вам послала рассказ Р. Голана «Покинутый корабль» в пер. Р. Облонской — это было в конце ноября, — и еще до этого свой пер. «Крыльев ночи» Лестера дель Рея.

К этому прибавляются:

1) Кл. Саймак — «Разведка», печатается во 2-м номере «Нашего современника») — рассказ не без юмора, но мысль вполне серьезная — об ответственности каждого человека за все человечество.

Две юморески: 2) Д. Плектей «Не нашей работы» (напечатан в конце 1968 г. в «Химии и жизни», — кстати, в том же журнале в № 5 за 1969 г. напечатаны и «Крылья ночи» — с сокращениями) и 3) А. Азимов — «Мой сын — физик» (напечатан в № 12 «Вокруг света» за 1969 г.).

4) Уаймен Гвин — «Планерята» («Вокруг света» № 2, 1969 — там были небольшие сокращения, рассказ, по-моему, очень славный; его собираются с сокращениями дать по радио для школьников).

5) На всякий случай посылаю Вам еще рассказ, напечатанный в № 1 — «Фантастическом» — «Иностранной литературы» за 1967 г. — Уильям Тенн «Недуг» — рассказ, по-моему, отличный, умный, была сделана небольшая «ситуационная» правка, на всякий случай поглядите — вдруг подойдет.

6) Где-то в Ваших запасниках, помнится, до сих пор лежит «Старинная ваза» Табба в пер. Э. И. Кабалевской — не взглянете ли на нее заново?

Если что-то из всего этого ПРИГОДИТСЯ — чудесно, будем ждать вестей. Если нет — когда это окончательно выяснится, пожалуйста, верните рукописи — ладно?

Всего Вам доброго!

Н. Галь

9.X-72

Дорогая Нора Яковлевна!

С запозданием и с извинениями шлю Вам последнюю продукцию нашей редакции: не смогла дочитать 20-го и 21-го томов. 22-й — В. Савченко «Открытие себя» — Вас, наверное, не особенно интересует. По-

сылаю все что есть: 23-й, В. Полупаева (из Томска, инженер), С. Павлова (из Красноярска, писатель) и Кира Булычева (московский ученый, оформление его жены).

Нора Яковлевна, я сдала в производство 25-й том БСФ — на этом подписное издание кончилось. Что же остается на будущее? Началась (или вот-вот начнется) подписка на И. Ефремова, Собрание сочинений в 6-ти томах. Советские фантасты. Сборники. В 1973 году издадим «Пропавшего» Ф. Нибела в переводе Мендельсона Ф. Л. На будущее планируем Кл. Саймака, Р. Брэдбери и три тематических сборника: «Лунариум», потом о Марсе и Венере. И советские, и зарубежные, и современные, и прошлые фантасты об этих планетах. Если у Вас есть что-нибудь на примете, жду Ваших предложений.

Будьте здоровы, с искренним уважением

Б. Клюева

* * *

29.V-72

Дорогая Лариса Георгиевна! (Беспаловой о повести Ф. Нурисье «Хозяин дома»)

Я поймала и исправила кое-какие огрехи, убрала прежде не замеченные повторы, кое-что меняла, но такой правки совсем мало. Была и дурацкая ошибка скандальная (стр. 421). А в целом, кажется, книга вышла. Я от нее сильно отвыкла, подзабыла, сейчас читала почти как новое и не свое — и она (сама книга) опять меня взяла за живое. Еще раз спасибо Вам за то, что доставили мне эту радость, увы, редкую — работать над тем, что интересно и по душе! И вместе мы поработали, думаю, хорошо и с толком — уже 2-й раз. Если есть бог издательского дела, если он, по пословице, троицу любит и не станет ждать еще 9 лет, как от «Пересмешника» до «Хозяина» (такие сроки мне уже не по возрасту...) — признаться, я была бы очень и очень не против!

Теперь еще по существу. Боюсь, придется дать небольшой бой корректорам.

1) Книга современная, внутренний монолог, часто тут невозможны «» (кавычки), особенно, когда герой цитирует СЕБЯ. Местами необходимо отступать от школьных правил.

2) То же о ТИРЕ. Кое-где мирюсь (где корректор снял), а кое-где восстановить необходимо!

3) То же о мягком знаке в словах вроде «терпенЬе». По новым правилам и у Пушкина — чудное мгновениЕ?! В просторечии Фромажо, в иных возгласах Хозяина, да и для ритма кое-где Ъ необходим!

Правку в этом смысле спорную или такую, где особенно боюсь ошибки, обычно беру в кружок.

4) для ТЕХРЕДА. В ряде мест пропущены слова и даже строки. Как бы при переборе, при перекидке со стр. на страницу не пропали отбивки, между текстами Фромажо и Хозяина или внутри монологов Хозяина. Можно отступить не на 2 строки, а на одну, но без этих пауз и просветов никак нельзя! особенно — стр. 449.

На стр. 345 (р. 31) мне чудится стихотворная цитата (Туча — откуда? Бог весть... — омрачила сияние дня). Но нигде не нашла. Мб, это у меня заскок. Нет ли у вас «спецов» по французской поэзии?

Чуть странно — так жирно посвящение на отдельной странице. А каковы будут заглавия повестей? С рисунками? И где указано, кто что переводил — в оглавлении? (Не спрашивала бы вовсе, но напугана старой историей с Брэдбери, где у меня оказалась солидарная ответственность с Шинкарь).

Кажется, все. Ох, с каким нетерпением буду я ждать выхода этой книги! — Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

4.4.74

*Научно-художественный ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики «Вокруг света»*

Уважаемая Нора Яковлевна!

С чувством глубочайшего сожаления и со стыдом возвращаю Вам Ваш перевод рассказа Брэдбери.

Приручайте нас.

Всего Вам лучшего

В. Стеценко

* * *

30.IV-74

Уважаемая Татьяна Эдуардовна!

(Ланина, «Художественная литература»)

Посылаю Вам все 4 эссе Камю, буду ждать Ваших замечаний. Грустно, что придется делать еще такую сложную и малоприятную работу — сверять французский текст с изданием «Плеяды», жаль, что нельзя было сразу по нему переводить.

Несколько моих замечаний и сомнений:

1) Не удивляйтесь, что первое название — Миндальные РОЩИ. Неизвестные у нас деревья (рожковые, мастиковые) я так и назвала, но миндальное ДЕРЕВО по-русски звучит странновато (яблоневое ДЕРЕВО?!), а просто «миндаль» воспримут как плод, орех.

2) Я не специалист по Ницше, знакомые германисты почти не могли мне помочь, и я не во всем разобралась. Писать дух упадка невозможно при том, что тут же дух в другом значении. Не вполне уверена, что вкус (!) достаточно расшифровать как **взыскательность**. И, главное, не знаю, что у Н. может значить «монд» — да притом в «»! (стр. 3)

3) Не могу добраться до Лукиана, поэтому эпиграф перевела сама, а мб. есть русский «канонический» перевод (это уже о Прометее). Здесь же (стр. 1) худо с «ремеслами» и «техникой», я пока ставлю одно и то же слово, но по-русски выходит не ахти, мб, придется отказаться от повтора и во 2-м случае сделать прямо «технику». Но повтора жаль, а в 1-м случае «техника» смешновата.

4) Не знаю кое-каких алжирских реалий (названия улиц и кварталов, вид террас — почему там красное и белое — начало стр. 2 «Лета»).

5) Безусловно не нужно примечание к стр. 9 «Лета» (стр. 65/6 в книге) — недаром оно не под строкой, а вынесено совсем отдельно. Главная его прелесть для французского читателя, несмотря на все авторские оговорки, все же в жаргоне, уверена, что это никому не нужно.

Текст достаточно труден, были у меня разные сложности и сомнения, если и Вы на них «споткнетесь», подумаем вместе.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

21/X-76

Ленинград, Фонтанка, Н. А. Чечулиной

Уважаемая Нина Александровна!

Я рада, что Лениздат выпустит большой, серьезный однотомник Сент-Экзюпери. Но огромная просьба: непременно присылайте мне корректуру, я все внимательно посмотрю, выправлю и верну без задержки. Ко всякой своей работе и особенно к самой любимой — к переводам С/Э я, признаться, отношусь ревниво, мне горька любая опечатка и ошибка, пусть даже в запятой или тире — поэтической интонации С/Э все это важно! И **ОЧЕНЬ** важно, чтобы в «Маленьком принце» рисунки попадали **ТОЧНО** в нужное место текста, это уже просьба к техредактору.

К счастью, у меня нашелся запасной машинописный экземпляр «Письма заложнику» — посылаю его Вам.

Хотелось бы знать, насколько «популярным» или «академичным» будет Ваше издание? Уже после московского однотомника 1964 г., в «Планету людей» 1970 года («Молодая гвардия») я перевела кое-какие воспоминания друзей и соратников С/Экса, (в том числе Л. Верта, которому посвящен «Маленький принц»), может быть, стоило бы у Вас дать

какие-то выдержки оттуда? Они многое дорисовывают в облике писателя и человека, необыкновенно интересного, дополняют написанное им.

И еще у меня сохранились, тоже взятые из воспоминаний о нем, три странички, которые на всякий случай посылаю. Известно, что С/Э был очень требователен к себе и сильно сокращал свои тексты, добиваясь большей краткости, лаконизма. Прилагаемый отрывок из «Планеты людей» сам по себе превосходен. Но кто-то из друзей спросил автора — а не кажется ли ему, что эти страницы несколько замедляют ход повествования? И С/Э их вычеркнул! Мне кажется, это очень выразительный, как говорится, штрих к портрету и можно бы дать эти странички в примечаниях.

Н. Галь

* * *

Уважаемая Нина Александровна! (Чечулина)

Возвращаю Вам верстку «Планеты людей». К сожалению, ошибок довольно много. Хуже всего не обыкновенные грубые опечатки, их, наверно, заметят и корректора. Гораздо неприятнее сдвиги, которых могут и не заметить или посчитать «несущественными». Для очень поэтичной, насыщенной мыслью и чувством прозы С/Экзюпери важны, как в музыке, и паузы — абзацы, отбивки, — и повторение какого-нибудь и, и ритм фразы, ее настроение, которые подчас зависят от какого-нибудь **меж** вместо **между** или **скорей** вместо **скорее**. Поэтому **ОЧЕНЬ ПРОШУ** тщательно **перенести всю правку**, ни одной мелочи не упускать. Будь мы с вами не в разных городах, я могла бы подробно объяснить каждую такую мелочь, на расстоянии это сделать трудно. Пожалуйста, поверьте мне на слово — над С/Э я работаю скоро уже 20 лет, к каждому изданию все заново пересматриваю, пытаюсь сделать лучше — и уж во всяком случае не терять того, что найдено.

Новой моей правки (такого, что не внесла в расклейку — не успела или не заметила) ничтожно мало. В нескольких местах, где виновата типография, я даже немного меняю текст, чтобы легче исправить ошибку, показываю, за счет чего восстановить потерянное — абзац, отбивку и пр. Отступить при пропуске отбивки надо, в крайнем случае, не на 2, а на 1 строку, но, повторяю, отбивки и абзацы, отмеченные мною, необходимы!

Не знаю, откуда взялись изменения, например на стр. 187 (другой оборот), 266 (множественное число) — мб., набрали по ошибке более привычное, так же как на с. 263 **формИРовало** и **связЫВАЮщие** или дважды **приУчат** вместо **приРУчат**? Но это все невозможно, очень Вас прошу проследить за корректорами! Я никогда не сомневалась в высо-

кой культуре издательского дела в Ленинграде и очень надеюсь, что од-
нотомник С/Э у Вас выйдет без огрехов.

Может быть, если у Вас возникнут какие-то вопросы и сомнения,
Вы еще успеете мне написать? Или позвонить. Я почти не выхожу из
дому.

Всего Вам доброго! Жду остальной верстки.

С уважением

Н. Галь

* * *

20.IV-77

Уважаемая Нина Александровна! (Чечулина)

Возвращаю конец верстки Сент-Экса. Очень прошу исправить все,
что я пометила — как я уже писала Вам в связи с «Планетой», для этой
прозы, которая куда поэтичней, чем многие и многие стихи, нет оттен-
ков неважных! На первой же странице «Письма...» будничное, после за-
пятой, КАК улыбается мать, совершенно губит интонацию, у меня ведь
было иначе! И письмо это называется «Письмо заложнику» без всякого
К! И неведомо откуда взявшееся «просто» на стр. 398 надо убрать — но,
конечно, не перебирать абзац, а только разогнать одну эту строчку (ког-
да это нужно техреду «для красоты», он еще и не так разгоняет!). Я пре-
красно понимаю, что правку надо как-то компенсировать, и всюду,
где можно, это делаю, даже когда вина не моя, а типографии. Но очень
обидно портить сорок раз взвешенную и выверенную интонацию! На
стр. 403 пропущенное ЖЕ настолько необходимо, что в крайнем случае,
если иначе не вобьется, снимите ОНО, хотя это тоже портит и обидно.
Пропущенные строки на стр. 408 вставить не так уж трудно, тут воз-
можна довольно простая перекидка двух строк, третью надо вставить,
уменьшив пробел перед новой главкой — некрасиво, конечно, но цель-
ность текста важнее.

В «Маленьком принце» совершенно недопустимо «терять» абзацы!
Очень важно поставить на место рисунки, некоторые попали даже не
в ту главу! Очень мешают неверные знаки препинания. И совсем не-
понятно, почему напечатаны в подбор, в одну строку, даже реплики
разных персонажей, или основной текст и курсив — «послесловие»
в конце. Все это просто невозможно! Очень Вас прошу, последите за
корректором, художником, техредом, пускай отнесутся к «Маленькому
принцу» бережней! — Ведь это не только мое «любимое детище», сказку
хорошо знают и дети и взрослые, давно любят, тираж ее подкатывает
под 2 млн — и слишком обидно в одном из культурнейших наших изда-
тельств, в Ленинграде, на 19-м году существования перевода выпустить
ее с какими-то совсем ненужными «накладками».

Сможете ли Вы прислать мне сверку? И смогу ли я, кроме авторского экз., получить 5 экз. за деньги? Очень об этом прошу!

Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

20.XII-77

Глубокоуважаемая Нина Александровна!

Недели три назад «Книжное обозрение» объявило о выходе од-
нотомника С/Экзюпери. Помню Ваше доброе письмо и обещание по-
мочь мне и М. Ваксмахеру с экземплярами. Меня спрашивала о книжке
и переводчица А. А. Поливанова, наследница покойной М. К. Барано-
вич¹ — если я получу несколько экземпляров, а ей отдельно не доста-
нется, я, конечно, ей дам. Очень надеюсь на 5 или 6! Деньги вышлю по
первому Вашему слову. Но пока, мб., в издательстве еще нет достаточ-
ного количества, большая к Вам просьба — мб, можно получить хотя бы
один авторский? Хоть увидеть эту книгу, взять в руки — Вам, мб, по-
кажется даже забавным мое нетерпение, но уж очень я мечтала, чтобы
три едва ли не самые дорогие для меня работы вышли, наконец, в одном
переплете, до сих пор этого еще не было, очень жду!

Всего Вам самого доброго в наступающем Новом году!

С уважением!

Н. Галь

* * *

К верстке «Хозяина дома»

стр. 2, Имеете в виду... когда платил за свой ДРАНДУЛЕТ.

стр. 5, конец (перед отбивкой Не стану корчить мудреца) пропасть,
обуза. СЛОЖНАЯ ВЯЗЬ (вместо ХИТРОСПЛЕТЕНИЕ!)

стр. 8, абз. Лист и Венгрия — мб, Шопен, концерт а-молл.

стр.11. абз. И это жизнь — ну не смешно ли? ДА ВЕДЬ ЭТО НОЛЬ
БЕЗ ПАЛОЧКИ, мрамор улыбки... (вместо СКОРЕЕ ДЫРКА ОТ БУ-
БЛИКА)

стр. 17, абз. Был дом на улице Драгун... я забыл в стенном шкафу
ТАБЛЕТКИ от кашля (вместо ПАСТИЛКИ)

стр. 28, конец (перед отбивкой «Мы приехали под дождем»). Дети
зажимают уши. (ЛАДОНЯМИ — СНЯТЬ!)

¹ Переводчицы «Южного почтового» Сент-Экзюпери.

стр. 38, абз. Не забыть мне то первое утро! мосье Ру надел круглую ШАПКУ ВРОДЕ ТЕХ, В КАКИХ ХОДЯТ РУССКИЕ (говорят, «шапочку русского фасона» — не понятно!)

стр. 46, верх (к концу рассказа Фромажо о Бенисте) — **исправлено ли**: молодчики... разыгрывают знатных деляг, И РАЗНЫЕ МИТТЕРАНЫ И ТИКСЬЕ, и все подряд —?

стр. 53, абз. Я верчусь в своей жизни... остатки С БРАЧКОМ (вместо — с ИЗЪЯНОМ!)... в ПЛАТУ входят (вместо в ЦЕНУ)... Женевьева ВЗДОХНЕТ СВОБОДНЕЕ (вместо Женевьеве СТАНЕТ ЛЕГЧЕ ДЫШАТЬ!) — и в следующей фразе, стр. 54:... непосредственность, не так ли, тра-ля-ля (или, если слишком мало разницы с дальнейшим тру-ляля — тирим-пам-пам, но АЙ-ЛЮЛИ, ЛЮЛИ — долой).

стр. 57 (перед абз. Продадут ли мои Лоссан) — какого-нибудь ГОСПОДИНА в летах (вместо МИЛОСТИВОГО ГОСУДАРЯ)

стр. 84 — увы, надо сноску! Иначе примут за неграмотность! Придется как-то пояснить: Автор (вернее герой) острит: Жорж Санд по мужу Дюдеван, но когда говорят — урожденная — принято, конечно, называть не имя (Аврора), а фамилию — Дюпен.

* * *

8.X-76

Уважаемый товарищ Чалтабаев!

Вот уже полгода, как в Вашем издательстве вышла книжка Сент-Экзюпери, «Книжное обозрение» объявило о ней в конце апреля. И уже месяц, как Вы письмом обещали, что гонорар будет перечислен «при первой возможности». Авторских экземпляров я тоже не получила и до сих пор не знаю, в каком виде вышли мои переводы.

Даже неудобно напоминать о простой истине: все это — беспримерное неуважение к литератору и его правам. Когда же у издательства «Кыргызстан» найдется, наконец, «первая возможность» выполнить свои обязанности перед человеком, чья работа уже *полгода* как выпущена в свет?

Надеюсь, что Вы безотлагательно распорядитесь выслать мне книги и деньги.

С уважением

Н. Галь

Уже допечатав это письмо, совершенно случайно узнала, что на изданной у вас книжке нигде *не указано имя переводчика!*

Теперь понятно, почему мне не спешат послать авторский экземпляр.

Не говорю уже, что нарушены и закон об авторском праве, и простейшие правила издательской культуры. Но откуда такое неуважение к труду переводчика именно в республиканском издательстве? Ведь если бы не мы, переводчики, произведения киргизских авто-

ров никогда не стали бы известны за пределами Вашей республики. Следовало помнить, что и Экзюпери не писал прямо по-русски, что кто-то вложил в изданную у Вас книжку не меньше труда, чем, допустим, корректор и все, кто назван у Вас в выходных данных. А имени переводчика, как известно, место на титульном листе, в крайнем случае — на его обороте.

Желаю Вашему издательству впредь не допускать столь грубых, непростительных ошибок.

Н. Галь

* * *

Приложение 2 к приказу Госкомиздата СССР от 18.V-76 № 199.
К СВЕДЕНИЮ АВТОРА.

Отредактированная и подготовленная к сдаче в типографию рукопись данной книги подписывается автором «в набор».

После набора и представления корректуры верстки автор имеет право внести в корректуру не более 10 процентов правки от стоимости набора в 1976/77 гг. (не более 8 — в 1978, 5 — в 1979 и 3 — в 1980), причем расходы по исправлению верстки в указанном объеме (кроме конъюнктурной и технической правки) полностью относятся за счет автора рукописи.

Примечание:

1. Данное приложение к титульному листу оригинала рукописи после подписания автором, а также редактором, зав. редакцией, хранится в делах вместе с издательским договором, заключенным с автором.

2. Выписка из приказа Госкомиздата (199, п. 1) «Сверхнормативная правка корректуры верстки не разрешается. В исключительных случаях она м. быть разрешена директором (гл. редактором) изд-ва и оплачивается автором в 5-кратном размере».

Борьба за качество!

Н. Галь

* * *

Ленинград, 15 декабря 1976 г.

Многоуважаемая Элеонора Яковлевна!

В планы выпуска на 1977 год в нашем издательстве (Лен. отд. издательства «Художественная литература») включен сборник Сомерсета Моэма (переиздание!) — «Луна и грош. Рассказы», в состав которого я включила Ваш перевод рассказа «На окраине империи». В связи с тем, что срок на подготовку издания крайне мал, прошу Вас представить

текст перевода к 15 февраля 1977 года. Расклейка нежелательна, а машинопись должна соответствовать ГОСТу — справку для автора прилагаю.

С уважением

Редактор Э. Урицкая

* * *

24.I-77

«Художественная литература» Ленинградское отделение

Н. И. Толстой

Глубокоуважаемая Наталия Ивановна! Посылаю Вам свой перевод рассказа С. Моэма «На окраине империи», как меня просили письмом от 15.XII-76 — перепечатанный в 2-х экз. Очень прошу, если у Вас будут какие-либо замечания по тексту, дать мне знать. По сравнению к текстом, напечатанным в сборнике 1961 г., я изменила сейчас очень немного, но хотела бы видеть всю редакторскую правку, даже самую мелкую. Очень прошу прислать верстку, я ее прочту и верну без задержки.

Всего доброго. С уважением

Н. Галь

* * *

Глубокоуважаемая Элеонора Яковлевна!

Получила Ваш перевод рассказа С. Моэма «На окраине империи», прочла его. Замечания у меня минимальные, но я посылаю второй экземпляр, на котором они имеются, Вам. Пожалуйста, посмотрите и, если сочтете нужным, сделайте правку чернилами, а я уж тут, в Ленинграде, перенесу на 1-й экземпляр и перепечатаю.

Так как я — индолог по специальности, то меня весьма волнует невеста бога Шивы. Что-то я ее не припоминаю. Жен у этого бога много, и они к тому же имеют различные имена.

С уважением и приветом

Н. Толстая

* * *

Глубокоуважаемая Нора Яковлевна!

Получила от Вас экземпляр перевода «На окраине империи» с Вашей правкой. Я ее внимательно изучила и согласно Вашему желанию перенесла в первый экземпляр. Невеста бога Шивы превратилась теперь в возлюбленную (его же), все прочее сделано так, как в Вашем экземпляре. Хотя в некоторых случаях я с Вами не согласна, например, «тяжкий камень скатился с его души» (почему не «свалился», что естественнее и для тяжелого камня и для русского языка?) или «княжеское гостепри-

имство» (я его оставила)? Ну, не буду Вас утомлять редакторской своей назойливостью, и надеюсь, что через несколько месяцев смогу послать Вам корректуру.

Желаю всего наилучшего.

С приветом и уважением

Н. Толстая

(Ленинград, Художественная литература)

* * *

24.II-77

Глубокоуважаемая Наталия Ивановна!

Спасибо за весточку насчет Моэма. «Возлюбленная» Шивы взамен невесты меня вполне устраивает, кажется, я и сама на обороте страницы это предлагала. Насчет того, скатывается ли камень или только сваливается — право же, и то и другое законно, у Тютчева, к примеру, «С горы скатившись, камень лег в долине» и Сизиф, помнится, тоже именно катит камень в гору, а тот скатывается вниз, а не валится. Княжеское гостеприимство мне и самой не очень по душе, но царское в тексте С. М. выглядело бы, думаю, еще более странно, а у меня, к большому моему сожалению, нет английского текста, и я не решаюсь что-то еще сочинять. Надеюсь, что если это и огрехи, то не слишком страшные.

Еще раз спасибо Вам, буду ждать верстку.

Всего доброго!

С уважением

Н. Галь

* * *

11.II-77

Центрально-Черноземное книжное изд-во — Воронеж

Уважаемые товарищи!

Мне стало известно, что в плане Вашего издательства на 1978 г. стоит книжка Сент-Экзюпери «Маленький принц» (объем 7 п. л.).

Во избежание недоразумений спешу предупредить: ни сказку, ни повесть НЕЛЬЗЯ просто перепечатывать по старым изданиям (одно-томнику издательства «Художественная литература», 1964 и даже сборнику «Планета людей», «Молодая гвардия», 1970). Для более поздних изданий я исправляла и совершенствовала перевод — и все эти поправки НЕОБХОДИМО внести в текст. Я их Вам вышлю, но прошу сообщить, к какому сроку и ПО КАКОМУ ИМЕННО ИЗДАНИЮ вы намерены готовить книгу. Лучше всего взять «макулатурный» сборник «Избранное» Сент-Экзюпери (Кишинев, 1976) — там текст проверенный и придется

вносить совсем мало исправлений (ошибки и опечатки там все же есть), я их пришлю, как только получу от Вас ответ.

К сожалению, у меня нет экземпляров, могу прислать только точный список всех изменений с указанием страниц по тому изданию, с которого Вы будете перепечатывать текст.

И еще просьба — *неприменно* пришлите мне корректуру, пожалуйста, я ее прочту и верну без задержки.

К сожалению, были случаи, когда иные издательства выпускали повесть и сказку С/Экзюпери без моего ведома — и давали читателю (школьнику!) устарелый, не выправленный текст, даже со всеми старыми типографскими ошибками. Именно поэтому я заранее прошу Вас — давайте будем работать согласованно, чтобы ребята получили хорошую, полноценную книжку. «Маленький принц» требует особенно заботливого отношения и от технического и художественного редактора: пусть рисунки будут не цветные, а черно-белые, но очень важно, чтобы они точно попадали на соответствующее место текста!

Пишу все это не только потому, что эта работа моя мне, переводчику, очень дорога. Но ведь за 17 с лишним лет Маленького принца полюбили многие тысячи людей, поэтому особенно хочется, чтобы книжка вышла хорошая!

Всего доброго. Жду вестей.

С уважением

Н. Г.

17.V-77

Уважаемый товарищ Сысоев! (Воронеж)

Спасибо за быстрый ответ, но, не скрою, он меня удивил.

Вы пишете: «найти хоть одно издание с черно-белыми рисунками нам не удалось. Видимо, таковых изданий вообще не было». Между тем, таковых было уже около десятка — узнать об этом можно было хотя бы через Книжную палату, а еще того проще — обратиться ко мне, переводчику (адрес и телефон есть в Справочнике Союза писателей).

К сожалению, некоторые издательства обращаются с переводной литературой так, словно переводчика на свете не существует. Вот, к примеру, во Фрунзе догадались, что и по изданию с цветными рисунками можно сделать черно-белые — и повторили это старое, 1964 г. издание без моего ведома. Между тем, я с тех пор, для новых изданий, многое правила, меняла, шлифовала. Издательство не спросило меня, хотя этого требует и простейшая культура издательской работы и попросту закон об авторском праве. Корректуру, конечно, не прислали, о выходе книжки я узнала, когда она уже поступила в продажу. Вот и вышла она с устарелым текстом, да притом с грубыми ошибками и опечатками.

И вот что показательно: на ней указаны и худ. редактор, и тех. редактор, и корректор, но нигде, даже в выходных данных, нет имени переводчика! Как будто Сент-Экзюпери писал прямо по-русски!

Разумеется, если Вы исключили Сент-Экзюпери из плана, я не стану Вам его навязывать. Но я пишу все это и посылаю книжку, чтобы напомнить: переводчик — это полноправный литератор, автор переводного текста. И когда в Ваш план попадает любая переводная книга, желаю Вам впредь не забывать эту простую истину и заранее сообщать о Ваших намерениях переводчику. Качество книги, автор ее и читатели от этого только выиграют.

С уважением

Н. Галь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

19 сентября 1977 г.

Глубокоуважаемая Элеонора Яковлевна!

Редакция Краткой Литературной Энциклопедии просит Вас просмотреть копию наборного оригинала Вашей статьи, помещаемой в 9 том Энциклопедии, внести необходимые исправления, не увеличивая общего объема статьи, обновить библиографию, завизировать статью и выслать нам ее обратно возможно скорее (не позже 2—3 дней после получения).

Просим тщательно проверить правильность ударения, написания текстов на языке оригинала, правильность дат (старый и новый стиль) и место рождения и смерти писателя (с учетом нового территориального деления).

Просьба указать также дату окончания писателем ВУЗа (техникума), 9 том идет безграничным методом, поэтому другие корректуры мы не сможем, к сожалению, прислать Вам.

С уважением

Научный редактор

КОМИТЕТ ПО ПЕЧАТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР
РЕДАКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

12 марта 1979 г.

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

Наше издательство действительно выпустило сказку Сент-Экзюпери «Маленький принц» в Вашем переводе. Причем текст был набран по изданию «Школьная библиотека», издательство «Кыргызстан», Фрунзе,

1976 г. (Антуан де Сент-Экзюпери. Планета людей. Маленький принц.) с поправками, которые сделали Вы специально для нас в 1977 году. К сожалению, выслать Ваш исправленный вариант перевода не можем, но один наш экземпляр «Маленького принца» прилагаем.

Гонорар перечислен Вам по указанному Вами адресу.

Всего наилучшего в жизни и творчестве!

С уважением

Зав редакцией П. Сысоев

* * *

Уважаемая Лидия Андреевна! (Плотникова, Лениздат)

В пятницу 26/1 отправила Вам двумя заказными бандеролями «Американскую трагедию» (один экз. — чистые листы, другой — два готовых тома), карандашную правку на полях легко будет после расклейки стереть.

Еще раз очень прошу внести ВСЕ поправки. На такую огромную книгу их ничтожно мало. Не было бы вовсе, если бы мне давали возможность все, что я считала нужным, исправлять в предыдущих изданиях.

В отосланный текст не попала еще одна поправка, пожалуйста, внесите в расклейку: т. II, стр. 280, перед большим последним абзацем надо убрать застрявший там от старого перевода ПЕЙЗАЖ! Он фальшив, просто колом торчит. Строки 22—21 снизу должны быть такие:

Он отвернулся И СТАЛ СМОТРЕТЬ НА ФЕВРАЛЬСКИЙ СНЕГ ЗА ОКНОМ.

И после этого необходим пробел хотя бы в одну строку.

Есть еще один огрех: в 3-й части Клайд записывается в одной гостинице как Карл Грэхем, чтобы совпали инициалы. По-английски-то Чарлз начинается с той же буквы, но получилось имя немецкое! Так было в довоенном переводе Вершининой и так оставалось. Слишком поздно мне пришло на мысль английское имя КАРЛТОН (есть, например, в «Саде радостей земных» Дж. К. Оутс), но в обоих гослитовских изданиях уже нельзя было менять.

Так вот, если Вы сочтете возможным, выловить этого Карла и заменить на КарлТОНа нетрудно: имя встречается в т. II на след. стр. — 41 (середина), 59 (3 раза), 67 (сверху), 68 (снизу), 71 (середина), 82 (середина, 2 раза), 90 (середина), 91 (снизу), 92 (2 раза), 95 (снизу), 102 (середина), 165 (середина), 182 (сверху), 200 (сверху) и 220 (снизу).

Пожалуйста, дайте мне знать, когда будет верстка!

Прочту и верну сразу. Очень надеюсь, что Ваше издание станет окончательным и мне больше не придется «чистить» этот злосчастный перевод. Хоть на нем и стоят по-прежнему две фамилии, но я переписа-

ла все 50 листов несколько раз, и если еще остались какие-то сучья и задорины, то уже не покойной Вершининой и не мои тех времен (1947!), когда я впервые должна была взяться за эту трагедию, а — самого Драйзера, стилиста отнюдь не великого.

Всего Вам доброго!

С уважением

Н. Галь

* * *

От Е. В. Осеневой
15.XII-79

Уважаемая Нора Яковлевна!

Посылаю Вам дубликат верстки Маккалоу (рабочей еще нет). Читайте, я тоже читаю — после этого нам надо будет кое-что обсудить — у меня уже кое-что есть. Попутно я пытаюсь узнавать и проверять некоторые реалии.

Посмотрите эротические места. В Ваше отсутствие я совместно с Телятниковым (по требованию Телятникова) их еще «смягчала». Старались делать это минимально, но все-таки делали. Если не согласитесь — напишите свой вариант, но немножко «смягчить» по сравнению с Вашим первоначальным, видимо, необходимо. Английский текст также посылаю.

С уважением,

Е.В. Осенева

* * *

26.III-79

Уважаемая тов. Шарова! (Хабаровское книжное издательство)

Деньги и книжку получила, большое спасибо.

К большому моему облегчению, Вы действительно выбрали удачно — текст «Знания» — 77 один из лучших, хотя и там есть несколько мелких типографских небрежностей. Но, надеюсь, Вас не обидит, если я, человек, работающий в литературе уже почти полвека, дам один совет (он, впрочем, вполне совпадает с законом об авторском праве): при любом переиздании надо ВСЕГДА предупреждать переводчика заранее. Да, от Москвы до Хабаровска не близко, но можно даже не присылать корректуру, а только назвать издание, которое Вы хотите взять за основу — и я (как любой переводчик, который хочет отвечать всерьез за свою работу) пришлю перечень поправок с точным указанием — где и что надо исправить. Ведь, к примеру, ни Дж. Лондон, ни «Смерть героя» Олдингтона, ни даже злополучная «Американская трагедия» Драй-

зера в последних изданиях по разным техническим причинам и из-за издательской спешки не выправлены до конца! Даже в лучшем «макулатурном» издании Драйзера надо еще внести кое-какие поправки, а в однотомном — и того больше!

А за «Планету людей» еще раз большое спасибо.

С уважением

Н. Галь

* * *

2.II-80

Издательство «Книга»,

Е. В. Ивановой

Уважаемая Евгения Васильевна!

Хорошо понимаю, что Вы очень заняты, прошу извинить, что приходится отнять у Вас какое-то время. Это письмо — *не упрек и не жалоба, а вынужденная просьба.*

Я очень благодарна Вашему издательству и Вам за доброе отношение к моей работе. Уже на первые два издания «Слова» (отрывки из него печатал еще и журнал «Наука и жизнь») откликнулись почти полтораста читателей. Меня буквально засыпают новыми материалами, подчас в чем-то и поправляют, советуют, я знаю, что книжкой моей пользуются как справочником, пособием и в разных редакциях, и на филфаках, даже в школах. Теперь вышло 3-е издание, Вы дали мне возможность его исправить и дополнить — большое спасибо!

Но сейчас я очутилась в положении невозможном. Независимо от общественного порядка насчет «ответов на письма трудящихся», как бы я ни была занята или больна, на письма — тем более деловые — всегда отвечаю НЕМЕДЛЕННО. И вот 1 февраля 1980 г. получаю письмо от читательницы, работающей в Москве, в Ленинской библиотеке: пишет она мне по существу, а в конце — поздравление с Новым годом и дата — 12 декабря 1979! На письме пометка «639, 19.12. 1979», значит, наверно, тогда же, т. е. сразу, его посмотрели и Вы, Евгения Васильевна, за что опять-таки Вам спасибо. Благодарность читательницы относится и к Вам и к Вашей редакции. А вот на сопроводительной записке с подписью «Мл. ред. О. Почтовик» дата отправки мне — 30 января!

Я вполне уважаю профессию младшего редактора О. Почтовика, наверно, он (или она) тоже человек занятой, и право же, мне сейчас не до каламбуров, но с издательской почтой этому товарищу следовало бы обращаться аккуратнее и пересылать ее по адресу быстрее. Вероятно, на мое имя придут и еще письма — и я совсем не хочу выглядеть в глазах читателей чванным бюрократом, который по *полтора* месяца не достаивает их ответом!

Очень прошу как-то изменить это положение, оно обидно и несправедливо по отношению и к авторам писем и к автору книжки.

Всего Вам доброго!

С уважением

Н. Г.

* * *

*Государственный комитет РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО*

17.02.81

Гальпериной Э. Я.

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

Приволжское книжное издательство планирует выпустить в 1982 году книгу А. де Сент-Экзюпери, в которую должны войти роман «Земля людей» и сказка «Маленький принц» в Вашем переводе. Если у Вас нет возражений по поводу переиздания вышеназванных произведений, то для оформления договора сообщите, пожалуйста, следующие сведения:

- 1) серия и номер паспорта, где, когда и кем он выдан;
- 2) год рождения.

Возможно, у Вас есть пожелания, с какого издания делать или не делать расклейку. Напишите.

Всего Вам доброго.

До свидания!

Редактор детской литературы О. С. Казакова

* * *

23.II-81

Уважаемая товарищ Казакова!

(К сожалению, Вы не сообщили своего имени и отчества.)

Спасибо за своевременное письмо. Иногда, увы, я узнаю о переиздании своей работы, когда она уже вышла — без моего ведома, согласия и совета, с ошибками, а иногда и без фамилии переводчика. Рада, что в Вашем Издательстве заинтересованы в качестве книги и соблюдают закон об авторском праве, для меня это тем важнее, что переводы Сент-Экзюпери — одна из самых любимых моих работ. Сказка переведена еще в 1959 году, «Планета людей» в 1963, но, хотя и говорит в сказке мудрый Лис, что «нет в мире совершенства», я много раз для новых переизданий правила и шлифовала текст — и очень хорошо, что Вы спросили, какой текст взять на расклейку.

Сейчас в издательстве «Знание» повторяют издание 1977 года, оно — одно из лучших. Туда как раз и входят «Планета людей» и «Ма-

ленький принц» («Земля» — название неверное, это был перевод Г. Велле 1957 г., но уже для однотомника 1964 «Художественная литература» просила меня о новом переводе). Думаю, Вам легче всего будет достать именно это новое издание. Кажется, единственный его недостаток — не вошел один чудесный рисунок автора, постараюсь Вам его прислать, когда у Вас будет расклейка. Кроме того, там приложена крохотная главка «Планеты», не вошедшая ни в одно другое издание, — если она покажется Вам лишней, можно печатать без нее. Можно (если захотите) дать небольшую справку о С/Экзюпери, написанную мной как послесловие к давним изданиям «Детской литературы» и перепечатанную как предисловие к изданию 1979 (однотомник «Правды»), в этом случае надо исправить одну корректорскую досадную ошибку. Вообще большая просьба: НЕПРЕМЕННО ПРИШЛИТЕ КОРРЕКТУРУ, я верну ее немедленно. В каждом наборе случаются шероховатости, заметные только автору (переводчику), м. б., придется подбирать «висячие» строки и пр. — это я сделаю сама быстро и аккуратно.

Всего доброго!

Н. Галь

* * *

3.IX-81

Уважаемая Тамара Павловна! (Блантер, «Художественная литература»)

Верстку «Дженни» прочла всю (и за Марию Федоровну*) [*Лорие]. Исправила опечатки и ошибки. Там, где набор очень тесный и пропущенный знак или слово могут не влезть, предлагаю замену или способ выйти из положения. В 2—3 случаях в строке, где все равно опечатка, меняю еще какую-то мелочь. Еще в 2—3 местах были ошибки в тексте, с которого печатали, прежде не выловленные. И еще в 2—3 местах правлю мелкие огрехи самого перевода, раньше не замеченные. Убедительно прошу исправить ВСЕ.

В нескольких местах (очень бледно на сером тексте) заметила пометку «короче» — видимо, техреду не хватает положенного числа строк. Перебирать ради этого несколько строк — велик риск новых опечаток и ошибок. При обычном наборе можно бы сделать строки чуть реже, на шпонах. Но как при фотонаборе — не знаю. Советуют:

[...] И еще вопрос, очевидно, уже не только к Вам и относящийся, возможно, ко всей серии.

На титуле я вижу фамилии автора послесловия и художника. А где ставятся имена переводчиков? Опять, как в иных изданиях, бисером в оглавлении? Спрашиваю отнюдь не из личного тщеславия. Это вопрос

общей культуры — и издательской и *читательской*, которую ведь тоже обязано воспитывать издательство.

И послесловие и оформление — это, так сказать, соус, приправа к блюду, без которого они вообще не нужны, без которого нет книги, — к ТЕКСТУ. А текста нет без работы переводчика. Уважению к этой работе «почтовых лошадей просвещения» учил еще Пушкин, следует учить и читателя. Но им почему-то зачастую пренебрегают издательства. Имена переводчиков ставятся петитом (знаю случай — дали и нонпарелью!), ставятся где-то на задворках. Читатель их попросту не замечает. В сборниках, где переводчиков много, имена эти естественны в оглавлении. А в отдельных книгах?

Создается впечатление, что все зарубежные авторы всех стран, во все века писали прямо по-русски!

Читатель должен знать, *кто* — плохо ли, хорошо ли — перевел книгу. А переводчик вправе — и обязан! — отвечать за свою работу. Хотелось бы знать, как обстоит дело в новой серии — и хотелось бы, чтобы об этом подумали в издательстве.

С уважением

Н. Галь

* * *

17.IX-81

Дорогая Екатерина Викторовна! (Калмыкова, «Молодая гвардия»)

Посылаю рукопись, о которой говорила, и пояснительную записку. Книжка давняя, не конвенционная, автор умер. Если кто-то в издательстве обо что-то споткнется, думаю, можно будет две-три фразы-формулировки смягчить, вообще же никаких «криминалов» тут нет, кое-кому давала читать в нашем Доме творчества — отзывы самые восторженные.

Одна просьба к Вам самой: если можно, не очень откладывая, прочтите и скажите мне — прежде всего СВОЕ мнение: подходит ли книжка для Вашего издательства и редакции. Тогда я оставлю, чтобы у Вас читали дальше. Если же, по Вашему мнению, не подходит, верните — буду предлагать кому-то еще.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

26.XI-81

Дорогая Люся! (Лозинская, «Наука и жизнь»)

Посылаю обещанного Артура Кларка. Эта его книжка упоминалась и в нашей критике, она не зря считается у него лучшей, да и просто луч-

ше написана, чем другие, у нас уже переведенные. И при всей дерзкой фантастичности (автор даже предупреждает, что развивает здесь не свои гипотезы!) многое в этой книге, думаю, весьма любопытно для тех, кого занимают пути науки и судьбы жизни в нынешнем мире.

Книжка не конвенционная, около 11 листов (1954 г.). При объеме Вашего журнала возможен, в крайнем случае, именно журнальный, несколько сокращенный вариант. Ведь даже знаменитая «Космическая одиссея — 2001 год» не только в журнале «Молодая гвардия», но и в одноименном сборнике («Мир», 1970) выходила с оговоренными в послесловии сокращениями.

Среди Ваших постоянных авторов — ученых мужей — наверняка есть такие, кто ценит Кларка и как ученого и как писателя и может дать к «Концу детства» короткую умную «вводку», это всегда на пользу.

Всегда жалела, что у меня раньше не доходили руки до этой книги, я с нее-то и стала фанатиком фантастики, она давно была у меня на примете. Думаю, Виктора Николаевича (Болховитинова) она бы очень заинтересовала.

Жду Вашего суда и звонка. Всего доброго!

Н. Галь

* * *

11.IV-82

Дорогой Морис Николаевич! (Ваксмахер, тогда — редактор в «Художественной литературе»)

Как сказал Сент-Эксов Лис, нет в мире совершенства. Только месяц назад я готовила экземпляр для кемеровского издательства — и много правила, а сейчас черкала по мелочам еще в полдюжине мест. Поэтому, конечно, никакая расклейка не годилась бы. Посылаю Вам машинопись, в которой, насколько заметила, почти не было опечаток, машинистка опытная.

ОЧЕНЬ ВАЖНО, чтобы все рисунки попали на свои места (в каких-то изданиях, например, рисунок с птицами был вынесен на титул!).

ОГРОМНАЯ ПРОСЬБА К КОРРЕКТОРАМ — не наводить школьно-грамматическую гладкость, не закавычивать там, где у меня нет кавычек, не заменять почему-то ненавистное им, но необходимое по интонации тире — протокольным двоеточием (слушали — постановили). Это ведь все-таки не учебник! И еще важно, чтобы всюду были сохранены ударения (на разных чтО и т. п.).

В «Планете» и «Письме» я так не буйствую, а тут каждый раз хочется сделать что-то еще... Буду ждать верстки, но как раз для того, чтобы ее не пачкать, сейчас все и подчистила.

Всего Вам доброго!

Рисунки я разметила, очень важно поставить на места (как в од-
нотомнике 1964) 44 и 45, на развороты — 38—39 и 46—47. Я не перепе-
чатала посвящение Л. Верту, возьмите, пожалуйста, из прежнего экз.!

ПОСВЯЩЕНИЕ и ПОСЛЕСЛОВИЕ надо набрать либо КУРСИВОМ,
либо — более узко, с отступом от полей, но непременно ОДИНАКОВО!

Н. Галь

4.X-82

Уважаемая Нина Степановна! (Дроздова)

Возвращаю гранки «Маленького принца». Сам по себе набор до-
вольно чистый. Какие-то ошибки и даже большой пропуск в конце
XIII главки были, видимо, не замечены в машинописи (мне кажется,
я пропущенное вписывала, м. б., этого не заметили именно при наборе).

КРАЙНЕ ВАЖНО проследить за размещением рисунков! Если
надо будет по техническим причинам их немного сдвигать, если пона-
добится втягивать или выгонять какие-то строки, очень прошу согласо-
вать это со мной: в технике я, проработав больше полувека в литерату-
ре, разбираюсь достаточно.

НЕОБХОДИМО оговорить, что рисунки к сказке — самого Сент-
Экзюпери (в выходных данных я вижу только «Рис. и оформл. Б. А. Дио-
дорова»). Так же НЕОБХОДИМО эпилог отодвинуть ниже и набрать,
как и посвящение, курсивом — оно ни в коем случае не должно сливать-
ся с остальным текстом!

И еще весьма существенная просьба. Не удивляйтесь, пожалуйста,
что в сказке, которая столько раз переиздавалась и так недавно Вам
представлена, я опять что-то правлю. Это не случайность и не прихоть.
Ваше нынешнее издание — особое, отобраны лучшие сказки мировой
литературы. И «Художественная литература» сейчас тоже готовит но-
вый сборник С/Экзюпери. Вот почему заново смотрела текст с под-
линником, устраняла какие-то шероховатости, неудачное соседство
и повторы (напр., СЛОВНО рядом со СЛОВОМ заменяю на БУДТО) —
чтобы сказка, которая уже стала классикой и которую Вы включили
в библиотеку лучшего, что создано в мире для ребят, в русском переводе
стала как можно ближе к недостижимому, увы, совершенству (цитирую
не просто Лиса, но и самого С/Экзюпери).

В «Художественную литературу» я отдавала текст позже, чем Вам,
и успела там все поправить. В Ваши гранки, избегая большого перебо-
ра, внесла только часть правки. Но поверьте, даже мелочи вроде замены
«хотя» на «хоть» или выброшенного местоимения — отнюдь не лишние.
Они — для более естественной интонации и ритма, для эмоционального
оттенка фразы, что в детской книге, да еще в ТАКОЙ, особенно важно.

Поэтому еще раз прошу — штрафуйте меня как угодно, но правку мою, пожалуйста, внесите!

Всего Вам доброго.

С уважением

Н. Галь

* * *

3.XI-82

Дорогая Эрна Яковлевна! (Шахова, «Художественная литература»)

Возвращаю Ш. Андерсона. Верстка довольно чистая, заметила несколько опечаток. Главная беда — то ли типография, то ли техред убрали все отбивки, а они, как музыкальные паузы, психологически и интонационно НЕОБХОДИМЫ и в рукописи были! (Впрочем, на отбивках «экономит» не только Гослит.) И теперь я вынуждена пачкать верстку и кое-где даже немного портить, потому что восстановить паузу важнее, вина тут не моя. (См. «Семена» с. 202—203, 205 и 206, «И еще сестра...» с. 346 и 353).

По своему 3-му экз. проверила — у меня было так, как правлю на с. 341, 4 св., 342, 10 снизу, 344 середина — меняли, м. б., корректора — и зря, такую (не по моей вине) правку окружаю карандашом.

Но, конечно, через 3 года увидела и какие-то свои огрехи, их стараюсь править с минимальным перебором, но поправить важно! Очень важно сохранить сложные авторские переходы от прямой речи к пересказу ее, расставить по местам столь нелюбимые корректорами тире. Везде показываю, как подобрать строку ради хотя бы небольшой отбивки, на с. 430, видимо, ИМ не просто выпало, а снято именно для «экономии» строки, но оно нужно.

Если у Вас возникнут какие-то сомнения, пожалуйста, звоните! Очень хочу, чтобы рассказы эти прошли без накладок, особенно важен для меня «И еще сестра...».

Будьте здоровы, всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

21.XII-82

г. Фрунзе, издательство «Кыргызстан», дирекция

Уважаемые товарищи!

Из «Книжного обозрения» от 17/XII-82 узнала, что у Вас тиражом 300 тыс. экз. вышла книжка А. де Сент-Экзюпери в моем переводе с предисловием М. Ваксмахера.

Ни меня, ни М. Н. Ваксмахера Вы не предупредили заранее об этом переиздании, не спросили согласия и разрешения на публикацию. Меж-

ду тем по пункту 16 типового издательского договора и по ЗАКОНУ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ издательство ОБЯЗАНО было это сделать.

Однажды Ваше издательство уже нарушило в отношениях с нами этот закон. В 1976 г. в «Школьной библиотеке» у Вас вышла книга Экзюпери без нашего ведома и согласия, даже без имени переводчика, перепечатанная по устарелому тексту 1964 г., да еще с ошибками. Гонорар и авторский экз. я получила только *через год*, потребовалось вмешательство ВААП. У меня сохранился договор № 84 от 22 апр. 1976 на издание «Планеты людей» и «Маленького принца», сохранилась и переписка с «Кыргызстаном» по поводу того издания, которая тянулась с февраля 1976 по февраль 1977! Привожу полностью письмо от 14 февр. 77 за подписью зав. редакцией худ. литературы Ш. Абдылдаева:

«Уважаемая Элеонора Яковлевна!

В книге А. Экзюпери «Маленький принц. Планета людей» по вине младшего редактора А. Сенук допущена ошибка — не указаны имя и фамилия переводчика. Просим извинить нас за досадную ошибку. Виновная освобождена от занимаемой должности. *При очередном переиздании ошибка будет исправлена, текст перевода будет согласован с Вами*».

Я подчеркнула самое важное для меня в этом письме. Да, на этот раз фамилию мою назвали, но текст ни со мной, ни с автором предисловия опять не согласовали! Почти через шесть лет повторилось то же беззаконие и самоуправство. По какому изданию теперь печатали? Может быть, опять по устарелому, повторили ошибки и опечатки — в прошлый раз их было немало, а возможно, прибавились и новые?

Похоже, что не только младший редактор Сенук относилась без уважения к труду переводчика и к закону об авторском праве. Неужели вообще таков стиль работы в издательстве «Кыргызстан»?

М. Н. Ваксмахер и я глубоко возмущены случившимся. Ждем БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНОГО ответа и объяснения, просим НЕМЕДЛЕННО выслать нам по экземпляру книги — мы должны знать, в каком виде на этот раз напечатана наша работа.

(член СП)

Н. Галь

5.1-83

В Гослит, для одностомника С/Э (под ответственность Тамары Павловны Блантер, но читает не она, а Вакс в Малеевке)

Дорогие товарищи!

Возвращаю верстку «Планеты людей». Поскольку Морис Николаевич в отъезде, должна кое-что напомнить и объяснить.

Расклейку для однотомика требовали молниеносно, править в ней не разрешалось даже ошибок того, расклеенного издания, и мы с М. Н. условились *всю необходимую правку внести именно в верстку*. А необходима она вдвойне, так как издание Худлита — образец для многочисленных переизданий (школьная библиотека и пр.).

Все типографские огрехи и опечатки я окружила карандашом, их, разумеется, надо исправить. На с. 132 и 161 чуть меняю текст, чтобы облегчить перебор, хотя вина не моя.

Необходимы отбивки, интонационные и эмоциональные паузы, пусть хотя бы в 1 строку. Там, где отбивка попадает в конец полосы, отмечаю для техреда на случай, если вдруг будет перекидка. На с. 119—120 даже подтягиваю строку, чтобы легче отбить. Жертвовать отбивками нельзя, только на двух-трех, пропущенных в наборе, не настаиваю.

Некоторыми поправками (напр., в пунктуации — тире) жертвую, зная все технические и типографские строгости. Но тот минимум, который вношу, НЕОБХОДИМ! Правлю там, где это нужно психологически, интонационно, даже подчас ритмически, ведь проза С/Э по-особому поэтична.

Замена слова (порой даже буквы) — не каприз и не мелочь, даже если меняю СНОВА на ВНОВЬ, ОПЯТЬ или ЗАНОВО, а СЛОВНО на БУДТО. Прошу поверить (а при желании проверить, поглядев рядом), что делаю это не зря, а из-за неудачного соседства или нечаянного повтора, либо ради более верной интонации. Почти все эти шероховатости замечены давно, но при многочисленных переизданиях мне не давали их исправить. Иногда, увы, о самом переиздании узнаешь только из «Книжного обозрения», когда книга уже вышла!

Подчас ради интонации или из-за фонетики необходимо изменить *порядок слов*.

Кое-где надо *снять слово*, лишнее местоимение — хорошо бы просто разогнать строку, на крайний случай показываю, как безобиднее заполнить или уменьшить пробел.

На с. 74 надо исправить *прежний* типографский пропуск.

Важно убрать огрехи нынешнего набора, резко меняющие весь тон: *нужно* какой-ТО, а не какой-НИБУДЬ (84), *вмешаТЬся*, а не *вмеШИ-ваться* (162), *спасИтель*, а не *спасАтель* (163, дважды), *объедиНИТ*, а не *объединЯЕт* (167), *ПОможет*, а не *может* (172).

На с. 121, 142, 161 очень важно изменить *время*! Самую важную правку отмечаю («так!» подчеркиваю 2—3 раза), но по сути важно ВСЕ!

Выпали (или намеренно сняты?) две *сноски* — на с. 96, м. б., можно и обойтись, но на с. 104 без сноски текст непонятен, показываю, как ее легче вставить.

Опечатки и типографские огрехи я, возможно, заметила не все, очень уж серый и пятнистый текст.

В общей сложности моей правки *не много*, но она *очень* существенна для стиля и настроения С/Э. Слезно прошу все внимательно внести! Если правка превышает нынешние скудные нормы, пусть издательство как угодно меня штрафует, лишь бы наконец очистить книгу от огрехов, хотя бы и мелких. Годами я пытаюсь их устранить — безуспешно, потому что производственники, к сожалению, заботятся не о стиле писателя, а только о технической стороне дела.

Мне не прислали с. 81, просьба ее текст проверить особенно тщательно по расклейке, а если что-то там неясно, позвонить мне. Верстку «Маленького принца» и «Письма заложнику» прошу прислать, как только она придет, не дожидаясь рабочей, чтобы не пришлось спешить, как с «Планетой» — при такой гонке опасно что-то упустить.

Если возникнут какие-либо вопросы и сомнения, пожалуйста, звоните мне!

Всего доброго. Всем — здоровья и счастливой работы в наступающем Новом году.

С уважением

НГ

* * *

9.I-83

Уважаемая Тамара Павловна! (Блантер, «Художественная литература»)

Возвращаю верстку С/Экса. В такой спешке, при сером, рябом и тесном фотонаборе, м. б., чего-то и не заметила, но заметила много всякого, включая опечатки. А мелочей тут нет, каждая буква, тире, многоточие меняют интонацию!

Начну с конца: посмотрела *примечания*. И меня очень смущает на 361 ИШтурил — *проверено ли?* Начиная с 1973 («Прогресс», сборник «С Францией в сердце») всегда шло ЭСторил.

Еще хуже — пропущенные слова! Набор тесный, вбивать их трудно, но *необходимо!* Вина типографии, пускай переберут! Придется проследить в *сверке*, не посадят ли новых ошибок.

Особое внимание нужно к «Маленькому принцу», тут *все* важно!

На с. 302, помнится, пропуск — см. оригинал, если там есть, надо вставить! Пожалуйста, внесите мою правку (ее очень мало!) — с. 304. На с. 316, помнится, было ДВА слова, можно оставить одно, но НЕ смущенный, а РАСТЕРЯННЫЙ. На 339 пропуск, вина не моя, но вставить НЕ точно (близко второе!), а СЛОВНО.

Теперь о *главном* — о *рисунках*! В нашем гослитовском однотомнике 1964 г. ВСЕ рисунки стояли на местах, в строжайшем соответствии тексту. И во всех последующих, в разных городах и издательствах — тоже, только ошибочно переставлялись 2 в конце (нужно сначала —

принц, идущий по барханам, потом — сидящий под звездой. Я давала Морису Николаевичу экз. с точной разметкой и нумерацией, надо (вместе с худож. и тех. редакторами) по нему свериться!

Если не ошибаюсь, при фотонаборе нельзя давать маленькие боковые рисунки, оборку, это жаль. И, кажется, из-за этого надо было жертвовать двумя или тремя, помнится, мы с М. Н. говорили — о слонах и одном из рис. с цветком (гл. V и VII—VIII) — обидно, но можно.

Но есть много неясного, отмечаю *на полях*. В гл IV нужны ВСЕ ТРИ рис. с астрономом — и на местах к тексту; на с. 311 (принц смотрит на закат) — к гл. VI, а НЕ к VII. На с. 313—317, по-моему, меньше про-светов, чем рисунков, а на 319 и 320 — больше, чем надо в гл. X (о короле) — если туда передвинуты, скажем, полет с птицами или чистка вулкана, по тексту нужные раньше, это *не годится!* Честолюбец должен быть в гл. XI, а не X (с. 322), пьяница — в XII, а не XIII (с. 324). На с. 336 к тексту нужны два рис., а мест для них не вижу.

На полях все сдвиги и сомнения отметила. По горькому опыту знаю, что сейчас худреды и техреды не слишком считаются с волей переводчика, но в данном случае важна воля АВТОРА, самого С/Экса! И нынешнее издание должно стать образцом! Поэтому, пожалуйста, сверьтесь с экземпляром Мориса Николаевича, где есть моя нумерация и разметка, либо, на худой конец, с однотомником 1964 г., а обо всех вопросах и сомнениях звоните мне.

Всего Вам доброго.

Н. Галь

* * *

24.IV-83

Уважаемая Наталья Александровна!

Возвращаю «Смока». Очень прошу (надеюсь, это не очень сложно) внести ВСЮ правку (ее совсем не много). Естественно, в переводе, сделанном 30 лет назад, при каждом переиздании замечаешь какие-то шероховатости, лишние местоимения, повторы. Да и опечаток было немало. А для меня всегда важен и каждый оттенок интонации, и ритм фразы — особенно в речи. Поверьте, даже когда я меняю, к примеру, «быстрЕ» на «быстрЕЙ», это делается не зря.

Вы мне прислали обе части книги, но к 1-й («Смок Беллью») я, понятно, не прикасалась — не имею права. Покойный Николай Корнеевич¹ в ту давнюю пору ничего со мной не стал согласовывать и наотрез отказался дать осмысленное прозвище главного героя, (хотя логики тут мало, ведь переведен же «Шорти» — Малыш). Вот об этом я снова по-

¹ Н. К. Чуковский, переводчик.

горевала. Ведь данная в самом начале поясняющая сноска быстро забывается, а дальше «Смок» звучит (вернее, воспринимается) уже просто как имя. Тогдашние мои варианты, в т. ч. Смелчак¹, были отвергнуты, а теперь уже ничего не поделаешь.

Пожалуйста, проследите, чтобы и в Вашем издании — в оглавлении или как-то иначе — был отдельно указан переводчик каждой части.

Буду ждать верстки.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

15.06.83 г.

*Государственный комитет Казахской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли ордена Дружбы Народов
издательство «Казахстан»*

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

Должен принести Вам свои глубочайшие извинения по поводу ошибки, допущенной лично мною, как ответственным за выпуск, более двух лет назад, при сдаче в производство и выпуске книги избранных произведений А. де Сент-Экзюпери. Для меня это тем более непростительно, что Ваша личность мне давно известна как по критико-литературоведческим публикациям, так и по блестящим переводам. И я сейчас займусь поисками данной книги, но прошу для этого месячный срок, ибо, конечно, ни в каком магазине она не сохранилась и придется искать по частным каналам. Пока же прошу в знак уважения принять другую популярную книгу нашего издательства.

*Ст. редактор издательства
«Казахстан» К. Максимович*

* * *

*Государственный комитет по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Карельской АССР
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРЕЛИЯ»*

24.05.84 г.

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

В 1985 году в издательстве «Карелия» в серии «Школьная библиотека» выходит книга А. де Сент-Экзюпери «Планета людей» и «Маленький принц» в Вашем переводе. Найти в наших библиотеках два экземпляра одного и того же издания этих произведений оказалось довольно

¹ Может, «Храбрец»? — Э. К.

трудно, поэтому просим Вас в течение месяца представить два экземпляра книги для расклейки. Нам удалось пока найти один экземпляр книги издательства «Кыргызстан» 1976 года, куда входит «Планета» и «Принц», тоже из серии «Школьная библиотека». Если у Вас имеется это издание и оно Вас устраивает, можно прислать нам еще один экземпляр, хотя предпочтительнее, конечно, книга какого-либо центрального издательства. Расклейку мы сделаем сами.

Высылаем договор. Первую строку заполните, пожалуйста, сами, так как мы не знаем, что вписывать — псевдоним или полную фамилию.

С глубоким уважением

Зав. редакцией художественной литературы В. И. Чернецова

* * *

2.VI-84

Уважаемая Валентина Ивановна!

Сегодня получила договор и Ваше письмо. Дошло оно чудом: хотя в договоре адрес указан правильно, на конверте стоял другой — писателя Ю. М. Гальперина, моего однофамильца, мы даже не знакомы. По счастью Ю. М. оказался в городе (а мог и уехать на все лето!) и любезно переслал мне пакет.

Прежде всего учтите! издание «Кыргызстана» никуда не годится! Печатали без моего ведома и разрешения по самому старому тексту, без последующей правки (а я за 25 лет много пересматривала и шлифовала), насажали ошибок.

Идеально было бы Вам сейчас печатать и «Планету» и «Принца» с книжки Школьной Библиотеки Лениздата, 1983. Но у меня единственный экземпляр, авторский. Перепечатывать на машинке и накладно и, главное, слишком дорого мне время, надо было бы считывать, машинистки, увы, далеко не всегда внимательны. И я вынуждена пойти на поистине варварский поступок: загубить два экз. однотомника «Художественной литературы» (тоже 1983), а их у меня всего-то раз-два и обчелся. Из одной книжки вынимаю обе вещи, из другой только «Планету», так как у меня сохранился и отдельный чистый фотонабор сказки, его и посылаю.

Возможно, как бывало в некоторых изданиях, у Вас пойдут не все рисунки, а только основные в начале и в конце — это обидно, но так уже делали. *Главное, чтобы каждый рисунок попал на свое место*, а то даже в этом однотомнике, несмотря на мои и редактора точные указания, типография много напутала. Часть рисунков попала даже в другие главы, что уж совсем недопустимо! На одном экз. (не том, который вырван из книги) я карандашом все разметила, очень прошу за этим проследить. На том же экз. помечены 2 *пропущенных* слова: стр. 386 и 392.

Еще большая просьба: НЕПРЕМЕННО пришлите мне верстку, я ее внимательно прочту и верну БЕЗ ЗАДЕРЖКИ.

И пожалуйста, когда выйдет книжка, кроме авторского пришлите еще ШЕСТЬ экз. ЗА МОЙ СЧЕТ на будущее. При каждом переиздании я оказываюсь вот так же беспомощна, как сейчас перед Вами, лишних текстов для расклейки у меня нет.

Подписанный договор посылаю. Полное паспортное имя поставила только для бухгалтерии, на книжке должно быть Нора Галь, так меня больше полувека зовут и в быту и в печати.

Всего Вам доброго

Н. Галь

* * *

15.VI-84

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

Спасибо за присланные тексты. Действительно, жаль, что пришлось разорвать такое хорошее издание. Как коричневая краска украшает книгу! У нас, увы, будет все в одну краску. Корректуру Вам обязательно пришлем, но когда это будет, пока трудно сказать. В книге должен быть портрет автора, причем в этой серии («Школьная библиотека») — горизонтального расположения и с факсимиле, а мы это еще не получили (просили из фотохроники ТАСС). Экземпляры книги, помимо авторских, также постараемся прислать.

Договор высылаем.

Желаем Вам хорошего лета и всего наилучшего.

С уважением

В. И. Чернецова

* * *

16.V-86

Уважаемые Валентина Ивановна и Ольга Андреевна!

Не знаю, кто из вас в последнее время занимался моим «Маленьким принцем» и «Планетой людей», поэтому обращаюсь к обеим. Гонорар получила, спасибо. Очень надеюсь, что моя просьба об экземплярах книжки сверх авторского не забыта. Пожалуйста, пришлите наложенным платежом! хотя «малышу» уже 27-й год, я, как Вы знаете, каждое переиздание «чищу» — и каждому радуюсь, сейчас тоже не терпится взять книжку в руки, а кроме того на нее вокруг спрос, кому-то надо и подарить, а главное, надо будет давать другим издательствам — и теперь смогу, благодаря тому, что у Вас, очевидно, внесена моя позднейшая правка, давать именно дошлифованное, «дочищенное» издание.

Спасибо за все внимание, с которым «Карелия» отнеслась к Сент-Эксу и к моей работе. Буду рада, если еще когда-нибудь доведется с Вами работать.

Всего доброго и еще раз спасибо!

С уважением

Н. Галь

* * *

2 авг. 85

Дорогая Наталья Николаевна! (Кудрявцева, издательство «Правда»)

Приходится горько пожалеть, что меня заранее не предупредили о переиздании Драйзера. Ведь переводам «Дженни» и «Американской трагедии» больше 30-ти лет, было много переизданий и много правки, совершенно необходимой, которая не вошла в издание, взятое Вами сейчас за основу.

Сейчас я вношу в верстку «Дженни» далеко не всю правку, стараюсь избегать большого перебора, заодно показываю техреду, как без большого ущерба подтянуть строку (висячую — или чтобы восстановить нужную отбивку) — или выгнать, чтобы заполнить «черную». И все же немало набралось правки *необходимой* — для верности текста, для интонаций, да и просто были огрехи в предыдущем наборе. Естественно, гораздо меньше поправок во 2-й половине книги, в переводе Марии Федоровны, но кое-что было после Вашего 2-го огоньковского издания исправлено и там — и неправильно, нелепо оставлять прошлые огрехи.

Что до «Американской трагедии», надеюсь вовремя получить чистые листы из Минска — боюсь, там в наборе тоже не миновать погрешностей, но мне обещали всю мою правку внести, так что, думаю, обойдется без пачкотни, разве что обнаружатся какие-то мелочи.

Очень, очень прошу в случае каких-либо переизданий моих работ извещать меня заранее! Это избавит и меня и редакцию от лишней работы и пойдет только на пользу любой книге.

И еще просьба — если нельзя будет (как, увы, уже не раз бывало) получить хоть один экз. готовой книги, *сохраните для меня чистые листы*. Как раз потому, что у меня нету ни в каком виде издания, с которого Драйзер у Вас печатается сейчас, мне приходится проделывать тройную работу, сверяясь с другими изданиями — и все равно могут остаться погрешности.

Всего Вам доброго.

Н. Галь

* * *

17.XII-85

Уважаемый Юрий Оттович! (Бем. «Правда»)

Я внесла всю необходимую — и *только* необходимую! — правку (далеко не все, что было сделано за 35 лет). Всюду заботилась о *минимальном* переборе, о компенсации, где надо — показала техреду, как без вреда для текста выгнать строку или подтянуть висячую, в том числе 5 последних в самом конце.

По просьбе Мулярчика сверила цитаты в его предисловии и карандашом на полях пометила страницы для редактора.

Очень надеюсь, что вся эта каторжная работа не пропадет зря, ведь я *дважды* вычитывала все 18 листов — сперва по чистым листам 1982 года, когда речь шла о новом наборе, теперь — Вашу верстку. Конечно, правки очень много по нормальным меркам, но ведь по существу нужен был именно новый набор — думаю, это было бы неприятнее не только составителю, но и редакции.

Еще раз большая просьба — пусть будет учтена ВСЯ правка! Я ничего не делала зря. Какой ни слабый стилист Драйзер, соблюсти какие-то интонации необходимо, да и просто в старом наборе были огрехи.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

Москва, издательство «Статистика»

В. П. Томину

Глубокоуважаемый Владимир Петрович!

Пишу Вам не затем, чтобы упрекать (с «Дженни Герхардт» все равно уже ничего поправить нельзя), но затем, чтобы и Вы, Ваша редакция, и другие переводчики, кроме М. Ф. Лорие и меня, впредь не оказались в таком же неловком положении.

На обороте титула «Дж. Герхардт» в Вашем издании стоят СЕМЬ фамилий, но НИГДЕ НЕТ фамилий ПЕРЕВОДЧИКОВ! Указано, что текст печатается по изданию Тувинского издательства (КЫЗЫЛ) — но в далекой Туве все-таки догадались, назвали переводчиков, причем на самом титуле, даже не на обороте, и — крупным шрифтом, т. е. уважительно. У Вас этого, видимо, не заметили.

Но ведь Драйзер не писал прямо по-русски! Не писали по-русски Маркс и Энгельс, Шекспир и Гейне, Байрон, Бальзак, Сент-Экзюпери и еще многие, без кого немыслима наша культура. Для того, чтобы мы их узнали и прочитали, нужен был труд сотен переводчиков, труд большой и, поверьте, нелегкий. Его высоко ценил и уважал еще Пушкин, права переводчиков у нас охраняет закон. На страже этого ЗАКОНА

ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ (в частности, праве ПЕРЕВОДЧИКА) прежде всего должен бы стоять Госкомиздат. И весьма прискорбно, что в случае с «Дженни Герхардт» как раз Госкомиздат прямо виноват в нарушении закона.

По каким-то высшим соображениям он опять может поручить таким издательствам, как Ваше, «Юридическая литература», «Международные отношения», издать книги вроде «Дженни Герхардт». Все они, понятно, незнакомы с изданием *художественной* литературы, надо было объяснить им, КАК это делается.

Если Вашей редакции придется снова издавать художественные переводы, НЕОБХОДИМО взять хотя бы в библиотеке предыдущее издание, узнать имена переводчиков и разыскать их, если они еще живы — через издательство, где раньше выходила книга, через Союз писателей (по его справочнику), наконец, через кого-то из переводчиков (пока я жива, милости прошу, хоть через меня). Переводчик должен и обычно хочет САМ отвечать за свою работу, он скажет, какой взять текст, выправит корректуру, подпишет книгу, так полагается по закону. Вообще же от души Вам желаю, чтобы впредь не своим делом не надо было заниматься.

Всего доброго!

С уважением Н. Галь

* * *

9.X-85

Минск, издательство «Беларусь»

Уважаемый Леонид Леонидович!

Вчера получила от тов. Астраханцева книги, а по почте обе заказные бандероли с версткой. Сидела неотрывно, чтобы вас не задерживать, вышлю, скорее всего, тоже двумя порциями. Отрадно, что набор чистый, почти нет опечаток. Но, к сожалению, перечитывая текст, я обнаружила кое-какие огрехи предыдущего набора, которых прежде не заметила — даже издание «Библиотеки США» отнюдь не идеальное. Пришлось внести правку — совсем немного, не всю, какую хотелось бы — и, конечно, всюду забочусь о том, чтобы правка эта требовала *минимального* перебора.

На титульном листе ни в коем случае не надо ставить «в двух частях», только — роман!

Еще раз, как при телефонном разговоре, очень прошу Вас — мне позарез необходимы чистые листы, в крайнем случае — сверка! И как можно скорее, меня торопит издательство «Огонек», они опять выпускают 12-томного Драйзера, а у меня нет для них сколько-нибудь чистого текста. Двухтомник, который Вы мне вернули, необходим мне

для справок, но печатать с него «Огонек» не может, к сожалению. С великим нетерпением буду ждать Вашего издания, оно явно будет лучше всех предыдущих — и я очень, очень прошу об экземплярах за мой счет! Если возможно, даже 6—7, потому что, видно, на моем веку мне еще не раз придется иметь дело с переизданиями, а каждый раз сызнова править 50 листов — нет ни времени, ни сил и хочется на старости лет успевать делать что-то более полезное.

Всего Вам доброго!

С уважением

Н. Галь

* * *

2.I-86

Уважаемый Леонид Леонидович!

Спасибо за присланный экземпляр «Американской трагедии» и за добрые пожелания. Надеюсь, Минский книготорг не подведет. Жаль, что, не по нашей с Вами вине, 2-й том остался выправленным не до конца, а все же это издание — из лучших.

Хочу Вас поблагодарить за неизменное внимание, не со всяким редактором бывало мне так легко найти общий язык и так приятно работать, да еще когда «встречаться» можно только по телефону и на бумаге.

Здоровья Вам, счастливой работы и всего самого доброго!

С уважением

НГ

* * *

10.III-86

Директору издательства «Детская литература»

Т. М. Шатуновой

Уважаемая Тамара Михайловна!

Как мне сообщили, в план Вашего издательства на 1987 год включен «Маленький принц» в моем переводе — и текст собираются воспроизвести с матриц 1978 г. Таков, оказывается, давний порядок в производственном отделе.

В 1978 г. сказку Экзюпери печатали с матриц 1967-го! За эти почти 20 лет она переиздавалась десятки раз, и я шлифовала и совершенствовала перевод.

«Порядок», при котором переводчика лишают права быть хозяином своей работы и совершенствовать ее, нарушает Закон об авторском праве и положение *типового* издательского договора. Ведь там ясно сказано: издательство обязано заранее предупредить автора (тем самым и переводчика — автора *русского* текста) о переиздании, чтобы он

мог внести необходимую правку. Без этого можно переиздавать только умерших литераторов, а не тех, кто еще работает.

Очень надеюсь, что Вы, новый руководитель издательства, пресечете эту порочную практику.

Прошу Вас распорядиться, чтобы книжку Сент-Экзюпери не печатали со старых матриц, а дали мне внести нужную правку. Ее не так много, но печатать без нее я разрешить не могу.

С уважением

Н. Галь

* * *

27.IX-86

Уважаемая Наталия Ильинична! (Лениздат)

Посылаю два экз. «Маленького принца». Большая просьба — обратить внимание всех в издательстве (редактора, техреда, худреда) на разметку рисунков — карандашом на 2-м экз. Беда в том, что почти во всех изданиях есть ошибки в размещении рисунков, иногда очень грубые. А это недопустимо, они тесно связаны с текстом. Есть случаи, когда рисунок попал не в ту главку или пропущен вовсе.

Верней всего было бы взять за образец издание «Детской литературы» 1978 г. или «Знания» (Школьная библиотека) 1977 и 1981, — но и в них есть ошибки. Поэтому необходимо следовать моей карандашной разметке!

И огромная просьба к издательству, когда книжка выйдет, выслать мне, кроме авторского, за мой счет (наложенным платежом, через «Книгу почтой» — как сочтут удобным) ПЯТЬ экз.

И, конечно, прошу выслать мне верстку — я ее внимательно прочту и верну без задержки.

Всего Вам доброго!

С уважением — Н. Галь

* * *

8.X-86

Уважаемый тов. Ракипов! (Казань, Таткнигоиздат)

1. Как я и опасалась, у вас перепечатано неполноценное издание Экзюпери: Приволжское издательство, как и Ваше, заранее меня не спросило и в 1982 г. взяло какой-то старый текст. Многие мои позднейшие исправления в него не попали. ТЕПЕРЬ ИХ НАДО ВНЕСТИ. Этой правки не потребовалось бы, если бы не нарушали Закон об авторском праве и типовой издательский договор и спрашивали переводчика заранее. Такие поправки я подчеркнула в верстке дважды карандашом.

2. В верстке немало ошибок и опечаток, часто грубых, они взяты карандашом в круг. Есть нелепые смысловые искажения — то пропущено **не** и вышел обратный смысл, то уж вовсе дикость: люди потерпели аварию, ждут смерти, а вместо мы *обречены* стоит *обеспечены*! Прошу редактора и корректоров быть предельно внимательными!

3. По вине ли наборщика или потому, что меня хотели поправить, иногда пропущена какая-нибудь «мелочь» — местоимение, повторенное «и», заменено «и» на «а» или наоборот. У фонарщика оказался не платок, а платочек. Все это недопустимо, меняет стиль, интонацию. А в стиле Экзюпери мелочей нет, и если встретился повтор — он не случаен. **Настоятельно прошу всю мою правку внести в рабочую верстку.**

4. В конце «Планеты людей», видимо, по техническим соображениям (не хотели оставить пустой последнюю страницу) текст нарубили на мелкие абзацы. **ЭТО НЕДОПУСТИМО!** Разорваны все логические и эмоциональные связи, разрушен ход мысли, цельность чувства и образа. Так, уж извините, только капусту рубят, а не художественный текст. Понимая затруднительное положение техреда и типографии, не настаиваю на переборе всех абзацев, кое-где достаточно шире набрать смежные строки, но частичный перебор — как показываю на полях — **необходим.**

Непонятно, почему в предисловии часть цитат из «Планеты людей» (а цитируют авторы много) взята **НЕ ИЗ МОЕГО ПЕРЕВОДА**, напечатанного в Вашем издании, а из старого перевода «Земли людей» Г. Велле, вышедшего только один раз, в 1957 г. Получился недопустимый — особенно в «Школьной библиотеке» — разнобой: в предисловии ребята прочтут одно и то же место совсем по-другому, чем дальше, в переводе! Небрежность более чем странная. Эти места я отметила на полях предисловия.

Прилагаю листок с поправкой для предисловия по существу. Это исправление вызвано сравнительно недавней публикацией во французском издании, посвященном Экзюпери.

Надеюсь, что все мои замечания по корректуре будут выполнены и ребята-читатели получат доброкачественную книгу.

Прошу, когда книга выйдет, прислать мне, кроме авторского, ДВА экз. за мой счет (хотя бы наложенным платежом или, если издательству удобнее, с вычетом из гонорара).

Всего доброго.

С уважением

Н. Галь

* * *

27.X-86

В журнал «Дружба народов»¹

Уважаемый Лев Александрович! (Аннинский)

Возвращаю машинопись. С сокращениями, естественно, надо примириться, хотя кое-чего мне жаль и в развитии мысли кое-где произошло «короткое замыкание»

Девять десятых Вашей правки приняла. Убедительно прошу исправить несколько мест, с которыми я не согласна, пусть даже это покажется мелочью. Важнейшие мои возражения: начисто не приемлю **представителей** (с. 9), **абсолютно** (с. 21) и **адекватно** (с. 25) — все это не из моего словаря.

Ни в коем случае не годится **Вера Топер**! Либо в одном-двух случаях имя и отчество полностью, либо **оба** инициала, либо В. Топер!

Перед концовкой, относящейся не только к Н. Л. Дарузес (третьей из включенных в статью кашкинцев), а ко всем переводчикам, **необходима отбивка**.

Прошу внимания к опечаткам — исправила несколько грубых — и особенно к английским словам, здесь тоже есть ошибки.

Всего Вам доброго.

С уважением

Н. Галь

Еще одно: нельзя назвать главку о Дарузес «**Дети и звери Киплинга**»! Человечий детеныш в «Книге джунглей» один — да и не в одной этой книге, не в одном Киплинге соль: тут, по сути, ключ к тому, как **вообще** надо передавать речь и мысли детей и зверей. Очень прошу восстановить прежнее название.

И все в целом назвать «Правда и музыка слова»!

* * *

2.04.1987

Здравствуйте, уважаемая Элеонора Яковлевна!

Сообщаю, что письмо Ваше с договором дошло, хотя адрес у нас новый — Вам попался старый экз. договора. Бухгалтерия вышлет Вам гонорар 16 апреля.

Очень жаль, конечно, что так получилось и книга вышла не совсем такой, как хотелось бы. Вам, конечно, виднее, но мне и этот вариант нравится — тем более, что с детства я знаю именно его. Это моя люби-

¹ В этом журнале печатался большой кусок из нового раздела готовящегося 4-го издания «Слова живого и мертвого» — «Правда и музыка слова» — «Дружба народов», 1987, № 3, с. 242–251. Лев Аннинский в то время работал в этом журнале.

мая вещь в зарубежной литературе. Спасибо Вам большое за то, что Вы ее когда-то перевели.

Извините нас, пожалуйста, еще раз за причиненные Вам огорчения. Всего Вам доброго!

С уважением Н. Палихова (Грозный, Чечено-Ингушское издательство)

* * *

18.VIII-87

Уважаемая Людмила Михайловна!

Посылаю вам (единственный, рабочий, а потому с карандашными пометками) экз. «Всего живого...» и вырезку с рассказом Саймака «Машина» в переводе М. Яновской. Мне кажется, рассказ очень хорош. Надеюсь, Вам понравятся и мои «Разведка» и «Дом обновленных» (печатались в сборниках «Мира») — и вместе с «Городом» получится хороший сборник.

Теперь о верстке. Она довольно чистая, основные опечатки и ошибки, иногда анекдотические, я, думаю, заметила. Есть две серьезные просьбы.

1) Везде стараюсь показать *техреду*, как выгнать строку и заполнить черную на короткой странице (таких мест много), *не меняя текст без меня*. Очень важно сохранить эмоциональную и поэтическую, музыкальную интонацию как Брэдбери, так и Харпер Ли. Если *техреду* понадобятся какие-либо другие замены, *очень прошу связаться со мной!*

2) Самое важное и сложное. Помнится, я предупреждала, что отвечаю за текст «Вина из одуванчиков» — перевод покойной Э. Кабалевской. Уже не помню, печатали его по рукописи или по расклейке и какой именно — «Мир» 1967 или «Молодой гвардии» начала 80-х, у меня в руках книжка «Мира». Видимо, корректоры не посчитались с той пунктуацией и везде выправили на «ортодоксальную», как в школьном учебнике. Так поступили года два назад в Детгизе с «Пересмешником» — и нам с Р. Облонской пришлось потребовать большого перебора, мы даже оплатили всю правку, потому что не могли допустить, чтобы исказилась, стала фальшивой вся интонация книги. ДЕТИ не могут ни в речи, ни в мыслях истово цитировать сами себя или других, точно классиков.

То же сейчас произошло в «Вине...», к счастью, таких мест здесь гораздо меньше, но от такой цитатности пропала вся прелесть, искренность, поэтичность чудесной повести Брэдбери. Если бы редактор или корректор спросили меня заранее, я объяснила бы, что это недопустимо.

Конечно, потребуется перебор, но я прикинула — он далеко не так велик, как может показаться на первый взгляд. НАСТОЯТЕЛЬНО

ПРОШУ ВНЕСТИ ВСЮ МОЮ ПРАВКУ! Если она превышает норму, ВСЕ РАСХОДЫ ОТНЕСТИ ЗА МОЙ СЧЕТ (НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ЗА СЧЕТ НАСЛЕДНИКОВ КАБАЛЕВСКОЙ).

И еще огромная просьба — оставить Р. Облонской, наследнику Э. Кабалеvской и мне хотя бы по 4 экз. книги за наш счет!

С уважением

Н. Галь

* * *

17.I-88

Дорогая Ариадна Георгиевна! (Белевцева «Мир»)

Большое спасибо за книжку Франке, возвращаю долг (хвостик, пожалуйста, извлеките из суммы, посылаемой на будущее: я поняла так, что в конверте ничего звякать не должно).

Верстка Саймака в основном чистая (самый аккуратный и грамотный наборщик — Юдникова, у других есть ляпы). Несколько просьб:

1) Полным именем я подписываю только отдельные книги. Если остальные переводчики в сборнике подписываются просто инициалами, разумеется, и меня подпишите Н. Галь.

2) Книга переведена больше 20-ти лет назад. Еще раз подтвердился закон: в машинописи не замечаешь того, что видно свежим глазом в корректуре. Я напоролась на то, что слишком часто на одной и той же странице встречаются ДЕЛО, ДЕЛАТЬ и т. п. в самых разных оборотах. Порознь они совершенно естественны, потому и не замечались (дело в том, плохо дело, что поделаешь, ну и дела и пр. и пр.). А на *печатной* странице эти и однокоренные слова оказываются слишком близко друг к другу и режут глаз.

Другой правки ничтожно мало, а эти обороты я стараюсь разредить, менять, избегая сколько-нибудь значительного перебора. Повторения отмечены значками на полях. Зная, как все издательства и редакции не любят даже нормативную правку, прошу делать ее ЗА МОЙ СЧЕТ — но внести надо *непрерменно!* Книжка хорошая, работа эта из моих любимых — пусть она выйдет с наименьшим числом помарок!

Мне кажется, это наблюденьице — о частых и незаметных повторениях одного и того же слова при разных, но привычных оборотах — может пригодиться любому редактору, это ведь не всегда замечаешь.

Всего вам доброго!

Н. Галь

* * *

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ

Научно-популярный журнал Академии наук СССР

17.II-1988

Дорогая Нора Яковлевна

Шлю, как обещал, текст «Конца детства» и в придачу — сценарий Стругацких, у нас печатавшийся.

Ваш Ольгерт Маркович Либкин

* * *

24.VIII-81

В журнал «Урал»

Повесть Невила Шюта «Крысолов» написана по свежим следам событий, в начале Второй мировой войны. В центре ее старик-англичанин, потерявший в начале войны сына-летчика и оказавшийся во Франции в пору германского вторжения, когда гитлеровские полчища захватывали одну европейскую страну за другой и казалось, ничто их не остановит.

Во все более сложных условиях, рискуя жизнью, старик спасает от гибели и в конце концов, при помощи французских патриотов, вывозит из оккупированной страны группу детей разных национальностей, от пяти до десяти лет (потому и название рождено известной легендой о гаммельнском крысолове). В дни войны каждый делает, что может, говорит он. А ведь дети — самое дорогое, самое главное, дети — это будущее. И он делает все, что в его силах и сверх сил, чтобы спасти, уберечь не только жизнь каждого встреченного им ребенка, но и души потрясенных, обездоленных, осиротевших детей.

В книге много мудрости и доброты, есть в ней, в образах и поведении детей, и мягкий юмор, убедительны характеры. При нарастающем драматизме событий и положений особенно разителен контраст: спокойная, терпеливая доброта и мужество старика-«крысолова» — и поведение немцев. Поначалу они заигрывают с французами, сулят благоденствие «нового порядка», — и автор скупно, но беспощадно показывает, что за порядки несут они на самом деле.

Выразительна история одного из детей, маленького голландца. Потерянный голодный оборвыш неминуемо бы погиб, не подбери его старик Хоуард. А в походном немецком госпитале мальчонку «великодушно» вымыли, остригли, перевязали рану, дали конфетку — и такого, чистенького, возвращают старику с хвастливым заявлением: вот он, новый порядок, то, что сделала Германия для этого мальчика, она сделает для всей Европы. Но ни автор, ни читатель не забывают, что, прежде чем привести мальчика «в порядок», его лишили родных, одинокий,

беспомощный, он вместе с псами ел в канаве падаль, обречен был на верную смерть — и ЭТО тоже сделала для него нацистская Германия.

Носители «нового порядка» оставили сиротой пятилетнего Пьера и едва не искалечили непоправимо душу другого мальчика, поляка Маржана. Поначалу читатель вместе со стариком Хоуардом может ужаснуться: десятилетний мальчишка только о том и говорит и думает, как бы научиться убивать немцев. Но ведь у него на глазах замучили, изувечили и убили мать, а всего за неделю до прихода «крысолова» схватили и увели на верную гибель отца — только за принадлежность к «низшей расе». И лишь самоотверженность старика спасает жизнь обреченному ребенку, может спасти и эту ожесточенную, озлобленную душу, хотя бы отчасти вернуть ей детство.

Наглой уверенности свирепого гестаповца, будто через считанные недели немцы войдут и в Лондон, противостоит не только победа старика «крысолова» — спасение детей, но и бегство помогающего герою молодого француза в армию французского Сопротивления, и мужество другой его помощницы — француженки Николь, и спокойное достоинство старика и его собеседника при бомбежке Лондона в обрамлении повести.

И ничего нет худого в упоминаниях о том, что после всех скитаний детей отошлют к замужней дочери старика в Америку на то время, пока не кончится война. Объяснено это проще простого: там, за океаном, не рвутся бомбы и самолеты не расстреливают людей на дорогах из пулеметов, а в Лондоне вся история «крысолова» рассказана под грохот рвущихся бомб.

Повесть Шюта предполагалось печатать в 1943 году в журнале «Интернациональная литература», но журнал тогда перестал выходить. Между тем минувшие десятилетия отнюдь не лишили эту книгу злободневности, напротив! Время еще отчетливей высветило высокую человечность этой книги, написанной, напоминая, еще до того, как война хлынула и на нашу землю, принесла несчетные страдания и нашим детям.

Хотя события, описанные Шютом, подчас трагичны, он нигде не допускает жестокого натурализма. Повествование очень сдержанно и человечно. Подросток, читатель, которого уже занимают вопросы нравственные, психология героев, отношения между детьми и взрослыми, несомненно заинтересуется не только поворотами сюжета, скитаниями, опасностями, — но почувствует и терпеливую доброту, самоотверженность и мужество старика-«крысолова».

На планете и сейчас от разнообразного оружия гибнут дети, и на каждого ребенка припасают кое-где атомную, водородную, нейтронную смерть. Недаром отмечается во всем мире и День защиты детей — защиты самого главного, самого дорогого, без чего у человечества нет бу-

дущего. И никто из наших читателей не останется равнодушным, если, допустим, в июньском номере журнала познакомится с «Крысоловом» покойного Невила Шюта.

Объем — примерно 12 п. л.

Н. Галь

* * *

25.X-82

Главному редактору журнала «Урал» Лукьянину

Уважаемый Валентин Петрович!

Очень тронута Вашим вниманием, спасибо за номера «Урала», за мгновенный ответ, а главное, за доброе письмо. И за добрые вести, конечно: рада, что повесть Шюта понравилась Вашим товарищам, рада, что заинтересованно отнесся к нашей с ним будущей работе Валерий Эльбрусович. И, конечно, хорошо бы печатать именно с июня, который открывается Днем защиты детей.

Простите, что отвечаю с таким запозданием, это отнюдь не в моих правилах и привычках. Но после Переделкина, со 2/X и по сей день, я (все же в 70 лет и при не очень уж богатырском здоровье) ни одного дня не работала меньше 14—15 часов — сдаю уже готовый перевод, которым занималась в Переделкине, а к этому, как водится, прибавились четыре (!) корректуры, все — срочные, все, кроме одной, очень сложные, из разных издательств, причем даже не все — московские. Так что вздохнуть, собраться с мыслями и написать хоть несколько связных строк Вам в ответ не было уже никакой возможности.

Еще раз сердечное Вам спасибо и всего доброго!

С уважением

Н. Галь

* * *

31.12.82

Уважаемая Нора Яковлевна!

От души желаю Вам в Новом году надежного здоровья и мирного неба над головой, а интересная работа у Вас, по-моему, иссякнуть не может.

Еще раз спасибо за книгу¹ — она доставила мне громадное удовольствие, но пишется после нее, увы, труднее.

Первая треть «Крысолова» сдана отделом в 6-й номер; вступление Валерий Исхаков где-то в ближайшее время Вам перешлет, а редактор-

¹ «Слово живое и мертвое».

ского вмешательства в текст практически не было — только один рыбо-ловецкий термин уточнен, Валерий напишет.

Еще раз — с Новым годом Вас, Нора Яковлевна.

Ваш

В. Лукьянин

* * *

1.II-83

Уважаемый Валерий Эльбрусович!

Спасибо за соображения по 2-й части «Крысолова». Почти все с благодарностью принимаю, либо даю 3-й вариант, а если не соглашусь, объясняю — почему (не просто из упрямства).

с 103 — согласна, пускай в сноске для *Розы*.

с. 104 — предпочитаю не просто править Шюта (у него — так!), а поймать его мысль, поэтому не снимайте *молча*, а прибавьте: прошептал он *не сразу*. Эта немая пауза — для характера и состояния мальчика.

с. 114 — Да, пускай штука. М. б., англичанин и произнес не на немецкий лад, но это неважно.

с. 130 — Да, последнее «по-французски» можно снять. Кое-где я уже снимала такие оговорки, у Ш. «по-франц.», «по-англ.» и «по-нем.» стоит вдвое чаще!

с 143 — Вместо *бегала на лыжах* давайте сделаем: *Дочь — отличная лыжница*.

с. 175 — согласна, вместе *катались*.

А вот на 163 заменять *дорогу* на *трассу* не хотелось бы. Не знаю, были ли в 1938/9 современные горные лыжи, но старик в них (как и в марках автомобилей) наверняка не разбирался, и слово *трасса* для него тоже слишком специальное. Даже если бы он привел точно слова сына, едва ли Джон ему сказал бы спортивный термин. А тут Хоуард сам описывает это катанье, ему присущими обыденными словами — согласны?

с. 150 — Нет, абзац, пожалуйста, не снимайте. С нынешней точки зрения этот пересказ старомоден, верно, но ведь Шют и подчеркивает везде старомодность Хоуарда. Эти несколько строк не так уж загромоздят текст, а без них потеря была бы: ведь так характерна для Хоуарда эта скупость, сдержанность в рассказах о трудном и страшном, а главное — его бережное отношение к детям: «лишь мельком упомянул... *ведь Пьер был тут же в комнате*».

с. 151 — Да, спальня — странновато. Думаю, дело вот в чем: в ванной сейчас старик — раз. И не так она просторна, всех детишек не втиснуть — два. Возможно, Николь и впрямь мыла детей в спальне, в тазу, поливала из кувшина. Судя по литературе, во Франции такие умывальники держались долго, м. б., где-то и сейчас есть (я их помню по очень далекому своему детству, а Вы знаете разве что по «Мойдоды-

ру»). Или, м. б., она мыла детей по одному в ванной, когда ушел Хоуард, а вымытых или ждущих своей очереди придержала до завтрака в спальне, чтобы не мешали взрослым. Чтобы не смущать читателя, давайте так: Девушка увела детей в спальню, *потом* одного за другим... до ног. А *там* пришло время... Так мы избежим двух *потом* — и пускай будет не очень ясно, где же она их мыла.

с. 157 — Да, пускай *что толку* (я ушла от устойчивого речения именно для истовости его речи — но, м. б., напрасно).

с. 189 — У Шюта именно *рейд*, но давайте поправим его, пусть *залив*.

Еще раз спасибо за все замечания. Как видите, возражаю мало. Буду ждать 3-й части.

Узнала на днях, что одна книга Шюта у нас лет 20 назад была переведена, но не на русский, а на украинский: это «Реквием» (о событиях конца 2-й мировой войны, в канун высадки союзных войск в Европе. 6/VI-44). Надо сказать, украинские издатели опережают нас. Так (если не ошибаюсь, летом 1979) журнал «Всесвіт» напечатал (конечно, в сокращении, 33 листа никакому журналу не под силу!) знаменитый во всем мире «Корабль дураков» американки Кэтрин Энн Портер. А мой перевод на русский издательство «Художественная литература» передвигало в планах шесть лет подряд — и теперь, видимо, он вылетел уже навсегда. Грустная и мало понятная история... Похоже, кто-то где-то судил об этой книге по просмотру фильма, а фильм от книги очень и очень далек — и в ряду антифашистских романов этот, один из самых сильных, нашему читателю остался неизвестен.

Простите, отвлеклась. Буду ждать дальнейших Ваших замечаний, а потом и верстки 1-й части (прочту и верну сразу же, не задержу Вас).

Всего Вам доброго. Сердечный привет Валентину Петровичу.

С уважением

Н. Галь

* * *

УРАЛ

ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей РСФСР

Редактор отдела прозы В. Э. Исхаков

10 февраля 1983 г

Уважаемая Нора Яковлевна!

Еще раз прошу простить за причиненное беспокойство.

Посылаю свои замечания по третьей части романа.

На стр. 217. «...капитану спасательной лодки».

Я пока не стал ничего менять, но подумал, не слишком ли это громко — «капитан лодки». М. б. заменить капитана на шкипера или лодку на судно, шхуну и пр.? Или оставить?

Стр. 244. «вся приманка мокрая». В первой части мы выяснили, что речь идет о натуральной и искусственной мухе, поэтому я предлагаю так: «Конечно, муха натуральная, вы понимаете». Поскольку идет профессиональный разговор двух рыбаков, слово «натуральная», пожалуй, не будет выглядеть «ненатурально»?

Стр. 247. «Мы запутались в... историю». Все же лучше «Мы впутались в... историю», если нет каких-то особых резонов оставить как есть.

Стр. 267 и далее. Тут речь может идти только об автоматическом пистолете, но никак не о револьвере. Обоймы бывают только у пистолетов. И уж если Хоуард употребляет слово «автоматический» и «обойма», то, видимо, немного разбирается в оружии. Хотя, конечно, в английском языке эти два понятия обозначаются одним словом, это я знаю. Но лучше уж сделать пистолет. А вот на стр. 279 слова Николь: «Можете не хвататься за револьвер» я не меняю — она может сказать и так.

И на стр. 287. «...я получил письмо из Уайтфоллс...» — видимо просто опечатка, надо «из Уайтфоллса», поскольку сказано, что это городок, а не какое-то местечко, местность.

Вот и все. Всего Вам доброго.

В. Исхаков

* * *

25.IV-83

Уважаемый Валерий Эльбрусович! (Исхаков журнал «Урал»)

Верстку¹ стала читать сразу, едва получила (вечером 23.IV), сама Вас не задержу, боюсь только, не застряла бы она в пути из-за Мая.

Набор чистый, опечаток совсем мало, а в иноязычном тексте, за который я особенно опасалась, почти нет, только на с. 92/2 вместо латинского u («ю») стоит n («н»).

Неприятности главным образом из-за сносок: многие не на месте, тем самым надо менять и число звездочек. Почти везде Вы это и сами отметили. Показываю техреду, где что перекинуть или втянуть, чтобы легче это исправить. Помечаю и наиболее подходящие способы подтянуть висячие строки, очень прошу не менять текст по-другому: дорожу каждой интонацией. На с. 98, пусть чуточку в ущерб «красоте» технической, вполне можно строку подтянуть. На с. 97 даю два варианта заполнения «черной» строчки.

Если на с. 92/1 было в рукописи пенѣ, это опечатка, которую я прозевала, надо пенИе!

¹ Невил Шют, «Крысолов».

Жаль, что неясно зачастую пропечатались знаки, местами непонятно — точка или запятая, ; или : — надеюсь, в окончательном тексте получится яснее? А то страдает интонация, кое-где даже смысл.

Может быть, снять подзаголовок «роман»? Это ведь, по сути, не роман, а большая — но повесть. Кстати, на с. 92 легче будет исправить путаницу со сносками, увеличить расстояние между именем автора, названием и главой, а внизу — между «продолжением» и сноской. — Надеюсь, можно будет внести ВСЕ поправки?

Особенно важна правка в тех местах, где сдвинулись оттенки смысла. Так, на 94/1 — дойти можно именно если детям *не надо будет* выбиваться из сил, т. е. если они пойдут, как им удобно (в рукописи так!). На 94, конечно, фартинг именно в переносном смысле — дешево, хлам, поэтому — гроша ломаного.

Заметила несколько лишних повторов: на 98 очень близко два «отвратительных», поэтому меняю на омерзительный, там же рядом сказано и сказал: на 101 было огня, рядом пылала, поэтому не стоит однокоренное *пламени*; на 102 опять было соседство сказано — сказал, Вы просто сняли «сказал», но это не в стиле Шюта, у него все плавно, не отрывочно, поэтому делаю «пригрозил». На с. 105 — меняю из-за двух *почти*, на 106 — из-за трех *совсем*. На 108 надо МетцЕм, так и на 116.

На 113 надо выделить листовку, до и после — отбивку надо, хотя бы просвет по 1 строке, показываю техреду, как это сделать без ущерба для текста.

На с. 114, видимо, ошибка у Шюта (у меня нет сейчас английского текста, проверить не могу): Николь говорит «оставайтесь *тут*», а через несколько строк старик с детьми все равно идет за нею следом! Снимаю *тут*, придется чуть разогнать строку — «оставайтесь с детьми».

Остальное — просто опечатки, отмеченные на полях. Прошу прощения за карандашные каракули, у меня ведь больная рука, писать трудно.

Всего Вам доброго!

Н. Галь

* * *

12.V-83

Уважаемый Валерий Эльбрусович!

Возвращаю верстку восьмого номера. К сожалению, на этот раз опечаток больше. Вдвойне пугают они меня в иностранном тексте: как бы, исправляя одну, не посадили в наборе две новых!

Путается число звездочек при сносках и в соответствующем тексте, они ведь не совпали по месту с машинописью. И опять же, во избежание новых ошибок, м. б., это не трогать — читатель поймет, что к чему.

Правлю несколько интонационных сдвигов. М. б., и это опечатки или не понял наборщик, а м. б., при редактировании Вам так показалось вернее. Обычно помечаю карандашом *так!* — в знак, что это у меня нарочно: заплонили («полон», плен, а не полнота) и станет (51), захочет (52), позаботятся (53), в кухню (верх 54), так как рядом еще два на, хотя ниже есть и на кухне (можно ведь и так и сяк); нужно не в вопросе Пьера (с. 55) и пр. — все на полях.

На 57 мы, помнится, уговорились заменить *капитана шкипером*. На 75 у Николь даю не «женский» неверный револьвер, а оружие, но, если хотите, оставьте как есть.

Обидно, что нет у меня английского текста, кое-где не могу проверить. Точно знаю, что *сам Шют* делал «по-французски» (или по-английски, по-немецки) там, где это и так ясно; часть мы с Вами уже сняли, сейчас на 64/2 заменяю у Николь — тут лишнее, торчит, ведь на другом языке она и не может сказать! Не уверена, есть ли у Ш. повтор на 57, поэтому рядом с *придирчиво* заменяю *приДРАТЬся* на *приЦЕПИТЬся*.

В целом моих оплошностей, правки не из-за техники и опечаток, а стилевой — совсем мало. Надеюсь, Вы внесете все: мне (я уже Вам писала и говорила) очень важны оттенки интонации, даже ритм.

Снова пожалела, что Вы не приняли форму подписи «ПеревЕЛА *такая-то*» вместо «Перевод такой-то». Новая форма уже привилась, встречается в «Литгазете», в журналах, так же и, например, в отличном сборнике Рэя Брэдбери «Память человечества» («Книга», 1981). Имени-тельный падеж вернее, смотрится лучше — и не возникает путаницы, если фамилия без «рода» или не склоняется (говорю не только о себе). М. б., еще можно заменить?

Спасибо за поздравления и майские добрые пожелания.

Желаю и Вам, хоть и запоздало, майского тепла, света, радости, всего самого хорошего. Сердечный привет Валентину Петровичу.

* * *

УРАЛ
ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал Союза писателей РСФСР
Отдел прозы
20 мая 1983

Уважаемая Нора Яковлевна!

Сегодня получил верстку и буквально на последних секундах успел внести Ваши изменения. По-моему — почти все, в том числе и «перевела» вместо «перевод».

Всего Вам доброго.

Исхаков

* * *

30.VI-83

Дорогой Валерий Эльбрусович!

Получила шестой номер журнала, огромное Вам спасибо! Как раз на днях отправила Вам открытку, спрашивала, в частности, не просчиталась ли, достаточно ли перевела денег на все номера? Сообщите, пожалуйста, если ошиблась, дошлю.

На всякий случай посылаю, в дополнение к паспортным данным, которые написала в открытке, справку о возрасте, по ней видно, что ни за бездетность, ни даже за безвнуковость налоги с меня уже не причитаются.

Я давно в долгу перед Вами — когда-то Вы просили дать отзыв о переводе Саймака с Вашей редактурой, каюсь, тогда я месяц свирепо болела, прочла его просто по-русски, а потом меня задавили разной и срочной работой — и посмотреть много с подлинником не было (и нет сейчас) никакой возможности, заглянула в отдельные места. И сразу убедилась, что это классический «журнальный вариант»: много сокращений и упрощений, причем зачастую — по кускам абзаца и даже фразы. Для журнала это дело обычное, больше того, мне не так давно самой пришлось проделать такую операцию. Конечно, она нуждается в огромной осторожности, чтобы не повредить ни мысли, ни образу, ни, по возможности, авторскому стилю. Не знаю, сокращал сам переводчик или Вы. Повесть Саймака сама по себе сильна, впечатление от нее, безусловно, сохранилось. Но любая (почти) вещь при такой обработке неминуемо в той или иной мере страдает.

«Химия и жизнь» — журнал, где я почти 20 лет печатала фантастические рассказы — просил меня ВДВОЕ (при их малом объеме) сократить роман известного ученого и фантаста Артура Кларка (год назад он приезжал в Москву), роман этот — кстати, лучший из всего, что он написал, а у нас его печатали много — я очень люблю, перевела сначала просто для себя и друзей, не читающих по-английски. Он не раз упоминался и в нашей критике, это «Конец детства». К сожалению, в журнале много перемен, новое начальство от этой вещи отказалось. Так вот, хочу поделиться любопытным опытом: я сократила так, что из 245 стр. осталось 135! И тоже иногда убирала часть фразы или абзаца. При этом, под флагом «журнального варианта», убирала и некоторую, не очень страшную на мой взгляд, но смущавшую редакторов ересь — но заодно и действительно излишние длиноты, явно сделанные на потребу западному читателю, привычному к не очень высокой развлекательности. И, по общему впечатлению, вещь во многом выиграла! Хотя одну сюжетную линию я убирала с огорчением. Работа, увы, пошла в корзину, «Химия и жизнь» ее теперь не напечатает, а жаль. Вещь, конечно, не вполне марксистская

и материалистическая, автор сам в эпиграфе оговаривается, что концепция — не его. Но при этом — против войны и насилия с одной стороны, против бездумного потребительства, которое принижает человека, ограничивает его кругозор и т. п. — с другой. И увлекательно до чертиков, хотя... там и присутствуют впрямь черти с рогами и хвостом — но лишь по облику, без малейшей мистики. — Это я все к тому, что такая обработка с сокращениями, для журнала часто неизбежная, суть палка о двух концах.

Написала об этом сейчас, чтобы Вы не думали, что я просто забыла о Вашей тогдашней просьбе. Не взыщите, что не разобралась подробнее, очень уж — не по здоровью и не по возрасту — загружена. Хочу прибавить, что в целом язык Саймака в Вашей публикации — без особых огрехов, ничто меня слишком не коробило, хотя, конечно, я человек придирчивый и придраться кое-где можно. Догадываюсь, что редакторский карандаш там поработал изрядно, неведомый мне переводчик, боюсь, не очень высокого сам-то класса.

Еще раз большое спасибо за журнал, за внимание. Теперь я и мои товарищи ждем июльского номера.

Всего Вам доброго, сердечный привет Валентину Петровичу.

С уважением

Н. Галь

* * *

УРАЛ

редакция ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала Союза писателей РСФСР

Отдел прозы

Дорогая Нора Яковлевна!

Получил Ваше письмо. Насчет «безвнукости» все улажено: справку запрашивала бухгалтерия без нашего ведома, я показал им Вашу открытку и теперь вопрос снят.

Что касается Саймака, то это был совместный труд начинающего редактора и неопытного переводчика. Темкин ведь переводчик-синхронист, работает сейчас в Сирии при посольстве. Сам пишет фантастику, но переводит, конечно, по-любительски. И в некоторых местах это больше походило на подстрочник, чем на художественный перевод.

Вообще, у нас, провинциальных редакторов, проблема мастерства авторов (вернее — отсутствия мастерства!) — самая больная. Мы произведения не по слову сдаем и не по строчкам, как пишете Вы в своей книге, а в лучшем случае — по страницам. Как правило же в ходу сокращение целых глав, сюжетных линий, и наоборот — дописывание фраз и абзацев, чтобы навести мостики над провалами. Так что работа с рукописью Шюта была и удивительно легкой, и необыкновенно трудной — в кои-то веки дове-

лось сменить топор дровосека на перо, с непривычки не сразу удавалось отрешиться от прежних замашек. Кончился «Крысолов», и снова возврат в прошлое, в каменный век. Если будете еще раз переиздавать свою книгу, добавьте главу об этом — материала могу предоставить целую гору.

Насчет денег не беспокойтесь — хватит. Как только появится 7-й номер, сразу вышлю. Чистые листы вышлю сразу 7-го и 8-го номеров.

Всего Вам доброго.

Исхаков

* * *

13.XI-83

Дорогая Нора Яковлевна!

Пока центральные печатные органы терзаются сомнениями, как отреагировать на появление у нас «Крысолова» (если такая проблема вообще перед ними стоит), наша областная газета поместила очень доброжелательную рецензию, чему я, конечно, весьма рад. В тот же день высылаю этот номер Вам (рецензия — на 3-ей странице).

Но было бы замечательно, если б к этому отклику добавилось что-то в центральной прессе: нам было бы легче в дальнейшем делать такие публикации. Ибо сейчас в этом отношении стало очень тяжело...

Самые добрые пожелания Вам от всех «уральцев»!

Ваш

В. Лукьянин

* * *

«Уральский рабочий», 13.XI-83

По страницам журналов
СВЕТ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Редакция журнала «Урал» наряду с образцами литературы советской время от времени знакомит читателей с произведениями зарубежных авторов.

Например, роман К. Д. Саймака «Что может быть проще времени» (№ 7—9 за 1982 год) журнал предложил читателю не только как «научно-фантастическое произведение, но и как образец социальной литературы, направленной против бесчеловечного мира монополий».

В американских книгах и кинофильмах то и дело встречается ситуация бегства (обычно из тюрьмы) и преследования беглеца, которая позволяет создавать цепь острых эпизодов, схваток, держит читателя в напряжении. К. Д. Саймак использует именно такую ситуацию, в этом он отнюдь не оригинален, и все-таки сюжет романа достаточно свеж. Шепард Блейн, разум которого мог путешествовать по Вселенной, спасается от щупалец гигантской космической сверхмонополии. Борьба

идет слишком неравная. В конечном счете Блейн вынужден покинуть родную планету.

Книга Саймака — попытка заглянуть в будущее западного мира, и это будущее представляется писателю в мрачном свете. Колоссальный научно-технический прогресс сопровождается столь же мощным подавлением личности, расцветом шпиономании, мракобесия. Фантаст предупреждает своих соотечественников: общество заражено бациллами тоталитаризма, человеконенавистничества. И не пора ли задуматься над тем, куда плывет американский корабль?

Саймак во многом следует традициям Рэя Брэдбери, своеобразно сочетая социальный анализ со скрупулезными описаниями невиданных машин, фантастических опытов. Незнакомое в романе органично слито с знакомым, и от этого самые невероятные вещи представляются нам правдоподобными, естественными.

К сожалению, перевод романа, выполненный Г. Темкиным, местами далек от совершенства. Замечаешь огрехи в построении фраз и подборе слов, и это портит впечатление от увлекательного произведения.

Продолжая добрую традицию, в № 6—8 за 1983 год «Урал» поместил роман англо-австралийского писателя Невилла Шюта «Крысолов», действие которого происходит на начальном этапе Второй мировой войны.

Обычно великие социальные потрясения не сразу становятся предметом литературы и искусства, требуется дистанция времени, чтобы осознать их исторический смысл. Но бывают и исключения. Роман А. Зегерс «Седьмой крест» — одно из самых известных произведений антифашистской литературы, создавался писательницей в те дни, когда коричневые орды гитлеровцев уже входили в Париж, и был опубликован на русском языке в 1941-м, а на английском в 1942 году. В том же 1942 году в Лондоне увидел свет и «Крысолов».

В этих произведениях мы не найдем описаний грандиозных битв: писатели не могли знать, каким будет ход и исход войны. Они могли лишь догадываться, предчувствовать, предостерегать. Романы стали документами своего времени. Творения вдумчивых и наблюдательных людей, только открывавших одну из важнейших тем современной литературы, они покоряют достоверностью, непосредственностью лично пережитого. Это романы фактов и лирических переживаний.

Главные герои «Крысолова» не являются, строго говоря, участниками войны. Семидесятилетний англичанин Хоуард, тяжело переживающий смерть единственного сына в одном из первых столкновений с фашистами, отправляется во Францию в отдаленное селение на франко-швейцарской границе... на рыбную ловлю. Станный поступок, не правда ли? Станный — на первый взгляд. Наверное, эта поездка по местам, где он бывал в счастливые годы молодости, должна была стать

обрядом прощания с жизнью. Но поездка сложилась так, что прощаться с жизнью оказалось преждевременно.

Отправляясь в обратный путь, старик соглашается доставить в Англию — место, гораздо более безопасное, чем Франция, двух совсем чужих ему маленьких детей: Ронни и Шейлу. Хоуард не знает, что в то время, как он садится в поезд, колонны фашистских солдат, почти не встречая сопротивления, растекаются по Франции. Так начинается многотрудная одиссея Хоуарда на оккупированных галльских равнинах.

... Бомбардировщики со свастикой пикируют на колонну беженцев. Дороги перекрыты танками. Измученный голодом и тревогой за детей, Хоуард упорно продвигается к побережью, надеясь отплыть в Англию. Теперь детей стало пятеро, ибо Хоуард взял под свою опеку Розу и Пьера и еще беспомощного голландца-замарашку, которого забрасывали камнями обезумевшие от ужаса, ослепленные ненавистью старухи, принявшие его за немецкого шпиона.

В руках Хоуарда нет оружия, с помощью которого он мог бы убивать фашистов. Старик любит мастерить свистульки. Он, словно легендарный Крысолов, свистом собирает вокруг себя детей и мечтает вывести их из пекла войны. Что может сделать свисток, когда грохочет артиллерия? И все же старик сражается, он противостоит машине гитлеровской армии. Он несет в себе негасимый свет человечности. Жители французских селений, с удивлением всматриваясь в оборванного и немого иностранца, многое представляют по-иному, и мощь фашистов уже не видится им столь необоримой, и собственные возможности не представляются незначительными.

Публикация романа началась в июньском номере журнала — в том месяце, когда отмечается День защиты детей. В произведении перед нами проходит целая вереница детей, то трогательно-наивных, то подавленных, то озлобленных. Конечно, нам жаль малышей, но цель Н. Шюта совсем не в том, чтобы нагнетать чувство жалости. Роман написан сдержанно и сурово. Стремление защитить детей от войны — здесь не просто эмоциональный порыв, а осознанная, продуманная программа всей жизни.

Запоминается образ маленького поляка Маржана, мечтающего вырасти большим и сильным только потому, что он хочет убить как можно больше немцев: «Во-первых, надо взяться за молодых женщин, а не за мужчин. Если убивать женщин, они не станут рожать, и скоро не будет больше немцев». Читая историю Маржана, думаешь, что детей нужно защитить не только от чужой ненависти, но и от той ненависти, которую они могут носить в своих неокрепших душах вследствие пережитого зла. И эта вторая задача вряд ли легче первой.

Советский читатель заметит, что роман создает одностороннее представление о Второй мировой войне. Ведь Хоуард считает основной

антифашистской силой армии Англии и США. Старик явно преувеличивает готовность правительств этих стран уничтожить режим Третьего рейха. Читатель, впрочем, легко разберется в том, почему такова точка зрения героя. Время создания романа еще не позволяло полностью разобраться в расстановке политических сил и заметить разницу между пропагандистскими призывами и реальными действиями наших союзников по антигитлеровской коалиции.

В романе «Крысолов» звучит голос страстного борца за мир, который органично вливается в могучий хор сторонников мира нашего времени. И мы благодарны редакции «Урала», приобщившей читателей к творчеству замечательного писателя, имя которого прежде было знакомо в СССР лишь специалистам. Хочется поблагодарить и переводчицу Нору Галь за квалифицированный и тонкий перевод «Крысолова».

В. Бабенко, доцент Уральского университета

* * *

Свердловск, 17.XI-83

Редакция газеты «Уральский рабочий»

Уважаемые товарищи! Я узнала, что в Вашей газете 13 ноября напечатана была статья В. Бабенко «Свет человечности» с отзывом о повести Невилла Шюта «Крысолов» в моем переводе. Очень рада, что «Уральский рабочий» откликнулся быстро и по-доброму на эту добрую и мудрую книгу, она этого вполне заслужила.

Собираются о «Крысолове» писать и в Москве, но, к сожалению, здесь и рецензенты и периодика менее оперативны или, м. б., больше загружены, хотя книга Шюта, написанная давно, сейчас более чем злободневна. Тем больше я рада Вашей публикации — прежде всего за книгу и за читателя, хотя, конечно, приятно, что автор статьи нашел доброе слово и для переводчика.

Очень прошу, пришлите мне бандеролью номер от 13.XI, если возможно, даже 2—3 экз. Расходы сразу возмещу почтовым переводом. Здесь Вашу газету не достать. Мой адрес на обороте. Буду очень благодарна.

С уважением

НГ

* * *

Открытка Лукьянину

Дорогой В. П.!

Как я и подозревала, книжная ред. «Правды» может издавать только то, что уже выходило где-нибудь отдельной книгой (если речь не о больших вещах, рассказах). Так что если «Крысолова» приютят в Свердловске, прекрасно — потом может выйти и более массовое издание. Пожалуйста, показывайте журнал, а уж если издательство захо-

чет печатать, я им пришлю машинопись, куда вошли все мелкие поправки, чтобы потом не пачкать верстку.

Если ничего неожиданного не стрясется, в Н/Мире июльском (к сожалению, в июньский, в месяц, связанный с Днем защиты детей, не успели поставить) пойдет рецензия — без чрезмерных восторгов, это и не обязательно, но положительная и подробная.

Всего Вам самого доброго!

С уважением

НГ

* * *

20.IX-84

Свердловск, В. П. Лукьянину

Дорогой Валентин Петрович!

Думаю, Вы уже видели в «Новом мире» рецензию на «Крысолова» — наконец-то появилась, хоть и в 9-м номере, а не в 6-м. Автор мне сказал, что ее порядком сократили, но важно, что она есть в таком серьезном журнале и вполне доброжелательная: ясно, что роман хороший и хорошо сделал «Урал», его напечатав. Вот и еще один добрый отклик после похвалы в «Известиях».

К сожалению, подвела «Иностранная литература», точнее, ее подвел предполагавшийся автор — сперва был загружен своими писательскими делами, потом попал в больницу. Теперь я не уверена, что они успеют найти другого рецензента и отозваться на публикацию 83 г.

Мои (а вернее — старика Хоуарда) доброхоты пытаются найти для наших путников пристанище где-нибудь в издательстве. Как говорится, дай-то бог. Я уже однажды Вам писала, до чего забиты планы московских издательств, а сама я, увы, «пробивными» способностями не наделена. На всякий случай хочу переспросить, Вы когда-то говорили, что, м. б., «Крысоловом» заинтересуется Ваше Уральское издательство? Теперь, когда есть в центральной печати добрые отзывы о Вашей публикации, мне кажется, это было бы естественно? Я уже подумывала предложить его какому-нибудь областному или республиканскому издательству, выпускающему переводную художественную литературу из соображений полукommerческих (кажется, так бывает, например, в Кишиневе) — но, пожалуй, естественней начать ближе к «колыбели» — в том краю, где впервые появился русский перевод.

Хотелось бы знать Ваше мнение.

Всего самого доброго Вам и «Уралу», привет мой Валерию Эльбрусовичу. Будьте здоровы и всемерно благополучны!

С уважением

НГ

* * *

26.X-84

Дорогой Валентин Петрович!

Как ни грустно, моя надежда найти для странника Хоуарда приют на Урале же — в книгоиздательстве после журнала — не сбылась.

Я написала заявку сразу же, в точности по Вашему совету — и сегодня, очень быстро, получила вежливый отказ, дата — 22 октября.

Привожу письмо полностью:

Уважаемая Н. Я.! Согласен с Вашей высокой оценкой романа Н. Шюта «Крысолов», но, к сожалению, эта книга не входит в наш перспективный план изданий зарубежных авторов, утверждаемый Госкомиздатом СССР, поэтому в ближайшие годы мы не можем планировать выпуск этого романа.

С уважением главный редактор (стоит одна непонятная буква и в скобках расшифровано — В. И. Селиванов).

Что в плане издательства Шют раньше не стоял, вполне понятно, а ставить его очевидно не захотят, так как не думают, что Госкомиздат утвердит.

Московские хлопоты моих товарищей — почитателей «Крысолова» тоже пока плодов не принесли. Не сомневаюсь, что рано или поздно книга выйдет, потому что вполне этого заслуживает и более чем злободневной темой и человечностью. Только, честно говоря, хотелось бы мне и самой этого дожидаться, а ждать в моем возрасте трудновато да и за читателей несколько обидно, немало они получают книг менее достойных.

Вам — сердечное спасибо за все и мои самые добрые пожелания.

С уважением

Н. Галь

* * *

26.XI-84

Дорогая Нора Яковлевна!

Большое спасибо за книгу, за Вашу добрую память о нас.

Меня крайне огорчила отписка В. И. Селиванова по поводу романа Н. Шюта, и я при первой же встрече с ним попытался выяснить причины. Оказалось, что дело не так просто, как мне представлялось вначале. Где-то совсем недавно Госкомиздат СССР принял решение, призванное, по замыслу его авторов, поставить заслон потоку некачественно подготовленных местных изданий переводной литературы, предпринимаемых с коммерческой целью. В этом решении были поименно названы авторы и книги, разрешенные к изданию. В список попали, разумеется, только хорошо обкатанные в десятках

и сотнях изданий хрестоматийные вещи. Думаю, мы с Вами примерно одинаково расцениваем суть этой охранительной меры. Но вот вопрос: что можно сделать в такой ситуации? У меня остается некоторая надежда на В. М. Свининникова — главного редактора Госкомиздата РСФСР, моего давнего знакомого. Воспользовавшись ближайшей поездкой в Москву, попробую подсунуть ему «Крысолова», так сказать, приватным образом. Если удастся его заинтересовать, то, возможно, он сумеет помочь.

С самыми добрыми пожеланиями

В. Лукьянин

* * *

3.V-85

Дорогая Нора Яковлевна!

Чем я могу отблагодарить Вас за столь щедрый дар? Брэдбери!! Спасибо, спасибо и еще раз спасибо! И примите от начинающего прозаика последний пока рассказ. Книжка, увы, мне только снится не раньше 87 г.

С праздником Вас и с Первомаем и с Днем Победы!

И крепкого здоровья и многих еще прекрасных переводов!

Исхаков

* * *

УРАЛ

*Редакция ежемесячного литературно-художественного
и общественно-политического журнала*

22 сентября 1986

Здравствуйте, дорогая Нора Яковлевна!

Спасибо за приятный сюрприз, спасибо за добрую память. Жаль, что пока не могу отдариться — первая моя книжица появится только через год. Впрочем, что такое год по сравнению со временем, которое уже прошло в ожидании!

И еще жаль, что давно не появлялось в «Урале» ничего, достойного встать в один ряд с «Крысоловом». Но тут не столько вина наша, сколько беда — то ли зарубежная литература поиссякла (даже и в «Иностранной литературе» с ее возможностями ничего выдающегося давненько не возникало), то ли много развелось у нас «переводчиков», о которых Вы писали в книге «Слово живое и мертвое», из тех, что владеют не языком, а интересной книгой зарубежного автора. С такими работать — не приведи господь!

Так что вся надежда на Вас, Нора Яковлевна!

Еще раз спасибо, всего доброго

Исхаков

* * *

19.VI-87

Дорогой Валерий Эльбрусович!

Наконец вырвала три поздних вечера и прочитала Вашу книжку. С истинным удовольствием прочитала, поздравляю! Книжка добрая, умная, с юмором, а где надо — и сердитая. В каких-то частностях ощутила даже родство с бабулей, у которой характер — о-го-го! — хотя вообще-то мне до нее далеко. Очень задел и Ахезин и — совсем по-другому — Семейный круг.

И еще одному от души порадовалась — Вы ведь знаете, по части языка я придира, тем отрадней было мне видеть, что пишете Вы живо, говорят Ваши люди естественно. Конечно, можно бы к чему-то и цепляться по мелочам, но именно по мелочам — и далеко не так часто, как заставляют меня «цепляться» иные творения наших маститых и полумаститых. Не собираюсь Вас захваливать, упаси бог человека в Вашем возрасте счесть себя законченным и непогрешимым мастером, но начинаете Вы хорошо.

Успеха Вам! Привет мой Валентину Петровичу.

А Кларка, о котором я писала, видимо, в сокращенном почти вдвое варианте напечатает в 1988 «Химия и жизнь» — они просили, надеюсь, не передумают. После этого, м. б., дойдет и до книги.

* * *

13.V-88

Дорогая Нора Яковлевна!

Письмо Ваше получил, исправления по возможности все внес, надо только будет потом посмотреть в сверке, а то на наши исправления типография обычно отвечает новым набором опечаток.

«Поющие в терновнике» у нас есть. Нам всем, всему издательству и журналу повезло — дали на каждого по книге. Книгу эту я читал и читал с удовольствием, и рад ее теперь иметь.

Рассказ идет в 8-м номере, постараемся экземпляры изыскать.

Пока же посылаю 5-й номер.

Всего доброго

Лукьянин

* * *

28.IV-86

Дорогая Нора Яковлевна!

Примите самые добрые пожелания по случаю праздника!

Большое спасибо за Вашу недавнюю открытку. Представьте себе, я именно из нее впервые узнал о заметке В. Дементьева. Когда вышла га-

зета (а она к нам приходит лишь дня через три после появления в свет), я был на областном совещании молодых писателей, которое проводилось в загородном доме отдыха: дело хлопотное, не до газет...

Между прочим, и я однажды говорил с В. В. Дементьевым по поводу «Крысолова». Заинтересованность он выразил, но, похоже, этим и ограничился.

Еще раз с праздником 1 мая!

Ваш

В. Лукьянин

* * *

31.VII-86

Дорогая Нора Яковлевна!

Очень перед Вами виноват: опять по уши увяз в потоке напирających друг на друга сиюминутных дел (до сих пор не научился и, вероятно, уже не научусь свободно владеть своим временем) и до сих пор — уж не месяц ли прошел? — не собрался поблагодарить Вас за «Убить пересмешника...». Удовольствие перечитать эту книгу откладываю до скорого уже отпуска.

[...] Случайно разговорился с одним очень авторитетным в Свердловске профессором-математиком, Л. Н. Шевриным, и как-то в разговоре выплыло, что он хорошо знает и очень любит Вашу книгу о языке. По-моему, во всех отношениях приятный факт.

До свидания, Нора Яковлевна. Всего-всего Вам самого хорошего!

Ваш

В. Лукьянин

* * *

25.IX-87

Дорогой Валентин Петрович!

Была я в Переделкине, работала не настолько по-сумасшедшему, чтобы уж вовсе не успевать читать — и в частности прочла в тамошней библиотеке несколько номеров Вашего «Урала». И с интересом — повесть Валерия Эльбрусовича! Мне кажется, наш молодой автор набирает силу, у него своеобразный ход мысли — и хороший язык, а Вы ведь знаете, по этой части я придира. И следующая повесть интересна, а вот фантастический роман, к сожалению, не могла дочитать — и не знаю, добуду ли дальнейшие номера в городе.

На всякий случай посылаю Вам рассказ из сборника, который, боюсь, очень еще не скоро выйдет в издательстве «Мир» — а вдруг да Вам понравится? (Силверберг — «Рукою владыки»).

Всего самого доброго Вам, привет мой и поздравления Валерию Эльбрусовичу, желаю ему новых хороших работ.

С уважением

Н. Галь

* * *

24.X-87

Дорогой Валентин Петрович!

Месяц назад я Вам писала, прочитав в переделкинской библиотеке номер «Урала» с повестью Валерия Эльбрусовича, и заодно послала рассказ фантаста Силверберга «Рукою владыки» — на случай, если он Вас заинтересует. Поскольку ответа нет, думаю, рассказ не понравился. Сейчас у меня просит фантастику один московский журнал, я хотела бы дать туда Силверберга, но не решаюсь, не получив от Вас иного отказа — а вдруг вы хотите все же печатать? Поэтому большая просьба: сообщите мне *сразу*, хотя бы открыткой, свое «да» или «нет» — и во втором случае, если можно, верните рукопись (просьба как будто законная, ведь там больше листа).

Всего Вам самого доброго!

С уважением

Н. Галь

* * *

2.III-88

Дорогой Валерий Эльбрусович!

Рада, что рассказ Силверберга понравился и «Урал» готов его печатать. Хорошо бы не очень задерживать — я пока не могла уточнить, когда выйдет сборник в «Мире», думаю, не очень скоро. Справку о Силверберге (все главное) беру из т. 10 Библиотеки современной фантастики, Молодая гвардия 1967, там была первая его публикация по-русски (рассказ «Тихий вкрадчивый голос», пер. Н. Евдокимовой). Уже тогда он считался одним из ведущих фантастов США, первая его публикация в жанре НФ — в 1956 г. (рассказ «Ум для бизнеса», если верить автору молодогвардейской справки). Не помню, попадались ли мне еще его рассказы, кроме недавнего «Звероловы» в сборнике «Солнце на продажу» издательства «Мир», 1983 (перевод В. Вебера). Сейчас «Мир» готовит авторский сборник Силверберга, для этого мне и заказали «Рукою владыки».

Искренне рада Вашим успехам. Очень правильная мысль — не гнаться за обильным печатанием, на этом выигрывает художественность. А на поприще перевода... опять же от души желаю успеха, но при этом беру на себя смелость посоветовать — почаще заглядывайте в мое «Слово», оно может пригодиться. Вот увижу ли я «Памир» — вопрос, разве что летом в Переделкине, но не уверена, что там в библиотеке его выписывают.

Всего самого доброго Вам, сердечный привет Валентину Петровичу.

Печатаю рассказ, *надо сделать сноску*: Сборник произведений Р. Силверберга готовится в издательстве «Мир»! (Подлинник дали и перевод мне заказали они, это их право.)

* * *

12.V-89

Дорогой Валентин Петрович!

На днях мне дали 3-й номер «Урала» — на один день. Скажу честно, издательская перестройка заставляет меня в мои 77 работать по 10 часов в сутки безо всяких выходных (к новым переводам прибавляются подготовка к печати и корректуры таких, что ждали своей очереди многие годы и даже десятки лет), не успеваю читать самое необходимое, лежат горы «Огоньков», «Новых миров» и пр. Но этот Ваш 3-й номер прочла почти насквозь, даже конец «Дела Тулаева», не видя начала!

Все значительно, все интересно. Очень хороша повесть «Не плачь, не горюй», отличная статья о Гроссмане. И потрясающие записки Чусовитиной. Одна мелочь тут огорчила, хотя очень понимаю, что память могла изменить старой, столько пережившей женщине: Елена Владимировна Бонч-Бруевич пострадала не как «жена военного», она была женой печально знаменитого РАППовского вождя Леопольда Авербаха, который немало дров наломал в литературе и немало зла натворил, а потом и сам сгинул. К счастью, знаю, она выжила и вернулась тогда.

Я все равно Вам о своих впечатлениях написала бы, но нынче прибавился еще повод. Хотя портфель журнала наверняка полон, в том числе и сходными материалами, возможно, Вас заинтересует следующее.

Коротким, очень убедительным письмом академик Раушенбах и хорошо Вам, конечно, известный Марк Галлай рекомендуют рукопись уже покойного Александра Боруна. Это был разносторонне одаренный человек, крупный авиаконструктор, работал в ЦАГИ, при Антонове, над знаменитыми АНТ. Работал в «шарашке» (знакомо по Солженицыну!). Арестован был с группой молодежи буквально ни за что (писали и читали хорошие стихи!), высшую меру ему и части его друзей (не всем) заменили по известной 58-й со многими подпунктами на 10 лет.

Рукопись еще ищет издателя, рано или поздно, я уверена, будет издана полностью: написано очень сильно, люди — живые, судьбы и события не просто запоминаются — врезаются в душу. Литературный дар Боруна отмечают Раушенбах и Галлай, кое-что в этом, поверьте, понимаю и я. Для журнала вещь велика (415 стр.), но, мне кажется, «Урал» могла бы заинтересовать *вторая* часть — не арест и суд (не потому, что неинтересно, напротив, потрясающе, но близко по смыслу к Чусовитиной), — а эта самая «шарашка», люди, самоотверженно и трудно работающие на страну, на оборону в *тех* условиях, в *те* годы.

Рукопись была в руках у моей дочери, редактора издательства «Книга», сейчас — у вдовы автора. Если Вам станет любопытно, можно будет с нею связаться. Пожалуйста, напишите мне.

Надеюсь в ближайшее время получить и послать Вам две мои долгожданные книги: «Несчастный случай» Д. Мастерса (был когда-то, точнее, в 1957 г. напечатан в журнале «Иностранная литература») и «Корабль дураков» К. Э. Портер, дважды — в 1977 и 1988 — анонсированный (без последствий!) «Новым миром» и проторчавший на мели 12 лет (издательство «Радуга»). В «Радуге» вышел и однотомник А. Камю с моим «Посторонним» (он печатался впервые в «Иностранной литературе», а в однотомнике 1969 года — другой перевод), но книг мне дали, увы, раз-два и обчелся.

Будьте здоровы, всего Вам доброго!

Привет и наилучшие пожелания Валерию Эльбрусовичу.

Н. Галь

* * *

21.VII-89

УРАЛ

ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей РСФСР
Главный редактор

Дорогая Нора Яковлевна!

Одновременно с этим письмом высылаю номера «Урала» (№№ 5, 6, 7) с «Сивцевым Вражком» М. Осоргина, о котором рассказывал Вам во время своего последнего кратковременного визита.

Книгу получил — большое спасибо! Жена уже прочитала, очень хвалила. Я еще не добрался — цейтнот.

Воспоминания А. А. Боруна прочитал и я сам, и еще трое человек из редакции. Всем нравится, но... Вещь-то явно неделимая, а большой объем нам не поднять. Подробнее расскажу по телефону.

Ваш

В. Лукьянин

* * *

30.VII-89

Дорогой Валентин Петрович!

Мне привезли в Переделкино Ваше письмо. Звонить отсюда в Свердловск сложновато. Моя дочь (редактор издательства «Книга», которая почти год тщетно пыталась объяснить своему начальству, что рукопись Боруна заслуживает внимания) попробует до Вас дозвониться, а я все же решила написать.

Если Вас смущает только объем рукописи, мы с дочерью беремся сократить ее до размера, который Вас устроит — 250 стр.? Двести? Опыт такой работы у нас обеих немалый. В частности роман Артура Кларка

«Конец детства» я несколько лет назад сократила для журнала «Химия и жизнь» ровно вдвое, а теперь есть надежда на выход его в полном объеме в «Мире».

Но, м. б., вы сообщите, какие части или сюжетные (человеческие, психологические) линии Вы хотели бы сжать или убрать, а какие для журнала наиболее интересны? Этим мы и будем здесь руководствоваться. И, конечно, понадобится (небольшая, мы с Вами об этом говорили) стилистическая правка.

Я в Переделкине до 1 сентября, успею вчерне закончить очередную работу, а в городе, дочищая и дорабатывая этот перевод, смогу уже взяться и за Боруна.

Очень верю и надеюсь, что Вы примете мою мысль и решите дать журнальный вариант, раз уж Вам и еще троим членам редколлегии рукопись показалась достойной внимания.

Разумеется, никакая оплата нашей работы не нужна. Надеюсь, Вы понимаете, что история Боруна не могла не задеть за душу — и мне и дочери очень хотелось бы тут помочь всеми силами.

Всего Вам самого доброго! Если письмо придет раньше, чем сумеет дозвониться дочь, отвечайте, пожалуйста, на мой городской адрес.

Елена Михайловна Боруна знает о нашем предложении, даст нам экземпляр рукописи, так что отсылать ее придется, только если Вы не станете печатать и сокращенный вариант.

С уважением

Н. Галь

* * *

26.XI-90

Дорогой Валентин Петрович!

Дочитала У. Ле Гуин, с огорчением убедилась, что эта книжка от меня очень далека (это вовсе не значит, что она плохая!), и переводить ее отказалась. Возможно, составитель сборника Рыбкин, предлагавший ее мне, отдаст ее в какие-нибудь неплохие руки и через него можно будет перевод получить. Рыбкина Вы, д. б., помните, он первый в 1982 г. в Переделкине нас познакомил ради «Крысолова» (подключив милейшего Симу Соловейчика). Он и сам переводит чуть не с 10 языков, человек без особого обаяния, но великой энергии, составил и пробил в разных издательствах немало и вправду хороших книг, в том числе Брэдли — рассказы, которые я лет 20—25 назад предлагала по меньшей мере трем издательствам в Москве и Ленинграде (письменно) и мне даже не отвечали.

Еще немного о Ваших планах. Конечно, выход 2-х разных переводов (того же Шюта) не беда, такие случаи бывали, и м. б., «Урал» выйдет еще до книжки Худлита, там сейчас сроки сбиваются. А вот насчет

объявленной Вами Ле Гуин меня кое-что смутило. Я не спец совсем, но, насколько знаю, она знаток и поклонница восточной литературы и философии, в частности китайской. Название романа — из китайской мудрости Дао (примерно в 1967 у нас был перевод!), оттуда же эпиграфы к главам. «На станке мироздания» — далековато. Буквально — «Точило небес», по предисловию Брандиса к сборнику «Планета изгнания», Мир, 1980 — «Небесный порядок» (т. е. божественный, богом установленный).

Знает ли все это Ваш переводчик? Работа ему предстоит (или уже делается?) сложнейшая, надо поднимать серьезные культурные пласты. М. б., я и зря все это дилетантски пересказываю, но на всякий случай решилась написать, не хотелось бы для «Урала» какой-нибудь неловкости.

Всего Вам самого доброго!

Н. Галь

* * *

22.I-91

Дорогой Валентин Петрович!

От души порадовалась Вашему письму. Да, время наше воистину сумасшедшее, и тем отраднее, что стойко держится Ваш «Урал», что Вас вновь выбрал коллектив назло РСФСР-ским, простите за резкость, мракобесам и чиновникам.

От души желаю успеха и Вам и журналу, и, конечно, здоровья, бодрости, сил душевных и телесных. — Отвечаю не очень сразу, загружена не по возрасту и не по здоровью, но и почта работала черепашьими темпами, Ваше письмо пришло только неделю назад. К сожалению, не успеваю следить за «Уралом», вообще за журналами, откладываю до времен посвободнее, а когда они у меня будут?.. А любопытно бы поглядеть на Вашу Ле Гуин. — У меня в Худлите вышли во 2 томе Пристли «Опасный поворот» и «Время и семья Конвей» (замена страшных старых переводов) — это праздник, рада была бы Вам послать, да экземпляров не добьешься. Очень жду Н. Шюта, «Крысолов» и «На берегу» — праздник еще больший для меня, их надеюсь добыть и пришлю уж непременно, это ведь не 2-томник, а «моя» книжка.

Обещают выпустить вскорости (обещали еще до Нового года, но...). Пиратствуют разные кооперативные и самодеятельные издательства, иногда из «Книжного обозрения» узнаю, что где-то что-то вышло мое, в основном фантастика, нередко даже без имени переводчика. Порой предлагают что-то новое, отбираю строже, чем раньше — и за большие вещи (на год работы) боюсь браться, не тот возраст при моей нагрузке, и, главное, хочется делать настоящее, то, что и правда по руке и по душе. Сейчас как раз время «начитывания» и выбора.

Была бы рада Вас повидать, будете в Москве — непременно позвоните, м. б., выкроите часок.

Всего Вам самого доброго!

Н. Галь

* * *

2.VI. 91

Дорогой Валентин Петрович!

Большое спасибо за 5-й номер «Урала». По сведениям о тираже и об учредителе журнала, да и не только по ним, понимаю, как Вам приходится трудно, интересно мне будет прочесть и Сержа, хотя уже уловила, что перевод, увы, не на высоте. Что до Н. Шюта, сразу же заглотила почти половину и огорчена, признаться, безмерно. Понимаю, вы не могли упомянуть, как я когда-то говорила, что буду это переводить, а потом были уже связаны по рукам и ногам. Но перевод, простите, ужасен. Прежде всего, это канцелярит, для которого нет оснований: даже при первой встрече лейтенанта Холмса с высоким начальством автор подчеркивает, что официальности тут меньше всего. С другой стороны, не хватает вкуса, такта и чувства меры, появляется грубый «оживляж». К примеру, «фермер, *флегматичный верзила*» (с. 152) или обращение Тауэrsa к подвыпившей Мойре *на ты*. Она-то пьяная, но он *так* ответить не может, не в его это характере! Ну и казенные иностранные слова в речах и мыслях Питера, Мэри да и всех остальных совершенно невозможные, немыслимые. Или перлы на с. 187, где стоят рядом «девушка... поняла *принцип действия этого устройства*» (о перископе), а через десяток строк — «*противозапаховое устройство*» начинает убирать запах вареной капусты. Жаль, что «Уралу» пришлось напечатать такое, жаль, что читатель впервые именно в таком виде получает этот роман. А кроме того, признаться, опасаясь, что какие-нибудь ретивые кооператоры или сам переводчик уже готовят это отдельной книгой. Между тем «Крысолов» и «На берегу» (вместе) в моем переводе выйдут, очевидно, очень скоро: верстка в «Художественной литературе» уже прошла. Смею думать, что мой перевод все же более соответствует подлиннику.

Не хотелось мне Вас огорчать, но, по совести, иначе сказать не могу.

От души желаю Вам, дорогой Валентин Петрович, и Вашему журналу всего самого хорошего.

Привет мой В. Э. Исхакову.

К сожалению, «на подходе» у меня ничего нет. Я долго и тяжело болею¹, не знаю, когда смогу работать, хотя бы сесть за машинку. Вам пишет под диктовку моя дочь.

Ваша НГ

* * *

*Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
ЗВЕЗДА ВОСТОКА
14 марта 1991 г.*

Уважаемая Элеонора Яковлевна!

Журнал «Звезда Востока», издающийся в Ташкенте и имеющий широкую читательскую аудиторию как в стране, так и за ее пределами, по давней традиции постоянно знакомит своих читателей с лучшими образцами зарубежного детектива и фантастики.

Начиная с шестидесятых годов на его страницах появляются такие имена, как Жорж Сименон, Агата Кристи, Айзек Азимов, Станислав Лем. Журнал открыл для советского читателя лучшие произведения классиков детективного жанра Гарднера, Уэстлейка, Хемметта, Чейза.

Мы намерены продолжать и развивать это направление публикаций. Приглашаем Вас к сотрудничеству и готовы рассмотреть рукописи, представляющие высокий художественный интерес.

После публикации в журнале лучшие переводы будут изданы массовым тиражом в нашем приложении.

С пожеланиями успеха и надеждой на творческое сотрудничество
Главный редактор *Сабит Мадалиев*

* * *

14.VII. 91

Дуткиной издательство «Радуга»

Уважаемая Галина Борисовна

Уважаемые товарищи!

Возвращаю подписанный договор. Жду верстку. Только из «Книжного обозрения» узнала, что у Вас издан сборник «Проклятая книга», попутно небольшая просьба. Только что из «Книжного обозрения» узнала, что у вас вышел сборник фантастики «Лавка миров». Не знаете ли, кто его вел и не входит ли туда что-нибудь из моих переводов?

Всего доброго.

Н. Галь

(за 10 дней до кончины — 23.VII. 91)

¹ Пишет о стиле при сильнейших болях — 8 марта поставлен диагноз рак. Скончалась 23 июля 91 г. — Э.К.

* * *

14.VII. 91

Уважаемые товарищи! «Книжное обозрение» № 29 12.VII. 91

Из «Книжного обозрения» узнала, что у вас вышел сборник зарубежной фантастики. Поскольку я переводила трех из четырех входящих в него авторов (К. Саймак «Все живое», А. Кларк «Конец детства», а также ряд рассказов), прошу сообщить, не входит ли в ваш сборник что-либо из моих работ.

С уважением

Нора Галь, член СП СССР

(За 10 дней до конца — 23.VII. 91)

* * *

5.IX-91

Уважаемая Элеонора Яковлевна

Направляем Вам корректуру книги А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», которую готовит к выпуску издательство «Высшая школа». Одновременно прилагаем бланки авторских карточек и договора, который будет весь заполнен и напечатан после Вашего подписания его.

Если у Вас есть возможность добавить в конце книги интересный материал на 3 печатные страницы (Эдварда Борисовна говорила о публикации в «Космическом вестнике» ранее неизвестного документа), то это было бы очень хорошо — чтобы довести объем книги до полного количества листов.

И просьба: не задерживать корректуру, если будут какие-то вопросы, позвоните, пожалуйста, в редакцию — Манниной Т. Н.

(Верстку прочла я и вставила памятку о маме. — Э. К)

* * *

22.V-92

Дорогая Нора Яковлевна!

Наконец появилась возможность выполнить обещание — послать Вам нашу версию Невилла Шюта, выразив еще раз сожаление о том, что по моей, можно сказать, халатности мимо нас прошел Ваш перевод этой вещи. И по стечению обстоятельств в этом же номере напечатан перевод романа Виктора Сержа, который Вы читали в свое время по моей просьбе. Правда, мы упростили название, перебрав несколько вариантов переводов, ибо ни один из них не показался нам «стилистически благополучным» и благозвучным.

Мы сейчас уже активно занимаемся будущим годом, рассматриваем и переводные вещи. Кое-что на примете уже есть. Нам предлагают перевод еще одного романа А. Б. Зингера — боюсь, что после «Шоши» он многих разочарует. Есть еще одна повесть Виктора Сержа, правда, совсем небольшая. Это тоже «повторение пройденного». Ведутся переговоры о переводе с испанского романа Сальвадора Дали «Спрятанные лица». Валерий читал его по-английски, получил, по его словам, большое удовольствие. Опять же — имя, да еще в таком непривычном ракурсе. Но что-то я не очень верю в выдающиеся литературные достоинства труда столь экстравагантного сочинителя. Сам Валерий перевел «роман ужасов» Томаса Трайона «Другой». Перевел, по-моему, хорошо, но сам роман мне, признаться, мало симпатичен...

А может, что-нибудь у Вас есть на подходе — из того, что нацелено на дальнее по времени книжное издание и может до того появиться в журнальной публикации?

Журнал наш переживает сейчас времена в некотором смысле революционные, в двух словах о том не рассказать. Самое радикальное из того, с чем столкнутся уже вскоре наши подписчики: на 1992 год мы решили отказаться от услуг Союзпечати. Конечно, нам придется преодолеть мощный психологический барьер, зато подписчики будут получать журнал в срок (а не через полгода и более, как нынче получали москвичи), в фирменном конверте и хотя бы потому с гораздо большей гарантией сохранности.

Всего Вам самого хорошего, а особенно — здоровья!

До свидания.

Ваш

В. Лукьянин

10.11.1992 г.

Издательско-полиграфическое объединение «Полигран» приносит свои извинения наследнице Норы Галь — Кузьминой Эдварде Борисовне в связи с тем, что во втором томе сочинений Э. Л. Войнич (ИПО «Полигран», Москва, 1992) напечатано, что перевод с английского романов «Джек Реймонд» и «Оливия Лэтам» выполнен Н. Галь и С. Мирлиной, т. е. без указаний, кто конкретно переводил каждый роман. В действительности роман «Джек Реймонд» перевела Нора Галь, а роман «Оливия Лэтам» — С. Мирлина.

Просим извинить нас за допущенную неточность.

Генеральный директор В. П. Купряшкин

Это — на всякий случай, тому из Вас, кому придется хлопотать.

Если только в крематории разрешат, мою урну поставьте вместе с мамой. Если Союз писателей поможет в организации этого дела — ладно. Если нет, *непременно* закажите рабочих, чтобы помогли с гробом, нечего нашим друзьям маяться (8 этаж), не надо искать, обзванивать, затруднять людей — всем это тяжело и трудно, не хочу! Пускай все будет просто, как можно меньше хлопот — очень прошу.

Нора Галь

1912—198

Вот так. *Н. Галь*

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Уже более четверти века нет с нами Норы Галь.

23 июля 1991 года она скончалась.

Но она осталась с нами, она и ее любимые творения.

Замечательная переводчица была человеком поразительной скромности. Всю жизнь сидела дома, за стареньким «Ундервудом», нигде не мельтешила. Только в последние несколько лет переводчиков стали публично признавать, каждый год дают премии. А в те полвека, что мама работала в литературе, даже в хвалебных рецензиях на книги, которые она переводила, не каждый раз указывали имя переводчика.

И с первых дней, как мамы не стало, я считала целью и смыслом своей жизни — хранить память о маме, сохранить для людей ее творческий и человеческий облик.

В тот горестный день мне привезли (тогда еще не мне, а думали, что ей) срочную верстку — в издательстве «Детская литература» был набран сборник рассказов Рэя Брэдбери «Время, вот твой полет», куда входили целых 10 рассказов в мамином переводе. И сдать надо срочно, как всегда!

Конечно, в ту ночь я почти не спала. И в 6 утра раскрыла верстку. И словно мама мне сама ответила, дала совет на будущее, словами рассказа своего любимого Брэдбери «Были они смуглые и золотоглазые»:

«— Что же теперь будет?

— Будем делать свое дело... растить детей. Ждать. Жизнь должна идти своим чередом...»

И я стала «делать свое дело». Для начала быстро прочла и сдала верстку.

А уже 1 августа 91 года написала первую заявку в издательство «Прогресс» на сборник маминых работ. Я предлагала собрать самые яркие мамины работы — переводы Сент-Экзюпери, Пристли, Камю, Н. Шюта...

В мечтах я как бы составила программу-максимум — 6 томов маминых переводов. 1-й том — «Рукою мастера» — 4 любимых из 25 крупных переводных повестей, романов, пьес. 2-й — все переводы англо-

язычных рассказов: Сэлинджер и Хаксли, Моэм и Джон Чивер, Эдгар По, Брет Гарт, О. Генри... По заглавию одного из рассказов этот сборник я назвала «Павана для мертвого принца». 3-й том — все переводы ее с французского. Сент-Экзюпери и Камю, Франсуа Нурисье «Хозяин дома» и прелестные рассказы Мориса Женева, Жоржа Дюамеля и других сравнительно мало известных у нас писателей. По рассказу Дюамеля я назвала его «Притчи моего сада».

4-й том — все рассказы ее любимого фантаста Рэя Брэдбери — по одному из рассказов я назвала сборник «Земляничное окошко». И 5-й том «Заповедная зона» — рассказы других фантастов, от Азимова до Шекли. 6-й том — полный «мамин» Сент-Экс: «Планета людей», «Маленький принц», «Письмо заложнику», воспоминания о нем. Эти 6 томов полностью подготовила за полтора года. Подобрала предисловия, комментарии. Читала верстки, сверки... Сколько труда... и разочарований.

Сколько за эти годы закрылось редакций, рухнуло издательств в безуспешной гонке за ростом цен и курсом доллара! Распался «Прогресс», похоронив серию «Рукою мастера». Безуспешно побывали в двух-трех издательствах тома 2-й и 3-й — английский и французский сборник. К счастью, от сборника «Притчи...» сохранилось блестящее предисловие Юлианы Яхниной, переводчицы и исследователя перевода. Даем его в нашей книге.

Самыми удачливыми оказались сборники фантастики. Сменив два-три издательства, мне удалось выпустить два варианта: в Лениздат — в серии для подростков — в 1996 году сборник «Планета НОРА-ГАЛЬ» с тонкими, вдумчивыми заставками к каждому рассказу молодой художницы Т. Крутихиной. Летом 1995 года малая планета под номером 4049 получила имя NORAGAL. Копию свидетельства я послала в Лениздат, предлагая использовать в оформлении тома, а издательство само предложило сборнику избранной ее фантастики дать такое название. Открывает книгу паспорт маминой планетки. Здесь примерно половина ее «брэдберианы». Через год, в 1997-м, нам удалось уговорить московское издательство «Новатор», выпускавшее серию «Библиотека зарубежной фантастики», посвятить один том не автору, как было принято, а переводчику, за тридцать лет работы отобравшему действительно сливки, жемчужинки, соединив авторов известных, как Старджон, Урсула Ле Гуин, К. Саймак — с почти не известными нам авторами прелестных рассказов. Сборник «Голоса Пространства» с подзаголовком «Избранная зарубежная фантастика в переводах Норы Галь» и с моим послесловием вошел в рейтинг «Известий» в список «лучших книг месяца». (17 апреля 98 г. — почти подарок к маминому дню рождения — 27.IV).

Но все же оба эти сборника были неполные, включали примерно две трети маминой фантастики (не считая двух романов — К. Саймака и А. Кларка).

Оставалась еще мечта — собрать вместе всю ее «брэдбериану». В 1997 году удалось убедить издательство «Терра» издать двухтомник Брэдбери. Я была составителем и редактором. В это время уже появлялись издания, смакующие «черного Брэдбери». Я решила подготовить «светлого Брэдбери». В 1-й том вошла любимая мамина повесть «Вино из одуванчиков», которую она редактировала (эта повесть обрела жизнь и на российском экране с прекрасными актерами... Но, увы, уже без мамы — в 1997 г.), и 26 рассказов в ее переводе. Наконец они собраны вместе — впервые!

А в 1999 году мы договорились с издательством «Мир», с которым мама сотрудничала более 30 лет, выпустить двухтомник — собрать наконец все фантастические рассказы в ее переводе. И само издательство предложило назвать двухтомник «Звезда по имени Галь». 1-й том — «Земляничное окошко» по рассказу Брэдбери, 2-й — «Заповедная зона» — по рассказу Шекли.

Эти четыре издания — главная удача минувших лет.

Каждый год, и не по одному разу, переиздается «Маленький принц» — и бесконечно возвращаются к нему мысли и сердца людей: писателей, исследователей, деятелей искусства и просто читателей. Снял свою киноверсию «Маленького принца» сахалинец Андрей Росс. Немало появилось интересных театральных постановок. На стенах московского метро цитаты из «Маленького принца» не оставляют людей равнодушными. А всего этого могло и не быть, если бы не Нора Галь. В небольшом документальном фильме «Мама Маленького принца» я сравнивала ее перевод с двумя другими, в разное время по недоразумению промелькнувшими в печати: их душевная грубость могла так отвратить читателей, что мы бы разминулись с этой замечательной сказкой, она бы не вошла в нашу жизнь на полвека, не разлетелась бы на звонкие афоризмы.

Ее полюбили космонавты. Ей посвятил целую главу в своей книге «Волшебники приходят к людям» наравне с бессмертными творениями Андерсена, Пушкина, Ершова тонкий, умный писатель Александр Шаров — увы, однофамилец того двоечника, чьи перлы я сравнила с блесками Норы Галь в фильме «Мама Маленького принца». Этот фильм вместе с несколькими другими («Мастер-класс Норы Галь», «Дань памяти») есть в Интернете на youtube.

Снят большой фильм «Звезда по имени Галь» в 2012 году — к 100-летию со дня рождения и первому вручению ее премии. О Норе Галь говорят там, помимо меня и сына, достойные и близкие ей люди — бард Александр Городницкий, правозащитник Алексей Симонов.

Мама всю жизнь числила себя «Под звездой Сент-Экса», так назвала свою статью о жизни его книг в России. Уже без нее из всех ее работ я возвращалась к Сент-Экзюпери, к «Маленькому принцу» чаще всего — и для каждого переиздания, как и мама прежде, перечитывала все заново. Однажды и я сделала открытие! Задумывались ли вы, почему, когда ему было грустно, Маленький принц видел на своей планетке 43 заката? Странная цифра, вроде бы случайная. И вдруг меня осенило: ведь Сент-Экс пишет сказку в 1943 году! И ему самому — 43 года! Идет война, Сент-Экзюпери рвется на фронт — и не знает, доведется ли ему встретить свой 44-й восход...

Но, как говорится, не «Принцем» единым. Есть ведь еще и «мамин» Брэдбери — теперь, когда по-русски напечатано так много работ этого прекрасного писателя, имя Норы Галь на переводе остается подлинным «знаком качества». Нам остались многие писательские голоса, благодаря ей зазвучавшие по-русски, — но остался и образ человека, посвятившего этим голосам свою жизнь. Сердечными словами говорили об этом на вечерах памяти Норы Галь — к ее 80-летию в Центральном доме литераторов, к 90-летию — в московском Музее Цветаевой, к 100-летию — в Библиотеке имени Тургенева.

Идут спектакли и фильмы по книгам, переведенным ею. Когда-то я слышала прекрасные стихи: «Уходя, оставить свет — это больше, чем остаться» — и даже не зная их автора, предложила маме взять их эпиграфом к главе «Поклон мастерам» (в книге «Слово живое и мертвое»), где она отдавала дань памяти своим наставникам — мастерам перевода. Но, думаю, и ее свет остался с нами.

Именно Нора Галь подарила нам звонкие афоризмы Сент-Экса — и они навсегда остались в нашей памяти. Уже который год находит своих лауреатов премия Норы Галь за перевод короткой прозы. Придумал премию мой сын Дмитрий Кузьмин, у которого на счету немало и своих переводов — в том числе новый перевод первого романа Сент-Экзюпери «Южный почтовый» и первый русский перевод последнего рассказа Брэдбери «Пес в красной бандане». На премию Норы Галь откликнулись желающие не только из нашей страны, но даже из Австралии. В 2013 году три премии разошлись в Торонто, Екатеринбург и Иерусалим. Мы провели уже семь сезонов премии и надеемся продолжать.

Иногда «Маленького принца» вспоминают в самых неожиданных изданиях — рекламном журнале для туристов или даже дают кроссворд по «Маленькому принцу». Нередко вспоминают в интеллектуальных играх на ТВ — «Умники и умницы», «Своя игра»...

На 2010—2011 годы журнал «Художественная школа» объявляет конкурс «Маленький принц и мы». Со всех концов страны приходит три тысячи рисунков. Выставка в Дарвиновском музее. Там прошло

вручение премий полуфинала. А торжественный финал — в Совете Федерации.

2013 год. Другая сцена театра «Современник» ставит «Постороннего» Камю, очень живо и убедительно.

2015 год. «Маленький принц» неожиданно поставлен на сцене Московского планетария — самое подходящее место для него!

В 2018 году в Интернете — большая статья о Норе Галь — фотографии, рассказ о ее жизни и творчестве, цитаты из ее воспоминаний.

В последние годы «Принца» ставят К. Хабенский с Ю. Башметом.

О Норе Галь пишут ее коллеги, ученики, друзья.

* * *

В 1992—1993 гг. чуть не каждую неделю переиздавались «Поющие в терновнике» К. Маккалоу. К каждому изданию я читаю верстку, вношу всю мамину правку. Не раз переиздавалась «Американская трагедия» Драйзера, его же «Дженни Герхардт». Это издания наиболее популярные, ходовые.

Другие книги, более «элитарные», приходилось пробивать. Тут огромную, неоценимую помощь мне стал оказывать мой муж, Владимир Савватьевич Боровинский. Вроде бы «технарь», математик, инженер по образованию, он практически освоил профессию литературного агента, изучил все юридические и психологические тонкости этого хлопотного ремесла. Именно он оказался инициатором издания двухтомника Брэдбери, переиздания таких сложных психологических романов, как «Корабль дураков» К. Э. Портер и «Домой возврата нет» Т. Вулфа, «Сад радостей земных» Дж. К. Оутс... Загорелся идеей извлечь почти из небытия 9 рассказов Брет Гарта в мамином переводе. Этот автор совершенно пропал для сегодняшнего молодого читателя. Его почти не издавали за 30 лет после шеститомника 60-х годов. И вот удалось пробить трехтомник Брет Гарта, я была составителем и редактором, отобрала самое лучшее, динамичное, увлекательное (вышло в 1998 г.).

Но даже те издания, которые не мы «пробивали», а печатались по инициативе самих издательств, требовали огромной работы. Во-первых, я читала как корректор и верстку и сверку. Ведь в тех «пиратских» изданиях, которые до принятия нового закона об авторском праве появлялись нередко без нашего ведома, уже в готовых книгах я находила по 600 опечаток! Во-вторых, мама была редчайше требовательным к себе человеком, тщательно пересматривала и шлифовала свой труд при каждом переиздании. И сплошь и рядом издательства из спешки или экономии не вносили всю правку. Каждое переиздание — это было единоборство с издателями. И теперь я старалась каждый раз внести всю правку. По-прежнему — всегда гонка. Как-то поставила просто

рекорд: дали верстку «Американской трагедии» — страниц 900 — на 5 дней. Это около 200 страниц в день, а норма корректоров была в «мирные времена» — вдвое меньше. И одновременно из другого издательства — верстку Дж. К. Оутс «Сад радостей земных» — страниц 500 — на субботу и воскресенье. И так я всю неделю работала с 7 утра до 11 вечера почти без передышки. Но так мама работала десятилетиями!

Но за непрестанной работой над переизданиями я не оставляла главную мечту — сделать книгу в память о маме.

В этом меня поддержали и помогли те, кто хорошо знал Нору Галь и ее самоотверженный труд, те, кому я звонила после 23 июля 1991 года, извещая о ее кончине. Почти с самых первых дней без нее я обращалась к ее друзьям и собратьям по литературе с просьбой записать все, что о ней помнили.

В архиве, в папке с первыми письмами и телеграммами соболезнования я нашла сейчас и копии своих писем с этой просьбой.

Так, я писала в Ригу переводчице Нине Александровне Бать — маминой подруге еще с юности — и в Киев молодому врачу В. А. Крыжановскому — одному из тех, кто откликнулся на публикацию глав из маминой книги «Слово живое и мертвое» в журнале «Наука и жизнь» в 70-х годах. Тогда пришли сотни писем. С некоторыми из корреспондентов переписка продолжалась годами, завязались дружеские отношения. Так и врач из Киева советовался о стиле своих статей по медицине, присылал свои публикации, а позже приезжал в гости, привозил фотографии детей... Писала и в Калинин, семье маминого подшефного, тяжелобольного прикованного к постели талантливого переводчика, которому мама добывала рассказы на перевод, добилась врачебной помощи из Москвы... Не все сумели отозваться. Семью из Киева с малыми детьми задело чернобыльское облако, они куда-то переехали. Нине Бать и тогда было под 80, писать тяжело. Недавно она скончалась...

Уже 30 июля 91 г. я дозвонилась в Переделкино Льву Разгону. Он сразу откликнулся теплой статьей о маме — «Мы ей обязаны». Эту первую статью о маме я предложила в «Книжное обозрение». Она появилась там 6 декабря 1991 года, предваряя публикацию отрывка из романа Невилла Шюта «На берегу» — последний мамин перевод, вышел уже без нее, в конце 1991-го.

3 августа 91 г. я звонила в Переделкино замечательному писателю летчику Марку Галлаю — собрату мамы по любви к Сент-Экзюпери. Еще в 1975 году они вместе выступали на вечере, посвященном Сент-Экзюпери, и с тех пор очень уважительно и дружелюбно общались. Галлай написал сердечную статью — я предложила ее журналу «Знание — сила». Она появилась в номере 12 за 1991 год — вместе с некрологом так любимого мамой Аркадия Стругацкого.

5 августа я звонила редактору издательства «Мир», с которым мама сотрудничала три десятилетия. Ирина Яковлевна Хидекель откликнулась взволнованным письмом — ее рассказ об их многолетнем сотрудничестве я включила в свое послесловие к сборнику маминых переводов фантастики «Голоса Пространства».

Два месяца я составляла указатель всех маминых работ. Надо было пересмотреть все девять полок с ее изданиями, по каждой книге проверить дату, объем. Напечатал это журнал «Библиография» (1992, № 5—6). Предисловием к публикации я дала статью Е. А. Таратута.

В 1992 году, 27 апреля, маме исполнилось бы 80 лет. Те, кто любил и уважал ее творчество, поддержали мою идею — провести вечер памяти. 15 апреля 92 г. с помощью секции переводчиков прошел вечер в Центральном доме литераторов, 17 апреля — в Библиотеке иностранной литературы, благодаря поддержке Е. Ю. Гениевой. Пришли сказать добрые слова о маме и Евгения Таратута (несмотря на свои 80 лет!), и Марк Галлай, и бард-геолог Александр Городницкий, и поэт-переводчик Лев Озеров. Порой я звонила — просто приглашала прийти — а люди вызывались: «Я тоже хочу сказать». Так горячо выступили и мамин однокурсник, а ныне известный литературовед А. Л. Штейн, и писательница Любовь Руднева. Подготовила я стенды-выставки; хотелось представить и фотографии, и письма читателей, и книги — по десять сумок с книгами пришлось привезти на оба вечера. Да и многое раздарить там.

Особенно врезались мне в память слова литературоведа В. А. Скороденко на вечере в Библиотеке иностранной литературы о том, что мама даже книги в оригинале вроде бы второго ряда своим мастерством переводила в первый ряд!

Многие знают маму в основном по переводу «Маленького принца». А мне так хотелось довести до сознания читателей весь огромный объем сделанного ею. И я использовала каждую малейшую возможность. Как редактор с 30-летним стажем я много раз сталкивалась в работе с тем, что в верстке остаются в конце несколько пустых страниц. Их заполняют. Трижды мне удалось в таких случаях уговорить издательство посвятить эти странички послесловию о маме. Осенью 91 г. я читала верстку очень хорошего издания Сент-Экзюпери, куда вошли в мамином переводе и «Маленький принц», и «Планета людей» (вышло в 1992-м). Очень признательна редакторам издательства «Высшая школа», которые согласились на последние четыре странички дать статью памяти Норы Галь. Я сделала как бы коллаж из статей Л. Разгона, М. Галлая и воспоминаний внука Норы Галь, молодого литератора Дмитрия Кузьмина.

В «Поющих в терновнике» издательства «Вита» послесловием дала статью Л. Разгона, в той же книге издательства «Самарский дом печати» (1993) — удалось дать более развернутое «Слово о переводчице». Пять страниц мелким шрифтом, куда вошли не только статьи Разгона, Галлая

и Дмитрия Кузьмина, но еще и отрывки из воспоминаний Р. Облонской, из блестящей статьи Ю. Яхниной «Поклон мастеру».

Удивительно «урожайным» оказался 1997 год — юбилейный: 85 лет со дня рождения Норы Галь. Именно в этот год вышли «Голоса Пространства», двухтомник Брэдбери, книги Портер и Вулфа.

В 1997 году удалось посвятить маме целые две полосы — полный разворот в еженедельнике «Книжное обозрение» под названием «Планта по имени НОРАГАЛЬ». А сдали мы в сентябре 1995 года! Почти полтора года ожидания. Сколько звонков, напоминаний, волнений. Вышло 11.II. 97 г. По материалам этого разворота журнал «Спутник. Дайджест российской прессы» напечатал статью Таратута в майском номере 1997 г. (номера издаются на русском, английском и немецком языках). Для публикации я дала слайды фотографа В. Бреля, подготовленные в 91 г. для «Знание — сила», и «Спутник» блестяще воспроизвел их в цвете.

И в 1997 году наконец мы сами выпустили книжечку о маме — благодаря тому, что активно взялся за дело мой сын Дмитрий Кузьмин. К тому времени он уже имел издательский опыт — несколько лет выпускал альманах «Вавилон» и «Библиотеку молодой литературы» — книги молодых поэтов. Интересовался он и творчеством Норы Галь. Не зря для своего диплома (1993 г.) он выбрал темой Сент-Экзюпери, подробно проанализировав перевод на русский язык «Маленького принца». Продолжил тему двумя статьями в «Книжном обозрении»: «Сент-Экзюпери в России» 5.XI. 93 и «Сент-Экзюпери в России: Новая вежа» 2.V. 95. И мы сделали этот сборник своими силами и за свой счет. К тому времени у меня уже был разобран, систематизирован и описан мамин архив. Я передала сыну папки с мамиными рецензиями, переписку с редакторами, с читателями. Митя строго отбирал «самое-самое». В сборник вошли статьи о маме Е. Таратута, Р. Облонской, статья Ю. Яхниной «Три Камю» — высочайше профессиональный анализ маминого перевода «Постороннего» А. Камю в сопоставлении с двумя другими переводами. Наконец полностью напечатаны две мамины мемуарные статьи — «Помню...» — о ее работе в довоенном журнале «Интернациональная литература» и о ее наставниках в переводе — мастерах-«кашкинцах» и «Под звездой Сент-Экса» — о Сент-Экзюпери в ее жизни и в нашей стране. В юности мама писала стихи — из них Митя выбрал десять характерных для разных граней и жанров. Мамина переписка дорисовывала ее человеческий облик. Библиография, намного более полная, чем в журнале 92 г., включающая и ее статьи как критика, и указатель первых изданий переводов, и изданий наиболее авторитетных, учитывающих всю правку, которую она неизменно вносила в каждое новое издание, рисует огромный масштаб сделанного за полвека в литературе.

Митя сам набирал книжку на компьютере, сам делал макет, продумал сноски, очень точно дополнив текст, комментируя тонкости и сложности ее переводческого пути. Правда, мы осилили лишь небольшой тираж — всего 200 экз. Но Митя полностью поместил книжечку на сайт в Интернете — <http://www.vavilon.ru/noragal/> — и по Интернету же мы получили несколько откликов — из Америки, Канады, Израиля. Появились и рецензии на книжечку — в журналах «Знамя» (1998, № 5) и «Новый мир» (1998, № 6), в «Литературной газете» (4.III. 98) и «Независимой газете». Послала экземпляр на радио в «Эхо Москвы» — и там кратко рассказали о книжечке. Приходил молодой человек с телевидения — я часа полтора рассказывала о маме. Итог — коротенький сюжет в передаче «Доброе утро». Несколько человек мне звонили, что видели, мне самой не удалось посмотреть.

Связались с издательством миниатюрных книг «Янико» — вышел изящный крохотный «Маленький принц» — вариант в простом переплете с супером и роскошный, в коже.

В юбилейный 1997 год (85-летие) удалось даже «сверх программы», совершенно неожиданно сделать совсем забавную публикацию. На вечере памяти в Доме литераторов Митя читал оригинальное мамино шуточное стихотворение «Европа». Знакомая переводчица как-то рассказала маме о споре с редактором: в книге эпиграфами служат стихи-двустишия, а в одном месте — только одна строка, кончается словом «Европа». Переводчик: «Дадим вторую строку, зарифмуем». Редактор: «Нет уж, известно, какая у нас рифма к Европе». Посмеялись. А через 40 минут мама выдала шуточный каскад рифм к Европе. Слушатели тщетно пытались дополнить этот водопад рифм. Удалось это только двоим: Корнею Ивановичу Чуковскому и позднее десятилетнему тогда внуку Норы Галь Мите. Этим мама неизменно развлекала соседей по дому творчества в Переделкине. Я даже не думала это печатать. Но Митя подсказал: в журнале «Вопросы литературы» есть такой раздел — «В шутку и всерьез». И в номере 5 за 1997 год (сентябрь — октябрь) «Европу» удалось напечатать.

В 1996 году появился самый роскошный «Маленький принц» — бывший наш грузин приехал из Италии, показала ему статьи о маме, документ на планетку — и он напечатал в Италии издание большого формата, на мелованной бумаге, все иллюстрации в красках (прелестных!) и главное для меня — на 4-й сторонке переплета дал мамин портрет и текст о ней и о планетке!

К 100-летию Сент-Экзюпери в 2000 году удалось наконец выпустить идеальный том — все мамины переводы его и воспоминания о нем. В 1970 году маме заказало издательство «Молодая гвардия» составить том Сент-Экса, мама перечитала горы мемуарной литературы, отобрала лучшее — воспоминания его сестры Симоны, его друга

Леона Верта, которому посвящен «Маленький принц», его начальника в «Аэропостали» Дидье Дора, который считается прототипом Ривьера в «Ночном полете», и др.

28.1.98 я включила по ТВ передачу «Пока помнят и любят» на фразе «Человек жив, пока его помнят». Это и стало моим девизом.

Эдварда Кузьмина

Книжное обозрение № 49, 1991

Лев Разгон

МЫ ЕЙ ОБЯЗАНЫ...

Памяти Норы Галь

Как несправедливо мало думаем мы о тех, кому обязаны обогащением нашего разума, нашей души, всей нашей духовной жизни! И только последняя точка, поставленная смертью, заставляет нас остановиться, задуматься, помянуть ушедшего добрым словом. Я пишу о Норе Галь. Ее смерть остановила огромную литературную работу, значение которой мы еще не сумели достаточно оценить. Как представить себе нашу духовную жизнь без «Маленького принца» Сент-Экзюпери, без героев «Убить пересмешника» Х. Ли, без романов Олдингтона и Т. Вулфа, без Пристли и Камю?.. Можно далеко продолжить список замечательных зарубежных писателей, чьи книги были для нас — читателей — открытием, радостью, которые навсегда остались в нашем духовном и душевном багаже.

Нора Галь года не дожила до своего 80-летия. Но нам, знавшим Нору Яковлевну, имевшим счастье дружить с нею, никогда не приходил в голову вопрос о ее возрасте. Нас восхищало ее необыкновенное трудолюбие, энциклопедические знания, тонкий и точный литературный вкус, стремление делиться с окружающими своим духовным и интеллектуальным богатством. И еще — бескомпромиссное нравственное начало во всей ее литературной работе.

Никогда она не бралась за перевод модных романов, столь любезных сердцу наших издателей. Напротив: Нора Галь без всякого договора, иногда без всякой надежды, что ее перевод будет напечатан, с увлечением, со страстью, в захлеб, переводила то, что было близко ее душе, книги, в которых она чувствовала большой социальный и нравственный заряд. Знаменитый роман К. Портер «Корабль дураков» больше десяти лет пролежал в столе Норы Яковлевны, потратившей годы невероятных усилий, чтобы добиться его публикации.

Нора Галь известна как один из крупных знатоков зарубежной фантастики: она перевела романы А. Кларка и К. Саймака, рассказы и таких классиков этого жанра, как А. Азимов, и писателей, дебютирующих

в литературе. Но и здесь Нора Яковлевна больше всего ценила не лихо закрученный сюжет, не набор ожидающих человечество кошмаров, а доброту и поэтичность, способность к предвидению, глубокий социальный анализ и, конечно, главное — подлинную талантливость, высокое профессиональное мастерство. Недаром ее любимым писателем был Рэй Брэдбери — она перевела около трех десятков его рассказов.

Нора Галь была не только замечательным переводчиком, но и внимательным и глубоким исследователем мастерства перевода. В ее представлении перевод зарубежной книги только тогда оправдан, когда переводчик способен сделать произведение зарубежного писателя явлением и в русской литературе. Любое неточное, приблизительное, небрежное слово в переводе вызывало ее гнев. Она была беспощадным и мужественным защитником нашего читателя не только от откровенной халтуры, но и от сухого ремесленничества. И не случайно книга Норы Галь «Слово живое и мертвое (из опыта переводчика и редактора)» выдержала четыре издания и стала настольной книгой не только каждого переводчика, но и многих знатоков и ценителей литературы, тех, кому дорог родной язык.

Невозможно в нескольких словах оценить все значение работы Норы Яковлевны в нашей литературе. Это — дело будущего. И не только из-за естественного чувства благодарности и почтения к Мастеру, но и потому, что не должен забыться, остаться в архиве литературы огромный живой опыт замечательного писателя и прекрасного человека.

Публикуемый здесь отрывок взят из последней работы Норы Галь, выхода в свет которой она не дождалась. Невилу Шюту (1899—1960), замечательному и высоко ценимому Норой Яковлевной писателю, не везло в нашей стране. Роман «Крысолов», который, по моему убеждению, навсегда останется в литературе для детей и юношества превосходной книгой, полной мужества, мудрости и доброты, отказывались печатать и крупнейшее детское издательство страны, и наиболее уважаемые литературные журналы. Напечатанный, наконец, в журнале «Урал», он еще ждет, когда овладеет душами миллионов молодых читателей. Много лет шел к читателю и знаменитый роман Шюта «На берегу», один из сильнейших в мировой литературе «романов-предупреждений». И книга, и прогремевшая экранизация Стэнли Крамера, наверное, сделали больше, нежели многие международные конференции, чтобы человечество поняло: в атомной войне не будет победителей, она означает гибель нашей цивилизации. Эти два лучших романа Невилла Шюта в переводе Норы Галь выходят, наконец, в ближайшее время в издательстве «Художественная литература».

Марк Галлай
ПАМЯТИ НОРЫ ГАЛЬ

Бывают люди, о которых даже в их преклонные годы говорят: красивые. Трудно сказать, чего в этой красоте больше — сохранившейся с молодых лет внешней привлекательности или печати душевного благородства, мудрости, яркого интеллекта. Все это, вместе взятое, было в полной мере присуще Норе Галь.

В ее переводах всегда присутствовал живой дух языка, стиля, культуры оригинала, и в то же время это воспринималось как вклад в нашу, русскую культуру.

Я не очень согласен с разделением литературы по категориям предполагаемых читателей, в том числе и на «взрослую» и «молодежную». Но, думаю, не случайно большинство авторов, привлечших внимание Норы Галь как переводчика, особенно интересны для читателя молодого.

В том, что именно переводить, Нора Галь была весьма разборчива. Бралась за книги таких мастеров, как Дж. Б. Пристли и А. Камю, К. Маккалоу и Р. Брэдбери, К. Саймак и А. Кларк... Но, пожалуй, главным писателем в ее жизни стал Антуан де Сент-Экзюпери.

Экзюпери нас и познакомил. Познакомил через десятки лет после своей гибели. Трудно понять, почему этот писатель, широко известный у себя на родине, обладатель высоких литературных премий, долго оставался не известен в нашей стране. Только в конце пятидесятых годов начали появляться на русском языке книги Экзюпери, талантливо переведенные М. Ваксмахером, М. Баранович и другими. Нора Галь перевела такие важнейшие произведения Экзюпери, как «Планета людей», «Письмо заложнику» и едва ли не самое трогательное, человечное и мудрое — «Маленький принц».

Познакомившись на вечере, посвященном памяти Экзюпери, я в дальнейшем не раз общался с Норой Яковлевной. Убедился, что, выступая публично, она говорила тем же языком и в той же тональности, как и в разговоре с единственным собеседником. Оставаться самой собой — свойство личности значительной.

Нора Яковлевна твердо придерживалась прогрессивных гражданских и благородных нравственных убеждений. Обладала органически развитым чувством собственного достоинства, никогда не «подлаживалась». Свою позицию никому не навязывала, но выражала ее, когда считала нужным, в такой спокойной, уверенной, интеллигентной форме, что это действовало на окружающих сильнее любых агрессивно-крикливых демагогических воплей.

Нора Яковлевна доброжелательно относилась к людям, хотя «кто есть кто» различала четко не только умом, но, мне кажется, и сердцем. Была разборчива в выборе друзей, но тем, кого называла своим другом, становилась глубоко предана.

Велик вклад Норы Галь в литературу. Но не меньше и ее, пусть незримый и неисчисляемый в печатных листах, вклад в нравственную культуру нашего общества.

* * *

Ирина Хидекель,
редактор издательства «Мир»
А НАЧИНАЛОСЬ ВСЕ ТАК...

Весной 1964 года в издательстве «Мир» была создана редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы. «Крестными отцами» ее стали известные ленинградские критики, Евгений Павлович Брандис и Владимир Иванович Дмитриевский. Мое личное знакомство с ними состоялось летом 1964 года, когда я специально для этой цели отправилась в Ленинград, чтобы обсудить наши пока еще не очень ясные планы и посоветоваться, кого можно привлечь к работе. Признаюсь, научная фантастика для меня и для моих коллег была *terra incognita*. Знание ее в основном ограничивалось несколькими именами, которые почти всегда на слуху: Ефремов, Беляев, Днепров, братья Стругацкие, а из мировых — Жюль Верн, Уэллс, немножко Брэдбери («451° по Фаренгейту»). «А знаете ли вы, — спросил меня один из консультантов, Брандис, — что превосходным знатоком и любителем зарубежной фантастики является Нора Галь. Что, если вам обратиться к ней за советом?» Для меня это было полным откровением. Чтобы сама Нора Галь интересовалась такой, по мнению многих советских критиков и известных переводчиков, «второстепенной» литературой? И тут я вспомнила, что совсем недавно в одном из журналов прочитала рассказ Брэдбери «Были они смуглые и золотоглазые» в переводе Н. Галь. Рассказ мне очень понравился. Превосходный сам по себе, он был так мастерски и любовно переведен! Но, может быть, это просто случайное обращение известного переводчика к фантастике? Впрочем, была не была! И я, замирая от собственного бесстрашия и наглости, рискнула позвонить Норе Яковлевне. Результатом нашего с ней телефонного разговора явилось дальнейшее, в высшей степени плодотворное для редакции сотрудничество Норы Яковлевны с «Миром», которое продлилось свыше четверти века и оборвалось только с ее тяжелой болезнью. Кем только не выступала она у нас: переводчиком, редактором, рецензентом, просто добрым и бескорыстным «советчиком». Не щадя времени и глаз, про-

читывала десятки книг, которыми мы ее заваливали, стремясь отыскать «жемчужное» зерно.

Судьба оказалась ко мне благосклонна. Мне посчастливилось четверть века проработать в тесном общении с превосходным мастером, взыскательным, но неизменно благожелательным по отношению к своему не очень искушенному в работе с крупными переводчиками редактору. Мы вместе выпускали романы, сборники, рассказы — Брэдбери, Азимова, Урсулы Ле Гуин, Кларка — на память сейчас приходят только эти имена, но их было гораздо больше. Какую удивительную доброжелательность, какой такт проявляла Нора Яковлевна в работе, никогда не давала почувствовать своего превосходства! Помогала советами, рекомендациями, привлекала в редакцию новых людей. Это ей мы обязаны тем, что с нами стали работать такие превосходные переводчики, как Раиса Ефимовна Облонская и незабвенная Эдварда Иосифовна Кабалевская. Каким другом надо было быть, какой обладать самоотверженностью, чтобы отказаться от предложения перевести «Вино из одуванчиков» Брэдбери в пользу тогда нам совершенно неизвестной Кабалевской, искренне уверяя нас, что Эдварда Иосифовна эту вещь сделает лучше, чем она! Спасибо Норе Яковлевне и за это — сотрудничество и дружба с Эдвардой Иосифовной были для меня неоценимым подарком. Я с благодарностью к обеим этим замечательным женщинам пронесу память о годах общения с ними через всю жизнь.

Так случилось, что последние три года я перестала активно работать в издательстве. Сперва — автокатастрофа, больница и долгие месяцы комнатного режима, потом уход на пенсию. Не могу передать, как внимательна ко мне была Нора Яковлевна все это время! Ее взволнованный звонок раздался в первые же дни после моего возвращения из больницы. За долгие годы сотрудничества наши отношения стали дружескими. Я делилась с Норой Яковлевной — когда лично, когда по телефону — своими горестями (а их, увы, было больше, чем радостей), она была в курсе моих домашних дел, переживала, одобряла, советовала... Никогда не укоряла за то, что не видимся, и только грустно говорила: «Дорогой дружок, я старею, сил становится все меньше. Так хотелось бы Вас увидеть!» Я пишу эти слова со слезами, не перестаю укорять себя за то, что не выбралась, не увиделась с Норой Яковлевной, пока еще было можно, что ограничивалась только редкими телефонными звонками. Пусть не покажется это запоздалой сентиментальностью. Это не так.

Норе Яковлевне Галь, замечательному переводчику, неподражаемому Мастеру, превосходному редактору, чуткому, доброжелательному Человеку, всегда готовому прийти на помощь, обязаны все мы — бесчисленные читатели ее книг, редакторы ее переводов, все те, кому выпало огромное счастье общаться с ней, учиться у нее, просто быть с нею рядом. Я горжусь тем, что и на мою долю выпало это счастье, горжусь

многолетней работой с ней и тем, что не только у меня, но и у моего сына и внучки останутся книги с теплыми, дружескими надписями от Норы Галь.

1991 г.

* * *

27.VIII. 91

Дорогая Нина Александровна! (Бать, Рига)

Я сейчас стараюсь сделать все возможное, чтобы максимально сохранялась память о маме. «Независимая газета» и некролог в «Литгазете» вышли без нашего участия. Сейчас я пытаюсь договориться о нескольких публикациях в журналах (есть надежда на «Знание — сила», «Книжное обозрение» и т. д.). А мечта — сборник ее памяти. Есть люди, которые что-то обещали. Конечно, сейчас все трудно (это на фоне путча), но все от меня зависящее хочу сделать. Для этого сборника желательно собрать воспоминания о маме. А Вы — из самых давних ее друзей, помните ее чуть ли не с самых ранних лет. Понимаю, вероятно, это Вам трудно. И все же очень прошу Вас, постепенно соберитесь с силами, расскажите все, что помните с самых давних времен. Я все это время готовила библиографию маминых работ, заявки в разные издательства. Насчет воспоминаний пока еще только начинаю обращаться к людям. Во всяком случае и Марк Галлай, и Лев Разгон написали примерно по 2—3 странички для вводов к публикациям очень тепло, охотно и быстро, невзирая на все общие события и потрясения. Но тут спешка была из-за журналов, для сборника спешки нет, Вы можете постепенно собираться с силами и мыслями. Очень надеюсь, что Вы не откажетесь. Так мало уже осталось маминых сверстников, товарищей детства и юности.

От всей души желаю Вам сил и бодрости.

Всего Вам доброго!

Эдварда Кузьмина

* * *

27.VIII. 91

Киев

В. А. Крыжановскому

Уважаемый Владимир Александрович!

Пишет Вам дочь Норы Яковлевны Галь. Вы были одним из тех немногих, о ком мама вспоминала в последнюю неделю, хотя сил уже почти ни на что не было. Вы знали ее все-таки уже несколько лет (а я даже не помню, с какого времени). У меня сейчас мечта — сделать что только

можно, чтобы сохранилась память о ней. Хочу попросить кого можно написать о ней кто что помнит. Из разговоров с людьми за это время выяснялось, что люди рассказывают порой что-то, чего мы, домашние, и не знали. Я прекрасно понимаю, как Вы заняты, и работа напряженная, и семья. Но, может быть, потихоньку, без спешки, по несколько строчек, Вы выкроите время вспомнить — как началось Ваше знакомство, как получилось, что оно переросло в такие многолетние дружеские отношения, несмотря на разность городов, профессий, возраста... Каждая черточка, каждый штрих будут драгоценны для нас с сыном и с Раисой Ефимовной. Посылаю газету, которая хоть и слишком поздно — напечатала отрывок из маминых воспоминаний, написанных для журнала «Иностранная литература» к их юбилею.

Всего самого доброго Вам и всей Вашей семье

Эдда

* * *

27.VIII. 91

Дорогая Иринка! (Ленинград, И. Я. Окрент¹)

Когда Митя вернулся из Ленинграда и привез мне Ваше приглашение приехать, я очень загорелась этой мыслью, с радостью предвкушала такую поездку. Но события 19—21 августа выбили из колеи, теперь уже не успеть. 30 августа я все же поеду на 2 недели под Москву в Малеевку отдохнуть. И с трудом успеваю управиться со всеми делами. Я все это время делаю все что могу, чтобы сохранилась память о маме. Газеты — «Независимая» и некролог в «Литгазете» появились без нашего участия. А сейчас я веду переговоры о публикациях в журналах, сборниках. Главная мечта — собрать сборник ее памяти. Хочу попросить всех друзей, знакомых написать кто что помнит.

Если вы с мамой в силах собраться с мыслями, что-то вспомнить, написать — была бы очень благодарна. Митя ездил в Ленинград в воскресенье 25.VII на один день, не успел зайти. В октябре будет в Ленинграде мой муж, зайдет. Привезет «Корабль дураков». Я очень порадовалась, что Митя выяснил, какой книги из маминых работ у вас нет. Напишите, что еще бы хотелось. Любите ли вы фантастику? Владик² привезет.

¹ Ирина Яковлевна Окрент — сестра Норы Галь. Отец Норы Галь Я. И. Гальперин ушел из семьи, когда Нора была еще девочкой. Много позже, в ссылке женился на медсестре М. В. Окрент. Позднее уже без него они с дочкой переехали в Ленинград, по пути заехали в Москву, познакомились с Норой Галь, она многие годы их поддерживала.

² В. С. Боровинский, второй муж Э. Кузьминой.

Еще раз спасибо за поддержку в трудное время, Желаю всего доброго Вам и маме.

Здоровья, сил, радости вам обеим.

Эдда

* * *

ВСЕСОЮЗНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ М. И. РУДОМИНО

приглашает Вас на
ВЕЧЕР «ПОД ЗВЕЗДОЙ СЕНТ-ЭКСА»
ПАМЯТИ НОРЫ ГАЛЬ
27 апреля 1912 года — 23 июля 1991 года
(к 80-летию со дня рождения)

Вечер состоится 15 апреля 1992 года
начало в 17 часов

* * *

На вечере памяти Норы Галь в ЦДЛ к ее 80-летию 17.04.92

Л. С. Руднева¹:

Очень тяжело, сколько бы ни прошло времени, а прошло совсем не-много времени... Нора Галь относилась к той удивительной породе людей, которые вопреки многому, что мы справедливо предаем анафеме, вела счет не от себя, а от людей, не от себя, а от огня, от человечности, от жара слова и искусства. И поэтому при всей своей сдержанности и тонкой прописанности облика и высокого стиля и манеры жить Нора Галь оказала огромное влияние на очень многих людей. Здесь справедливо было названо имя очень светлого, очень преданного настоящей, глубокой правде человека, с очень рано оборвавшейся жизнью — Фриды Вигдоровой. А ведь Нора для нее была действительно учителем, в том многослойном и значительном смысле этого слова, который мы вкладываем в это понятие, — людей, влиявших на нас. Я Нору долго не знала, а знала через ее друга Фриду Вигдорову, знала очень много о ее трудном быте и о маленькой, теперь такой прелестной взрослой Эдде, прелест-

¹ Любовь Саввишна Руднева (1914—2003) — писательница, театровед. Автор книг «Последние листригоны», «Странная земля», «Моя бухта», «Сердце брата» и др., воспоминаний о Мейерхольде, Маяковском, Шостаковиче...

ной тем, что когда мне пришлось, к сожалению ненадолго, профессионально пересечься с Эддой, я почувствовала, при всей особой лепке ее характера (она не тавтологична по отношению к матери), вот эту целеустремленность и широту духовную, которая в высшей степени была свойственна Норе Галь. Меня очень обрадовало выступление Яхниной, потому что сейчас, когда выкачивается, подчас искусственно, живая атмосфера, когда предается поруганию великая традиция современной интеллигенции, чрезвычайно важно прикоснуться к живому артистизму, к той работе, которую делали и делают лучшие наши переводчики. Это действительно артистизм. Я вправе говорить о нем не только как человек, занимающийся искусством прозы, искусством эссе, но долгие годы я была артистом, я должна была передать поэтическое слово очень многим и большим аудиториям, и читала я не только русскую поэзию, современную поэзию, но и то, что в переводе стало подлинной нашей поэзией.

Музыкальность, композиторство Норы Галь в работе поразительны. Это работа действительно органичного крупного художника. Я при Норе не осмелилась бы так глаголить, потому что с очень большим, я бы сказала, заделом доверия и интереса относясь к нашему общению, все равно она в такой форме не дала бы мне говорить. Но эту музыкальность, очень многообразную, многожанровую, многослойную я остро ощущала не только в том, что читала Нориного, но в том, как она работала.

* * *

На вечере памяти Норы Галь в ЦДЛ к ее 80-летию 17.04.92

Дмитрий Кузьмин
Памяти моей бабушки

Умерла моя бабушка, переводчица Нора Галь.

В наше судорожное время, когда на каждом шагу, среди прочих воплей и причитаний, раздаются стенания о горькой судьбе культуры, о необходимости бережного и почтительного к ней отношения, — мало кто заметил уход человека, давшего русской культуре Пристли и Брэдли, Экзюпери и Камю... А ведь бережность к культуре, если вдуматься, возникает там, где утвердилось уже бережность к человеческой личности.

И той, и другой недостает нынешним трибунам и знаменосцам культуры, страшно далеким по-настоящему от нее: смутное время, время

дутых величин, первый на Родине сборник стихов Айги¹ со снисходительно-растерянным предисловием Евтушенко (представьте на минуту: Пушкин с предисловием Бенедиктова!), — ах, как весело будет смеяться потомкам, как горько приходится смеяться нам... Вот прискорбное следствие давней декларации того же Евтушенко: «Поэт в России — больше, чем поэт!» Страшное заявление — и потому, что больна та страна, несчастен тот народ, где поэту недостаточно быть просто поэтом, и потому, что «больше чем» оборачивается, в сущности, «уже не»...

Бабушка Нора не была «больше чем переводчиком» (вернее — литератором, потому что начинала она стихами, не имевшими никаких шансов в эпоху всеобщей коллективизации культуры, затем была повесть, разгромленная писателями-ударниками, литературоведческие статьи, диссертация о Рембо, наконец, книга «Слово живое и мертвое», собравшая и обобщившая бесценный опыт работы с языком...). Она была Переводчиком — и только. Не ходила на собрания и митинги, не участвовала в общественной жизни (но когда узнала о тяжелой болезни молодого переводчика Игоря Воскресенского, — пошла в Союз писателей, в Министерство здравоохранения — и добилась специального вертолета в глухое тверское село). Редко выходила из дома, предпочитая всему рабочий стол с архаическим «Ундервудом». Не изменила своему обыкновению и в последние годы — да не по возрасту, а по убеждению. Бегство от действительности, от кипящей-бурлящей социальной жизни? Может быть, и так. А вас, читатель, наступивший литературный рынок (в форме лотков в подземных переходах), дурная бесконечность съездовских телешоу, наконец, августовская революция с последующей дискотекой и «митинг победителей», на котором бравый депутат Уражцев с удовольствием оглашал записки из пубрики с предложениями отрезать у незадачливого главы хунты самый дорогой ему орган, — вас этот кровавый шестилетний фарс в финале многовековой трагедии не привел к мысли о бегстве в Культуру — последнее, наряду с правозащитой, место, куда еще можно «унести зажженные светлы»?

Нас зовет на площади, на баррикады этическое чувство, властно повелевающее любить не только ближних, но и дальних, творить добро, дарить свою жизнь совершенно незнакомым людям, проявляя тем самым свою причастность к единому организму Человечества. Культура — это тоже причастность. Дилемма «поэт — гражданин» — ложная, потому что поэзия, культура вообще — не развлечение, а одно из главных средств формирования полноценной человеческой личности, —

¹ Геннадий Айги (1934 — 2006) — выдающийся русский поэт, лауреат множества международных премий, командор французского ордена Литературы и искусств. В СССР до 1991 г. публиковался лишь как переводчик европейской поэзии на чувашский язык.

не в этом ли объективно состоит смысл и цель существования любого общества? Поэт — всегда гражданин, далекие от любой социальности Мандельштам и Ахматова — куда больше граждане России и мира, чем наступивший на горло своей песне Маяковский... Бабушка Нора была гражданином. Своей жизнью она научила меня, что быть гражданином и служить культуре — это одно и то же.

А сверх того был еще мальчик из города Беловодска Луганской области. У него безнадежная мечта — велосипед, и он написал об этом в «Комсомольскую правду». И бабушка послала ему деньги на велосипед. Потом книжки — излюбленную мальчишками фантастику в своем переводе... В последнем письме, которое она успела получить, мальчик и его мама писали, как живо они ее себе представляют — зеленоглазую, с маникюром на изящных пальцах и почему-то непременно в очках... Бабушке Норе было 79, и она никогда в жизни не делала маникюра.

Труд переводчика не на виду, и оценит его не всякий, — а многие даже не задумаются, как это иностранная книга вышла по-русски. Хотя я и вспоминаю часто в последнее время фантастическую повесть Урсулы Ле Гунн, где в языке инопланетных туземцев одно и то же слово означало «переводчик» и «бог»: соединять разных людей, разные культуры — все-таки ведь это удивительное дело. Но главное, конечно, не в этом. Потому что последнее, вероятно, письмо, написанное бабушкиной рукой и адресованное — так сложилось — мне, заканчивается словами: «А все-таки я очень люблю у Пастернака: «Цель творчества — самоотдача».

Великое это, наверное, счастье — так прожить жизнь, чтобы в конце повторять эти слова.

* * *

«ЭКРАН И СЦЕНА» 17—24.03.94

Эд. ВАРДА
ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

РОЗА РАСТЕТ НА САХАЛИНЕ

Можно ли сегодня найти в «Маленьком принце» нечто новое?

Отважную попытку предприняли двое молодых людей. Андрей Росс — он же Летчик, он же сценарист и режиссер. И Олег Рудюк — он же Король, Честолюбец и так далее — и он же продюсер фильма, снятого сахалинской студией «Авантес».

Андрей Росс как Летчик покоряет обаянием, лишь два-три штриха кажутся чужими для Сент-Экзюпери. Как сценарист и режиссер — порой ошеломляет, вызывает множество вопросов, втягивает в диалог, даже спор.

Почему Король в рыцарских латах начисто утратил прелестную иронию Сент-Экса? Почему Географ снят на тревожном пламенно-черном фоне? И почему именно он тщательно причесывает Маленького принца? И возможен ли фильм практически без Розы и Лиса?

Иные загадки, боюсь, так и останутся тайной режиссера, другие секреты постигаешь, хотя и не сразу.

На экране не присутствуют напрямую Роза и Лис. Порой возникающие в кадре мальчик и девочка, играющие, смеющиеся, уплетающие что-то вкусное, не тщатся изобразить идиллию Принца и Розы. Скорее это воспоминания детства (а мы знаем, у Сент-Экса оно было счастливым), тепло дома, семьи, токи, идущие от «Планеты людей»: «Был где-то парк... и старый дом, дорогой моему сердцу. Память моя полна его запахами, прохладой его прихожих... Мне так нужны эти бесчисленные приметы, чтобы понять... откуда, из каких утрат возникает в пустыне чувство одиночества».

Диалог Принца и Розы отдан Летчику и его девушке. И звучит на неожиданном фоне — среди снега, сосен и елей. Этот таежный пейзаж трудно отнести к видениям (даже возникающим в бреду, от жажды) французского летчика. Режиссер материализует ту «подстановку», что знакома читателю удивительной сказки. Кто не ощущал себя немного Маленьким принцем или Розой? Резкий переход от пустыни к снежной тайге словно воплощает всеобщность извечного диалога с детским, с поэтическим началом в самом себе. Фильм — о нас и о сегодня. Недаром завершает его посвящение, которым книга открывалась, и обращено оно к другу, который «живет в России, а там сейчас голодно и холодно».

А Лис? Вот он — только голос на золотистом фоне. Одни его реплики отданы маленькому мальчику, быть может, другу детства, другие — умудренному взрослому.

Режиссер не делает иллюстрацию сказки. Он отказался от игры в планетки-астероиды. Его не волнуют «инопланетяне», он хочет постичь землян. Но что за метаморфозы произошли со знакомыми персонажами? Почему верный долгу Фонарщик напоминает опустившегося бомжа, что скорее пристало Пьянице? А Пьяница неожиданно выступает в безупречном белом костюме на фоне изысканных салонных интерьеров. И почему так долго, долго движется Делец — железный человек с неумолимыми глазами — от дворцовых интерьеров через широкие официальные коридоры присутственных мест к разбитым кирпичным стенам и облупившимся трубам?

Объяснить это можно так: если у Сент-Экса как бы соседствуют в чистом виде разные типы обитателей Земли, то режиссер пытается проследить во времени происхождение типов, ныне «господствующих». Не Делец ли с его жесткой непреклонностью и привел от величавого Короля, от роскошных Честолюбца и Пьяницы в великолепных инте-

рьерах — к нищим бездомным Фонарщику-бомжу и работяге Стрелочнику, которому среди грохота, железа и смазки только и остался кусок хлеба с молоком да попытка смастерить хоть малый кусочек красоты? Уж не символ ли это движения всей нашей истории?

Вы скажете: это так далеко от Сент-Экзюпери с его стилистикой родниковой чистоты и прозрачности? На это уже ответил Борис Пастернак. Не всегда люди могут постичь и оценить «неслыханную простоту». Есть времена, когда «сложное понятней им».

К тому же режиссер как будто вправе рассчитывать на соучастие зрителя-единомышленника. Уже три десятилетия мысли, образы, цитаты из «Маленького принца» пронизывают нашу жизнь, образуя некое «евангелие от Сент-Экзюпери». Этот расчет на взаимопонимание блестяще оправдан, скажем, когда Летчик НЕ рисует барашков. Ведь Принц сразу, на белом листе видит: не то. Но вряд ли стоило в расчете на понимание с полуслова буквально обрывать на середине ключевые фразы вроде: «Если хочешь, чтобы у тебя был друг...» Зритель, помнящий эту формулу, мысленно договаривает сам: «приручи меня» — но воспринимает обрыв реплики как накладку, технический брак. Зритель же, не знающий Экзюпери наизусть (а такой все же имеется!), боюсь, ничего не поймет в столь беглой скороговорке. А ведь это заветные мысли Сент-Экзюпери, в них — самая суть! Их бы и прочертить так же внятно, как прошел через весь фильм мотив пустыни, жажды, жары, диктующей видения Летчика, наваждение воды, тоску по водяным брызгам. Томление по воде среди одиночества пустыни — это и тоска по чистоте, ясности, покою.

Почти без потерь решена головоломная задача — воплотить на экране Маленького принца. Девятилетний Саша Щербаков — находка режиссера. Конечно, всю философию Сент-Экзюпери мальчику передать не под силу. Интонации его как раз в ключевых местах скованны и напряженны. Но в самом облике его — вся поэтичность сказки.

Поразительно преображается Олег Рудюк. Почти невозможно поверить, что в одном лице соединилась благородная величавость Короля, ледяная жесткость Дельца, ломкая элегантность Пьяницы, обреченная улыбка Фонарщика, сумасшедшинка Продавца пилюль.

Кроме О. Рудюка, все в картине дебютанты. И исполнители, и композитор Николай Парфенюк, и оператор Арунас Баразнаускас. Фильм поразительно красив. Быть может, красота и дает надежду. Несмотря на то, что в финале под пренебрежительным взглядом некоего мало-симпатичного Взрослого сказка вроде бы кончается, а самолет Летчика оборачивается детской игрушкой.

«Маленький принц» вошел в вечный арсенал человечества — как «Гамлет», как сказки Андерсена. И каждое поколение, пытаясь осознать и выразить себя, вновь и вновь вглядывается в зеркало Сент-Экса.

Как тут не помянуть добрым словом спонсоров — коммерческий банк «Сахагро» и компанию «Алексо» LTD, которые помогли рождению фильма. А дальше? Прошла премьера в Киноцентре. Фильм побывал на кинофестивале в Берлине. Увидят ли его в России?

* * *

«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» 22.01.94

ДЕБЮТ

Символическая сказка для взрослых — так охарактеризовал свою картину Андрей Росс. И наверняка он прав, потому что каждый из нас, кто понимает, что шляпа — вовсе не шляпа, а удав, проглотивший слона, точно уже стал взрослым. Ни один ребенок этого не поймет. Сент-Экзюпери написал сказку для взрослых. «Маленький принц» слишком умен для детей. Они, безусловно, могут понять кое-что о барашке, который дышит через дырки в ящике, пусть даже его не видно. Но о слоне внутри удава догадаются только вундеркинды.

Для режиссера Андрея Росса «Маленький принц» — дебют. Ему посчастливилось быть приглашенным на берлинский кинорынок, который пройдет в начале февраля. Директор отборочной комиссии Каннского фестиваля Жоэль Шапрон сказал, что он видел более сорока постановок «Маленького принца», но ничего подобного ему лицезреть не приходилось.

Производство Сахалинской студии «Авантес». В главных ролях — Саша Щербаков, Андрей Росс, Олег Рудюк.

* * *

«ОБЩАЯ ГАЗЕТА»

№ 36 7—13 сентября 1995 г.

Переводчице присвоили номер.

Планетарный

На днях родственники знаменитой переводчицы Норы Галь (Элеоноры Гальпериной) получили приятное известие: дорогое для них имя увековечено в космосе.

На международном астрономическом конгрессе решено присвоить персональное имя малой планете под номером 4049 — «NORAGAL». Планету открыли сотрудники Крымской астрофизической лаборатории в 1973 году. Небесное тело имеет 15 километров в диаметре, а самое короткое расстояние, на которое оно приближается к земле (кстати, такой случай произойдет 29 сентября), — 277 миллионов километров.

Имя Норы Галь давно связано с космической темой. Она с удовольствием переводила корифеев научной фантастики (Брэдбери, Азимов). Кроме того, среди ее работ единственный перевод на русский — «Поющие в терновнике». Однако для большинства любителей зарубежной литературы имя Норы Галь связано прежде всего с открытием в 1959 году «Маленького принца». Родственники переводчицы считают этот факт символичным — сам Маленький принц прилетел на землю с малой планеты. Теперь же на малую планету возвращается переводчик «Маленького принца».

Дмитрий СОКОЛОВ

«ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ» 28.09.95

НОРА ГАЛЬ ТИХО СВЕРКНЕТ НАМ С НЕБЕС

Вновь открытым планетам теперь часто и по праву присваивают имена любимцев Земли — великих артистов, ученых, поэтов. Но вот впервые малой планете № 4049, открытой Т. М. Смирновой в Крымской обсерватории, дано имя Норы Галь (1912—1991) — выдающегося, блистательного переводчика художественной литературы.

Именно она донесла до нас максимально приближенный к подлиннику язык Диккенса, По, Лондона, Войнич. Хит последних лет «Поющие в терновнике» Маккалоу мы тоже читали в ее переводе. Нора Галь любила фантастику, переводила и Саймака, и Кларка, и Брэдбери. «Она работала по 14—16 часов в сутки без выходных и Новых годов, — сказала корреспонденту «ВК» дочь переводчицы Эдварда Кузьмина, неожиданно получившая свидетельство из Института теоретической астрономии РАН. — Но кто бы мог подумать, что маме, любимейшим переводом которой был «Маленький принц» Сент-Экзюпери, самой подарят планету!» К свидетельству приложен паспорт, удостоверяющий, что диаметр планеты Noragal' — 15 км, среднее расстояние от Земли — 190 млн км, а ближе всего к Земле она подойдет совсем скоро, 29 сентября, и тогда «блеск в оппозиции составит 15.7 звездных величин».

Наталья ЗИМЯНИНА

«КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» 29.09.95

ИМЯ НОРЫ ГАЛЬ (Элеоноры Гальпериной) присвоено малой планете № 4049 (NORAGAL) на международном астрономическом конгрессе. Поэт Д. Кузьмин, внук знаменитой переводчицы Азимова,

Брэдбери, Сент-Экзюпери, сообщил, что небесное тело, открытое сотрудниками Крымской астрофизической лаборатории, имеет в диаметре 15 км. 29 сентября с. г. оно войдет в оппозицию и окажется на минимально возможном для него расстоянии от Земли (277 млн. км). Идею же увековечения имени лучшей переводчицы «Маленького принца» подсказала писательница Евгения Таратута.

«КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» № 6 11 ФЕВРАЛЯ 1997 Г.

ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ НОРА ГАЛЬ

«Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать... Она будет для тебя просто одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями... Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!..

У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня — пятьсот миллионов родников...»

Выросло уже не одно поколение читателей, которые не могут не узнать голос Маленького принца. Встречу с героем Сент-Экзюпери, его грустные и светлые интонации подарила русскому читателю Нора Галь. Недаром замечательный артист Евгений Леонов в своей книге «Письма сыну» назвал Нору Галь «мамой Маленького принца».

Благодаря Норе Галь вошел в нашу жизнь едва ли не самый знаменитый в литературе астероид В-612 — планетка Маленького принца и другие планетки — Короля, Честолюбца, Фонарщика...

И вот — не фантастика ли? — рядом с этим семейством въявь вращается в небесах планетка НОРАГАЛЬ.

Как это случилось?

Евгения Таратута

РЫЦАРЬ ЖИВОГО СЛОВА — МОЙ ДРУГ НОРА ГАЛЬ

Так уж сложилось в нашей культуре — при огромном богатстве русской литературы мы всегда жили и литературой всего мира.

В прошлые века наши образованные люди непременно знали древние языки и свободно читали «Илиаду» и «Одиссею», произведения

Платона и Софокла, Апулея и Вергилия. И, конечно, свободно читали мировую классику — Данте и Шекспира, Шиллера и Бомарше.

Многие из выдающихся наших писателей переводили на русский язык мировую литературу. И Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов дарили русскому читателю великую поэзию и прозу разных стран и народов. А некоторые из них преимущественно отдавали свои силы этим переводам. Вспомним имена Жуковского и Гнедича.

Эту благородную традицию — сделать чужую литературу близкой и родной нашему читателю — продолжили писатели наших дней. Достаточно назвать Чуковского и Маршака, Пастернака и Тарковского.

Но в наши дни родилась новая традиция — целиком отдавать благородному труду перевода все свои силы и дарования. Один из мастеров перевода Иван Александрович Кашкин создал целую школу своих соратников. Одной из деятельниц этой школы стала Нора Галь.

Большая полка моих книг украшена этим коротеньким именем Нора Галь... Англичане, американцы и французы пришли ко мне благодаря моему другу — Норе Галь. «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Американская трагедия» Т. Драйзера, мой любимый «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери и другие его произведения, «Джек Реймонд» — роман английской писательницы Этель Лилиан Войнич, автора знаменитого «Овода», несколько книг Рэя Брэдбери, и так полюбившиеся нашему современнику «Поющие в терновнике» К. Маккалоу и только недавно изданный «Корабль дураков» К. Портер и много-много других книг...

...Мы познакомились и подружились с Норой, когда нам было по девять лет — в 1921 году. Под Москвой, в Сокольниках, для ослабленных детей был тогда устроен своеобразный санаторий — Лесная школа. Та самая Лесная школа, в которой в 1919 году на елке был Ленин, о чем было написано немало книг...

Эта Лесная школа размещалась в бывшем имении владелицы красивой фабрики Ляминой (потом уже мы прочитали у Маяковского: «Краска — дело мамино. Моя мама Лямина»). Чудесный парк, большая двухэтажная дача, хороший пруд с гротами и островками, несколько отдельных домиков. Все окружено солидным забором. Эта Лесная школа была организована Наркоматом здравоохранения, сокращенно обозначалось — «НКЗ», и мы называли ее «Лесная школа на козе».

Жили здесь тогда сто мальчиков и девочек от восьми до тринадцати лет. Было несколько групп — младшие и старшие. Мы с Норой оказались в одной группе, мы были ровесницы. Мы сразу подружились. Мы обе любили книги и рассказывали друг другу содержание своих любимых книг. Это были «Песнь о Гайавате» Лонгфелло в переводе Бунина, мы многие главы знали наизусть, вспоминали «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу, «Маленькую принцессу» Бернет и другие. Но, конечно, в первую очередь читали друг другу стихи Пушкина и Лермонтова. В самой

школе книг было мало. Помню, что учительница Мария Алексеевна, которую мы звали «Масена», читала нам повесть английского писателя Тальбота Рида «Старшины Вильбайской школы», читала «Дети подземелья» Короленко.

Время было голодное. Из Черкизова, из фермы «Бодрое детство», которой заведовал мой отец, привозили молоко, овощи. Очень помогал снабжению школы один старый большевик, который вынужден был бежать из царской тюрьмы в Америку и там у него родилось двое детей — мальчик — мой ровесник и девочка, года на три старше, эти дети тоже жили в Лесной школе. А их отец — Михаил Краснощеков, был направлен Лениным во Владивосток, где он образовал Дальневосточную республику — ДВР и стал там президентом этой республики. Он был одним из организаторов американской помощи нашей стране, эта компания называлась «Ара». От «Ара» в Лесную школу привозили рыбий жир (бр-р, сладкий!) и белый хлеб. Я хорошо помню этот белый хлеб — он был снежной белизны и твердый, как камень. С вечера на кухне мы помогали укладывать куски этого хлеба в большие противни и заливали их водой, к утру он размокал, его подогревали в печке... Помню, от «Ара» у нас были роскошные розовые и голубые фланелевые ночные рубашки, а днем мы ходили в своей одежде.

Главное лечение состояло в усиленном, по тем временам, питании и закаливании свежим воздухом. Даже зимой в морозы мы делали утром зарядку на улице, а спали всегда с открытой форточкой...

Учитель литературы Петр Михайлович Казьмин был очень интересным человеком, он устраивал всякие игрища, а на занятиях учил нас писать. Мы с Норой на всю жизнь запомнили его уроки. Он задавал нам какую-нибудь тему, например — «Мои друзья», «Что случилось утром?», «Что делает правая рука?» — и на эту тему надо было написать сочинение, уложив его на одну страницу и потратив не более пяти минут... Он был замечательный рассказчик, мы коллективно сочиняли разные песни и лесношкольские гимны. Помню один такой гимн:

Вставай, лежаньем удрученный,
Мир наших ляминских ребят!
Кипит наш разум возмущенный,
Когда ложиться нам велят.

Так мы ненавидели обязательное лежание после обеда...

Потом Петр Михайлович был художественным руководителем хора имени Пятницкого...

После Лесной школы, где мы с Норой пробыли почти год, мы встречались не часто: Нора жила в самом центре Москвы — на Варвар-

ской площади, а я жила на окраине, возле Электrozавода. Школу мы окончили одновременно — в 1929 голу и собирались учиться дальше. Так случилось, что меня приняли на литературный факультет Московского университета сразу, а Нору, хотя она сдавала все вступительные прекрасно, все не принимали, отдавая предпочтение «пролетарскому происхождению».

Больше десяти раз Нора пыталась поступить в вуз. Наконец, ее приняли в Московский государственный педагогический институт имени Ленина, который она и окончила в 1937 году.

В эти годы мы почти не встречались. В 1934 году арестовали моего отца и приговорили его как врага народа к пяти годам заключения. Оберегая моих друзей, я отдалилась от всех. Сейчас мало уже кто и представляет себе, как опасно было дружить с членом семьи «врага народа». А в 1937 году всю нашу семью выслали из Москвы в Сибирь на вечное поселение. В 1939 году я бежала из ссылки, но, приехав в Москву, также опасалась за своих друзей... А потом война...

В разных журналах я встречала статьи и рецензии Норы и радовалась успехам моего друга. Появились разные книги в ее переводах...

В 1950 году новая катастрофа оторвала меня от жизни — меня арестовали и как «врага народа» приговорили к 15 годам лагерей. Однако в 1954 году я вернулась домой. Вся наша жизнь изменилась. Я тяжело болела, но работала. Мне удалось найти автора «Овода», английскую писательницу Этель Лилиан Войнич, которая жила в Нью-Йорке, хотя в газете «Правда» ее называли «покойной»... Я переписывалась с Войнич, она мне присылала свои книги, фотографии, отвечала на мои вопросы, рассказывала о своей жизни. Нора очень живо интересовалась моими разысканиями. Хотела перевести роман Войнич — «Джек Реймонд».

Я уже знала, что Нора посвятила себя переводам. Она защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук, посвященную французскому поэту Артюру Рембо. Написала интересную работу о Байроне.

Но основным делом ее жизни стали переводы.

Переводила Нора и с английского, и с французского. Выбирала те книги, которые ей нравились. Работала очень много. Искала слова, которые наиболее полно передавали смысл и стиль оригинала. Нередко для второго, третьего издания своих переводов она снова и снова искала более точные слова.

Хорошо помню ее работу над переводом «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Нередко она звонила мне по телефону:

— Как ты думаешь, если заменить вот это слово другим? Как будто лучше получается? — спрашивала она.

Творчество Сент-Экзюпери было особенно дорого ей. Помню, какую ярость вызвало у нее сообщение, что в одном из издательств решили

выпустить «Маленького принца» с иллюстрациями нашего художника. Нора считала (и совершенно справедливо!), что иллюстрации самого Сент-Экса (как ласково она называла Сент-Экзюпери) неотделимы от текста сказки. Издательство настаивало на своем решении. Нора запретила использовать свой перевод для этого издания. Тогда издательство решило заказать новый перевод «Маленького принца», что было совершенно абсурдно. После долгих битв Нора выиграла бой, и «Маленький принц» вышел с иллюстрациями самого автора. Помню, сколько сил и тревог стоила ей эта победа...

Нора была великая труженица, она не шла на уступки и компромиссы, если, с ее точки зрения, они могли ухудшить книгу. Она часами и днями искала необходимое, верное слово.

Советовалась с друзьями, помогала молодым. Много сил и времени отдавала редактированию чужих переводов.

Опыт Норы, ее глубокое понимание особенностей стиля того или иного писателя помогали другим переводчикам и редакторам. Друзья много раз уговаривали ее обобщить свой опыт, написать книгу, но она все откладывала, и наконец, в 1972-м вышла книга «Слово живое и мертвое», в которой Нора поделилась своим опытом редактора и переводчика. Книга была встречена с восторгом и три раза переиздана — в 1975-м, в 1979-м, последний раз она вышла в 1987 году. Каждый раз Нора дополняла свою книгу то новыми примерами, то новой главой, а в последнем издании дала целый новый раздел «Поклон мастерам», в котором подробно рассказала о мастерах советского перевода — о своих старших товарищах, показала на убедительных примерах принципы их работы, их высокое искусство.

Тщательно анализируя искусство перевода, Нора так же взыскательно относилась к произведениям современной литературы, радостно встречая *правдивое* изображение нашей сложной действительности. Именно правдивость ценила она в искусстве.

Точно и лаконично выразила Нора свое кредо: «Кроме обычных пяти чувств, литератору нужно еще шестое — называйте его как угодно».

И последнюю страничку своей книги она посвятила этому чувству, вспоминая и рассказывая о творчестве своего близкого друга — мужественной и талантливой женщины, анализируя ее повесть.

Я приведу целиком эти последние строки книги Норы Галь, они красноречиво говорят о ее собственном таланте взыскательного мастера литературы, человека, преданного в дружбе и в труде:

«...повесть эта — последнее звено известной трилогии — называется «Черниговка», и автора звали Фрида Вигдорова. Можно спорить о вкусах, об отношении к той или иной книге. Одно бесспорно: у писательницы было то самое *шестое чувство* — великий дар *правды*. Ни

в одной ее повести, газетном очерке, ни в одной строке, что написала она за свою недолгую, но такую емкую жизнь, вы не найдете ни слова фальши.

И этот дар, дар правды и человечности — самый главный для каждого, чье орудие — СЛОВО».

Пятнадцать лет отделяют последнее издание книги Норы Галь «Слово живое и мертвое» от первого. Нора подарила мне и первое издание и последнее. На последнем она сделала трогательную надпись: «Женюше — с нежностью (И с условием: 1-ое устаревшее издание сдать в макулатуру!). Нора. 10.VIII. 87». Так она была требовательна к себе.

Но, конечно, я бережно сохраню оба издания книги моего друга.

Морис Ваксмахер ДАНЬ ПАМЯТИ

Воспоминания Норы Яковлевны Галь покорили меня естественностью интонации, доверительностью и простотой — качествами, которые были свойственны всему, что делала, писала, говорила Нора Галь. В них рассказывается о жизни и работе (а когда речь заходит о военной Москве 1942—43 годов, буквально о днях и ночах) маленького коллектива единомышленников и энтузиастов, выпускавших журнал «Интернациональная литература», преемником которого стала в 1955 году «Иностранная литература». Выпукло и ярко очерчены на этих страницах драгоценные приметы времени, оживают конкретные люди, многие из которых оставили заметный след в нашей отечественной культуре. И явственно проступают черты нравственного и профессионального облика самой Норы Яковлевны Галь.

Нора Галь обогатила духовный мир нескольких поколений русских читателей своими блистательными переводами западной классики XX века. Пристли и Олдингтон, Томас Вулф и Харпер Ли, Сент-Экзюпери и Камю — вот лишь несколько писательских имен, прочно связанных в сознании читателя с именем Норы Галь. Русские версии «Постороннего», «Маленького принца», «Планеты людей» (ограничиваюсь лишь французскими книгами) бережно донесли до нас во всем их неповторимом своеобразии щемящие и чистые тона французской интеллектуальной прозы — и стали при этом событием российской словесности. Поистине бестселлером сделался в последние годы переведенный Норой Галь роман австралийской писательницы Колин Маккалоу «Поющие в терновнике». Привлекла читательское внимание психологическая повесть «Хозяин дома» Франсуа Нурисье. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Любовь к Сент-Экзюпери Нора Яковлевна хранила не один десяток лет. И была еще одна любимая область ее переводческих пристрастий — это научная фантастика. Она перевела романы А. Кларка «Конец детства» и К. Саймака «Все живое». Переводила рассказы Р. Шекли, Т. Старджона, Э. Гамильтона и Урсулы Ле Гуин. Но больше всего — 26 рассказов — она перевела самого любимого, самого близкого ей, самого поэтичного из фантастов — Рэя Брэдбери.

Первые ее переводы Брэдбери — 16 рассказов — появились в 1965 году в томе 3 «Библиотеки современной фантастики». Последний рассказ, посвященный Пикассо, — «Погожий день» впервые был напечатан за год до кончины переводчицы — в журнале «Советский музей» (1990, № 4).

Из последних работ переводчицы упомяну два романа Невилла Шюта, о которых Нора Яковлевна говорила особенно горячо — и с душевной болью. Роман Н. Шюта «Крысолов» она перевела давно, но опубликовать смогла только в журнале «Урал». Роман-предупреждение «На берегу» тоже долго ждал своего часа (по нему Стэнли Крамер поставил свой знаменитый фильм). В самом конце 1991 года издательство «Художественная литература» выпустило наконец эти два романа Н. Шюта, но увидеть это издание Норе Яковлевне уже не довелось.

Нора Галь всегда отстаивала престиж переводческого дела. «Она была беспощадным и мужественным защитником нашего читателя не только от откровенной халтуры, но и от сухого ремесленничества», — писал 6 декабря 1991 года в «Книжном обозрении» Лев Разгон. Она была признанным мастером живого русского слова («Слово живое и мертвое» — так называется выдержавшая четыре издания книга Н. Галь, вобравшая в себя раздумья и опыт переводчика и редактора за полвека).

В апреле 1992 года Норе Яковлевне исполнилось бы восемьдесят лет. Очень оно горькое, это «бы»...

Эдварда Кузьмина ЗВЕЗДНЫЙ КАТАЛОГ, ИЛИ ВСТРЕЧИ ВНЕ НАШЕГО МИРА

«Брэдбериана» занимала и в сердце, и на авторской полке переводчицы, пожалуй, не меньше места, чем ее «экзюпериана».

Фантастикой Нора Галь увлекалась с молодым задором. Не пропускала ни одной книги Стругацких, ни одной книги серии издательства «Мир». Увлеченно читала фантастику и по-русски, и по-английски, и по-французски. Но переводила с большим разбором. Два романа — «Конец детства» А. Кларка и «Все живое...» К. Саймака. Около трех десятков рассказов Брэдбери и примерно столько же — остальных фан-

тастов. Ее не привлекала фантастика жестокая, кровавая. Маленькие шедевры Брэдбери, его «жемчужинки», как она говорила, привлекали ее и философской глубиной, и высокой духовностью, и смелым полетом в завтра, в неведомое. Ей и самой было свойственно это стремление заглянуть вдаль, за грань своего земного бытия. Оно и продиктовало ей когда-то письмо в будущее, внуку, тогда восьмилетнему: *«Вот что я сейчас слышала по радио. Начиная с 30-х годов XX века астрономы обнаружили уже штук 20 астероидов, которые частично обращаются ВНУТРИ земной орбиты... Недавно открыт новый такой астероид, каменная глыба около километра в поперечнике, назвали его «Хелли». Сейчас он уже удаляется от Земли и вернется через 20 лет, в 1996 году. Возникла идея тогда посадить на этом астероиде (надо думать, ненадолго, а все же!) космонавта, который, думаю, может узнать таким образом немало интересного. Представляешь, вдруг это осколок планеты с другого края Галактики со следами какой-нибудь цивилизации? Это, конечно, мыслишка фантастическая и вовсе не научная, но все равно, по-моему, поглядеть на астероид интересно, даже если на нем и не окажется, допустим, саркофага с инопланетным фараоном.*

Так вот, чем бы ты в будущем ни занялся... поинтересуйся, пожалуйста, что там узнают про этот астероид, ладно? Хотя бы потому, что твоей бабушке сейчас это очень любопытно, а она этого узнать не сможет. А вдруг это и есть планетка Маленького принца? Мне и еще кое-что любопытно было бы узнать, хотя бы косвенно, увидеть твоими глазами и услышать твоими ушами... К примеру: на какие планеты мы полетим, какие примем сигналы из космоса, с какими «братьями по разуму» свяжемся? Сама я, к сожалению, могу в этом участвовать, только когда перевожу научную фантастику... Поинтересуйся, ладно?»

Могла ли она предположить, что в совсем ближнем будущем произойдет такое удивительное совпадение: 29 сентября 1995 года театр танца МГУ поставит балет «Маленький принц» на музыку Шнитке, а над Землей в созвездии Овна пройдет малая планета, названная по имени переводчицы — НОРАГАЛЬ.

«Звездный каталог» уже звучал когда-то чистой поэзией в стихах Арсения Тарковского. Звездный каталог, куда навеки внесено имя Норы Галь, напоминает одну из любимых работ Норы Галь — фантастический рассказ Э. Гамильтона «Гостиница вне нашего мира». Там встречаются по-дружески Эхнатон и Дарвин, Сократ и Лютер, Цезарь и Спиноза... Смежный с Землей мир, где сходятся члены тайного земного братства из минувших и грядущих веков. *«Вот вы представьте: земные столетия — будто комнаты вдоль одного коридора. Из одной комнаты в другую, из века в век попасть нельзя. Но... обитатели всех комнат, всех веков могут выйти в коридор, он для всех общий, здесь они встречаются».*

Теперь наяву, в звездном каталоге, в содружестве планет встречаются Этель Лилиан Войнич и Платонов, Есенин и Высоцкий, Смоктуновский и Олег Даль...

И так фантастично завершение судьбы переводчика — в этом прекрасном обществе нашлось место и для такой незаметной по определению, но необходимой для обогащения и развития культур личности, для планетки с красивым названием НОРАГАЛЬ.

Р. S. К издателям.

Кроме 25 крупных повестей и романов, Нора Галь перевела более сотни рассказов. Это готовые сборники: «брэдбериана», англо-американская фантастика (Азимов и Шекли, Старджон и Гамильтон и др.), англо-американская новелла (У. С. Моэм и Дж. Сэлинджер, Дж. Чивер и О. Хаксли, А. К. Дойл и Э. По и др.), французский сборник. Если издателей заинтересует что-то из наследия Норы Галь, просьба обращаться к ее дочери и наследнице Кузьминой Эдварде Борисовне.

* * *

А. Старцев¹

28. XII 1997 г.

Поток иностранного чтива, затопивший в последние годы отечественный книжный прилавок, сопровождался, к великому сожалению, небывалым падением уровня литературного перевода в нашей стране.

На этом далеко не радужном фоне особенно радостно взять в руки умно составленную и заботливо изданную книжечку, посвященную памяти ушедшей от нас переводчицы Норы Яковлевны Галь.

Нора Галь в равной мере владела и французским языком, и английским, была знатоком и исследователем французской и английской словесности. В числе широко читаемых ее переводов — «Маленький принц» и «Планета людей» Антуана де Сент-Экзюпери, «Посторонний» Альбера Камю, «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу, «Американская трагедия» Теодора Драйзера, «Убить пересмешника» Харпер Ли, «Смерть героя» Ричарда Олдингтона, «Опасный поворот» и «Время и семья Конвей» Пристли.

В книжечке, которая так и названа, коротко и просто «Нора Галь» (М., «Арго-РИСК», 1997) собраны воспоминания близких, друзей и коллег, собственные заметки переводчицы о пройденном литературном пути, переписка с читателями, перечень ее работ, юношеские стихи.

¹ А. И. Старцев — литературовед, переводчик Э. По, Марка Твена, Брет Гарта, Хемингуэя и др. Доктор филологических наук.

Библиография трудов Норы Галь наглядно показывает, сколько может сделать за свою жизнь целеустремленный, требовательный к себе, талантливый человек.

Особо хочется упомянуть ее авторскую книгу, как бы итог полувековой работы — «Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора», выдержавшую четыре издания, поистине настольную не только для переводчиков и редакторов, но для всех, кто работает со Словом. Почему бы не издать ее и сегодня, когда в перевод и в издательское дело пришли новые люди, зачастую без профессиональной подготовки, и в опыте мастеров такая нужда?

* * *

30 ИЮНЯ 1998 Г. «УЛЬЯНОВСКАЯ ПРАВДА»

29 июня исполнилось 98 лет со дня рождения

Антуана де Сент-Экзюпери

ОЗАРЕННАЯ ЗВЕЗДОЙ СЕНТ-ЭКСА

В своей жизни мне довелось испытать многое, но вот что удивительно: в критических ситуациях, когда моя жизнь была рядом со смертью (а таких случаев было восемь), ко мне всегда приходило везение (по Ожегову — удача).

Верующие скажут: тебя защищал, вернее — спасал, Господь Бог. Возможно, но, к сожалению, я в него не верю.

Иначе почему же тогда он (Господь Бог) не спас Антуана де Сент-Экзюпери? И тем не менее в жизни мне, рядовому человеку, довелось общаться с такими людьми, которых я называю божественными — более возвышенного слова для них не нахожу. И здесь я чувствую везение.

Не иначе как божественной я называю и Нору Яковлевну Галь (1912—1991), которая подарила нам, землянам, «Маленького принца» на русском языке.

Только благодаря общению с этой истинно интеллигентной женщиной (а познакомил меня с ней доктор исторических наук Евгений Львович Немировский, Москва) я не просто узнал, а познал, что значит переводить художественное произведение. Благодаря общению с ней я познал «слепую, неодолимую жажду тепла». Жила она в Москве и похоронена в московской земле.

Мне тяжело осознавать, что ее нет среди нас уже около семи лет.

Верно, нельзя не восхищаться этим человеком-альтруистом, готовым бескорыстно действовать на пользу другим, тем, с кем она общалась. Знаю это по себе, поскольку она не только писала мне инте-

реснейшие письма, благодаря которым моя любовь к Сент-Экзюпери усиливалась, но и слала мне материалы, имеющие к нему отношение.

Несмотря на большую разницу в возрасте, наши отношения были дружескими. На мои многочисленные вопросы она всегда отвечала спокойно, без поучений. Более того, всегда благодарила за мои вопросы, за желание понять душу переводчика.

Мне довелось несколько раз встречаться с Норой Яковлевной Галь в Москве.

Однажды (это было в 1987 году), когда я вел беседу с ней в ее квартире, она с чувством нескрываемой радости сообщила мне, что режиссер Леонид Рыжий пригласил нас на спектакль «Маленький принц», поставленный им в своей Театральной Студийной Мастерской (ТСМ) на улице Олонецкой.

Конечно, я был рад этому приглашению, и мы им воспользовались.

Все актеры и публика в зрительном зале — в основном молодые люди. Тогда (в 1987 году) «Маленькому принцу» на русском языке исполнилось 29 лет. Актеры и публика были моложе «принца», однако среди зрителей были и такие, которые переросли его, т. е. для них он существовал уже давно, если не всегда.

Молодой режиссер Леонид Рыжий влюблен в «Маленького принца», знает эту сказку наизусть, и понимание этой мудрой притчи у него — свое, оригинальное. И, может быть, поэтому спектакль стал открытием даже для самых больших знатоков творчества Сент-Экзюпери.

И дело тут, видимо, не только в оригинальности мышления режиссера, но и в глубине понимания мыслей писателя. Сам режиссер был Летчиком и Лисом. Перевоплощение, игра — великолепны! Роль Маленького принца блестяще исполнила Наташа Жукова. Зритель (в том числе и я) воспринял этот спектакль как озаряющую чистоту и доброту в этом несовершенном мире.

Сейчас «Маленький принц» переведен на сто языков народов мира.

Сейчас, когда число знающих иностранный язык намного больше, чем сорок лет назад, мне не известно ни одного случая перевода какой-либо книги на русский язык «для себя, для самых близких друзей...» На это способны только лишь альтруисты. (...)

А в юности Нора Яковлевна писала и стихи. Вот одно из ее четверостиший, написанное в девятнадцатилетнем возрасте:

Вечером, в час встреч, кино и сказок
Я пойду к реке одна —
Там ребячьим изумленным глазом
Смотрит круглая луна.

Нора Яковлевна Галь была добрейшим и честнейшим человеком. Она обладала даром простоты и интеллигентности.

Общение с ней всегда приносило мне большую радость. Она была тонким психологом: разговоры вела с собеседником по вопросам, которые его интересуют. Она всегда старалась возвысить своего собеседника.

Нора Яковлевна, конечно же, обладала талантом человеческого общения.

Ее душа и душа Сент-Экзюпери были родственными, и поэтому я считаю, что перевод ею произведений Сент-Экзюпери не был случайностью. Это закономерность.

Благодарю судьбу за знакомство и общение с этим прекрасным Человеком — Норой Яковлевной Галь.

Николай Яценко,
председатель клуба друзей Сент-Экзюпери.

* * *

«ОБЩАЯ ГАЗЕТА», 10–16. VIII. 2000 Г., С. 14
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

У МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА В МОСКВЕ ЖИЛА МАМА

Ее имя — Нора Галь

Она называла его любовно — Сент-Экс. Писатель всей ее жизни (одна из ее статей так и называется «Под звездой Сент-Экса»). Эдакий счастливый билет: после «Маленького принца» ей начали предлагать тексты на выбор, те, что были, по ее словам, «по душе и по руке».

Впервые сказку, написанную французским летчиком, Нора Галь прочла в доме писательницы Фриды Вигдоровой, своего близкого друга. Книга настолько ее захватила, что захотелось тут же ее перевести для своих друзей, чтобы и они насладились этим чудом. Работала вдохновенно, и всего через несколько дней Маленький принц говорил по-русски. Но... Вигдорова один за одним обходила московские журналы, и никто не брался печатать. Лишь со второго захода взял журнал «Москва», и в августовской книжке за 59-й год появилась печальная и светлая повесть об удивительном мальчике с золотыми волосами.

Нору Галь однажды называли «мамой Маленького принца». Почти сорок лет сказку переиздавали, и каждый раз Нора Яковлевна шлифовала свой перевод, шутила: «вылизываю, как кошка котенка». Перевод «Маленького принца» — это не единственное ее обращение к творчеству Сент-Экзюпери. Были и «Планета людей», и «Письмо заложнику», и «Письмо генералу Икс». Нору Галь заваливали письмами благодарные читатели. С кем-то завязывалась многолетняя дружба, как, к примеру, с летчиком-штурманом Николаем Яценко из Ульяновска. Он организовал в своем городе клуб друзей Сент-Экзюпери, а теперь готовит к открытию музей писателя.

...Ее называли Элеонорой не только в честь прадеда Леона Рисса, но и в честь ибсеновской «Норы», великолепно сыгранной Комиссаржевской, — в семье Веру Федоровну очень любили. Может быть, выбор имени predetermined судьбу ребенка — жить литературой. Нора выросла и собственную дочь назвала Эдвардой, Эддой. И здесь не обошлось без влияния изящной словесности — Гамсун и его героиня из «Пана».

Нора Галь — псевдоним. Он возник в 20-х, когда Нора Гальперина была деткором устной газеты «Серая блуза». Потом был журнал «Интернациональная литература». Она с восхищением вспоминала о нем: «Мы открывали для себя другие миры. Никаких тебе «Цементов» и «Гидроцентралей», поэтических рефренов на манер «грохают краны у котлована». Пусть в отрывках, мы узнавали Кафку, Джойса и Дос Пассоса. Колдуэлл и Стейнбек, Генрих и Томас Манны, Брехт и Фейхтвангер, Жюль Ромэн, Мартен дю Гар и Мальро — вот какими встречами мы обязаны журналу».

«Американская трагедия» Драйзера — первый переводческий опыт Норы Галь. Драйзера она считала писателем «на троечку», но выбирать не приходилось. С Драйзером впоследствии была связана одна из семейных историй. Когда Норы Яковлевны не стало, дочери захотелось сделать портрет матери с фотографии. Ей дали телефон одного художника. «Звоню. Может, вы слышали имя Норы Галь? — вспоминает Эдварда Борисовна. — Реакции никакой. И тогда — мистика какая-то — я говорю не о «Маленьком принце», а о Драйзере. В ответ слышу крик: «Как! Эта книга спасла мне жизнь!» Оказывается, этот человек служил в армии и однажды взял в библиотеке «Американку». На посту он сунул книгу за пазуху. В тот день на него напали с ножом. И нож вошел именно в книгу.

По 14—16 часов за стареньким «Ундервудом» — вот обычный день переводчицы. Свою книгу «Слово живое и мертвое» она надписала дочери Эдде так: «...работа — вернейшая опора при всех бедах и надежнейшее снадобье при всех болезнях, во всех возрастах. Живи долго и помни всегда. Счастливой работы!..» Переводы Норы Галь — это около трехсот названий. 2000 год — юбилейный для ее авторов. 100 лет исполнилось не только Сент-Экзюпери, но и Томасу Вулфу. 80 лет Рэю Брэдбери.

Если нужно было передохнуть, Нора Яковлевна ходила по комнате и слушала музыку. Любила смотреть по телевизору соревнования. Ей было интересно, как в спорте проявляется человеческий характер. Особым удовольствием было почитать стихи своей дочке или поиграть с ней в слова. А уж чувство слова у нее самой было редкое. Однажды переводчица Нина Леонидовна Дарузес рассказала Норе Яковлевне о том, как спорила с редактором. В одном тексте шли стихотворные эпиграфы, один из которых был в одну строку и заканчивался словом «Европа». Дарузес предложила дать вторую строку, зарифмовать — ведь это стихи. Редактор отказался: мол, всем понятно, какая может быть рифма

к Европе. Нора Галь через сорок минут показала, сколько может быть рифм к «Европе». Вот короткий отрывок из того стихотворения.

С чем рифмуется Европа?
Начинаем без поклепа,
Без экзотики и трепа,
В два притопа, в три прихлопа,
Не с попа, так хоть с распопа,
С Аввакума протопопа...

Она говорила о себе: «Я работник и друг». И действительно, могла стать надежным другом даже незнакомому человеку, написавшему ей письмо с просьбой о помощи. А писали Норе Яковлевне многие.

Эдварда Борисовна, дочь, рассказывает, что недавно издан «Семейный Сент-Экс» — сборник Сент-Экзюпери с переводами Норы Галь и с ее предисловием, а также с переводами и комментариями ее внука Дмитрия Кузьмина. Семья знаменитой переводчицы тоже живет словом. Эдварда Борисовна Кузьмина 32 года работала редактором в издательстве «Книга». Ее сын, поэт и критик, занимается издательской деятельностью. А в небе над ними — планета «НОРАГАЛЬ» и планета Маленького принца.

Елена Алексеева

Н. Петрашова
«НЕ ПЕРЕДАТЬ СЛОВАМИ,
КАК Я ДОРОЖУ ДРУЖБОЙ...»

В этом году Норе Галь, знаменитой переводчице
«Маленького принца», исполнилось бы 90 лет

«Подать бы друг другу весть...»
Антуан де Сент-Экзюпери

Она переводила книги, которые сразу становились нашими любимыми. Без этих книг невозможно понять мальчишек 60—70-х годов.

Строчка мелким шрифтом «Перевод Н. Галь» уже предвещала нечто фантастическое. А читая Экзюпери, представлялось, что этот Галь — такой же друг Сент-Экса, как Анри Гийоме или капитан Моро.

Задолго до того как стать ее прославленным литературным псевдонимом, «Галь» было школьным прозвищем, просто отколовшимся кусочком фамилии Гальперина.

Нора Галь была воспитанницей редакции журнала «Интернациональная литература», где в конце 30-х годов работали лучшие переводчики. Потом их назовут «школа Кашкина». Они еще до войны успели от-

крыть советскому читателю Хемингуэя. Сколько городских мальчиков, уходя на фронт, уносили с собой в вещмешках «Прощай, оружие!»...

В предвоенные годы в журнале появились и первые переводы Стейнбека. Трудные места обсуждали всей редакцией.

Главной наставницей Норы Галь стала Вера Максимовна Топер, автор перевода знаменитой «Фиесты» Хемингуэя. «У Веры Максимовны оба сына на фронте, чего стоило ожидание писем, — вспоминала Нора Галь. — И однако хватало душевной щедрости принять младших, поделиться не только переводческим духовным опытом. Помню зимой работу при самодельной коптилке, помню ночевки на полу...»

Да, это была не только профессиональная выучка, но и воспитание стоического отношения к трудностям.

Первую книгу Экзюпери Нора Галь захлеб прочитала еще в 1939 году. Это было французское издание «Планеты людей». Но только через двадцать лет она возьмется за перевод сначала «Маленького принца», а потом лягут на бумагу и первые строки «Планеты людей»: «Анри Гийоме, товарищ мой, тебе посвящаю эту книгу...»

Остается загадкой, как слабой, хрупкой женщине удалось передать самую суть фронтового товарищества? Как ей далась эта внешне скупая, но такая сильная интонация?..

«...Я сделал все, что мог. Мы оба сделали все, что могли... Прево плачет. Хлопаю его по плечу. Говорю в утешение:

— Подышать так подышать...

И он отвечает:

— Да разве я о себе...»

Одно время Нора Яковлевна переписывалась со школьниками из Артемовска. Однажды, под Новый 1983 год, ребята прислали ей анкету, где спрашивали о том, что такое успех в жизни. В подробном ответе Норы Галь есть и такие строчки: «Успех в жизни — когда находишь настоящее дело, работу по душе, делаешь ее в полную силу, с любовью... Когда ты — это непременно! — нужен людям и окружен друзьями, когда людям лучше, а не хуже от того, что ты есть на свете... Не передать словами, как я дорожу дружбой...»

С конца 50-х годов Нора Яковлевна опекала тяжело заболевшего молодого переводчика Игоря Воскресенского.

Друзья Норы Галь становились друзьями Воскресенских. Участие в судьбе Игоря принимали Фрида Вигдорова, Корней Чуковский...

Любовь к слову, бережное отношение к нему передаются по наследству, берут свое начало в детстве. Так получилось и в семье Норы Галь. Ее внук Дмитрий диплом защищал по «Маленькому принцу». К недавнему столетию Сент-Экзюпери он подготовил новый перевод «Южного почтового», сделал комментарии к нескольким изданиям писателя. (...)

Несколько лет назад в память Норы Галь ее именем была названа малая планета № 4049. Теперь она так и называется — НОРАГАЛЬ.

МАЛЕНЬКОМУ ПРИНЦУ — 60

Было время, когда «Маленький принц» не входил в круг чтения всех и каждого. А сейчас высказывания сказочных персонажей: «Мы в ответе за тех, кого приручили», «Зорко одно лишь сердце», «Самого главного глазами не увидишь» — стали крылатыми. Перевела сказку с французского Нора Яковлевна Галь — переводчик, литературовед, критик. Сегодня ее нередко называют мамой «Маленького принца». Перевод этой сказки — самая известная и любимая ее работа. С той минуты, как она прочла «Маленького принца» по-французски, ей захотелось рассказать ее друзьям, и она перевела сказку для них. В августе 1959 года сказка «Маленький принц» была впервые опубликована в журнале «Москва». С тех пор она выдержала десятки изданий и была записана на радио в исполнении Бабановой и Консовского.

В 2002 году была сделана новая аудиопостановка «Маленького принца» в студии «Лига звука» фирмой «Голд Эксклюзив» на 4-х кассетах и 2-х компакт-дисках. Продюсер проекта Игорь Орлов.

Рассказывает режиссер — Любовь Николаева:

«Те, кому уже удалось прослушать нашу аудиоверсию сказки, знают, какие актеры заняты в постановке. Думается, школьников заинтересовало, что роль ребенка — Маленького принца, исполнил московский школьник начальной школы — 9-летний Артур Клановский. Обычный прием записи — ребенка озвучивает взрослая актриса, например, Бабанова. Но мы отказались от этого избитого приема, ведь всегда легко можно определить пол и возраст говорящего, если это, конечно, не специальная обработка звука. Сначала наши режиссерские попытки были очень смелы — мальчик должен был быть лет 5—6, как у Экзюпери. Но философский текст трудно давался малышам, к тому же в этом возрасте они еще не умеют как следует читать. Поиски длились полгода. Мы почти отчаялись найти ребенка, обладающего нужным тембром голоса и хорошо понимающего и передающего смысл текста. Как всегда, помог случай, мальчик был найден — московский школьник Артур Клановский, сын актера. Текст от автора прочитал звезда театра им. Моссовета Геннадий Бортников. Михаил Ульянов исполнил роль географа, Виктор Авилов — делового человека, Владимир Носик — торговца самоновейшими пилюлями, Наталья Варлей, актриса, которая сыграла Нину в фильме «Кавказская пленница» и стала национальной героиней после этого, исполнила роль капризной и нежной Розы. Лиса озвучил актер Сергей Неудачин, змею — Ирина Бочоришвили. Роль фонарщика, небольшую, но очень запоминающуюся, записал Данила Перов. А помощники режиссера, актрисы Олеся Филиппова и Эллина Качанова, исполнили роли садовых роз.

* * *

РУССКИЙ ЯЗЫК № 21, 2005 Г.

ЗНАКОМСТВО С «МАЛЕНЬКИМ ПРИНЦЕМ»,
ИЛИ КАК ВОЗБУДИТЬ ИНТЕРЕС К ЧТЕНИЮ

Самого главного глазами не увидишь.

А. де Сент-Экзюпери

Этот эпиграф, увы, может показаться каламбуром, ведь речь идет о массовом снижении читательского интереса, особенно среди детей. Современные дети охотнее слушают, чем читают, а глаза их больше притягивает телевизор или компьютер, чем книга.

Да, современность сначала лишила нас фольклора с его былинами, сказками и присказками. Казалось, книга, вобравшая в себя все народное и авторское литературное наследие, всегда будет с нами. Но ее выбивает из рук новая волна технического прогресса, предлагая взамен всевозможные «аудио» и «видео».

Наш читатель (и автор) Эдварда Кузьмина, приславшая в редакцию письмо, считает, что можно помочь детям не потерять книгу и даже вызвать у них желание читать. Приводим отрывок из письма:

«Зорко лишь одно сердце». «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил»... Для многих из нас едва ли не наравне с библейскими заповедями вошло в жизнь это своеобразное «евангелие от Сент-Экзюпери». Грустная, мудрая и поэтическая сказка обращена равно и к взрослым, и к детям.

Но если современные дети читать не хотят? Выход есть: пусть сказка зазвучит. Пусть герои сказки заговорят голосами любимых актеров, а музыка заполнит пространство от далекой планетки Маленького принца до Земли, которую он навестил.

Бережно сохранено в спектакле каждое слово Сент-Экзюпери. Никакого произвола, вторжения в идеально выверенный текст, который за 40 лет его существования на русском языке неустанно шлифовала и совершенствовала замечательная переводчица Нора Галь. (...)

Огромна и заслуга режиссера спектакля Любви Николаевой, собравшей талантливый, слаженный коллектив замечательных актеров. (Летчик — Геннадий Бортников, Роза — Наталья Варлей, Географ — Михаил Ульянов, Пьяница — Александр Ленков и другие актеры из разных театров — каждый из них нашел неповторимую интонацию для своей даже самой маленькой роли. А роль Маленького принца великолепно исполнил девятилетний Артур Клановский, отец которого — Сергей Клановский — сыграл Короля.)

Теперь благодаря аудиоспектаклю, записанному на компакт-диске, «Маленький принц» может войти в каждый дом. В наше время звучащее слово легче найдет путь к сердцу ребенка.

* * *

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Факультет журналистики

Кафедра стилистики русского языка и литературы

ДВА ПРИНЦА

(сравнительная характеристика двух переводов
сказки «Маленький принц»)

Преподаватель: О. В. Дунаевская

Выполнил: Петухов Иван, 410 группа

Москва, 2006

«Маленький принц» — действительно великое произведение. Созданная в веке войн и революций, книга тем не менее раскрывает нам вневременные, общечеловеческие ценности. Она дает нам нечто огромное, непостижимое и вечное в малом, ограниченном, земном мире. И это по-настоящему прекрасно, потому что рождает надежду.

Эту книгу нельзя испортить: слишком важна каждая строчка, каждая мысль, каждый образ.

Эту книгу невозможно испортить, кажется, ничем: уж очень многое в ней скрыто, и, даже если упустить что-то, главное все равно останется. Так ли?

Перевод здесь играет особенно важную роль, ведь мы кроме всего прочего имеем дело с произведением небольшим по объему, где каждая мелочь ценна и каждая деталь уникальна. Ниже — исследование двух переводов «Маленького принца» — Норы Галь и Андрея Шарова, оба взяты с самого посещаемого в России книжного сайта lib.ru. Андрей Шаров как переводчик если и известен, то лишь в узких кругах, тогда как Нора Галь и ее переводы Экзюпери, Драйзера, Сэлинджера и других известны всем и считаются лучшими. Почему? На этот вопрос мы тоже постараемся ответить. Кроме этого краткого упоминания о книгах, переведенных Норой Галь, мы не станем говорить о ее заслугах. Говорить будет текст, вернее, два текста. Каждый, как оказалось, на своем языке. Сразу оговорюсь: я не претендую на однозначную правильность своих суждений по поводу переводов и на абсолютную полноту и глубину анализа. Эта работа — лишь дань любопытству и попытка понять роль перевода в произведении на хорошем примере.

Перевод Андрея Шарова	Перевод Норы Галь
<p>Это — боа-констриктор; он заглатывает добычу целиком, не разжевывая ее, а потом теряет способность двигаться и впадает в спячку на шесть месяцев, чтобы переварить пищу.</p>	<p>Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу.</p>
<p>Разница, конечно, видна сразу: «Правдивые истории» у Шарова — очень серьезная книга, тогда как у Норы Галь — книга для детей. У Шарова — множество оборотов и «боа-констриктор», у Галь — простые и понятные предложения и просто «удав». «Маленький принц» все-таки сказка, поэтому чем проще и понятнее книга будет по форме, тем лучше. В общем, первая версия неудачна.</p>	
<p>Я просто опускался до их уровня.</p>	<p>Я применялся к их понятиям.</p>
<p>Речь идет о рассказе летчика о своем взрослении, когда ему приходилось общаться со взрослыми по-взрослому и на серьезные, по их мнению, темы, тогда как ему хотелось совсем другого. Все, что написано в этом произведении от лица автора, лишено каких-то негативных оценок и т. п., это вообще очень интеллигентное повествование. Тем более автор никогда бы не стал ставить себя выше других, а из перевода Шарова видно именно это. У Галь смысл выражен конкретнее и ненужного негатива нет.</p>	
<p>Моряк, переживший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, — и тот не был бы так одинок, поэтому вы представляете себе, как я удивился, когда на рассвете меня вдруг разбудил причудливый тоненький голосок, который произнес...</p>	<p>Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, — и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал...</p>
<p>Это пример того, как одно содержание предстает в разной форме, и что из этого выходит. У Галь — три предложения, у Шарова одно, и разница колоссальная. В первом случае все гладко и связно, во втором — наложение оборотов, постоянные «когда» и «поэтому» и, как следствие, чтение затрудняется.</p>	
<p>Я вскочил, опешив, будто от удара грома, захопал глазами и внимательно оглядел все вокруг. Тут-то я и увидел какого-то необыкновенного крошечного человечка, который стоял неподалеку и с величайшей серьезностью рассматривал меня.</p>	<p>Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьезно меня разглядывал.</p>

<p>А вот здесь вопрос как раз к содержанию. Но сначала опять о стиле: «вскочил, опешив», «захлопал глазами» — это строчки из совсем другого произведения, и об этом мы уже говорили. И зачем «с величайшей серьезностью», когда можно просто «серьезно»? На фоне «крошечного человечка» «величайшая серьезность» выглядит просто комично, а разве этого эффекта хотел добиться автор. Думаю, нет.</p>	
<p>Но тогда я лишь таращился на это невесть откуда взявшееся привидение, и глаза мои так и лезли на лоб от изумления.</p>	<p>Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление.</p>
<p>Снова все те же проблемы, что и в предыдущих случаях. «Таращился», «невесть откуда», «глаза лезли на лоб» — очень уж это экспрессивно и даже просторечно звучит. И рождает как иное описание ситуации, в которой оказался летчик, так и искаженный образ самого рассказчика. Несколько неверных слов в переводе, и перед нами уже совсем другой человек.</p>	
<p>Но тотчас вспомнил, что учился-то я все больше географии, истории, арифметике и грамматике, и с легким раздражением заявил этому мальчонке, что не умею рисовать.</p>	<p>Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать.</p>
<p>И маленький принц звонко, весело рассмеялся, чем изрядно разозлил меня. Не люблю, когда потешаются над моими бедами.</p>	<p>И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно.</p>
<p>И снова та же ошибка. Фраза «с легким раздражением» и экспрессивное «мальчонка» делает образ рассказчика вовсе не положительным. Случается чудо: в бескрайней пустыне к летчику подходит маленький мальчик с золотыми волосами и просит нарисовать барашка (в версии Шарова — овечку), а тот уже раздражен и называет ребенка «мальчонкой»? Нет, летчик говорит «немного сердито», потому что еще думает, что занят настоящим делом (чинит самолет), и потому, что очень уж много плохого связано с его неумением рисовать. И все-таки Маленький принц — «малыш», а вовсе не «мальчонка». Вроде бы тонкость, разница только в тоне, но интонация сразу меняется. Второй пример продолжает эту тему: Маленький принц «изрядно разозлил» рассказчика своим веселым смехом. «Изрядно разозлил» — не слишком ли сильное выражение?</p>	
<p>Если идти, куда глаза глядят, не очень-то далеко и забредешь.</p>	<p>Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...</p>

<p>Важная фраза, с философским подтекстом. Но становится она такой в оригинале и в переводе Норы Галь, но никак не в переводе Шарова. У него она выглядит вполне практической и вовсе лишена поэзии, и уж тем более в ней нет ничего философского. Вообще главная проблема перевода Шарова состоит в том, что это безликий перевод. Кроме отдельных моментов, где экспрессия проявляется без надобности, версия Шарова довольно серая, местами косноязычная и начисто лишенная сказочности. Впрочем, это мое личное мнение.</p>	
<p>Детям всегда приходится выказывать великое долготерпение, общаясь со взрослыми.</p>	<p>Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.</p>
<p>Очередная важная фраза, которая потеряла цвет в переводе Шарова и, простая и ясная, заиграла всеми красками в версии Норы Галь.</p>	
<p>Я изрядно настрадался, записывая свои воспоминания.</p>	<p>Сердце мое больно сжимается, когда я вспоминаю моего маленького друга, и нелегко мне о нем говорить.</p>
<p>Почему «настрадался»? В этом слове, на мой взгляд, слишком много физического. Сразу рисуется образ: сломанный самолет, жар пустыни, совсем нет воды и одинокий пилот на грани жизни и смерти. От всего этого можно «изрядно настрадаться». Но ведь рассказчик просто говорит о том, что ему больно вспоминать о Маленьком принце, и этот момент у Шарова упущен, рождая двусмысленные трактовки.</p>	
<p>Поэтому я держусь правила, — объяснил мне потом маленький принц, — по утрам, как только приведешь себя в порядок, наведи порядок и на своей планете, да постарайся на совесть.</p>	<p>Есть такое твердое правило, — сказал мне позднее Маленький принц. — Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету.</p>
<p>Версия Шарова плоха, в первую очередь тем, что рисует нам вовсе не Маленького принца. Так мог бы говорить сын провинциального клерка, серьезный и самоуверенный мальчик, или скорее даже фермерский сын, привыкший к работе, хозяйственный уже по самому своему происхождению. «Поэтому я держусь правила» здесь от первого, «да постарайся на совесть» — от второго. Но все это не Маленький принц, который весь — одна душа, и это не могут быть его слова.</p>	
<p>Знаешь, хорошо полюбоваться закатом, когда на душе печаль...</p>	<p>Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...</p>

<p>А так попросту не говорят, здесь слишком много пафоса для разговорной речи (в основном я говорю о части «когда на душе печаль». В «Маленьком принце» мы не раз встречаем несколько возвышенный стиль, но в переводе Норы Галь он ни разу не сводится к фальши.</p>	
<p>Он так опешил, что вытаращил на меня глаза.</p>	<p>Он посмотрел на меня в изумлении.</p>
<p>Маленький принц не может «вытаращить глаза», эти слова и само движение — не из его мира. В нем (и в мире, и в принце) слишком много поэзии и вовсе нет места такой грубой действительности.</p>	
<p>Она такая таинственная, эта страна слез.</p>	<p>Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез.</p>
<p>Мне не хотелось бы быть слишком однозначным в оценке перевода Шарова, это совсем не работа «Преимущества перевода Норы Галь перед другими переводами». Но каждый раз выходит так, что и без всякого предубеждения Шаров каждый раз заслуживает критики, а Галь — только похвалы. В данном случае версии практически идентичны, и у обоих это красивейшая и тонкая фраза.</p>	
<p>Ему не хотелось выходить в свет помятым и растрепанным, будто какой-нибудь полевой мак, а хотелось предстать миру во всей красе. О да, это было кокетливое создание! Шли дни, а цветок по-прежнему прихорашивался в тайне от всех.</p>	<p>Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем.</p>
<p>В данном случае мы просто имеем дело с невнимательным редактированием первого перевода. Дважды повторяется слово «хотелось», звучит, конечно, некрасиво. У Н. Галь — «хотела» и «желала». Не хочется придираться к переводу Шарова, наверное, здесь обычная невнимательность. И еще один момент: в переводе Шарова необычный друг Маленького принца назван безлико — «цветок», тогда как у Н. Галь это «роза», что в сочетании с «ужасной кокеткой» и прочими определениями гораздо ярче звучит. В дальнейшем то же произойдет с земным другом Маленького принца — Лисом, который у Шарова назван просто «лисицей».</p>	
<p>Растение, которое ужасно боится сквозняков, — сказал маленький принц. — Тяжелый случай, — заметил он и добавил про себя: — У этого существа весьма сложный характер.</p>	<p>Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка.</p>

<p>«Тяжелый случай» — странное и неестественное выражение, никак не подходящее Маленькому принцу. И почему «существо», разве не понятно принцу, что это цветок?</p>	
<p>Но маленький принц, по своему обыкновению, сказал: «Как знать, всяко может быть» — и вычистил потухший вулкан тоже.</p>	<p>Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже.</p>
<p>И снова странное просторечие. «Всяко может быть» — не слишком ли просторечно для принца, особенно если он это говорит постоянно, «по своему обыкновению»? У Н. Галь — нейтральное «мало ли что может случиться».</p>	
<p>Значит, будешь судить самого себя, — отвечал король. — А это куда как не просто. Судить себя гораздо труднее, чем других. Если сумеешь судить себя по справедливости, значит, ты и впрямь мудрый муж.</p>	<p>Тогда суди сам себя, — сказал король. — Это самое трудное. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.</p>
<p>Одна из важнейших фраз книги, в идеале она должна быть очень простой по форме, чтобы не было помех для правильного восприятия содержания. И А. Шаров и Н. Галь эту задачу вроде бы выполнили, но у Шарова снова всплывают его «старые» проблемы. В предложениях много лишнего: не играющих роли слов и их сочетаний, запятых, двусмысленностей. Конечно, и у Шарова смысл фразы ясен: он слишком прозрачен, чтобы заглушить его даже плохим переводом.</p>	
<p>На второй планете жил спесивец.</p>	<p>На второй планете жил честолюбец.</p>
<p>Спесивцы вообще не слышат ничего, кроме славословий.</p>	<p>Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.</p>
<p>«Спесь» (по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова) — «надменность, высокомерие». «Честолюбие» — «жажда известности, почестей, стремление к почетному положению». Какое определение лучше раскрывает образ этого человека, раскрывающийся в сказке, какая черта — главная. По моему убеждению — вторая. Поэтому перевод «честолюбец» точнее. Второй момент: «спесивцы вообще не слышат ничего, кроме славословий» — очень неоднозначная фраза, слишком сложная для сказки, даже для философской. Сложная уже потому, что в ней есть два слова, не слишком прозрачные для понимания — «спесивцы» и «славословия». Зато все знают, что такое «тщеславный» и «похвалы».</p>	
<p>На следующей планете обрелся забулдыга.</p>	<p>На следующей планете жил пьяница.</p>

<p>Забулдыга (прост.). Спившийся, беспутный человек. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова. Во-первых, зачем здесь просторечие? А во-вторых, зачем здесь вообще экспрессивное «забулдыга», если есть в языке «пьяница»?</p> <p>Диалог в варианте Н. Галь легко обращается в запоминающуюся схему: пью, чтобы забыть, что мне совестно пить. Выглядит четко и лаконично, потому она давно вошла в обиход. У Шарова забулдыга говорит: «Пьянствую, чтобы забыться» — а именно, чтобы «забыть, что ему стыдно». «Стыжусь своего пьянства» гораздо сложнее, чем «совестно пить», поэтому версия Норы Галь мне и здесь нравится больше.</p>	
<p>У меня случился прострел, поскольку я мало двигаюсь.</p>	<p>Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма.</p>
<p>Прострел (разг.). Простудная болезнь — ломота и колотье в пояснице и других частях тела. Честно говоря, только с помощью словаря я понял, что это такое. Но я ведь не праздный читатель, мне интересно как можно глубже проникнуть в эти два перевода. А обычный читатель, особенно ребенок, не полезет в словарь и разве что станет пытаться родителей на эту тему. «Приступ ревматизма», по крайней мере, проще объяснить. Это, конечно, не самый важный момент книги, а может, и вовсе неважный (если только в «Маленьком принце» есть такие). Но когда такие моменты постоянно повторяются, это очень плохо для текста, потому что замедляет чтение и восприятие.</p>	

Конечно, те примеры, которые я взял для анализа, не полностью рисуют нам разницу между двумя переводами. Зато в этой работе собраны, на мой взгляд, наиболее показательные моменты, самые яркие образцы двух подходов к «Маленькому принцу». Пришло время сделать вывод. Много промежуточных выводов уже было на предыдущих страницах, но итоговое мнение сводится к следующему. Перевод А. Шарова местами вовсе неплох, местами даже хорош, но ни в одном моменте не прекрасен. Перевод Н. Галь — сам по себе художественное произведение. В нем есть поэзия и душа, что сейчас редко где увидишь и прочтешь. «Маленький принц» — необычное произведение, и его нельзя переводить как любое другое. Прежде нужно не только хорошо все продумать, но и прожить, прочувствовать. В него, если позволите, нужно немного влюбиться. И еще ВСЕГДА ОСТАВАТЬСЯ НЕМНОГО РЕБЕНКОМ, ИЛИ ХОТЯ БЫ СУМЕТЬ ПОНЯТЬ РЕБЕНКА, увидеть удава в шляпе и барашка в нарисованной коробке или хотя бы поверить в них. И я думаю, Нора Галь смогла бы.

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Александра Раскина
НА ПЕРВОМ МЕСТЕ

Нора Яковлевна Галь была с юности ближайшей подругой моей мамы, Фриды Абрамовны Вигдоровой. Мама, пока мы с сестрой не выросли, вела материнский дневник, и там есть запись о том, как я спрашиваю: «Мама, кто у тебя из друзей на втором месте? На первом-то я знаю: тетя Нора, а вот на втором кто?» Мама ответила, что у нее нет обыкновения расставлять своих друзей, как солдат, по росту, и я так и не узнала, «кто на втором месте». Но что «тетя Нора — на первом месте», — всю жизнь знала твердо.

В моей жизни Н. Я. присутствовала всегда, сколько я себя помню. Вот мама меня, пятилетнюю, приводит к Н. Я. домой, в Варсонофьевский переулок, недалеко от Сретенских ворот. Там Н. Я. жила до 1962 года, в огромной коммунальной квартире, в одной комнате — сперва с матерью Фредерикой Александровной и дочкой Эддой, а с 1951 года, после смерти матери, — уже только с Эддой. Мама и Н. Я. работают, Эдда в школе, а я уже умею читать, и меня развлекать не надо: я утыкаюсь в книжные полки. Рассматриваю корешки книг. Одно название очень меня озадачивает: «Евреи до Железняков». Не то, чтобы все другие названия были мне полностью понятны, но я смутно чувствую, что тут есть какая-то заковыка. И точно: книжка оказывается одним из томов Большой Советской Энциклопедии. У нас дома многотомных энциклопедий нет, и такие тома мне в новинку. (Корешки энциклопедий вообще могут служить полем для различных филологических находок. Так, один мой знакомый обнаружил, что корешок одного из томов Брокгауза и Эфрона «Гравилат до Давенант» почти в точности повторяет два имени героя романа А. Грина «Дорога никуда».)

Еще у Н. Я. есть кот. Строго говоря, он общий квартирный кот (от мышей!), но за духовным общением приходит к Н. Я. Лежит на письменном столе рядом с пишущей машинкой. Н. Я. с ним разговаривает совершенно как с человеком: уверяет, что он понимает все слова.

Она кладет ему что-то в мисочку на полу. Он подходит, нюхает и отворачивается. Н. Я. говорит ему: «Попробуй, это вкусно». Кот пробует и, действительно, все съедает.

Я расту и дружу с Эддой. Эдда ближе по возрасту к моей старшей сестре Гале, но с Эддой мы похожи: обе книжные, обе в очках. Галя тоже любит читать, но не любит, когда к месту и особенно не к месту вставляют умные слова: считает, что это значит «воображать» и «выпендриваться». Эдда не считает, что я «воображаю», я не считаю, что Эдда «выпендривается».

От Н. Я. идут в нашу семью разные игры со словами. Мама тоже знает игру «Из одного слова — много», но играет со мной в нее редко. А вот Н. Я. играет даже сама с собой — для нее это отдых от работы. Она говорит мне: «Знаешь, из какого слова получается много слов? Паникерство». Я сажусь и начинаю писать. Ох, сколько слов! Двухбуквенных и трехбуквенных мы уже «не берем», а все равно набегает где-то около трехсот.

Я расту, и игры со словами становятся более замысловатыми. Все они уходят корнями в студенческую пору мамы и Н. Я. Это была очень дружная компания: Н. Я., ее муж (отец Эдды) Борис Кузьмин, моя мама и ее первый муж, отец Гали, Александр Кулаковский учились вместе в Педагогическом институте имени Ленина на факультете языка и литературы. И Борис Кузьмин, и Александр Кулаковский погибли на войне.

Институт они все кончали в 1937 году. Время было грозное, но им по молодости лет хотелось и шутить, и играть. И не всегда это легко сходило им с рук. Однажды мама позвонила Н. Я. домой и спросила: «Скажи, Борис был баптистом?» — «Что-о-о?» — «Тут комсомольское собрание, и его собираются исключать из института — за то, что он баптист. Я все равно буду его защищать, но я должна знать, как оно на самом деле». Оказывается, Борис заходил к кому-то в общежитие и, не застав, написал приятелю записку, которая начиналась словами «Досточтимый брат мой». Баптистом он не был, и маме удалось как-то объяснить бдительным комсомольцам, что это шутка, — а если б был баптистом, то, боюсь, одной маминой доброй воли не хватило бы. Как поет Окуджава, «На Россию одна моя мама, только что она может одна?»

Так вот, мама рассказывала, что Н. Я. и Шура Кулаковский постоянно изобретали какие-то игры и головоломки. Например, они разрезали шахматную доску на части причудливой формы и предлагали желающим вновь составить из них доску. Прадедушка или прабабушка нынешних «пазлов» (слово «пазл», кажется, прочно уже вошло в быт, а уж как Н. Я. всегда противилась такому ленивому заимствованию слов из чужого языка!), эта шахматная головоломка была принята к производству и охотно раскупалась, авторы даже получили какие-то небольшие деньги.

Но основная страсть была к головоломкам словесным. На лекциях, скажем, по политэкономии мама с Борисом усердно вели конспекты, а Нора и Шура сражались в криптограммы. Что это за игра такая, криптограммы? А вот что. Берется четверостишие, каждая буква зашифровывается каким-то числом, причем разные буквы — разными числами. Пробелы между словами и знаки препинания сохраняются. К примеру, строка «Чижик-пыжик, где ты был?» будет выглядеть так: (1, 2, 3, 2, 4) — (5, 6, 3, 2, 4), (7, 8, 9) (10, 6) (11, 6, 12)? Иногда такие криптограммы печатаются в журналах наряду с кроссвордами, но всегда дается «ключ» — одно или несколько слов с расшифровкой. Нора и Шура, естественно, были выше этого и разгадывали криптограммы без всяких ключей. В маминой трилогии про детский дом, которым заведует Семен Карабанов (герой «Педагогической поэмы») есть такой эпизод: один из воспитанников, начитанный и самоуверенный Андрей Репин, у которого с Семеном конфликт, приносит ему зашифрованное письмо. Семену во что бы то ни стало надо его разгадать. Прямо «Золотой жук» Эдгара По. Шпаргалку для этого эпизода писала маме Н. Я. Приведу небольшой отрывок из книги:

«Каждая цифра означает букву, это ясно. Попробую подсчитать, сколько раз какая цифра встречается. Подсчитал. А какие буквы чаще всего встречаются в русском языке? Никогда над этим не задумывался. Попробую с другого конца. Шифровка начинается с одной отдельной цифры 25, и еще дважды она стоит отдельно, а один раз — в конце слова... И тут меня осенило: конечно же, письмо начинается с «я». Может быть, даже три фразы начинаются с «я», а там, где 25 стоит на конце слова, — это, пожалуй, глагол, вроде «начинаются». Да, но больше этого 25 нигде нет. Мало мне помогает мое открытие. «Я... я...» Я /19, 13/. Что «я»? Чего-нибудь он не желает, с чем-нибудь не соглашается — уж наверно, он не стал бы шифром поддакивать мне. Попробуем! Подставим всюду вместо 19 — «н», вместо 13 — «е», поглядим, что получится... Вот, к примеру, «5, н, е» — что это за пятерка? Какое-нибудь «сне», «дне»? А может, «мне»? Ясно, «мне»! А 19, 8 — это «ни», или «ну», или «но»! Ну, теперь держись, Семен! Терпение!»

Вставная новелла про третье поколение. Когда Эддиному сыну Мите было 8 лет, а моей дочке Анюте — 10, мы вместе снимали летом дачу. Митя был очень самоуверен и даже несколько высокомерен, и не без оснований. Он был очень начитан, играл в слова не хуже взрослых, далеко оставив позади Анюту, и даже сочинил гимн нашей дачи на манер каких-то стихов из «Хоббита» Толкиена. Анюта еще не набрала силу как читатель, и книг своей бабушки еще не читала — годы, когда она будет знать их наизусть, еще были впереди, — а Митя уже читал трилогию, и мы ее с ним обсуждали на равных. «Знаешь, — сказала я как-

то, — ты напоминаешь мне одного мальчика из этой книги...» — «Андрея Репина?» — мгновенно откликнулся Митя...

Лет пятнадцати я решила и попросила Н. Я. что-нибудь мне зашифровать. Она зашифровала мне Хлебникова:

У колодца расколотся
Так хотела бы вода,
Чтоб в болотце позолотцей
Отразились павода.

Только пожалела меня и неведомые «павода» заменила на «лебедя»: «отразилась лебеда». Несколько дней я билась над этим и, в конце концов, разгадала. С тех пор Н. Я. мне время от времени подкидывала четверостишия, главным образом, из любимого ею Пастернака, которого она знала всего наизусть, а я тогда читала его мало и плохо, и поэтому для меня сейчас на многих пастернаковских строчках «особый отпечаток», потому что я помню, как они рождались у меня на глазах, как по волшебству, из небытия.

Однажды Н. Я. меня не пощадила и загадала мне стих с несуществующими словами:

Показал садовод нам такой огород,
Где на грядках, засеянных густо,
Огурбузы росли, помидыни росли,
Редисвекла, чеслук и репуста.

Ох, и попыхтела я над ним. Но вообще эти криптограммы мне, как и ей, служили отдыхом. Поэтому когда я готовилась к экзаменам на аттестат зрелости и вдруг почувствовала, что должна отвлечься на какое-то время от зубрежки «по билетам», я попросила у Н. Я. парочку криптограмм. Для такого случая она сочинила собственный стишок:

Вся устремляясь в высь ли, в даль,
Жмет Александра на медаль.
Неужто криптограммы жаль?
Дадим одну, а две — едва ль!

Хочу объяснить, что эти игры со словами были для меня не просто играми: исподволь они готовили меня к моей будущей профессии лингвиста. Пришлось мне в моей лингвистической деятельности и криптограммы составлять — для школьных лингвистических олимпиад, причем специально такого рода, чтоб можно было за час их расшифровать (Пастернак для этого был «мало оборудован»). И школьники расшиф-

ровывали! Впоследствии был издан задачник (Лингвистические задачи: Книга для учащихся старших классов. — М.: Просвещение, 1983), куда эти криптограммы вошли. Для этой публикации авторы задач должны были представлять их вместе с решениями. Я писала решения, а в голове у меня звучал внутренний монолог Семена Карабанова, написанный с легкой руки Н. Я.

Была еще одна лингвистическая игра у Н. Я. и Шуры Кулаковского. Когда собирались большой компанией, один из них уходил, а другой оставался в комнате. Оставшиеся загадывали слово. Затем водящий входил, а партнер говорил какую-нибудь фразу, никак с этим словом, вроде бы, не связанную. И водящий это слово немедленно называл. А все гадали, как же это Норе и Шуре удастся. Я помню рассказ о том, как водила Н. Я., и загадали слово «пощечина». Н. Я. вошла, и Шура сказал фразу: «Фрак апостол перемазал: видно, запонки желтеют». И Н. Я. сразу сказала: «мордобитие». Было названо слово с другим корнем, и студенты-филологи поняли, что шифруется семантика слова. В конце концов, догадались: загаданное слово переводилось на французский, и придумывалась фраза (по-русски!), где каждое следующее слово начиналось с соответствующих двух букв этого французского слова. Так загадочная фраза: «Фрак апостол перемазал: видно, запонки желтеют» (как она завораживала меня в детстве!) дает слово «фрапвизаж» (frappe-visage), которого нет по-французски, но поскольку «frappe» — это «бей», а «visage» — «лицо», то можно, поднапрягшись, догадаться, о чем идет речь. Хотя и не так это просто. Не говоря уже о том, что большое нужно искусство, чтоб с лету сочинить такую изящную фразу про апостола и его фрак. Фразу, пережившую 80 лет.

Не нужно думать, что даже и в детстве нас с Н. Я. связывали только игры. С одиннадцати лет она вовлекла меня в трудовую деятельность. Начиная с этого времени, всю жизнь мы вместе с ней держали корректуру — считывали рукописи, читая их вслух по очереди. Сперва рукописи маминых книг для детей, которые я знала очень хорошо и ориентировалась в тексте, а с годами, в очередь с Эддой, и «взрослые» переводы Н. Я. (поэтому за многими из них звучит для меня сейчас ее голос).

Не надо удивляться тому, что Н. Я. занималась вычиткой маминых рукописей. Это не была эксплуатация. За долгие годы дружбы и сотрудничества (одно время после войны они даже писали в соавторстве статьи под псевдонимом Гальченко) у них установилось, кто из них что в этом тандеме делает. Мама, кроме того, что писала книги, продолжала работать журналистом, ездила в командировки и тянула на себе десятки чужих дел. Корректуру своих вещей она, конечно, держала, но просто прочитывала внимательно гранки, верстку, сверку. А считывать вслух вдвоем просто не успевала. Н. Я. же считала, что это необходимо. Одним из считчиков все равно была бы она сама, а вот в напарники

она завербовала меня. И очень хорошо мы с ней сработались. Мама же делала за Н. Я. что-то, что было той трудно: например, какие-то сношения с внешним миром. Я об этом расскажу позднее. Возвращаясь к считыванию, скажу, что, благодаря Н. Я., я уже сызмальства знала корректорские значки, понимала, что такое «втягивать строку» и т. д. Попутно Н. Я. замечала какие-то огрехи вроде нечаянных лишних созвучий и редактировала, на ходу объясняя мне, что к чему. Нужно ли говорить, какими драгоценными оказались для меня впоследствии все эти, полученные от Н. Я., навыки!

Что до рукописей своих книг, то мама вообще любила давать их друзьям, выслушивала замечания и многое учитывала. Но никто так не погружался в ее рукописи с головой и никто не принимал их так близко к сердцу, как Н.Я. Она помнила все обстоятельства, упоминаемые в маминых книгах, лучше ее самой и нередко указывала ей на какое-нибудь несоответствие во времени или в пространстве. Более того, мама обсуждала с ней и сюжетные ходы и развитие характеров персонажей – так повелось с юности: мама была поначалу учительницей и только начала писать статьи, когда Н.Я. была уже сложившимся литератором. И мама, естественно, советовалась с более опытной Н.Я. и показывала ей все, что писала.

* * *

Мама умерла, когда мне было 23 года, утром 7 августа 1965 года у нас с Галей на руках. Мама болела долго и тяжело. Последние полтора года маминой жизни ее не печатали из-за ее записи процесса Бродского, которая широко распространилась и попала на Запад. Но когда мама заболела, что-то сдвинулось, и Детгиз предложил переиздать мамину трилогию. Книгу надо было подготовить к печати, в частности, сократить объем. Что-то мама успела сделать сама, а потом, когда больше уже работать не могла, поручила Н.Я. делать оставшееся: вносить сокращения, держать корректуру (тут и я включалась – через день, когда было не мое, а Галино дежурство с мамой). Все надеялись, что мама успеет увидеть книгу. Но – не удалось. Наступило 7-е августа. Первыми (как и всегда потом, когда что-то нас ударило) пришли Раиса Ефимовна Облонская и Н.Я. и забрали меня из дому. Н.Я. сказала: «Саша, ведь надо сдавать мамину рукопись в издательство — объем огромный, сроков нам никто не перенесет — пойдем ко мне считывать». Я плохо понимала, куда я иду и зачем, но пошла. И часа два мы действительно работали, а потом я уже пошла домой.

Почему же Н.Я. считала нужным, чтоб я в такой страшный момент сидела с ней над рукописью? Я думаю, потому, что она всегда спасалась работой (она сама часто об этом говорила) и думала, что и меня спасет работа. Но я не обладаю такой стальной выдержкой и мужеством,

какими обладала она. Меня не работа спасает, а дружеское участие и поддержка. Так вот это я и получила в полной мере от Н.Я. И не рассыпалась (а теперь понимаю, что была к этому близка) и смогла перенести все, что меня ждало, — в первую очередь благодаря Н.Я., которая в решающую минуту окунула меня в спасительную атмосферу привычной с детства нашей с ней работы и знакомой наизусть маминой речи.

* * *

Авторитет Н. Я. как переводчика в нашей семье был очень высок. Мама говорила, что Драйзера, например, можно читать только благодаря ее переводу. Вообще-то мне приходилось уже взрослой слышать по адресу Н. Я. упреки, что, мол, зачем же улучшать тексты при переводе. Я как-то задала этот вопрос Н. Я., и она сурово мне ответила: «А я не умею плохо писать по-русски». К счастью, со временем Н. Я. могла позволить себе брать для перевода только те вещи, которые ей нравились.

Что касается Драйзера, то нельзя, говоря о переводах Н. Я., не упомянуть об «Американской трагедии». Этот роман Н. Я. перевела ещё в 1947 году. Роман имел необычайный читательский успех, и его переиздавали нескончаемое число раз: чуть не каждый год, да еще в нескольких местах. К каждому переизданию Н. Я. что-то поправляла, и, конечно же, считывала. Времени на это уходило много: толстый был роман. Вначале грех было обижаться на частые переиздания: «Американка», как называла Н. Я. роман, честно ее кормила. Но в последние лет двадцать Н. Я. с каждым новым переизданием все более сердилась: «Американка» отвлекала ее от других, любимых вещей. «Ну, почему опять «Американку»?! — сетовала она. — Переиздали бы лучше «Пересмешника»!»

«Американка» сопровождала Н. Я. всю жизнь и откликнулась даже, когда Н. Я. уже не было в живых. Эдда захотела заказать портрет Н. Я. художнику, который делает портреты по фотографиям. Дали ей несколько телефонов, звонит она одному художнику, другому: «Пожалуйста... Нора Галь... переводчица... может, знаете... «Маленький принц»...» Отзываются: «Конечно, Экзюпери...» — но делать не берутся. Последний звонок: «Нора Галь... может, слышали...» В ответ молчание. И тут — мистика — Эдда почему-то упоминает не «Маленького принца», а давнюю, нелюбимую работу: Драйзер, «Американская трагедия». Вдруг художник как закричит: «Американская трагедия»? Да она мне жизнь спасла!» Оказывается, когда он служил в армии, ему пришлось стоять на посту. Он стоял и, хотя это по уставу и не полагается, читал книгу. «Американскую трагедию». Вдруг кто-то идет — он сразу книгу за пазуху. И кричит: «Стой!» А человек не слушает и идет прямо на него. Пьяный был. И вот пьяный этот выхватил нож и пырнул его в грудь. И если бы не «Американская трагедия» за пазухой, не быть бы солдату

в живых. Как я уже говорила, роман был толстый. Словом, художник немедленно согласился нарисовать портрет. И нарисовал. Я видела: хороший портрет получился¹.

* * *

Драматическая история одного из самых знаменитых переводов Н. Я. разворачивалась на моих глазах и даже, поначалу, не без моего участия.

Было это в 1958 году. Мы уже переехали из чудовищной коммунальной квартиры в Ермолаевском переулке (по которому шел булгаковский Берлиоз на Патриаршие пруды) в кооперативную квартиру в писательском доме у метро «Аэропорт», а Н. Я. ещё жила в своем Варсонофьевском переулке. Она приходила в себя после серьезного сердечного приступа, и мы забрали её отлеживаться к себе. Папы в те дни не было в городе, и у Н. Я. была своя комната, где она лежала и работала, к гостям не выходила. Как раз в эти дни к нам пришла Ирина Игнатьевна Муравьева² — прелестная молодая женщина, удивительный человек и тонкий литератор. Ей было 38 лет, и жить ей оставалось ровно год: у нее были больные легкие. Но судьбы ее никто тогда не ведал. Было много народу, все знали, что Ирина Игнатьевна принесла французскую книжку, неизвестную нам сказку Экзюпери, и будет переводить ее вслух, с листа. Это был «Маленький принц».

Мне было пятнадцать лет, и я, по своей необразованности, фамилию Экзюпери услышала в первый раз, «взрослые» же, конечно, знали о нем, читали то, что переводилось: «Ночной полет» и «Землю людей» (это уже потом Н. Я. перевела «*Terre des Hommes*» как «Планета людей»). Но «Маленького принца» никто из собравшихся, кроме Ирины Игнатьевны, не читал, и впечатление было оглушительное. Интересно, что несмотря на Оттепель на дворе и на полную, казалось бы, аполитичность сказки (а может быть, именно поэтому?) никому и в голову не пришло, что эту вещь надо немедленно перевести и опубликовать.

Итак, чтение закончилось, все заговорили, стали эту вещь обсуждать, появились чай и бутерброды, а я взяла «Принца» — тоненькую книжечку для изучающих французский язык — и направилась прямоком к Н. Я.: смотрите, мол, какую сказку нам принесли. Н. Я. проглотила

¹ См. последний портрет Н. Я. в первой вклейке.

² Муравьева И. И. (1920—1959) — филолог, специалист по французской и датской литературе, автор книги «Андерсен» (1958—1959, «ЖЗЛ», два издания). См. о ней: Померанц Г. В сторону Иры. // Русское богатство, 1994, № 2 (6), с. 52—105. Характер, некоторые эпизоды биографии, высказывания Муравьевой легли в основу образа Ирины Игнатьевны в повести Фриды Вигдоровой «Любимая улица».

книжку мгновенно и сразу же ей заболела. Она сказала: «Я это переведу для друзей». И перевела. У нас дома. Помню, как обсуждалась проблема несовпадения грамматического рода слова «цветок» во французском и русском языке. По-французски «la fleur» (цветок) — женского рода. Что делать? Писать «цветок — она»? Н. Я. решила переводить «la fleur» разными словами: «роза», «красавица» — но только женского рода.

Опять же, повторяю, Н. Я. переводила «Принца» без всякого договора, «для друзей», без надежды на публикацию. Настолько не виделась эта вещь на страницах даже самых либеральных журналов. Тем не менее, когда повесть зажила по-русски, решили попробовать ее напечатать. Надо было ходить по журналам и предлагать её. И вот этого Н. Я. категорически не могла. Всю жизнь ей трудно было общаться с незнакомыми людьми, и мама часто брала это на себя. Взяла она это на себя и теперь. Обошла множество редакций — и безрезультатно! Трудно сейчас поверить, но так это было: журналы боялись печатать «Маленького принца». Даже «Новый мир» не взял его, объяснив это, правда, тем, что нужно печатать сказку вместе с рисунками автора, а они, мол, рисунков не дают. Прошел год (!), прежде чем «Принца» напечатали в журнале «Москва» (который, кстати, тоже обычно рисунков не давал), благодаря Евгении Самойловне Ласкиной¹, замечательному человеку и маминей близкой подруге, которая заведовала там отделом поэзии и помогла напечатать не одну хорошую рукопись — как стихов, так и прозы. (Впоследствии она была уволена из редакции за то, что напечатала знаменитое стихотворение Семёна Липкина про народ «И» — «Человечество жить не сумеет без народа по имени «И»!» Несмотря на то, что «И» — это действительно маленькое племя, кажется, где-то в Китае, начальство решило, что имеются в виду евреи — а без евреев ведь как было бы отлично жить!)

Никому из нас и в голову не могло прийти, каким, можно сказать, явлением массовой культуры станет в Советском Союзе (да-да, не только в России!) «Маленький принц», как его растащат на цитаты, будут переиздавать миллионными тиражами, передавать по радио, ставить по нему пьесы и снимать фильмы. Н. Я. старалась ничего из этого не упустить: собирала все газетные вырезки с упоминаниями о «Принце», смотрела все инсценировки, ходила и в самодеятельные театры-студии, вешала в комнате афиши спектаклей, вела переписку с десятками «экзюперистов», профессионалов и любителей, в СССР и за границей — и была этим счастлива.

¹ О Е. С. Ласкиной (1914—1991) см. главу «Неизвестная биография» в книге мемуаров: Алексей Симонов, «Частная коллекция», Нижний Новгород, 1999 (стр. 15—49).

* * *

Я не буду здесь разбирать переводы Н. Я. — это дело других: профессиональных переводчиков (Н. Я. и сама много рассказала об этом в своей замечательной книге «Слово живое и мертвое»). Расскажу только о том, как Н. Я. помогала мне работать над моим собственным переводом. Не художественным, нет. Я переводила американскую книгу для детей — о языке. Она так и называлась — «Книга о языке» (Franklin Folsom, «Language Book»). Это был мой первый опыт перевода не «внутреннего», а для печати, и не научного, а популярного. Я чувствовала себя скованно, не знала, что я могу себе позволить, а что нет. Почти сразу же стала в тупик перед фразой «Words bring you together». Слова сводят вас? Слова объединяют вас? Скучно как-то. И Н. Я. сказала: «А почему бы не написать «Слова — как ниточка между вами»?» А что, разве можно такое своеволие? Можно, оказывается. Ну, тут мне сильно полегчало. («Ниточка» эта мне потом в Америке аукнулась. Я подружилась с американцем, переводчиком с русского языка на английский. Он дал мне почитать свои переводы Севелы, Вагинова, Татьяны Толстой (приложив подлинники). Я ему дала «Книгу о языке» — и по-английски, и по-русски. Мне показалось, что в его переводах много отсебятины, о чем я ему при встрече и сказала. Мы заспорили о допустимости своеволия в переводах, и он сказал: «Вы ведь тоже допускаете отсебятину. Вот у вас есть в переводе фраза: «Слова — как ниточка между вами». А в английском тексте никакой ниточки нет!»)

Трудности у меня были, в основном, такого рода: переводишь единственно возможным, казалось бы, путем, и вдруг возникает лишний смысл, или, скажем, лишнее созвучие, или ещё что-нибудь в этом роде. Жертвовать ничем не хочется. Что делать? И вот это было потрясюще: казалось, нет больше вариантов, и вдруг Н. Я. выдает пачками: один, другой, третий. Ни разу она не задумалась надолго: все кандидаты на перевод были у нее под рукой. И не какие-нибудь вынужденные, вымученные, а один другого лучше. Интересный факт. У Н. Я. было несколько русскоязычных словарей синонимов. И вот она рассказывала, что и ей иногда хочется найти какие-то слова кроме тех, что сразу приходят на ум. Но никогда, ни разу не помог ей словарь синонимов: все, что было там, она уже давно в голове провернула. А вот найти (и не один!) синоним, которого в словарях нет, — пожалуйста! Этому я сама была свидетелем многожды. И не только лексический материал был у нее под рукой, но и все многообразие синтаксиса: какие она хитрые иногда предлагала варианты — уму непостижимо! И главное — мгновенно. Я не всегда принимала ее предложения — помню, отказалась от варианта «разъять слово на части», — но впечатлена была всегда: мгновенностью реакции и числом предложенных (превосходных!) вариантов.

* * *

Тем, кто знал Н. Я. не слишком хорошо, могло бы показаться, что она вся как на ладони: аскетичная женщина, полностью погруженная в работу. Однако Н. Я. была, что называется, «соткана из противоречий».

Возьмем, например, эту пресловутую аскетичность. Да, действительно, Н. Я. говорила, что ее раздражает необходимость прерывать время от времени работу и отвлекаться на еду. «Вот, — говорила она, приводя меня своей идеей в ужас, — если бы изобрели такую таблетку: съешь ее, и не надо ни завтракать, ни обедать, ни ужинать! Как было бы хорошо». Тем не менее, близкие знают, что вовсе не была она так уж безразлична к тому, как приготовлена еда в ее доме. И были у нее свои кулинарные предпочтения: скажем, очень она любила шоколадно-вафельный торт и всегда им угощала тех, кто к ней приходил.

Или взять отношение Н. Я. к тому, как тратятся деньги. С одной стороны, она была очень экономна в повседневной жизни. Лишних денег не тратила. Всегда просила женщину, которая помогала ей по хозяйству, записывать расходы и внимательно записи эти просматривала (я не раз была этому свидетелем и всегда вспоминала, как Давид Копперфильд объяснял бедной Доре, что не проверяя расходы, она совершает грех, ибо вводит слуг в искушение). Неодобрительно смотрела Н. Я. на наш безалаберный дом, где деньги тратились слишком, с ее точки зрения, широко, не всегда ясно было, куда они уходят, и действительно, их всё время не хватало. Помню такой случай. Мне было 18 лет, я училась и работала. Летом в отпуск я должна была поехать к родителям под Ленинград, в Комарово. У меня не было практически никакой летней одежды, и мне сшили три (!) платья у портнихи (именно «мне сшили» — по маминому желанию). Я помню их все. И вот Н. Я. вызывает меня к себе и говорит: «Послушай, я хочу с тобой поговорить как со взрослым человеком. Ты уже большая и должна понимать: у вас дома сейчас с деньгами неважно, мама бьется, наваливает на себя работу выше головы, а ты в такое время одно за другим шьешь себе платья у портнихи! Ты должна уже думать о таких вещах». Я была просто ошарашена: мамина была идея, мое ли дело возражать? (Тем более, что я уже зарабатывала и какие-то, хоть и маленькие, деньги вносила в общий котел.) Но не обиделась, приняла к сведению и вот запомнила этот разговор на всю жизнь. Но это так, к слову. А главное — это то, что при всей экономности Н. Я. нельзя и счесть людей, которым она помогала деньгами — и как щедро! И близким, и не очень близким, но нуждающимся, и незнакомым людям — читателям, скажем, которые становились друзьями, или актерам самодеятельного театра-студии, для которого она была, как бы теперь сказали, спонсором.

Или вот трудности в общении. Как я уже говорила, трудности эти были — по отношению к незнакомым людям, к чиновникам, к работ-

никам редакций, издательств, Литфонда, и т. д. Особенно если надо было их о чем-то просить. Но это за себя. А откуда что бралось, когда надо было помочь кому-то другому! Достать лекарство для подшефного парализованного переводчика из Калининской области или добиться официального статуса для того же театра-студии. Тут Н. Я. всех поднимала на ноги: вовлекала других людей, причем и незнакомых тоже. И добивалась своего.

На моей памяти один только раз Н. Я. стучалась во все двери (годами!), чтоб добиться публикации своего перевода: это был роман «Корабль дураков» американской писательницы Кэтрин Энн Портер. Корабль перед самой Второй мировой войной идет в Германию. В 1976 году один толстый журнал заказал, было, Н. Я. перевод, она его во-время представила, а опубликовать не удалось: из-за еврейской темы, которая вовсе даже не была там основной. Журнал выплатил Н. Я. деньги, но она была просто безутешна: считала, что роман замечательный, и не публиковать его — преступление. И куда только она ни писала, к кому только ни обращалась — помню, например, что она заручилась поддержкой Евтушенко: кому-то он по этому поводу писал в высокие инстанции — но всё безрезультатно. Словно каменная стена стояла на пути этой книжки. «Я не доживу до того времени, как «Корабль» напечатают, — сказала мне как-то Н. Я. — Это уже вы с Эддой будете его издавать». Но, к счастью, — дожила: «Корабль дураков» был опубликован в 1989 году.

* * *

И последнее. Н.Я. не питала никаких иллюзий насчет Советской власти. Но, осуждая творившиеся вокруг беззакония, она не была диссидентом, не участвовала в публичных протестах. Придерживалась принципа: каждый должен делать свое дело на своем месте — то, что он лучше может и умеет.

И действительно, у каждого своя степень общественного темперамента, свое отношение к публичности. Кроме того, даже борцам не под силу выносить чудовищные нервные и эмоциональные перегрузки, если у них нет верных друзей, на которых можно опереться, тех, кто создает вокруг себя атмосферу добра, равнодушия, готовности помочь. И Н.Я., будучи человеком очень «частным» по натуре, своей работой и самим своим существованием в огромной степени формировала нашу с вами культурную среду обитания и создавала духовную атмосферу, в которой мы могли дышать.

Александр Городницкий РОСКОШЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

С Норой Яковлевной Галь я познакомился где-то в середине шестидесятых в Ленинграде, осенью, когда она, вместе со своей близкой подругой Фридой Абрамовной Вигдоровой, приезжала работать и отдыхать в Дом творчества писателей в Комарово. Кто-то им рассказал о моих стихах, и они пригласили меня к себе в Комарово.

Я тогда жил в Питере и приезжал в Москву только в командировки. Но всякий раз, когда я попадал в столицу, я старался попасть в ее квартиру в писательском доме у метро «Аэропорт», где часто собирались ее друзья и коллеги — Фрида Абрамовна Вигдорова, ее муж Александр Борисович Раскин и многие другие. Нора Яковлевна была удивительно красива. С ее всегда гордо поднятой седой головой и негромким спокойным голосом она была как бы наглядным воплощением достоинства и благородства. Я в ту пору увлекался только что открытым для нас Антуаном де Сент-Экзюпери, которого она перевела, и общение с ней было равносильно общению с пастырем, открывшим для меня Бога. Всякий мой визит в ее дом неизменно превращался в творческий отчет перед хозяйкой и ее друзьями, которые охотно слушали мои стихи и песни и нередко сурово критиковали их.

После печально известного вечера авторов альманаха «Молодой Ленинград» 30 января 1968 года в Ленинградском доме писателей, я вместе с Иосифом Бродским, Сергеем Довлатовым, Татьяной Галушко, Яковом Гординым, Валерием Поповым и другими, стал фигурантом доноса, написанного в обком КПСС и КГБ группой черносотенных подонков. Меня занесли в «черные списки» и нигде не печатали. «Вам следует быть более осторожным со своими стихами и песнями», — как-то сказала мне Нора Яковлевна после очередного домашнего вечера. «Что Вы, — легкомысленно заявил я, — ну и что, что не печатают? Песни в этом не нуждаются. Чтобы я перестал их петь, меня надо убить физически». «Дружок, так и убьют физически», — с грустной улыбкой ответила Нора Яковлевна.

В последующие годы, когда я читал «Постороннего» Альбера Камю, «Убить пересмешника» Харпер Ли или любимого мною Рэя Брэдбери, я понимал, что в основу русского звучания этой высокой прозы заложен уникальный литературный талант Норы Яковлевны Галь. Язык тех переводов много дал для тогдашних наших отечественных писателей. Я снова вспомнил о ее «Маленьком принце» несколько лет назад, когда узнал, что в мою честь названа маленькая звезда, околоземной астероид диаметром 11 километров. И понял, что именно к ней относятся переведенные ею слова французского летчика, убитого 31 июля 1944 года над

Тирренским морем: «Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил». И еще: «Единственная настоящая роскошь на свете — это роскошь человеческого общения». Это эпоха в моей жизни — Нора Галь. Эпоха, которую мне никогда не забыть.

16.III-2018

Владимир Крыжановский СЛОВО, КОТОРОЕ УЧИТ, ЛЕЧИТ И ВДОХНОВЛЯЕТ.

Неиссякаемый кладезь мудрости оставила нам Нора Галь

Мне посчастливилось познакомиться с Норой Яковлевной в начале 80-х. Ее дочь, Эдварда Борисовна Кузьмина, рискнула дать телефон мамы молодому врачу из Киева, который восторгался «Словом» и обрывал телефон издательства. Очень уж мне хотелось поблагодарить Нору Яковлевну за «Слово живое и мертвое» и за все те прекрасные вещи, которые она так великолепно перевела на русский.

У меня не было больших литературных планов. Работал кардиологом в киевском НИИ. Кропал под настроение научно-популярные статьи на биомедицинские темы, а также памятки для санпросвета. Иногда писал о том, что наболело. Скажем, в письме в «Комсомолку» предлагал включить в состав комплекса ГТО навыки наружного массажа сердца. Чтобы, не дожидаясь приезда «Скорой», «случайные прохожие» могли попробовать оживить человека, у которого внезапно остановилось сердце. С тех пор прошло много лет, но в «государственном подходе» к этому вопросу особых перемен не видно. Как молоды мы были!

В так восхитившем меня «Слове» Нора Яковлевна доходчиво объясняла, как надо говорить и писать человеческим языком. Давала уроки не только переводчикам — всем мыслящим людям. Писала коротко и ясно. Учила изящно, с юмором, без желчной назидательности. Приводила яркие примеры того, как говорить, писать, переводить не надо. И тут же подсказывала выход. Просто золотые россыпи полезных советов. Вот, кстати, один не из «Слова». Как-то она услышала от дамы из поликлиники: «Это у вас — старческое». «Могла ведь сказать — возрастное», — с грустью промолвила потом в разговоре со мной Нора Яковлевна.

Нору Яковлевну отличал не только абсолютный литературный слух, но и потрясающая работоспособность. Она переводила по несколько десятков страниц в день. Практически не отходила от пишущей машинки. И это на восьмом десятке. При этом Нора Яковлевна находила время отвечать на письма, звонки, приглашать «ходовков» к себе домой. Критиковала по-доброму, чтобы не сказать — заботливо. Излучала ум, благородство и доброту. Дочь врача! Да что там разбор статей. После Чернобыля Нора Яковлевна предложила приютить мою жену с нашей

маленькой дочкой в Подмоскowie. Делала щедрые подарки: книг с ее переводами в то время было не достать. Дарственные надписи писала с теплотой, поддержкой, от души.

В 1992 году по стипендии Американского общества кардиологов я попал на стажировку на кафедре кардиологии при Вирджинском госуниверситете в городе Шарлотсвиле. Основал университет Томас Джефферсон в 1819 году. Строя университет, он использовал чертежи многокорпусной больницы в Париже, построенной еще Людовиком XVI. Архитектурные же украшения неоклассицизма позаимствовал у Андреа Палладио. Томас Джефферсон старался привнести все лучшее из увиденного за океаном на родину. Как тут было не вспомнить Нору Яковлевну. Она открыла для нас столько прекрасных произведений мировой литературы. Написала их заново для нашего читателя. Талант позволял! Поэтому вспоминал я Нору Яковлевну и тогда, когда рассказывал почетному гостю университета — Рэю Брэдбери, как невероятно он был популярен в бывшем Союзе и какие выдающиеся люди трудились над этими переводами.

Пример Норы Яковлевны вдохновлял. Естественно, я тоже думал о том, как мне поделиться с нашими врачами всем тем лучшим, чему удалось научиться или увидеть в Америке. В меру сил и способностей писал обзорные статьи и руководства по болезням сердца, создавал слайды и учебные видеофильмы.

В апреле 1993-го в университете отмечали 250-летие отца американской демократии. Пригласили выступить М. С. Горбачева. Студенты ликовали. Поднимали плакаты «Горби — в президенты США!». Михаил Сергеевич всех порадовал, признавшись, что «со времени учебы в МГУ пребывает с Томасом Джефферсоном в постоянном диалоге». С ударением «в диалоге», как обычно, на «а». Жаль, правда, что в отличие от Джефферсона, он не смог взять за рубежом все самое лучшее, укрепляя при этом свою страну и сохраняя ее самобытность.

Да и после Вирджинского университета часто вспоминаю Нору Яковлевну. Так порой не хватает ее совета и доброго юмора. Представляю, как бы ее, наверно, позабавили многие новомодные сейчас иностранные словечки, которые оскорбляют, как говорил В. Белинский, и здравый смысл, и здравый вкус. Все эти «гаджеты», «баннеры», «магнитуды», «транспарентности», «лайнсманы» или «выездные — не при детях будет сказано — панели». Не говоря уже о витиеватой «дорожной карте» вместо короткого слова «план». Полное «вау»!

Мне кажется, что в наши дни потребность обращаться к наследию Норы Яковлевны только возрастает. Ведь оно учит живому слову и нравственной чистоте. Культуре речи и необходимости быть Человеком. Как надо ценить богатство и силу русского языка. Ее переводы, статьи, главки из «Слова» — это уже готовые наработки для преподавателей школ и вузов.

Я безмерно благодарен Эдварде Борисовне Кузьминой за роскошь общения с Норой Яковлевной. И за все то, что Эдварда Борисовна сделала и делает для того, чтобы больше людей смогли утолить жажду чистого и точного слова из неиссякаемого кладезя мудрости, который оставила нам Нора Галь.

18.II-2018

Валерий Берестецкий
ТЕМ, КОМУ НУЖНЕЕ

Лет тридцать назад мне на глаза попалась книжка «Слово живое и мертвое» Норы Яковлевны Галь. Я к тому времени работал на двух работах — программистом в одесском НИИ и техническим переводчиком, — как нынче говорят, фрилансером, очень интересовался художественным переводом и как-то раз набрался смелости и решился отправить Норе Яковлевне через издательство письмо с какими-то наивными вопросами на эту тему. К моему удивлению, она ответила. У нас завязалась переписка. Я тогда мотался по командировкам, часто через Москву, и вот, в один из моих приездов, вернее проездов, я появился у Норы Яковлевны дома на Красноармейской. Вскоре визиты эти стали частыми, вместе считывали верстки ее переводов... Долгие беседы — это было счастье. Представляете, мои робко предложенные правки даже вошли в книгу!

Так продолжалось несколько лет.

Настало время мне уезжать из страны. И в очередной приезд в Москву я Норе Яковлевне об этом сказал. Она, ни слова не говоря, вышла из комнаты и вернулась с конвертом. «Вот тут немного денег, вам сейчас нужнее». Я попытался отказаться, но она повторила: «Вам сейчас нужнее. Не обижайте, возьмите». Мы попрощались, больше я ее не видел. Нора Яковлевна умерла в 1991 году, примерно через год после моего отъезда. Весь этот год мы продолжали писать друг другу. Помогая разным людям, я всегда помню про этот долг. И отдаю его — тем, кому нужнее.

5.II-2018

Алексей Симонов¹
РЕПЛИКА ПОЧТИТЕЛЬНОГО УЧЕНИКА

Нора Яковлевна Галь принадлежит к легендарному поколению переводчиков, создавших на русском языке то, что стало культурным

¹ А.К. Симонов — кинорежиссер. переводчик А.Миллера, И.Шоу, Ю.О'Нила, Д.К. Оутс и др.

багажом как минимум двух поколений советской интеллигенции. Сама Нора принадлежала к интеллигенции русской, ибо познавала мир через языки. А советское – в виде великолепной школы художественного перевода – было едва ли не главным подспорьем в нашем познании противоречивого мира.

Мне повезло дважды. Я был ее читателем и смею назвать себя ее учеником. Покаюсь. То, что я почерпнул от усилий Норы Яковлевны, может, и не совсем соответствует тому, чем она нас стремилась одарить. Вот, на мой взгляд, главный урок Галь:

Когда у тебя хороший вкус, теория перевода тебе не нужна, если... если она не способствует воспитанию хорошего вкуса.

Теория объясняет, как достичь безупречности, а перевод, по определению, безупречным быть не может. В недостижимом идеале в переводе должны быть две безупречности: на языке оригинала и на языке перевода. И чем безупречнее оригинал, тем недостижимей безупречность его изложения в другой языковой стихии, поэтому умение приближаться к смыслу текста через отделение от его буквального перевода становится актом искусства. А у искусства одной истины быть не может, оно всегда противоречиво и многомерно.

В честь Норы Галь названа не только планетка. Мой сын Дмитрий Кузьмин назвал в честь нее свою дочку, мою внучку, ЭЛЕОНОРОЙ. Не знаю, как сложится судьба новой Элеоноры, но она полюбила книгу уже с пеленок и в три года уже познакомилась с Маленьким принцем. Продолжение следует.

Эдварда Кузьмина

Литературно-художественное издание

НОРА ГАЛЬ. МАМА МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА

Составление, примечания, предисловие,
введения к разделам Э.Б. Кузьминой

Заведующая редакцией *Юлия Данник*
Руководитель направления *Татьяна Чурсина*
Ответственный редактор *Евгений Таран*
Художественное оформление *Григорий Калугин*
Компьютерная верстка *Вера Брызгалова, Андрей Кирилин*
Корректор *Николай Хотинский*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008)
58.11.1 — книги, брошюры печатные

Подписано в печать 22.07.2019. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 32.
Тираж 1500 экз. Заказ № 7568.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс,
705-бөлме, I жай, 7-қабат.

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92; Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей

«**М**амой Маленького принца» назвал Нору Галь прекрасный актер Евгений Леонов. Перевод мудрой и трогательной сказки Антуана де Сент-Экзюпери стал ее самой известной и любимой работой, настоящей «визитной карточкой». Но, кроме этого, Нора Галь открыла для читателей Советского Союза произведения многих франко- и англоязычных авторов – от Пристли и Камю до Брэдбери и Маккалоу. Эти переводы и сегодня не теряют своей актуальности.

В книге помещены письма читателей со всей страны, статьи, воспоминания коллег и друзей – они помогают нам проникнуть в творческое наследие Норы Галь и оценить ее человеческие качества. Впервые собранные в одной книге, эти свидетельства рисуют живой облик замечательной переводчицы.

*Неизвестный архив
Норы Галь*

Нора Мама Галь Маленького принца

книги для любого настроения здесь

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

www.ast.ru | www.book24.ru

vk.com/izdatelstvoast
instagram.com/izdatelstvoast
facebook.com/izdatelstvoast
ok.ru/izdatelstvoast

ISBN 978-5-17-109757-8

